

А. Б. Пеньковский

ОЧЕРКИ
ПО РУССКОЙ
СЕМАНТИКЕ

STUDIA PHILOLOGICA

S T U D I A P H I L O L O G I C A

А. Б. Пеньковский

ОЧЕРКИ
ПО РУССКОЙ
СЕМАНТИКЕ

© Языки славянской культуры. Электронная версия книги. 2007

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2004

ББК 81.031
П 25

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 02-04-16116

Пеньковский А. Б.

П 25   Очерки по русской семантике – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 464 с. – (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 5-94457-166-7

В книге известного лингвиста и культуролога проф. А. Б. Пеньковского собраны его работы по русской семантике, представляющие несколько циклов устойчивых исследовательских интересов автора: среди них обще-категориальная семантика и семантика концептов, семантика наречий и семантика собственных имен, фонетическая семантика и семантика орфографии. Читатель встретит здесь не только работы, опубликованные ранее (при подготовке к переизданию они все были заново отредактированы и дополнены новым материалом), но и работы последних лет, еще не видевшие света.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся живой жизнью языка.

ББК 81.031

*В оформлении переплета использован фрагмент картины В. Кандинского
«Черный аккомпанемент» (1926)*

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavica@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-94457-166-7

© А. Б. Пеньковский, 2004

© Ю. С. Саевич. Оформление серии, 2004

Памяти моих учителей —

Рубена Ивановича Аванесова,
Петра Саввича Кузнецова,
Александра Александровича Реформатского,
Владимира Николаевича Сидорова,
Абрама Борисовича Шапиро.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 9

Часть I

ЛЕКСИЧЕСКАЯ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

О семантической категории «чуждости» в русском языке	13
Тезисы о тимиологии и тимиологических оценках	50
<i>Радость</i> и <i>удовольствие</i> в представлении русского языка	61
Лексикографические пометы терминов субъективной оценки ...	73
Заметки о категории одушевленности в русских говорах	84
О лексико-синтаксической структуре блоков полного усиленного отрицания в современном русском языке	101
К изучению степеней качества в русском языке	121
К изучению степеней качества прилагательных, наречий и предикативов	132
Очерки по семантике русских наречий: <i>впервые</i>	155
Очерки по семантике русских наречий: <i>второю</i>	165
Очерки по семантике русских наречий: Из наблюдений над становлением лексико-семантических норм в синонимическом ряду наречий «тайного» действия	184
Очерки по семантике русских наречий: <i>бережно</i> , <i>осторожно</i> и др. (от Пушкина до наших дней)	204
Глагольное действие sub specie adverbiorum: 1. <i>Охотно, с удовольствием, с радостью</i>	239
Глагольное действие sub specie adverbiorum: 2. Ответные действия и языковые ответы	274

Русские наречия: функции — семантика — позиции — акцентное выделение	280
Сдвиг норм наречного словоупотребления в ближней диахронии как исследовательская база для изучения грамматической и коннотативной семантики русского слова	284
<i>Себе на уме</i>	293

Часть II

СЕМАНТИКА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Русские личные именованя, построенные по двухкомпонентной модели «имя + отчество»	311
Именованя, построенные по модели «имя + отчество» в русской художественной речи	366
Русские персонифицирующие именованя как региональное явление языка восточнославянского фольклора	370
Полежаев — Сопиков — Храповицкий	395
Тимофеевич или Никифорович?	407

Часть III

РАЗНОЕ

Россия — Ро(а)с(с)ея	417
Слоговая сегментация речи в функционально-семантическом аспекте	429
«Я знаю Русь, и Русь меня знает»	449

ОТ АВТОРА

Выходящая в год моего 75-летия, эта книга — своего рода подведение итогов и мой отчет лингвистическому сообществу, благожелательное внимание которого к моим работам на протяжении всей моей жизни в науке было для меня всегда вдохновляющим стимулом, «поддержкой и опорой».

Читатель встретит здесь как опубликованные ранее в различных сборниках и затерявшиеся на журнальных страницах (и потому трудно доступные сегодня) мои семантические исследования 1970 — 1990-х гг. (при подготовке к этому изданию все они были заново отредактированы, а некоторые значительно расширены и дополнены новыми материалами), так и работы последних лет, еще не видевшие света.

Впервые собранные под одной крышей, они — при всем разнообразии их тем и сюжетов и различии в масштабах разрешаемых в них проблем и вопросов — образуют, как мне представляется, некое целостное единство. Это работы диалектолога, привыкшего иметь дело с броуновым движением бесчисленного множества языковых порождений в бурлящем котле повседневной речевой деятельности, но диалектолога, прошедшего школу истории языка и понявшего, что живое движение языка — это не только величайшая загадка и тайна, но и путь к отгадке и открытию многих его загадок и тайн. Подлинный герой этой книги — динамическая синхрония, методы и приемы исследования и поле приложения которой нуждаются в дальнейшем развитии и совершенствовании, обещающем нашей науке новые значительные и нетривиальные результаты. В этом выводе меня укрепляет и изучение языка пушкинской эпохи, с которым связаны все мои исследовательские интересы в последние годы и прежде всего работа над общим дифференциальным словарем этого языка и частными словарями его скрытых семантических категорий. Отражения ее читатели найдут на многих страницах моей книги.

Приношу искреннюю благодарность всем друзьям и коллегам, с которыми я обсуждал ее состав, но прежде всего — ее подлинному инициатору, большому ученому и прекрасному человеку, человеку несправедливо трудной и горькой судьбы, автору поразительного «Опыта герменевтики по-русски» (Языки славянской культуры. М., 2001) Вардану Айрапетяну, имя которого называю здесь с величайшим уважением и любовью.

*Владимир
25 января 2003 г.*

Часть I
ЛЕКСИЧЕСКАЯ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ
СЕМАНТИКА

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ «ЧУЖДОСТИ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

...отвергайте название, но признайте существование!

П. А. Вяземский

... На обязанности исследователя-языковеда лежит не только вскрыть данное значение на каком-нибудь одном факте, но и найти все факты языка, обнаруживающие его, как бы они ни были разнообразны...

А. М. Пешковский

Известно, что одним из фундаментальных семиотических принципов с глубокой древности является членение универсума на два мира — «свой» и «чужой», противопоставление которых имеет множественную интерпретацию и реализуется в оппозициях типа «мы — они», «этот — тот», «здесь — там», «близкое — далекое» и мн. др. под. Типичной является также интерпретация основного (базового) противопоставления в аксиологическом, ценностном плане — в виде оппозиции «хороший — плохой», — с резко отрицательной оценкой всего того, что принадлежит «чужому» миру [Лотман 1969, 465 и сл.].

Учитывая, что указанный выше принцип получает широкое и многостороннее отражение в мифологии, в ритуалах и обрядах, в народном искусстве, фольклоре и литературе у разных народов [Eliade 1970], в том числе и у славян [Иванов, Топоров 1965, 156—165 и сл.] и, в частности, у русских — например, в художественном мире русского былевого эпоса и волшебной сказки [Пеньковский

1986, 127 и сл.], можно было бы выдвинуть — в виде осторожного предположения — гипотезу об отражении рассматриваемого семиотического принципа также и в языке — в его системе, категориях и механизмах, — и, исходя из этого, предпринять поиски его языковых коррелятов. Таким образом, на обсуждение предлагается гипотеза о существовании семантической категории «чуждости» («отчуждения»? «алиенации»?), которая, в силу сказанного, должна сопрягаться с категорией отрицательной оценки («чужое — плохое») и иметь специальные средства языкового выражения (хотя бы в виде отдельных, не связанных друг с другом звеньев).

Как представляется, это предположение может быть обосновано и подтверждено разнообразными и достаточно доказательными фактическими данными.

* * *

В этой связи должна быть прежде всего отмечена общая для всех славянских языков специфика семантической структуры производных, образующих лексические гнезда с корнем *чуж-* / *чужд-*, которые, как бы повторяя первоначальный этимологический сдвиг (из гот. *hiuda* ‘народ’ → ‘чужой’ в соответствии с [Фасмер 1973 : 379]), представляют комплекс взаимосвязанных значений: ‘чужой’ → ‘чуждый’ → ‘враждебный’ → ‘плохой’. Ср., например: др.-рус. *чужий* (*щужий*) ‘чужой’, ‘чуждый’, ‘злодей’, ‘нечестивец’, ‘отвратительный»; *чужати* ‘отвергать’, *чужатися* ‘свирепствовать’ и др. под. [Срезневский 1903 : III, 1550 сл.], старорус. *чуждаться* ‘гнушаться, брезговать’. Ср. в стилизующем отражении: «— Я проводил господина за город. Тут он простился со мною и не *почуждался* обнять меня...» (И. Лажечников. Басурман).

На этой основе могут быть правильно поняты такие выстраивающиеся в единый ряд, устойчивые (фразеологизованные) словесно-понятийные комплексы, как *чужие земли* (*чужая земля*) и *чужие страны* (*чужая страна*) др.-русских памятников («Да не будет же вамъ николи же словеси... *о чюжихъ земляхъ*» — Сборник 1296 г.; «Избежавъше же ему *въ страны чюжи*, и тамо животь свои сконца» — Чтение о житии и погублении... Бориса и Глеба. [Срезневский 1903 : III, 1550] и русских народных сказок («...начали отпралятьца *в чужи земли*... Ну, поплыли оне, приплыли *в чужи земли*...» — Верхнеленские сказки. Иркутск, 1938. С. 64), *чужая*

дальная (чужедальная) сторонushка русских народных плачей и народных песен и — что особенно показательно и важно — *чужие краи (чужие края)* ‘заграница’ в русском литературном языке вплоть до конца третьей четверти XIX в. Ср.: «В небольшом моем вояже я был как будто дальний путешественник... Да, правду тебе сказать, я и действительно был в *чужих краях*. Ибо не успел отъехать 27 верст от Питера, как въехал внутрь Чухны, которая меня, а я ее не понимал...» (Е. Болховитинов — В. Македонцу, 20 марта 1801); «Для *чужих краев* лучше звание юнкера» (К. Батюшков — А. И. Тургеневу, 1818); «Жерве уволен с позволением ехать в *чужие краи*» (А. И. Тургенев — И. И. Дмитриеву, 6 мая 1819); «Петербург душен для поэта. Я жажду *краев чужих*; авось полуденный воздух оживит мою душу...» (А. С. Пушкин — П. А. Вяземскому, 21 апреля 1820); «Прочие книги я еще не посылал, не уверен будучи, точно ли вы еще долго останетесь в *чужих краях*» (П. А. Плетнев — В. А. Жуковскому, 17 февр. 1833); «Через год Чаадаев поехал в *чужие краи*...» (Д. Свербеев. Воспоминания, 1858); «В течении 22 лет пребывания в *чужих краях* он только четыре раза побывал в России» (И. С. Аксаков. Ф. И. Тютчев, III. — М., 1874) и т. п.

В этом материале (а он может быть неограниченно умножен) обращает на себя внимание последовательно проведенное использование форм множественного числа *чужие краи, в чужие краи* (в большинстве случаев с архаической флексией *-и!*), *в чужих краях, из чужих краев* (не *чужой край!*) даже там, где речь заведомо идет об одной конкретной стране (ср. в «Мемориале» И. С. Тургенева 1852—1853 гг., в записи под 1845 г.: «Отъезд в *чужие краи*. Куртавнель» или еще: «Нам очень не нравился его отъезд в *чужие краи*, в Италию» — С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем) в столь же последовательном противопоставлении формам единственного числа сочетания *свой (наш) край* (не *свои краи!*).

Понятно, что в эпоху, когда в русском обществе достаточно прочно утвердилась новая — исторически связанная с Петровскими реформами — система культурных ценностей (ср.: «*Краев чужих* неопытный любитель И *своего* всегдашний обвинитель, Я говорил: в отечестве моем Где верный ум, где гений мы найдем?» — А. С. Пушкин. «Краев чужих неопытный любитель...», 1817)¹, обусуждаемая традиционная пара, в которой лексико-семантическая оппозиция «чужое — свое»², усиленная оппозицией по числу

(*краи — край*), навязывала говорящим традиционную аксиологию, и, став анахронизмом ³, должна была уступить место иным средствам номинации, первоначально свободным от экспрессивно-оценочных компонентов значения. Таковы, например, для первого члена пары *заграница, за границу, из-за границы, за границей* ⁴, вытеснившие сочетание *чужие краи*, которое в современном литературном языке вообще не употребляется ⁵.

* * *

Указанное выше противопоставление по числу (*чужие краи — свой край*) заслуживает особого внимания, так как представляет собой явление, хотя и известное в литературе, но недостаточно изученное и требующее более глубокой интерпретации. Исходя из того, что первый член этой пары свободно использовался в значении реальной единичности, сопряженном изначально с отрицательной оценкой, соответствующие случаи можно было бы рассматривать в ряду таких словоупотреблений во множественном числе, как: *Я университетов не кончал*; *Я верчусь как проклятая, а ты по театрам ходишь*; *Муж работает, а она по заграницам разъезжает*; *Мне, говорит, отдых нужен. Мы работали всю жизнь, не отдыхали, а теперь вот отдыхи* какие-то придумали, и др. под.

Приводя подобные факты, исследователи отмечают их принадлежность разговорной речи [Розенталь 1976: 218; Красильникова 1983: 111], их связь с категорией неопределенности [Ревзин 1969], их экспрессивность, которая понимается как «экспрессивное обозначение единичности» [Лекант 1982: 181], как выражение неодобрения и шутки [Исаченко 1954: 123], фамильярности и иронии (ср. характеристику форм мн. ч. существительного *заграница* в [Уш.: I, 918] и т. п. и квалифицируют их как множественное «гиперболическое» [Арбатский 1972]. Под эту категорию подводятся также формы множественного числа собственных имен (обычно — географических названий) в шуточных или неодобрительных выражениях типа *скитаться по всяким Парижам, разъезжать по Европам* [Исаченко 1954].

Однако едва ли справедливо видеть в гиперболизации (представлении единичного как множества) основное содержание грамматической семантики форм множественного числа в такого рода контекстах и выдвигать ее терминологически на передний план.

Функционально-семантическим центром таких форм, как это будет показано в дальнейшем изложении, следует считать генерализующее обобщение, генерализацию, которая становится основой для пейоративного отчуждения. Сущность последнего состоит в том, что говорящий, отрицательно оценивая тот или иной объект, доводит эту отрицательную оценку до предела тем, что исключает объект из своего культурного и / или ценностного мира и, следовательно, отчуждает его, характеризуя его как элемент другой, чуждой ему и враждебной ему (объективно или субъективно — в силу собственной враждебности) культуры, другого — чуждого — мира.

Объяснение внутреннего механизма этой операции и особенностей ее языкового отражения и выражения следует искать прежде всего в специфике структуры образов «своего» и «чужого» мира, в которых они — эти два мира — представляются мифологическому и мифологизирующему сознанию от древности до наших дней.

* * *

«Свой» мир (в максимально сжатой и по необходимости схематической характеристике) — это мир уникальных, индивидуальных, определенных в своей конкретности и известных в своей определенности для субъекта сознания и речи дискретных объектов, называемых собственными именами. «Свой» мир — это мир собственных имен. В нем и нарицательные имена ведут себя как собственные. «Свой» мир — это мир форм единственного числа со значением единичности. Формы множественного числа — там, где они необходимы, — используются в значении неоднородного множества.

«Чужой» мир (в противопоставлении «своему») — это мир этнически и / или хтонически (субстанционально), социально или культурно (и прежде всего — религиозно и идеологически) чуждый и враждебный. Это *иностранное царство, не-наша земля, неверия неверная, поганая* русского былевого эпоса, *земля неизвестная* «Слова о полку Игореве», *чужие края и поганая нехристь* русских славянофилов. Ср. еще «— ...Был наш один изборьский в полону в *неверных землях*, и явилась тому полоннику матушка богородица...» (П. И. Якушкин. Путевые письма, 2 авг. 1859). Ср. также в письме Н. М. Языкова к Гоголю [1841] поздравление с возвращением из «*нехристи немецкой*». К этому же рей-

гановский образ *империи зла* как представление социалистического мира.

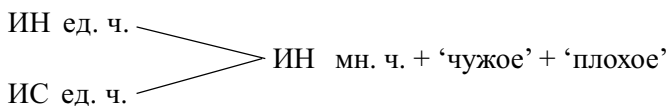
«Чужой» мир — мир неподвижный, статичный и плоский. Это мир, в котором нет дискретных объектов, и потому он воспринимается нерасчлененно — как речь на чужом языке. Ср.: «А приехали мурзы-улановья, *Телячьим языком* рассказывают...» (Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М., 1938. С. 99). Во мраке, окутывающем этот мир, не различаются ни частные детали, ни отдельные лица. Чужие предметы и предметно воспринимаемые живые существа образуют единую в своей кишашей слитности враждебную массу, состоящую из кажущихся абсолютно тождественными единиц, носителей одного имени. Индивид поэтому оказывается здесь представителем однородного ряда, из которого он актуально выделяется только в силу занимаемого им положения — правителя, предводителя войска, духовного руководителя и т. п. Взятый в синхронии, этот ряд выступает как толпа. Взятый в диахронии, он представляет генеалогическую линию как родовую бесконечность, подобную родовой бесконечности насекомых и диких животных. И так же, как в сказке уничтоженное в богатырской битве вражеское войско наутро воскресает из мертвых, чтобы начать новое сражение, так в русской былине Батыга-отец сменяет Батыгу-деда, чтобы в свой черед уступить место Батыге-сыну. Все они Батыги и все — Батыги Батыговичи: «А й наеде *Батыга Батыгович* со сыном своим со *Батыгушкою*...» (Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом. М., 1949. Т. I. № 18).

Здесь есть смена, но нет развития. Движение идет по замкнутому кругу и потому иллюзорно. Вновь и вновь оно повторяет то, что уже было: тождество имен свидетельствует о полном тождестве их носителей. Это значит, что сын Батыги получает имя *Батыга* не как династическое имя (ср. традицию династического именованья у европейских монархов) и не в честь отца или деда, а потому, что такова его природная сущность: подобно тому как меч есть меч из множества и класса мечей, как щит есть не что иное, как щит — из множества и класса щитов, а *Ворон Воронович* русских сказок — в о р о н, так и Батыга не просто называется *Батыга*, но он и есть б а т ы г а — из генеалогической линии и синхронного ряда — толпы бесчисленных б а т ы г. Таким образом, «чужой» мир — это мир форм множественного числа со зна-

чением однородного множества и мир нарицательных имен, в котором и собственные имена функционируют как нарицательные [Пеньковский 1989].

* * *

Понятно поэтому, что перевод существительных из ед. ч. во мн. ч. с одновременным преобразованием имен собственных (ИС) в нарицательные (ИН) может использоваться как знак принадлежности их денотатов «чуждому» миру и тем самым как средство подчеркнутого выражения их резко отрицательной оценки:

При этом так же, как для ИН ед. → ИН мн. мы различаем, например, *театр* '...' + 'свое' → *театры*₁ 'неоднородное множество театров' и *театр* '...' + 'чужое' → *театры*₂ 'однородное множество театров' + 'чужое' + 'плохое', что нужно читать как 'театр — это плохо', а не как 'плохие театры', так и для параллельного ИС ед. → ИН мн. необходимо различать хорошо известные и многократно обсуждавшиеся в литературе случаи типа *Ньютоны* 'великие физики', т. е. «неоднородное множество физиков, объединенных общим признаком 'подобные Ньютону' (по их вкладу в науку или по способности сделать такой вклад)» и случаи типа *Батыга* 'былинный персонаж, предводитель татарской рати' → *батыги* 'татарские воины, возглавляемые Батыгой'.

Следует специально подчеркнуть, что в случаях типа *Ньютоны* 'великие физики' мы имеем дело с единицами, которые занимают промежуточное положение между ИС и ИН — с разной степенью близости к ИН и с разной степенью связи с исходными ИС (в зависимости от степени однородности — неоднородности обозначаемых ими множеств и от уровня осознания этих признаков носителями языка, а также в зависимости от тех или иных особенностей контекста), но почти никогда не порывают окончательно с ИС, не переходят окончательно в ИН. Поэтому они объединяются с другими семантическими вариантами подобных имен в формах мн. ч., которые несут значение неоднородных множеств, состоящих из единиц, различающихся полом и возрастом (ср.: *Ньютоны*₁

‘неоднородное множество лиц, объединенных принадлежностью к семье Ньютона’), временем и местом существования (*Ньютоны*₂ ‘неоднородное множество лиц, объединенных общностью происхождения, т. е. принадлежащих к роду Ньютонов’) или еще *Ньютоны*₃ ‘неоднородное множество лиц, носящих фамилию Ньютон’. Значение неоднородного множества в случаях типа *Ньютоны*₄ ‘великие физики’ свидетельствуется обычным употреблением подобных ИС / ИН с определителями временной (*новые Ньютоны, Ньютоны наших дней*) и этно-национальной (*собственные Ньютоны, российские Ньютоны*) и т. п. семантики. Все эти семантические варианты объединены также тем, что форма мн. ч. не вносит в них оценочного компонента значения. Положительная оценка, которую обычно отмечают в случае *Ньютоны*₄, не связана с формой мн. ч. (ср. *квислинги* и *петэны* — с отрицательной оценкой), но принадлежит к сфере коннотации исходных ИС.

В соотношениях типа *Батыга* → *батыги* наблюдается полный переход ИС → ИН с резким усилением уровня отрицательной экспрессии, сопровождающим значение однородного множества в «чужом» мире.

Резко экспрессивные пейоративно-отчуждающие формы мн. ч., обнаруживающие указанный тип семантического развития, до сих пор не привлекали к себе внимания исследователей и остаются неизвестными науке. Между тем они чрезвычайно интересны и важны, поскольку свидетельствуемые ими отношения семантического перехода и регулярной многозначности обнаженно демонстрируют специфический механизм логики восприятия и оценки всего того, что принадлежит «чужому» миру.

Лютер (Мартин Лютер, 1483—1546, — основатель и глава немецкого протестантизма, лютеранства) → старорус. *Лютор* → *люторы* ‘те, кто исповедует «богомерзкую люторскую ересь», лютеране’ → ‘все иноземцы — неправославные христиане’. Ср.: «В нижней части стены (на фресках середины XVII в. в Успенском соборе Княгинина монастыря во Владимире. — А. П.) помещены сцены ада и рая. Огромный чешуйчатый змей извивается в правой половине картины, опутывая своими петлями толпу осужденных на вечную муку грешников. Среди них выделяется группа иноземцев в западноевропейских и восточных костюмах; это ... иноверцы —

“треклятые люторы” и агаряне...» (Н. Н. Воронин. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской. М.: Искусство, 1967. С. 101). Ср. также староукр. *лютори* ‘лютеране’: «*Лютори й кальвини, дознаючи собі напасти од католиків, наших підпирали...*» (П. И. Кулиш. Хмельницина. Историчні оповідання. СПб., 1861), где заслуживает внимания также словоформа *кальвини* ‘кальвинисты’.

Магомет (из Мухаммед — основатель ислама) → стар. протор. *Махамет* → *махаметы* ‘магометане’, откуда затем бранное грубо уничижительное употребление без четко определенного значения. Ср.: «— Что же вы это делаете, аспиды вы, идола вы, *махаметы* проклятые!..» (А. И. Левитов. На дороге).

Мазепа (Мазепа Иван Степанович, 1644—1709, — гетман Левобережной Украины, во время Северной войны 1700—1721 гг. изменивший Петру I и в октябре 1708 г. перешедший на сторону Карла XII) → *мазепы*: пренебрежительное прозвище, которым жители старообрядческих сел Западной Брянщины называют коренное население окружающих деревень (на территории б. Стародубского полка) и население соседней Северной Черниговщины, входивших в состав старой гетманской Малороссии [Пеньковский 1967].

Бонапарт → *бонапарты* ‘солдаты наполеоновской армии’. Ср.: «Вдруг взошла заря багряна. Вся Европа застенала. Объявлена война. *Бонапарты* — люты звери Отворили адски двери Пожрать священный чин...» (см.: К. Ф. Надеждин. Семинарист в своих стихотворениях. — Труды Владимирской ученой архивной комиссии. — Владимир, 1908. Кн. X. С. 27).

Наполеон → *наполеоны* (*напольоны*) ‘солдаты наполеоновской армии’. Ср. в стилизации: «Вдруг услышала — по дороге кони скачут прямо к нам в ворота. Офицер ихний и два драгуна. А барин... задрожали, достали из-под полы пистолет и стрельнули в офицера... И этот хам французский с коня-то и повалился. Я сильно так закричала, а драгун саблей дяденьку ударили, опосля офицера снова к седлу привязали и поскакали. Я Кузьме закричала, мол, что ж ты, Кузьма, али ты не солдат?.. Да *напольенов* уж и след простыл...» (Б. Окуджава. Свидание с Бонапартом — из письма горничной Ариши); «А вскоре воротились лазутчики и сообщили, что Москва оставлена и *наполеоны* уходят в обратном направлении» (там же).

Колчак (Колчак Александр Васильевич, 1874—1920, — адмирал, один из руководителей российской контрреволюции, главноко-

ман্দующий белогвардейскими вооруженными силами) → *колчаки* ‘колчаковцы, солдаты армии Колчака’. Ср. в отражении: «— Жаль, тебя в восемнадцатом году пороли мало. Зачем тогда хлеб и мясо *колчакам* отдал?» (В. Поволяев. Шурик); «— Вы *колчаки*, што ли, солдатики? — *Колчаки*, — говорят ребята...» (Д. Фурманов. Чапаев. X).

Ср. также: *Антихрист* ‘по христианскому вероучению, главный и последний враг Христа, который явится перед концом мира и будет побежден Христом’; ‘главный бес’ → *антихристы* ‘черти’ → бранное слово. Ср. также *Ирод* — *ироды* и др. под.

* * *

Специфика называемых такими именами (ср. еще *гитлеры* как прозвище немецко-фашистских солдат в годы Великой Отечественной войны) однородных множеств, принадлежащих «чужому» миру и воплощающих «чужой» мир («чужие» миры), заключается в исключительно (предельно!) высоком уровне их однородности⁶.

При этом существенно важно, что эту предельную однородность субъект познания, принадлежащий другому («своему») миру, устанавливает не путем постижения объективного тождества составляющих такие множества единиц, но через операцию субъективного — подсознательного или преднамеренного — отождествления таких единиц, с отвлечением от всех и всяческих различий между ними.

Если «свой» мир — это мир познанный и познаваемый, мир, открывающийся познающему «своему» через выделение из общего и единого отличительных признаков отдельных дискретных объектов, которые таким образом как раз и узнаются-познаются и тем самым «о-свой-иваются»-осваиваются, то «чужой» мир — это мир неведомый и незнаемый (*земля неизвестная*)⁷ — и более того: это мир, который и не следует знать. Отсюда в отношении к «чужому» миру принцип воинствующего невежества — «не знаю и знать не хочу» — с принятой наперед установкой на отказ от выделения отличительных признаков.

Если в «своем» мире все есть «отдельное» «свое», то в «чужом» мире есть только «общее» (отсюда польск. *obcy* ‘чужой’) и объединяющим признаком этого «общего чужого», в котором гибнут все индивидуальные признаки отдельных предметов и лиц, является их осознаваемая как враждебная «чужость» и вырастаю-

шая на этой почве их резко отрицательная оценка⁸. Таков свойственный обыденному (мифологизирующему) сознанию особый тип отчуждающего обобщения, который в терминах народной мудрости выражается поговорками типа «бур черт, сер черт — все один бес, серая собака, черная собака — все один пес»⁹. Ср. в стилизуемом отражении: «— Я-таки маракую толковать на их лад. — Где же ты выучился говорить по-голландски? — спросил Белозор, довольный, что будет иметь переводчика. — Ходил за рекрутами в Казанскую губернию, так промеж них наметался по-татарски. — И ты воображаешь, что тебя голландцы поймут, когда ты станешь им болтать по-татарски? — Как не понять, ваше благородие, ведь все одна нехристь!» (А. Бестужев-Марлинский. Лейтенант Белозор. II).

Абстрагирующая сила этого типа сознания настолько велика, что оно в своем восприятии и оценке элементов «чужого» мира свободно снимает любые их различительные признаки и, преодолевая время и пространство, не останавливается и перед такими фундаментальными различиями, как национально-языковые и территориально-этнические (ср., например, в русских былинах отождествления-объединения типа *«темна орда — проклята литва»*) и др. под. Ср. характеристику такого отчуждающего абстрагирования в статье Гегеля «Кто мыслит абстрактно?»:

«Кто мыслит абстрактно? — Необразованный человек, а вовсе не просвещенный... Ведут на казнь убийцу. Для толпы... он убийца — и только. Дамы, может статься, заметят, что он красивый, сильный, интересный мужчина. Но такое замечание возмутит толпу: как так? Убийца — красив? Можно ли думать столь дурно, можно ли называть убийцу красивым? Сами, небось, не лучше!.. Это и называется — “мыслить абстрактно”: видеть в убийце только одно абстрактное — что он убийца, — и названием этого одного-единственного качества уничтожать в нем все остальное, что составляет человеческое существо...» (Г. Гегель. Работы разных лет. М., 1970. Т. 1. С. 391—392).

* * *

Этот имеющий фундаментальное значение тип схематизирующего отчуждающего обобщения, характерный для мифологического и мифологизирующего сознания, принципиально отличается от абстрагирования на логической основе как одного из необходимых

этапов познания, предполагающего временное отвлечение от тех или иных индивидуальных признаков объекта анализа при учете всего богатства конкретной реальности и сохранении связей с ней. Отчуждающее же абстрагирование, напротив, вбирает в себя весь процесс познания в целом и представляет его последний и окончательный итог, который соединяет в себе признаки обвинительного заключения и не подлежащего обжалованию приговора... Представляя объект наблюдения, мысли и оценки как элемент «чужого обшего», отчуждающее абстрагирование не просто отвлекается от его индивидуальных отличительных признаков, но и скрыто или эксплицитно дискредитирует их.

Эта дискредитация получает в языке специализированное выражение при помощи местоименных слов со значением «обезразличивающего обобщения» и «обезразличивающей неопределенности» признака. Здесь следует иметь в виду две типичных ситуации.

А. Ситуация прямого предметного контакта, когда дискредитации подвергаются отличительные признаки определенного, известного, конкретного, непосредственно наблюдаемого объекта. Языковыми средствами выражения отчуждающего обезразличивания в этой ситуации являются местоименные определители *всякий* и *какой-то*: — Почему ты не передала мне паспорт с этой девушкой? — Не могу же я доверять такой документ *всякой* (*какой-то*) девчонке; — Ну как она могла, как она могла!.. — Нужно тебе нервничать из-за *всякой* (*какой-то*) дуры! — Почему ты с ним так грубо разговаривала? — Буду я деликатничать со *всяким* (*каким-то*) хулиганом! и т. п.

Чтобы уяснить различие между высказываниями с *всякий* и *какой-то*, рассмотрим их отдельно и более подробно.

Конструкции с обобщающим определителем *всякий*

«— Как вам не совестно, милостивый государь, морозить меня битый час на улице? — кричит в ухо своему коллеге раздраженный Эмец. — Ах, батюшка, простите, это вы? — наконец отозвался исправник. — А ведь этот дурак все твердил мне: ваше высокоблагородие, вставайте, немец приехал! Так я ему и отвечал: стану ли я беспокоиться из-за *всякого проезжего немца!*...» (Записки графа М. Д. Бутурлина, 1853). То же в отражениях: «— Да успокой-

тесь вы, батюшка-барин; что ж вам убиваться из-за *всякого прощельги...*» (И. Ф. Горбунов. Старое житье); «— Чего это ты, братец, спустил этому скоту — Померанцеву?.. Струсил... Да я бы его на твоём месте... — Да ну его ко всем чертям! Стану я со *всяким дикарем* связываться...» (А. И. Левитов. Петербургский случай. П); «Повар, фыркнув, оцетинил черные усы и сказал вслед ему: Нанимаете *всякого беса*, абы дешевле...» (М. Горький. В людях); «— Ты бы хоть поздоровалась с ним. — Была охота кланяться *всякому ее хахалю!*» (Г. Авдиев. Дочки-матери) и др. под.

Во всех таких случаях обобщающе-признаковое местоимение *всякий*, являющееся знаком полного и исчерпывающего множества признаков, различия между которыми снимаются вхождением единиц — их носителей в объединяющую их тотальность, по прямому смыслу сочетаний *всякий проезжий немец, всякий дикарь, всякий прощельга, всякий бес, всякий хахаль* и т. п. приписывает все множество соответствующих признаков конкретным носителям и тем самым создает алогизм, который и ставит себе на службу семантика «чуждости»: «чужой» мир не может не быть алогичным.

Местоимение *всякий* в таких высказываниях получает неместоименное экспрессивно-оценочное значение ‘не стоящий внимания, плохой’, откуда далее возможное — субстантивированное — его употребление в случаях типа: «— Это вы утром компот выбирали? — Я. — Идиотизм какой. — Не хочу я принимать компот от *всякого*» (О. Куваев. Территория. 15); «— Чего ты в бутылку-то лезешь? Ну, ошибся человек, с кем не бывает. Молодая, неопытная. — Ну правильно! Она будет ошибаться, а я отвечай *за всякую!*» (Р. Петровская. Будни и праздники); «— Ну, знаете, если *всякий* будет требовать... — А я не *всякий!*...» (А. Дементьев. В командировке как дома); «— ...Знаете, это болезнь такая... Наш брат, холостяк, подвержен ей бывает в период от 30 до 35 лет, когда у него начинает сосать под ложечкой при виде всякой благообразной отроковицы. — Стало, я была для вас *всякая*, Крупинский?» (П. Бобрыкин. Труп. I); «Кассирша... злобно прошипела: — Лезет тут *всякий...*» (В. Ситников. На полустанке) и др. под. Ср. также аналогичное семантическое развитие у синонимического *каждый*: «Секретарша посмотрела на меня вопросительно и отчужденно. — Главный редактор здесь? — Здесь. Только он вас не примет. —

Почему? — Хм. Если *каждый* будет заходить прямо к главному редактору...» (В. Солоухин. Фотоэюд).

Вне субстантивированного употребления оценочное значение слова *всякий* не выдвигается на передний план, а лишь пульсирующе мерцает, просвечивая из-за основного, местоименно-обобщающего значения, которое, будучи отнесено к конкретному, единичному факту, заставляет осмыслять его как регулярное, повторяющееся событие, изменяя его модальность, переводя его из плана реального в план виртуального, т. е. осуществляет его генерализацию: *стану ли я беспокоиться для всякого немца*, осмысляется поэтому как 'я никогда не стану беспокоиться ни для какого немца'. Неслучайно, что во всех рассмотренных выше случаях высказывание, являющееся минимальным контекстом определителя *всякий*, прочитывается как формулировка некоего нравственно-поведенческого принципа подобно пословичным сентенциям типа *на всякий чих не наздравствуешься*, которые также употребляются всегда применительно к конкретному жизненному факту. Отсюда такие грамматические особенности высказываний со словом *всякий*, как преимущественное использование форм будущего несовершенного в их переносном эмоционально-экспрессивном значении (см. о них [Бондарко 1971 : 168—109]) и различных языковых средств выражения отрицательной модальности (нежелания, отрицательного долженствования и др.) через риторический вопрос (*стану ли я беспокоиться?*), разнообразные виды антифразиса (*была охота 'я не хочу', была нужда, нужно тебе 'не нужно'* и т. п.) и др.

Нетрудно убедиться, что генерализующее *всякий* выполняет ту же функцию пейоративного отчуждения, что и отмеченный выше перевод имен из ед. ч. во мн. ч. Ср.: «— А с вами я вообще не желаю разговаривать, — ответило кожаное пальто. — Еще *секретарши* будут мне указывать!..» (И. Метгер. Обида) = Еще *всякая секретарша* будет мне указывать!.. Ср. еще: «— Позвольте спросить, это чей дом-с? — сказал молодой человек. — А вам чей нужно? — отвечала девка. — А мне нужно... — И молодой человек произнес какую-то дикую фамилию, первую, какая ему пришла на ум. — Не знаю, — произнесла девка отрывисто и пошла прочь, ворча себе под нос: — *Мазурики!* ишь лукавый *их* носит!..» (А. Н. Плещеев. Дружеские советы); «Вошла вдова Мокеева, которая соблазняла Гурьяна на замужество, а Гурьян и не смотрит на

нее. — Чего нужно? — Ничего не нужно... — Повернулась Мокеева. Гурьян ругается: — *Черти*, шатаются каждый раз!..» (А. Неверов. Полька-мазурка. I).

Совершенно очевидно, что формы мн. ч. в подобных случаях (подчеркну, что это все та же охарактеризованная выше ситуация А) имеют действительно не гиперболическое, а генерализующее значение. Отсюда возможность выбора того или иного средства генерализации или их усилительное объединение: «— А вы бы не ходили да не выпрашивали. — Тебя не спросила. Не хватало мне еще *от сопляков* (ср.: *от тебя, сопляка; от всякого сопляка, от всяких сопляков*) советы выслушивать...» (В. Перовский. Два дня и еще один день); «— Мы жизнь на тебя положили, а ты что? *Со всякими проходимцами* готова связаться! — Он не проходимец. Он хороший!» (В. Портнова. А все-таки он хороший); «— Одна радость — Люська ко мне забежит посумерничать... — Я же просила тебя не упоминать при мне *всяких Люсек-Пусек*...» (М. Ганина. Услышь свой час)¹⁰. Ср. также использование форм мн. ч. субстантиватов *всякий, всякая*: «— Я же вам ясно, гражданин, сказала: начальника нет и сегодня не будет. Ходят тут *всякие*...» (Н. Гейко. Под откос); «— Вы бы, женщина, лучше за собой смотрели... Цепляются тут *всякие*...» (Е. Зверев. Судный день). Аналогичное семантическое развитие обнаруживает и синонимическое *разный* в формах мн. ч.: «Спяну полез однажды скандалить с Даниловым Георгий Николаевич из двадцать пятого дома. — Да я таких! — шумел он. — Лезут всюду *разные!* С бородами!..» (В. Орлов. Альтист Данилов)¹¹.

Следует отметить, что наряду с переводом имен из ед. ч. во мн. ч. в генерализующей функции используется также перевод из единичности в собирательность, а также обыгрывание возможностей совмещения этих двух значений: — Буду я деликатничать *со всяким хулиганом* (*со всякими хулиганами, со всяким хулиганьем*). Ср.: «— Вот смотри... Права навывадали кому-попало, *всякой ипане!* «Волга» у него! Мурло за баранкой! Бабу посадил, скотина, и ослеп!..» (А. Ткаченко. Четвертая скорость. 1)¹²; «Огромный будочник... выскочил из будки, повернул его к себе спиной и гаркнул: “*Всякая сволочь по ночам будет беспокоить!*..”» (В. Гиляровский. Москва и москвичи); «Извозчик поднял скандал. — *Всякая шантрапа* тоже бы ездила на извозчиках!..» (Д. Мамин-Сибиряк. Лю-

бовь. 3); «— Нет, вы только подумайте!.. *Всякая мразь* мне будет нравоучения читать!..» (И. Потапенко. На хуторе) и др.

Наконец, должно быть отмечено употребление генерализующего *всякий* с близкими к собирательным экспрессивно-оценочными именами типа *ерунда*, *чепуха*, *чушь* и т. п. Ср.: «— Немножко беспокоюсь, как будет с пропиской... — Не хочу переживать заранее *всякую ерунду*. Подумаешь, прописка...» (В. Панова. Сколько лет, сколько зим. 2); «— Дело у меня в Москве, понимаете? Срочное дело! У меня предприятие в простое! Только это никого не волнует!!! Волнует вот... *всякая хиромантия!* — Вы не выражайтесь! — Я не выражаюсь! Я научно определяю ту ерунду, которой вы занимаетесь...» (Г. Горин. Феномены); «Вызвав Светлану, приказал напечатать для Балатьева направление в поликлинику... — Я не нанималась сюда *всякую ересь* печатать...» (В. Попов. Тихая заводь); «— Я не хочу тебя слушать. Придумываешь *всякий вздор!*...» (В. Корнев. Соседи); «— *Чепуху всякую*, милочка, несешь, чепуху!» (И. Герасимов. В отпуске); «— Ты что? Совсем уже?.. *Чушь всякую* городишь!» (М. Есипов. Цирк) и др. под. (см. о них специально в работе [Пеньковский 1995 : 36—40]).

То же в случаях типа *говорить* (*рассказывать*, *обсуждать*, *выслушивать*) *всякую гадость* (*всякие гадости*), *всякую мерзость* (*всякие мерзости*) и т. п. Ср.: «— Газета наша левая, хотите — считайте ее большевистской... разуверить не могу, да и нет охоты опровергать *всякие пошлости...*» (А. Н. Толстой. Эмигранты. 33); «— А может быть все-таки уедем? — Опять ты с *всякими глупостями...*» (Н. Веригина. Развод) и др.

Отсюда — при глаголах речи, мысли, чувства и восприятия — субстантиват *всякие*, *-ого* с не отмеченным словарями значением концентрированного выражения отрицательной оценки содержания глагольного действия: *наговорить*, *наслушаться*, *насмотреться всякого*. Ср.: «Я *наслушался всякого*. Я старался не вникать в их выкрики, но насколько я мог уловить их общий смысл, речь шла о моем барстве, лени, лживости, зазнайстве, бесчувственности...» (А. Крон. Бессонница); «— Я, Олег Константинович, на фронте среди солдат жила, там-то *всякого наслушаешься*, но разве я когда себе позволю такие грубости, что от нее каждый день слышишь?..» (там же). Ср. также *всякое-разное*: «— Ну ладно шутить, на мою голову и так достает *всякого-разного!*» (В. Попов. Тихая заводь) и *вся-*

чинка, -и (со всячинкой): «— Конечно, мы в театрах не бывали, а все-таки, чай, со *всячинкой* там бывает...» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

Конструкции с определителем *какой-то*

Поскольку *какой-то* и *всякий*, как было сказано выше и как в этом легко непосредственно убедиться, свободно коммутируют, замещая друг друга во всех высказываниях, рассмотренных в связи с генерализацией типов, следует признать, что их объединяет общая пейоративно-отчуждающая, признаково-дискредитивная функция и общее — неместоименное — экспрессивно-оценочное значение, развивающееся по особым законам логики восприятия «чужого» мира.

Логической основой этого значения для местоимения *всякий* является, как мы видели, генерализация. Для местоимения *какой-то* такой основой является неопределенность. *Всякий* отрицательно оценивает и отчуждает, генерализуя конкретно-единичное, то есть представляя его как всеобщность, в которой гибнут, подвергаясь дискредитации, все множество и разнообразие отличительных признаков объекта. *Какой-то* отрицательно оценивает и отчуждает, представляя определенное неопределенным и тем самым дискредитируя его от- и различительные признаки. Ср.: Вот что узнает начальник геологоразведки об одном из геологов, интересуясь, честолюбив ли он: «Как *всякий* такой молодой специалист. Пожалуй, чуть больше. Медведь тут на базу пришел... Он на него с ножиком бросился». А вот что он говорит этому геологу, беседуя с ним: — Мне сказали, что у вас нет дисциплины. *Медведи... Какие-то глупые ножики!* (О. Куваев. Территория). Ср. еще: «— Посмотри, посмотри на свой пиджак. — На *какой* еще пиджак я должен смотреть, когда я сижу и ем совершенно сырые яйца... просил всмятку, всмятку я просил. Так нет же, и еще я должен озираться на *какие-то сюртуки*. Все походили с ума. Там режиссер требует: подай ему жизнь человеческого духа, видите ли... Здесь *пиджаки какие-то* должен высматривать...» (И. Смоктуновский. Время надежд).

Всякий, генерализуя, лишает объект индивидуально-отличительных признаков и представляет его неопределенным. *Какой-то*, лишая объект индивидуально-отличительных признаков, представля-

ет его элементом множества, т. е. генерализует. Различие между *всякий* и *какой-то* в контекстах, связанных с ситуацией А, определяется тем, какое место занимает генерализация в их семантической структуре: будучи основой пейоративно-отчуждающей функции определителя *всякий*, генерализация привязывает его к генерализующим контекстам (их признаки были охарактеризованы выше), тогда как *какой-то* функционирует вне этой жесткой связи.

Свободно замещая *всякий* в генерализующих контекстах, *какой-то* — в качестве немаркированного члена этой пары — выражает рассматриваемые значения и в контекстах без генерализации: Ср.: «— Я сам слышал, как эта старуха сказала, что вы мне не родные... — *Какая-то* взбесившаяся от злобы мещанка придумала заведомую ложь, а ты и поверил?..» (Ю. Воронов. Мальчики) — *Всякая взбесившаяся от злобы мещанка придумала заведомую ложь, а ты... — *Всякая* взбесившаяся от злобы мещанка придумает заведомую ложь, а ты будешь верить?! — Можно ли верить *всяким мещанкам!*..; «— Нет, ты можешь себе представить: прошла мимо, даже “здрасьте” не сказала! — Ну и что ты кипятишься? *Какая-то* девчонка с ним, видите ли, не поздоровалась, так он переживает!..» (В. Гращенко. Балаган) — *Всякая девчонка с ним не поздоровалась... — нужно тебе переживать *из-за всякой (какой-то) девчонки*...

Так же, как и рассмотренные выше *всякий*, *разный*, *каждый*, определитель *какой-то* имеет не отмеченные словарями субстантивированные употребления в пейоративно-отчуждающей функции: «— Ну, а что Зойка? — Что Зойка! Нашла себе *какого-то*... Ну и хмырь!..» (В. Игошин. Зойка); «— Меня, скажите, не спрашивали?.. — Спрашивали, спрашивали... Ходила тут *какая-то!*..» (А. Скобелев. Человек с портфелем); «Но когда она на другой день опять села на ту же скамейку, и оглянулась вглубь коридора, и опять старательно перебирала в мыслях, что ей нужно высказать убедительно, чтобы сбить с него самоуверенность, и он все не шел, — вместо него ковыляли *какие-то* на костылях, — вдруг ей стало ясно, что она ужасно взволнована этой встречей...» (А. Н. Толстой. Гадюка).

Функциональная важность, широта и частотность употребления представленного рассмотренным выше материалом круга местоименных определителей, обслуживающих семантику «чуждости», настолько очевидно велики, что не возникает сомнений в необходи-

мости его лексикографического отражения. Однако академические словари его вообще не замечают, а Уш. и Ож. подают непоследовательно и внутренне противоречиво.

Так, Уш., выделяя интересующее нас значение как самостоятельный лексико-семантический вариант в семантической структуре местоимения *всякий*: «3. Не заслуживающий уважения, плохой, разг. пренебр. Нельзя иметь дело со всякими проходимцами. То же в знач. сущ. *всякий*, *всякого*. Всякий тоже будет соваться. Ходят тут всякие...» [Уш. : I, 417], — в то же время отмечает его как коннотацию к первому, основному значению местоимения *какой-то* ‘неизвестно, неясно какой’: «то же с оттенком пренебрежения, разг. С каким-то шалопаем дружбу ведет...» [Уш. : I, 1289].

Ож. предлагает противоположное решение. Рассматриваемое значение выделяется как самостоятельный семантический вариант местоимения *какой-то*: «4. Не заслуживающий внимания, уважения, разг. неодобр. Стану я с какими-то девчонками советовать ся. Какой-то молокосос лезет всех учить» [Ож.: 241], но в то же время подается как коннотация к одному из значений местоимения *всякий*: «2. Разный всевозможный. Всякие книги. Хотят тут всякие, сущ. разг. неодобр.» [Ож. : 99] — почему-то только применительно к субстантивированному его употреблению.

Не вполне адекватной представляется также и формулировка этого значения: «не заслуживающий уважения» [Уш.], «не заслуживающий уважения, внимания» [Ож.]: она рационализирует и интеллектуализует то, что принадлежит в большей мере к области экспрессивно-чувственных переживаний, вступает в стилистическое противоречие с определяемыми и не соответствует предметным отнесениям определителей *всякий* и *какой-то* (*всякий*, *какой-то вздор*, *мусор*; *всякая*, *какая-то ерунда*, *чепуха*; *всякое*, *какое-то барахло* и т. п.). Более точным, как представляется, было бы определение «оцениваемый отрицательно, не стоящий внимания».

Это значение — ‘оцениваемый отрицательно (и поэтому) не стоящий внимания’ — нередко эксплицируется рядоположными пейоративами *несчастный*, *паршивый*, *жалкий* и др., которые усиливают и подчеркивают значение местоименных показателей «чуждости». Ср.: «— Ты, Танька, похоже ненормальная. Подумаешь, какая Раймонда Дьеп! Под колесо кидаясь! Из-за всякого не-

счастливого пса! А ведь этот тип и наехать мог, с такого станется!...» (Р. Григорьева. Последние переселенцы); «— Что ревешь-то, дурочка? Новую заведем. Нужно тебе слезы лить из-за всякой *паршивой* кошки...» (А. Слепцов. На птичьем рынке); «— Что ж теперь из-за какой-то *несчастной* бумажки, которая выеденного яйца не стоит, голову в петлю...» (А. Нечаев. Выстрел); «— И ты из-за *паршивой* какой-то бабенки против друга пойдешь?...» (К. Васильев. Поговорили) и т. п.

Словари, справедливо связывая эту пейоративную лексику с выражением пренебрежения и сопровождая ее соответствующими пометами (разг., разг.-фам., простор., грубо или бран. простор.), тем не менее пытаются затем дать словам этой группы понятийное или синонимическое истолкование. Ср., например, *паршивый* «плохой, дрянной, ничтожный, презренный» [Уш. : I, 843]; «дрянной, никуда не годный» [Ож., 452]; «ничтожный, скверный, отвратительный» [БАС : IX, 252]; «плохой, дрянной, скверный» [МАС : III, 28]. Все такие раскрытия случайны — отсюда и расхождения в них между разными словарями, — поскольку они пытаются логизировать то, что имеет экспрессивно-чувственную природу и что должно интерпретироваться лишь с точки зрения целей, сферы и условий употребления.

Именно так — и это как раз тот путь, по которому следует идти в подобных случаях, — описывается словарями экспрессивно-оценочный определитель *несчастный*: «Употребляется для выражения неприязненного, пренебрежительного или презрительного отношения к кому-, чему-н.» [Уш. : II, 556]; «Употребляется для выражения неодобрительного, пренебрежительного отношения к кому-, чему-либо (обычно со словами: *тот, этот, какой-нибудь* и т. п.)» [БАС : VII. 1207—1208]; «Употребляется обычно в сочетании с местоимением *этот* для выражения неприязненного, неодобрительного отношения к кому-, чему-н.» [Ож. : 376]; «(обычно в сочетании со словами *какой-то, этот*). Употребляется как определение для выражения презрительного, пренебрежительного отношения к кому-, чему-л.» [МАС : I, 484].

* * *

Вне генерализующих контекстов и соотношения с *всякий* следует выделить еще употребление *какой-то* в охарактеризованном

значении в контекстах, где это значение осложняется семантикой ограничения — ‘всего лишь’, ‘всего-навсего’, ‘всего только’ и т. п.

а) В условиях противопоставления: «Я прочел им мой роман в один присест... Старик сначала нахмурился. Он ожидал чего-то непостижимо высокого.., а вместо того вдруг такие будни и все такое известное. И добро бы большой или интересный человек был герой... а то выставлен *какой-то* маленький, забитый, даже глуповатый чиновник...» (Ф. М. Достоевский. Униженные и оскорбленные. VI); «...он меня обнял и даже облобызал... Правда, так он поступал со всеми выступающими, но то ведь были писатели, его друзья, а я *какой-то* студентешко...» (В. Солоухин. Фотоэюд); «...мое появление лишний раз напоминало ей о ее ошибке, о том, как низко она пала, выйдя замуж за Веньку, неотесанного парня с окраины. Благородное воспитание, ковры, фарфор — и вдруг *какой-то* безродный Венька...» (Л. Сапронов. Старожил). Ср.: *всего лишь* маленький, забитый чиновник; *всего навсего* студент; *всего только* безродный Венька. Ср.: «...он думал, что она вымещает на нем свою обиду за неудавшуюся судьбу — “*только* учительница”...» (С. Есин. Текущий день) = *какая-то* учительница; «— Кто она и кто он? Учительница, образованная, и он — *всего лишь* тракторист!..» (И. Акульшин. Дела семейные) = *какой-то* тракторист.

б) В качестве определителя к сочетаниям с количественным значением: осталось *каких-то* десять километров; нужно доплатить *каких-то* пять—шесть рублей; готов поднять скандал из-за *какого-то* литра молока; торговаться из-за *каких-то* десяти копеек и т. п. Ср.: «Манташев, в мрачной неврастении, кричал, что *какой-то* десяток миллионов франков его никак не устраивает...» (А. Н. Толстой. Эмигранты. 28).

Отмечая этот — очень широко распространенный — тип употребления *какой-то*, словари через отсылку к соответствующему значению местоимения *какой-нибудь* (ср.: «то же, что *какой-нибудь* во 2-м значении» [БАС : V, 697]) определяют его как «приблизительно, не больше» [Уш. : I, 1289]; «в количестве не больше, чем что-л.» [Ож.: 241], «приближающийся по количеству к чему-л.» [БАС : V, 696], «приближающийся к какому-л. количеству, не превышающий какое-л. количество» [МАС: II, 169].

Совершенно очевидно, что если первое из двух указываемых словарями взаимосвязанных значений — значение приблизитель-

ности — является контекстно обусловленной модификацией основного, базового значения неопределенности, то второе — ограничительное значение ‘не больше чего-н.’ — является производным от экспрессивно-оценочного значения ‘оцениваемый отрицательно (и поэтому) не стоящий внимания’, т. е. такой, которым можно и следует пренебречь, откуда затем ‘ничтожный’ и, в частности, ‘ничтожный в количественном отношении’. Однако ожидаемая помета «пренебр.» при рассматриваемом значении отсутствует, хотя в другом месте, иллюстрируя пренебр. *несчастный*, лексикографы приводят примеры с пренебрежительно-ограничительным значением местоимения *какой-то*. Ср.: «— И какие деньги, — *каких-то* несчастных сто тысяч. Мамин-Сибиряк, Хлеб» [БАС : VII, 1208; МАС : II, 484]. Ср. еще: «...Такая светлая головка — и в рабском положении. И за что? За *каких-то* презренных полтора ста рублей!..» (П. Боборыкин. Долго ли?); «— Но вам уже предоставили двухнедельный отпуск. — Тоже мне отпуск. За *каких-то* две недели здоровья не поправишь...» (П. Боровский. Счета и счеты) и др.

Во всех таких случаях местоимение *какой-то* по видимости свободно заменяется местоимением *какой-нибудь*, чем и объясняется их полное отождествление в словарях. Так же свободно как будто осуществляется и обратная замена. Ср.: «Раз шесть пришлось ему на *каких-нибудь* десяти верстах обливать разгоряченную ось» (И. С. Тургенев. Записки охотника); «...через *каких-нибудь* четверть часа домишки совсем не стало — торчали только какие-то гнилые столбики» (С. Залыгин. Тропы Алтая. 1); «— Какова сумма куртажа? — Тысяч сто *каких-нибудь*... Пустяки!..» (А. Н. Толстой. Эмигранты).

Тем не менее, при всей их близости, значения этих двух местоименных определителей в составе количественных оборотов не вполне тождественны. И различаются они тем, какое место в их семантике занимает ‘приблизительность’.

В семантической структуре оборотов с *какой-то*, поскольку это местоимение привязано к ситуации прямого предметного контакта и точного знания об объекте (см. выше), ‘приблизительность’, т. е. количественная неопределенность, есть лишь способ дискредитирующего представления определенности. Поэтому здесь актуализовано пренебрежительно-ограничительное значение. «*Каких-то* два часа» — это два часа, и не больше и не мень-

ше, но это так ничтожно — всего два часа, что кажется, что это просто ничто.

«*Каких-нибудь* два часа» — это часа два, т. е. время в некотором диапазоне между несколько меньше, чем два часа, и несколько больше, чем два часа (хотя и с тенденцией к сдвигу в сторону ‘меньше’; ср. аналогичное развитие семантики предлога *около* ‘приблизительно’), и это значит, что ‘приблизительность’ здесь есть неопределенность знания о количестве, которое поэтому и задается не числом, а диапазоном. Неопределенное местоимение *какой-нибудь* — с его этимологическим значением безразличного равенства ‘безразлично, какой-нибудь’ — обезразличивающе дискредитирует весь диапазон в целом, выделяя из него конкретное число только как его представителя. Поэтому актуализуется пренебрежительно-выделительное значение.

Какой-нибудь, таким образом, обладает обезразличивающей силой на порядок более высокой, чем *какой-то*, и, являясь немаркированным членом этого противопоставления, свободно замещает местоимение *какой-то*, тогда как обратная замена оказывается не вполне безупречной. Эта закономерность находит свое выражение и в частотном соотношении определителей *какой-то* и *какой-нибудь* в составе количественных оборотов — со значительным и безусловным преобладанием последнего. Отсюда мы естественно переходим к использованию *какой-нибудь* в ситуации Б.

Б. Ситуация мысленного контакта, когда — в виде догадки, предположения о возможном, размышления и т. д. — обезразличивающей дискредитации подвергаются отличительные признаки того или иного предмета мысли как объекта пейоративного отчуждения (при отсутствии точного и полного знания о нем):

«...А не сподличал ли Суров? Наплел *какую-нибудь* несусветицу из ревности?...» (В. Попов. Тихая заводь); «— Что ты плетешь *какую-то* несусветицу? — Я вот слышу: опять нового начальника прислали. Ну, думаю, снова *какой-нибудь* хрен моржовый и снова мне за него вкалывать» (В. Попов. Тихая заводь) = Приехал снова *какой-то* хрен моржовый, а я за него вкалываю; «— Ну, нет и нет писем. Женился, наверное, на *какой-нибудь* финтифлюшке и молчит...» (Г. Кремин. Лили дожди...) = Какая девушка тебя ждала, а ты на *какой-то* финтифлюшке женился.

То же в генерализованных ситуациях: «— *Какая-нибудь* соплюшка, а на ней кримплен *какой-нибудь*, *какой-нибудь* финский костюм шерстяной...» (А. Бологов. Свои дети) = *Какая-то* соплюшка, а на ней...; «— Вот для меня, как для всех, самое большое счастье — это жить на свете. А на меня вдруг в темном углу *какая-нибудь*, простите, сволочь с ножом...» (В. Тендряков. Расплата. II. 6); «*Какой-нибудь* жулик встретится тебе ночью, напугает, а то и ограбит» [Уш. : I, 1289] и т. п.

Во всех подобных случаях экспрессивно-оценочное значение определителя *какой-нибудь* согласуется с тем же значением определяемых предикативно-характеризующих имен *несусветица*, *хрен моржовый*, *финтифлюшка*, *соплюшка*, *сволочь*, *жулик*, усиливает и подчеркивает его. Поэтому особый интерес представляют те случаи, где *какой-нибудь* выступает при нейтральных именах, как в приведенном выше примере из А. Бологова — *кримплен*, *костюм какой-нибудь*. Ср. еще: «— А я прихожу домой — поздно вечером, — отпираю дверь ключом — ни души. Дворничиха чего-нибудь в холодильнике оставит, что ей заблагорассудится, *колбасы какой-нибудь*...» (В. Панова. Сколько лет, сколько зим. 1); «— Нечего есть было, паря, — голодом пухли... *Картошки какой-нибудь*, и той не было...» (В. Колыхалов. За увалом); «И что же дается на наших театрах? *Какие-нибудь* мелодрамы и *водевили!*...» (Н. В. Гоголь. Петербургские записки).

То же в сочетаниях с собственными именами: «Русская слава может льстить *какому-нибудь* Козлову, которому льстят и петербургские знакомства, а человек немного порядочный презирает и тех и других» (А. С. Пушкин); «...другой мосье, тоже усатый и похожий на первого, проворчал, что самое лучшее было бы собрать этих клошаров и выслать в *какую-нибудь* Гвиану, пусть бы они там передохли...» (А. Крон. Бессонница. XVII); «Он отверг ее любовь для *какой-нибудь* Акульки» (А. П. Чехов. Шведская спичка).

Этот последний пример — из Чехова — заслуживает особого внимания. БАС приводит его в качестве иллюстрации к производному от основного значения («тот или иной; безразлично, какой именно» [БАС : V, 696]), определяемому как «разг. неизвестно какой» (там же). В то же время МАС приводит его среди примеров, иллюстрирующих второе — обсуждавшееся выше — значение «2. Разг. Не стоящий внимания, незначительный, ничтожный»

[МАС : II, 19]. Оба словаря, таким образом, предлагают логикопонятийную интерпретацию того, что, например, Уш. определяет как экспрессивно-оценочную коннотацию к основным значениям местоимений *какой-нибудь* и *какой-то* («то же, с пренебрежительным оттенком» [Уш. : I, 1289]. В чем, однако, состоят различия между этими последними, остается нераскрытым. Между тем это очень важно.

Высказывание: «Он отверг ее любовь для *какой-то* Акульки» — может интерпретироваться трояким образом: 1. ‘Женщину, для которой он отверг ее любовь, зовут Акулька, но, кроме этого, я ничего о ней не знаю’; 2. ‘Я знаю эту Акульку, но считаю ее недостойной его любви’ и 3. ‘Женщину, для которой он отверг ее любовь, зовут Акулька, и я расцениваю это отрицательно, потому что считаю всех носительниц этого низкого и грубого имени низкими и не стоящими его любви’.

Высказывание: Он отверг ее любовь для *какой-нибудь* Акульки — имеет существенно иную интерпретацию: ‘Женщину, для которой он отверг ее любовь, зовут Акулька, и я расцениваю это отрицательно, так как считаю носительниц всех низких и грубых имен (таких, например, как *Акулька*) не стоящими его любви’.

Оба местоименных определителя имеют пейоративно-отчуждающую функцию, оба генерализуют, обезразличивая индивидуальные признаки элементов соответствующих множеств, но *какой-нибудь* устанавливает более широкий объем каждого такого множества и формирует их на более широкой признаковой основе. Так, в цитированном выше примере («...собрать всех этих клошаров и выслать в *какую-нибудь* Гвиану...») возможной прямой объективной интерпретации ‘выслать в одну из трех Гвиан — британскую, французскую или нидерландскую’ следует, учитывая общую экспрессию целого, предпочесть экспрессивно-оценочную интерпретацию: ‘выслать к черту на рога, в Америку, в одну из гибельных стран, например в Гвиану’; пушкинское: «...*какому-нибудь* Козлову...» должно прочитываться: ‘жалкие петербургские писаки вроде Козлова’ и т. п. Точно так же *кримплен какой-нибудь* — это не ‘один из видов (сортов) кримплена’, а ‘чужой, отвергаемый мною импортный материал типа кримплена’; *колбаса какая-нибудь* — не ‘один из сортов колбасы’, а ‘не удовлетворяющая нормальным запросам убогая снедь вроде колбасы’; *какие-нибудь мелодрамы*

и водевили — не ‘те или иные мелодрамы и водевили’, а ‘низкопробные и рассчитанные на нетребовательную публику постановки типа мелодрам и водевилей’ и т. п.

Во всех таких случаях пейоративно-отчуждающее значение генерализации комплексно совмещено с выделительно-«примерным» и сравнительным (‘наподобие’, ‘вроде’, ‘типа’) значением, которое в определенных условиях (например, в составе сравнительных конструкций) может выдвигаться на передний план. Ср.: «— Я к нему всей душой, но ведь он мимо меня, как мимо стенки какой-нибудь, проходит...» (С. Смирнов. В деревне); «...улыбается по-взрослому, тонко, значительно, высокомерно, как какой-нибудь граф Монте-Кристо» (В. Тендряков, Весенние перевертыши).

Это значение не фиксируется существующими словарями, хотя все они отмечают его у местоимения *какой-то*... Ср.: «3. Употребляется при примерном сопоставлении кого-, чего-л. по признакам, свойствам или примерном приравнивании кого-, чего-л. к кому-, чему-л. — По-вашему, Рудин — Тартюф какой-то. Тургенев. Рудин» [МАС : III, 19]. Тот же пример в [БАС] объясняется несколько иначе: «При выражении удивления по поводу сходства кого-, чего-л. с кем-, чем-л.» [БАС : V, 697].

Между тем это значение сравнения-сопоставления в сложном комплексе неопределенности, обезразличивающе-признаковой генерализации и пейоративного отчуждения свойственно и некоторым другим местоимениям с *-нибудь*: «...хозяин у автомобиля чистюля, у которого все блестит, все надраено, все на месте...: деньги в кошелек положены, а не в карман, как часто у мужчин бывает, шнурки вдеты в ботинки, а не валяются где-нибудь в галошнице...» (В. Поголяев. Место под солнцем); «— Не ходите, господа! Евграф разволнуется, напьется и заснет где-нибудь на диване...» (А. Крон. Бессонница); «Лисовский медленно повернул налево к парку Мон-Сури и сразу же увидел: посреди улицы валялась пушистая новая кепка, шагах в десяти — окровавленный платок, подалее — большая лужа крови. Лисовский ногтями стал драть подбородок. В Ростове где-нибудь — эка штука лужа крови, но здесь — ого!» (А. Н. Толстой. Эмигранты. 27) и т. п.

Едва ли можно сомневаться, что *где-нибудь в галошнице* надо понимать не как ‘в каком-нибудь месте в галошнице’, а как ‘в каком-нибудь совершенно неподходящем месте вроде галошницы’;

где-нибудь в Ростове — не ‘в каком-нибудь месте, пункте, районе (на какой-нибудь улице, площади, в каком-нибудь переулке) Ростова’, а ‘в каком-нибудь низкопробном городе, например в Ростове’ и т. п. Ср.: *где-нибудь* в калошнице и в *какой-нибудь* галошнице; *где-нибудь* в Ростове и в *каком-нибудь* Ростове. Ср. еще: «...другие, купив по дешевке *где-нибудь* в мансарде продажные ласки, расплачиваются потом за них жгучими сожалениями» (Б. Грифцов. Перевод: О. Бальзак. Шагреновая кожа) = в *какой-нибудь* мансарде; «— Зайдешь, говорит, *куда-нибудь* в ресторан — только и слышишь: “Дюжину устриц!..”» (Н. Успенский. Издалека и вблизи, VI) = в *какой-нибудь* ресторан; «Он хороший кучер и вообще малый трезвого поведения и доброго нрава, но имеет одну слабость: прихвастнуть... и все как бы в мою пользу. Вдруг, например, расскажет *где-нибудь* на станции, на которой нас обоих с ним очень хорошо знают, что я граф, генерал и что у меня тысяча душ...» (А. Ф. Писемский. Плотничья артель) = на *какой-нибудь* станции. Очевидно, что при полном семантическом тождестве с *какой-нибудь* определитель *где-нибудь* отличается только типом связи: это не описанный в синтаксической литературе особый тип согласования по синтаксической (обстоятельственной) функции.

То же пейоративно-отчуждающее значение, осложненное выделительно-примерной семантикой, ярко выступает в конструкциях противопоставления с отрицанием *не*. Ср.: «— Это ведь тебе *не что-нибудь*, *не* мотоцикл *какой-нибудь* паршивый, а ма-ши-на!..» (В. Ковельский. Через ветровое стекло); «— Стыд-то какой! Она ведь *не откуда-нибудь*, не из глухого угла сюда приехала, а из Москвы!..» (Н. Григорьев. В Париж!).

Во всех подобных случаях имеет место резкое противопоставление того, что выдвинуто в центр круга культуры и ценностного мира говорящего — субъекта сознания и оценки, помечено знаком + и служит точкой аксиологического и тимеологического (рангового) отсчета, всему тому, что центробежно сдвинуто па периферию и уравнено в общей обезразличивающей отрицательной и дискредитирующей оценке (см. об этом [Пеньковский 1995 : 36—40], то же в наст. изд., с. 50—54):

— Ведь *не кто-нибудь* я, а коллежский регистратор — вон какая птица, тебе и не выговорить!.. (Л. Андреев. У окна); И все эти

годы, покуда я тебя ждала, я же тебя ждала, а *не кого-нибудь!*.. (В. Распутин. Живи и помни).

— Впервые попал я в столь редкую ситуацию, когда один... сдает, другой принимает, и *не что-нибудь*, а живые души! Отдел кадров!.. (Правда, 22 окт. 1986); — Надо ж понимать, что ты *не с чем-нибудь* имеешь дело, а с человеческим телом... (И. Анисимов. В больнице).

— Он ведь *не куда-нибудь* убежал, а на фронт... (Е. Суворов. Совка); — Мы *не где-нибудь* живем, а в Сибири... (Г. Немченко. Проникающее ранение);

— Чтобы ему хорошо там было, *не как-нибудь*, а настоящим бы манером (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы); — Мы так должны сделать, чтобы Ленинградский райнаробраз созвонился с Октябрьским райздравом. И *не как-нибудь*, а чтобы по-хорошему созвонились... (С. Залыгин. Вылечила);

— Не-ет!, — шептала Пальмира, — моим мужем будет только моряк. И *не какой-нибудь*, а обязательно военный моряк, офицер... (Г. Семенов. Птичий рынок); Банька была *не какая-нибудь*, только для избранных судьбы, сауна, — русская была, с каменкой!.. (Г. Немченко. Проникающее ранение).

Отсюда многочисленные субстантивированные употребления, не отмечаемые словарями: «— Есть, — говорит, красочка моя, один мужчина, очень замечательный. *Не какой-нибудь*, а начальник!..» (В. Ляленков. Крещенские морозы); «— К ему — к подлицу — *не какая-нибудь* пришла, а девица в соку...» (А. И. Левитов. Петербургский случай, II); «— Да чего вы боитесь? — смущенно забормотал Антон. — Вот увидите, я *не какой-нибудь*...» (В. Андреев. Бабым летом); «— Вы не подумайте, — сказала она, что я — *какая-нибудь*...» (Г. Семенов. Иголкальвание). «— Дурак! Ты что думаешь, я *какая-нибудь*, да?!..» (Н. Евдокимов. Происшествие из жизни Владимира Васильевича Махонина), откуда специализированное значение 'женщина легкого поведения'.

* * *

Семантика пейоративного отчуждения в подобных контекстах может получать усиленное и подчеркнутое выражение введением особого — специализированного знака отчуждения, частицы *там*:

«— Ведь у людей что самое красивое? Не лицо, не что-нибудь *там* другое, а ноги...» (Н. Евдокимов. Была похоронка); «— Вста-

нет чуть свет, ходит на цыпочках, дверями не хлопает, посудой не гремит, в избе прибрано, завтрак поспел во-время, и не какая-нибудь *там* каша, а блины в сметане...» (А. Генатуллин. У родного порога); «...он, может быть, впервые за все годы получил возможность отдохнуть с семьей, и не в каком-нибудь *там*... “бре”, а летом, в августе...» (Л. Крейн. Дуга большого круга); «Надежда овладела общим вниманием, хотя переговаривалась только со мной, улыбалась лишь мне, а не каким-то *там* посторонним и незнакомым» (А. Белов. Марш на три четверти, I, 3); «И когда Надежда Константиновна <...> сказала ему однажды, что все это от переутомления, Владимир Ильич, покачав головой, возразил ей: — Нет, Надюша, нет, нет! Это не от какого *там* переутомления: это... Брест!..» (А. Югов. Страшный суд); «Она все время пела что-то... причем не грустное *там* что-нибудь, а быстрое и бодрое» (Р. Киреев. Застрявший) и т. п.

БАС отмечает употребление частицы *там* с пометой «разг.» лишь в сочетании «с местоимениями *какой, какое, что* и наречиями *когда, где, куда*: а) при возражении на чужие слова, обычно с повторением оспариваемого слова, обозначая: *совсем не, вовсе не*. — А что! трудно служить? — Какой там трудно?! (Н. Успенский. Старое по-старому; 2); б) для выражения сомнения в реальности чего-л. или для отрицания чего-л. — Марья, щи вари! Куда там! Только глазами поводит. А. Неверов. Марья-большевичка, 2...» [БАС : XV, 88]. Ож., имея в виду те же случаи (Какие там у тебя дела! Чего там!), характеризует *там* как частицу, «употребляемую для придания оттенка сомнения, пренебрежения» [Ож. : 725]. И только Уш., охватывая все — несомненно взаимосвязанные, но не тождественные — случаи и типы употребления частицы *там*, разъясняет: «Употребляется в предложениях и словосочетаниях с разделительными союзами, а также после местоимений и местоименных наречий, преимущественно неопределенных, для придания оттенка сомнения или пренебрежения» [Уш. : IV, 649].

Таким образом, если в БАС частица *там* — только средство передачи возражения и сомнения, то в Ож. и в Уш. учитывается также и семантика пренебрежения, что, однако, не решает проблему до конца.

Кажется совершенно очевидным, что семантическим центром этого слова является значение отчуждения, а все остальное — воз-

ражение, отрицание, сомнение, пренебрежение и т. д. — только контекстуально обусловленные экспрессивно-семантические модификации и приращения.

Там — с его основным местоименно-наречным обстоятельственным значением ‘не здесь’, ‘не теперь’ (откуда далее ‘не в моем сознании’) — отсылает в другие локусы, в другие времена, в другие культурные и ценностные миры, куда от «я — здесь — теперь» можно перебраться только оценивающей мыслью. И если оценивающее сознание воспринимает «другое» как «чужое — плохое», то принадлежащее ему *там* оказывается знаком отчуждения и — в силу отчуждения — знаком отрицательной оценки. Ср.: «— Мусье, любезнейший! ну что ж карту-то!.. — Карты нет-с; а что прикажете, — отвечал лакей, — вот закуски *здесь* на столе-с... — Ну, какие у вас *там* закуски! мерзость какая-нибудь!..» (И. И. Панаев. Провинциальный хлыщ).

Будучи знаком, меткой, маркой «чуждости», *там*, внесенное в нейтральный контекст объективного описания или высказывания, переводит его в субъективный экспрессивно-оценочный план, обнаруживая множественность «чужих» миров, делая явными скрытые «чужемирные» сферы сознания и культуры.

Такова, например, в соответствии с принципом «чужая душа — потемки», сфера чужого сознания, сфера мысли и чувства всех, кто «не-я»: «— О чем ты *там* думаешь? — спросила мать, но девочка, погруженная в свои мысли, не слышала ее и не отозвалась...» (В. Григорьев. На пороге); «— Между прочим, мне все равно, что вы *там* думаете обо мне...» (Г. Семенов. Утренние слезы); «Может быть, и он так думал, я уж *там* не знаю, только...» (В. В. Стасов — Д. В. Стасову, 30 мая 1896) и др. под. Ср. еще: «— Она переживает, а ты... — А я не знаю, что она *там* переживает и знать не хочу...» (В. Петелин. Берег счастья).

Такова же сфера неизвестных субъекту сознания и оценки имен и именовании, которые именно своей неизвестностью толкают мысль на позицию отчуждения в географическом и ином пространстве и/или во времени: «— Послушайте, как вас *там*, Нина Петровна, кажется...» (Н. Леонов. Явка с повинной, I); «— Колхоз-то ваш “Россия”, что ли, называется? — Не знаю, батюшка, как он *там* прозывается. Колхоз отсюда далече, а мы, гли-ко, старые...» (Д. Кузовлев. Березуги); «— Настоятель кладбища, или как их

там называют теперь, промелькнул за воротами» (О. Попцов. Без музыки); «Ему снилось, что та, которую все звали Катериной Алексеевной, а он Катеринушкой, а прежде звали драгунской женой, Катериной Василевской, и Скавронской, и Мартой, и как еще *там*, — вот она уехала...» (Ю. Тынянов. Восковая персона, I, 5) и т. п.

«Чужим» и потому отрицательно оцениваемым и отвергаемым оказывается во многих случаях не сам «чужой» мир, а его, противоречащее стандартному о нем представлению, внутреннее разнообразие. Именно этим, по-видимому, объясняется констатируемая словарями и свидетельствуемая многочисленными фактами, но остающаяся загадочной позиция *там* в сочинительном ряду однородных членов (и не только с разделительными союзами): «— ...В книжках пишут: весна, птицы поют, солнце заходит, а что тут приятного? Птица и есть птица и больше ничего. Я люблю хорошее общество, чтоб людей послушать, об религии поговорить или хором спеть что-нибудь приятное, а эти *там* соловьи или цветочки — бог с ними...» (А. Чехов. Убийство); «Топоры, ломики, малые саперные лопаты... И никаких литературных институтов или *там* семинаров по эстетике...» (Н. Атаров. Пути-дороги Сергея Антонова); «Перед поездкой в Швейцарию... домашние забросали заказами. Кофточки *там*, пиджачки, брючки, туфельки...» (В. Солоухин. Камешки на ладони); «...начала перелистывать историю болезни, в которой ... болезни пока не значились. Ну *там* насморк, вазомоторный ринит. Ну *там* ангина, грипп...» (В. Солоухин. Приговор) и т. п.

В этой связи следует отметить также различные соединения *там* с местоимениями «разнообразия» — *всякий, разный, всевозможный* и др. под. Ср., например: «Она находилась в том возрасте, когда собственные увлечения, всякие *там* встречи и знакомства забывают напрочь» (В. Андреев. Тревожный август); «— Я человек не ресторанный... — говорил он сам о себе. — Мне *там* всякие селедочки, всякие закуски холодные и горячие не нужны... Вкуснее, чем моя жена, никто не умеет готовить...» (Г. Семенов. Иглоукальвание); «Не хотели принять его самоотвод во внимание — не обессудьте. На заседания он, конечно, будет ходить, тут уж ничего не поделаешь, а насчет всего остального, поручений *там* всяких, — извините-подвиньтесь. У него своих забот хватит...» (Ю. Убогий. Дом у оврага) и т. п.

Очевидно, что во всех приведенных случаях *там* не только выражает отрицательную оценку и пренебрежение («придает оттенок пренебрежения», как указывают словари), но и является знаком отчуждения в полном и точном значении этого термина. Так, в первом предложении (ср. нейтр. *всякие встречи и знакомства*) автор — изнутри подсознания героини — не только отрицательно оценивает увлечения, знакомства и встречи, но и отчуждает их намеренным изгнанием из памяти и замыканием в другом — ставшем чужим — времени молодости субъекта сознания и оценки. Точно так же во втором примере представлена не просто отрицательная оценка «всяких селечок и закусок», но отрицательная оценка их как принадлежащих чужому — не домашнему, а ресторанному типу кухни. В третьем предложении противопоставлены близкие сердцу «свои» заботы пренебрежительно оцениваемым «всяким там» разнообразным «чужим» поручениям и т. д.

Особенно показательны в этом отношении те случаи, когда отрицательная экспрессия сведена к минимуму или вообще отсутствует, а семантика отчуждения выступает в чистом виде: «Ведь ледник — это не лес со всякими *там* деревьями, кустарниками и почвами...» (Знание — сила. 1973. № 12. С. 13 — с точки зрения ученого-гляциолога); «...теперь, когда я не смог бы спутать грузинского “енисели” с армянским “двином”, когда перепробовал всевозможные *там* “камю” и “корвуазье”...» (В. Солоухин. Бутылка старого вина); «...слышать это из уст ямщика, чуждого, казалось бы, всевозможным *там* “коллизиям” и терзаниям душевным...» (А. Югов. Страшный суд) и др.

Анализ более широкого материала мог бы показать, что даже в условиях, обеспечивающих «чистоту» семантики «чуждости = отчуждения», частица *там* как специализированный знак «чуждости» не обладает самостоятельностью, но функционирует, как правило, во взаимодействии со всеми противопоставлениями, которые образуют эту семантическую категорию (таковы базовые противопоставления «этот — тот», «мы — они», «я — ты», «наш — их» и «наш — ихний», «мой — твой», «теперь — тогда» и др.), со всей аксиологической сферой и системой выражающих оценки коннотаций, со всеми лексическими и грамматическими средствами, которые работают на них. Изучение этих связей должно быть предметом специальной работы.

Настоящие заметки лишь приоткрывают завесу над этой обширной областью, связывающей язык с общественным сознанием, социальной психологией, идеологией, культурой и искусством.

Дальнейшее углубленное ее изучение позволит прочесть новые страницы скрытой грамматики русского языка и осуществить тем самым завет А. С. Хомякова, который в письме А. Ф. Гильфердингу писал: «Хоть бы мы свою грамматику поняли! Может быть, мы бы поняли тогда хоть часть своей внутренней жизни!» (1855 г.).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. гротескное противопоставление «чужие леса — свой лес» в рассказе Ф. Эмина «Сон, виденный в 1765 г. Генваря первого», где главный член ученого собрания животных, получивший образование «в чужих лесах», преследует тех, кто обучался «в своем лесу», так как «весьма пристрастен к чужелесным» (Русский архив, 1873. Кн. 3. Вып. 10. С. 1922).

² Следует отметить также такой широко распространенный вариант этого базового противопоставления, как «наше — не-наше» с модификациями. Ср.: «— Господи! Как я кричала ныне во сне, — рассказывала мне девочка... — Будто бы какой-то ненашенский царь... тебя мучил; жег он тебя на огне, щипал разожженными железными щипцами...» (А. И. Левитов. Дворянка. III). Ср. также табуированное именование черта — не-наш (С. Максимов. Нечистая сила, неведомая сила // Собр. соч. СПб., [б. г.]. Т. 18. С. 4. Примеч. 1).

³ Этому не смогла воспрепятствовать и попытка ее славянофильской гальванизации в 40—60-е гг. XIX в. Ср. показательное название программного стихотворения Н. М. Языкова «К ненашим», датированного 1844 г.

⁴ Показательно отсутствие всей этой лексики в словаре Даля, где приведено только производное *заграничный* «за границей находящийся или оттуда привезенный» [Даль : I, 570], возмещавшее отсутствие прилагательного *чужекрайный / *чужекрайний, производного от *чужие краи*. Ср., однако, чеш. *cizokrajny* ‘иностранный’, словц. *cudzokrajny* ‘то же’.

⁵ Сходное положение в белор. и укр. (ср. *заграниця* и *закордон*, *за границу* и *за кордон* и т. п.), тогда как все остальные славянские языки с большей или меньшей последовательностью сохраняют исконные образования с корнями — соответствиями рус. *чуж-* / *чужд-*.

⁶ Показательно широкое использование образов таких множеств при сравнении в качестве эталонных носителей признаков однородности, неразличимости, тождества. Ср.: «Не отличался год от года, / как гунн от гунна, гот

от гота / во швовой сумрачной орде. / Не вспомню, что, когда и где. / В том веке я не помню вех, / но вся эпоха в слове плохо... / Годы, и месяцы, и дни / в плохой период слиплись, сбились, / стеснились, сгучились, слепились...» (Б. Слуцкий. «Конец сороковых годов...»).

⁷ Вот несколько показательных примеров, иллюстрирующих противопоставление «своего» и «чужого» мира по этому признаку: «— Слушай, а что это у тебя здесь устроено? Газончик, каменья какие-то... Зачем? — Как зачем? — засмеялся Никулин... — Красиво, не видишь, что ли? — Ну, газон, травка там... ладно. А каменья-то, каменья-то зачем? — говорил Степан, все более раздражаясь. — Я люблю камни. — Никулин простодушно улыбался. — Камни? Да ты что? — наседа на него Степан. — Что ты мне голову морочишь? Камень он камень и есть. Тяжесть мне их нравится, прочность. И они же все разные, ты посмотри. И форма, и цвет, и на ощупь тоже. Видишь, сколько оттенков?» (Ю. Убогий. Дом у оврага); «— Удивительно, — проговорила задумчиво Таня, — у нас дома своей собаки никогда не было, и мне они издали все казались одинаковыми: четыре лапы, хвост... А у них у каждой — свой характер. Как люди...» (Р. Григорьева. Последние переселенцы); «— Ох, русские люди... Чего только в нас не намешано — и доброта святая, и к жертве лобой готовность, и преданность, и притворство, и лукавство, и к разбою склонность. Француз или немец — тот одной краской мазан, а наш — радуга, все цвета налицо!» (Ю. Нагибин. Заступница).

⁸ Отсюда вырожденные варианты имен, которые, утратив определенно понятийное содержание (ср. *ироды*, *махаметы* и т. п.), функционируют как *nomina obscoena*, в качестве сгустков пейоративной экспрессии.

⁹ Отсюда — с усечением — фразеологизмы *один бес*, *один пес*, *один черт* (и продолжающие этот ряд образования по фразеосхеме — *одна холера*, *один хрен* и др. под.) с общим значением 'одно и то же, все равно, безразлично' (о явлениях, оцениваемых отрицательно). Ср.: «— Меняют их как перчатки, и каждый... свои порядки устанавливает. Ну а нам один бес деваться некуда, работаем...» (Г. Пономарев. Всем миром); «— Хотел было в город податься, на завод, да мать уперлась: оставайся и иди в мастерские. А, думаю, один пес, мастерские так мастерские...» (В. Ильин. Со службы на работу); «— Братья-то потом на шахты подались. И правильно сделали! Я бы им тут один хрен жизни не дал, куркулям!...» (А. Знаменский. Осина при дороге); «— Диагноз они теперь будут уточнять! А не одна ли холера, если он умер...» (К. Власенков. Диагноз); «— Зря ты, Мишка, отказался. Была бы хоть польза от нэпмана. — Он не нэпман, а агент по снабжению. — Один черт. Посмотри на костюм, галстук, лакированные ботинки. — Ты грубый и примитивный социолог. Для тебя одежда — главный признак классовой принадлежности» (А. Рыбаков. Выстрел). — Словари — кроме БАС — эту

фразеологическую серию не фиксируют. БАС же приводит из нее только *один черт* с яркой иллюстрацией из письма Ленина Горькому в середине ноября 1913 г.: «Вы изволили очень верно сказать про д у ш у — только не «русскую» надо бы говорить, а м е щ а н с к у ю , ибо еврейская, итальянская, английская — в с ё о д и н ч е р т, везде паршивое мещанство одинаково гнусно...» [БАС : XVII, 947].

¹⁰ В связи с этим примером должно быть отмечено и подчеркнуто органическое единство отрицательной экспрессии пейоративного отчуждения и отчуждающей силы экспрессивного тотального отрицания, также использующего перевод имен из ед. ч. в мн. ч.: «Вернусь, сразу же в баню. Никаких душой и ванн. Нет! По старинке. Куплю у инвалида веничек... И от души!» (В. Шугаев. На тропе); — Нужны мне всякие души и ванны!; «— Виноват, — сказал я робко, — а мне говорили, что Евлампия Петровна будет ставить. — Какая такая Евлампия Петровна?.. Никаких Евлампий!..» (М. Булгаков. Театральный роман. 9); «На выпускной вечер Вадим не пошел. Надо было вносить деньги, а у матери он брать не хотел. Да и не надо ему никаких выпускных вечеров...» (И. Грекова. Вдовий пароход, 23) и др. (см. об этом в работе [Пеньковский 1987] и в наст. изд. с. 101—120). Ср. обыгрывание этого приема у Н. Н. Златовратского: «— Дяденька, Иван Якимыч! Вы это будете? — вскрикнул я. — Я... А какой я тебе дяденька?.. У меня, брат, нет никаких племянников... <...> — А может, дяденька Иван Якимыч, других племянников не помните ли, с которыми в лес-то ходили, пред которыми душу свою тоскливую открывали? <...> А мы, племянники глупые, говорили тебе, чтоб тоску твою унять: “Хорошо, мол, дяденька, важно в лесу-то!..” <...> Может помнишь, как ты за нас, своих племянников, у отцов наших прощенья просил...» (Н. Н. Златовратский. Иван Якимыч — питерский учитель, 1868—1870).

¹¹ Ср. также случаи, в которых можно видеть эллипсис субстантиватов *всякие, разные*: «Лицо у нее от носа стало краснеть, краска разливалась по щекам: — Какого черта вы прицепились?.. Ходят тут!.. — с яростью выпалила она» (Д. Гранин. Картина, 1); «И еще черного мне буханку..; Нет, три! — Продавщица небрежно двинула по прилавку круглые подовые хлебы. — Что ты, миленькая, не эти... Эвон, кирпичики аржаные. — Гала рванула хлебы назад. — Ходят, сами не знают чего надо...» (Р. Григорьева. Последние переселенцы).

¹² Ср.: «— Жильцов пустила... — Жильцов-ов? Ты чего, вовсе с приветом?.. Шпану всякую насобираешь — отвечай потом за тебя...» (Р. Григорьева. Последние переселенцы), где собир. *шпану* соотносено с реальной множественностью.

ЛИТЕРАТУРА

Арбатский 1972 — *Арбатский Д. Л.* Множественное число гиперболическое // Русский язык в школе. 1972. № 5.

БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: ИАН, 1950—1965.

Бондарко 1971 — *Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола. М.: Просвещение, 1971.

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1881—1882.

Засорина 1977 — *Засорина Л. Н.* Частотный словарь русского языка. М.: Русский язык, 1977.

Eliade 1970 — *Eliade M.* Sacrum, mit, historia. Warszawa, 1970.

Иванов, Топоров 1965 — *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие системы. М.: Наука, 1965.

Исаченко 1954 — *Исаченко А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Братислава, 1954. Ч. 1.

Красильникова 1983 — *Красильникова Е. В.* Некоторые проблемы изучения морфологии разговорной речи // Проблемы структурной лингвистики. 1981. М.: Наука, 1983.

Лекант 1982 — Современный русский язык / Под ред. П. А. Леканта. М.: Высшая школа, 1982.

Лотман 1969 — *Лотман Ю. М.* О языке типологических описаний культуры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1969. Т. IV.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1981—1984.

НСРЯ — Новый словарь русского языка. М.: Русский язык, 2001.

Ож. — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1975.

ОШ — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1997.

Пеньковский 1967 — *Пеньковский А. Б.* Фонетика говоров Западной Брянщины. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1967.

Пеньковский 1986 — *Пеньковский А. Б.* Русские персонифицирующие именованья как региональное явление языка восточнославянского фольклора // Лексика и грамматика севернорусских говоров. Киров, 1986.

Пеньковский 1987 — *Пеньковский А. Б.* Лексико-синтаксическая структура блоков полного усиленного отрицания в русском языке // Русский синтаксис: словосочетание и предложение. Владимир, 1987.

Пеньковский 1989 — *Пеньковский А. Б.* Ономастическое пространство русского былевого эпоса как модель его художественного мира // Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1989.

Пеньковский 1995 — *Пеньковский А. Б.* Тимиологические оценки и их выражение в целях уклоняющегося от истины умаления значимости // Лю-

гический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. М.: Наука, 1995.

Ревзин 1969 — *Ревзин И. И.* Так называемое немаркированное множественное число // ВЯ. 1969. № 3.

Розенталь 1976 — Современный русский язык / Под ред. Д. Э. Розенталя. М.: Высшая школа, 1976. Ч. 1.

СП — Словарь языка Пушкина. В 4 т. М., 1956—1961.

Срезневский 1903 — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. 3.

СТРЯ — Современный толковый словарь русского языка. СПб., 2001.

СЦРЯ — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. СПб., 1867.

Уш. — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940.

ТЕЗИСЫ О ТИМИОЛОГИИ И ТИМИОЛОГИЧЕСКИХ ОЦЕНКАХ*

Известно, что все основные элементы Универсума осваиваются человеческим сознанием через соотнесение с определенной (а к с и о л о г и ч е с к о й) системой ценностей, обуславливающей их положительную или отрицательную оценки, которые получают множественную интерпретацию по нравственно-этическим («добро / благо — зло»), эстетическим («прекрасное — безобразное») и утилитарно-прагматическим критериям.

1.0. Существует, однако, и иная система ценностей и оценок, которые оказываются по с ю с т о р о н у «Добра и Зла». Переводя аксиологическую ось, традиционно трактуемую языком и сознанием в пространственных координатах как вертикаль («Добро / Верх — Зло / Низ»), в р а н г о в у ю горизонталь, они объединяют на этом — новом верхнем — уровне все то, что важно, значительно, серьезно; чем нельзя пренебречь; мимо чего нельзя проходить; о чем нельзя не думать и не говорить и о чем нельзя думать легко и говорить шутя, т. е. все то, что, по слову Плотина о философии, можно назвать *to timiotaton* — ‘самое важное, ценное и значительное’.

2.0. Этому *timiotaton* — на этом новом нижнем уровне — противопоставлено все то, что неважно, несущественно, несерьезно; чему не следует придавать значения; мимо чего можно пройти; на что не нужно обращать внимание; о чем можно не думать и не говорить или не следует думать и говорить, т. е. все то, о чем можно

---

* Расширенный вариант публикации 1995 г. Переработка выполнена при поддержке РГНФ (гранты 01-04-00-132а и 01-04-00-201-а).

сказать — *пустое (пустяк, пустяки), мелочь (мелочи), безделка, ерунда, чепуха, вздор.*

3.0. Таким образом, нам открывается если и не универсальный, то, во всяком случае, не уступающий аксиологическому по объему, широте охвата и значимости, — т и м и о л о г и ч е с к и й принцип членения, ранжирования, или стратификации, элементов мира. Именно такое членение отражено в поговорке *Делу время — потехе час*, где **Дело**, которому **Время**, и **Время**, которое для **Дела**, принадлежат верхнему уровню (Т-рангу), тогда как **потеха**, которой **час**, и **час**, который отдан **потехе**, — элементы нижнего уровня (т-ранга).

3.1. Тимиологическое ранжирование элементов мира, как и аксиологическое их членение, представляет собой совокупность традиционных, сложившихся (хотя и исторически развивающихся и изменяющихся), закреплённых в национальном и общественном сознании, национальной культуре и психологии ценностных установок, предпочтений и оценок, получающих отражение и выражение в языке.

3.2. Так, по языковым (именно языковым!) свидетельствам, для русского национального сознания фундаментальная т- / Т-ранговая тимиологическая оппозиция «несущественного, незначительного, неважного, несерьезного», «пренебрежимого» — «Существенно важному, значительному, серьезному» оказывается интегралом, который охватывает открытое множество таких частных оппозиций, как «явление — Сущность», «внешнее — Внутреннее», «форма — Содержание», «случайное — Закономерное», «преходящее — Вечное», «временное — Постоянное», «ирреальное — Реальное», «искусственное — Подлинное», «частное — Общее», «единичное — Массовое», «второстепенное — Основное», «количественно малое (quantité négligeable) — Количественно значительное» и мн. др. За каждым из таких двучленов стоит большее или меньшее количество языковых единиц — носителей соответствующих значений, а все вместе они охватывают значительную часть русской лексики, объединяющую слова, принадлежащие к различным лексическим и тематическим группам, к различным семантическим полям и представляющие все основные части речи.

Выделение из этого лексического массива т-слов нижнего тимиологического ранга и признание их особой категориальной груп-

пой основывается на том, что объединяющая их и входящая в структуру их значений тимиологическая составляющая может получать в определенных текстовых условиях и в определенных типах высказываний материальное воплощение. Эту эксплицирующую функцию обычно выполняет местоименное по происхождению слово *так* (иногда с осложнением: *просто так / так просто, только так / так только*), являющееся специализированным знаком — универсальным маркером т-ранговой принадлежности и т-оценки. Ср.: А кто он? *Так, пылинка, исторический «фон»*; То, что он написал, это не отчет, а *так, отписка*; Ну какой я писатель! Это *так, проба пера*; Это и не мультипликация, а киноаппликация. *Так, простенькая*; Ты бы ей платишко купила какое. *Так, дешевенькое*; Вдруг, слышу, дверь тихонько скрип... да и отворилась... *так, немножко...* Один и серьезно говорит, а все кажется, что он это *просто так, шутит*; Не обращай внимания, он это *так, притворяется*; А был ли он там? Может, мне *так, померещилось?*; — А ты почему не идешь? — Почему? *Так, не хочу*; — А зачем тебе туда ехать? — *Так, вздумалось...*

Приведенным только что случаям с приглагольным *так*, используемым, как и в приименном употреблении, со специфической интонацией, паузировкой и акцентным выделением маркируемого глагола (*так || померещилось; так || вздумалось*), который называет т-действие (*шутить, притворяться, померещиться, вздуматься, не хотеть* [!]), противопоставлены случаи другого рода, где неакцентированный глагол называет т-нейтральное действие и где не отделяемое паузой *так* не эксплицирует, а вносит т-оценочное значение, поскольку берет на себя функцию т-мотиватора и, характеризуя действие как не имеющее достаточно серьезного причинно-целевого обоснования, низводит его в т-ранг: «— Нет, нет, ничего... Это я *так* спросил...» (М. В. Авдеев) — *так спросил* ‘спросил, не подумав, без всякой причины, цели и намерения, без всякой задней мысли, и вы, пожалуйста, не сердитесь, не обижайтесь, не придавайте этому серьезного значения’. Ср. еще: «Крылова я видел всего один раз – на вечере у одного чиновного, но слабого петербургского литератора. Он просидел часа три с лишком неподвижно между двумя окнами – и хоть бы слово промолвил! <...> Нельзя было понять: что он, слушает ли и на ус себе мотает, или *просто так* сидит и “существует”...» (И. С. Тургенев. — Курсив

Тургенева!) — *просто так сидит* ‘сидит в отчуждении от происходящего, пренебрегая им, не придавая значения тому, что говорится’. Ср. показательные противительные обороты типа *не ради какой-то цели, а так, чтобы развлечься; не почему-нибудь, а так, по привычке*, откуда следует, что **развлечение** — это т-цель, т. е. цель, которая недостаточно серьезна, чтобы считать ее целью, как и **привычка** — это т-причина, т. е. причина, которая недостаточно серьезна, чтобы считать ее причиной. Это, в свою очередь, значит, что **причина** и **цель** на самом деле единицы Т-ранга, т. е. **Причина** и **Цель**, и притом **непереводимые на нижний т-уровень**. Ср. **повод**, который *так, повод*. Ср.: «Бублицын кликнул Ивана Афанасьича по имени *так, без всякой причины*, от избытка внутреннего довольства...» (И. С. Тургенев); «—Что с тобой, Алексей Дмитриевич, российский Гамлет? Огорчил кто тебя? Или *так — без причины — взгрустнулось?..*» (И. С. Тургенев); «...Если б я узнала, что он любит другую женщину, я бы скорее примирилась с этим, но видеть, что он бросает меня *так, без всякой причины*, — вот что ужасно!..» (А. Н. Апухтин). Ср. еще: «Вспомнился мне мой знакомый, человек очень смышленный, который, обладая весьма некрасивой, неумной и небогатой женой и будучи очень несчастлив в супружестве, на сделанный ему вопрос: почему же он женился? Вероятно, по любви? — отвечал: “*Вовсе не по любви! А так!*” А тут Теглев любит страстно девушку и не женится. *Что ж и это тоже — так?!*» (И. С. Тургенев).

Круг целевых и причинных наречий и наречных сочетаний, употребляемых в русском языке рядом с *так*, чрезвычайно широк (ср. для *виду*, для *видимости*, для *блезиру*, для *галочки*, для *забавы*, для *красного словца*, для *мебели*, для *отвлечения*, для *отвода глаз*, для *памяти*, для *подначки*, для *проформы*, для *смеху*, для *шика*, для *шутки*, на [всякий пожарный] *случай, от нечего делать...*), и многие из них представляют исключительный интерес, поскольку могут способствовать хотя бы частичному проникновению в тайны народного миропонимания и загадочной «русской души». Ср. особенно: *так, для души* (не **для духа!*); *так, для красоты* (не **для красоты!*); *так, для порядка*; *так, для себя, так, для страха* ‘для острастки’; *так, для удовольствия* (не **для радости!*); *так, для очистки совести*; *так, от скуки* (не **от тоски!*); *так, ни с того ни с сего* и т. д., которые, с «русской точки зрения»,

все — т-цели и т-причины, т. е. «недоцели» и «недопричины» и поэтому стóят и должны приниматься в расчет не больше, чем какие-нибудь *для потехи* и *от нечего делать*. Ср.: «Она не постигла <...>, как человек образованный и молодой может придерживаться такой застарелой рутины! — Впрочем, — прибавила она, — я уверена, что вы это говорите только так, для красного словца!..» (И. С. Тургенев).

4.0. Легко показать, что *так*-маркирование, поскольку оно отражает представления носителей языка о ранговом положении элементов мира в их соотношении с тимиологической ценностной шкалой, может осуществляться преимущественно в условиях диалога, когда обнаруживаются расхождения собеседников в т-представлениях и оценках и возникает потребность в приведении их к единству. Поэтому *так* в качестве т-маркера обычно используется в репликах-ответах и лишь в отдельных случаях — с целью предвосхищающей коррекции ожидаемой реакции собеседника — в прямом слове субъекта речи. Обращение говорящим *так*-высказываний к самому себе при внутреннем диалоге используется в целях самопроверяющей коррекции, для самоуспокоения, легко приводящего к самообману, или в малодушном порыве самоумаления, которое может обернуться самоуничижением. Ср.: «...он находил забавным себя же опровергать: все это так, пустяки, тени пустяков» (В. Набоков); «— Фу, как я расхотелся! — сказал он сам себе. — Ведь все еще, может быть, ничего, и я просто ее не понял, и это все только так, случайность...» (Ю. Жадовская); «— Я иногда принимался с важностью древнего мудреца взвешивать достоинства князя; иногда утешал себя надеждою, что это только так, что Лиза опомнится, что ее любовь <к князю> — настоящая любовь...» (И. С. Тургенев); «Ах, мне ли упрекать ее!.. И кто я ей, собственно говоря? Так, случайный знакомый...» (В. Голубев). Ср. аналогичные примеры, где маркирующее и подчеркивающее *так* отсутствует, но легко может быть вставлено по показаниям целостного контекста: «Сидевший возле нее <Марианны> Калломейцев начал было обращаться к ней с разными любезностями <...>, но она не слушала его; да и он произносил эти любезности вяло, для очистки совести: он сознавал, что между молодою девушкой и им существовало нечто недоступное» (И. С. Тургенев) — ...*так, для очистки совести*.

В обычном диалоге *так*-маркирование, представляя предмет обсуждения незначительным, мелким, ничего не стоящим (*ничего* — частый спутник *так*: — *Это так, ничего; Ничего, это так...*) и не заслуживающим внимания, позволяет говорящему: 1) замять нежелательный разговор и уйти от ответа на неприятный для него вопрос: «— *Ты что задумался? — Нет, ничего... Это я так...*» (В. Слепцов); «— Скажи, пожалуйста, братец, — говорил я <...> одному из моих приятелей — живому адрес-календарю Петербурга, — *что это за высокий, красивый господин с усами? — Это?.. это какой-то иностранец, довольно загадочное существо... А что? — Так!..*» (И. С. Тургенев); «— *О чем вы, Егор Иванович, вздохнули? — Так... — Так никогда не бывает: вы вспомнили кого-нибудь...*» (Н. Г. Помяловский); 2) мягко отвести адресованные ему похвалы, проявляя действительную или кокетливо-показную скромность: «— *М-сье Пьер, пожалуйста, покажите ему ваш фокус! — Ах, стоит ли... Это так, пустое... — заскромничал он*» (В. Набоков); 3) снять обоснованные или необоснованные подозрения, обвинения и упреки на свой или чей-нибудь счет: «— *Господи! Да ничего он мне не говорил... Мы и виделись-то так, мельком*» (М. Ганина); 4) рассеять тревоги и опасения собеседника и успокоить его: «— *Нет, ведь это так... — сказала она кротко и нежно, — женщины плачут легко, чему тут огорчаться*» (Ю. Жадовская) и др.

Особый интерес представляют те, достаточно часто складывающиеся, ситуации, когда говорящий обнаруживает, что собственной силы маркера *так* недостаточно, чтобы помочь собеседнику (или заставить его) увидеть вещи в их истинном, как он это себе представляет, т-масштабе и осознать их действительную, как он ее понимает, т-ценность. Тогда, чтобы утвердить т-истину, которой он, по его убеждению, владеет, он использует — в качестве инструмента логического давления на чужое заблуждающееся сознание — открытое Т — т-ранговое противопоставление: *Это не преступление, а так, мелкий проступок.*

Если же броня противостоящего сознания не уступает и этому, то в дело вводятся силы ближнего боя: категорические констатации (*Это не стоит / не заслуживает внимания*), непререкаемые «учительные» рекомендации (*Этому не следует придавать значение*), апробированные заключения народной мудрости (*Все это*

яйца выеденного не стоит), прямые обращения-императивы (*Не обращайтесь внимания!; Пропускайте мимо ушей!; Смотрите на это сквозь пальцы!; Не берите в голову!*) и их антифразисные и иные экспрессивные иронически окрашенные варианты (*Есть о чем думать!; Было бы о чем думать!; Нашел о чем говорить!*) и др. Ироническая экспрессия этого эскорта распространяется и на центр *так*-высказывания, пробуждая в рациональной структуре логического противопоставления дремлющую энергию древней фигуры контраста, которая, возрождаясь, обрастает разнообразными дополнительными средствами эмоционально-экспрессивного варьирования. Т-слово собеседника подхватывается, повторяется, переспрашивается, вновь повторяется с иронической или саркастической интонацией, «обвешивается» частицами и вопросительными словами: — *Он что, твой жених? — Жених? Жених! Да что он за жених?! Какой он (там / к черту / к чертям) жених! Тоже жених! Тоже мне жених! Тоже еще жених! Видали мы таких женихов! Нашла жениха! Жених!.. Он не жених, а так, просто знакомый! Да и знакомый-то так, два раза его видела...* Эмоционально-экспрессивное напряжение, владеющее субъектом речи и пронизывающее такого рода контексты, приводит к тому, что сражающийся за установление Т-истины говорящий утрачивает контроль над силой своего воздействия на сознание собеседника и, девальвируя чужое Т, чтобы «опустить его с небес на землю», сам же и промахивается, проваливаясь ниже запланированного т-уровня. Понятно, что чем большей и чем менее оправданной была высота Т, тем большей оказывается сила реактивного давления и тем ниже т-уровень. Так действует механизм «преувеличенного умаления». Ср.: «— Мне говорили, что там *прекрасный лес, вековой бор*, а я приехал и нашел *так, жалкий лесшко...*» (Ф. Крюков), где представлен сходный эффект «обманутого ожидания».

5.0. Так происходит расщепление т-Т-уровней на подуровни (T_1 и T_2 — t_1 и t_2), которые представляют переходы от *В е р х н е г о* к *В ы с о к о м у* и от *н и ж н е г о* к *н и з к о м у*. Уровни с индексом (1) — результат рациональных, имеющих логические основания операций ранжирующего — взвешивающего — распределения. Для элементов t_1 -уровня — это ментальная операция, называемая глаголами *пренебречь*₂ — «оставить без внимания что-л. как незначущее, несущественное» [МАС : III, 380] и *игнорировать* —

«не принять (не принимать) во внимание что-л...» [МАС : I, 627]. Уровни с индексом (2) — результат осложнения тимиологии аксиологией. Так, для элементов t_2 -уровня характерно соединение рационального взвешивания с эмоционально-экспрессивной отрицательной оценкой, которая легко захватывает господствующее положение в семантической структуре слова. Тимиологическое умаление-понижение превращается в принижение и унижение. Это как раз и выражается в глаголе *пренебречь*₁ — «отнестись к кому-, чему-л. с презрением, высокомерно, без уважения» и производном *пренебрежение*₁ — «презрительно-высокомерное, неуважительное отношение к кому-, чему-л.» [МАС : III, 380, 379]. Так в борьбе за тимиологическую истину, как это обычно и бывает, истину как раз и теряют. Мера в высокомерии — ложна. Поразительно, что именно ‘высокомерие’ и ‘презрение’ выдвинулись на передний план в семантике *пренебрежения* и исторически вторичное значение заняло первое место, еще раз подтверждая древнюю мудрость: «нижшее сильнее высшего».

И если рациональное *пренебрежение* (*пренебрежение*₂ в словаре; ср. также устар. *небрежение*₂) естественно оборачивается *отстранением* (ср. *отстраняющее себе* в случаях типа *А я сижу себе и ничего не слышу* и обычное в литературном языке начала — середины XIX в. *так себе* в значении т-маркирующего ‘так’ при новом *так себе* с оценочным значением ‘неважно’), то экспрессивное *пренебрежение* (*пренебрежение*₁ в словаре; ср. также устар. *небрежение*₁) естественно находит себя в *отчуждении*. Ср.: «Он <Гоголь> принялся за Мольера только после строгого выговора, данного Пушкиным за небрежение к этому писателю» (П. В. Анненков). Не случайно, что в контексте *так* в подобных случаях появляется отчуждающее *там* (см. об этом последнем в работе [Пеньковский 1989] и в настоящем сборнике стр. 40—44).

Точно такое же раздвоение обнаруживает и *презрение*, которое может быть как рациональным *пренебрежением* (*презрение*₂, толкуемое в словаре как *отношение*: «пренебрежительное отношение к чему-л.» [МАС : III, 376] — *презрение к смерти, к опасности, к болезни...*), так и *пренебрежением* экспрессивным (*презрение*₁, которое толкуется как *чувство*: «чувство полного пренебрежения, крайнего неуважения к кому-, чему-л.»

[МАС]). Приводимое в качестве иллюстрации этого значения речение *облить глубоким презрением кого-л.* с обычным для русского языка метафорическим представлением сильной эмоции в образе жидкой, льющейся и кипящей субстанции, подтверждает справедливость такого толкования.

Понятно, что в отношении этого низшего уровня, уровня в ы с о - ко мер но го пренебрежения и отчуждения, которые соединяются в целостном комплексе экспрессивного пр е з р е н и я, об истинности оценок вообще не может быть и речи. Истина добывается трезвым, спокойным умом и «умным» любящим сердцем, а не захлебывающимся от пр е з р е н и я и н е н а в и с т и чувством.

6.0. В этой связи обращает на себя внимание поразительный параллелизм словообразовательного состава и семантической структуры глаголов *презирать* и *ненавидеть* (*пре-* ‘через, поверх’ = *на-* ‘сверху, поверх’ + *~зир~* = *~вид~* + *-а-ть*), и можно было бы высказать предположение, что общепризнанная этимология *ненавидеть* «испытывать чувство ненависти — сильнейшей вражды, неприязни» [МАС : II, 456] (< *не* + *навидеть* ‘охотно с радостью смотреть’ [Фасмер 1971 : II, 63; Шанский 1975 : 289]) односторонняя и не учитывает возможности другого семантико-словообразовательного развития: с известной в славянских языках и, в частности, в русском, усилительной приставкой *не-* (см. о ней в работе [Толстой 1995 : 341—346]) от *на-вид-е-ть* ‘смотреть поверх’ → ‘не видеть’ → ‘презирать’. Ср. разг. *в упор не видеть* ‘смотреть и не видеть = презирать’. Ср. еще: «...мало-помалу он <Гоголь> начинает выделять самого себя и мысль свою из современного развития, из насущных требований общества, из жизни. Он усиливается *смотрит поверх голов*, занятых обыденным делом времени» (П. В. Анненков).

Веским аргументом в пользу этого предположения может служить обычное в литературном языке пушкинской эпохи, но не замеченное нашими словарями (их нет ни в БАС, ни в «Словаре языка Пушкина») употребление *ненавидеть* в значении ‘презирать’: «Императрица <...> изволила спросить обер-штальмейстера Нарышкина: “Отчего такой-то не любит живописи и *ненавидит стихотворство до такой степени, что*, по словам княгини Дашковой, *он всех ни к чему годных людей своих называет живописцами и стихотворцами?”»* (С. П. Жихарев. Дневник чиновника, 22 февраля 1807); «Надежду потеряв, забыв измены сладость, / Пылает

близ нее задумчивая младость; / Любимцы счастья, наперсники судьбы / Смиренно ей несут влюбленные мольбы; / Но дева гордая их чувства ненавидит / И, очи опустив, не внемлет и не видит...» (А. С. Пушкин. Дева, 1821); «Но жалок тот, кто всё предвидит, / Чья не кружится голова, / Кто все движенья, все слова / В их переводе ненавидит; / Чье сердце опыт остудил / И забываться запретил» (А. С. Пушкин. Евгений Онегин, 4, LI, 9—14); «Шум, хохот, беготня, поклонны, / Галоп, мазурка, вальс... Меж тем / Между двух теток, у колонны, / Не замечаема никем, / Татьяна смотрит и не видит; / Волнение света ненавидит; / Ей душно здесь...» (А. С. Пушкин. Евгений Онегин, 7, LIII, 1—7); «...вместо глупой, бестолковой работы, которой ничтожность я всегда ненавидел, занятия мои теперь составляют неизъяснимые для души удовольствия...» (Н. В. Гоголь — матери, 16 апреля 1831).

Ср. также *возненавидеть* — ‘презреть’: «Когда порой воспоминанье / Грызет мне сердце в тишине / И отдаленное страданье / Как тень опять бежит ко мне; / Когда, людей повсюду видя, / В пустыню скрыться я хочу, / Их слабый (славы?) глас *возненавидя*, / Тогда забывшись я лечу / Не в светлый край, где небо блещет / Неизъяснимой синевою...» (А. С. Пушкин. «Когда порой воспоминанье...», 1830); «И так я слишком долго видел / В тебе надежду юных дней / И целый мир *возненавидел*, / Чтобы тебя любить сильней...» (М. Ю. Лермонтов. К ***, 1832).

Однако для пренебрегаемых и презираемых по малости и ничтожности объектов т-уровня, которые можно не заметить и обойти, которые можно исключить из сознания, к которым можно повернуться спиной, н е н а в и с т ь — слишком сильное чувство. Более того, как и л ю б о в ь, ненависть предполагает прямой, л и ц о м к л и ц у, постоянный мысленный контакт субъекта ненависти с его объектом и такую концентрацию сознания на этом объекте, что от него — вопреки пониманию необходимости этого! — оказывается невозможным «о т в е р н у т ь с я». И именно в этом состоит парадоксальная сущность о т в р а щ е н и я! Тем самым естественно и неизбежно объект ненависти должен переместиться на противостоящий Т-уровень. И вот объяснение семантической эволюции всех слов этой группы: они полностью утратили значения ‘пренебрежения’ и ‘презрения’, память о которых сохраняется только в нередком — представляющемся вполне естественным для нашего со-

знания — соединении ненависти и презрения. Но не пренебрежения! Ср.: «К одной лишь московской партии, к славянофилам он всю жизнь относился враждебно: очень уж они шли вразрез всему тому, что он любил и во что верил. Вообще *Белинский умел ненавидеть* — he was a good hater — и всей душой презирал достойное презрения» (И. С. Тургенев. Воспоминания о Белинском, 1868); «После популярного воинственного Тьера управление Францией принял на себя англоман по убеждениям Гизо, который в ненависти и презрении к самодеятельности народных масс и их вожаков совершенно сходил с королем...» (П. В. Анненков. Замечательное десятилетие, 1880).

Известно, что от великого до смешного — один шаг. Оказывается, что от малого до великого — два!

ЛИТЕРАТУРА

БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: ИАН, 1950—1965.

МАС — Словарь русского языка. 2-е изд. М., 1981—1984. Т. 1—4.

Пеньковский 1989 — *Пеньковский А. Б.* О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики. 1985—1987. М., 1989.

Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Не — не 'не' // Язык и культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

Фасмер 1971 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1971.

Шанский 1975 — *Шанский Н. М.* Школьный этимологический словарь русского языка. М., 1975.

РАДОСТЬ И УДОВОЛЬСТВИЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Радость, пламя неземное,
Райский дух, слетевший к нам...
Ф. Шиллер

...Ни в одном из общепринятых удовольствий
не таится секрет, к которому мы все стремимся:
секрет радости жизни... В радости — смысл нашего
существования, мелочный и великий одновременно.
Мы вдыхаем ее с каждым вздохом...
Г. К. Честертон

Радость, по словам Честертонa, — «неуловимая материя» [Честертон 1984 : 30]. Пытаясь уловить «неуловимое», толковые словари определяют *радость* через *удовольствие*, либо отождествляя их (ср.: *радость* — «чувство удовольствия, удовлетворения» [МАС: 3, 581; Уш.: 3, 1112] и *удовольствие* — «чувство радости, довольства от приятных ощущений, переживаний, мыслей» [БАС: 16, 346; МАС: 4, 469; Ож.: 759, ОШ: 827; НСРЯ: II, 841]), либо же устанавливая между ними градуальные отношения (ср.: *радость* — «чувство большого удовольствия, удовлетворения» [БАС: 12, 78]).

Поскольку эти толкования вращаются в замкнутом синонимическом кругу (*радость* — «чувство удовольствия...» → *удовольствие* → «чувство радости...» → *радость* — «чувство удовольствия...» → ...), то ни тонкие различия между дополняющими и уточняющими их *удовлетворением* и *довольством* (ср., однако:

удовольствие — «чувство радости и довольства от... удовольств в о р я ю щ и х переживаний» [Уш.: 4, 899]), ни введенный в толкование *удовольствия* предложный оборот, обозначающий его каузатор, не могут помочь тем, кто обращается к словарям, ни в осознании того, что объединяет значения этих слов и стоящие за ними понятия-концепты, ни в осознании того, что их различает.

Здесь, как и во многих других случаях (см. [Пеньковский 1988: 53—55]), наши словари, с их традиционно ретроспективной ориентацией, отражают отношения, характерные для литературного языка конца XVIII — сер. XIX в., когда целостное семантическое поле ‘удовольствие — радость’ членилось именами *удовольствие* и *радость* (и некоторыми другими) иначе, чем в современном языке. Первое в этот период имело более широкое, чем сегодня, диффузно-размытое значение и, покрывая часть семантического комплекса имени *радость*, функционировало в качестве дублета последнего, широко и свободно замещая его в различных сочетаниях с предикатами, атрибутами и т. п., в том числе и в многочисленных оборотах, составляющих сегодня специфическую идиоматику *радости*¹. Ср., например, отражающие старую норму и не встречающиеся в современном употреблении обороты типа *давать / дарить удовольствие; переживать удовольствие; сиять / светиться / дышать удовольствием; купаться / плавать / тонуть в удовольствии; быть в удовольствии; в порыве удовольствия; искреннее / непритворное удовольствие* и др.

Наследием и свидетельством указанного этапа семантической истории имени *удовольствие* в русском языке являются живые отношения дублетности в парах *к моему (твоему, нашему, общему, всех присутствующих) удовольствию — к моей (твоей, нашей, общей, всех присутствующих) радости*, а также случаи дублетного употребления наречных сочетаний *с удовольствием — с радостью* в некоторых контекстах (см. об этом в работе [Пеньковский 1998: 214—245] и в наст. изд. с. 239—273). Того же происхождения в современном языке и обороты *чувство удовольствия, чувствовать удовольствие* (ср.: *ощущение удовольствия* и *чувство радости*, но не *ощущение радости), которые заслуживают особого внимания, поскольку именно они прежде всего навязывают нашему сознанию подведение УДОВОЛЬСТВИЯ под категорию «чувства», что и отражают в своих дефинициях толковые словари.

Однако в той картине мира, которая может быть воссоздана на основе всего массива данных современного языка, УДОВОЛЬСТВИЕ — это не «чувство» (или по крайней мере не просто «чувство»). Это положительная чувственная реакция (ср. [Вольф 1989]). УДОВОЛЬСТВИЕ — всегда *удовольствие от чего-либо*, и этим, в частности, оно отличается от РАДОСТИ, которая может быть и «ни от чего»: *беспричинная радость*, но не **беспричинное удовольствие*. Ср.: *...я вдруг почувствовал беспричинную радость жизни* (Л. Толстой); *Без всякой причины в груди ее шевельнулась радость* (Чехов). РАДОСТЬ с категориально-сущностной точки зрения это и «чувственная реакция» (*радость*, как и *удовольствие*¹, *испытывают: Я с радостью узнал, что... / Узнав, что... я испытал радость*), и «чувство» (*радость* в отличие от *удовольствия переживают*, и сама она, как и другие чувства, *живет* в человеке), и «чувственное состояние», в котором пребывают: *Не в радости ли просыпался я всякое утро?* (Карамзин); *Я все еще продолжал быть в радости и сиянии* (Достоевский); — *Рады стараться... — в благодарной радости крикнули ребята* (Станюкович); *...чтобы художник, если бы удалось ему заглянуть в душу своего слушателя и читателя, сказал бы в радости...* (Н. А. Ильин)². Ср. также: *радостный настрой, радостное настроение, радостное расположение духа*.

При этом важно не только то, что *удовольствие* не мыслится вообще вне каузативной связи, но и то, что каузатор *удовольствия*, каков бы он ни был, не «дотягивает» до ранга «причины» или «основания» (ср.: *Куда меньше оснований для радости было бы у него, если бы он знал, что...* — Экспресс. 18 апреля 1990; *Я, разумеется, обрадовалась. Но радость была совсем необоснованная.* — Е. Керсновская) и должен квалифицироваться как «стимул». «Стимул» в том точном значении этого слова, с каким оно входит в терминологическую пару «стимул — реакция», принятую в современной общеупотребительной, не специально бихевиористской, системе психологических понятий [Платонов 1984 : 143]. Это именно «стимул», поскольку УДОВОЛЬСТВИЕ прежде всего и преимущественно чувственно-физиологическая реакция, тогда как РАДОСТЬ имеет более высокую чувственно-психическую природу. Толкуя *удовольствие* как «чувство радости», а *радость* как «чувство удовольствия», лексикографы должны были уточнить, что удо-

вольствие — это радость тела, а *радость* — удовольствие души и духа. Ср.: *Наибольшую радость телу дает свет солнца, наибольшую радость духу — ясность математической истины* (Д. Мережковский).

Стимулом УДОВОЛЬСТВИЯ является действие. Именно действие, действие как процесс может *доставить* нам *удовольствие*. Только действуя, мы можем *получить удовольствие*. Это совершенно очевидно, когда речь идет о физиологически-телесных и физических действиях, но это справедливо и в отношении любых других, в том числе и высоких ментальных действий, если они имеют доступную ощущениям физическую подоснову. Именно о таких действиях (*слушать музыку, смотреть картины Тарковского, беседовать с умным человеком, решать математические задачи* и т. п.) говорят, что они *доставляют чисто физическое удовольствие*³. При этом важно одно: такое действие должно быть активным, намеренным, целенаправленным действием самого субъекта чувственной реакции. Ее стимулом может быть, естественно, и отрицательное действие, т. е. активное недействие (то, что называется *сладким ничегонеделанием* — *dolce far niente*), и намеренное, активное пребывание в том или ином состоянии (*сидеть, стоять, валяться, лежать, спать с удовольствием*). Ср.: *Она ровно дышала, улыбалась и, по-видимому, спала с удовольствием* (А. П. Чехов); *с удовольствием предаваться какому-либо чувству*.

Что касается действий, совершаемых во внешнем мире другими, и в частности действий, совершаемых другими специально для нас (*для нашего удовольствия*), то — вопреки поверхностной форме описывающих подобные ситуации высказываний (*Ваша игра доставила мне удовольствие / Вы доставили мне удовольствие вашей игрой / Я получил удовольствие от вашей игры*) — они должны рассматриваться не как стимул, а как *источник удовольствия*. Стимулом же, в соответствии со сказанным выше, здесь, как и в любом другом случае, является собственное действие «получившего удовольствие Я». Незазванное, но необходимое, оно легко восстанавливается: *Я с удовольствием слушал (смотрел на) вашу игру / следил за вашей игрой / внимал вашей игре...*

Удовольствие скрыто в источнике и таится в его глубине. Но не в готовом виде, а лишь как потенция, виртуально, *in spe*, как огнен-

ная искра в кремне, материализуемая лишь при ударе огнем. Поэтому *удовольствие ищут* (ср. *изысканное удовольствие*, но не **изысканная радость*) и *находят*, а найдя — *извлекают*. Извлекая действием, *получают*; получая — *имеют*; имея — *испытывают*. Но, чтобы *искать*, *находить*, *извлекать*, *получать* и *испытывать удовольствие*, необходимо еще «владеть технологией» всех этих действий, знать способы и приемы их применения, иметь соответствующие навыки и умения. А этому, не впадая в грех гедонизма, нужно учить и учиться. Ср. мысль Г. Честертон о необходимости «научить молодого человека будущего умению получать удовольствие от общения с самим собой» [Честертон 1984 : 331].

УДОВОЛЬСТВИЕ, таким образом, «механично» и «технично» в отличие от РАДОСТИ, которая «органична». Не случайно, что *удовольствие портят* (ср.: *Кто меня благодарит, удовольствие мое портит...* — И. С. Тургенев; *Он подождал, не желая портить Дортмунду удовольствие...* — Смена. 1990. № 3), как портят вещь или механизм, тогда как *живую радость омрачают, отравляют и убивают*. Убитая, она *умирает*, как умирают другие светлые чувства или носитель их, человек, но умирает, чтобы *возродиться*, как божество, к новой жизни или *воскреснуть*, как Бог, «в жизнь вечную». *Удовольствие* же нельзя *воскресить*, и *возродиться* оно не может. Его можно лишь *повторить*, вновь включив механизм соответствующей чувственно-физиологической реакции.

УДОВОЛЬСТВИЕ начинает б ы т ь и перестает б ы т ь, избывает себя, безымянно. В общеупотребительном русском языке нет глаголов, которые могли бы обозначить и назвать эти фазы (бытия? существования? жизни? развития? движения?..) *удовольствия*. Как, действительно, сказать о его начале? *Удовольствие *началось? *появилось? *возникло? *пришло?..* И как сказать о его конце? *Удовольствие *закончилось? *исчезло? *прошло?..* По-видимому, единственную такую возможность представляет описание в «терминах огня» — *удовольствие вспыхнуло, разгорелось, угасло*. Эти предикаты, однако, принадлежат поэтической речи русского романтизма и не входят в состав общезыковых метафор.

РАДОСТЬ же, на общелитературном языке, *рождается, шевелится, растет, живет и дышит в душе и/или в сердце* человека; она *покидает* место своего обитания и *возвращается* обратно, *поселяясь там на время, как гостья, надолго или навсегда*;

засыпает (и тогда ее *будят*) и *просыпается*; *затишает* или *умоляет* и *заговаривает*; *скрывается* и *затаивается* и т. п.

Из этого набора общеязыковых предикатов и связанных с ними атрибутов *радости* — под определяющим влиянием великой христианской идеи Радости и с участием мощных токов европейской культурной традиции — в русской поэтической картине мира складывается и достраивается мифологический образ Радости как живущего на грани двух миров, земного и небесного, прекрасного женственного существа с лицом неземной красоты, с глазами-очами, излучающими небесный свет, с несущим тепло «легким дыханием», с добрыми теплыми руками, с легкими ногами-стопами, на которых радость приходит и уходит, и с легкими, но мощными крыльями-крылами, на которых она улетает и прилетает, окрыляя человека и одаряя его способностью лететь на крыльях радости. Легкий и мягкий свет, который может усиливаться до степени ослепительного сияния восторга, и мягкое живительное тепло, способное превращаться в очистительный огонь, — две основные эманыции Радости и одновременно две стихии, которые образуют двуединую — *текущую, льющуюся, брызжущую и кипящую*, но и *дышащую, летучую, веющую, эфирную* (отсюда образы *волны*, и *ветра, прилива* и *порыва*) — субстанцию радости в двух ее взаимосвязанных ипостасях: *радости души* и *радости сердца* (духа) (ср. [Арутюнова 1976 : 98—106]). Первая одухотворяет и освящает человеческое, поднимая его к горнему свету.

Вторая — вочеловечивает небесное, принимаемое и постигаемое умным сердцем (ср. [Вышеславцев 1990 : 68—70]). В русском культурном сознании этот поэтический язычески-персонифицированный образ Радости как одного из источников жизни и вдохновения (*Где радость, там и жизнь* — Л. Толстой) существует во взаимодействии с другим, воплощающим христианскую идею Радости, образом, который связан с именем Богоматери (ср. иконы «Всех Скорбящих Радости», «Нечаянная Радость» и др.). Показательно, что неперменными спутниками *радости* в общеязыковых сочинительных рядах являются *покой* ‘состояние душевной гармонии’, *утешение* и *благодать*; *вера*, *надежда*, *любовь*, а также *истина*, *красота* и *добро*, вместе с которыми Радость входит в софийный комплекс (ср. [Хоружий 1989 : 79]). Ср. также: «О, сердце, <...> не оглядывайся назад, не вспоминай, не стремись туда,

где светло, где смеется молодость, где надежда венчается цветами весны, где голубка-радость бьет лазурными крылами, где любовь, как роса на заре, сияет слезами восторга; не смотри туда, где блаженство, и вера, и сила...» (И. С. Тургенев. Поездка в Полесье, 1857) ⁴.

УДОВОЛЬСТВИЕ в такой целостный языковой образ не складывается, и это имеет глубокие сущностные основания. Отказывая УДОВОЛЬСТВИЮ в средствах обозначения его начала и конца (см. выше), язык свидетельствует тем самым, что оно лишено длительности. *Удовольствие скоротечно и эфемерно*. Связанное со своим субъектом, источником и стимулом обязательным единством места и времени, оно зажато в жестких координатах «я — здесь — теперь». Для РАДОСТИ же, которая может быть связана только с мыслью и свободна, как дух, который «дышит, где хочет» (Ин., 3. 8), нет ограничений ни во времени, ни в пространстве. Ей доступны все «там» и любые «тогда». Невозможно, живя в М о с к в е, получить с е г о д н я удовольствие от концерта, который состоялся в п р о ш л о м г о д у в П е т е р б у р г е. Но можно и сегодня — *задним числом* — *радоваться* тому, что этот концерт б ы л. Можно *радоваться заранее* тому, что б у д е т, но от того, что будет, нельзя *получить удовольствие наперед*. Можно, правда, *предвкушать удовольствие*, но это совсем не то, что *испытать удовольствие*, и значит всего лишь ‘с удовольствием думать об удовольствии, которого мы ждем’.

РАДОСТЬ абсолютно бесплотна, и тем не менее для языка она абсолютная реальность. УДОВОЛЬСТВИЕ имеет несомненную материальную — физическую и физиологическую — основу, и тем не менее для языка оно фикция. *Радость имеет бытие, существует, живет.. Радость есть*. Можно сказать: *У меня (у него, у нас...)* — *(была, будет) радость; Там, — радость*. Ср.: *Окна в сад открыты... В саду — радость, зелень, птицы, прекрасное летнее утро...* (Бунин). *Удовольствие* лишено возможности соединяться с предикатами бытия: **У меня (у него, у нас...)* — *(было, будет) удовольствие; *Там — удовольствие*. *Радость* можно *возбудить* (а также *разбудить* и *пробудить*) и *вызвать*. И это еще одно свидетельство того, что она есть. Ее может быть *больше* или *меньше* и даже так *много*, что оказывается возможным говорить о *запасах* (и даже о *неисчерпаемых* и *неиссякаемых*

запасах) радости. Их берегут и хранят, как сокровища (сокровища радости), и из них же радость черпают, раздают, дают, даруют и дарят. Удовольствие — увы! — нельзя запасти, как нельзя ни дать, ни подарить, ни возбудить, ни вызвать. Его, как скоропортящийся продукт, извлекают и доставляют для немедленного потребления. При этом парадоксальным образом оказывается, что в источнике — до того, как удовольствие извлекли, — его еще нет; в субъекте же — после того, как удовольствие получено, — его уже нет. Это значит, что УДОВОЛЬСТВИЕ с точки зрения языка не более чем иллюзия и химера. УДОВОЛЬСТВИЕ — это сиюминутное «я ощущаю, что мне хорошо». РАДОСТЬ же — это непреходящее «я знаю (понимаю), что это хорошо». Библейское «И увидел Бог, что это хорошо» (Быт., I, 26) говорит не об удовольствии — о радости.

Источником удовольствия могут быть не только действия (собственные действия субъекта и действия других), но и предметы, существующие в окружающем мире; *Ваше письмо (статья, книга, подарок, букет...) доставили мне удовольствие / Вы доставили мне удовольствие вашим письмом (статьей, книгой, подарком, букетом...) / Я получил удовольствие от вашего письма (статьи, книги, подарка, букета...)*. Чрезвычайно важно, однако, что в высказываниях такого рода место актанта-источника могут занимать только неодушевленные имена — названия артефактов. Имена природных объектов в этой позиции, по-видимому, невозможны: **Лес (река, горы, розы, поросятки, кошка, знакомые, Маша...) доставили мне удовольствие / *Я получил удовольствие от леса (реки, гор, роз, поросятки, кошки, знакомых, Маши...)*. Поэтому, услышав вырванную из контекста фразу *Эти ромашки доставили мне удовольствие*, мы, очевидно, подумаем скорее о букете, составленном из ромашек, чем о ромашках, растущих на лугу. Поэтому же высказывание *Маша доставила мне удовольствие* должно быть прочитано как сообщение о событии, в котором Маша играла роль дарительницы источника удовольствия.

Из этого следует, что язык, занимая позицию высшей нравственности, запрещает нам рассматривать природный мир как созданный на потребу человеку в качестве источника его удовольствия. Он учит нас тому, что составляет одно из центральных положений христианского вероучения: мир создан и существует для всеобщей

радости⁵. РАДОСТЬ — одна из энергетических сил, которые образуют животворящую силу Святого Духа, действующего «не только в человеческой, но и в животной, и в растительной, и, может быть, вообще в космической, мировой душе» [Федотов 1990 : 205]. УДОВОЛЬСТВИЕ же принадлежит исключительно и безраздельно профанному, «тварному падшему» (по С. Н. Булгакову [Булгаков 1989]) миру.

РАДОСТЬ по природе альтруистична. Именно поэтому возможна и нормальна *радость за другого*. *Удовольствие за другого* не получишь. Можно, разумеется, *радоваться про себя* (*тихая, скрытая радость*), но *высшая степень радости* достигается лишь тогда, когда она *разделяется* с другими. Показательно поэтому, что глагол *радоваться*, как и прилагательное *рад*, управляет дательным падежом имени, в котором значение каузатора эмоционального состояния совмещается со значением адресата: *радость возвращается* тому, кто является ее источником. Ср. также неправительственно-объектное значение винительного падежа в оборотах *радоваться* (*не нарадоваться на кого-либо*) и этимологическое значение ‘вокруг’ («окружать радостью») в церковнославянском *радоватися о ком*.

РАДОСТЬ межличностна. *Радостью* можно *заразиться* и *разить*, можно *поделиться*, передав ее другому или рассказав о ней. Поэтому *невыразимая радость* — экспрессивное преувеличение. Удовольствие же действительно невыразимо. Поэтому оборот *выразить удовольствие* — всего лишь этикетная формула выражения благодарности за доставленное удовольствие.

РАДОСТЬ активна и поэтому может быть причиной (ср. простореч. *с какой радости?*) и иметь (нередко в гиперболическом выражении) многообразные следствия: *забыть себя*, *забыть обо всем* (ср. *рад без памяти*), *потерять рассудок*, *потерять голову* (ср. *головокружительная радость*), *обезуметь*, *помешаться*, *сойти с ума*, *потерять сон*, *лишиться чувств*, *не чувствовать под собой ног*, *трепетать* vs. *дрожать*; *плакать* vs. *рыдать* (отсюда *слезы радости*); *прыгать*, *скакать*, *танцевать* vs. *плясать*, *умирать* и т. п. Ср.: *Я не вспомнил тогда сам себя от радости* (А. Т. Болотов); *Сердце невольно прыгает от радости* (С. П. Жихарев); *Ефросинья даже терялась от радости* (Н. С. Лесков); *Сердце то замирало, то билось так, что ка-*

залось, вот-вот разорвется, и он сейчас умрет от радости (Д. Мережковский). Ср. еще: *Финоген Иваныч с радости выпил и теперь спал на поваровой постели...* (Л. Андреев).

УДОВОЛЬСТВИЕ скрыто и, не способное само быть причиной чего-либо, имеет — в отличие от Радости — не следствия, а свидетельствующие о его высокой степени многообразные внешние, преимущественно симптоматические, проявления физиологического характера (ср. *дрожать, краснеть, крякать, морищаться, стонать, мычать, мурлыкать, фыркать, отдуваться, повизгивать от удовольствия*). Ср. еще: *Зина даже вспыхнула от удовольствия* (В. Соловьев); *...сказал Голубев, млея от удовольствия* (А. Пинчук); *Он вошел в гостиную и как-то весь обмяк от удовольствия* (В. Набоков); *Фирсов даже хихикнул от удовольствия* (З. Гареев); *Он даже причмокнул от удовольствия* (Р. Киреев). Однако о явном, видимом удовольствии говорят обычно в тех случаях, когда эта реакция почему-либо не соответствует общепринятым нормам. Ср.: *Как поступит новенький, через недельку готов! — с видимым удовольствием сказал доктор* (Л. Толстой). РАДОСТЬ, напротив, открыта. Поэтому *скрытая радость* обычно связана с тем, что считается постыдным.

РАДОСТЬ надличностна. Она может *овладевать* всем существом человека и, *переполняя* его, *выливаться, выплескиваться* вовне (ср. также *дышать, светиться радостью; рвущаяся наружу радость*), *растворяясь* в окружающем мире. Поэтому говорят об атмосфере радости. Эта *растворенная, разлитая* в мире *радость* *вливается* в человека, который *пьет* ее (отсюда образы *вина и чаши радости*, а также *могучей груди с сосцами*, из которой *пьют радость* и др.). От человека в мир и из мира в человека — таков нормальный круг радости, которая может поэтому переживаться не только отдельной личностью, но также группой людей, целым народом или страной. Ср. др.-рус. *Страны рады, гради весели*. УДОВОЛЬСТВИЕ *всенародным* не бывает. Как соборное чувство, преодолевающее страдания, уныние и скорбь, РАДОСТЬ способна становиться состоянием природы и вливаться в космос (ср. слова О. Мандельштама о *космической радости* у Тютчева), охватывая таким образом весь Божий мир, включая и преисподнюю. Ср.: — *Так-с... Радостный ныне день, — продолжал отец Иероним... — Радуется и небо, и земля, и преиспод-*

няя (Чехов). Ср. также икону «О Тебе Радуется, Обрадованная, Вся Земная Тварь».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Одновременно на правах дублетов использовались также удовольствие и приятность, удовольствие и доволство, радость и веселость (веселье).

² Ср. устар.: Почтеннейшая супруга его, Марья Ивановна, с ним — и он в полном удовольствии (К. Ф. Рылеев).

³ То же относится и к высшей степени удовольствия — наслаждению. Ср.: «...Бакунин, можно сказать, господствовал над кружком философствующих. Он сообщил ему свое настроение, которое иначе и определить нельзя, как назвав его результатом сластолюбивых упражнений в философии. Все дело ограничивалось еще для Бакунина в то время *умственным наслаждением...*» (П. В. Анненков. Замечательное десятилетие. 1838—1848, IV. — *Курсив автора*). О наслаждении см. также в работе [Зализняк 2003].

⁴ Отметим еще стоящий особняком специфически книжный метафорический комплекс радости, восходящий к евангельским образам духовного посева и жатвы на поле жизни: *сеять (пожинать) радость, сеятель радости, семена радости, всходы радости* и др. Ср.: *Так кончилась жизнь... моего милого, радость сеявшего Альбертюса* (А. Н. Бенуа).

⁵ Ср.: «Чем большую радость мы испытываем, тем более растет наше совершенство и тем в большей степени мы становимся причастными к божественной природе...» [Спиноза 1957 : I, 118].

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова 1976 — *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл: (Логико-семантические проблемы). М.: Наука, 1976.

БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: ИАН, 1950—1965.

Булгаков 1989 — *Булгаков С. Н.* Философский смысл троичности // Вопросы философии. 1989. № 12.

Вольф 1989 — *Вольф Е. М.* Эмоциональные состояния и их представление в языке // Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989.

Вышеславцев 1990 — *Вышеславцев Б. П.* Сердце в христианской и индийской мистике // Вопросы философии. 1990. № 4.

Зализняк 2003 — *Зализняк Анна*. СЧАСТЬЕ и НАСЛАЖДЕНИЕ в русской языковой картине мира // Русский язык в научном освещении. 2003. № 3.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1981—1984.

НСРЯ — Новый словарь русского языка. М.: Русский язык, 2001.

Ож. — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1972.

ОШ — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1997.

Пеньковский 1998 — *Пеньковский А. Б.* Глагольные действия *sub specie adverbiorum*. 1. *охотно, с удовольствием, с радостью* // Слово и культура: Памяти Н. И. Толстого. Т. 1. М.: Индрик, 1998.

Платонов 1984 — *Платонов К. К.* Краткий словарь системы психологических понятий. М., 1984.

Спиноза 1957 — *Спиноза Б.* Избранные работы. Т. I. М., 1957.

Уш. — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940.

Федотов 1990 — *Федотов Ч. П.* О Св. Духе в природе и культуре // Вопросы литературы. 1990. № 2.

Хоружий 1989 — *Хоружий С. С.* София — Космос — Материя: устои философской мысли отца Сергия Булгакова // Вопросы философии. 1989. № 12.

Честертон 1984 — *Честертон Г. К.* Писатель в газете. М., 1984.

**ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ПОМЕТЫ
ТЕРМИНОВ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ
(К соотношению внутренней формы
и актуального значения)**

Лингвистическая терминология (как и терминология других областей знания) представляет собой структурное единство, гетерогенные и гетерохронные составляющие которого — особенно в его основной, базовой, элементарно-фундаментальной части, освященной традицией и закрепленной временем и школьно-вузовской преподавательской практикой, — как правило, не привлекают к себе рефлектирующего внимания ни учащихся, ни учащихся. Между тем многие единицы этой базы, пережившие эпоху и научные школы, которые их породили, и оказавшиеся в иной, изменившейся общезыковой системе, становятся — вследствие сохраняющейся ясности и прозрачности их внутренней формы — гипнотизирующим тормозом для развития научной мысли либо, что еще опаснее, дают ей ложное направление. В ряду таких терминов — общепринятые, общепотребительные, общепризнанные и нигде, никем и никак не обсуждаемые и не комментируемые квалификаторы именных образований («новых имен» [Болла и др. 1968; Грамматика-70; Грамматика-80; Грамматика-89] или же — в понимании большинства авторов — «форм» [Абакумов 1942; Виноградов 1947; Валгина 1971; Аникина, Калинина 1983; Буланин 1976; Шанский, Тихонов 1981 и др.], реже без определения их природы [Исаченко 1954], с суффиксами так называемой «субъективной оценки».

I. При многочисленных частных расхождениях в их трактовке и описании, все грамматисты рассматривают эти образования, исходя из выражаемых ими (ими как целыми или суффиксами в их составе; ср. также прямое отождествление «формы» и суффикса в [Валгина 1971]), «к а т е г о р и й» (см., например, [Шахматов 1941; Абакумов 1942; Трофимов 1957]), «з н а ч е н и й» (см., например, [Богородицкий 1935; Булаховский 1952; Грамматика-70 и др.]) или «о т т е н к о в з н а ч е н и я» (см., например, [Аникина, Калинина 1983; Голанов 1962; Кононенко 1978; Розенталь 1976; Barnetova 1979 и др.]) «уменьшительности» (Умнш.) — «увеличительности» (Увлч.) / «усилительности» (Услт.), с одной стороны, «ласкательности» (Ласк.) — «пренебрежительности» (Прнбр.) / «уничжительности» (Унчж.), с другой, между членами которых разные авторы устанавливают различные отношения субординации, координации и связи:

1.1. «Ласк.—Умнш.», «Прнбр.—Умнш. / Увлч.» [Аванесов, Сидоров 1936; 1945].

1.2. «Умнш.», «Ласк.», «Унчж.», «Увлч.» [Розенталь 1976] или «Умнш.», «Ласк.», «Увлч.», «Прнбр.» [Голанов 1962; Кононенко, Брицын 1978].

1.3. «Умнш.», «Ласк.», «Умнш.—Ласк.», «Умнш.—Унчж.», «Увлч.» [Грамматика-70] или «Умнш.—Ласк.», «Умнш.», «Ласк.», «Прнбр.», «Увлч.» [Аникина, Калинина 1983].

1.4. «Увлч.», «Умнш.», «Унчж.» / «Прнбр.», «Ласк.» [Богородицкий 1935] или «Увлч.», «Умнш.», «Ласк.», «Прнбр.» [Булаховский 1952].

1.5. Если учесть также работы, которые вводят дополнительный критерий «положительной» — «отрицательной» оценки (см., например, [Гвоздев 1958] и особенно [Гужва 1967]) или оценки «одобрительной» — «неодобрительной» (см., например, [Попов 1978]), то станет ясно, насколько широк разброс предлагаемых классификационных решений, каждое из которых формулируется категорически-аподиктическим образом, без каких бы то ни было аргументов и обоснований, не говоря уже об обращении к опыту предшественников и анализе иных точек зрения.

2. Несомненно, однако, что ни одна из такого рода классификаций не удовлетворяет элементарным требованиям целостности, системности, согласованности и непротиворечивости ее элементов

и, имея в виду синтетическую «категорию субъективной оценки», не объясняет и даже не задается вопросом, что это за категория (В. А. Трофимов без всякого обоснования включает в нее и формы степеней сравнения [Трофимов 1957]) и откуда она берется. При этом следует учесть, что:

2.1. Принимаемая всеми «Ласкательность», будучи несомненно категорией субъективной, очевидно, не является «оценкой», так как представляет собой лишь «экспрессивное отношение», складывающееся на базе определенной оценки. Ср.: «Ласкательный. 3. Выражающий ласку, вносящий своей формой оттенок ласки. *Ласкательные формы существительных*» при «Ласка. 1. Проявление нежности, любви. (...) 2. Доброжелательное, приветливое обращение, отношение» ([БАС : 6, 69] — разрядка моя. — А. П.). То же, в [МАС 1982 : II, 165].

2.2. В то же время находящиеся в центре всех указанных выше и других подобных классификаций «Уменьшительность» — «Увеличительность», выражая количественную оценку, не несут в себе ничего субъективного, поскольку — если исходить из живых словообразовательных связей этих терминов в современной языковой системе — за ними стоят совершенно объективные физические действия по глаголам *уменьшить / уменьшать* — *увеличить / увеличивать*: «1. (с-)делать меньше / больше по величине, объему, количеству» «2. (с-)делать меньшим / большим по степени, силе, интенсивности» [МАС 1984 : IV, 490, 449].

2.3. Таким образом, в сфере «субъективной оценки» остаются только «Прнбр.» и «Унчж.», которые действительно оценивают, и притом субъективно.

3. Базой этой субъективности являются не реальные физические, а идеальные — ментальные — действия: не уменьшение и увеличение, а умаление (приуменьшение) и преувеличение, т. е. действия по глаголам *умалить / умалять (приуменьшить / приуменьшать)* — *преувеличить / преувеличивать* «представить / представлять что-либо (роль, значение, смысл, ценность) в меньших / больших (чрезмерно уменьшенных / увеличенных) по сравнению с действительностью размерах». Это именно те ментальные действия, которые лежат в основе особого — тимиологического — ранжирования элементов универсума по степени их

важности, ценности и значительности [Пеньковский 1995] и как раз и формируют такие, по слову Ницше, «человеческие, слишком человеческие» типы отношений к человеку и миру, как пренебрежение (презрение) и уничтожение (не смешивать с унижением!). И это — не отрицательная оценка, а обесценение!

4. Таким образом, общепринятая «Уменьшительность» губительно скрывает и не позволяет различать объективное физическое «уменьшение» и субъективное ментальное «умаление», как равным образом общепринятая «Увеличительность» скрывает и не позволяет различать объективное физическое «увеличение» и субъективное ментальное «преувеличение». В старом литературном языке начала — середины XIX в., где «физическое» и «ментальное», как и во многих других случаях, в семантической структуре этих слов совмещались, ситуация была принципиально иной, двусмысленность этих терминов была открытой и опасности не представляла.

Дело в том, что в эту эпоху *уменьшить* (по Далю, — *уменьшѣть* [IV, 492]) / *уменьшать* и *умалить* (по Далю, — *умáлить* [IV, 490]) / *умалять* (по Далю, также *умаливать* [IV, 490]) функционировали как свободные дублеты. «Умалительныя называются также уменьшительными», — читаем мы в старой русской грамматике 1783—1788 г. [Барсов 1981]. Глагол же *преуменьшить* / *преуменьшать*, по-видимому, вообще еще не использовался. Во всяком случае Даль его не знает, а иллюстрации БАС [11, 310] ограничены цитатами из Макаренко и Чаковского. В то же время *увеличивать* значило и ‘увеличивать’ (по Далю, «прибавлять, умножать количество, пространство, объем, время или качество; заставить расти, возрастать; удлинять, расширять; возвышать, усиливать; распространять» [IV, 461]), и ‘преувеличивать’ (по Далю, «преувеличивать, говорить лишнее» [IV, 461]). И это второе значение, вопреки анахроничной трактовке БАС, не было «переносным», как характеризуются приводимые в качестве иллюстрации словоупотребления *увеличивать* у Гоголя («Старухе, продававшей бублики, почудился сатана в образе свиньи. К этому присоединились еще *увеличенные вести* о чуде, виденном волостным писарем» — «Сорочинская ярмарка», 7) и — запоздало! — у Чехова («У него азартная страсть ко всякого рода талантам, и каждый талант он видит не иначе, как только в

увеличенном виде» — Письмо А. Н. Плещееву, 2 января 1889) [БАС : 16, 106].

В цитате из Чехова — это не переносное, а устаревшее уже и для его времени употребление (поэтому оно вполне оправданно не фиксируется ни в словаре Ушакова, ни в МАС), — употребление, которое было, однако, общей нормой в литературном языке начала — первой трети XIX в., когда — это необходимо повторить и подчеркнуть — физические и ментальные значения в огромном числе случаев еще не разграничивались и входили в общую широкую семантику слова, не дифференцировавшую и многие другие категориальные значения, актуальные для лексико-грамматической семантики современного русского языка.

Не разграничивать их сегодня, исходя из норм пушкинской эпохи, — значит искажать реальную картину современного языкового состояния. Именно такова, например, ситуация в БАС, где *уменьшать* — *уменьшить* толкуется как «Делать меньшим по величине, объему, количеству», а в качестве первой (и притом «беспомятой»!) иллюстрации получает цитату из Грановского: «Число жертв Варфоломеевской ночи различно показывается. Католики *уменьшают* его, протестанты *увеличивают*» [БАС : 16, 587], за которой в непрерывном ряду следуют примеры из Л. Толстого («Долли с детьми переехала в деревню, *чтобы уменьшить сколько возможно расходы*») и Н. Морозова («Я, не прибавляя, *не уменьшая шага*, продолжал свой путь...»). Ср. словоупотребление, аналогичное приведенному выше из Грановского, в письме А. В. Суворова В. С. Попову осенью 1789 г. Испрашивая награды для участников битвы под Фокшанами, он писал: «Не забудьте моих Фокшанских; и ведомо все зависит от милости князь Григорья Александровича <Потемкина>, как и я сам. Я, право, *не увеличил*; разве *уменьшил*: басурманы считают их урон одних убитых 4000...» (Русский архив, 1901. Кн. 4. Вып. 10. С. 120). То же в дневниковой записи А. И. Тургенева по поводу известных строк Пушкина о Н. И. Тургеневе в строфе из уничтоженной 10-й главы «Евгения Онегина» («Одну Россию в мире видя, / Преследуя свой идеал, / Хромой Тургенев им внимал / И, плети рабства ненавидя, / Предвидел в сей толпе дворян / Освободителей крестьян...»): «Поэт угадал, одну мысль брат имел, одно и видел, но и *поэт увеличил*: где брат ви-

дел эту толпу? пять, шесть — и только!» (цит. по: [Максимов 1974 : 123]).

Приписывать же такого рода ментальным употреблением переносность — значит безнадежно искажать реальную картину языка пушкинских десятилетий и совершенно неоправданно увеличивать — ‘преувеличивать’ степень и уровень его метафоричности и образности (см. об этом также: [Пеньковский 1983; 1988; 1991]). Ср. хотя бы немногие примеры из множества интересующих нас словоупотреблений:

1. Увеличивать — ‘преувеличивать’: «Замечено, что записные лжецы в своих рассказах *увеличивают претерпенные ими опасности, труды, печали и все обстоятельства* убийств или жестокостей, ими виденных...» (В. А. Жуковский. Рассуждение о трагедии, 1811); «В нем два человека. Один добр, прост, весел, услужлив <...> Другой человек — не думайте, чтобы я *увеличивал* его дурные качества <...> — злой, коварный, завистливый...» (К. Н. Батюшков, Чужое: мое сокровище, 1817); «Так как все *увеличивают*, так и в сем деле меня уверили, что у него <Ипсианты> 30 т<ысяч> войска» (К. Я. Булгаков — А. Я. Булгакову, 18 марта 1821 // Русский архив, 1902. Кн. 3. Вып. 12. С. 510); «Он сделал мне замечания частные свои и между прочим общее то, будто много похвалил покойного и *увеличил происшествия сами по себе маловажные*» (И. М. Снегирев. Дневник, 12 августа 1824 // Русский архив, 1902. Кн. 1. Вып. 3. С. 419); «Как же чан проплыл 15 верст с двумя человеками невредимо, когда разбило тою же бурей корабли линейные? Провидение! Но здесь *любят все увеличивать*, и почему не полагать то, что утешительнее для сердца?» (А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову, 11 декабря 1824 // Русский архив, 1901. Кн. 2. Вып. 5. С. 91); «Что же касается прочих слухов, то верьте, что они большею частию совершенно ложны или, по крайней мере, *увеличены*...» (Л. С. Пушкин — П. А. Вяземскому, январь 1825 // П. П. Вяземский. А. С. Пушкин: 1816—1825: по документам Остафьевского архива. СПб., 1880. С. 67); «Осуждали автора. За что? Писа его есть верное, справедливое и *нимало не увеличенное изображение существенности*» (А. И. Тургенев. Дневники, 19 ноября 1826); «...всякая весть о посещениях ваших к ним <сестрам автора> была мне в заключении истинным утешением и новым доказательством дружбы вашей, в которой я, впрочем, столько уже уверен, сколько в

собственной нескончаемой привязанности моей к вам. — Эти слова между нами не должны казаться сильными и увеличенными — мы не на них основали нашу связь...» (И. И. Пущин — Е. А. Энгельгардту, 14 декабря 1827); «Дай Бог князю П.<етру> М.<ихайловичу> столько звезд, сколько их (сказать на тебе, было бы *чрезчур увеличено*), но столько, сколько их в большой Медведице» (А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову, 5 апреля 1828 // Русский архив, 1901. Кн. 4. Вып. 10. С. 140); «Арсеньев сказывал. что пишут из Одессы, что делаются большие приуготовления для Воронцова <...> Такие изъявления *слишком уже увеличены*, чтобы было приятно человеку, столь скромному, каков наш добрый Воронцов...» (А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову, 20 октября 1832 // Русский архив, 1902. Кн. 1. Вып. 2. С. 320); «Она пишет, что в Париже очень весело, что журналисты *все увеличивают*, что не смотря на угрозы республиканской партии, король любим...» (М. Н. Загоскин. Вечер на Хопре, 1834); «Неужели следовало автору гнать зрителей своих по почте из губернии в губернию, чтобы не ввести вас в недоумение и пощадить щекотливость? Между тем зачем же *увеличивать и вымышленное зло?*» (П. А. Вяземский, «Ревизор», комедия Гоголя, 1836); «История о французе и первой жене его <имеется в виду легенда о Л. А. Пушкине, деде А. С. Пушкина, который рассказал об этом в своих “Записках”, опубликованных в апреле 1840 г. и вызвавших возражение С. Л. Пушкина> *много увеличена*. Отец мой никогда не вешал никого...» (С. Л. Пушкин. Письмо в редакцию // Современник. 1840. Т. 19. С. 102—106).

2. *Уменьшать* — *уменьшить* ‘преуменьшать — преуменьшить’: «Но не более ли ума, чем чувства, в словах самого Шатобриана о Рекамье, кои к счастью я запомнил: “Когда я мечтал о моей Сильфиде, я старался придать самому себе все возможные совершенства, чтобы ей понравиться; когда думал о Жюльете, тогда старался *уменьшить ее прелести*, чтобы приблизить ее к себе”...» (А. И. Тургенев. Хроника русского, 1845); «Впрочем, мы не хотим этим замечанием *уменьшить достоинства романа...*» (И. С. Тургенев. Рецензия, 1852). Отсюда также *уменьшение* — ‘преуменьшение’: «Обвиняли также Тьера в *пристрастном уменьшении заслуг* некоторых лиц, коим сам Наполеон неблагоприятствовал» (А. И. Тургенев. Хроника русского, 1845).

Одно важное замечание в заключение.

Категориальная пара «ментальное — физическое», о которой говорилось выше в связи с операциями «умаления — уменьшения» и «преувеличения — увеличения», до сих пор не привлекала сколько-нибудь серьезного внимания исследователей. Между тем ей принадлежит одно из центральных мест в семантической системе современного русского языка и важнейшая роль в ее историческом и продолжающемся развитии. Становление этой категориальной пары объясняет и эволюцию многих целостных лексико-семантических звеньев (ср. историю мощного синонимического ряда наречий «тайного» действия, восстановленную в работе: [Пеньковский 1983]), и, следовательно, семантическую историю множества отдельных языковых единиц. При этом важно различать два типа «ментальных» действий: намеренные, контролируемые «ментальные» действия субъекта над объектами материального и / или идеального мира и неконтролируемые действия-процессы, объективно происходящие в ментальной сфере субъекта. Это позволяет понять, почему глагол *умалить* / *уменьшать*, полностью утратив «физическое» значение ‘уменьшать, сокращать величину, количество и т. п. чего-либо’ (ср.: «...не нарушила Дарья Сергеевна строгого поста, *не умалила теплых молитв* перед Господом...» — П. И. Мельников-Печерский. На горах, 1875) и функционируя, как и следует ожидать, преимущественно в собственно «ментальном» значении (ср.: «...Бородинское сражение произошло совсем не так, как (стараясь скрыть ошибки наших военачальников и вследствие того *уменьшая славу* русского войска и народа) описывают его» — Л. Толстой. Война и мир), лишь пережиточно сохраняет второе — «объективное», «уменьшительное», не «умалительное»! — «ментальное» значение ‘ослаблять’ (ср.: «Леля снова говорила шепотом те нежные, ласковые слова, какие, она знала, *уменьшают боль* и придают силу ослабевшим людям». — В. Кожевников. Рассказ о любви), которое несомненно нужно признать устаревающим или даже устаревшим. Ср.: «<Александр> стал *уменьшать льготы*, данные Польше...» (А. Е. Розен. Записки декабриста, 6, 1840-е г.).

Соответственно, глаголы *множить*, *-ся* / *умножить*, *-ся* / *умножать*, *-ся*, полностью утратив свободу «ментальных» употреблений со значением ‘увеличиваться в степени’, ‘усилить, -ся’: «Тебя, прелестная, пленили / Любви неясные мечты. / Они, везде

тебя тревожа, / В уединение манят / И среди девственного ложа /
 Отраду слабую дарят, / Лишь *жажду наслаждений множа...*»
 (К. Ф. Рылеев. «Поверь, я знаю уж, Дорида...», 1821); «...сан его
 брата *умножал всеобщее к нему уважение*» (О. Сенковский. Раз-
 дел наследства, 1823); «Я ее убеждал в несправедливости ее про-
 тив творца и советовал выкинуть из головы все грешные мысли,
 кои могут еще более расстроить и *умножить ее несчастье*»
 (И. М. Снегирев. Дневник, 22 июля 1824); «И грустное воспомина-
 нье / Невинных радостей твоих, / Невинной страсти обоих / *Мое*
умножило мечтанье...» (С. Т. Аксаков. Осень, 1824); «Жду не
 дождусь твоей “Долгурокой”. М. А. Лобанов, слышав ее окончание
 и писав мне о нем, *умножил мое нетерпение*» (Н. И. Гнедич —
 И. И. Козлову, 17 января 1828); «Но пусть, игралище страстей, / Я
 буду куклой для людей, / Пусть их коварства лютой яд / В моей
 груди *умножит ад...*» (А. И. Полежаев. Александру Петровичу
 Лозовскому, 1828); «...в каждом из наслаждений был яд, и после
 каждого нового успеха *умножалось его страдание*» (В. Ф. Одоев-
 ский. Русские ночи, 7, 1830-е гг.) и т. п. (оно закрепилось лишь в обо-
 роте *умножить / умножать славу*), сохранили свое «физическое»
 значение ‘увеличивать количество чего-либо’ (ср.: «умственный труд
 есть <...> сила, производящая, т. е. *умножающая народное бо-
 гатство*» — В. Ф. Одоевский. Русские ночи, 5; «...не упустить слу-
 чая *умножить свою коллекцию*» — Н. В. Гоголь. Портрет, 2, 1832—
 1842), выделив его специализированный — ментальный вариант ‘про-
 изводить математическую операцию умножения’.

ЛИТЕРАТУРА

Абакумов 1942 — *Абакумов С. И.* Современный русский литературный язык. М., 1942.

Аванесов, Сидоров 1936 — *Аванесов Р. И., Сидоров В. Н.* Русский язык. М., 1936.

Аванесов, Сидоров 1945 — *Аванесов Р. И., Сидоров В. Н.* Очерк грамматики русского литературного языка. Ч. I: Фонетика и морфология. М., 1945.

Аникина, Калинина 1983 — *Аникина А. Б., Калинина И. К.* Современный русский язык: Морфология. М., 1983.

Барсов 1981 — *Барсов А. А.* Российская грамматика Антона Алексеви-
 ча Барсова. М., 1981.

БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1950—1965.

Богородицкий 1935 — *Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики (из университетских чтений). 5-е изд. М.; Л., 1935.

Болла, Палл, Папп 1968 — *Болла К., Палл Э., Папп Ф.* Курс современного русского языка. Budapest, 1968.

Буланин 1976 — *Буланин Л. Л.* Трудные вопросы морфологии. М., 1976.

Булаховский 1952 — *Булаховский Л. А.* Курс русского литературного языка. Т. I. 5-е изд. Киев, 1952.

Валгина и др. 1971 — *Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И., Цанукевич В. В.* Современный русский язык. 4-е изд. М., 1971.

Виноградов 1947 — *Виноградов В. В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1947.

Гвоздев 1958 — *Гвоздев А. Н.* Современный русский литературный язык. Ч. I: Фонетика и морфология. М., 1958.

Голанов 1962 — *Голанов И. Г.* Морфология современного русского языка. М., 1962.

Грамматика-70 — Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1970.

Грамматика-80 — Русская грамматика. Т. I / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980.

Грамматика-89 — Краткая русская грамматика / Ред. Н. Ю. Шведова, В. В. Лопатин. М., 1989.

Гужва 1967 — *Гужва Ф. К.* Современный русский литературный язык (Словообразование. Морфология). Киев, 1967.

Гужва 1979 — *Гужва Ф. К.* Современный русский литературный язык. Ч. 2: Морфология. Синтаксис. Пунктуация. Киев, 1979.

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1881—1882.

Исаченко 1954 — *Исаченко А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Братислава, 1954.

Кононенко, Брицын 1978 — *Кононенко В. И., Брицын М. А.* Русский язык. Киев, 1978.

Максимов 1974 — *Максимов М.* По страницам дневников и писем А. И. Тургенева // Прометей. Т. 10. М., 1974.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981—1984.

Пеньковский 1983 — *Пеньковский А. Б.* Из наблюдений над развитием и становлением лексико-семантических норм в одном синонимическом ряду наречий // Норма в лексике и фразеологии. М.: Наука, 1983.

Пеньковский 1988 — *Пеньковский А. Б.* О развитии норм адвербиально-го словоупотребления в русском языке (наречия *бережно* и *осторожно*) // Sborník pedagogické fakulty Ústí nad Labem. Praha, 1988.

Пеньковский 1991 — *Пеньковский А. Б.* Сдвиг норм наречного словоупотребления как исследовательская база для изучения грамматической и коннотативной семантики русского слова // *Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики: Всесоюзная научная конференция. Москва, 20—23 мая 1991 г. Доклады. Ч. 2. М., 1991.*

Пеньковский 1995 — *Пеньковский А. Б.* Тимиологические оценки и их выражение в целях уклоняющегося от истины умаления значимости // *Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М.: Наука, 1995.*

Попов 1978 — *Попов Р. Н.* Современный русский язык. М., 1978.

Розенталь 1976 — *Розенталь Д. Э.* Современный русский язык. Ч. 1: Лексика. Фонетика. Словообразование. Морфология. 2-е изд. М., 1976.

Трофимов 1957 — *Трофимов В. А.* Современный русский литературный язык: Морфология. Л., 1957.

Шанский, Тихонов 1981 — *Шанский Н. М., Тихонов А. Н.* Современный русский язык. Ч. II: Словообразование. Морфология. М., 1981.

Шахматов 1941 — *Шахматов А. А.* Очерк современного русского литературного языка. М., 1941.

Barnetová et al. 1979 — *Barnetová V. et al.* Русская Грамматика. I. Praha, 1979.

ЗАМЕТКИ О КАТЕГОРИИ ОДУШЕВЛЕННОСТИ В РУССКИХ ГОВОРАХ

Несмотря на давнюю научную традицию и в целом обширную литературу предмета, многие из вопросов, составляющих проблему категории одушевленности — неодушевленности существительных (КОН) в русском языке, остаются недостаточно изученными. Это касается как некоторых общих ее аспектов (таковы, например, вопросы об отношении этой грамматической категории к соответствующим категориям мышления и сознания, особенно с учетом различий между научным и общим, так сказать, «бытовым» пониманием живого — неживого и одушевленного — неодушевленного¹; об уровневой принадлежности КОН — в плане ее отнесения к морфологии или синтаксису², вопрос о системных связях КОН с другими грамматическими категориями — например, с категорией залога, и некот. др.), так и целого ряда конкретных особенностей ее структуры, функционирования и развития в современном языке и на различных этапах его истории.

Таковы, например, вопросы об отношении к КОН существительных, обозначающих существа микромира, или существительных (преимущественно имен собственных), являющихся названиями машин, самодвижущихся устройств и особенно речных и морских судов; об употреблении одушевленных существительных в счетных оборотах с числительными *два, три, четыре*, в оборотах с приложениями и перифразами различных типов и др.; об употреблении некоторых местоимений и местоименных фразеологизмов при замене одушевленных и неодушевленных существительных в опре-

деленных синтаксических конструкциях; о выборе падежной формы обособленных определений, относящихся к личным местоимениям, и др.³

Почти совершенно не изучена проблема системных последствий развития КОИ в истории русского языка, хотя эти последствия, как можно полагать, весьма значительны. К их числу есть основания относить такие, например, процессы, как все расширяющееся вытеснение форм род. пад. формами вин. пад. при глаголах с отрицанием, при глаголах известных семантических групп, а в прошлом — при супине (см. об этом в работе [Пеньковский 1975-а : 86—88]). Чрезвычайно слабо изучена КОИ в русском диалектном языке и в других восточнославянских языках и их диалектах.

Общепризнано, что в отличие от украинских и белорусских говоров, которые в процессе дифференциации совпавших формально падежей подлежащего и прямого дополнения в ед. ч. развили КОИ, а во мн. ч. остановились на ступени категории лица — не лица (или даже неполной категории лица — лица мужского пола), русские говоры выработали полную категорию одушевленности — неодушевленности [Kuraszkiewicz 1954 : 31; Horalek 1955 : 194; Букатевич, Грицютенко 1958 : 96] и характеризуются в этом отношении полным единством [РД 1964 : 97], не отличаясь по указанному признаку также и от литературного языка⁴.

Лишь в некоторых говорах, как отмечает академический курс «Русской диалектологии», а именно в говорах Смоленской и Брянской областей — на территории, примыкающей к БССР, а спорадически и в других говорах как северного, так и южного наречия, а также в некоторых среднерусских обнаруживаются факты, как будто нарушающие это единство. Речь идет о случаях нерегулярного употребления в значении прямого объекта гиперформы им.-вин. пад. мн. ч. существительных, являющихся названиями животных, и еще реже — лиц в оборотах типа: *А домашние зайцы кроликами зовут; Надо кони поить; Старики жалеть надо* и т. п. [РД 1964 : 181—182], которые являются, очевидно, пережитками предшествующего этапа развития КОИ и которые могли бы рассматриваться как свидетельство того, что формирование КОИ для мн. ч. существительных в этих говорах еще не закончено.

Авторы названного курса, однако, отвергают такого рода трактовку этих фактов и, усматривая в них особые синтаксические

структуры, в которых прямой объект выражается формой невинительного, а именительного падежа, считают, что они связаны с КОН лишь генетически и что форма имени в этих сочетаниях является формой винительного падежа только по происхождению. Предполагается, что категориальная трансформация падежной формы имени в таких сочетаниях (вин. мн. → им. мн.) произошла под воздействием других — исконных сочетаний типа *нести (несу, нес) вода* и *надо нести вода* — с именительным падежом в значении прямого объекта. Сюда же авторы относят также сочетания типа *надо вода (конь, кони)* [РД 1964 : 131, сн. 12]. Помещенные в этот ряд синтаксических феноменов, сочетания типа *пасти кони, домашние зайцы кроликами зовут* и т. п. оказываются вообще вне связи с КОН и, следовательно, не нарушают постулируемого единства этой категории в русских говорах. Важным аргументом в пользу этой точки зрения, по мнению авторов, оказывается то, что в этих говорах вне функции прямого дополнения употребляются словоформы вин. мн. = род. мн. (*охотиться на зайцев, сесть на коней*) [РД 1964 : 182, сн. 13].

В свете сказанного особенно интересными и заслуживающими внимания представляются обнаруживаемые в некоторых средне-русских и западнорусских говорах факты, которые, по-видимому, не могут быть расценены иначе, как свидетельство неполноты КОН, и, следовательно, требуют смягчения категорической формулировки приведенного выше тезиса.

I

Одно из такого рода свидетельств неполноты КОН характеризует компактную группу говоров левобережья Клязьмы на территории Вязниковского р-на Владимирской обл. (Большие и Малые Удолы, Золотая Грива, Дегтярня, Козлово, Заборочье и некот. др.), где КОН обнаруживает отступления, связанные с формами мн. ч. существительных, имеющих уменьшительное (уменьшительно-ласкательное и уменьшительно-пренебрежительное) значение.

Все они, независимо от того, каково значение производящей основы (значение лица, живого существа или неодушевленного предмета), используют во множественном числе форму винительного падежа, совпадающую с именительным. Таковы:

1. Существительные со значением взрослого лица мужского пола: *нам бы ба́бам собра́цца да и разогна́ть мужычи́шки эти*⁵; *молодо́й-от наро́д ушо́л, тѣк наш дилѣхтор и старичи́шки рабо́татъ зъставлят*. Ср.: *плóхонький был мужычи́шка, жалка́й; слап стал старичи́шка, софсѣм умóм ослабѣл*. Но ср.: *но́не ба́бы пѣроспусти́ли свои́х мужыко́ф; созва́ли мужыко́ф; мужыко́ф мужык, а бап — ба́ба умыва́эт <имеется в виду обмывание покойников>; што нас старико́ф лечи́тъ* (М. Удолы).

2. Существительные со значением невзрослого лица мужского пола: *напилса́ чай опе́тъ — парнищѣнки гая́эт*. Ср.: *манѣхонький, худу́нный тако́й парнищѣнок*. Но ср.: *парне́й пѣзову́т, дѣвак; парне́й фсех забра́ли* (Золотая Грива).

3. Существительные со значением взрослого лица женского пола: *мужыки́ софсѣм с кру́гу спилѣс, пьют ка́жний день и жо́нки гая́ют; што го́ря, што беды на старущѣнки на эти*. Но ср.: *поминки бу́дут, стару́х събѣру́т; ну фсех стару́х перписали?* (М. Удолы).

4. Существительные со значением невзрослого лица женского пола: *без му́жа дефченѣнки сво́й рости́ла*. Но ср.: *дево́к то́жэ учи́тъ ста́ли; пока́ дево́к свои́х подняла́ да выдала; дево́к туды силко́м не заго́ниши* (М. Удолы).

5. Существительные, обозначающие ребенка без указания на пол: *ну, ду́му, што́ мне топе́рь дѣлать, че́м я бу́ду робѣнчишки корьми́тъ*. Ср.: *плóхонькой робѣнчишка како́й роди́цца*. Но ср.: *робят на́ ноги поставила; я фсех дете́й свои́х ксти́ла; злы како́е ста́ли — и дете́й-ту убиза́ют* (Дегтяря).

6. Существительные, обозначающие домашних животных: *я но́не у ней офчѣ́нки стри́гла* (М. Удолы); *офчѣ́нки на по́дволку, а коровѣ́нки води́ли на моста́х* (во время наводнения; Б. Удолы); *фче́ра не гая́ла не офчѣ́нки, не телѣ́нка* (Козлово); *офчѣ́нки дѣржым; большых-то я стар колóтъ, коро́ву там али быка́, а офчѣ́нки-те али бара́нишки я колю* (Б. Удолы); *уш офчи́шки дѣржат фсе́гда* (Заборочье); *бригади́р лошаде́нки-те даѣт* (М. Удолы). Но ср.: *ове́ц-то што́ води́тъ; ове́ц дѣржа́ли; дѣфки гада́ли быва́ло, коро́ф цу́пали, куды коро́ва рога́ми стои́тъ; коро́ва на́ша гуля́ет, на коро́ф прыга́т каг бык; ове́ц-ту да бара́ноф о́сеню прика́лывут* (М. Удолы).

7. Существительные, обозначающие детенышей домашних животных: *не дают обрат брать, им на ферме телятишки поят; вы-то думате, вам хороших телят дадут? — выберут телятишки какэ похуже, плохунны да больнунны, и приколют; пойдү ягнатишки попою; и лежыт эта свиньица, ворочяца, как толькo поросятишки эти маненьки не роздавит. Но ср.: дали ёму корову, телушку да ягнят; телят обратом поят; держала и я поросят, а теперь не хочү, и не надо они мне; а хто, можэ, и козлят держыт* (М. Удолы).

8. Существительные, обозначающие других животных: *у нас лётось стояли боолыхи какэ-то, так те зверёф ловили, пьтрошали их, пичужечки ходили слүшать, червьачкi съберали; ну што он принесёт? — щучишки чай какэи маненьки; щурятки принесёт, ёршоф, плотки* (М. Удолы). Но ср.: *у нас птиц кому ловить?* (там же); *путь пькопация — найдёт червёй* (Б. Удолы); *он хорошó щук ловил* (Козлово); *карасей, линей ловили* (Заборочье); *за охотой ходил зайцёй стрелять; бьют лосей и ирафу не бояцца* (М. Удолы); *боброф там завели* (Золотая Грива); *гнёзды рьзоряют, птенцоф таскают* (там же); *лучче держать кур, нечем гусей; цыплят фсех у мя пертаскал хорёк-от* (М. Удолы); *опеть буэм кьмароф кормить; раньше бываль рьзведут клопоф да тарканоф и морют их выморажывут, а сечас ничёво нет, фсё газами вывели* (там же) и др. под. Ср. редкий случай сходного соотношения, отраженный в записи заклинания из Череповецкого у. Новгородской губ.: «Древо осину секу я белую на тушу, рублю на сахарные яства, медвяный куст *про белых зверей, про зайки черноухие, чернорусые, буросерые...*» (Л. Н. Майков. Велikorусские заклинания. СПб., 1868. № 292. С. 126).

Следует отметить, что формы вин. мн. = им. мн. в этих говорах возможны и у неуменьшительных существительных, но не во всех семантических группах, и притом лишь у существительных женского рода и лишь в качестве единичного явления. Ср.: *зьпргают лошади-те; бывало мы и утки и гусей держали, а сечас фсё нарушыли; щурятки принесёт, ёршоф, плотки* (М. Удолы); *вот какэи щучины притаскьвали; он чай годоф пять уш как пчёлы держыт* (Б. Удолы).

Напротив, некоторые из существительных, для которых нормой является форма вин. мн. = им. мн., могут использовать параллель-

но и форму вин. мн. = род. мн. Ср.: *намыла парницёнок своих* (М. Удолы); *дефченёнок тóже нáдо обуть-одеть* (Б. Удолы); *станет вот холоднэ — тогда, учнут телятишек этих рэзать* (там же). Как показывают примеры, форма вин. мн. = род. мн. возможна у существительных с личным значением, а из неличных — у существительных мужского рода.

Таким образом, противопоставленность неуменьшительных и уменьшительных образований оказывается различной в различных семантических или, точнее, семантико-грамматических группах существительных. Обозначив арабскими цифрами выделенные семантико-грамматические группы (к ним следует прибавить еще одну — группу неодушевленных существительных), буквами А и Б — соответственно неуменьшительные и уменьшительные образования и символами ВР, ВИ — противопоставленные формы винительного падежа, можно будет представить структуру КОН в указанной группе говоров следующей схемой:

1 А — ВР	4 А — ВР	7 А — ВР // ВИ
1 Б — ВИ // ВР	4 Б — ВИ // ВР	7 Б — ВИ // ВР
2 А — ВР	5 А — ВР	8 А — ВР // ВИ
2 Б — ВИ // ВР	5 Б — ВИ // ВР	8 Б — ВИ // ВР
3 А — ВР	6 А — ВР // ВИ	9 А — ВИ
3 Б — ВИ // ВР	6 Б — ВИ // ВР	9 Б — ВИ

Учитывая, что здесь полностью отсутствуют конструкции с именительным падежом прямого объекта, а конструкции с *надо* имеют неоспоримые признаки субъектно-предикатной структуры (ср.: *ёму не жонá — ёму работница былá нáдо; а тепёр мы никому не стáли нáдо; шабёр наш Трóшын-ат тóже одён доживáэ: корьмíl, учíl — хорóш был, а стáр стал — не нáдо стал* и т. п., — М. Удолы)⁶, необходимо признать, что приведенная схема отражает действительно диалектную специфику КОН.

Колебания в выборе формы вин. мн. в некоторых группах существительных типа А могут быть истолкованы как свидетельство того, что процесс формирования КОН для множественного числа в этих говорах еще не завершен и что мы присутствуем при последнем акте перехода от категории лица — нелица (КЛН) к категории одушевленности — неодушевленности⁷.

Колебания в выборе формы вин. мн. для большинства существительных типа Б (в группах 1—8) свидетельствуют, очевидно, о специфике этой словообразовательной и семантико-грамматической категории, сохраняющей здесь некоторые архаические черты той эпохи, когда уменьшительно-ласкательные и уменьшительно-пренебрежительные образования определенных типов относились еще к среднему роду ⁸. Именно этим можно было бы объяснить задержку и отставание в их развитии сравнительно с существительными типа А. Ибо если для этих последних, как было показано выше, завершается переход из КЛН в КОН, то для существительных типа Б не закончен еще и процесс дифференциации по признакам, релевантным для КЛН ⁹.

II

Иного рода особенности характеризуют КОН в говорах западной Брянщины, которые, как показало специальное исследование, имеют в системе диалектного членения восточнославянских языков статус говоров с развивающейся переходностью от ср.-б.-р. к ю.-в.-р [Пеньковский 1967-а].

Здесь, как и в соседних белорусских говорах, завершено формирование КОН для ед. ч. существительных ¹⁰, тогда как для мн. ч. характерна КЛН, которая в условиях усиливающегося воздействия ю.-в.-р говоров и русского литературного языка обнаруживает сейчас явные сдвиги в сторону КОН. Отсюда обычные для современных западнобрянских говоров колебания типа *пасвить кони // коней, ловить щуки // щук* и т. п.

Поскольку здесь, как и во владимирских говорах, отсутствуют какие бы то ни было признаки конструкций с им. п. прямого объекта, а конструкции с *надо*, а также с *видно* и *видать* имеют бесспорную субъектно-предикатную природу (ср.: *кисльта была нада; я им тьяёритьки ни нада стала; яны вам боли ни нады; у их зь травю и капуста была ни видать* и т. п.), колебания в выборе формы вин. мн. в указанных случаях не могут не быть связаны с развитием категории одушевленности — неодушевленности с переходом от КЛН к КОН.

Не останавливаясь сейчас на закономерностях этого перехода, обратимся непосредственно к тому, что составляет специфическую и, по-видимому, уникальную особенность западнобрянских говоров, — к структуре категории лица — нелица.

Особенность эта состоит в том, что помимо личных существительных и личных субстантивированных местоимений, прилагательных и причастий мужского рода категория лица здесь охватывает и личные субстантивированные местоимения, прилагательные и причастия женского рода. В соответствие общевосточнославянским формам вин. ед. на *-ую* (ср.: русск. *молодая* 'невеста' — *молодую*, б-р. *маладая* — *маладую*, укр. *молода* — *молоду* и т. п.) здесь используются формы вин. = род. с флексией *-ья*¹¹. Ср.: *дóрять мьладóга и мьладыя* (Рохманово Унечск. р-на); *вы нам мьладóга, мы вам мьладыя* (Ст. Задубежье Унечск. р-на); *дару́я падрúжчик мьладóга и мьладыя* (Нижнее Стародубок. р-на); *пирякрúстя тéшча мьладóга и мьладыя* (Валуец Почепск. р-на); *их и поклáли ўмéста* (= похоронили вместе) — *старóга и старыя* (Красновичи Унечск. р-на); *инá сабé друго́га зньйшла́ и ён сабé дру́гия* (Субовичи Клинцовск. р-на); *ни на́да ён мне, идíтя шука́йтя сабé дру́гия* (Валуец Почепск. р-на) и др. под.

Как показывает приведенный материал (а его легко было бы умножить), рассматриваемые формы употребляются преимущественно в паре с соответствующими формами мужского рода. Вне таких пар обычно используются общевосточнославянские формы на *-ую*. Ср.: *ста́р-стар, а маладжéйшую шука́я; побáтьтя во як мьладую́ вяду́ть; дру́ую ён крэпка любíу; н'авóж ты и дру́ую кíниши?* и мн. др. под.

Очевидно, таким образом, что в западноряжских говорах мы обнаруживаем две формы вин. ед. личных субстантивов женского рода, выбор и использование которых осуществляется на основе принципа позиционной прикреплённости. Одна из этих форм — с флексией *-ую* — употребляется преимущественно вне сочетаний с формой вин. ед. личных субстантивов мужского рода, хотя единично может использоваться и в составе таких сочетаний. Другая — с флексией *-ья* — употребляется преимущественно в составе сочетаний с формой вин. ед. личных субстантивов мужского рода, обнаруживая явную зависимость от этих последних. Эту позицию можно было бы считать слабой, если бы не возможность единичного использования в ней и форм с флексией *-ую* (о принципе позиционной прикреплённости см. в работах [Пеньковский 1965 : 16; 1967-б : 203; 1971 : 193—198]).

Зависимость форм на *-ья* от позиции настолько очевидна, что есть все основания рассматривать ее как явление морфологической ассимиляции в самом полном и точном значении этого термина, ассимиляции, совершившейся в условиях синтагматизации парадигматических единиц¹².

Можно предполагать, что в первоначальных сочетаниях типа *молодого* и *молодую*, *старого* и *старую* и т. п., т. е. в сочетаниях, построенных по модели «вин. ед. м. р. личн.» — вин. = род. — и — «вин. ед. ж. р.» — вин. ≠ род., формы на *-ую* были вытеснены формами на *-ья*, которые обеспечивали не только содержательное, категориальное, но и системно-парадигматическое тождество сочетающихся единиц. Тенденция к установлению единства плана выражения при единстве плана содержания («вин. ед. личн.») привела к перестройке указанной выше модели, которая получила новый вид: «вин. ед. личн. м. р.» — вин. = род. — и — «вин. ед. личн. ж. р.» — вин. = род. При этом сохранялось материальное различие флексий как средство выражения родовых различий и, что особенно важно, значение «личн.» у второго члена из интегрального превращалось в дифференциальное.

Хронология этого новообразования неизвестна, поскольку и само оно до сих пор оставалось неизвестным диалектологии и не было обнаружено в памятниках письменности. Единственный пример такого рода был отмечен П. С. Кузнецовым в Лаврентьевской летописи («видиши мя болное сущю»), л. 20 об.) [Борковский, Кузнецов 1963 : 229], но уникальность его не давала и не дает оснований для каких-либо выводов хронологического порядка. Остаются неизвестными также и причины и условия возникновения этого явления.

Очевидно, однако, что рассматриваемое изменение не является неким имманентным, само собой разумеющимся и обязательным для тех сочетаний, в которых оно обнаруживается (об этом свидетельствует сохранение их в подавляющем большинстве восточнославянских говоров), и, следовательно, для его осуществления был необходим определенный импульс, который заставил говорящих преодолеть инерцию покоя и отступить от традиции.

Поскольку в современных условиях, в условиях перехода от КЛН к КОН, действие подобного импульса представляется маловероятным, можно предполагать, что обсуждаемое новообразование появилось в западнобрянских говорах не в самое недавнее время и

что вызвавший его к жизни импульс исходил от грамматической категории лица в период наиболее активного ее развития.

Известно, что категория лица — нелица, а затем категория одушевленности — неодушевленности развивались постепенно, охватывая последовательно все новые и новые семантические и грамматические группы существительных и субстантивов.

Как свидетельствуют многочисленные данные, в КОН были вовлечены в ряде говоров даже существительные среднего рода. Ср. отражение этого в языке севернорусских былин: «Хватила она *дитятка* за белые волоса, Ушибла она *дитятка* о сырую о землю» (А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины. Т. III. М., 1951. С. 522); «А очищу я ведь Царь-то град Да убью *поганого Идолища*» (Там же. С. 13); «Походочкой в Чурила Пленковича, Кудрями в *царища Кудреянища*» (Там же. С. 219); «Заколи *чада милого*» (Там же. С. 274); «Он и згрел *змеишиа* по буйной главы» (А. Д. Григорьев. Архангельские былины. Т. I. Ч. 2. М., 1904. С. 349); «Шып как калика переежая В *цудишиа поганого, некрещеного*» (Там же. С. 401); «*Мала детишиа* валили во середочку» (Там же. С. 235); «Как наскакивал Илеюшка на *Соловьюшка*» (Былины Севера. Т. I. М.; Л., 1938. С. 287); «Увидали *Солнышка* Владимира» (Там же. С. 538) и др. под.

В тех же говорах по общему образцу КОН были перестроены и счетные обороты с количественными числительными. Ср.: «Потравила-то Маринка *девяти ли молодцов*» (А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины. Т. III. М., 1951. С. 397); «Она справила-срядила *семи сыновьев*» (Там же. С. 449); «Как убил-то Фадеюшко *пяти братов*» (Там же. С. 434) и др. под.¹³

На этом фоне является особенно показательным то, что ни памятники письменности, ни диалектные материалы не дают никаких сколько-нибудь надежных свидетельств о вовлечении в КОН или в КЛН существительных женского рода в единственном числе. Во всей восточнославянской области эти последние, как и в литературном русском языке, находятся вне указанных грамматических категорий.

Все отмеченные в наличном материале примеры, где приглагольная падежная форма может быть понята как форма вин. ед. = род. ед. ж. р., в действительности представляют исконные формы родительного падежа, пережиточно сохраняющиеся как элемент

супинной конструкции [Пеньковский 1975-а : 86—88] (ср.: «А поехали они к Царюграду Отымать *царици Соломанихи*» — *А. В. Марков*. Беломорские былины. М., 1901. С. 453), как члены глагольных словосочетаний с особыми типами управления (ср.: «Да женился князь да во двенадцать лет, Уж он брал *княгини* девяти годов» — *А. Д. Григорьев*. Архангельские былины. Т. I. Ч. I. М., 1904. С. 30) и в ряде других случаев. Все они заслуживают специального изучения ¹⁴.

Таким образом, рассматриваемые западнобрянские формы вин. ед. личных субстантиватов женского рода оказываются во всем восточнославянском материале совершенно одиночками ¹⁵, но тем более важны и значительны свидетельствуемые ими отношения и тем большую силу должны приписывать мы тем процессам, которые привели к их развитию, преодолев непоколебимую устойчивость исконных форм вин. ед. ж. р.

Не располагая пока данными, необходимыми для полного разрешения проблемы генезиса этих форм, следует подчеркнуть следующие принципиально важные положения:

1. Западнобрянские формы вин. ед. субстантиватов ж. р. принадлежат категории лица, а не категории одушевленности.

2. Уникальное на восточнославянской языковой территории совпадение вин. ед. ж. р. с родительным как средство выражения категории лица обнаруживается здесь не у существительных, а исключительно у субстантиватов, т. е. у слов, которые благодаря своей адъективной природе обладают изначальной способностью к согласовательным изменениям флексий.

3. То, что эти формы выступают исключительно в сочетаниях с соответствующими формами вин. ед. = род. ед. субстантиватов мужского рода и, таким образом, обнаруживают позиционную зависимость от контекста, говорит о том, что их возникновение обязано не парадигматическим, относительно слабым связям, а более сильным связям синтагматического сцепления ¹⁶.

* * *

Диалектный материал, положенный в основу этой статьи, невелик и относится всего лишь к двум сравнительно небольшим диалектным группам. Тем не менее он представляет значительный интерес и имеет важное научное значение. И не только и не столько

потому, что вводит в оборот новые, до сих пор мало известные факты, сколько потому, что показывает, как много неизвестного сохраняют еще русские говоры и сколь многого мы еще можем в них ожидать. Трудно сомневаться в том, что дальнейшее изучение КОН в русских говорах (а они, как уже говорилось, с этой точки зрения по существу никогда серьезно не рассматривались) даст науке новый богатый материал и приведет к новым существенным выводам. Привлечь внимание исследователей к этой проблематике и составляет основную цель настоящей работы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. своеобразный «принцип круга» в определении соответствующих понятий, когда существительные, принадлежащие категории одушевленности, трактуются как обозначающие одушевленные предметы, а одушевленные предметы объясняются как «принадлежащие к грамматической категории живых существ» (см.: Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. II. М., 1938. Стлб. 772).

Если учесть также широкораспространенное поэтическое «одушевление» растительного мира, что не следует смешивать с поэтическим приемом олицетворения (ср.: «...сквозь тяжелый мрак миротворенья / Рвалась вперед бессмертная душа / Растительного мира» — Н. Заболоцкий. Лодейников, и др. под.), а также одушевление мира неорганической природы (ср.: «Верь мне, одна без различия жизнь и людей и природы. / Всюду единая царствует мысль и душа обитает / В глыбах камней бездыханных и в радужных листьях растений...») — Н. Щербина. Моя богиня, и др. под.), то станет понятным скептическое отношение ряда ученых к самим терминам «одушевленность», «неодушевленность», к стоящим за ними не вполне определенным понятиям и стремление найти им подходящую замену. Ср., например, предложение Б. А. Абрамова о разделении существительных на классы антропонимов и неантропонимов, что представляется ему «не только более удобным, чем их... рубрикация на одушевленные и неодушевленные, но с лингвистической точки зрения и более строгим», поскольку «избавляет от необходимости решать скорее биологический, чем лингвистический, и в сущности неразрешимый вопрос о том, где же проходит граница между одушевленностью и неодушевленностью в мире животных» [Абрамов 1969 : 9].

² Ср. безоговорочное признание КОН синтаксической категорией в работах В. Курашкевича [Kuraszkiewicz 1954 : 31]. Ср. также мнение

И. А. Мельчука (высказанное им в выступлении на симпозиуме, посвященном обсуждению Грамматики-70) о необходимости исключения КОН из числа грамматических категорий имени, поскольку, с его точки зрения, она, как и категория рода, является «синтаксическим признаком основы», подобным глагольному управлению (см.: ВЯ. 1972. № 3. С. 163). Ср. также размышления о категории одушевленности — неодушевленности как о коммуникативно-синтаксической категории текста в работе [Пеньковский 1975-б : III, 366—369].

³ Всем этим и некоторым другим вопросам автор предполагает посвятить специальное монографическое исследование.

⁴ Иначе обстоит дело в украинском и белорусском, литературные варианты которых в отношении КОН сближаются с русским, усваивая новые формы вин. мн. = род. мн. и отходя, таким образом, от собственных говоров.

⁵ Все примеры приводятся в упрощенной транскрипции.

⁶ О глаголах-связках в прошедшем времени как формальном показателе грамматического значения предложений типа надо вода см. в работе [Кузьмина, Немченко 1964 : 173—175].

⁷ Естественно возникающий вопрос о закономерностях перехода от КЛН к КОН и о том, какую роль в этом процессе играет влияние литературного языка — индуцирующую или только поддерживающую, — должен быть предметом специального изучения. О незавершенности формирования КОН в этих владимирских говорах свидетельствует и тот факт, что в счетных оборотах с числительными два, три, четыре здесь последовательно используется форма вин. = им. Ср.: *внук у мя дэ́ржит две пт́ички; два мнучэ́нка выня́чала; два сы́на и три дóчери выра́стила* (М. Удолы).

⁸ Важно отметить, что в южновеликорусской области изменение грамматического рода таких существительных и вовлечение их в КОН завершилось до XVII в. См. об этом: [Хабургаев 1969 : 291].

⁹ Есть основание считать, что в сознании носителей местных говоров до сих пор сохраняется внеличное и внеполовое представление о только что родившемся существе. Во всяком случае при указании на него, непосредственном или анафорическом, используется местоимение среднего рода. Ср: *свинья по мно́гу прино́сит, так оно́ роди́цца тако́ ма́ненко; иди́ дава́й скорé, твоя сло́вно тели́цца хо́чет, ну я прибе́гла, а оно́ уш сто́ит, кача́цца; ма́нка но́не де́ушку свою́ приноси́ла, пьсмотре́ла я — такоё сла́боё, такоё хилое* (М. Удолы). Факты такого рода отмечены и в некоторых других владимирских говорах. Известны они также многим севернорусским говорам (см.: [Чернышев 1970 : 204—205]), а также украинским, белорусским и западнорусским говорам.

¹⁰ Следует отметить, что в современных западнорусских говорах почти совершенно изжиты известные в прошлом и совпадающие с аналогичными фактами украинского и белорусского языков случаи употребления формы род. ед. при прямо переходных глаголах типа *срезать гриба*,

накрутить хвоста, смолить невода и т. п., нарушающие внутреннюю цельность КОН.

¹¹ Формы на *-ья* в род. ед. ж. р., непосредственно продолжающие исконные восточнославянский образования на *-ье (-ие)*, не только не подверглись здесь воздействию соответствующих форм неличных местоимений на *-ое* (ср. др.-рус. *тое*), но, напротив, подчинили себе эти последние. Ср. местные формы типа *тыя, самыя, одныя* и т. п.

¹² Роль и значение этого фактора в процессах языкового развития до сих пор не оценена по достоинству, а между тем он многое мог бы объяснить и в истории разнообразных процессов, объединяемых под общей рубрикой «изменений по аналогии», и в истории слово- и формообразования, и в истории отдельных слов и форм. См. об этом в работе [Пеньковский 1984 : 375—376].

¹³ Ср.: «— Чертушка-то опять рыбы дает... Скольких-то вынул? — *Девять цук.* — Завтра этого не дает. *Шести* принесешь» (А. Онегов. Я живу в Заонежской тайге). Из истории этих конструкций см.: [Булаховский 1953 : 185; Дровникова 1962 : 206—209].

¹⁴ Особо следует выделить единичные факты использования форм вин. ед. = род. ед. существительных женского морфологического рода, обозначающих лицо мужского пола. Ср.: «Да зазбуривало чудищо поганое; Шып он *калики перехожое и пережджое*» (А. Д. Григорьев. Архангельские былины. Т. I. Ч. 2. М., 1904. С. 495) и др. под.

¹⁵ Единственную аналогию им представляют диалектные западно-южновеликорусские формы вин. ед. = род. ед. существительных *мать* и *дочь* (реже — *лошадь*), широко отражаемые памятниками местной южновеликорусской письменности XVI—XVII вв. (см.: [Котков 1963 : 182—185; Хабургаев 1969 : 297]). Происхождение этих форм остается пока во многом неясным, но, по-видимому, может объясняться вне связи с развитием категории одушевленности — неодушевленности или категория лица — нелица. Неясно, прежде всего, каково их отношение к аналогичным формам старославянского языка: являются ли те и другие прямым праславянским наследием, как думал С. П. Обнорский [Обнорский 1927 : 268], или в южновеликорусских формах типа *матере (матеря)* следует видеть позднюю диалектную инновацию, как предполагает Г. А. Хабургаев [Хабургаев 1969 : 298]. Важно отметить, что в старославянском формы вин. ед. = род. ед. ж. р. имели и неодушевленные существительные типа *цръкы* [Ван-Вейк 1957 : 262].

¹⁶ Важно отметить, что возникновение указанных выше диалектных форм типа *матере (матеря)* исследователи объясняют воздействием форм вин. ед. = род. ед. существительных мужского рода в сочинительных словосочетаниях типа *отъца* и *матерь, сына* и *дъштерь (дъчерь)*. См.: [Ван-Вейк 1957 : 262; Селищев 1952 : 108; Хабургаев 1969 : 298].

О том, насколько значительна роль синтагматического фактора, можно судить хотя бы еще по одному яркому явлению, которое широко представлено в русском литературном языке и также имеет непосредственное отношение к КОН, хотя не только не укрепляет, а, напротив, разрушает ее. Здесь имеются в виду случаи, когда при прямом дополнении, выраженном формой вин. пад. личного местоимения 3-го лица в неличном значении, имеется согласованное определение (обычно обособленное), которое должно и может выражаться формой вин. = им. (ср.: «Я не знаю имени скульптора, создавшего памятник. Но видел такие у многих дорог. Видел их, *исхлестанные* дождями и ветрами» — Комсомольская правда, 22 декабря 1965, и т. п.), но в результате морфологической ассимиляции получает обычно форму вин. = род. Ср. факты такого рода в текстах XIX в.: «Наши народные песни не успели срастись <в эпопею>, не успели свиться вместе — как *их разрозненных, неспелых* схватила могила типографского станка» (В. Ф. Одоевский. Опыт безымянной поэмы, 1840-е гг); «Запечатлей же в сердце сии слова: ты узнаешь и молодость, и крепкое, разумное мужество, и мудрую старость, постепенно, торжественно-спокойно, как непостижимой божьей властью я чувствую отныне *всех их* разом в моем сердце...» (Н. В. Гоголь — Н. Я. Прокоповичу, 15 мая 1842); «Вот реестр изданий, обративших здесь особое внимание. Из поверхностного моего отчета вы увидите, что можно *всех их* прочесть и остаться в первобытной простоте...» (П. В. Анненков. Парижские письма, III, 1846); «Всё это <социальные книги, фамильные собрания работников и др.> огоньки, которые предшествовали знаменитой революции 48 года, никем, впрочем, еще тогда не предчувствуемой, и которая, сказать между прочим, *их всех* и потушила» (П. В. Анненков. Замечательное десятилетие, XXXI, 1870) и др. То же в современном языке: «— Ну ладно, мол, овес обозвали беспартийной культурой. Но ты-то ведь партийный... Значит и действуй как коммунист, по-ленински, исходя из конкретных условий... Сманеврировали; весной на самых дальних землях посеяли его, *беспартийного*...» (Н. Почивалин. Среди долины); «Тоска смертная, а тут еще ноет и ноет большой палец правой ноги, так бы и оторвал его, *окаянного*» (А. Васильев. В час дня, Ваше превосходительство, кн. II); «Мы уравниваем только через бульдозер, чтобы после, через несколько десятков лет, нам нечего было оплакать — нет и того бульдозера, который снимал старую жизнь и прежние вольности. Даже *его, железного и бесчувственного*, переплавили в лом...» (Век XX и мир. 1990. № 4. С. 45 — Г. Павловский) и т. п. Особо должны быть отмечены многочисленные случаи «согласовательного» преобразования беспредложных и предложных форм винительного падежа местоименных оборотов *сам*, — *о себя*, *сам*, —*а*, —*о на себя* → *самого себя*, *самого на себя*; *сами себя*, *сами на себя* → *самих себя*, *самих на себя*. Ср.: «Положения проповеди Бакунина слишком много узаконили в

существующих порядках — это правда, но они узаконяли их так, что порядки эти переставали походить на *самих себя*» (П. В. Анненков. Замечательное десятилетие, IV, 1870).

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов 1969 — *Абрамов Б. А.* О понятии семантической избирательности слов // Инвариантное синтаксическое значение и структура предложения. М., 1969.

Борковский, Кузнецов 1963 — *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1963.

Букатевиц, Грицютенко 1958 — *Букатевиц Н. И., Грицютенко И. Е.* и др. Очерки по сравнительной грамматике восточнославянских языков. Одесса, 1958.

Булаховский 1953 — *Булаховский Л. А.* Курс русского литературного языка. Т. II. Киев, 1953.

Ван-Вейк 1957 — *Ван-Вейк Н.* История старославянского языка. М., 1957.

Дровникова 1962 — *Дровникова Л. Н.* Конструкции типа *стретил пяти человек* в XVII в. (К истории склонения числительных) // Филологические науки. 1962. № 1.

Котков 1963 — *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963.

Кузьмина, Немченко 1964 — *Кузьмина И. Б., Немченко Е. В.* К вопросу о конструкциях с формой именительного падежа имени при переходных глаголах и при предикативных наречиях в русских говорах // Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964.

Обнорский 1927 — *Обнорский С. П.* Именное склонение в современном русском языке. Вып. 1. Л., 1927.

Пеньковский 1965 — *Пеньковский А. Б.* Об изучении процессов развития в живой диалектной речи // Тезисы докладов на X диалектологическом совещании <в Институте русского языка АН СССР> 11—14 мая 1965 г. М., 1965.

Пеньковский 1967-а — *Пеньковский А. Б.* Фонетика говоров Западной Брянщины. Дисс. ... канд. филол. наук. Владимир, 1966.

Пеньковский 1967-б — *Пеньковский А. Б.* О некоторых закономерностях звуковых замен при взаимодействии диалектов // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.

Пеньковский 1971 — *Пеньковский А. Б.* О несвободе свободного варьирования аллофонов // Вопросы фонетики и фонологии: Тезисы докладов советских лингвистов на VII Международном конгрессе фонетических наук (Монреаль, 1971) / Гл. ред. Р. И. Аванесов. Москва, 1971.

Пеньковский 1975-а — *Пеньковский А. Б.* О диалектных явлениях, генетически связанных с супиним // Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу. Тезисы докладов. М.: Наука, 1975.

Пеньковский 1975-б — *Пеньковский А. Б.* Категория одушевленности — неодушевленности существительных как коммуникативно-синтаксическая категория текста // Материалы семинара по теоретическим проблемам синтаксиса (2—5 марта 1975 г.) / Отв. ред. И. А. Печеркин, Ю. А. Левицкий. Пермь, 1975.

Пеньковский 1984 — *Пеньковский А. Б.* О механизме «матричного» преобразования единиц языка и речи-текста // Совещание по вопросам диалектологии и истории языка (лингвогеография на современном этапе и проблемы межуровневого взаимодействия в истории языка (Ужгород, 18—20 сентября 1984 г.). Тезисы докладов и сообщений. Т. III. М.: Наука, 1984.

РД — Русская диалектология. М., 1964.

Селищев 1952 — *Селищев А. М.* Старославянский язык, II. М., 1952. С. 108.

Хабургаев 1969 — *Хабургаев Г. А.* Заметки по исторической морфологии южновеликорусского наречия // Уч. зап. МОПИ, 1969. Т. 228. Вып. 15.

Чернышев 1970 — *Чернышев В. И.* О нарушении согласования в русском языке // *В. И. Чернышев. Избранные труды.* Т. I. М., 1970.

Horalek 1955 — *Horalek K.* Úvod do studia slovanské jazyků. Praha, 1955.

Kuraszkiewicz 1954 — *Kuraszkiewicz W.* Zarys dialektologii wschodniopolskiej. Warszawa, 1954.

О ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ БЛОКОВ ПОЛНОГО УСИЛЕННОГО ОТРИЦАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Полное усиленное отрицание — с логико-семантической точки зрения — это отрицание существования целостных множеств, или тотальностей, лично-предметного, качественного, количественного, пространственного, темпорального и других категориальных типов. В русском языке это значение выражается средствами двоякого рода: в дейксисе — отрицательными местоименными НИ-словами (*никто, ничто, никакой, нисколько, нигде, никуда, никогда* и др.) и местоименными образованиями с БЫ ТО НИ БЫЛО (*кто бы то ни было, что бы то ни было, какой бы то ни было* и др., см. о них [Пеньковский 1986 : 2, 106; 1991 : 92—94]); в номинации — различными отрицательными блоками закрытой и открытой структуры.

Отрицательные местоимения — со свойственной им силой обобщения — отвлекаются от особенностей структуры таких множеств, снимая (или зачеркивая) весь их состав сразу и целиком, в одном едином акте отрицания. Что касается информации о широте объема местоименных отрицательных тотальностей (МОТ) и специфике их единиц или частей, то она может передаваться либо контекстуально, либо присловными распространителями (*нигде в мире, никто из его друзей* и т. п.), либо же разобобщающими однородными конкретизаторами.

Иное дело — отрицательные тотальности номинативного типа (НОТ). Здесь отрицание направлено не от целого к части, а от час-

ти к целому и представляет собой акт последовательного отрицательного перебора и зачеркивания всех составляющих целое единиц или частей, получающих ту или иную количественную либо качественную характеристику. Можно выделить несколько типов таких НОТ.

НОТ-1: отрицательная тотальность мыслится как дискретное множество качественно тождественных единиц, каждая из которых подвергается отрицательному —зачеркивающему— перебору. Это значение выражается развернутыми одночленами, которые строятся по формуле *ни один* N_{1-6} , где N_{1-6} — имя любого считаемого предмета в той или иной форме единственного числа: *ни один человек, ни одной проблемы, ни к одному делу... ни в одном городе*. Формы множественного числа выступают здесь лишь в тех крайне редких случаях, где они обозначают парные единства или коллективные объединения, принимаемые за единицу соответствующих множеств. Ср.: «Нет! *ни одни глаза* (= ни одна пара глаз) не заменили мне тех, когда-то с любовью устремленных на меня глаз...» (И. С. Тургенев. *Ася*, XXII); «Течение такое, что *ни один пловец* не одолеет, *ни одни гребцы* (= ни одна команда гребцов) не пошлют челн против него» (В. Иванов. *Русь изначальная*, 1, 3).

Для структур НОТ-1, как и для других типов НОТ, связанных с передачей по-единичному зачеркивающего перебора, характерно заслуживающее быть отмеченным двоякое варьирование центрального (в семантическом плане) компонента:

а) Варьирование, связанное с заменой *один* на *единый*: *ни одного слова — ни единого слова*. Ср.: «Рубини и Виардо запели, но *ни единый человек* не шевельнулся, чтобы сесть, и таким образом вся публика прослушала весь длинный дуэт стоя...» (В. А. Панаев. *Воспоминания*). Большая сила второго варианта свидетельствуется его местом в усилительных повторах типа *ни одного, ни единого слова* и объясняется особенностями стилистического соотношения между *один* и *единый*, отражающимися в их частотных характеристиках (по данным частотного словаря Л. Н. Засориной — 3255 : 87). При этом важно то, что, существенно уступая по частоте своему варианту в беспредложном употреблении, *единый* вообще не используется в предложных отрицательных конструкциях: *ни один / единый звук, ни одного / единого упрека, ни одному / единому человеку, ни одним / единым сло-*

вом, но ни из одного / *единого окна, ни к одному / *единому дому, ни с одним / *единым возражением, ни в одном / *едином городе и т. п.

По-видимому, единственное исключение из этого жесткого ограничения представляют имеющие то же значение полного отрицания конструкции с предлогом *без* типа *без единой весточки, без единого вскрика, без единого выстрела* и т. п., поскольку за их коррелятами с определителем *один* закреплено сегодня другое значение. Ср.: *пиджак без единой пуговицы — пиджак без одной пуговицы*. Ср. следующие показательные примеры, явно не соответствующие современной фактически сложившейся норме: «...и он входит, он, молодой генерал, *без одной морщинки* на лице, бодрый, веселый, румяный» (Л. Толстой. *Война и мир*, 3, 2, IV); «...история *всех, без одного исключения всех людей...*» (там же, Эпилог, 2, III); «*Был конец мая, день тихий, светлый, без одного облачка*» (Н. Д. Хвощинская. *После потопа*); «...нескончаемая равнина, однообразная, *без одной живой души*, пугала ее...» (А. Чехов. *В родном углу*, 1); «*Два орудия — блестящие, нежненькие, без одной царапины*» (А. Грин. *Пролив бурь*) и т. п.

б) Варьирование, связанное с эллипсисом определителя *один / единый*: *ни одного / единого слова — ни слова; ни на одну минуту — ни на минуту; ни одним / единым намеком — ни намеком* и т. п. Возможности указанного эллипсиса и круг порождаемых им эллиптированных вариантов, принятых современной литературной нормой, достаточно ограничены. Как было отмечено последней Русской грамматикой, «в предложениях типа *Ни звука: Ни облачка...* в относительно независимой позиции, без распространителей, место род. п. обычно замещается лишь немногими словами, называющими единичный предмет, который может восприниматься зрительно или на слух: *Ни души; Ни огонька; Ни облачка; Ни слова...* При наличии распространителей, а также в условиях контекста возможности лексического наполнения расширяются: *В кармане ни копейки; У меня ни рубля; Ни дня без строчки...*» [Грамматика-80 : II, 341]. Сущность описанного здесь ограничения состоит в том, что из имеющихся эллиптированных вариантов блоков полного отрицания лишь некоторые могут функционировать в качестве самостоятельных предложений со схемой **Ни N₂**, характеризующейся определенной коммуникативно-синтаксической се-

мантикой. Это, однако, ограничение второго уровня. Это ограничение на ограничение, которое, как и в других случаях неконтекстуального эллипсиса, оказывается связанным с некоторой пороговой величиной употребительности лексических единиц, наполняющих определенную синтаксическую модель, употребительности самой этой модели и употребительности тех или иных членов парадигмы составляющих ее элементов. Так, парадигма имени, являющегося грамматическим центром блоков полного отрицания, состоит из шести синтаксических падежных форм. Наибольшей употребительностью из этих шести форм характеризуется форма род. пад. (ее частота более чем втрое превышает совокупную частоту всех остальных падежных форм), и именно с ней связано подавляющее большинство эллиптированных вариантов. В вин. пад. предложные варианты решительно преобладают над беспредложными, и потому эллиптированные варианты есть только среди первых. Формы предложного пад. встречаются лишь единично, и потому их эллиптированные варианты вообще отсутствуют. В имен. пад. по этой же причине эллиптированные варианты единичны и, по-видимому, ненормативны: «*Ни листок не шелохнется*» (А. И. Герцен. Дневник); «*Ни мускул не дрогнул в этом бледном смуглом лице*» (Л. Глебова. В поездке и дома). Ср. также: «...убьешь всю жизнь, записывая каждую минуту дня, подобно тому, как некий Тургенев, который никогда не знает, что он за час делал, что он сейчас говорит и куда через минуту поедет, а посмотри на журнал его — *не проронена ни четверть секунды*: хоть сейчас в протокол страшного суда...» (П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу, 29 декабря 1835).

НОТ-2: отрицательная тотальность мыслится как недискретное множество, в котором зачеркивающему перебору подвергаются все содержащиеся в нем единицы меры целого. Это значение выражается развернутыми одночленами, которые строятся по формуле **ни один** N_{1-6} — N_2 , где N_{1-6} — имя единицы меры, а N_2 — имя вещественного целого: *ни одна тонна угля, ни одного пуда муки, ни в одном грамме вещества* и т. п. Кроме специализированных имен меры (веса, длины, объема и др.), наполнителями центрального компонента рассматриваемой модели могут быть также имена с вторичным «мерным» значением, которое развивается на базе основного предметного значения, обуславливающего их вхождение в НОТ-1. Ср.: *ни одного стакана молока* (об отсут-

ствии молока — НОТ-2), но *ни одного стакана* (об отсутствии стаканов — НОТ-1).

НОТ-3: отрицательная тотальность мыслится как множество, в составе которого выделяется «размерная» группа минимальных его единиц или мельчайших частиц, подвергающихся отрицательному перебору, чем и имплицитруется отрицательный перебор целого. Так, если мы говорим: *На ночном небе не было видно ни одной звездочки*, то отрицание здесь охватывает не только подмножество звездочек, но и целиком все множество звезд. Точно так же в примерах: «...на одной стороне жили неряхи: где ели, там и набросали горы костей, на другой — аккуратисты, там чистота, не оставлено *ни единой косточки*» (Огонек, 1979, 13); «Вот у К. *ни один холстик* не пропадет: все продается...» (В. Гаршин. Художники, Ш); «...еще *ни одной копейки* не вывезли» (В. Личутин. Последний колдун) имеются в виду не только *косточки, холстики* и *копейки*, но *все кости, все холсты, все копны*, и иное — ограничительное — понимание невозможно.

Во всех подобных случаях язык следует логике ежедневного бытового здравого смысла, отражающего многовековой опыт тех, кто, осуществляя исчерпывающий «нисходящий» перебор, выметал соринки и песчинки после того, как убирался мусор и песок, кто подпирал последние соломинки после того, как вывозили солому, и сжигал щепочки после того, как укладывались дрова. Специализированным средством передачи такого «нисходящего» перебора являются конструкции, построенные по формуле **до ... N₂** с соответствующими определителями: *выбрить до последнего волоска, вывезти хлеб до последнего зернышка, выжать до последней капли, разобрать печку до последнего кирпичика, истратить деньги до последней копейки, выгрести золу до мельчайшей пылинки* и т. п.

В отрицательных конструкциях типа НОТ-3 эти же отношения отражаются в перевернутом виде — как «восходящий» перебор «от мала до велика» (от *звездочек* к *звездам*, от соломинок к *соломе*). Конструктивная сила НОТ-3 настолько велика, что она преобразует реальную действительность, создавая несуществующие «минимальные размерные единицы» (*ни одного словечка, ни одного разочка, ни одного денечка* и т. п.), и отводит действующие языковые нормы, порождая не используемые вне НОТ-3 димину-

тивы и сингулятивы для обозначения таких «минимальных единиц». Ср.: «В заметно посвежевшем воздухе было тихо. *Ни единой ветриночки...*» (Ф. Абрамов. Дом); «...*ни мыслинки* не было в голове» (Л. Леонов. Русский лес); «Доведись мне, я бы тоже резал и косил их из автомата, и *ни одной жалостинки* во мне бы не шевельнулось» (А. Черноусов. Чалдоны); «Александров вытирал пот с Бурджалова и Грибунина. — А посмотрите на Мейерхольда — *ни потинки!*» (В. Качалов. Стремительный бег); «— ...у нас *ни одной водиночки* в доме» (И. Велембовская. Сладкая женщина); «Распутин настаивает на том, чтобы мы ни упустили *ни одной добринки*, ничего, что укрепляет положение человека на земле» (Вопросы литературы, 1977. № 2. С. 71) и мн. др. под.

В зависимости от специфики структуры НОТ и ее минимальных единиц выделяется несколько подтипов НОТ-3, различающихся по структуре и особенностям лексико-словообразовательного наполнения центрального грамматического компонента:

НОТ-3-а: соотносится по структуре с НОТ-1; наполнителями центрального компонента являются конкретно-предметные диминутивы различных типов: *ни одного огня* — *ни одного огонька (огонечка)*; *ни одного костра* — *ни одного костерка (костерика, костерочка)*; *ни одного волоса* — *ни одного волоска (волосика, волосочка)*. Ср. также: *ни одной волосинки*. Ср. еще: *ни одной слединки* («— Якорное тулово не зацепи. Чтоб *ни слединки* не осталось!» — В. Повеяев. Боцман Бересан).

НОТ-3-б: соотносится по значению и совпадает по структуре с НОТ-2. Наполнителями центрального компонента могут быть:

— Диминутивы существительных со значением единиц меры: *ни одного пуда муки* — *ни одного пудика муки*.

— Диминутивы существительных с вторичным «мерным» значением: *ни одной рюмки водки* — *ни одной рюмочки (рюмашки, рюмашечки) водки*.

— Имена со специализированным значением мельчайших частей целого: *капля, кроха, крупинка; крупица, искра* и др., а также их диминутивы: *ни одной капли (капельки) молока, ни одной крошки (крошечки) хлеба, ни одной крупицы, крупинки (крупиночки) соли* и т. п. То же при метафорическом переносе на явления внутреннего мира человека: *ни (одной) капли (капельки) любви (жалости, сострадания), ни (одной) крошки (крошечки) сочув-*

ствия, ни (одной) искры (искорки) чувства и т. п. Особо следует выделить группу имен, обозначающих единичные проявления эмоциональных и физиологических состояний человека: *признак, проблеск, тень, след* и др. Ср.: *ни одного признака жизни, проблеска сознания, ни следа вчерашней печали, ни тени тревоги* и т. п. Ср. еще: *ни (одного) намека на раскаяние*.

НОТ-3-в: совпадает по значению с НОТ-3-б, а по структуре — с НОТ-3-а; наполнителями центрального компонента являются сингулятивы, выражающие значение мельчайших единиц и частиц целого синтетически, нерасчлененно: *ни (одной) капли дождя — ни (одной) дождинки; ни (одной) крошки табака — ни (одной) табачинки; ни (одной) капли жалости — ни (одной) жалостинки*. То же вне таких соответствий: *ни одной соломинки, ни одной травинки* и т. п.

НОТ-3-г: в отличие от НОТ-3-б импликатором отрицания целого является здесь не отрицательный перебор подмножества его минимальных единиц или мельчайших частей, а отрицательный перебор минимальных степеней проявления целого. Формула НОТ-3-г — **ни малейший** N_{1-6} . Наполнителями центрального компонента являются имена, называющие различные состояния внутренней жизни человека (*ни малейшего внимания, воодушевления, желания, страха, удивления, интереса, негодования, огорчения, сомнения, сочувствия* и т. п.), динамические процессы внешнего мира (*ни малейшего движения, изменения, потепления*), а также явления и предметы, обладающие способностью к градуальному изменению по тем или иным параметрам (*ни малейшего звука, стона, шума, ни малейшей трещинки, щелки* и т. п.). Употребление имен других семантических классов в конструкциях НОТ-3-г не соответствует сложившейся норме: «Между тем трое из вас подговаривали к пожару, не имея на то *ни малейших инструкций*» (Ф. М. Достоевский. Бесы, 3, 4, 1). Устаревшим является также использование здесь определителей *малый, маленький*: «Нет *ни малой надежды* скоро видеть тебя в России» (И. Плещеев — А. М. Кутузову, 22 июля 1790 г.); «...роман, не требующий *ни малого напряжения* внимания» (М. А. Фонвизин — Н. Н. Шереметевой 13 августа 1834); «...спешить нечего, ибо нет *ни малой опасности* от шведов» (А. С. Пушкин. История Петра); «...и изволила про свое величество спросить: “Стара я стала, Филатовна?” — И я

сказала: “никак, матушка, *ни маленькой старинки* в вашем величестве нет!”» (Рассказ Н. Ф. Шестаковой 16 июня 1738 г.). Ср. также: «Еще повторю от глубины души: не радуйте изветников *ни самую безвиннейшею нескромностью*» (Н. М. Карамзин — П. А. Вяземскому, 11 янв. 1826 г.).

Значение НОТ-3-г передается также соотносительными конструкциями с предлогом *без*: *ни малейшего сожаления — без малейшего сожаления; ни малейшего шума — без малейшего шума* и т. п., в связи с чем следует отметить общее для них явление нейтрализации по числу: *ни малейшего усилия / ни малейших усилий — без малейшего усилия / без малейших усилий* и т. п.

НОТ-4: отрицательная тотальность мыслится как множество или целостность, весь состав которых — во всем его качественно-признаковом, качественно-видовом, качественно-сортовом, качественно-содержательном или градуальном многообразии — подвергается полному отрицательному перебору и зачеркиванию. Специальными показателями такого перебора являются отрицательные местоимения *никакой* и *ничей*, в связи с чем нужно признать, что НОТ-4 соединяет в себе признаки НОТ и МОТ: *никакого хлеба (черного, белого, серого...; ржаного, пшеничного...; свежего, черствого...); никакой врач* (не вылечит), *никакому ученому* (не решить этой задачи), *никакой пилой* (не распилишь), *ни в каком городе* (нет таких зданий); *ни за чьей спиной* (не спрячешься); *никакого внимания* (не обращает), *ни на какой призыв* (не откликается), *ни к какому совету* (не прислушивается), *ни о каком воздействии* (не может быть и речи) и т. п. Ср. также фразеологически ограниченные конструкции НОТ-4 с определителем *никой* (*никоим образом, ни в коей мере, ни в коем случае*) и устаревшие — с определителем *никоторый* (при именах вещественного и конкретно-предметного значения): «Индеец же *не ядят никоторого мяса, ни яловичины, ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины*» (Хождение Афанасия Никитина...); «Но *никоторой вещи* мне так не жаль, как настольных часов...» (А. Болотов. Записки, 1, 2); «...*ни у которого человека* теперь денег для чужого кошель не найдешь» (П. И. Мельников-Печерский. В лесах, 1, 1, 3) и т. п. Современный литературный язык не допускает эллипсиса местоименного компонента в оборотах этого типа, хотя еще в Пушкинскую эпоху их эллиптированные варианты не выходили за грани-

цы нормы: «Мальцан бился за сто луидоров, что один месяц и один день будет ходить всюду в розовом платье, в роховых сапогах и в розовой шляпе <...>. Будет на всех вечеринках и у себя всех принимать в сем наряде, и даже шлафрок будет розовый. Все наряды его на счет другой партии, если он условленное время выполнит, не надевая *ни платка другого цвета...*» (А. И. Тургенев — П. А. Вяземскому, 10 марта 1827) — **никакого** (не *ни одного) *платка другого цвета*; «Нет милых сплетен — всё сурово, / Закон сидит на лбу людей, / Всё удивительно и ново — / А нет *ни пошлых новостей...*» (М. Ю. Лермонтов. С. А. Бахметьевой, 1832) — **никаких пошлых новостей**.

Многое здесь требует специального углубленного изучения с учетом различий тех значений, которые определяются принадлежностью центрального именного компонента НОТ-4 к тем или иным семантическим типам имен (вещественные, лично-предметные, абстрактные и др.). Ср.: *никакого хлеба* — ***никаких хлебов** — *ни одного хлеба; *никакого врача* — **никаких врачей** — *ни одного врача*; *никакой надежды* — **никаких надежд** — *ни одной надежды и т. п. Ср., однако, в языке пушкинской эпохи: «Я поглупел и очень поглупел. Отчего? Бог знает. Не могу себе дать отчету *ни в одной мысли*, живу беспутно, убиваю время и для будущего *ни одной сладостной надежды* не имею...» (К. Н. Батюшков — П. А. Вяземскому, 10 июня 1813).

Особо должно быть отмечено и выделено широко распространенное в определенных контекстуальных условиях разговорной речи явление семантического сдвига в конструкциях НОТ-4, которые преобразуют энергию тотального отрицания целостного качественно-характеризуемого множества в экспрессивное усиленное отрицание определенного конкретного единичного объекта (см. об этом также в работе [Пеньковский 1989] и в наст. изд., с. 47). Ср. в литературных отражениях: «— Там оставался у нас... сыр... — Где это он оставался? — сказал Захар, — не оставалось ничего... — Как не оставалось? — перебил Илья Ильич. — Я очень хорошо помню: вот какой кусок был... — Нету! *Никакого куска не было!* — упорно твердил Захар» (И. А. Гончаров. Обломов, 1, VIII); «— А платок где? — спросил Данилов. — Какой платок? Какой еще платок? — удивился инвалид... Там платок был, — сказал Данилов. — *Никакого платка! Никакого*

платка! — сердито забормотал инвалид» (В. Орлов. Альтист Данилов).

Характерная для всех таких случаев сверхвысокая сила отрицания обусловлена экспрессивным нарушением логико-семантической нормы, в соответствии с которой множества, обозначаемые конструкциями НОТ различных типов, не могут быть ни пустыми (ср. развитие такого значения у слов *ничто*, *никто*, *никуда* и др. [Грамматика-80 : II, 413]), ни равными единице.

Именно поэтому говорится *Ты и головы не повернул; Я и пальцем его не тронул*, а не **Ты ни головы не повернул; *Я ни пальцем его не тронул*. В первом случае отрицание направлено на единичный объект, не входящий в состав соответствующего множества, что делает невозможным использование здесь тотально-отрицательного *ни* и объясняет отсутствие в конструктивной схеме этого высказывания позиции нумеративно-числового показателя *один*. Ср. еще: *Она ему и руки не подала* (поскольку есть лишь одна рука, которую можно подать). Во втором случае отрицание направлено на единичный же объект, но объект, принадлежащий множеству и исключаемый из него. Поэтому здесь иная конструктивная схема (ср.: *Я и одним пальцем его не тронул*), но тот же запрет на тотально-отрицательное *ни*. Ср.: «Обижалась Параскева, говорила сыну, что вон друзья-товарищи по-всякому снимались, а он матери *и одного снимка не мог прислать*» (В. Личутин. Обратно — время свадеб); «Моделировать ситуацию с “Байкалом” даже Чернышев не решился: он *не усмотрел и одного шанса из ста*» (В. Санин. Одержимый). Во всех таких случаях замена выделительно-подчеркивающего *и* тотально-отрицающим *ни* изменяет смысл высказывания, превращая исключаящее (эксклюзивно-единичное) отрицание в тотальное (типа НОТ-1) и преобразуя *один*¹ с определенно-количественным значением в *один*² с значением тотальной единичности (т. е. в знак тотального по-единичного перебора). Ср.: *Он раскрыл книжку, но не прочитал и одной страницы* — ...не прочитал и двух (и трех, и четырех...) страниц, но: *не прочитал ни одной страницы* — ...не прочитал *ни двух страниц¹.

Эксклюзивно-единичное отрицание — в зависимости от специфики отрицаемого, особенностей контекста и некоторых других факторов — формирует два взаимосвязанных значения:

а) значение полного отрицания единицы, исключаемой из множества: *Он и одного дерева не посадил; Он и одного снимка не прислал* и т. п.

б) значение неполного отрицания: *Она не прожила с ним и года* — ‘прожила меньше года, неполный год, т. е. несколько месяцев’; *Я открыл книжку, но не прочитал и одной страницы* — ‘прочитал меньше страницы, т. е. несколько строчек’; *Он и (одного) часу не высидел* — ‘высидел меньше часа, т. е. несколько минут’ и т. п.

Оба эти значения обнаруживают связь с полным тотальным отрицанием, но связаны они с ним по-разному. Первое — имплицитивно-логически (ср. описанные выше отношения между НОТ-3-а и НОТ-1); второе — связью семантического перехода. Ср.: *...и одной минуты не говорил* — ‘говорил меньше минуты, т. е. несколько секунд’ > ‘не говорил нисколько’; *...и (одного) рубля не заработал* — ‘заработал меньше рубля, т. е. несколько копеек’ > ‘не заработал нисколько’ и т. п.

Взаимосвязь указанных типов отрицания и проявляющаяся в определенных условиях близость их семантических вариантов обуславливает возможность и реальные случаи их смешения. Ср., например, нарушающие логику отрицания, но ставшие фактической нормой конструкции НОТ-3-б типа *ни тени сомнения* вместо старых — логически правильных — оборотов с *и*: «А потом *ни тени смущения и раскаяния*» (Н. Давыдова. Сокровища на земле); «В гордости Асеева не было *ни тени самодовольства*» (Новый мир, 1982, 3, 265); «...ни разу не возникло *ни тени ревности*» (Ф. Искандер. Морской скорпион) и мн. др. под. Но: «Герцог Орлеанский не имел *и тени лицемерия*» (А. С. Пушкин. Арап Петра Великого); «...не оказалось *и тени отравления*» (А. И. Одоевский. Русские ночи); «Теперь нет на нем *и тени добродетели*» (Н. В. Гоголь. Мертвые души); «Во мне не осталось *и тени кокетства*» (Л. Н. Толстой. Семейное счастье); «...в нем <В. В. Самойлове> не было *и тени трагического или драматического таланта*» (В. А. Панаев. Воспоминания); «После Рубини я переслушал всех знаменитейших теноров, но никто не мог дать *и тени того впечатления*, которое производил Рубини...» (Там же). Ср.: «...даже *и тени улыбки* не показалось в ее лице» (Ф. М. Достоевский. Идиот) и др. под.

Множества, которые обозначаются конструкциями НОТ рассмотренных выше типов, не могут быть также равными двум и представлять собою парные единства. Поэтому разрешены высказывания типа «На голове его спереди не оставалось *ни одного волосика*» (И. С. Тургенев. Чертопханов и Недопюскин); «У него *ни одного зуба* не оставалось» (И. С. Тургенев. Два приятеля); «Девушка бросилась на колени и ... не мигая *ни одною векою*, так и впилась в лицо своему брату» (И. С. Тургенев. Вешние воды) и др. под., но запрещены такие, как *У него нет *ни одной руки*; *Он не владеет *ни одной рукой*; *У него не было *ни одной ноги*; *Я не могу спать *ни на одном боку*; *Он не видит *ни одним глазом*, не слышит *ни одним ухом* и т. п. Ср., однако, случаи, где имеется в виду не пара, а множество: «В мире не было *ни одной руки*, которая бы протянулась ему навстречу» (Н. А. Некрасов. Повесть о бедном Климе); «...а вблизи *ни одной руки*, которая бы ее направила» (И. С. Тургенев. Ася).

Есть все основания видеть в описанном разграничении одно из тех правил скрытой грамматики русского языка, которые генетически связаны с древним противопоставлением парности и множества как принципиально различных категорий мира и числового мышления.

В этой связи могут быть правильно поняты и различные фразеологические обороты с эксклюзивным отрицанием типа *и в ус не дует*, *и бровью не повел*, *и ухом не ведет*, *и глазом не моргнул* и т. п., и фразеологически закрепленные единичные отступления от этой нормы типа *ни ногой*, *ни в одном глазу* (с заменой *и* на *ни* в условиях обычного для них эллиптированного употребления).

По эксклюзивному же типу осуществляется отрицание целого, если оно мыслится состоящим из двух половин: *и половины книги не прочел*, *и половины дела не сделал* и т. п. То же в случаях со слитными трансформами таких сочетаний (*и полкниги не прочел*, *и полдела не сделал*), от которых нужно отличать конструктивно обусловленные экспрессивно-усилительные образования с *пол-* в построенных по схеме НОТ высказываниях типа *не сказал ни полслова* (*ни полсловечка*). Ср.: «...он не сказал *ни полслова*» (Н. В. Станкевич — М. А. Бакунину, 3 ноября 1836); «Давным-давно вы ко мне *ни полслова*» (А. В. Кольцов — А. А. Краевскому, 27 ноября 1836); «...он все будет шиллерничать, а об деле *ни полслова*»

(А. И. Герцен — Н. Х. Кетчеру, 1 марта 1841); «— А главное, главное — *ни полсловечка* Юлии Михайловне» (Ф. М. Достоевский. Бесы, 2, 6, III) и т. п. Ср. еще: «Нашу братью страшат, а дела *ни на полплеши* нет» (П. И. Демидов — М. И. Хозикову, 26 декабря 1779); «По Летнему ль гуляет саду — / Не свищет песенка, не бойсь, / Хоть будь красotka, — *ни полвзгляду* / Не кинет прямо и ни вкось...» (А. И. Полежаев. Сашка, II, 13, 1825—1837); «...я терпел и не дал в ответ *ни ползвука*...» (И. Клиnger. Два с половиною года в плену у чеченцев, 1847); «...и читал-то он монотонно и несносно, по-пасторски, да и сам-то сюжет так мне *ни на полдвора* не светил...» (В. В. Стасов — Д. В. Стасову, 30 мая 1896) и др. под.

Вне сферы охарактеризованных выше фразеологизованных средств выражения отрицания парных единств (ср. еще: *он слеп на оба глаза, он глух на оба уха*) это значение передается специализированными отрицательными конструкциями двухчленной структуры *ни левый ни правый, ни тот ни другой* (устар. *ни один ни другой*): *не видит ни левым ни правым глазом; не слышит ни левым ни правым ухом; ни на левом ни на правом (ни на том ни на другом) берегу*. Ср.: «...чувствовал себя не приставшим *ни к тому ни к другому берегу*» (В. Брюсов. Огненный ангел, XII, 2), но ср.: «Вечно от *одного берега к другому, и ни к которому не хочется пристать*» (И. С. Тургенев. Несчастная).

То же в случаях свободной парности: «...войско царское, оставив Брянск, заняло Карачев. Не имея надежды взять *ни того ни другого города*, Самозванец двинулся вперед» (Н. М. Карамзин. История государства Российского, XII, 2); «...не было пущено ни одного выстрела *ни с той ни с другой стороны*» (Л. Н. Толстой. Война и мир, 3, 2, XVIII), но ср.: «Они не остановились *ни на одной из этих позиций*» (там же, 3, 2, XIX), так как выше было: «...в отступлении своем прошли *много позиций*». Ср. также: «*Ни тому ни другому не спалось*» (И. С. Тургенев. Отцы и дети); «Встретились мне два старика... *И ни тот ни другой* травки и не видели» (А. Лебедев. Разрыв-трава) и мн. др. под.

На этой основе строится особый структурный тип НОТ (НОТ-5), представляющих собой закрытые двучлены-биномы. Объектом отрицания в таких двучленах являются целостные предметные единства (А), состоящие из двух так или иначе (естественно-природно, конструктивно, логически или ситуативно) взаимосвязанных

элементов или частей, либо целостные понятийные сферы (Б), задаваемые их крайними (граничными) областями предметного, признакового, акционального, обстоятельственного и др. типов: (А) *нет ни отца ни матери* (ср. *отец-мать* 'родители'), *ни жены ни детей* (ср.: «...и если бы не жена-дети, как говорится, ни за что бы я это не выдала» — В. Панова — А. Тарасенкову, 2 октября 1949); *не чувствовать ни рук ни ног* (ср.: *руки-ноги*); «На двери не было *ни ручки, ни замка*» (В. Егоров. На родине); «Новиков не видел в темноте *ни орудия, ни часовых*» (Ю. Бондарев. Последние залпы); «...теперь *ни в полку, ни в дивизии* не найти летчика, который согласился бы лететь с ним в паре» (В. Дроздов. На Миусе), и т. п. (Б) «...не станет помехой *ни в деле ее, ни в личной жизни*» (М. Борисова. Ритуальные жесты); «...не принимали участия *ни в деле ни в забавах*» (Л. Андреев. Призраки); «...не высказывая *ни порицания, ни одобрения*» (Ф. М. Достоевский. Бесы, 2, 5, I); «...не нравились *ни похвалы старине, ни порицания новейших обычаев*» (А. С. Пушкин. Арап Петра Великого); *не может ни пить ни есть; не хочу ни упрекать ни благодарить; ни впереди ни сзади; ни раньше ни потом, ни до ни после; ни мимо ни навстречу* и др. под.

Образуя целостные единства, элементы таких двучленов, равноправные по отношению друг к другу и равноправно подчиненные целому, вступают в логико-семантические противопоставления, представляя различные типы антонимии и контраста, и характеризуются обязательным единством и общностью всех основных семиологических, категориальных, функционально-синтаксических и структурных признаков.

Едины они и в своей несамостоятельности перед целым: устранение одного из элементов двучлена либо вообще разрушает НОТ, порождая некорректные высказывания (ср.: *Здесь невозможно ни ездить ни ходить*. — **Здесь невозможно ни ездить*. **Здесь невозможно ни ходить*; «В доме не было *ни видно огней, ни слышно голосов*» — В. Брюсов. Алтарь победы; — *В доме не было *ни видно огней*. *В доме не было *ни слышно голосов*; У нас нет *ни хлеба ни молока*. — *У нас нет *ни хлеба*. *У нас нет *ни молока*; ср.: У нас нет *никакого хлеба*. У нас нет *ни кусочка хлеба*. У нас нет *ни капли молока*), либо изменяет тип НОТ, ее структуру, значение, семиологические характеристики, отношения с контекстом.

Так, в предложении (1) *На койке ни матраса ни одеяла* двучлен, представляющий НОТ-5, обозначает предметное единство, образуемое верхней и нижней частями постоянного (несменяемого, в отличие от белья) комплекта постели, и допускает две ситуативных интерпретации: (1-а). Вернувшись в комнату, он увидел, что его матрас и одеяло исчезли (конкретная референция с пресуппозицией существования); (1-б) Получив койку в номере, он увидел, что на ней нет матраса и одеяла (неконкретная референция с пресуппозицией нормы: на койке должны быть матрас и одеяло).

Преобразование двучлена в одночлены создает структуры типа НОТ-1 — *ни (одного) матраса* или *ни (одного) одеяла*, которые по своему значению не соответствуют ни ситуации (1-а) (на койке — даже если было очень холодно — не могло быть больше двух матрасов и одеял) ни ситуации (1-б) (на койке не должно быть больше одного матраса и одеяла). Ср. предложение (2) *Привезли детей, а у нас / в детском доме / еще ни матраса ни одеяла*, которое допускает две, но не ситуативных, а структурно-смысловых интерпретации: (2-а) *...ни матраса ни одеяла...* (где *матрас* = 'Матрас' и *одеяло* = 'Одеяло' — имена не множеств, а абстрактных классов) и (2-б) *...ни матраса, ни одеяла..*, где *ни матраса* = 'ни одного матраса' и *ни одеяла* = 'ни одного одеяла', т. е. две однородных конструкции НОТ-1, обозначающие два предметных множества, две отрицательных тотальности.

Из сказанного следует, что конструкции НОТ-5 являются связанными двучленами. Это совершенно очевидно в отношении всех двучленов-биномов, образуемых несубстантивными единицами различных категориальных классов, но это справедливо также и в отношении субстантивных биномов. Неслучайно, что и тем и другим свойственна тенденция к образованию устойчивых сочетаний с дальнейшей их фразеологизацией и возможностью использования в качестве предикативных членов неотрицательных предложений: *ни то ни се, ни два ни полтора, ни рыба ни мясо, ни богу свечка ни черту кочерга* и т. п. Ср. также адъективные и адвербиальные биномы антонимического состава, обозначающие нулевую точку отсчета на соответствующей параметрической градуальной шкале: *ни молодой ни старый, ни добрый ни злой, ни весело ни скучно* и т. п. и — с фразеологическими сдвигами значения — *ни жив ни мертв, ни тепло ни холодно* и т. п.

Известно, что в соответствии с действующими правилами пунктуации элементы таких сочетаний, которые рассматриваются как однородные члены с противоположными значениями, образующие одно цельное выражение и соединенные повторяющимся союзом *ни*, не должны разделяться запятой [Правила 1956 : 83], в отличие от таких же сочетаний, не являющихся фразеологически связанными (в случаях типа ...у ней не было *ни подруги, ни наставницы*) [Шапиرو 1955 : 241; Шапиро 1966 : 157; Розенталь 1984 : 34]. Известно также, что правила эти в массовой практике письма и печати не соблюдаются сколько-нибудь последовательно и нарушаются как в ту, так и в другую сторону.

Это объясняется прежде всего тем, что правило, исключаящее постановку запятой в сочетаниях, «образующих одно цельное выражение», не подкреплено исчерпывающим их списком, а без такого списка оно неизбежно оказывается формальным, чем подрывается также соблюдение правила, требующего постановки запятой в сочетаниях, не являющихся фразеологически связанными. Другая — более глубокая — причина заключается в том, что оба правила недостаточно обоснованы теоретически и вступают в противоречие с другими установлениями пунктуационного кодекса.

Спорна традиционная квалификация двойного *ни...ни* как повторяющегося союза, поскольку одиночное *ни* в отрицательных предложениях — заведомо не союз, а усилительно-отрицательная частица, что и отличает принципиально *ни-ни* как от парного (не имеющего одиночного коррелята) союза *то...то*, так и от повторяющихся союзов *или-или, либо-либо, да...да*. В связи с этим возникает вопрос о соотношении двойных *ни-ни* и *и-и*² и обращает на себя внимание не согласующаяся с обсуждаемыми правилами рекомендация кодекса не ставить запятую «между двумя однородными членами предложения, соединенными повторяющимся союзом *и* и образующими тесное смысловое единство» в случаях типа *Было и лето и осень дождливы* [Правила 1956 : 83]. Несомненно, что «тесное смысловое единство» отнюдь не то же самое, что «одно цельное выражение», но несомненно и то, что двучлены с *ни...ни*, не являющиеся «цельными выражениями», как раз и представляют собой «тесные смысловые единства» (ср. примеры кодекса: «*и лето и осень*» — «*ни подруги, ни наставницы*»), элементы которых поэтому на равных основаниях должны или не должны разделяться запятой. При

этом следует иметь в виду, что «тесное смысловое единство», или «структурно-семантическая цельность», является общей особенностью блоков однородных членов [Бабайцева 1979 : 154—155] и, следовательно, особенностью также и всех двучленов с *ни...ни*, которые, как было показано выше, обозначают целостные предметно-понятийные единства и элементы которых, будучи несамодостаточными, связаны еще и конструктивно.

Все сказанное приводит к выводу о целесообразности возвращения к старой — гротовской — пунктуационной норме, в соответствии с которой элементы двучленов с двойными *ни...ни* и *и...и* — независимо от степени их устойчивости и фразеологичности — запятой не разделялись [Грот 1903 : 106]. Ср., например, иллюстрации, взятые подряд из 1-го тома марковского издания полного собрания сочинений Л. Андреева (СПб., 1913); ...не хотел *ни убивать его ни трогать* (с. 57), ...*ни газеты ни журналы ни слова* не говорили о нем (с. 66), ...*независимый ни от слабого мозга ни от вялого сердца* (с. 72), ...не может быть *ни сильным ни свободным* (там же), ...нет *ни голоса ни силы* на сопротивление (с. 73), ...не было видно *ни духовенства ни провожатых* (с. 82), ...не слышал *ни своих вопросов ни ее ответов* (с. 83), ...не боялся *ни его ни себя* (с. 84) и т. п.

В пользу предлагаемого пунктуационного решения можно привести два достаточно веских дополнительных аргумента:

1. Оно позволяет последовательно противопоставить связанные двучлены рассматриваемого типа двум другим типам двучленов:

а) Свободным двучленам, являющимся усилительными повторами рассмотренных выше одночленных НОТ. Ср.: «Он был историкограф, советник царя. И, однако же, царь *ни разу, ни разу* с ним не побеседовал...» (Ю. Тынянов. Пушкин, 3, 1, 7); «Целый вечер вместе, и за целый вечер *ни слова, ни слова*» (В. Мельгунов. Разлуки и встречи). То же — с аффиксальным осложнением: «...хоть трудности и велики, но гибель *ничуть, ни чуточки* еще не обязательна» (В. И. Ленин. Заметки публициста). То же — с парцелляцией: «Сидел целый день, а не высидел *ни строчки. Ни строчки...*» (С. Марков. Дом на берегу) и т. п.

б) Свободным двучленам, представляющим перечислительно-усилительные ряды одночленных НОТ однотипной (1) и — реже — разнотипной (2) структуры:

(1) «И ни одной жалобы, ни одного упрека за долгое отсутствие» (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени); «Ни малейшего нарушения, ни малейшего колебания не могло быть допущено» (Ф. М. Достоевский. Идиот); «Ни тени кокетства, ни признака намеренно принятой роли...» (И. С. Тургенев. Ася);

(2) «Присоединение Амура не стоило России ни капли крови, ни одного патрона» (М. И. Венюков. Воспоминания). То же с парцелляцией: «Что за человек такой? Ни тени стыда. Ни намек на неловкость» (И. Корнилов. Петька Огнянов).

2. Пунктуационное противопоставление связанных и свободных двучленов находит полное и точное соответствие в противопоставлении их интонационных структур и позволяет снять вызываемое действующей пунктуационной нормой неоправданное и опасное (поскольку оно провоцирует неправильное чтение) противоречие между пунктуацией и интонацией связанных двучленов. Интонационная структура последних характеризуется интонационной дугой, отсутствием паузы, разделяющей их элементы, и акцентным выделением второго члена при обязательной безударности отрицательных *ни...ни*. Интонационной структуре свободных двучленов, напротив, свойственна специфическая интонация перечисления, обязательная разделительная пауза и равноударность обоих членов при факультативной возможности побочных слабых ударений на компонентах двойной частицы ³.

Пунктуационное выражение различий между несвободными и свободными двучленами оказывается особенно важным в случаях совпадения их лексического состава и поверхностных структур, — совпадения, скрывающего, как было показано выше, их существенные логико-смысловые, семантические и семиологические различия. Проблема эта требует дополнительного углубленного изучения, как и некоторые другие вопросы, не получившие отражения в существующей литературе, посвященной отрицанию (обобщение всего сделанного в этой области см. в работе [Бондаренко 1983]).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. устар.: «Бедная птичка! Она, верно, еще долго после вашего отъезда будет прилетать к вашему окну. С каким удовольствием читал я об ней. Если б это попало мне где-нибудь в книге, то бы меня *ни в половину так не тронуло*, для того, что я бы почел это за сказку» (И. А. Крылов — М. П. Сумароковой, 1801 г.); «...пушечная пальба, хоры музыкантов и песельников *не умолкали ни на пять минут...*» (А. С. Грибоедов. Письмо к издателю Вестника Европы, 1814); «...я не только не воздавал за зло добром, но и малейшей обиды не мог снести без отмщения и не уступал другому *ни самой маловажной вещи*» (С. Д. Комовский. Журнал, 16 марта 1815); «Картеты *не ждал ни двух минут*, потому что уехал рано...» (Н. М. Карамзин — Е. А. Карамзиной, 22 февраля 1816); «Войск деля Петровых славу, / С ним ушел он под Полтаву; / *И не пишет ни двух слов*: / Все ли жив он и здоров...» (П. А. Катенин. Ольга, 1816); «...несколько строк X тома уже написано. Кажется, что это царствование *не займет ни половины его*» (Н. М. Карамзин — А. Ф. Малиновскому, 3 марта 1821); «...всякий знает, что, хоть он расподличайся, никто ему спасибо не скажет и *не даст ни пяти рублей*» (А. С. Пушкин — К. Ф. Рылееву, июль—август 1825) и т. п.

² Учитывая установившийся с конца XIX в. окончательный запрет на союзное употребление одиночного *ни* между однородными членами отрицательных предложений (типа пушкинского «*Она ласкаться не умела к отцу ни к матери своей*»), нужно признать, что былой параллелизм между *ни* и *и* в русском языке утрачен и потому утрачен также параллелизм их двойных коррелятов: если *и...и* — это с о ю з-частица, то *ни...ни* следует считать усиленной отрицательной частицей с дополнительной союзной функцией. Это — ч а с т и ц а-союз.

³ Указанные интонационные особенности свободных двучленов составляют дополнительное к смысловым условиям обеспечение возможности парцелляции их вторых членов в позиции конца предложения. Связанные двучлены — это показательно и важно — парцелляции не допускают.

ЛИТЕРАТУРА

Бабайцева 1979 — Бабайцева В. В. Русский язык: Синтаксис и пунктуация. М.: Просвещение, 1979.

Бондаренко 1983 — Бондаренко В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. М.: Наука, 1983.

Грамматика-80 — Русская грамматика. Т. I—II. М.: Наука, 1980.

Грот 1903 — Грот Я. К. Русская пунктуация. 16-е изд. СПб., 1903.

Пеньковский 1986 — *Пеньковский А. Б.* Об одной группе местоимений, потерянных русскими грамматиками и словарями // Функционально-типологические проблемы грамматики. Ч. 2. Вологда, 1986.

Пеньковский 1989 — *Пеньковский А. Б.* О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики. 1985—1987 / Отв. ред. В. П. Григорьев. М.: Наука, 1989.

Пеньковский 1991 — *Пеньковский А. Б.* Скрытое отрицание: из глубины к свету // Действие: лингвистические и логические модели. Тезисы докладов / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1991.

Правила 1956 — Правила русской орфографии и пунктуации. М.: Учпедгиз, 1956.

Розенталь 1984 — *Розенталь Д. Э.* Справочник по пунктуации. М., 1984.

Шапино 1955 — *Шапино А. Б.* Основы русской пунктуации. М.: Наука, 1955.

Шапино 1966 — *Шапино А. Б.* Современный русский язык: Пунктуация. М.: Просвещение, 1966.

К ИЗУЧЕНИЮ СТЕПЕНЕЙ КАЧЕСТВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(выражение избыточности степени качества)

1. Общепринятое учение о степенях качества основывается почти исключительно на синтетических средствах их выражения. Таковы, например, различные образования суффиксального, префиксального и префиксально-суффиксального типов. Что касается широко разветвленной системы аналитических средств, представляющих сочетания качественных слов (прилагательных, наречий, предикативов и некоторых оценочных существительных) с наречиями меры и степени и близкими по значению частицами, то такие аналитические средства, выражающие те же значения описательно, фактически не принимались до сих пор во внимание и не подвергались сколько-нибудь глубокому изучению. Последствием этого является не только более или менее значительный пробел в наших знаниях о соответствующей группе формальных средств русского языка, но и неизбежно неполное, а отчасти и искаженное представление как о корреспондирующих с ними синтетических средствах, так и о выражаемых ими значениях.

2. Несколько слов в уяснение некоторых исходных понятий.

2.1. В русском языке, как и в большинстве языков мира, всякое непредметное выражение качества-признака, имеющего количественную меру и допускающего количественную оценку, осуществляется вместе с установлением некоторой той или иной его меры.

2.2. Мера эта устанавливается всегда на основе явной или скрытой операции сравнения, с необходимостью предполагающей и требующей наличия той или иной точки отсчета.

Так, для степеней сравнения, называющих признак объекта сравнения, эта операция эксплицитна, а в качестве ТО выступает степень признака эталона сравнения.

Для форм так называемой положительной степени качественных слов операция сравнения оказывается скрытой, а в качестве ТО выступает некоторая величина, принятая в данном обществе и в данную эпоху за среднюю норму меры качества. Таким образом, качественные слова в своем большинстве (качественные слова с параметрическими значениями) не просто называют соответствующие качества-признаки, но обязательно указывают еще и на некоторую степень отклонения меры качества от средней нормы. Поэтому *высокий* — значит ‘обладающий высотой выше средней нормы’, а *низкий* — соответственно ‘обладающий высотой ниже средней нормы’ и т. п. Сами эти отклонения также обычно являются нормативными, а в определенных случаях норма отклонения от средней нормы может начать восприниматься как собственно норма.

Степени качества устанавливаются таким же образом — на основе скрытой операции сравнения. Однако ТО здесь может быть двойкой.

В одних случаях ТО является некоторая общепринятая норма меры качества, и тогда степени качества обозначают ненормально большое или ненормально малое отклонение от этой нормы. Ср.: соотношения в рядах типа *влажный* — *очень влажный* — *чуть влажный*.

В других случаях ТО оказывается некоторая ситуативно определяемая степень качества, заданная необходимостью, потребностью, желанием, предположением и т. п. Ср. соотношения в рядах типа *достаточно влажный* — *слишком влажный* — *недостаточно влажный*.

В случаях первого рода скрытая операция сравнения приводит к оценке меры качества с точки зрения интенсивности. В случаях второго рода мера качества оценивается с точки зрения соответствия — несоответствия необходимой, желаемой или предполагаемой для данной ситуации его величине. К оценке с точки зрения интенсивности здесь присоединяется еще модально-обстоятельная оценка.

2.3. Указанные значения, отчетливо дифференцируемые при выражении их аналитическими средствами, в простых формах по-

лисемически совмещаются, являя яркий пример так называемой регулярной полисемии. Ср., например: *холодоватый* ‘несколько холодный’, ‘довольно холодный’ и ‘несколько слишком холодный’, ‘слишком холодный’; *широкий* ‘обладающий шириной выше средней нормы’ и ‘слишком широкий’ и т. п. Дифференциация этих значений зависит от сложной совокупности факторов и нередко оказывается затруднительной.

3. Выделим из совокупности этих значений значение избыточности (превышения) меры качества и рассмотрим подробнее особенности его выражения. Анализ этот целесообразнее начать с описательных средств как более ясных и четких.

3.1. Указанное значение выражается аналитически а) наречиями *слишком, излишне, чрезмерно, непомерно, чересчур* и б) наречными сочетаниями: *не в меру, сверх меры, через меру* и устаревшими *над меру, паче мер, свыше мер* и нек. др.

3.2. Образуемые при помощи этих показателей избыточности аналитические конструкции используются для выражения нескольких взаимосвязанных значений.

3.2.1. Значение избыточности (превышения) меры качества по сравнению с тем, что нужно, принято, требуется и т. п. Ср.:

«Форма, щегольски новенькая, сидела на нем как-то *слишком картинно*» (С. Снегов. Час мужества); «Алексей Иванович *слишком мягок*. Он не может повысить голос, не любит командовать» (С. Крутилин. Липяги); «...все время хотелось посоветовать ему вытереть *уж слишком влажные и слишком красные губы*» (В. Андреев. Возвращение в жизнь); «...рейхсмаршал, очевидно, *слишком долго* выбирал себе форму» (А. Чаковский. Блокада); «Физиономия Васина не очень поразила меня, хотя я слышал о нем, как о *чрезмерно умном*» (Ф. М. Достоевский. Подросток. Ч. I, 3. III); «...мухорчатая кобылка, запорошенная снегом и *мохнатая через меру*» (В. Колыхалов. По кругу жизни); «И еще я заметил у девочки *непомерно большой живот...*» (В. Баныкин. Хочу быть человеком); «*Над меру нежные* и малые божки, / Дабы не простудили ножки, / Обулись в теплые сапожки» (П. Сумароков. Лишенный зрения Купидон, 1791) и др. под.

Это же значение может быть выражено оборотами с соответствующими формами сравнительной степени при трансформации скрытой операции сравнения в открытую: *слишком много* — боль-

ше, чем нужно; слишком далеко — дальше, чем хотелось бы и т. п. Ср.:

«За собой замечаю с досадой, / что бываю — так возраст велит — / то *добрее, чем это бы надо*, / то *сердитее, чем надлежит...*» (Я. Смеляков. «Ну, а я вот сознаться посмею...»); «...на долю легких и сердца возлагается *более изнурительная, чем надо, задача...*» (К. Петров-Водкин. Пространство Эвклида); «Деятели были чрезвычайно, *инициативен*, вероятно, *более, чем нужно...*» (Ю. Домбровский. Хранитель древностей); «— Сколько лет прошло? А смотрят там, наверху: дело подвигается *медленнее, чем надо*» (С. Крутилин. Липяги) и т. п.

Возможно, естественно, синонимически-усилительное объединение обоих указанных способов: «Движением слепца он спустился от плеча к локтю и сжал этот локоть от злости на себя, пожалуй, *слишком сильно, сильнее, чем требовалось*» (В. Аксенов. Любовь к электричеству); «Лицо ее теперь *слишком серьезно, более, чем того требует торжественность случая*» (А. Чехов. Драма на охоте); «— ...если тебе или сыну понадобится ленинградская квартира, — она в вашем распоряжении. — Мне не понадобится! — отказался *слишком резко, резче, чем хотелось бы*» (Ю. Грачевский. Театральная повесть). Ср. также несколько иной способ раскрытия операции сравнения: «...я подумал, что последнее время вру *слишком часто — когда надо и когда не надо*» (В. Токарева. День без вранья).

В подобных случаях превышение требуемой, необходимой и, следовательно, нормальной меры качества осознается как недостаток и обычно сопровождается отрицательной оценкой.

Ср. еще следующие примеры:

«— А ну тебя, Ванька! — отмахнулся я. — *Мнительный ты не в меру*» (В. Баныкин. Хочу быть человеком, III); «— *Горяч ты не в меру!*» (М. Колесников. Индустриальная баллада); «...портрет Инны. Здесь она выглядит *чересчур строгой*» (З. Богуславская. Семьсот новыми); «...все они были некрасивы, *излишне... сухопары, излишне бледны...*» (А. и Б. Стругацкие. Обитаемый остров); «...одета она в чистенькое белое платьице. Мальчик кажется мне тоже *излишне чистым*» (В. Ляленков. Борис Картавин. II); «...*излишне простое*, скорее даже простецкое лицо...» (Г. Марков. Сибирь. Ч. II, гл. 1, 2); «На него внимательно, пожалуй, даже

излишне внимательно смотрел молодой человек...» (В. Банькин. Баламут); «...в то же время в нем было что-то как бы *излишне* твердое» (Ф. М. Достоевский. Подросток. Ч. I, гл. 3) и др. под.

Отрицательная оценка, однако, смягчается или даже вообще отсутствует, если рассматриваемые аналитические конструкции выступают в своем втором значении.

3.2.2. Это значение избыточности меры качества устанавливается с точки зрения несоответствия каким-либо другим признакам (дискоординация признаков) или обстоятельствам проявления данного качества (дискоординация качества и обстоятельств).

Выражение такого рода дискоординаций связано с некоторыми специальными оборотами и синтаксическими конструкциями. Таковы:

3.2.2.1. Сочетания типа *для + Под. пад.*, называющие предмет или обстоятельство, с которыми данная мера качества вступает в противоречие или несоответствие. Ср.: «...светло-серый костюм показался ему *слишком легкомысленным и слишком обыденным для такого случая*» (Э. Фейгин. Бульдоги Лапшина); «Оба они *слишком молодые для семейной жизни*» (О. Ждан. Во время прощания); «Это ведь по сравнению с НИИ мне такая клиника мила, а вообще-то даже она *для меня слишком академична*» (В. Гиллер. Пока дышу., 5); «...он выглядел, пожалуй, даже *слишком трезво для подобной компании*» (Л. Леонов. Конец мелкого человека); «...находит, что вишня *излишне / для раннего сорта сладка...*» (С. Васильев. Ответ по существу. 1958); «Оцеп изволил однажды заметить, что Алферова-де *излишне учная для матроса* — первый курс института инженеров водного транспорта окончила» (В. Жуков. Хроника парохода «Гюго») и др. под.

Значение этих оборотов можно было бы определить как значение неудачного или отвергнутого предназначения, что особенно четко обнаруживается при парцелляции. Ср.: Оба они *слишком молодые для семейной жизни* — Оба они слишком молодые. *Не для семейной жизни.*

О том, насколько типично это значение, насколько прочно закреплено оно за рассматриваемыми оборотами, убедительно говорит возможность опущения специального показателя избыточности при качественном слове, к которому такие обороты относятся: Ср.: «Принес все это и поставил на стол не Иван Авдеевич, а дру-

гой солдат, молодой, здоровенный, в натянутой поверх обмундирования поварской куртке. — *Дюжий для такой службы*, — заметил Синцов. — *Такому бы “Дегтярева” на плечо...*» (К. Симонов. Последнее лето, V); «...а чтобы в науку — нет. Не способен. Да и горяч я для этого. С юности горяч» (Г. Троепольский. В камышах); «Шарутин был невысок, узкоплеч, с *тяжелым для худого лица носом*» (С. Снегов. Час мужества, 2) и др. под.

Это же значение может выражаться оборотами, построенными по модели *не + по + Дат. пад.*: *слишком жаркое для этого времени солнышко — жаркое не по времени солнышко — слишком жаркое, не по времени, солнышко*. Ср.: «Голос у Шарутина был *мощным не по росту*» (С. Снегов. Час мужества, 2; ср.: *слишком мощным для его роста*); «Березов снова закрыл глаза, откинувшись в *глубоком, не по росту, кресле*» (там же, 13); «...сближение шло *не по обстановке медленно*» (там же, 14); «...и лицо ее, *моложавое и не по годам свежее, вытянулось*» (А. Петухов. Медвежья Лядина); «Сестра была *деловитая и серьезная не по годам*» (А. Чаплыгин. Моя жизнь); «...жара была *не по времени тяжелая*» (П. Герасимов. На трассе — непогоды, 3); «Нос у нее *не по лицу мал, остр и хрящеват*» (М. Горький. Городок Окуров); «...медленная, умная *не по моему уму речь...*» (Н. Давыдова. Никто, никогда) и т. п.

То же с соответствующими типами наречий: *слишком твердые для женщины губы — не по-женски твердые губы; слишком серьезные для ребенка глаза — не детски серьезные глаза; слишком холодно для лета — не по-летнему холодно* и т. п.

3.2.2.2. Придаточные предложения с союзом *чтобы* в составе сложноподчиненных предложений фразеологического типа, главная часть которых имеет значение избыточного основания. Этот тип предложений используется для выражения дискоординации меры признака и тех или иных действий. Ср.: «Зло *слишком очевидно, чтобы* самый недалновидный зритель не постигал его» (В. Ф. Равевский. О рабстве крестьян, 1821); «Да, да! Это она! Его девушка! Та самая! Она была *слишком близко, чтобы не поверить* глазам» (В. Красильщиков. Вечный огонь); «Раух был *слишком опытным контрразведчиком, чтобы не понять*, к кому шли выданные Терещенко люди» (Э. Хруцкий. Девушка из города Башмачников); «Оживление их было *слишком искусственным, чтобы заполнить*

ресторан, и он так и остался пустым...» (И. Гуро. И мера в руке его); *«Слишком серьезной писатель Ю. Крелин, чтобы облегчить себе задачу игрой в поддавки»* (Г. Радов. От мира сего) и др. под.

По ряду причин такие предложения встречаются относительно редко. Обычно же содержание каждой части выражается отдельными, самостоятельными предложениями, связь между которыми осуществляется при помощи наличествующего или подразумеваемого отсылочного сочетания *для этого*. Ср. *«Он не слыл чрезмерно задумчивым подростком... Для этого он был слишком активен и бодр»* (Л. Обухова. Вначале была земля); *«Нельзя сказать, что Марина помыкала Лизой, нет. Она была для этого слишком справедливой»* (М. Юфит. Банка варенья); *«...если его годы уже были сочтены, то он не должен был умереть на чужбине — это было бы чудовишно. Куприн был слишком русским человеком...»* (К. А. Куприна. Куприн — мой отец, ХХІХ); *«Попасть попутчику в разряд “пролетарский писатель” было делом страшно трудным, почти невозможным. Надо было иметь слишком много достоинств»* (С. Шешуков. Неистовые ревнители).

4. Во всех подобных случаях избыточность меры качества оказывается не абсолютной, а относительной, поскольку данная мера качества оценивается как избыточная не по отношению к средней его норме, а с точки зрения тех или иных дискоординаций. При этом положительные качества оцениваются как избыточные по отношению к отрицательным действиям, а отрицательные, напротив, — по отношению к положительным действиям. Ср. соотношения типа *слишком опытен, чтобы не понять — слишком неопытен, чтобы понять; слишком близко, чтобы не поверить — слишком далеко, чтобы поверить* и т. п. Именно этим объясняется смягчение или даже полное устранение отрицательной оценки избыточности в конструкциях такого рода.

На этой же основе показатели избыточности при выражении положительно оцениваемых качеств осуществляют переход к значению в с о к о й степени качества. Ср.: *«Пускай больна душа моя, / Пускай она не верит гордо... / Но в вас я верю слишком твердо, / Но веры вам желаю я...»* (А. Григорьев. Владельцам альбома. 1845); *«В тот миг мне стало слишком ясно, / Что любила и молчит»* (А. Григорьев. Вверх по Волге. 1862); *«Его расчет был слишком верен, / И план рассчитан наперед...»* (А. Григорьев.

ев. Встреча. 1846); «Резко отмечаю день 15 ноября — день *слишком* для меня *памятный* по многим причинам...» (Ф. М. Достоевский. Подросток. Ч. 2, гл. 1); «...мать намеревалась снести в заклад из киота образ, почему-то *слишком* ей *дорогой*...» (Там же. Ч. 1, гл. 2); «А между тем все эти два месяца я был почти счастлив, — зачем почти? Я был *слишком счастлив*...» (Там же. Ч. 2, гл. 1) и т. п.

С таким же семантическим сдвигом, не замечаемым нашими словарями, использовалось в первой половине XIX в. и наречие *чрезмерно*: ‘слишком’ → ‘очень, чрезвычайно’: «...года с четьре как <недавно скончавшийся> князь совершенно переменялся к своим мужикам, занимался их благоденствием и сделал из нищих богатейших во всей губернии. О нем *чрезмерно сожалеют*...» (К. Я. Булгаков — А. Я. Булгакову, 22 июня 1822 // Русский архив, 1903. Кн. 1. Вып. 2. С. 214); «Там был один Персиянин, <...> человек умный, говорит хорошо по-французски, а еще лучше по-английски, рассуждает очень хорошо и *чрезмерно вежлив*...» (К. Я. Булгаков — А. Я. Булгакову, 15 июля 1822 // Русский архив, 1903. Кн. 1. Вып. 3. С. 291); «Я *чрезмерно радуюсь*, что Закревский сбыл так славно эту дачу, которая бы еще более его завела в издержки...» (А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову, 29 сент. 1832 // Русский архив, 1902. Кн. 1. Вып. 2. С. 317); «Письмо его *чрезмерно меня порадовало*...» (А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову, 26 сентября 1833 // Русский архив, 1902. Кн. 1. Вып. 4. С. 605); «Помещики <...> стали просить его, чтобы он своим ходатайством испросил у государя им прощение, и были *чрезмерно довольны*, что...» (Е. Н. Львова (1788—1864). Рассказы, заметки и анекдоты из записок Елисаветы Николаевны Львовой // А. Ф. Львов. Записки. Рассказы, заметки и анекдоты из записок Е. Н. Львовой. Ковров, 1998. С. 125); «<Брюлов> как очень чувствующий и гениальный человек, пользуясь портретами великой княгини, написал чудесный образ царицы Александры, *чрезмерно сходный с покойною великою княгиней*» (Там же. С. 174); «Когда все то мой стих вам скажет, / Меня *чрезмерно он обяжет*, / И я тогда скажу не ложь, / Что список с подлинником схож» (П. А. Вяземский. «Поздравить с пасхой вас спешу я...», 1853).

В современном русском языке употребление показателей избыточности со значением высокой степени качества ограничено некоторыми специальными условиями. Ср.: «Я не настаиваю на том, что назвал этот тип неточных рифм *слишком удачно*. Все же это

название передает суть дела» (Д. Самойлов. Наблюдения над рифмой); «Стихов формы 1 слишком мало для того, чтобы относящаяся к ним статистика заслуживала *слишком подробного* обсуждения» (А. Н. Колмогоров. Пример изучения метра) и т. п.

Рассматриваемый переход от значения избыточности к значению высокой степени качества, по-видимому, свидетельствуется и диахронически — развитием значений некоторых приставок. Ср., например, характерное для приставки *пере-* значение избыточности в глагольном словообразовании (*перестараться*, *переработать*, *переспать* и т. п.) и значение высокой степени качества в диалектном адъективном словообразовании (*добрый* — *передобрый*, *гадина* — *перегадина* и т. п.). Ср. также соответствующее значение приставки *пре-*.

5. Равным образом, если при установлении избыточности меры качества точкой отсчета является некоторая средняя норма, то избыточность эта оказывается объективной, и, следовательно, указание на избыточность осознается в то же время как указание на высокую или очень высокую степень качества.

На этой основе показатели высокой степени качества при выражении отрицательно оцениваемых качеств осуществляют переход к значению избыточности меры качества. Ср., случаи, где обороты с *очень* используются в значении ‘слишком’; «...и волосы у него не такие смолистые, как показалось ей в первый раз, и брови, хотя и черные, но *очень широкие* даже для мужского лица» (А. Ананьев. Межа); «Может быть, в понимании всякого символизма как мифологии виноваты именно те писатели конца XIX — начала XX века, которые сами себя называли символистами и которых называли так и другие. Но это, повторяем, *очень узкое* понимание символизма...» (А. Ф. Лосев. Символ и художественное творчество); «...но Санька был *очень слаб*, чтобы ехать, и потому задержался...» (В. Гиллер. Пока дышу... 2); «—Для Ларисы потерять вас — значит потерять мужа. Справится ли она с этим? Вы относились к ней *очень хорошо*, чтобы теперь бросить...» (М. Смородин. Повесть о лоцмане Сколышеве).

Реализации этого значения особенно благоприятствует использование усилительной частицы *уж*:

«Смотрите, говаривали вирусологам некоторые *очень уж осторожные* ученые, ведь он живой, вирус этот» (М. Ивич. Некто

или нечто?); «Может быть, это было случайно, только *уж очень часто* для случайности» (М. Шагинян. Человек и время); «...недоволен этим *очень уж молодо* выглядевшим капитаном...» (А. Чаковский. Блокада); «Он сказал это негромко, но твердо. *Очень уж твердо*» (В. Померанцев. Оборотень); «Все дети были чистенько и заботливо убраны, вполне здоровы, с розовыми и загорелыми личиками. Но только как-то *уж очень плотно* они к нам прижимались, *слишком* тянулись к нам. Так бывает в лесу, когда срежут дерево и корневая сила выбрасывает пуки свежих отпрысков, и листики на них как-то *уж очень зелены*, кора *слишком нежная*, стволы *чересчур частые* кругом» (М. Пришвин. Рассказы о ленинградских детях).

Переход от значения высокой степени к значению избыточности является регулярным для целого ряда параметрических качественных прилагательных и обнаруживается при переходе от полных форм к кратким. Ср.: *высокая трибуна* — *трибуна высока* (для меня), *широкий пиджак* — *пиджак широк* (в плечах) и т. п.

Этому семантическому сдвигу способствует типичное для кратких форм использование только в предикативной функции и характерное для предикативного употребления подчеркивание, которое маркируется логическим ударением и дополнительно поддерживается некоторыми другими средствами. Для наречий и категории состояния таковы, например, инверсия и присоединение неопределенно-причинного *что-то*: «— *Ой, что-то мудро ты говоришь!*» (А. Чапыгин. На лебязьих озерах); «...от самого факта разговора, от того, что он был, состоялся, возник горьковатый осадок: *часто что-то* стали повторяться вот такие душеспасительные беседы с капитаном» (В. Жуков. Хроника парохода «Гюго») и др. под.

б. Если учесть, что избыточность меры качества может сама оцениваться с количественной точки зрения, то можно будет представить отношения между аналитическими и синтетическими средствами выражения избыточности следующей типичной схемой:

слишком резко ————— резко
несколько слишком резко ————— резковато

Имея одинаковые значения, левые и правые члены этих пар различаются по наличию — отсутствию формальных средств выражения этих значений. Однако если правый член первой пары не содержит никакого вообще материального элемента, который мог бы

взять на себя выражение соответствующего значения, то во второй паре дело обстоит иначе. Правый ее член имеет некорневой, словообразовательный элемент, к которому может быть прикреплено это значение. В такой именно системе и происходит изменение значения суффикса *-оват-*, который от значения 'невысокой степени отклонения от средней нормы' переходит к значению 'ослабленной избыточности'.

Так создаются условия, в которых *-оват-*производные, которые принято считать средством выражения объективной неполноты признака, используются в качестве форм субъективной оценки. Ср.: «Погасли фары, стало *так темно*, словно Фомину завязали глаза. У самого уха услышал голос Бакина: — *Темновато* с непривычки?» (Б. Попов. Бурелом).

Исходя из этого можно было бы попытаться объяснить отмечаемый многими исследователями как загадка факт преимущественного употребления *-оват-*образований, производных от основ со значением отрицательного признака.

Справедлива все-таки восточная мудрость: «Чтобы познать меру, нужно познать чрезмерность».

**К ИЗУЧЕНИЮ СТЕПЕНЕЙ КАЧЕСТВА
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, НАРЕЧИЙ И ПРЕДИКАТИВОВ
(образования с приставкой *во-* типа *вокрасно, вокрасный*)**

Зарегистрированные единично еще в словарях, диалектологических, этнографических и фольклорных материалах середины прошлого века, образования этого типа долгое время оставались на положении раритетов и не привлекали внимания исследователей. Как и во многих других подобных случаях, причиной этого следует считать их глубокую периферийность.

Ограниченные территориально рядом северных, прежде всего сибирских и пермских¹, говоров, они неизвестны говорам центральных территорий русского языка, на материале которых возводилось здание русской диалектологии. Эти образования лишены прямых и очевидных соответствий в других славянских языках, и прежде всего в украинском и белорусском, и потому казались безынтересными для сравнительной грамматики славянских языков. Они не имеют также явных генетических корней в древнерусском языке и потому остались за пределами первоочередных интересов и истории русского языка.

В то же время образования с приставкой *во-* были дважды ограничены категориально. Они были представлены в старших материалах преимущественно формами наречий², т. е. частью речи, долгое время не подвергавшейся серьезному изучению (последствия этого сказываются в нашей науке и сегодня), и притом формами наречий, связанными с выражением степеней качества, т. е. категории, которая до сих пор остается одной из наименее изучен-

ных в славянском языкознании, даже применительно к литературным вариантам славянских языков.

Потребовалось более полувека, чтобы от простой регистрации соответствующих фактов (сначала как «местных идиотизмов», как «отмен, противных грамматическим правилам» [Кузмищев 1848: 38, 39], затем как экзотических диалектизмов, используемых в качестве различительного признака определенных говоров), обратиться к ним как к особому языковому явлению, требующему теоретического осмысления. И, как это характерно вообще для истории изучения периферийных и раритетных явлений языка, этот новый — теоретический — этап в изучении рассматриваемых форм на во-открыли этимологи: сначала А. Г. Преображенский [Преображенский 1959: 1, 101; 2, 36 доп. паг.], а полвека спустя М. Фасмер [Фасмер 1973 : 4, 142].

Однако выдвинутые ими этимологические версии, лишенные какого бы то ни было системно-семантического и словообразовательного обоснования, не опирающиеся на необходимый анализ категории и форм степеней качества в славянских языках и обращенные к сознанию читателя только со стороны постулируемых ими фонетических связей, оказались преждевременными (подробный анализ указанных этимологий см. в работе [Пеньковский 1974], публикуемой здесь в качестве приложения). Такова обычная плата за этимологический приоритет. Этимология подобна банковским билетам: она требует полноценного обеспечения золотыми запасами языковых фактов и активами их научного описания и истолкования.

Необходимый фактический материал русская диалектология получила. Благодаря активному сбору новых данных для Общеславянского лингвистического атласа и диалектных словарей, благодаря работе над сводом накопленных словарных фактов в «Словаре русских народных говоров» в 50—60-х годах был выявлен обширный круг наречных и адъективных образований типа *вокрасно*, *вокрасный* и т. п., распространенных в говорах Сибири и Среднего Урала³. Они не могли теперь не привлечь внимания исследователей, и за сравнительно короткий срок им были посвящены две специальные статьи — Л. В. Сахарного (1960) и Ф. П. Филина (1972).

Работа Л. В. Сахарного «Наречия и прилагательные с префиксом *во-* в говорах Свердловской области» [Сахарный 1960 : 146 — 162] представляет первый в нашей науке опыт обобщения всего

известного автору предшествующего материала и анализа его на основе новых данных, собранных им в говорах Свердловской и ряда соседних областей. Впервые образования с *во-* были объединены здесь в таком мощном корпусе фактов (их список включает производные более чем от 70 корней), и не случайно, что именно на этой фактической основе построены соответствующие статьи «Словаря русских говоров Среднего Урала», а затем и «Словаря русских народных говоров».

В то же время здесь впервые был поставлен ряд важных теоретических вопросов, связанных с особенностями семантики, словообразования и употребления форм на *во-*, и предложены некоторые возможные их решения.

Появившаяся позднее, но независимая от предшествующей небольшая заметка Ф. П. Филина «Вокрасно, вокрасный» [Филин 1972 : 268—271] основана на материалах «Словаря русских народных говоров». Она несколько расширяет объем анализируемых фактов (в частности, за счет не выделяемых специально Л. В. Сахарным образований типа *восырьь*, *вохолодь*), содержит ряд важных заключений лингвогеографического характера и выдвигает некоторые новые вопросы, связанные с семантическими и акцентными признаками рассматриваемых форм. Работу эту, однако, отличает преимущественная этимологическая направленность.

Не исчерпывая, естественно, ни материал, ни те проблемы, которые встают в связи с его анализом, обе эти работы создают надежную основу и стимулы для дальнейшего изучения форм на *во-*.

* * *

1. Формы с *во-* распространены сейчас в обширном ареале северо-восточных говоров русского языка, центром которого являются говоры Среднего Урала. На восток от Урала формы с *во-* функционируют во многих говорах северновеликорусского типа вплоть до побережья Тихого океана. На запад от Урала, с постепенным сокращением продуктивности этой словообразовательной модели, они известны пермским, Кировским и Челябинским говорам [Сахарный 1960 : 147, 157, 160; Филин 1972 : 268—269].

Отмечая, что в картотеке «Словаря русских народных говоров» нет ни одного примера из говоров северо-западных и центральных областей, Поволжских земель и южновеликорусской территории,

Ф. П. Филин включает в ареал форм с *во-* архангельские, вологодские и костромские говоры [Филин 1972 : 268—269]. Следует заметить, однако, что материалы СРНГ располагают для этих трех диалектных территорий лишь отдельными, единичными и к тому же не самыми показательными фактами. Так, вологодские говоры представлены в этом собрании всего двумя формами. Одна из них — *возвóнко* (1887) — извлечена из песенного текста («*Седоки песни поют, Колокольчики возвонко Звенят вунывно под дугой*» [СРНГ 1970 : 5, 16]), и, может быть, именно этим и объясняется ее уникальное ударение на основе; при характерном для подобных образований и достаточно последовательно проведенном энантиосемическом совмещении полярных значений «ослабления» и «усиления» степени качества (ср.: *вогорячо* ‘не очень горячо’ и ‘слишком горячо’) имеет нейтральное значение ‘звонко’ и потому кажется не вполне надежной (ср. здесь же являющееся, по-видимому, испорченным *вунувно* ‘заунывно’ <?>). Вторая же — *восырь* (1897) — реализует другую словообразовательную модель, представленную в говорах значительно меньшим числом образований, но имеющую зато более широкое распространение.

Учитывая, что формы типа *восырь* известны единично владимирским и соседним ивановским говорам (основываемся на материалах собственных наблюдений), можно было бы высказать предположение, что еще в недавнем прошлом они были свойственны всем севернорусским говорам, всему севернорусскому наречию в целом или по крайней мере значительной его части.

Во всяком случае, именно в пользу этого предположения говорит тот факт, что большинство костромских материалов, содержащихся в СРНГ, представлено образованиями именно этого типа. Ср. здесь: *воблизь* (Буйск., 1897), *вокись* (Ветл., 1922), *восырь* (там же), *воходль* (Ветл., 1913) и — лишь один пример — *вобел* (Ветл., 1922) ⁴.

Таким образом, для вологодских и костромских говоров формы на *во-...-о*, судя по материалам СРНГ, не характерны и если все же и наличествуют в них, то, по-видимому, либо как наносное явление, либо — что более вероятно — как последние осколки уходящего прошлого.

Можно предполагать, что в прошлом образования типа *вокрасно* были известны и владимирским говорам. Об этом могло бы свидетельствовать отмеченное Далем и подкрепленное на более

широком материале СРНГ влад. пенз. сарат. *воскорица* «оструха, бойкая девка, бабенка» (Даль. Т. 1. С. 248); «бойкая, живая, быстрая девушка, женщина» [СРНГ 1970 : 5, 135], если возводить это старое, вышедшее из употребления слово (все его записи относятся к первой половине XIX в.) не к *острый*, как думал Даль, а к *воскоро*, *воскорый* ‘слишком скорый, слишком быстрый’.

Значительно сложнее решается тот же вопрос в отношении архангельских говоров. СРНГ содержит одиннадцать архангельских форм — *вокоротко*, *вомало*, *вомелко*, *вопестро*, *вопрытко*, *ворано*, *вотемно*, *вотепло*, *вотесно*, *вотолсто* и *вотонко*, однако все они засвидетельствованы исключительно данными Даля⁵ и не подтверждены более поздними материалами из иных источников. Форм этого типа нет ни в «Словаре областного архангельского наречия» А. Подвысоцкого (СПб., 1885), ни в известных диалектологических описаниях архангельских говоров⁶, ни — за редчайшими и не вполне типичными случаями — в опубликованных фольклорных текстах⁷, ни в других источниках⁸. Положение еще более усугубляется тем, что указания Даля о распространении наречий с *во-* являются, как это отмечалось уже в литературе, довольно противоречивыми⁹. Тем не менее трудно подозревать Даля в ошибке.

Скорее можно было бы думать, что описанная ситуация объясняется тем, что образования с *во-* в архангельских говорах и в прошлом уже были (или стали) малопродуктивными и впоследствии, продолжая сокращать свою частотность, все более выходили из употребления.

Возможно, что именно этим было обусловлено отмеченное выше на примере вологод. *возwonko* изменение семантики *во-*образований с переходом от двух энантиосемически связанных значений (‘несколько’ и ‘слишком’) к «нейтральному» значению степени качества. Ср. в этом отношении полное тождество значений форм *резвые* и *во-резвые* в приводимом ниже фрагменте свадебной песни из Шенкурского уезда: «Скована и связана сижу я в брусовой во лавице, Не могу стати, не поднятися на резвья ноженьки, У меня-то на во-резвых ногах да колоды дубовыя» [Ефименко 1877 : 1, 103]. То же в одной из прионежских былин: «Щобы росту была она високова, Станом была да востановитая» и рядом: «Станом она да становитая» [Астахова 1951 : 2, 93—94]. Ср. также прозвище одного из былинных персонажей, соратника Василия Бус-

лаева и Василия Казимировича, борца с Кострюком-Мастрюком, — Потанюшки *Хроменького*, который в одной из печорских былин именуется Потанюшка *Вахро́мый (Вахроменький)* [Ончуков 1904 : 265, 267].

Причиной того, что формы степени качества с приставкой *во-* не стали здесь употребительными, должно было быть наличие иных средств выражения тех же значений, конкурировавших с *во-*образованиями и препятствовавших увеличению их продуктивности. Действительно, как свидетельствует указанный выше круг источников, эта роль может быть приписана, в частности, образованиям с приставками *под-* (ср. *подчернь*¹⁰), *при-* (ср. *приглубь* и *приглубый*¹¹), *су-* (ср. *сукраснь* и *сукрасный*¹²) и др. Что особенно важно и показательно, в этом ряду обнаруживаются также образования с приставкой *у-* (ср.: *грубый* — *угрубый*¹³, *белый* — *наубел-белый*¹⁴), которая в соответствии с этимологией, выдвинутой А. Преображенским, может генетически связываться с рассматриваемой здесь приставкой *во-* [Преображенский 1959 : 1, 101; 2, 36].

Откладывая окончательное решение вопроса о формах с *во-* в архангельских говорах на будущее (определенные надежды в этом отношении можно было бы возлагать на подготавливаемый к публикации «Архангельский областной словарь» [Гецова 1970]), следует заметить, что в любом случае нужно было бы заняться поисками образований, которые — подобно указанному выше влад. *воскорица* — могли бы рассматриваться как производные от форм с *во-*. И если эти последние в современных говорах действительно уже не употребляются, то наличие тех или иных производных от них имело бы важное значение для восстановления их истории.

Одно такое образование как будто может быть указано. Это — не зафиксированное словарями (в том числе и «Словарем русских народных говоров») существительное *вохрабейщина* из былины о Сокольнике (Подсокольнике), записанной на Мезени в д. Усть-Низема Лешуконского р-на: «*Да впереди-то бежит да серой волк, Да позади бежит да вохрабейщина. Да как Сокольник едет потешаитця, Да под конем змея да извиваетце... Да голова у него как пивной котел. Да как глаза у него да как пивны чаши, Да промежу ушами калена стрела...*» [Астахова 1951 : 1, 163—173, строки 42—54, 88—100].

Значение этого слова не вполне ясно. Можно думать, однако, что, как и влад. *воскорица*, оно является средством экспрессивной характеристики лица (цитированные строки заставляют относить эту характеристику к осуждаемому былиной Подсокольнику) и потому может с достаточной убедительностью рассматриваться как производное от основы прилагательного *вохрабрый*, *вохрабер* с обычным для языка северных былин появлением [j] на месте мягкого согласного в консонантном сочетании. Таким образом, *вохрабийщина* < *вохрабер'щина* со значением, которое можно было бы определить как 'излишне и притом неоправданно храбрый' = 'дерзкий, наглец'. Сюжет былины, ее содержание, особенности образа Сокольника (Подсокольника) и характер его связей с другими героями вполне оправдывают предлагаемое толкование. Что касается суф. *-щин(а)*, то он может считаться извлечением из весьма распространенных в былинном языке экспрессивных имен-характеристик лица типа *деревенищина*, *засельщина*, *старынищина*, *старенищина* и др.

2. Рассматриваемые формы на *во-* представляют образования трех основных словообразовательных моделей типа: а) *вбсырь*; б) *вбсыро* и *вбсырой*; в) *восыровато*, *восыроватый*.

С точки зрения их места в словообразовательной системе современных говоров все они — исключение составляют только прилагательные типа *восырой*, являющиеся бесспорно префиксальными производными (ср.: *сырой* — *восырой*, *густой* — *вогустой* и т. п.), — характеризуются двойственностью, или, вернее, неопределенностью своих словообразовательных связей.

Так, образования типа *восыро* могут рассматриваться либо как префиксальные (*сыро* — *восыро*), либо как суффиксальные (*восырой* — *восыро*), либо, наконец, как префиксально-суффиксальные (*сырой* — *восыро*), и ни одной из этих возможностей, по-видимому, нельзя отдать предпочтения. В зависимости от категориальной принадлежности форм на *во-* ... *-о* и от условий их употребления (а также от некоторых других дополнительных факторов) одна из этих связей либо оказывается единственной, и тогда все другие неизбежно снимаются, либо только выдвигается на передний план, так сказать, актуализируется, оставляя другим теневое или виртуальное существование. Ср., с одной стороны, *Ворано сегодня встала (рано — ворано)*; *Под глазами-то у тебя восинё (синё — воси-*

нѣ); *Вослабко возжжи затынул* (*слабко — вослабко*) и т. п., и с другой — *Хлеб поздой, вопоздо посадила* (*поздо — вопоздо и поздой — вопоздо*); *Юбка вослабко* (*вослабкий — вослабко и слабкий — вослабко*) и т. п.¹⁵.

Точно так же формы, содержащие суф. *-оват-*, могут быть представлены либо как префиксальные (*сыровато — восыровато, сыроватый — восыроватый*), либо как суффиксальные (*восыро — восыровато, восырой — восыроватый*). И если с диахронической точки зрения нужно признать справедливым именно последнее, то в современном состоянии языка эти формы, как свидетельствуют их акцентологические особенности (см. об этом ниже), сохраняя старую, префиксальную связь, в то же время устанавливают новую, суффиксальную: *вотугой — вотуговатый* (стар.) и *туговáтый — вотуговáтый* (нов.).

Особый интерес представляют словообразовательная структура и словообразовательные связи форм типа *восырь*.

Так, можно было бы видеть в них префиксальные образования, подобные тем, какие выступают в достаточно широко известных восточнославянским языкам парах типа *дурь — придурь, горечь — пригоречь* ‘горьковатость’, *зелень — прозелень, синь — просинь* ‘синеватый цвет, примесь синевы’, *чернь — подчернь, зелень — сузелень, темь — сутемь* и т. п. Не препятствует этому и то обстоятельство, что для образований типа *восырь, вохолодь* и т. п. нам известны не все беспрефиксные субстантивные соответствия (ср., например, *вохолодь — *холодь*). Важно, что они разрешены системой языка и, следовательно, могут существовать, а многие и реально существуют как индивидуальные или диалектные образования. Ср., например: *жидь* («...*жидь-болото народ переходит восемь вёрс...*») [Ончуков 1908 : 164], *сырь* («...*разве что из какого ли ржавого болота сырь станет брать...*») [Голубкова 1965 : 18] и т. п.

Здесь, однако, следует учитывать другое: формы типа *восырь*, в отличие от образований с приставками *под-, при-, про-, су-* и др., совершенно не знают субстантивного, употребления. Ср. с *придурью, в прозелень* (> *впрозелень*), *в сутемь* и т. п. при невозможности (или, по крайней мере, неизвестности!) случаев типа с *восырью, в вохолодь, в возелени* и т. п. Это соображение, как представляется, должно быть решающим, и, таким образом, формы типа

восырь не могут квалифицироваться как префиксальные производные. Их можно рассматривать, следовательно, либо как суффиксальные (*восырой* — *восырь*), либо как префиксально-суффиксальные (*сырой* — *восырь*), характеризующиеся в обоих случаях нулевым суффиксом и чередованием согласных в основе.

3. Образования первых двух типов (см. 2а, 2б) отличаются последовательно выдерживаемым ударением на приставке *во-* (нарушают эту последовательность лишь немногие песенные и былинные формы с ударением на основе), что вполне понятно и закономерно для наречий, но должно быть признано загадочным для прилагательных (ср.: [Филин 1972 : 269]).

Ударение на приставке *во-* встречается и в формах с суффиксом *-оват-*: *вóтуговато*, *вóтуговатый* [СРНГ 1970 : 5, 161], *вóвеликоватой*, *вóглуховатой*, *вóтуговатой* [СРГСУ 1964 : 1, 84, 85, 95]. И это не случайность. Как ни ограничено число таких форм, их достаточно, чтобы говорить об отражении в них одной из старых восточнославянских акцентологических закономерностей, в соответствии с которой *-оват-*производные от префиксальных основ сохраняют ударение производящей основы, тогда как в бесприставочных образованиях ударение перетягивается на второй суффиксальный гласный.

Наиболее последовательно проведена и сохранена эта закономерность в украинском языке. Ср.: *задері́ка* ‘задира’ — *задері́куватий* ‘задорный’; *замі́рок* ‘заморыш’ — *замі́ркуватий* ‘щуплый, мелкий’; *насмі́шка* — *насмі́шкуватий*, *недоу́мок* — *недоу́мкуватий*, *оцу́пок* ‘обрубок’ — *оцу́пкуватий* ‘приземистый’ и мн. др. Ср. еще: *коро́ткий* — *коро́ткува́тий*, но *по́короткий* — *по́короткуватий* и т. п.

Русский язык в соотношениях такого рода осуществил выравнивание ударения, которое было перетянуто с приставки или корня на суффикс. Ср.: *подслепова́тый* вместо старого *подсле́поватый* (Словарь Академии Российской, 1794 и др.), *продолгова́тый* вместо *продо́лговатый* (Поликарпов, Лексикон 1704), *придуркова́тый* вместо *приду́рковатый* [Даль 1881 : 3, 411], *оду́лова́тый* вместо *оду́тловатый* [Даль 1881 : 2, 574], *суду́лова́тый* вместо *суду́ловатый* [Даль 1881 : 4, 365] и др.

В соответствии с указанной закономерностью в *во-*образованиях с суффиксом *-оват-* осуществляется передвижка ударения на

этот суффикс: *вовеликоватый* СРНГ 1969 : 4, 328], *воволгловатой*, *воглуховатой* [СРГСУ 1964 : 1, 81], *вотуговатый* [СРГСУ 1964 : 1, 95] ¹⁶.

Таким образом, именно формы с ударением на приставке следует считать первичными, видя в них результат добавочной суффиксации префиксальных образований (*тугой* — *туго* — *вотуго* — *вотугой* — *вотуговатый*). Можно полагать, что явление это связано с характерной для этой категории языковых средств тенденцией к избыточности в выражении степеней качества ¹⁷.

4. В категориальном отношении образования с *во-* можно распределить по трем основным грамматическим классам:

а) непредикативные наречия: *Вобыстро разговариват, надо бы медленнее; Вогусто мы сеяли, плохая морковь получилась; Вогрубо толкнул ее* (С. 148) и т. п.;

б) безлично-предикативные наречия, категория состояния или предикативы: *У нас в комнате вонизко, а мы не стукаемся; Вомутно в глазах; Подымашь — дак волегко...* (С. 150); *Восолоно нищѣ, в окурат; Хорошо у нас дома, восухо* (С. 152) и т. п. ¹⁸;

в) имена прилагательные в краткой и полной формах: *Вотеплый день; Вотепел еще чай-от* [СРНГ 1970 : 5, 158]; *Восыра еще рыба; Восырой ложок* (С. 152); *Каша вогуста вышла — молока ли, чо ли долить; Кисель-от вогустой родился* [СГСП 1973 : 78] и т. п.

Показательны количественные соотношения между образованиями этих трех классов. Уже было отмечено, что старые источники фиксируют исключительно или преимущественно наречные формы с *во-*, а современные данные подтверждают неслучайность этого, обнаруживая значительное преобладание наречий над прилагательными (ср. [Филин 1972 : 268]).

Не менее важно, что полные формы прилагательных с *во-* оказываются менее частотными, чем краткие. Это обусловлено тем, что они представлены в образованиях не от всех корней (ср. отсутствие в материале полных форм к прилагательным *вовелик* и *вомал*), что из всего потенциально возможного набора полных форм реально используются лишь формы единственного числа мужского рода и что полные формы являются менее употребительными.

Красноречивы в этом отношении данные используемых словарей. Так, если в ДСЛ полные формы вообще отсутствуют, то в «Сло-

варе говоров Соликамского района Пермской области» О. П. Беляевой приводятся только два прилагательных, имеющих полные формы, и в СРГСУ и в СРНГ все словарные статьи, посвященные прилагательным с *во-*, хотя и открываются полными формами в качестве заглавных (ср. даже искусственные *вовеликий, -ая, -ое* [СРНГ 1969 : 4, 328], и *вомалый, -ая, -ое* [СРНГ 1970 : 5, 89], иллюстрируют их употребление в абсолютном большинстве случаев краткими формами. При этом во всем наличном материале нет ни одной (!) полной формы женского и среднего рода и ни одной (!) полной формы множественного числа.

Одни из этих фактов могут отчасти объясняться случайностями отбора материала в условиях полевых записей, другие могут быть отчасти связаны с характерным для севернорусских говоров явлением стяжения гласных в полных формах. Однако всего комплекса отмеченных фактов и стоящих за ними закономерностей объяснить только этими двумя причинами нельзя. Объяснение следует искать прежде всего в особенностях происхождения прилагательных с *во-* как вторичных, исторически поздних форм от наречного образования (см. об этом в работе [Пеньковский 1974 : 146—150], а также в наст. изд., с. 151—152), в особенностях их семантики, связанных с выражением значения избыточности степени качества (см. об этом в работе [Пеньковский 1973-а : 76—84], а также в наст. изд. с. 121—131), и в специфике их синтаксического употребления, ограниченного предикативной функцией.

В особую категорию следует, по-видимому, выделить образования на *во-*, функционирующие в качестве сказуемого в так называемых двусоставных несогласованных предложениях. Они представлены здесь двумя типами форм:

а) формы на *во- ... -о*: *Квас ишишо вопресно, а скоро укиснет; Юбка вослабко; Суп немного восолоно* (С. 151); *Трава-то уж восухо; Сапоги-то вотесно ему* (С. 152) и т. п.;

б) формы на *во- ... -ь*: *Горох-то у нас вокись*. Ветл. Костром., 1922 [СРНГ 1970 : 5, 35]; *Хлеб-то у вас восьрь* (там же. С. 153); *...если возельнь рожь, помешкам маленько*. Соликамск. [СГСР 1973 : 80] и др.

Признавая такие конструкции двусоставными, исследователи до сих пор расходятся в понимании категориальной сущности входя-

щих в их состав предикативных слов. И если одни квалифицируют их как наречия (см., например, [СРГСУ 1964 : 1, 83]), то другие считают их неизменяемыми прилагательными (см.: [СГСП 1973 : 80]), а третьи вообще уклоняются от ответа на этот вопрос, ограничиваясь указанием на синтаксическую функцию слова (см.: [СРНГ 1970 : 5, 161, 160, 164 и др.]).

Не решая сейчас этой проблемы — она заслуживает специального обсуждения¹⁹, — следует указать только на один принципиально важный вывод, вытекающий из самого факта существования *во*-образований такой сложной, двойственной природы: наличие их делает невозможным однозначное определение категориальной сущности всех форм на *во*- ... -*о*, выступающих в качестве сказуемого при подлежащем, выраженном существительными и субстантивами среднего рода. Так, в предложениях: *Белье во-волгло ишо; Вогорько тифцо-то; Вовелико пальто; Возгрубо сено* (С. 148); *Платье-то водлинно ей; Все водорого в городе; Платье-то вожелто; Тесто вокисло* (С. 149) и мн. др. под. — формы на *во*- ... -*о* могут рассматриваться как краткие формы среднего рода (именно так и квалифицируются они во всех словарях), но с наименьшим основанием могут считаться и неизменяемыми словами (наречиями? прилагательными?) в предикативной функции. Они не допускают, таким образом, однозначной категориальной интерпретации. То же самое характеризует, конечно, и формы на *во*- ... -*ь*, если они соотносятся с прилагательными, имеющими основу на мягкий согласный или шипящий (типа *синий, рыжий*), и выступают в функции сказуемого при подлежащем, выраженном существительными мужского рода. Ср.: — *Гля-ко, конь-то какой рыжий! — Ну какой он рыжий? Так только ворыж(ь) маненько* (Тобольск, 1955, из записей В. Ф. Киприянова)²⁰.

Как показывают имеющиеся материалы, формы на *во*- используются не только в качестве именной части самостоятельного предиката, но и во вторично-предикативной функции в усложненном предложении. Ср.: 1. *Хлеб посадила вожарко. Сухой Лог Свердл.* (С. 149); *Я вожарко посадила, надо было ишо охолодить, а я поторопилась и вожарко посадила.* Исет. Тюмен. (СРГСУ. Т. 1. С. 86) — *Я посадила хлеб, когда в печи было еще вожарко.* 2. *Да, наверно, вомягко я вытащила курицу из печи.* Коркино Туринск. (С. 150) — *Рано я вытащила курицу из печи: она уже вомягко.*

Или: *Поздно я вытащила курицу из печи: она уже вомягло*. З. *Вожирно не люблю ись*. Сухой Лог Свердл. (С. 149); *Когда зеленой хлеб, возелено жнешь*. Липовск. Туринск. (там же).

Естественно, что в условиях вторичной предикации, при сжатию контекста и изменении окружения, значение предикативного признака, выражаемое формами на *во-*, подвергается большим или меньшим изменениям. Изменения эти сказываются прежде всего, по-видимому, на степени предикативности, не приводя, однако, к полному ее устранению и, в зависимости от особенностей конкретного порядка слов, конкретной сочетаемости и т. п., вызывая осложнение первоначального и в той или иной степени уже ослабленного значения предикативного признака адвербиальным, субстантивным или тем и другим значением одновременно. При этом предикативные формы на *во-* не становятся непредикативными наречиями, и квалификация таких форм как обычных наречий (а именно так, и притом в тех же самых примерах, они подаются в СРГСУ и СРНГ) представляется недостаточно оправданной. Такой подход неизбежно упрощает их семантическую структуру и невольно искажает их связи внутри предложения (ср.: [Золотова 1973 : 275]).

Особо должны быть выделены те случаи, где формы на *во-* употреблены в высказываниях метаязыкового характера, истолковывающих значение этих форм, объясняющих особенности их употребления и порожденных как раз ради такого истолкования и объяснения. Ср.: *Хорошо выбелено, мытой пол, постирано хорошо, дак «вобело» говорят*. Шипицыно Махн. Свердл. (С. 148); *Вомарко — это колда слегка замарано*. Пышма Сухолож. Свердл. (С. 150); *Восветло — это время, колда уже рассветат* (С. 151); *Хто говорит «больно крепко», хто «вокрепко»*. Фоминское Махн. Свердл. (С. 150) и мн. др.

Поскольку в естественных условиях внутреннего общения носителей диалекта их речевая деятельность в норме подобных высказываний не порождает, можно полагать, что они обязаны своим возникновением специфической ситуации ответа на вопрос, исходящий от носителя иной языковой (resp. диалектной) системы. Очевидно, что в случаях, подобных приведенным выше, ответ по преимуществу или даже исключительно сосредоточивается на значении слова. По существу толкуется лишь основа слова, тогда

как грамматические показатели и, следовательно, стоящая за ними грамматическая природа слова оказываются в глубокой тени. Они не только не проясняются, но, напротив, предстают перед исследователями еще менее определенными, чем в естественной жизни этих слов. Поэтому самый вопрос о грамматической природе форм на *во-* в тех специфических условиях, которые создаются для них в обсуждаемых высказываниях, оказывается не вполне корректным. В лексикографической практике это обстоятельство не всегда должным образом учитывается.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Не случайно впоследствии указания на формы типа *вокрасно* и под. — обычно со ссылкой на Даля — обнаруживаются преимущественно в работах по сибирской диалектологии. Так, мы находим их и в «Диалектологическом очерке Сибири» А. М. Селищева [Селищев 1921 : 1, 125], и в книге П. Я. Черных «Сибирские говоры» [Черных 1958 : 15]. Свидетельства наблюдателей о таких образованиях для XIX в. собраны в «Исторической хрестоматии по сибирской диалектологии», составленной Н. А. Цомакион [Цомакион 1960 : 39, 74, 146, 153, 298].

² Указание на это содержится в одном из самых первых сообщений о формах *во-* — в «Замечаниях о камчатском наречии» П. Кузмищева (Москвитянин, 1848. № 11). Ср.: «Предлог *во* ставится перед некоторыми наречиями, например: *во-мало*, *во-рано*, *во-тесно* и проч., заменяя этим имена усеченные, уменьшительные, кончающиеся на *овато*, *енько*» (цит. по [Цомакион 1960 : 39]). Сходное определение находим в «Опыте областного великорусского словаря»: «*Во-*, предл., приставляемый к некоторым наречиям для показания неполноты качества, напр., *вомало*, несколько мало; *вотуго*, немножко туго. Перм. Ирбит.» [Опыт 1852 : 217], а также в словаре В. И. Даля [Даль 1881 : I, 217].

³ См., например, следующие лексикографические издания: Словарь русских говоров Среднего Урала (Уральский гос. ун-т им. А. М. Горького). Т. 1. Свердловск, 1964. С. 83—96 (далее — СРГСУ); Словарь русских народных говоров. Вып. 4. Л.: Наука, 1969. С. 325—355; Вып. 5. 1970. С. 10—180 (далее — СРНГ); В. П. Тимофеев. Диалектный словарь личности. — Учен. зап. Шадрин. и Свердлов. гос. пед. ин-тов. Сб. № 162. Шадринск, 1971. С. 36—37 (далее — ДСЛ); Словарь говоров Соликамского района Пермской области (Перм. гос. пед. ин-т. Сост. О. П. Беляева). Пермь, 1973. С. 78—87 (далее — СГСП).

⁴ Если только это не описка или опечатка в источнике вместо *вобель*. Ср., например, тобольск. *вобель* в таком же употреблении: *Мы ноне ходъли <за земляничкой>, да не поспѣла она́, она́ еще вобель, вóзелень она́*. В тобольско-тюменских говорах подобные образования весьма употребительны (основываюсь на собственных наблюдениях, подтвержденных уроженцем Тюменской области доцентом В. Ф. Киприяновым).

⁵ Вообще же в словаре Даля таких форм больше, причем Даль, по-видимому, не считал необходимым приводить все известные ему образования с *во-*, рассматривая их как регулярные. Ср. примеч. к *вогрузно*: «Также говор, вогрубо, вогрязно, водлинно и пр.» [Даль 1881 : I, 218].

⁶ Из последних см., например, работу Г. Я. Симиной «Пинежье. Очерки по морфологии пинежского говора» (Л., 1970), в которой формам степеней качества уделено как раз значительное место.

⁷ См., например: *А. Д. Григорьев*. Архангельские былины и исторические песни. Т. 1. М., 1904; Т. 3. М., 1910; Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. А. В. Марковым и др. (Труды Музейно-этнографической комиссии. Т. 1. М., 1905; Т. 2. М., 1911), и мн. др.

⁸ Таковы, например, отражения живой диалектной архангельской речи в текстах известных нам писателей-архангельцев М. Р. Голубковой, Н. Жернакова, С. Писахова, А. Чапыгина, Б. Шергина и др.

⁹ Так, в статье «О наречиях русского языка» они приводятся в числе «примет сибирского наречия» (см.: [Даль 1881 : I, LXVI]), и в соответствии с этим в некоторых словарных статьях при формах с *во-* ставится помета «сиб.» (см., например, *вогрузно*, *вогрубо*, *водлинно* [I, 218]). Однако в словарной статье о приставке *во-* даются уже четыре пометы: «севр. арх. прм. сиб.» [I, 217], а в иных случаях оказывается либо только «севр.» (см., например, *водалеко* в статье *воздалече* [I, 226]), либо «арх. сиб.» или «сиб. арх.» (см., например, [I, 240, 241, 253]). Ср. также соответствующие данные в работах [Черных 1958 : 17—18; Сахарный 1960 : 147].

¹⁰ См., например: [Ломоносов 1952 : 7, 642]. Ср.: *подхилый* [Кривополенова 1950 : 100], *подсухой* (А. Чапыгин. *Моя жизнь*) и др.

¹¹ См., например: [Даль 1881 : III, 407] или [Голубкова 1965 : 17].

¹² См., например: [Ломоносов 1952 : 612, 642].

¹³ См., например: [Симинова 1970 : 76].

¹⁴ Ср.: «Бородушка у старого седехонька, Головушка у стара *на убел бела*» [Гильфердинг 1950 : 3, 283] и мн. др. под.

¹⁵ Все примеры здесь и далее, если это специально не оговаривается, заимствуются из указанной работы Л. В. Сахарного (С. 151).

¹⁶ Как уже говорилось, это изменение вызывает переориентировку словообразовательных связей (*вóтуговато* — *вóтуго*, *вотуговáто* — *туговá-*

то) и тем самым подготавливает почву для вытеснения этих образований, чему не может не способствовать воздействие на говоры литературного языка. Можно думать, что и отмеченная передвижка ударения также отчасти обязана этому же воздействию, вызывающему изменение системы вокализма с развитием редукции гласных, вследствие чего формы с четырьмя и пятью заударными слогами становятся неудобными.

¹⁷ Ср. такие общеславянские явления в кругу форм степеней качества, как полипрефиксация и полисуффиксация, повторы и удвоения и т. п., при возможном объединении нескольких из этих приемов. См. об этом специально в работе [Пеньковский 1969-б : 93—101].

¹⁸ В СРНГ в таких случаях ставятся помета «нареч. безл. сказ.», но делается это непоследовательно. Впервые она появляется при слове *вожушко* [СРНГ 1970 : 5, 23], затем встречается еще несколько раз и исчезает. Во всех остальных случаях указывается только «нареч.». См., например, *вобело* [СРНГ 1969 : 4, 326], *вокрасно* [СРНГ 1950 : 5, 35] и др. Последовательно разграничивает наречие и предикативы В. П. Тимофеев в своем «Диалектном словаре личности», но зато он без ясных обоснований относит к предикативам краткие прилагательные типа *во мал*, *-а*, *-о*, *-ы* (см. [ДСЛ 1971 : 37]).

¹⁹ Те же трудности возникают в связи с анализом категориальной природы слов на *-о* в конструкциях типа *Лес — это чудесно!* и под. (см. об этом в работе [Бабайцева 1967 : 302—310 и след.]). Однако общность теоретической проблематики, связывающая общерусские формы на *-о* и диалектные образования на *во-* ... *-о*, как и те синтаксические структуры, в которые они входят, не должна затушевывать существенные различия между ними.

²⁰ О некоторых связанных с этим проблемах, и в частности о возможных разрешениях категориальной неопределенности, хотя и на другом материале, см.: [Пеньковский 1970 : 189—201].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Краткие тезисы о происхождении *во*-образований

1. Если исходить из этимологической версии М. Фасмера, то рассмотренные выше восточнославянские формы степеней качества с приставкой *во-* можно было бы соотнести с зап.-сл. и ю.-сл. (с.-хорв.) образованиями типа с.-хорв. *одуг*, чеш. *obdlouhý*, *obdloužný*, словц. *obdlžny*, н.-луж. *hobdlujki*, в.-луж. *wobdlž*, ст.-польск. *obdlužny* ‘продолговатый’ и, возводя эти последние вслед за О. Н. Трубачовым [Трубачов 1963 : 154—172] к прасл. **obdlъg-*, предполагать, что мы имеем здесь дело с одним из древнейших праславянских словообразовательных диалектизмов.

2. Однако, как показал Ф. П. Филин, чтобы обосновать эту гипотезу, необходимо: 1) объяснить, почему на восточнославянской территории не сохранилось ни одного примера с *об-*, *воб-*, как это имеет место в других славянских языках; 2) доказать, что в *во-* начальный согласный является протетическим, и сопоставить ареал *во-* с ареалом [ô] : [o]; 3) объяснить постоянность ударения на *во-* в отличие от других славянских языков; 4) найти следы подобных образований в говорах исконных восточнославянских территорий и в древнерусской письменности.

2.3. Указывая, что отсутствие соответствующих данных существенно ослабляет позиции этой теории, Ф. П. Филин склонялся к тому, чтобы осторожно поддержать ее, и, может быть, потому прежде всего, что «в значениях приставки *в-*, *во-*, хорошо известной во всех славянских языках, нет ничего такого, что могло бы послужить основанием для образования *во-* плюс качественное прилагательное или наречие, означающего разные степени качества, обозначенного в основе слова».

3.0. Однако такие основания, по-видимому, все же имеются, и, чтобы выявить их, констатируем вначале некоторые общие положения.

3.1. Отметим прежде всего, что совмещение значений, которые определяются обычно как значения *ослабления* и значения *усиления* степени качества, выраженного производящей основой, — явление типичное для славянских форм степеней качества, представляющее собой яркий пример так называемой «регулярной полисемии», в данном случае энантиосемического характера.

3.2. Отметим также, что именно *приставки* используются в славянских языках как основное средство образования простых форм *степеней качества* (в отличие от форм *субъективной оценки*, представляющих обычно *суффиксальные образования*), причем вовлечен в эту сферу почти весь набор славянских приставок. По разным славянским языкам и диалектам исключения различны, но единичны во всех случаях.

3.3. Перенесенные в абстрактный мир признаков и качеств, эти приставки абстрагируют свои конкретно-физические, по преимуществу пространственные, значения, и, нейтрализуя различия между ними, легко синонимизируются. При этом большая их часть обнаруживает способность к энантиосемическому совмещению полярных значений. Приставки типа русских *раз-* и *пере-* со специализированным значением *высокой степени качества* оказываются в этом кругу также единичными.

3.4. Существенно важно также и то, что те же самые приставки используются в славянских языках в качестве основного или дополнительного средства образования форм *степеней сравнения*. Ср. болг. *по-висок*, *по-голям*, *по-хубав* и т. п., русск. *повыше* 'несколько выше, немного выше'

и ‘как можно более высоко’, с одной стороны и блр. *пóсуха* ‘суховато’, укр. *подовгий, потонкий* ‘довольно длинный’ ‘довольно тонкий’ и т. п., русский *постыдный, подавно* (ср. диал. *давно* ‘то же’), диал. *победный* ‘несчастный’, *поблудный* ‘блудливый’, *один-поédный* ‘один-единственный’ и т. п.

4.0. Приставка *во-* (< *въ-*) по своим особенностям и возможностям не противоречит ни одному из сформулированных выше положений.

4.1. Первичное пространственное ее значение таково, что вполне допускает возможность соответствующего абстрагирующего переосмысления: значение ‘неполноты, ослабления качества’ легко может быть выведено из значения ‘движения в сторону данного качества’. Ср.: «Некоторые гильзы были стреляные, темные с прозеленью. Зато остальные — новенькие, *золотистого, переходящего в оранжевость цвета*» (Ю. Казаков. Долгие крики). Аналогичное развитие можно предположить и для постулированных этимологией Фасмера — Трубачова образований с приставкой *об-*, где значение ‘неполноты, ослабления степени качества’ легко выводится из значения ‘вокруг, около → рядом, возле’ (ср. сохранение исходного значения у наречия-предлога *около* еще в языке пушкинской эпохи). При благоприятных фонетических условиях (развитие протетического [в] в приставке *об-*, *о-* и укрепление вокализированного варианта приставки *въ > во-*) и при совпадении их ареалов эти два типа образований могли совпасть.

4.2. Возможность использования приставки *въ-* в образовании форм степеней качества подкрепляется реально засвидетельствованными фактами использования ее в формах степеней сравнения. Ср. др-р. и ц-сл. *въглубльше, въглублѣи* ‘глубже’, *въдалѣ, въдалѣе* ‘дальше’, *въболѣе* ‘больше’, *въльжѣи* ‘легче’, *въпрѣже* ‘прежде’, *вътълѣѣи* ‘толще’ и т. п.

4.2.1. Весьма показательно, что параллельно с приставкой *въ-* формы степеней сравнения могли использовать и генетически с ней связанную приставку *въз-*. Ср. др-р. *възвыше (възвышѣе), въздалѣ, въздолѣ* и т. п. Ср. также др-р. *възлысый* ‘плешивый’, ‘лысоватый’ и аналогичные образования в болгарском: *възблаг* ‘сладковатый’, *възбял* ‘беловатый’, *възвисок* ‘не очень высокий’, *въззелен* ‘зеленоватый’ → ‘недозревший’, *възширок* ‘широковатый’ и др. под.

4.2.2. Соответствие между приставками *в-* и *воз-* / *вз-* обнаруживается и в русском глагольном словообразовании. Ср. диалектные с-в-р. и, в частности, владимирские *вдремнуть, въерошить, вкпеть, невлюбить, вмахнуть, впотеть* и др. Ср.: Моркофь-то я ковда пьсадила, а она некак не *фходит*, да и у других тоже ешшо *не вошла* (с. Красный Куст Судогодского р-на Владимирской области).

5.0. Факты, приведенные в 4.2., хотя и не закрывают вполне этимологию Фасмера — Трубачова для рассматриваемых нами форм с приставкой *во-*, построенных по модели *во-...-о, во-...-ый (вокрасно, вокрасный)*, но застав-

ляют считать ее недостаточно убедительной, укрепляя мысль об исконности приставки *во-* в их составе.

6.0. Поиски дополнительных аргументов в пользу этого предположения обращают нашу мысль к образованиям типа *восырь*, *вохолодь*. Представленные в общем списке форм степеней качества с приставкой *во-* лишь единичными примерами, они, как можно предполагать, имеют исключительно важное значение для понимания генезиса всей этой группы образований.

6.1. Возникшие в результате категориальной трансформации предложно-падежных сочетаний, включающих формы вин. пад. ед.ч. существительных *сырь, *холодь (ср. еще *просырь*, *прохолодь*, *проголодь*, *просинь*, *просесть*, *прозелень* и др., откуда далее наречия типа *впроголодь*, *впрохолодь* и т. п.) образования типа *восырь* ‘сыровато’, ‘сыроватый’, *вохолодь* ‘холодновато’, ‘прохладно’ свидетельствуют о том, что мы имеем здесь дело со значением движения в сторону данного качества, откуда логично выводится значение невысокой степени, неполноты, ослабления степени качества, связанное с предметным представлением и выражением качественного признака. Ср.: «...красный цвет поспешаловки не любит. Переборщишь – *в холод уйдет, в густоту*. Недоборщишь — *в розовый ударится...*» (Б. Васильев. Не стреляйте в белых лебедей...); «...кожа его *отдавала в синеву...*» (Б. Полевой. Силуэты); «...лицо его *в желтизну бросило*» (В. Ивин, Л. Осадчук. Обманчивая внешность); «...*темный, в коричневую, норвежский сыр*» (Ю. Нагибин. Сентиментальное путешествие) и т. п.

6.2. Если исходить из такого рода фактов (а их можно было бы неограниченно умножить) и предположить, что они представляют именно ту семантическую модель, которая определила генезис интересующих нас форм, то можно будет рассматривать приставку *во-* в их составе как точное соответствие предлога *в / во* в его пространственном значении как члена определенной предложно-падежной системы:

В + вин. ————— В + местн.

‘движение в направлении чего-л’ ————— ‘нахождение, пребывание в чем-л.’

( )

| из / с + род. п |

‘обратное движение из чего-л.’

Эта элементарная трехчленная схема (‘куда — где — откуда’), определяющая стандартное выражение предметных «физических» пространственных отношений (*в Москву — в Москве — из Москвы*), легко переносится на другие — не «физические» пространства, будь то «пространство» социальных или профессиональных групп (*пойти в летчики — быть в летчиках — уйти / уволиться*

/ *быть уволенным из летчиков*) или — метафорически — ролевое «пространство» природных классов тех или иных объектов (*овца попала в волки, чижик был зачислен в соловьи*) и др. — см. об этом в работе [Золотова 1985].

6.3. Таково же и «пространство качественных и — прежде всего — ц в е - т о в ы х признаков и степеней качества», обслуживаемое всеми членами этой системы.

Для первого ее члена — это наречия и несклоняемые прилагательные рассматриваемой нами группы типа *восине* ‘синевато’ ‘синеватый’, *вокрасно* ‘красновато’, ‘красноватый’ и т. п.

Для второго ее члена — это широко распространенные в др-р. и старорусском языке конструкции типа *въ рыже бурь, каря въ буре* и т. п.

Для третьего — обычные при выражении оттенков цвета наречно-адъективные образования типа *избура-красный, исчерна-серый* и т. п. или с обратным расположением их компонентов типа др-р. *красный збѣла* и т. п., а также случаи изолированного употребления форм типа *исчерна*: «Ворон, да не конь, // *Счерна* да не медведь» (Д. Садовников); «Глаза у Ильи *счерна*, но разрез их не русский...» (А. Шелудяков. Из племени кедра, I, 2); «Не может быть, чтобы человеческая кожа была вот такая пупырчатая, *изжелта*» (А. Черкасов. Хмель); «Кладбищенский день *исчерна* синел...» (С. Кирсанов, Кладбище Пер-ля-шез, 1935) и т. п.

6.4. Все они генетически восходят к формам существительных среднего рода типа **буро, *серо, *чърно*, омонимичным кратким прилагательным среднего рода и вытесненным в большинстве своем различными суффиксальными производными типа *бурость, серость, чернота* и т. п. (см. об этом в работах [Пеньковский 1969-а: 12—15; 1973-б: 221—228; 1977: 246—247]).

6.5. Судьба трех названных типов образований оказалась, однако, различной. Одни из них сохранились и получили достаточно широкое общерусское употребление (*исчерна-серый, изжелта-зеленый* и т. п.), другие — типа *въ буре рыже* — были полностью утрачены, третьи закрепились с территориально-диалектными ограничениями. Именно таковы рассматриваемые нами формы типа *вобело, вокрасно, восеро*.

7.0. Сохранившись, они создали модель, по которой затем осуществлялось широкое развитие новых наречий от основ прилагательных с иными, уже нецветовыми значениями.

8.0. В то же время благодаря утрате производящих существительных и переориентировке словообразовательных связей эти наречия стали базой образования соответствующих прилагательных: *вокрасно* → *вокрасный, вогусто* → *вогустый* и т. п.

8.1. Именно вторичное образование от наречий объясняет в ином случае остающееся загадочным для прилагательных постоянное ударение на приставке *во-*.

8.2. Именно вторичное образование от наречий объясняет отмеченный Ф. П. Филиным факт количественного преобладания *во*-наречий над *во*-прилагательными в накопившемся к настоящему времени материале. Можно полагать, что такое соотношение отражает действительную объективную закономерность, а не прихоть случайного исследовательского отбора.

8.3. Вторичное образование прилагательных от наречий вообще не редкость в славянском языковом мире и особенно широко распространено как раз в кругу степеней качества и степеней сравнения. Ср., например, западно-брянские, б.-р. и укр. соотношения типа *дешевей* → *подешевей* → *подешевейший*, *больше* → *побольше* → *побольший*, *меньше* → *поменьше* → *поменьший* и т. п. Ср. также соотношения типа др.-р. *исчърмна* → *исчърмный* и под.

ЛИТЕРАТУРА

- Астахова 1951 — *Астахова А. М.* Былины Севера. Т. 2. М.; Л., 1951.
- Бабайцева 1967 — *Бабайцева В. В.* Переходные конструкции в синтаксисе. Воронеж, 1967.
- Гецова 1970 — *Гецова О. Г.* Проект Архангельского областного словаря. М.: Изд-во МГУ, 1970.
- Гильфердинг 1950 — *Гильфердинг А. Ф.* Онежские былины. Т. 3. М.; Л., 1951.
- Голубкова 1965 — *Голубкова М. Р.* Оленьи края. М., 1965.
- Даль 1881 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1881.
- ДСЛ 1971 — *Тимофеев В. П.* Диалектный словарь личности // Учен. зап. Шадринского и Свердловского гос. пед. ин-тов. Сб. № 162. Шадринск, 1971.
- Ефименко 1877 — *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 1. М., 1877.
- Золотова 1973 — *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973.
- Золотова 1985 — *Золотова Г. А.* Еще о русской конструкции «идти в солдаты» (ее синтагматика и парадигматика) // Сборник Матице српске. XXVII—XXVIII. Нови Сад, 1985.
- Кривополенова 1950 — *Кривополенова М. Д.* Былины, песни, сказки. Архангельск, 1950.
- Кузмищев 1848 — *Кузмищев П.* Замечания о камчатском наречии // «Москвитянин». 1848. № 11.
- Ломоносов 1952 — *Ломоносов М. В.* Материалы к «Российской грамматике» // *М. В. Ломоносов.* Полн. собр. соч. Т. 7. М.; Л., 1952.

Ончуков 1904 — *Ончуков Н. Е.* Печорские былины. СПб., 1904.

Ончуков 1908 — *Ончуков Н. Е.* Северные сказки. СПб., 1908.

Опыт 1852 — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.

Пеньковский 1969-а — *Пеньковский А. Б.* К проблеме происхождения наречий в славянских языках // Тезисы Всесоюзной конференции по проблемам взаимодействия славянских языков. Киев, 1969.

Пеньковский 1969-б — *Пеньковский А. Б.* Об изучении форм степеней качества в славянских языках // Совещание по Общеславянскому лингвистическому атласу (Тезисы докладов). М., 1969.

Пеньковский 1970 — *Пеньковский А. Б.* К проблеме генезиса безличных предложений // Общеславянский лингвистический атлас. М.: Наука, 1970.

Пеньковский 1973-а — *Пеньковский А. Б.* К изучению степеней качества в русском языке (выражение избыточности степени качества) // Материалы VIII конференции преподавателей русского языка пед. ин-тов Московской зоны (Лингвистический сборник. Вып. 2. Ч. 1). М., 1973.

Пеньковский 1973-б — *Пеньковский А. Б.* К проблеме происхождения наречий, связываемых с формами кратких прилагательных // Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу (Ужгород, 25—28 сентября 1973 г.). Тезисы докладов. М.: Наука, 1973.

Пеньковский 1974 — *Пеньковский А. Б.* К изучению степеней качества прилагательных, категории состояния и наречий (образования с приставкой *во-* типа *вокрасно, вокрасный*) // Совещание по Общеславянскому лингвистическому атласу (Тезисы докладов). Воронеж, 1974.

Пеньковский 1977 — *Пеньковский А. Б.* Имена существительные с ущербными парадигмами // Тыпалогія славянских моу I уземадзяежныне славянскіх літаратур: Тэзісы дакладау III Рэспубліканскай канферэнцыі 2—3 снежня 1977 г. Мінск, 1977.

Преображенский 1959 — *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка. В 2 т. М., 1959.

Сахарный 1960 — *Сахарный Л. В.* Наречия и прилагательные с префиксом *во-* в говорах Свердловской области // Учен. зап. Уральского гос. ун-та им. А. М. Горького. Вып. 36. Свердловск, 1960.

Селищев 1921 — *Селищев А. М.* Диалектологический очерк Сибири. Вып. 1. Иркутск, 1921

СГСП 1973 — Словарь говоров Соликамского района Пермской области (Перм. гос. пед. ин-т. Сост. О. П. Беляева). Пермь, 1973.

Сими́на 1970 — *Сими́на Г. Я.* Пинежье. Очерк по морфологии пинежского говора. Л., 1970

Трубачов 1963 — *Трубачов О. Н.* О праславянских лексических диалектизмах серболужицкого языка // Серболужицкий лингвистический сборник. М., 1963.

Фасмер 1973 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1973.

Филин 1972 — *Филин Ф. П.* Вокрасно, вокрасный // Русское и славянское языкознание. М.: Наука, 1972.

Цомакион 1960 — *Цомакион Н. А.* Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии. Красноярск, 1960.

Черных 1958 — *Черных П. Я.* Сибирские говоры. Иркутск, 1958.

ОЧЕРКИ ПО СЕМАНТИКЕ РУССКИХ НАРЕЧИЙ

Впервые

1. Все толковые словари русского литературного языка указывают для наречия *впервые* лишь одно значение, объясняя его через сочетание «в первый раз». Предполагается, следовательно, что это последнее общепонятно и также однозначно. При этом, очевидно, исходят из двух молчаливых допущений: 1) что сочетание *в первый раз* является свободным и 2) что при необходимости его значение может быть получено путем интеграции значений составляющих его элементов. Все это, однако, далеко от истины.

В действительности сочетание *в первый раз* неоднозначно. Оно имеет сложную и достаточно разветвленную систему значений, и лишь некоторые из них соответствуют значениям наречия *впервые*, которое также оказывается неоднозначным.

2. Сочетание *в первый раз*, как и подобные ему сочетания с другими порядковыми прилагательными (*во второй раз*, *в третий раз* ... в *n*-ый раз), вообще не является свободным. При этом в разных случаях его употребления комплекс *в первый раз* представляет несвободные сочетания двух разных типов:

2.1. Несвободное сочетание логико-синтаксического типа, т. е. фразеологизированную конструкцию, построенную по определенной фразеосхеме с одним переменным компонентом, где слово *раз*, генетически являющееся существительным, выступает как существительное¹, но с явными признаками прономинализации. В предложении это сочетание выполняет функцию обстоятельства времени. Оно дает действию временную характеристику, но не непо-

средственно (обозначением определенного временного отрезка), а через соотнесение его с одним из проявлений или актов другого, ранее названного действия, на которое указывает, к которому отсылает слово *раз*.

Так, в предложении «Барабанов полтора года был офицером для поручений при командующем и выходил с ним из двух окружений: в *первый раз* спас его, а *во второй раз* был спасен им» (К. Симонов. Солдатами не рождаются) выделенные сочетания характеризуют действия, названные сказуемыми *спас*, был *спасен* через соотнесение их во времени с проявлениями другого действия, названного сказуемым *выходил* (*из двух окружений*). В *первый раз* значит здесь ‘при первом выходе из окружения’, *во второй раз* — ‘при втором выходе из окружения’. Ср. еще: «Я два раза пожал ее руку; *во второй раз* она ее выдернула...» (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени); «— ...наверно он это раз десять прежде того видел, что ж он так с ума сошел *в одиннадцатый-то раз?*» (Ф. М. Достоевский. Подросток); «Я слушал потом Фиделя множество раз... Но, наверное, потому, что *в этот первый* я не понимал ни слова, все внимание было сосредоточено на нем...» (Т. Гайдар. Из Гаваны по телефону); «Не найдя в книге обещанных ему достоинств, обманувшись *в первый* и разуверившись *во второй раз*, читатель ни одного похвального слова по поводу книги не примет» (И. Травкина. Реклама и книга); «...она стала желать этого и решила согласиться *в первый же раз*, как он или Стива заговорят ей об этом» (Л. Толстой. Анна Каренина) и т. п.

Выступая в функции обстоятельства времени, рассматриваемые сочетания связаны со сказуемым своего предложения лишь синтаксически. Семантически же они связаны с группой сказуемого предшествующего (или реже — последующего) предложения. В этом отношении они подобны союзным словам и, как и эти последние, являются словами-отсылками, словами-заместителями. Их конкретное содержание обусловлено значением тех слов, к которым они отсылают². Таким образом, сочетание *в первый раз* в функции обстоятельства времени имеет анафорическое, релятивно-временное значение. Наречием *впервые* это значение в современном языке передаваться не может³.

Обстоятельственно-временная функция сочетаний рассматриваемого типа обуславливает необходимость сохранения при

них предлога *в*. Эллипсис предлога (*первый раз* вместо *в первый раз* и т. п.) должен рассматриваться как проявление небрежности, свойственной разговорной речи, как нарушение строгой литературной нормы. Ср.: «И вот я пошел на Пряжку... *Первый раз* я не дошел до Пряжки. Начиналось наводнение и были закрыты мосты. И только *во второй раз* я дошел до дома на Пряжке...» (К. Паустовский. Золотая роза); «В окошко “До востребования” протянул удостоверение заснувшей, упав лицом на стул, девушке. Не той, что была *первые разы*, когда он заходил вчера днем, что была *в последний раз*, когда он зашел уже поздно вечером...» (К. Симонов. Последнее лето) и др. Ср. также соотношения в таких парах, как *в тот год — тот год, в этот вечер — этот вечер, в ту же минуту — ту же минуту* и т. п.: «Отец лег и *ту же минуту* заснул» (С. Т. Аксаков. Детские годы Багрова-внука); «Опять *нынешнюю весну* один соловей пытался поселиться в кусте под окном...» (Л. Толстой. Семейное счастье) и т. п.

2.2. Несвободное сочетание фразеологически расчлененного типа, где слово *раз* выступает как слово-морфема (ср.: *второй раз* = *вторично*, откуда *раз* = *-ичн-о*). В предложении это сочетание выполняет функцию обстоятельства кратности, отвечая на вопрос «который (какой) по счету раз совершается действие». Ср.: «*Первый раз* они встретились, когда Наташа брала у Вени интервью» (В. Селиванов. Свадебные колокола); «Ее выражение, прическа, платье, походка говорили ему, что она из порядочного общества, замужем, в Ялте *первый раз* и одна, что ей скучно здесь...» (А. Чехов. Дама с собачкой).

Выступая в функции обстоятельства кратности, рассматриваемое сочетание связывается со сказуемым своего предложения не только синтаксически, но и семантически. Как и другие сочетания этого типа, оно имеет здесь нумеративно-кратное значение. Это значение может передаваться и наречием *впервые*.

Функция обстоятельства кратности не требует уже от сочетаний этого типа сохранения предлога *в*. Беспредложное употребление их получает в русском языке все более широкое распространение и может считаться соответствующим современной литературной норме. Оно уже фактически утвердилось для случаев типа *первый раз в жизни, первый раз в этом году, первый раз в истории*, где в против-

ном случае складывается интуитивно оцениваемое как нежелательное и потому избегаемое повторение предлога *в*⁴.

3. По прямому значению порядкового прилагательного *первый*, которое является его смысловым центром, сочетание (*в*) *первый раз* обозначает первый акт, первое проявление действия, названного сказуемым. Значение это оказывается, однако, двойственным и, в зависимости от того, как рассматривается первый акт действия — в связи с последующими его актами или вне такой связи, — представляет два взаимосвязанных, но достаточно самостоятельных семантических варианта.

3.1. Один вариант значения — первый из последовательного ряда актов действия — характеризуется акцентом на связи первого акта действия с его последующими актами. Ср.: «Этот чемодан — мой старый товарищ. *В первый раз* он отправился со мной в путешествие, когда я только что вступал в жизнь» (И. Бунин. Без роду-племени); «Когда мне *впервые* попал в руки один из рассказов Платонова и я прочел фразу: “Тихо было в уездной России” — у меня жалось горло...» (К. Паустовский. Повесть о жизни).

3.2. Второй вариант отличается от первого тем, что связь с последующими актами действия не акцентируется. Благодаря этому на передний план выдвигается указание на отсутствие предшествующих актов действия, или, иначе говоря, идея предшествующего небытия действия. Ср.: «Ивернев *впервые* видел свою мудрую спокойную мать такой подавленной» (И. Ефремов. Лезвие бритвы); «...теперь уже факт с задержкой зарплаты подается не как исключительный, *впервые* случившийся, а как обычное явление» (Комсомольская правда, 7 мая 1969 г.); «*Первый раз* в моем рассказе является женский образ...» (А. И. Герцен. Былое и думы) и т. п.

4. Семантические структуры этих двух значений не вполне тождественны. Первое может быть представлено в виде суммы сем: ‘первый акт действия + наличие последующих актов действия’. Второе обнаруживает иную структуру: ‘первый акт действия + отсутствие предыдущих актов действия’. Разграничение этих значений имеет целый ряд объективных оснований.

4.1. Различны их системные семантические связи:

Первое значение характеризуется в этом отношении тем, что находится в ряду однородных, равноправных значений типа: второй из последовательного ряда актов действия — третий из последо-

вательного ряда актов действия — *n*-ый из последовательного ряда актов действия. Ср.: «Он войну начинал на границе / И погиб, *в первый раз*, под Смоленском. / Он *второй раз* погиб в Сталинграде... / *В третий раз* он умер под Курском... / *А в четвертый раз* умирал он / За днепровскою переправой...» (К. Симонов. Наш политрук); «Алексей удивился, как он мог не заметить этого пруда пять лет назад, когда приехал к отцу *в первый раз*?» (К. Федин. Костер). В подобных случаях сочетание (*в*) *первый раз* произносятся с фразовым ударением на слове *первый*.

Второе значение, в отличие от первого, принадлежат не многочленному, а двучленному семантическому ряду. Ср.: (*в*) *первый раз* — (*в*) *последний раз*, *впервые* — (арх.) *впоследние*. Если первый член этого ряда выражает идею предшествующего небытия действия, то последний член — идею последующего небытия действия. Ср.: «Ей не помогало ни ее красноречие, ни клятвенные обещания, что это *в последний раз*» (Е. Балтер. Трое из одного города); «*В последний раз* видел Левин страну, куда судьба приводила его уже не однажды...» (Г. Кублицкий. В Швеции, по маршруту Ильича); «— Я люблю его и всегда боюсь, что вижу его *в последний раз*» (А. Чаковский. Блокада); «Лишь век седой, умереть готовый, / *Впоследни* прошумел, упал...» (С. Бобров. Ночь); «Как простился он во слезах со мной, / Как *в последние* он прижал меня / Ко белой груди...» (Н. Грамматин. Лето красное!..); «Ты скажи царю: “Не можно ль, / Ваша милость, приказать / Горбунка ко мне послать, / Чтоб *впоследни* с ним проститься”...» (П. Ершов. Конек-горбунок) и т. п. Ср. также усилительные обороты (*в*) *первый раз*, (*впервые*) *в жизни* и (*в*) *последний раз в жизни*. Ср. еще возможное объединение членов рассматриваемой пары: «Тогда многое пробовалось *впервые* и многое пробовалось *в последний раз*» (Г. Козинцев. Кино 20-х годов); «Об этом и сказала Тася Черненко на допросе *в первый и в последний раз* в жизни — это не произносится дважды» (С. Залыгин. Соленая падь); «Я, кажется, *первый раз в жизни* наврала тебе и, верно, *последний*...» (А. Островский. Твоих друзей легион) и т. п.

Второе значение отличается еще и тем, что оно связано обратимыми, конверсными отношениями с иным семантическим комплексом, представляющим ту же сумму семантических компонентов, но с обратным порядком слагаемых: ‘предшествующее небытие

действия + первый акт действия'. Этот семантический комплекс выражается сочетаниями типа *никогда* (*ни разу в жизни, сроду...*) *раньше* (*еще, прежде, до того...*) *не*. Ср.: «*Никогда в жизни не ел он такого вкусного густого кулеша...*» (В. Катаев. Белеет парус одинокий); «*Никогда еще* девочка *не* выглядела такой оживленной» (Л. Леонов. Русский лес) и т. п. Ср. усилительное объединение обоих этих средств: «Когда я увидел ее на фоне серого полярного неба, мне казалось, что вижу я ее *в первый раз*, будто *до этого не* видел ее *никогда в жизни*» (В. Куплевацкий. Ракеты на старте); «*Она впервые* пожинала такой успех, *никогда еще не* выпадавший на ее долю...» (К. Симонов. Случай с Полюниным); «— *Никогда еще я не* видал твоих глаз... Только теперь *в первый раз* увидел...» (Ф. М. Достоевский. Подросток).

В этой связи должны быть отмечены также соотношения типа (в) *первый раз* (*впервые*) так сильно — *как никогда* сильно, используемые для обозначения высокой (в количественном и / или качественном отношении) степени первого проявления действия, признака или признака действия. Ср.: «В эту ночь я *впервые до конца, до последней, прожилки* понял, что такое искусство...» (К. Паустовский. Золотая роза) и «... вот он сидит одиноко на скамье и смотрит на человеческую радость и, *как никогда*, понимает, что никому в мире нет дела до него» (Л. Проскурин. Шестая ночь) и т. п.

4.2. Различны семантико-деривационные возможности рассматриваемых значений.

На основе первого значения — поскольку для него характерно акцентирование связи между первыми и последующими актами действия и поскольку эта связь может получить временное истолкование — возникает новое значение — 'первоначально'. Очевидно, что такое развитие оказывается возможным лишь в тех случаях, когда первое проявление действия представляет собой не точку во времени, а некоторый более или менее длительный временной период. Ср.: «Взять хотя бы самолеты. *Впервые* их применили на фронтах для уничтожения человека, а сейчас самолеты верно и мирно служат людям» (Эврика, 1967); «Полагают, что оспа объявилась *впервые* в Эфиопии, а затем проникла в Египет, Аравию, Среднюю Азию, Индию» (М. Ивин. Некто или нечто) и т. п.

По понятным причинам сочетание (в) *первый раз* не может использоваться для выражения этого значения. Оно развивается лишь

у наречия *впервые*, которое, благодаря этому, входит в новые синонимический (*впервые* — *в первое время, первоначально, сначала, сперва*) и антонимический (*впервые* — *потом, впервые* — *впоследствии*) ряды и получает новую синтаксическую функцию — функцию обстоятельства времени.

На основе второго значения — оно особенно ярко выступает в оборотах и предложениях со сравнительно-предположительными союзами: «Он даже рот немного раскрыл и сосредоточил на ней испуганные глаза, *как будто в первый раз* увидел ее...» (И. А. Гончаров. Обрыв) — развивается переносное значение ‘свежо, остро, ярко’. Ср.: «Жребий Лизы ясно и *как бы в первый раз* предстал моему сознанию» (Ф. М. Достоевский. Подросток); «Это качество — видеть все *как бы впервые*, без тяжелого груза привычки, видеть всегда как бы вновь, — присущее детям и художникам, необходимо и писателям» (К. Паустовский. Поэзия прозы); «Я хотела бы, чтобы люди навсегда сохраняли волшебные глаза. Волшебные глаза все видят *будто впервые*: свежо, четко. И насквозь. Вот если бы осталось на всю жизнь — чтоб видели *словно впервые*. Понимаете: не привыкать! Все *впервые!*...» (Ф. Вигдорова. Глаза пустые и глаза волшебные). Ср. игру на двух значениях наречия *впервые*: «— В Красноярск вы *впервые*? — Конечно, *впервые!* / В сотый раз *подъезжаю впервые* к нему...» (К. Лисовский. Вступление).

4.3. Различны синтаксические структуры, в которых реализуются указанные выше значения.

Так, значение ‘первый из последовательного ряда актов действия’ связано с несколькими типами синтаксических структур. Наиболее типичной среди них является двухчастная структура с интонационно отчленяемым постпозитивным детерминирующим членом. Этот последний может характеризовать время, место и другие обстоятельства действия.

Организация предложений, где *впервые* и (*в*) *первый раз* выступает со значением ‘первый акт не бывшего ранее действия’, оказывается иной. Таким предложениям свойственны внутреннее единство и интонационная цельность.

Удобнее всего показать эти различия на случаях, допускающих двойное понимание. Ср., например: «В *первый раз* видел Тавров такую грозу на Севере» (А. Коптяева. Иван Иванович).

Если в *первой раз* используется здесь со значением ‘первый из последовательного ряда актов действия’, то фразовое ударение падает на слово *первый*, а обстоятельство места отделяется от предшествующей части предложения паузой и также получает сильное акцентное выделение: В **первый раз** видел Тавров такую грозу — **на Севере**.

Если же в *первый раз* обозначает здесь ‘первый акт не бывшего ранее действия’ (ср.: *Никогда раньше не видел Тавров такой грозы на Севере*), то фразовое ударение приходится на слово *раз*, а обстоятельство места паузой не отделяется: В первый **раз** видел Тавров такую грозу на Севере. Тот же эффект может быть достигнут устранением обстоятельства места (с переходом к обобщенному значению): В первый **раз** видел Тавров такую грозу (ср.: *Никогда раньше Тавров не видел такой грозы*). Ср.: «В начале января, в пятом часу морозного и ясного дня, к подъезду известного ресторана Дюкро, на Большой Морской, то и дело подъезжали простые извозчичьи, а изредка и красивые “собственные” сани. Из саней выходили молодые люди, по всем признакам только что оперившиеся. Иные, небрежно сбросив шинели или пальто на руки швейцара, останавливались на минуту у большого зеркала, и приводя в порядок волосы, самоуверенно шли дальше, выказывая полное знание местности; другие, *никогда не бывшие прежде в этом ресторане*, бросали кругом растерянные взгляды и не знали, куда им деваться...» (А. Н. Апухтин. Неоконченная повесть, IX, 1880-е) — ...впервые / в первый **раз** оказавшиеся в этом ресторане... (Об акцентном выделении и паузировке как средствах выражения наречной семантики см. в наст. изд, с. 280—283).

5. Единство обоих выделенных значений совершенно очевидно. Оно обусловлено наличием у них общего семантического элемента — ‘первый акт действия’ и в свою очередь обуславливает возможность совмещения этих значений в некоторых случаях употребления рассматриваемых лексических единиц. Однако это единство не может и не должно служить основанием для того, чтобы игнорировать существенные различия их семантической структуры.

Не случайно ведь в современном русском языке обнаруживается явная тенденция разграничить эти значения лексически, закрепив для выражения первого из них сочетание (в) *первый раз*, а для второго — наречие *впервые*.

Действие этой тенденции по существу уже завершено для тех случаев, когда глагол называет действие принципиально некротное: совершившись однажды, оно навсегда пребывает в своих результатах и не нуждается в повторении. Таковы, например, действия, обозначаемые глаголами результативного процесса мысли (*понять, постичь, сообразить, осознать, уразуметь* и т. п.), глаголами изобретения и открытия и др. Ср.: «Я *впервые* узнал, что есть целая наука о солнечных часах и называется она “гномоник”» (К. Паустовский. Третье свидание); «Это город, где я *впервые* приобщилась к политической жизни» (Известия, 20 января 1968 г.); «*Впервые* я *понял*, что разделение на периоды читаемого вслух предусмотрено сочинителями часослова» (Н. Асеев. О поэтической речи); «Коперник *впервые* *понял*, что планеты движутся вокруг солнца» (М. Волькенштейн. Наука людей); «Только на этом спектакле я *впервые* *понял*, что такое тишина в зале» (М. Штраух. Камертон героического времени); «*Впервые* в Конго право голоса *предоставляется* женщинам» (Известия, 30 июля 1967 г.); «... город, откуда *впервые* на Чукотку, Таймыр, Амур, на острова Ледовитого океана *пришла* ленинская правда» (Ю. Рытхей. Легенда и действительность) и др.

б. Сказанное позволяет построить следующую систему значений наречия *впервые*: 1. Первый раз, никогда раньше / прежде не... (употребляется для указания на первое проявление ранее не бывшего действия или признака). Противопоставлено *последний раз, никогда больше не...* // Обостренно, свежо, ярко (в сочетании с сравнительно-предположительными союзами и при глаголах, обозначающих восприятие). 2. Первый раз (употребляется для указания на первый из последовательного ряда актов, проявлений действий). 3. Первоначально, сперва, в первое время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Это существительное имеет полную парадигму единственного числа и способность выступать во всех синтаксических функциях существительного. Ср., например, в функции подлежащего: «Березов пошел наружу. И тот *единственный раз*, когда он на полчаса выбрался на мостик, *совпал* с первым ударом бури» (С. Снегов. Час мужества); «Как кому, а мне, например, именно *этот раз* *помог* понять подлинное значение драмы Радзинского» (Призыв, 27 августа 1968 г.). Что касается форм множественного числа, то

они, образуя полную парадигму, стоят вне пределов современной литературной нормы. Ср.: «Во весь этот срок он приходил всего раз шесть или семь, и *в первые разы* я, если бывал дома, прятался...» (Ф. М. Достоевский. Подросток); «Но и теперь, как и *в прошлые разы*, она говорила себе, что это не может так остаться» (Л. Толстой. Анна Каренина) и т. п. Ср. в стилизации: «Лихорадочно и, не в пример *другим разам*, небрежно наш герой справился с отвратительной его сердцу работой...» (Б. Окуджава. Бедный Абросимов) и др.

² Ср.: «Я прочитал письмо и запомнил *с первого раза* чуть ли не наизусть...» (И. Виноградов. Волны) и «Он много раз разворачивал ее и читал, хотя запомнил всю *с первого прочтения*...» (И. Герасимов. Обыкновенные происшествия) и т. п.

³ В старорусском языке это не было исключено. Ср.: «В седьмый же день паки повеле идти войску Магометову ко граду, тако же ся бити, аки *впервые*, и без почивания...» (И. Пересветов. Повесть об основании и взятии Царьграда).

⁴ Ср. индивидуальный прием Достоевского: «Он *в первый раз* стрелял в жизни...» (Подросток); «Прощаясь, я поцеловал ее *в первый раз* еще *в жизни*» (Там же) и др. под.

ОЧЕРКИ ПО СЕМАНТИКЕ РУССКИХ НАРЕЧИЙ

*Второных**

Наречие *второных* с его, казалось бы, очевидным, прозрачным, лежащим на поверхности значением и вполне привычным для русского глаза и слуха употреблением как будто не таит в себе ничего, что делало бы оправданным его специальное исследование. Действительно, словари приводят это слово без ограничительных стилистических помет и, следовательно, оценивают его как стилистически нейтральное¹, что хорошо согласуется с интуитивной его оценкой и интуитивными представлениями о его частотности. Толкуя его значение, лексикографы единодушно представляют его как целостную, лишённую объема, неструктурированную семантическую единицу, которая не имеет ни вариантов, ни оттенков значения² и употребляется без каких-либо позиционных и сочетаемостных ограничений.

В качестве толкующего средства используются либо деепричастные («торопясь, спеша» [Уш.: I, 422; МАС : I, 241; Ож. : 100; СП : I, 409; ОШ : 107; СТЯ : 102]), либо наречные («поспешно, торопливо» [СЦРЯ : I, 391; БАС : 2, 912—913]) эквиваленты, что также вполне соответствует нашему живому и непосредственному языковому чувству, а для иллюстрации этого значения привлекаются хрестоматийные или обычные современные и расхожие примеры. Так, в [Ож.] значение «торопясь, спеша» подтверждается и раскрывается общеупотребительной «короткой фразой»

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (гранты 01-04-00-201-а и 01-04-00-132-а).

«Второных забыть что-нибудь». Все, казалось бы, просто, очевидно и ясно.

Но именно здесь — поскольку имеется два общепринятых рабочих толкования (T_1 — «торопясь, спеша» и T_2 — «поспешно, торопливо») — и возникает проблема. Проблема совмещения толкования и контекста. Проблема их взаимного соответствия.

Так, в приведенном выше примере из [Ож.] «Второных забыть что-нибудь» собственное этого словаря толкование T_1 («торопясь, спеша») соответствует этому контексту и вмещается в него: *Торопясь (спеша), забыть что-нибудь*. То же в аналогичных контекстах других словарей, использующих T_1 : «Второных забыл взять с собой денег» — [Уш.]; «Второных я забыл две израсходованные мною кассеты» (А. Гайдар. Судьба барабанщика) — [МАС]; «Адриану лицо его показалось знакомо, но второных не успел он порядочно его разглядеть» (А. С. Пушкин. Гробовщик) — [СП]. Ср. также: «— Постой, — сказал он <Дубровский> Архипу, — кажется, второных я запер двери в переднюю, поди скорей отопри их» (А. С. Пушкин. Дубровский, VI, 1832). Ср.: «Она опаздывала и, торопясь, оставила ключи на столе» (А. Новиков. Записки следователя)³.

Совершенно очевидно, однако, что второе возможное толкование — T_2 — «поспешно, торопливо» этим контекстам не соответствует, а попытка его искусственного вмещения в них создает неотмеченные, некорректные высказывания с разрушенным смыслом: **Поспешно (торопливо) забыть что-нибудь*; **Поспешно (торопливо) не успел он его разглядеть*. Ср.: «Хочу выйти, но на улице льет как из ведра, а второных мой француз забыл принести мне шинель или зонтик» (В. К. Кюхельбекер. Последний Колонна, 1, 1, 1832—1845) — *...*поспешно (торопливо) мой француз забыл принести мне шинель или зонтик...*

Эта ситуация не является только экспериментальной — она реально складывается в словарях, использующих T_2 . Так, например, в [СЦРЯ] T_2 («поспешно, торопливо») иллюстрируется примером «Второных я забыл взять с собою бумаги», а в [БАС] на это же значение приводится — первой из четырех иллюстраций! — цитата из М. Бубеннова: «Поднявшись на ноги, он еще более заторопился и второных сбился с пути, забрал сильно влево,

где был большой омут» (Белая береза), откуда — при попытке вмещения — мы получаем: **Поспешно (торопливо) я забыл взять с собою бумаги* и **...поспешно (торопливо) сбился с пути*.

Так же, как T_2 несовместимо с контекстами T_1 , так и T_1 обнаруживает несовместимость с контекстами T_2 . Ср., например, вторую иллюстрацию [БАС] к избранному в нем T_2 : «*Второях совершается торговая сделка...*» (И. С. Тургенев. Хорь и Калиныч) — *Поспешно (торопливо) совершается торговая сделка*. Но не: **Торопясь (спеша) совершается торговая сделка*. Ср. еще: «*Второях убираются книги, бумаги, увязывается поклажа — и в дорогу...*» (Е. П. Ростопчина — В. Цициановой, 28 ноября 1852 г.) — *Поспешно (торопливо) убираются книги...*, но не **Торопясь (спеша) убираются книги...* Как видим, T_1 в таких контекстах не проходит.

Можно было бы полагать, что запрет на вхождение T_1 в контексты T_2 исходит от грамматической природы элементов T_1 , которые, будучи деепричастиями, должны подчиняться, по сложившейся норме, требованию одноцентральной ориентации глагольного и деепричастного действий, а это в пассивной конструкции невозможно ⁴.

Имеются, однако, и такие контексты T_2 , для которых вмещение T_1 оказывается невозможным в силу их семантической несовместимости, несмотря на синтаксические условия, обеспечивающие нормальное функционирование деепричастных членов. Именно таковы начальные строки пушкинского «Утопленника» (1828): «*Прибежали в избу дети, / Второях зовут отца...*», которые приводят в статьях *второях* все «большие» словари — и [БАС], где принято T_2 («поспешно, торопливо»), и [Уш.], и [МАС], использующие T_1 («торопясь, спеша»). Если подсказываемую [БАС] экспериментальную замену *второях* в этом тексте его наречными эквивалентами можно признать хотя и небезупречной (поскольку она разрушает стихотворный текст), но более или менее удовлетворительной (...*поспешно, торопливо зовут...*), то аналогичная (по [Уш.] и [МАС]) операция с деепричастиями, которые по необходимости получают здесь противоречащее целому п р и ч и н н о е значение (...*торопясь, спеша, зовут...* = ‘зовут, так как торопятся и спешат’), оказывается совершенно неприемлемой (к этому нам придется еще вернуться).

Имеются, наконец, и такие контексты, для которых вменение обоих Т, хотя и возможно, но равным образом нежелательно, поскольку результаты этой операции производят впечатление искусственности и, задевая наше языковое чувство, вызывают некоторую неловкость. Ср.: «Они встретились на бегу, виделись недолго и *говорили второпях*» (П. Боборькин. Невеста) — *Они встретились на бегу, виделись недолго и *говорили торопливо, поспешно / торопясь, спеша*.

Сказанное позволяет утверждать, что принятые в существующих словарях толкования *второпях* Т₁ и Т₂, поскольку они контекстно распределены (признаки этих контекстов — К₁ и К₂ — различаются не только в плане выражения, но и содержательно) и, следовательно, представляют — каждое! — не всю семантику *второпях*, а его разные семантические варианты и в качестве универсальных толкователей этого наречного слова, вопреки сложившейся лексикографической практике, использоваться не должны и не могут. Взамен должно быть найдено другое толкующее средство, инвариантная семантика и грамматические особенности которого позволяли бы ему выполнять необходимую интерпретационную функцию.

Чтобы сделать это, следует учесть, что наречие *второпях* по своей этимологической форме (< др.-р. **въ торопьхъ** при исходном **торопь** ‘поспешность, торопливость’⁵) принадлежит к утратившей продуктивность группе предложных локативов множественного числа с общим значением физического или психофизиологического состояния лица (*впныхах*, *в хлопотах*; устар. разг. *вгорячах*, *вприсонках*, устар. *в суетах*, диал. *в тосках*, *в горях* и др.)⁶. Исходя из этого общего значения, основное, инвариантное, оно же генетически исходное, значение *второпях* может быть передано с переходом в синонимическом ряду из старого мн. ч. в ед. ч. наречным сочетанием *в спешке* (ср. диал. владимирск. *на спеху* и *на спехах* и устар. *в спеху*), которое нужно читать ‘в состоянии спешки’ или ‘в обстановке спешки’ = ‘второпях’⁷. Ср.: «Я пишу тебе *второпях*: еду с графом объезжать губернию...» (А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову, 30 декабря 1812 г.) — «Пишу тебе *в спешке*: остается несколько часов до отъезда, а еще ничего не собрано...» (Н. А. Полевой — К. А. Полевому, 18 мая 1842 г.); «Давно уже невозможно стало неторопливо обмозговать каждую жизненную за-

дачу, сидя за чашкой чая у приоткрытого окна. *Мы всё делаем на бегу, второпях...*» (Литературная газета, 12 ноября 1986 г.) — «Так вот и живем, так и работаем: остановиться, оглянуться, подумать некогда! Крутимся, как белки в колесе... *Всё делаем на бегу, всё в спешке...*» (А. Кочетков. Дни и годы). Ср. еще: «А почему овощи портятся на базе? В частности, потому, что *завозят их туда второпях...*» (Правда, 29 ноября 1987 г.); «...Ясное дело, недосыпашь, не ешь как следует, *все второпях* — вот и ломается в тебе что-то...» (А. Лебедев. Разрыв-трава); «Так от победы к победе шел он, от звонка к другому звонку, и *все это наспех, второпях...*» (Л. Петрушевская. Смотровая площадка) и др. под. ⁸.

Во всех таких случаях *второпях* ‘в спешке’ характеризует действие не прямо, не непосредственно, а через соотнесение его с состоянием лица — субъекта действия. Особенно отчетливо обнаруживают эту соотнесенность высказывания, представляющие собой конструкции пассивного типа: «*Все делалось второпях* в эту минуту в этом доме...» (Л. Н. Толстой. Война и мир, I, I, XIX), и еще более ярко — те случаи, где *второпях* имеет архаическую о б ъ е к т н у ю ориентацию ⁹: «Мы приехали поздно и *застали ее второпях* <следует читать это как *в ... торопях* — с незамещенной позицией согласованного определения при архаической форме генетически предметного имени> за укладкой вещей в дорогу» (Записки Н. В. Лебедева. 1846). Ср.: «Пришедши в свою караулку, *он нашел Степана в страшных попыхах*» (И. В. Селиванов. Полесовщики, 1857); «Прощаясь со мной, просил он <Воронцов> меня понаведаться к нему, дабы пообстоятельнее поговорить о наших делах. На этот раз *я нашел его в каких-то хлопотах*; он успел сказать со мною несколько слов» (Ф. Ф. Вигель. Записки, VI); «Пришедши домой, *я застал хозяина в хлопотах*: он заботился найти мне какое-нибудь место...» (В. С. Печерин. Замогильные записки, 1864) ¹⁰.

Понятно, что *спешка* как состояние лица — субъекта действия, если взглянуть на эту ситуацию с общелогической точки зрения, может повлечь за собой определенные качественные и/или действительные последствия, либо обуславливая такую «скоростную» характеристику действия, как *п о с п е ш н о с т ь / т о р о п л и в о с т ь* (откуда далее новое возможное звено причинно-следственной цепочки — его *н е б р е ж н о с т ь*), либо вызывая как непредвиденное следствие то или иное нецеленаправленное, непреднаме-

ренное, неконтролируемое и потому отрицательное (отрицательно оцениваемое) действие. Первая линия развития формирует качественно-определяющее значение *второных*: ‘в спешке’ → ‘поспешно’ → ‘небрежно, кое-как’: «На диване, на полу валялась *второных сброшенная* загрязненная одежда...» (И. С. Тургенев. *Новь*, 2, XXX, 1876) ¹¹. Вторая — направляет его семантическую деривацию в сферу каузативных отношений, формируя причинное значение — ‘в спешке’ → ‘из-за / по причине / вследствие спешки’ ¹².

Совершенно очевидно, что три устанавливаемых таким образом семантических варианта *второных* не равноценны ни по отношению к современной живой узуальной (некодифицированной, не зафиксированной ни словарями, ни грамматиками) норме, ни по их употребительности.

С указанных точек зрения первое место в системе значений этого наречного слова, несомненно, принадлежит причинному *второных* ‘из-за / по причине / вследствие спешки; торопясь, спеша’, которое так или иначе — непрямым деепричастным толкованием или только иллюстративно свидетельствуется всеми словарями, а в некоторых из них оказывается вообще единственным. Его опознавательными дифференциальными признаками — при наличии соответствующих смысловых особенностей контекстов, содержащих то или иное выражение отрицательного (отрицательно оцениваемого) произвольного, неконтролируемого действия, понимаемого как следствие спешки, — являются: 1) обязательное отсутствие фразового акцентного выделения и 2) обычная для него препозитивная прикрепленность. Ср. еще: «Батюшков *второных позабыл*, что обещал мне портрет Шатобриана...» (И. И. Дмитриев — Ф. Н. Глинке, 5 декабря 1818); «...общий хохот, когда кто-нибудь *второных ушибался до крови* об угол...» (М. П. Погодин. *Васильев вечер*, 1831); «Последним угощением было вино, подносимое гостям тою же женщиною, которая держала ребенка. Все без исключения клали ей на поднос разные монеты. Я хотела было отказаться от вина, но папа знаком показал мне, что это было невозможно, и *второных я чуть не проглотила целой рюмки...*» (В. А. Вонлярлярский. *Ночь на 28-е сентября*, 1852); «Барыня, вероятно, не так бы скоро успокоилась, да лекарь *второных* вместо

двенадцати капель налил целых сорок: сила лавровишенья и подействовала...» (И. С. Тургенев. Муму, 1854); «По одной стене <каземата> стояла зеленая госпитальная кровать с тюфяком, набитым соломою, и пестрядевой подушкой, до того грязной и замаранной, что я долго еще употреблял свой единственный батистовый платок, мне *второных оставленный* <т.е. не отобранный тюремщиками при обыске>, подкладывая его под щеку...» (Н. И. Лорер. Записки моего времени, VII, 1864—1867); «...противник его пошел с туза пик, а он *второных не рассмотрел*, что у него есть маленькая пика и побил туза козырем...» (А. Н. Апухтин. Неоконченная повесть, VI, 1880-е) и др. под.

В случае инверсии, какими бы причинами она не вызывалась, «безударность» как обязательный признак этого языкового знака сохраняется и переносится в постпозицию вместе с его носителем: Я очень спешил и *второных* забыл взять с собой **деньги** / оставил ключи **в замке** / **не попрощался**... → Я очень спешил и забыл взять с собой **деньги** / оставил ключи **в замке** / **не попрощался** *второных*... Ср.: «Швед спешит в город и **забывает** *второных* свои чемоданы...» (К. Н. Батюшков — Д. П. Северину, 19 июня 1814); «Провожавший меня из города финн болтал что-то и махал руками, но я **не расслышал** *его* *второных* и не понял, зная едва несколько слов по-фински...» (Ф. В. Булгарин. Воспоминания); «Граф <...>, обратившись к хозяину, сказал ему: — Я и **забыл** *второных*, извините, ваше сиятельство, представить вам и рекомендовать хорошего моего приятеля...» (И. А. Бессонов. Рассказы об Аракчеве, 1848); «...18 февраля 1800 года, поутру, в Гатчине, *едва выпив чашку чая* *второных*, к полдню в первый раз я увидел Петербург и поселился у брата...» (Ф. Ф. Вигель. Записки, 1); «...когда она перед отъездом похвалила наши розы, я нарвал их целую кучу, **исколот все руки** *второных* и поднес ей букет с почтительным поклоном» (К. Леонтьев. Подлипки, 2, VI, 1861); «В огонь вместе с мундирами **были брошены и ордена** *второных*...» (А. Е. Розен. Записки декабриста, V); Ср. также: «Дело было зимой, ночь, вьюга, все люди в шубах, **разбери-ка** *второных-то* кто купец, кто дьякон?» (М. Горький. В людях) — ... **не разберешься** *второных*... То же в случае интерпозиции *второных* — между глаголом и управляемым именем: «...недостает какого-то элемента в развитии, точно **позабыли** *второных* **паспорт** — и стоит человек на грани-

це: назад не хочется, вперед не пускают» (П. В. Анненков. Парижские письма, VI-а, 1847); «...мальчишка юркнул под ворота какого-то дома, **расплескав второпях добрую половину квасу**» (А. Н. Плещеев. Чему посмеешься, тому и послужишь, 1860);

Основному и высокочастотному — обычно препозитивному и обязательно акцентно не выделенному, фразово безударному *второпях*₁ с его специализированным причинным значением резко противопоставлено менее употребительное (и, может быть, именно поэтому вообще не замечаемое нашими словарями), но более яркое — обязательно постпозитивное и всегда сильно ударное *второпях*₂ 'в состоянии, в условиях спешки': «Как и в предшествующий дом, внутрь **валились второпях**; не раздеваясь, в шубах, шапках и валенках прошли в глубь комнат...» (Б. Пастернак. Доктор Живаго, 14, 5); «...впервые она отправилась в СССР не в день убийства Рейчела, а на следующий, покинув Францию **второпях**...» (Иностранная литература. 1989. № 12. С. 245); «Теперь мы *пытаемся второпях* найти ответы на вопросы: что будет, если...» (Известия, 17 февраля 1990); «Раньше сгоняли в колхоз, не спросив крестьянина; ныне отпускают, да нет выталкивают. *Выталкивают второпях*, без продуманной до конца программы...» (Литературная газета, 18 декабря 1991); «Ты, Нелли, *уходила второпях*. / Зачем, скажи, ты так туда спешила?...» (Н. Аришина. «Ты, Нелли, уходила второпях...», 1994) и др. под. Отсюда затем — с понятным семантическим сдвигом — качественно характеризующее 'кое-как, небрежно': «Он уверяет, что моя безделка *написана второпях* и фельетонно» (И. С. Тургенев — Я. П. Полонскому, 6 марта 1868 г.); «Ты, что ли, жаловался? — подумала Бетси, припоминая, как *вчера убирала номер* несколько **второпях**...» (А. Грин. Блестящий мир, VIII)¹³.

Особо должно быть выделено и обсуждено устаревшее и противоречащее современной норме *второпях*₃, которое, как убедительно свидетельствуют приводимые ниже примеры, не выходящие хронологически за пределы начала второй половины XIX в., не имеет ни собственного специализированного значения, ни собственных формальных опознавательных признаков:

«...Все так громко выли, / Что все соседство взгомозили! / *Один сосед к ним второпях* / *Бежит и вопит*: “Что случилось? / О

чем вы все в таких слезах?»» (В. А. Жуковский. Плач о Пиндаре. Быль, 1814); «Там речь пойдет и об агенте, / Который издает журнал, / Что будто часто разъезжает / По городу и *второях* / *Бонмо отборны собирает*, / Чтоб после поместить в листах...» (Неизвестный автор. Послание к другу, 1819 // Б. Л. Модзалевский. Пушкин и его современники, СПб., 1999. С. 40) «И ваш альбом, как ваш блестящий ум, / Быть должен чужд приличий светских ига, / Не должен быть он, как в швейцарской книга, / Визитных душ ревизская тетрадь, / В которой дань с рабов собирает знать; / Где пестрая сует разнообразность, / Где *второях заботливая праздность* / *Наперерыв спешат провелечат* / *Имен своих безличную ничтожность*» (П. А. Вяземский. В альбом Каролине Карловне Яниш, 1830); «...является Роза, отец ее и мать (без речей, как сказано в списке действующих лиц). Отец *второях* благословляет дочь свою, мать без речей тоже ее благословляет, и все, кроме Паткуля, уходят...» (И. С. Тургенев. Рец. [Генерал-поручик Паткуль. Трагедия в пяти действиях. Сочинение Нестора Кукольника], 1846 // Полн. собр. соч. В 15 т. Т. I. М.; Л., 1960. С. 289); «— Да не тебе говорю, баран (это относилось к другому конторщику, который *второях почтительно вытянулся перед хозяином*)!» (Я. Бутков. Сто рублей, 1853); «Вчера сижу я за своим столиком; глядь — он идет. Я вскочил, *второях застегнул на все пуговицы фрак* и подошел к нему под благословение...» (И. С. Никитин. Дневник семинариста, 1860); «Он *еще раз второях поцеловал ее ручку* и, прошептал: “Завтра!”, бросился в кухню...» (А. Плещеев. Дружеские советы, 1865); «Однажды лежу себе в своей палатке и прислушиваюсь к отдаленной перестрелке где-то в горах. Вдруг в лагере грянула пушка, и капитан Маслов *второях вошел ко мне*...» (Н. И. - Лорер. Записки моего времени, XVIII, 1867) и др. под. То же с редкой постпозицией такого *второях*: «Когда я начал одеваться, *вбежал Гофман второях* и звал меня к цесаревичу...» (А. Е. Розен. Записки декабриста, X). То же в редком случае приименного употребления: «Давно уже мы бегали по трактирам с исключительной целью добиться книжки “Москвитянина”, где была напечатана комедия “Свои люди — сочтемся”. Понапрасну мы съели много пирогов и выпили несколько пар чаю, пока добились книжки для *прочтения второях*, так как настороженные половые стояли над душой...» (С. В. Максимов. Александр Николаевич Островский). Ср.

также уникальный случай с таким *второных* в сочинительном ряду в составе обособленного оборота: «Следуя за Мартой по дорожке к дому, он слегка размахивал руками и, *второных*, мучась желанием поскорее расположить ее к себе, говорил о том, как...» (В. Набоков. Король, дама, валет, II).

Свободно замещаясь синонимичными ему наречиями *торопливо* и *поспешно*, которые и вытеснили *второных* в такого рода контекстах, оно не допускает здесь замены деепричастиями *торопясь*, *спеша* и само оказывается за пределами современной нормы. Оно могло бы пониматься как знак состояния ('в спешке'), но не имеет обязательных для этого значения признаков акцентного выделения и постпозиции. Тем самым — находясь в препозиции и будучи фразово «безударным» — оно провоцирует ложное восприятие содержащих его текстов как несущих информацию о причинно-следственной зависимости между *второных* и поясняемым им глаголом и заставляет получателей речи (слушателей и читателей) колебаться в интерпретации их связи и искать дорогу к подлинному смыслу¹⁴.

Именно к этой группе примеров и следует отнести отражающее старую норму (или, вернее, речевую ситуацию, предшествующую времени формирования современной узуальной нормы) цитированное выше пушкинское «*Прибежали в избу дети, / Второных зовут отца*», которое входит в сознание каждого образованного русского с первых детских лет и потому не воспринимается как нарушение нормы, как ошибка. Ср. аналогичный случай в «Сказке о царе Салтане...» (1831): «С башни князь Гвидон сбегает, / Дорогих гостей встречает; / *Второных народ бежит...*» Однако, как видим, даже могучего пушкинского авторитета оказалось в этом случае недостаточно, чтобы сохранить такого рода словоупотребления и сделать их образцом и моделью для воспроизведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Только новейший «Современный толковый словарь русского языка» (СПб., 2001) квалифицирует его как «разговорное» (с. 102).

² Исключение составляет лишь «Новый словарь русского языка» (М, 2001), который, наряду с основным значением, формулируемым как «очень

торопясь», указывает еще второе, почему-то называемое «переносным»: «наспех, наскоро, поспешно» (с. 238). Мотивы такого решения остаются, однако, невыявленными, поскольку, в соответствии с принятыми в этом словаре принципами, авторы его не приводят иллюстраций и не указывают контекстные и позиционные условия употребления толкуемых слов.

³ Ср. редчайшие и, конечно, невозможные сегодня случаи, где *второях* оказывается заместителем деепричастного *торопясь*, имеющего при себе управляемый именной оборот: «Подножие его <золотого кубка> составляет группа мальчиков из серебра, перелезающих друг через друга, как будто **второях к какому-нибудь необыкновенному зрелищу**...» (П. В. Анненков. Парижские письма, IX, 1847); «Первого нашего генваря также написал вам письмецо, но **второях к обедне** не положил его в конверт...» (С. П. Трубецкой — З. С. Свербеевой, 5 февраля 1859 г.). Значительно более широкое, чем в современном языке, «наследование» вторичными производными управления и примыкания от своих первичных производящих — яркая особенность старого русского языка и языка пушкинской эпохи. Ср.: *заботиться* о чем → **беззаботливость, беззаботность о чем**: «Здесь о ней не думают, и это весьма благоразумно, ибо *беззаботливость о холере* есть лучшее средство предосторожности...» (А. И. Тургенев. Хроника русского, 1832); «Вместе с любовью находил я в ней и спокойствие, и радость, и счастливую *беззаботность о будущем*...» (В. А. Жуковский. Перевод с франц. [С. Ф. де Жанлис, Дорсан и Люция], 1810); *разлучиться с кем* → **неразлучность с кем**: «С чего же пришла тебе самой мысль за него идти? Тебе, которая говорила, что для тебя никакого другого счастья не надобно, кроме свободы, *неразлучности с маменькою* и спокойствия в семье твоей? Нет, милый друг, не ты сама на это решилась! Тебя решили, с одной стороны, упрёки и требования, с другой грубости и душевное притеснение...» (В. А. Жуковский — М. А. Протасовой, 27 ноября 1815); *печаль, печалиться о чем* → **печальный о чем**: « [Петр Андреевич] Когда же ты *о родине печальна*, / Рыдай, мое дитя...» (А. С. Грибоедов. <1812 год>, 1826?); *писать о чем* → **писатель о чем**: «Масон *писатель о России*, родственник Cuvier...» (А. И. Тургенев. Дневники, 4 дек. 1825); «...в общих идеях Ранке об истории пап Вильмень увидит много оригинального, германского и, следственно, нового для французского *писателя о папстве*...» (А. И. Тургенев. Хроника русского, 1836); *раздражаться от чего* → **раздражительный от чего**: « — Друг! я знаю твое *раздражительное от самых безделок* сердце — и в княжне вижу прелестную, прелюбезную женщину, но женщину, которая любит жить в свете и для света и едва ли пожертвует тебе котильоном...» (А. Бестужев. Вечер на бивуаке, 1823) и др. Ср. также: *потерять недавно* (мать) → **потеря недавно** (матери): «Лакордер, хотя слабый грудью и расстроенный *потерею недавно* матери, говорил с час с искренним сильным

убеждением...» (А. И. Тургенев. Хроника русского, 1836) и др. Это явление заслуживает специального углубленного исследования.

⁴ В одном из своих конференционных докладов Ю. Д. Апресян сформулировал более широкий и общий тезис, в соответствии с которым «в русском языке обстоятельственные конструкции с субъектными наречиями типа *весело, молча, с целью* (ср. несубъектные наречия типа *быстро, постепенно, хорошо*) требуют, подобно деепричастной конструкции, кореферентности субъекта наречия с субъектом-подлежащим глагола, от которого зависит наречие. Ср. аномальность конструкций *Ящики молча переносились рабочими; *Встреча делегаций состоялась в Москве с целью начать переговоры и т. п., где это требование нарушено» (см. об этом также в работе [Апресян 1974 : 273—274, 342].

Можно полагать, однако, что, сформулированный в столь категорической форме, этот тезис, по-видимому, не вполне соответствует действительному положению вещей и опровергается многочисленными фактами, которые как будто нельзя считать ни аномалией, ни ошибкой.

Так было в языке всего XIX в. Ср.: «И сим заключается повесть о подмосковной, которая, быв припечатана в газетах с генваря месяца <1818> в списке продажных имений, *очень лениво торговалась*, и охотники редко вызывались купить ее...» (И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни (рукопись) // Русская литература, 1977. № 1. С. 106); «Измеряя свои произведения исполинскою мерою чужих гениев, нам *свысока видится* своя малость еще меньшею...» (А. А. Бестужев. Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов); «[Булат] Не отвергай, прими благодаренье, / Великодушный муж, за то спасенье, / Которым я, не друг твой и не брат, / Тебе обязан! [Иван] Не за что, Булат. [Булат] Позволь мне... [Иван] Вздор! Тебе даю я слово: / *Все было сделано охотно...*» (В. К. Кюхельбекер. Иван, купецкий сын, 1832—1842); «Указ его *усердно принят был*, — / Со всех сторон стрелки и собачеи / Пустилися на дикого вепря / И объявил, что, кто вепря погубит, / Тому счастливицу даст он дочь свою / В замужство — королеву Илию...» (Н. М. Языков. Сказка о пастухе и диком вепре, 1835); «Сладка была она <жженка>, хмельна, / Ее вы сами разливали / И горячо пилась она...» (Н. М. Языков. Баронессе Е. Н. Вревской, 1845); «Где, хотел бы я знать, — можно встретить рассказчика и весельчака милее Григоровича, доброго дилетанта лучше Тургенева, наконец даже хлыща, которому бы *процалось от души* более, чем *от души прощается* Панаеву?» (А. А. Дружинин. Дневник, 6 февраля 1854); «...публика добродушно принимала разные исторические романы <...> Каким образом *искусственное так добродушно принимается обществом?*...» (А. Григорьев. Взгляд на русскую литературу, 1859); «Мне случалось заметить *два три взора, брошенные на меня украдкой...*» (А. Н. Плещеев. Дружеские

советы, 1864) и др. То же с деепричастными наречиями типа *молча*, *не спеша*: «— Вы запугали игроков, а потом смеетесь. *Серьезная игра должна совершаться молча*, позволяется говорить только технические слова игры...» (Н. Г. Помяловский. Молотов, 1861); «Начались сборы к переселению в город, на Арбат, где у нас был дом. <...> *Всё делалось тихо, не спеша...*» (И. С. Тургенев. Первая любовь, XX, 1861). Ср., правда не связанный с семантикой пассивизации, случай, представляющий действительно грубое нарушение в сфере выражения субъектно-объектных отношений: «Тогда слова *отечество* и *слава* электризовали каждого. **Каждый листок**, где было что-нибудь отечественное, **перелетал из рук в руки с восхищением...**» (А. А. Бесужев. Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года).

Так и в современном языке: «Голутвин с кряхтением примеряет шлепанцы <...>. Теперь все происходит в обратном порядке: <...> шлепанцы сбрасываются, *с кряхтением надеваются ботинки...*» (О. Попцов. И власти плен, XII); «Хозяева выставляли после работы бутылку, и *она распивалась совместно...*» (В. Крупин. Живая вода); «От общения с ним *старательно оберегались мы, дети...*» (В. Конашевич. О себе и о своем деле — <нас старательно оберегали>); «[Сталин] лично следил за тем, чтобы сохранялась видимость преемственности в политике, и *это ему тогда весьма искусно удавалось*» (Правда, 10 марта 1989) и др. Ср. также: «*Каждый клочок территории любовно ухожен*» (Правда, 22 июля 1987); «Количество правонарушителей *подсчитывается по усердно составленным протоколам...*» (Правда, 29 ноября 1987) и др. Ср. и здесь пример вопиющего нарушения нормы: «...насколько историческая и художественная достоверность “Тихого Дона” поражает всякого читателя и любого специалиста, настолько в “Поднятой целине” **без труда заметны обстоятельства**, которые...» (С. Семанов. О некоторых обстоятельствах публикации «Тихого Дона» // Новый мир, 1988, № 9. С. 269).

Не составляют исключения и деепричастные наречия: «*И все это делается не спеша*, не как-нибудь...» (И. С. Никитин. Дневник семинариста, 1860); «...чтобы и *величие памятника не спеша раскрылось*, и история ожила, и культура заговорила» (Советская Культура, 4 декабря 1986); «Двери сняты, песни спеты, / Счетчики отключены, / *Все картины, все портреты / Молча сняты со стены*» (В. Шефнер. Дом, предназначенный на слом) и др. Последние примеры заставляют думать, что *торопясь* и *спеша* в T₁ более деепричастны (т. е. более глагольны) чем *молча* или *не спеша*. Ср. также *не торопясь* и *немедля*.

⁵ Ср. воскрешение этого архаизма (по-видимому, в экспрессивных целях) у Набокова: «... тот самый Ракеев, который, олицетворяя собой подлую *торопь* правительства, умчал из столицы в посмертную ссылку гроб Пушкина...» (В. Набоков, Дар, IV).

⁶ Ср. сохраняющиеся до середины XIX в. архаические *попыхи* («Дыша любовию к согражданам своим / На их дурачества он <сатирик> жалуется им: / То укоризнами восстав на злодеянье / Его приводит он в благое содроганье, / То едкой силою забавного словца / Смиряет *попыхи* надутого глупца...») (Е. А. Баратынский. Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры, 1823). Ср. также *впотьмах* и архаическое *потьма* — *потьмы*: «Там причет критиков, пророков и жрецов / Каких-то невдомек сороковых годов, / Родоначалников литературной черни, / Которая везде, всплывая в час вечерний, / Когда светилу дня вослед *потьма* сойдет, — / Себя дает нам знать из плесени болот» (П. А. Вяземский. Литературная исповедь, 1854); «Там дремлют праздные умы, / Лепечут ветренные люди, / И свет их пуст, как пусты груди. / Бегу его *в твои потьмы*» (С. П. Шевырев. Ночь, 1829); «Здесь мысль, полна предания, смелей / *Потьмы* веков пронзает орлим оком» (С. П. Шевырев. Послание к А. С. Пушкину, 1830); «Но горе мне! Теперь стрелец нещадный / Охотится в туманных небесах, / И солнца лик чуть выглянет отрадный, / И уж спешит закутаться *в потьмах*» (П. А. Катенин. Три лирических отступления... II, 1832);

⁷ Следует заметить, что *в спешке*, совпадая с *второных* по основному значению, отличается от него большей широтой и свободой употребления:

1) Сохраняет возможность предметной интерпретации: *В спешке, с какой была проведена эта работа, я вижу проявление не энтузиазма, а неорганизованности.*

2) Допускает свободное замещение факультативных позиций согласованного и несогласованного определения: *в этой / такой / лихорадочной спешке; в спешке предотъездных сборов.*

3) Свободно входит в ряды однородных членов той же модели — с возможным опущением второго предлога: *в спешке и в суете / в спешке и суете; в суете и в спешке / в суете и спешке.*

Для *второных* и других наречий его группы подобное употребление исключается современной нормой, а единичные случаи такого рода в текстах прошлого века должны квалифицироваться как устаревшие. Ср.: «Еще не успел я докончить письма к вам, любезнейшие друзья, как лошади были впряжены и трактирщик пришел мне сказать, что через полчаса запрут городские ворота. Надобно было дописать письмо, расплатиться, укласть чемодан и приказать кое-что Илье. <...> *Удивляюсь еще, как я в таких тороных ничего не забыл в трактире*» (Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника, 1 июня 1789); «*Пишу тебе в великих тороных*, дабы успеть к ближайшей почте...» (М. А. Корф — Д. Н. Блудову, 11 сентября 1822 г.); «Павел отправился назад, но через четверть часа *вбежал в больших тороных*» (Н. Ф. Павлов. Ятаган, 1833). Ср. также: «Явился он, как всегда, некстати (sic!), когда *мы были в тороных последних сборов*» (М. М. Спе-

ранский — Н. В. Добронравову, 27 марта 1822 г.). «Я нашел его в поныхах и торопях экстренных сборов...» (Записки графа М. Д. Бутурлина, 1858). Ср. в этой связи попытку Б. Пастернака преодолеть жесткий запрет на введение степенного определения между этимологическими элементами этого наречия путем его наречной транспозиции (*в страшных торопях → страшно второпях): «Страшно второпях мне пришла в голову мысль послать вам конец романа...» (письмо В. Шаламову, 22 ноября 1955). «...пишу вам страшно второпях...» (письмо М. Н. Громову, 15 февраля 1957). Ср. еще: «Часу в десятом ночи любимый слуга деда вбежал к нему в страшных поныхах...» (С. Т. Славутинский. История моего деда); Ср. также: «...часто оставался я в совершенных потьмах...» (П. А. Вяземский. Из старой записной книжки); «Ежятся голуби под князьком крыши и встряхивают в студеных просонках мокрыми крыльями...» (Г. И. Успенский. Нравы Растеряевой улицы, V); «Она в сильных суетах, вся раскрасневшись, бегала от цветка к цветку» (П. Соболева. История Поли, VIII, 1866) и др. под. Ср. также к пункту 3): «В суетах / Поныхах / Де гарсон ан шемиз» (И. Мятлев. Петербургский праздник, 1841); «...но, право, в суетах и хлопотах не имел досуга кончить Луи Блана...» (А. Ф. Бригген — Е. П. Оболенскому, 22 сентября 1850); «Ладанки были так похожи, что в темноте и второпях не мог он отличить одну от другой» (Д. Мережковский. Воскресшие боги, 8, III); «Крикунов бегал по училищу в хлопотах и поныхах» (Ф. Сологуб. Тяжелые сны, 82).

⁸ Ср. также синонимичный *второпях* предположно-падежный оборот в *торопливости*: «Я из любопытства вошла за вами и когда хотела воротиться, то увидела, что в *торопливости* захлопнула за собою потаенную дверь и что мне невозможно выйти...» (А. К. Толстой. Упыри, 1841); «Мы успели проститься с Марией Александровной, бежавшей от веселого застолья. В *торопливости* она крепко пожала мне руку, очень смутилась при этом...» (Г. Семенов. Игра воображения). То же с распространителями: «Удивительно ли, что дядя Веры вдался в обман в тесноте театрального разезда, в *торопливости*, с какою обыкновенно садятся в поданную карету, боясь, чтобы ее не отогнали?...» (Е. А. Баратынский. Антикритика, 1831); «И страшное, кощунственное соединение в мыслях: богоматерь — и она, этот образ — и все то женское, что разбросала она тут в *безумной торопливости бегства...*» (И. А. Бунин. Жизнь Арсеньева, 5, XXIX); «Ножницы могли бы вывести его из затруднения. Но в *безумной торопливости*, с какою он перерыл все у нее <Лары> на туалетном столике, ножниц он не обнаружил...» (Б. Пастернак. Доктор Живаго, 12, 3); Ср. также: «Державин докладывал однажды императрице по какому-то очень важному делу и, по случаю сделанного ею возражения, до того забьлся в горячности своего объяснения, что осмелился схватить ее за конец мантильи...» (С. П. Жихарев. Дневник чиновника, 19 марта 1807).

⁹ Специально о субъектно-объектной ориентации наречий см. в работах [Пеньковский 1987; Пеньковский 1991-б].

¹⁰ Легко убедиться, что объектно-ориентированное использование *второ*ях и семантически близких к нему наречных оборотов со значением «состояния» является производным от обычного в старом литературном языке, но давно устаревшего личнопредикативного их употребления: *Я застал его в <больших / страшных / ужасных / предотъездных> поныхах / торопях / хлопотах <экстренных сборов>... ← Он был в <больших / страшных / ужасных / предотъездных> поныхах / торопях / хлопотах <экстренных сборов>... Ср.: «...старушка Савишна была в больших поныхах: Наденьку собирались представить в свет...» (В. А. Соллогуб. Большой свет, XI, 1840); «Савишна была в больших хлопотах...» (Там же); «Праздник на лицах у всех, от господ и до самых лакеев! / Целый дом впоныхах; так и видно, что праздник — не будни!» (М. А. Дмитриев. Угощение, 1847). «Иван Павлыч был в больших поныхах» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Жених) и «Целых полтора дня был в поныхах мелочных забот...» (Л. Н. Толстой — С. А. Толстой, 25 сентября 1867 г.) и т. п. Ср. также: «И вот настал уж день желанный представленья; / На сцене ты давно — в ужасных суетах...» (М. Н. Загоскин. Послание к Людмиле, 1823).*

¹¹ Аналогичный тип семантического развития представляет наречие *наскоро*, современное значение которого ‘кое-как, небрежно (из-за скорости и быстроты)’ (ср. также *на скорую руку*) восходит к полностью утраченными значениям: 1) ‘очень быстро, скоро’ и 2) ‘как можно скорее’, мотивируемым этимологической формой этого слова (на + Вин. п.), сохраняющей его в усилительных наречных удвоениях типа *мелко-намелко*, *крепко-накрепко*, *сухо-насухо*, *чисто-начисто* и т. п. и осложнившей его в одиночных наречиях этого типа целевым значением ‘так, чтобы было (очень мелко, крепко, сухо, чисто...’: *вытереть насухо*, *порубить намелко*, *завязать накрепко*... Из редчайших архаизмов ср.: «Пора домой, — вещал Эрмию / Ужасный рифмачам мертвец, — / Оставим наскоро Россию; / Бродить устал я наконец» (А. С. Пушкин. Тень Фонвизина, 1815), где *наскоро* (при инклюзивно-побудительной форме повелительного наклонения), несомненно, использовано в значении ‘как можно скорее’, а не «поспешно, торопливо», как предлагает понимать «Словарь языка Пушкина» (М., 1957. Т. II. С. 732). Ср. также: «Что думала она, снимая перья и бриллианты? Она бросила их с досадою на туалет, изорвала блонду и, *наскоро* закутавшись в мантию из темного gros-grain, упала в кресла...» (М. С. Жукова. Вечера на Карповке, I, 1837—1838); «Если в его записках окажется что-нибудь такое, что можно напечатать, то прикажи *наскоро* списать его...» (Н. В. Гоголь — С. П. Шевыреву, июль 1842); «Он писал очень скоро, так сказать *наскоро*...» (М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти, 1854); «Итак в оставлен-

ном Екатериною богатом славою магазине надобно было отыскать другое орудие для защиты отечества: послали *наскоро* в орловскую деревню за старым фельдмаршалом графом Каменским...» (Ф. Ф. Вигель. Записки. М., 2000. С. 202). Ср. также не фиксируемое нашими словарями просторечное *наскорях*.

¹² Ср. редчайшие примеры ненормативного обособления такого *второях* — обособления, свидетельствующего о ясном осознании пишущими его причинного значения: «Едва я успел схватить ружье, огромный дикий козел выскочил из кустов прямо против меня шагах в пятнадцати, поднял голову, осмотрелся и повернул в тыл. **Второях**, я не успел прицелиться, и выстрелил вдогонку...» (Ф. В. Булгарин. Воспоминания. М., 2001. С. 731); «На корабле, **второях**, адмирал забыл сына своего, а граф Федор Григорьевич друга своего, князя Козловского» (С. Н. Глинка. Записки, XI, 1830-е гг. // Золотой век Екатерины Великой. М., 1996. С. 146). «Дня 2 по получении Вашего последнего письма о Ренане у меня все было ясно, и жаль, что я тогда не написал того, что теперь, **второях**, как-то разбрелось клоками» (А. А. Фет — Л. Н. Толстому, 28 апреля 1878). — О наречиях причины и наречиях с причинным значением см. в работе [Пеньковский 1991-а].

¹³ О позиционных и акцентных средствах выражения и разграничения семантики наречий см. в специальной работе [Пеньковский 1977; Пеньковский 1991-в].

¹⁴ Сказанное проливает дополнительный свет на рассмотренные выше пассивные конструкции с *второях*, в которых, как в приведенном в [БАС] тургеневском «*Второях совершается торговая сделка*», невозможность замены *второях* семантически эквивалентными *торопясь*, *спеша* была объяснена жестким нормативным требованием субъектной кореференции глагольного и деепричастного действий. Дело, однако, обстоит сложнее, поскольку деепричастные заместители *второях* в такого рода контекстах вступают в противоречие не только с их грамматической структурой, но и с их целостной семантикой, которая не предполагает и не допускает ложно подсказываемой ими причинно-следственной интерпретации описываемых событий. Но ведь и само замещение здесь *второях* — и на том же самом основании! — противоречит современной норме и, как было показано, фактически полностью вытеснено наречными *торопливо*, *поспешно*. Понятно поэтому, что экспериментальная попытка обратной замены этих последних наречием *второях* неизбежно приводит к отрицательным результатам. Ср.: «Он <Дубровский-отец> *торопливо подбирал полы своего халата*, собираясь встать с кресел, приподнялся — и вдруг упал...» (А. С. Пушкин. Дубровский, IV, 1832); «Он <Базаров> прошелся по комнате, потом вдруг приблизился к ней

<Одинцовой>, *торопливо* сказал “процайте”, стиснул ей руку так, что она едва не вскрикнула, и вышел вон» (И. С. Тургенев. Отцы и дети, XVII, 1861); «Ибрагим, оставшись наедине, *поспешно* распечатал письмо. Графиня нежно ему жаловалась, упрекая его в притворстве...» (А. С. Пушкин. Арап Петра Великого, III, 1827); «...— Евгений Васильич, познакомьте меня с вашим... с ними... — Ситников, Кирсанов, — проворчал, не останавливаясь, Базаров. — Мне очень лестно, — начал Ситников, выступая боком, ухмыляясь и *поспешно* стаскивая свои уж чересчур элегантные перчатки...» (И. С. Тургенев. Отцы и дети, XII).

В этой связи можно было бы задаться вопросом о тонких семантических различиях между *торопливо*, *поспешно* и *спешно*, первое из которых скорее «физично» и даже иногда «физиологично» (*Она говорит торопливо <не поспешно!> и неразборчиво*), тогда как второе содержит скрытый «ментальный» элемент, связанный с «целеполаганием» и делающий невозможным его «неличное» употребление, открытое для *торопливо* (По небу *торопливо <не поспешно!>* бежали облака), частотность которого не случайно вдвое выше, чем у его синонима (32 : 13 по [Засорина 1977 : 715, 524]). Ср. объясняемый скорее всего версификационными условиями уникальный случай отступления от этой нормы у Баратынского: «*Идет поспешно день за днем.* / Гусару дева молодая / Уже покорствует во всем...» (Эда, 3, 1824—1825). «Целеполагание» в семантической структуре *поспешно* предполагает «расчет», который в условиях спешки может оказаться «ошибочным» или вообще отсутствовать. Отсюда нередкий, но не отмечаемый словарями семантический сдвиг: *поспешно* ‘быстро (для достижения определенной цели)’ → ‘опрометчиво’ («Я, кажется, даже начинал раскаиваться в том, что поступил так *поспешно*...» — Н. Ф. Бажин. Квартира № 15, IV, 1871), откуда далее предикативное его употребление: «*Было бы поспешно*, однако, сводить этот мотив к легкой бездумности...» (В. Э. Вацуро. «К вельможе» // Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. Л.: Наука, 1974. С. 205).

Что касается *спешно*, то в этом последнем, в отличие от *поспешно*, обнаруживается пресуппозиция «ограничения во времени» (‘быстро — к определенному сроку’). Ср. не соответствующее указанной семантической норме употребление *спешно* у Григоровича: «...раздался сильный стук в мою дверь; отворив ее, я увидел Некрасова с толстою книжкой в руках. — Григорович, — сказал он, *спешно* входя в комнату, — вчера умер наш знаменитый баснописец Крылов...» (Литературные воспоминания, VI, 1880—1890-е гг.); «При виде какой-нибудь слишком уж неблагоприятной выходки или скандала, что случалось нередко, он <граф Кушелев-Безбородко> *спешно* уходил в дальние комнаты...» (Там же, XV). Но все это — предмет специального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. М.: Наука, 1974.
- БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: ИАН, 1950—1965.
- Засорина 1977 — *Засорина Л. Н.* Частотный словарь русского языка. М.: Русский язык, 1977.
- МАС — Словарь русского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1981—1984.
- НСРЯ — Новый словарь русского языка. М.: Русский язык, 2001.
- Ож. — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1975.
- ОШ — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1997.
- Пеньковский 1977 — *Пеньковский А. Б.* Очерки по семантике русских наречий: Наречие *впервые* // Актуальные вопросы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1977.
- Пеньковский 1987 — *Пеньковский А. Б.* Категориальные признаки наречий и их отражение в словаре: Субъектно-объектная ориентация // Сочетание лингвистической и внелингвистической информации в автоматическом словаре. Ереван, 1987.
- Пеньковский 1988 — *Пеньковский А. Б.* Семантика наречия и ее отражение в словаре // Словарные категории. М.: Наука, 1988.
- Пеньковский 1990 — *Пеньковский А. Б.* Проблемы кодификации русских наречий // Культура русской речи: Тезисы I Всесоюзной конференции. Звенигород, 19 — 21 марта 1990. М.: Наука, 1990.
- Пеньковский 1991-а — *Пеньковский А. Б.* Наречия причины и наречия с причинным значением в русском языке // Современные проблемы русского языкознания. Горький, 1991.
- Пеньковский 1991-б — *Пеньковский А. Б.* Нормы наречного словоупотребления в ближней диахронии как база исследований грамматической и коннотативной семантики слова // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики: Всесоюзная научная конференция. Москва, 20—23 мая 1991 г. Ч. 2. М.: Наука, 1991.
- Пеньковский 1991-в — *Пеньковский А. Б.* Русские наречия: функции — семантика — позиции — акцентное выделение // Славистика. Индоевропестика. Ностратика: К 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо. М., 1991.
- СП — Словарь языка Пушкина. В 4 т. М., 1956—1961.
- СТРЯ — Современный толковый словарь русского языка. СПб., 2001.
- СЦРЯ — Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. СПб., 1867.
- Уш. — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940.

ОЧЕРКИ ПО СЕМАНТИКЕ РУССКИХ НАРЕЧИЙ:

Из наблюдений над становлением лексико-семантических норм наречий в сининимическом ряду «тайного» действия

Тайно и *втайне* — эти два члена одного из самых богатых в русском языке адвербиальных синонимических рядов, если судить по данным словарей, должны рассматриваться как абсолютные синонимы. Они, как правило, даются без ограничительных стилистических помет и тем самым оцениваются как стилистически нейтральные (в отличие, например, от разг. *втихомолку*, *тихонько*, от прост. *тишком*, *втихую* и др.); для них не устанавливается никаких различий в сочетаемостных возможностях; следовательно, они характеризуются тождеством своих валентных связей и дистрибутивных признаков.

Вполне тождественными, по материалам словарей, оказываются и их значения. Последние обычно либо вообще не эксплицируются — читателю надо выводить их самостоятельно из приводимых иллюстраций, либо выявляются через перекрестные отсылки от одного синонима к другим или другому; лишь в отдельных случаях дается перефразирующее их толкование. Ср., например: *Втайне* = «тайно, скрытно» [СЦРЯ 1867: I, 388], «тайно, скрытно, тайком» [Даль 1881: I, 272]; «скрытно, тайно» [Уш. 1935 : 1, 417]; «тайным образом, не обнаруживая себя» [Ож. 1975 : 99]; «см. *тайно*» [Александрова 1968 : 86]; «не обнаруживая, скрывая от других; тай-

но» [МАС 1985 : I, 239]; «тайным образом, не обнаруживая» [ОШ 1997 : 107]; «сохраняя в секрете, никак не обнаруживая, тайно» [НСРЯ 2000 : I, 236]. Ср.: «*Тайно* = 1. тайком, втайне, скрытно, келейно...» (Александрова 1968 : 532). Такова в общих чертах рисуемая словарями картина отношений между наречиями *тайно* и *втайне*.

Следует, однако, отметить, что многие члены рассматриваемого синонимического ряда вообще не приводятся словарями, а если и приводятся, то вне связи с рядом; другие не подвергаются необходимой лексикографической обработке. В их числе и наречие *тайно*, которое справедливо считается доминантой синонимического ряда [Александрова 1968 : 532; Евгеньева 1971 : 2, 531], используется в качестве отсыльно-толкующего слова при описании других его членов, но не выделяется большинством словарей (кроме БАС и «Словаря языка Пушкина») в отдельную словарную статью. Сходное положение и с наречиями *скрыто*, *скрытно*, *секретно*. Странным образом пропущено *втайне* в [Клюева 1961].

Иллюстративный материал, неизбежно крайне ограниченный в количественном отношении, уравнивая классические (XIX века) и современные тексты, не показывает живые — сложившиеся и действующие — нормы современного словоупотребления интересующих нас наречий; многие из примеров, приводимых словарями, воспринимаются как противоречащие современной норме или по крайней мере как не вполне соответствующие ей. Так, из четырех цитат, иллюстрирующих в БАС [1951 : 2, 901] значение и употребление *втайне*, лишь одна соответствует современной интуитивно осознаваемой норме: «*Втайне* Фирсов желал, чтобы путешествие длилось бесконечно» (Л. Леонов. Вор); три же другие задевают внимание читателя и заставляют остановиться для размышления: 1) «Я полагал помочь этому человеку не иначе, как *втайне*, не выставляясь и не горячась, не ожидая похвал, ни объятий его» (Ф. М. Достоевский. Подросток); 2) «И хотя он подчас болтун и рассеянная голова, но, если обязать его словом настоящего римлянина, он сохранит все *втайне*» (Н. В. Гоголь. Рим); 3) «Между ними завелась переписка. Почтовая контора учреждена была в дупле старого дуба. Настя *втайне* исправляла должность почталиона» (А. С. Пушкин. Барышня-крестьянка).

Кажется очевидным, что в крайних (1-м и 3-м) примерах по современной норме необходимо или хотя бы предпочтительно упот-

ребление другого наречия — *тайно*: *помочь тайно*; *тайно исправила должность почтальона*. Ср.: «Я хотела бы хоть *тайно* помогать вам» (Ф. Кнорре. Чужая); «Татары *тайно* помогали разинцам» (В. Шукшин. Я пришел дать вам волю) и т. п. Что касается второго примера, то его использование в словарной статье явно неудачно, поскольку гоголевское *втайне* — не наречие, а наречное сочетание существительного с предлогом в составе несвободного, фразеологизованного оборота *хранить (держат, оставляют) в тайне*, ср.: «Отречение Константина *держали в тайне*» (М. В. Нечкина. Декабристы); «И эти действия *оставались в тайне*» (Литературная газета, 8 сентября 1976) и т. п. Ср. параллельные сочетания типа *хранить (держат, оставляют, оставаться) в секрете* — при возможности введения в те и другие факультативных подчеркивающе-усилительных определений: *хранить в полном (совершенном, глубоком, строгом) секрете, хранить в полной (совершенной, абсолютной, предельной, глубокой, строгой) тайне*; отсюда современное нормативное раздельное написание *в тайне*¹.

Сказанное позволяет выдвинуть предположение, что за последние 100 — 75 лет средства выражения, используемые литературным языком для обозначения «тайного действия» (соответственно «тайного признака»), пережили некоторые более или менее значительные изменения, не отмеченные лексикографией или, во всяком случае, не получившие достаточно четкого отражения в словарях. Для проверки этой гипотезы была предпринята сплошная выборка фактического материала из всей литературы, входившей в круг чтения автора. Таким образом, за 18 лет (1961—1979) сложилась картотека, в которой получили отражение следующие словоупотребления:

Наречные выражения и	Свыше 50, с вариантами
Наречия	свыше 100
всего словоупотреблений	4363
в том числе:	
<i>тайно</i>	1092
<i>втайне</i>	668
<i>тайком</i>	1067
<i>скрытно</i>	102
<i>скрыто</i>	—

<i>подспудно</i>	—
<i>неявно</i>	94
прочие	1340
приадвербиальные слова	544
в том числе:	
Глаголы	528
Имена	16

Материал картотеки охватывает более чем двухсотлетний период истории русского литературного языка (древнерусские и современные диалектные данные в подсчеты не включены), обеспечивая достаточно надежное и статистически достоверное установление закономерности происшедших — и происходящих — здесь изменений, определение действительных, живых, фактически утвердившихся, но не кодифицированных, и утверждающихся норм употребления наречий синонимического ряда.

Осколок обширного дублетного ряда (ср. др.-рус. *таи* — *вътаи* — *отаи* — *таино* — *вътаино* — *таинѣ* — *вътаинѣ* — *вътаиность* — *вътаиности*...), наречная пара *тайно* — *втайне* сохраняла отношения абсолютной синонимии еще в литературном языке XVIII — нач. XIX в. Начавшаяся дифференциация ее членов, вызванная активной тенденцией к устранению дублетных пар, осуществлялась на основе семантически обусловленной дистрибуции, превращая эту пару в привативную оппозицию с немаркированным первым и маркированным вторым членами. Наречие *тайно* сохраняло при этом полную свободу употребления, тогда как его бывший дублет *втайне* все более замыкался в кругу глаголов и прилагательных, обозначающих внутренний признак субъекта: «внутреннее», «ментальное» действие-состояние, ср.: *втайне беспокоиться, бояться, верить, возмущаться, восхищаться, гордиться, горевать, давать (себе) слово, дивиться, думать, желать, желать, завидовать, замирать, замышлять, кипеть от негодования, ликовать, любить, мечтать, молить, мыслить, ненавидеть, обещать (себе), обожать, печалиться, радоваться, скучать, тосковать, убиваться и т. п.*; ср. также: *втайне быть благодарным, грустным, несчастным, счастливым* и т. п.

Есть все основания считать это ограничение фактической нормой современного литературного языка, рассматривая употребле-

ние *втайне* при глаголах внешнего, механического действия как противоречащее этой норме. Вполне обычные в прошлом случаи такого рода встречаются в настоящее время либо как примета индивидуально-авторского архаического или архаизирующего словоупотребления ², либо как своего рода поэтическая вольность ³, либо, наконец, как единичные lapsi linguae автора, избежавшие правки: «Эти исследования ведутся *втайне* врачами, не желающими подчиняться международным правилам» (Литературная газета, 17 сентября 1971); «...съезды КПК и сессии ВСНП созываются *втайне*» (Комсомольская правда, 18 января 1978); «[Президент] вручил платформу для переговоров с Советским Союзом, *втайне* сформулированную Советом национальной безопасности и не обсуждавшуюся правительством...» (А. Овчаренко. Размышляющая Америка) и др. под.

Современная несочетаемость *втайне* с глаголами «внешнего» действия свидетельствует о том, что значение ‘тайно’, несмотря на безусловную выделимость корня, отступило в этом слове на второй план, заслоненное другим значением — ‘внутри’; последнее, принадлежа этимологической форме *в-...-е*, синтагматически актуализовалось под воздействием подчиняющих глаголов и имен внутреннего действия-признака ⁴. Отсюда закономерное вхождение этого наречия в обособляющийся от *тайно* синонимический ряд, возглавляемый наречием *внутренне* (ср. устаревающее *внутренно* и устар. *внутри* ⁵): *в душе* (ср. также устар. *в духе* ⁶), *в мыслях*, *мысленно*, *в уме*, *про себя* (устар. *в себе* ⁷) и др. Ср. здесь также развернутые обороты *в глубине* (*тайнике*, *тайниках*, *недрах*, *тайных закоулках*, *подвалах*, *пространствах* и т. п.) *души* ⁸ (*сердца*, *сознания*, *существа*) и др. Вот некоторые показательные сопоставления.

Втайне — *внутренне* (*внутренно*): «Нежданов *внутренно* пошел на самохвальству г-на Кислякова, сколько честно-добродушию Маркелова...» (И. С. Тургенев. *Новь*, XVII) — «Он злился на всех и *втайне* удивлялся: как они не видят и не понимают...» (В. Шукшин. *Беспалый*).

Втайне — *в душе*: «Роман *в душе* был благодарен отцу» (К. Седых. *Даурия*, II, 10) — «Она *втайне* была благодарна Борису» (Г. Семенов. *Голубой дым*); «Денисов говорил пренебрежительно о всем этом деле, но *в душе* (*скрывая это от других*) боялся суда и

мучился этим делом» (Л. Н. Толстой. Война и мир) — «*Втайне* боюсь, что, выехав раньше времени, я потеряю право на отличие...» (А. Яшин. Из дневников военных лет).

Втайне — *в мыслях*: «...*в мыслях* она не раз уже давала себе слово забыть о нем» (Р. Ребан. Танцы на мосту) — «Он тосковал и *втайне* давал себе слово во что бы то ни стало быть там...» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Благонамеренные речи).

Втайне — *мысленно*: «Проклиная *мысленно* эту ночь и ненастье, он ошупью отыскал лужу» (В. Богомолов. В августе сорок четвертого) — «...он не раз уже *втайне* проклинал себя, что согласился ввязаться в это дело» (В. Добровольский. За неделю до отпуска).

Втайне — *про себя*: «Он заводит знакомство с Магнусом и, *про себя* издеваясь над ним, смиренно выслушивает его наставления...» (Комсомольская правда, 12 января 1978) — «...подтрунивали над бедным автором, *втайне* издевались над ним» (Ю. Трифонов. Долгое прощание); «*Про себя*, т. е. в самом нутре души, я считал, что иначе и поступить нельзя» (Ф. М. Достоевский. Подросток) — «Он *втайне* считал ее недалекой, узкой, неизящной» (А. П. Чехов. Дама с собачкой).

Как свидетельствуют приведенные примеры, *втайне* в современном литературном языке функционирует в качестве универсального показателя внутреннего действия-признака, принадлежащего ментальной сфере субъекта и замкнутого в ней. Будучи маркой ментальности по отношению к *тайно*, *втайне* оказывается немаркированным по отношению к другим членам своего ряда, употребление которых, хотя и нежестко, прикреплено к определенным в стилистическом плане контекстам и к определенным семантическим группам ментальных глаголов. Так, несущее легкий налет разговорности *про себя* и книжные *мысленно* и *в мыслях* явно тяготеют к глаголам мысли и внутренней речи ⁹, тогда как разговорное *в душе* и не изжившее еще былой книжности *внутренне* употребляются преимущественно с глаголами чувства.

Отражая объективное единство и слитность мысли, *слова-речи* и чувства, соответствующие группы глаголов взаимодействуют друг с другом, а границы между ними внутри единой семантической сферы ментальности оказываются неопределенными, диффузно размытыми; тем не менее в своих крайних точках они различаются достаточно определенно и четко. Ср., например, очевидную и не

вызывающую сомнений неотмеченность сочетаний типа *мысленно // в мыслях — бояться, волноваться, скучать, тосковать, тревожиться и т. п. или *в душе — думать, предполагать, расчитывать и т. п. *Втайне* свободно от этих ограничений.

Сказанное позволяет понять характер противопоставления *втайне* и *тайно* при ментальных глаголах. Если *втайне* обозначает тайное, являющееся тайным, поскольку оно внутреннее, естественно замкнутое в ментальной сфере субъекта и не выходящее вовне, то *тайно* — это намеренно утаиваемое, скрываемое, не выпускаемое вовне. *Тайно*, таким образом, имплицитно каузативно значащее 'так, чтобы об этом не знали', подчеркивая то, что наречия ряда *втайне*, *внутренне* оставляют в тени. Так, если исходить из фактически нормативного для современного русского языка *думать втайне* (ср.: «Значит, в будущем меня ждет счастье, — так *втайне* думал я» — В. Шефнер. Сестра печали; «Он *думал втайне*, что и сам мог бы жениться на этой девушке Любе...» — А. Платонов. Река Потудань), то в следующем единственном отмеченном нами случае: «Недаром местный парень Борис, которым любитесь Шурочка и о котором *тайно* думает, что вот, наверное, только с ним и можно быть спокойной...» (Наш современник. 1976. № 7. С. 175) — употребление *тайно* приходится квалифицировать как неоправданное отклонение от нормы.

На этом фоне особенно ярко выделяется также единичный пример подчеркивающего — и потому совершенно оправданного — использования *тайно* при глаголе *думать*: «Ты живи просто и честно, как я живу, а *тайно* ничего не думай!..» (А. Платонов. Юшка). Необходимость такого подчеркивания возникает, однако, нечасто, и потому *тайно*, как показывают факты его современного употребления, сочетается лишь с немногими глаголами внутреннего действия: это глаголы *ликовать*, *любить*, *любоваться*, *ненавидеть*, *презирать*, *радоваться*, *ревновать*, *торжествовать* и под., поскольку они обозначают действия, которые, будучи в н у т р е н н и м и, могут иметь более или менее яркие в н е ш н и е проявления (во взгляде, мимике, жестах, телодвижениях и т. п.), требующие утаивания, ср.: «Она сидела, поджав коленки к подбородку, в соседнем купе среди картежников, *тайно* доверяясь мне взглядом, как бы выделяя меня среди прочих» (В. Лихоносов. Тоска-кручина); «...зорко и цепко обежал его всего инженер, *тайно* лю-

буясь его молодой силой» (А. Проханов. Полина)¹⁰; «...Она опустила глаза и, *тайно* торжествуя, сказала...» (М. Колосов. Время надежд) и т. д. В остальных случаях (если пренебречь проявлениями индивидуально-авторского пристрастия к *тайно*¹¹) обнаруживается явная тенденция к выведению этого наречия из круга сочетаний с глаголами внутреннего действия.

Тенденция эта в настоящее время настолько сильна, что подчеркивание в указанном выше смысле — как изнутри плана содержания идущий семантический импульс — оказывается недостаточным обоснованием для употребления *тайно* при ментальных глаголах. Как показывают наши материалы, *тайно* в таких случаях ищет себе опоры также и в плане выражения, используя в этом качестве другие наречные определители на *-о*, в объединении с которыми ему обеспечивается контекстуальная поддержка и синтагматическое оправдание, ср., например: «Борис *втайне* обожал князя» (А. И. Куприн. Мясо) — «*Тайно, преданно* и *безраздельно* обожал он Дунечку» (Б. Евгеньев. Московская мозаика); «Идея была вовсе не так наивна. Более того, она *втайне* нравилась Василию Петровичу» (В. Катаев. Хуторок в степи, XXXVI) — «Сонечка нравилась *тайно, глубоко*» (Ю. Трифонов. Нетерпение). Ср. также: *втайне любить* (52)¹² — «любил ее *тайно* и *страстно*» (Н. Верещагин. Роднички), «*тайно* и *мучительно* любящего Лушку» (Нева. 1975. № 1. С. 194), «*тайно* и *глубоко* любил ее» (В. Николаев. Разлука); *втайне желать* (23) — «*тайно* и *страстно* желал ее» (П. Проскурин. Судьба), «*тайно* и *глубоко* желал» (Н. Почивалин. Среди долины ровныя); *втайне надеяться* (19) — «*тайно* и *безрассудно* надеясь» (И. Глебов. Глубокие корни); *втайне мечтать* (18) — «*тайно* и *бесплодно* мечтала о нем» (Ю. Убогий. Дом у оврага); *втайне завидовать* (14) — «*тайно* и *злобно* завидовали ему» (Е. Карташов. На перевале)¹³; *втайне гордиться* (12) — «*тайно* и *самоуверенно* гордится» (Е. Сурков. Морской патруль) и др.¹⁴

Обширному массиву фактов, выявляющих указанный тип отношений между *тайно* и *втайне*, противостоит регулярное употребление *тайно* в сочетании с *влюблен(а) в кого-либо*; ср., например: «Я в каждого *тайно* влюблен» (О. Мандельштам. «Из омута злого и вязкого...»); «...поэма, посвященная девушке, с которой он знаком не был, но был *тайно* в нее влюблен» (В. Гиляровский. Ляпин-

цы); «Он был *тайно* влюблен в Киру» (В. Лидин. На даче); «...он *тайно* влюблен в Иру Соколову» (Ю. Нагибин — Учительская газета, 11 апреля 1978) и др.

Можно думать, что последовательный выбор *тайно* вместо *втайне* для этой конструкции — независимо от того, насколько существен здесь фактор подчеркивания, — вызывается тенденцией к устранению интуитивно оцениваемого как нежелательное повторения приставочно-предложного *в*¹⁵.

Подчеркивающее внешние аспекты внутреннего действия употребление *тайно* с ментальными глаголами, ограниченное особыми условиями и требующее поддержки со стороны ряда специальных факторов, только укрепляет нормализующееся противопоставление наречий *тайно* и *втайне*, которые все более последовательно расходятся, закрепляясь каждое за своей особой глагольной группой. Ярким проявлением этого оказывается диагностическая способность наречий *тайно* и *втайне* разграничивать конкретно-физические и ментальные значения одного и того же глагола, ср.: «Со всем недавно Анатолий Данилович привозил ему погремушки и ползунки. Теперь возит фирменные джинсы, *тайно* примеряя их на себя...» (Э. Шим. История о монетке) — «...*втайне* примерял на себя профессию ландшафтного архитектора» (В. Лазарев. Всем миром); «Опасаясь преследований, они *тайно* сжигали свои рукописи» (И. Григулевич. Костры инквизиции) — «*Втайне* наемники ежедневно и ежечасно сжигали то, чему на виду поклонялись» (М. Касвинов. Двадцать три ступени вниз).

Ср. также: 1) *вздохать* ‘испускать вздохи’ — *тайно вздохать* и 2) *вздохать* ‘быть влюбленным, питать нежные чувства’ — *втайне вздохать* (о ком, по ком); 1) *ждать* ‘рассчитывать на появление кого-либо, совершение чего-либо’ — *втайне ждать* и 2) *ждать* ‘находиться в физическом состоянии ожидания кого-либо, чего-либо’ — *тайно ждать*; 1) *замышлять* ‘задумывать сделать что-либо’ — *втайне замышлять* и 2) *замышлять* ‘обсуждать какой-либо замысел в узком кругу посвященных’ — *тайно замышлять*; 1) *искать* ‘стараться найти, обнаружить кого-либо, что-либо’ — *тайно искать* и 2) *искать* ‘добиваться чего-либо, стремиться к чему-либо, хотеть чего-либо’ — *втайне искать*; 1) *решишь* ‘принять мысленное решение’ — *втайне решишь* и 2) *решишь* ‘договориться о решении, принять решение совместно с кем-либо’ — *тайно*

решишь и т. п. Широта и последовательность такого разграничения¹⁶ свидетельствуют о том, что привативная оппозиция *тайно* — *втайне* в современном литературном языке преобразуется — уже по существу преобразовалась — в оппозицию эквиполентного типа.

Это изменение неизбежно сказывается на всем лексико-семантическом поле показателей «тайности», вносит в него новый важный принцип внутренней организации, увеличивает степень его упорядоченности и создает новые действенные стимулы дальнейшего движения в этом направлении:

1. Дементализация *тайно*, т. е. установление запрета на сочетание этого наречия с глаголами ментальной группы, завершает формирование ментальной семантики наречия *втайне* и тем самым упрочивает положение последнего в качестве новой доминанты синонимического ряда *внутренне*.

В связи с этим возникает тенденция к освобождению *втайне* от управления отложительным членом с предлогом *от* (*втайне от кого-либо*) как яркого признака, по которому противопоставлены ряды *тайно* и *внутренне*, ср.: тайно от...; тайком от...; скрыто от...; скрытно от...; тихонько / потихоньку от...; втихомолку от...; по секрету от... и т. д., но не *внутренне от...; *мысленно от...; *в душе от...; *про себя от... и т. д. Семантика отложительного члена вступает здесь в противоречие с новой (ментальной) семантикой управляющего *втайне*, и сочетания типа «*втайне от* + род. п.», вполне обычные еще в недавнем прошлом, выходят из употребления. Спонтанный отбор устраняет их как непригодные: в конструкциях с ментальными глаголами — из-за отложительного члена, в конструкциях с глаголами внешнего действия — из-за *втайне*. Вот почему в современном материале первые вообще уже отсутствуют, а вторые представлены единичными примерами, например: «В этом, наверное, была повинна мать-сибирячка, *втайне от* поселка жившая с неким Спыхальским...» (В. Липатов. Повесть без названия); «*Втайне от* него она позвонила Маре» (Ю. Трифонов. Другая жизнь); «Там он *втайне от* архимандрита призвал к себе келаря» (Р. Скрынников. Иван Грозный).

Во всех таких случаях противоречие между *втайне*, отложительным членом и глаголом создает семантическую напряженность. Отсюда — поскольку совместной силы отложительного члена и глагола внешнего действия оказывается недостаточно, чтобы

нейтрализовать ментальность *втайне*, — отражающиеся в орфографических колебаниях попытки вернуть ментальному члену былое значение «утаивания», интерпретируя его как наречное сочетание с незамещенной позицией согласованного определения: *втайне* > в ... *тайне*. Ср.: «...ночами, *втайне* от соседских глаз зарывали в землю самое дорогое...» (Г. Бакланов. Июль 41-го); «...надо было поверить в самую возможность, что Виктор сделал что-то *втайне* от него» (Он же. Друзья) — «Они приняли это решение сами, *в тайне* от учителя (Он же. Имена на обелиске). Ср. еще: «Я все же добилась *в тайне* от Миши встречи с одним из его врачей» (Нева. 1975. № 6. С. 123).

2. Формирование новой семантики *тайно* 'о физическом действии лица: так, чтобы об этом не знали', завершая ментализацию *втайне*, создает новое семантическое основание их объединения — лично-субъектное — и тем самым закладывает основу еще одной семантической оппозиции: «лично-субъектное — предметное», воплощение которой составляет сущность ряда процессов, активно перестраивающих лексико-семантическое поле «тайности» в литературном языке последних десятилетий.

Главное здесь заключается в том, что поле «тайности» расчленивается на лично-субъектную и предметную сферы, и в соответствии с этим осуществляется отбор и отработка специализированных средств выражения «тайности» действий-процессов неличного, предметного мира. Сокращая тем самым сферу своего былого употребления, *тайно* уступает место наречиям *скрыто* и *подспудно* (ср. также пропущенное словарями *неявно*), которые в полной мере удовлетворяют новым семантическим требованиям, так как в их значении отсутствует оттенок намеренности — утаивания; ср.: «На земле пока все спокойно, но в неведомых ее глубинах *скрыто* зреют силы новых грядущих катаклизмов» (В. Назаренко. На далекой станции); «Подземные реки *скрыто* несут свои воды в океан...» (Наука и жизнь. 1965. № 10); «...во всем чувствовалось *скрыто* копившееся напряжение» (Е. Носов. Увятские шлемоносцы); «Роман Булгарина заставил обнаружиться процессы, шедшие *подспудно* в литературном и социальном сознании общества» (В. Э. Вацуро. Пушкин и проблемы бытописания); «Искусство в течение веков *подспудно*, но упорно и настойчиво оттачивало свое высокое призвание» (Вопросы литературы. 1978. № 12); «Быть мо-

жет, тут *подспудно* влиял на меня пробуждающийся интерес к другому полу...» (В. Шефнер. Имя для птицы) и т. д. Ср. также: «... натуралистическое движение протекало на русской почве *неявно, скрыто*, не оформившись в качестве «школы или направления» (Вопросы литературы. 1979. № 7).

Во всех подобных случаях употребление *тайно* отнюдь не является еще запретным. Оно встречается, хотя и единично, у многих современных авторов. Однако почти всегда такое *тайно* вызывает смутное ощущение неловкости, неточности, несовершенства, ср.: «Грунтовые воды *тайно* разносят щелочи, мазут» (И. Шкляревский. Тень птицы); «А может быть что-то *тайно* связывает образ любимой князем русалки с образом Элизы...» (Т. Цявловская. «Храни меня, мой талисман...») и др. Размышления над такого рода фактами, очевидно, должны привести к осознанию того, что выбор *тайно* — вместо более предпочтительного *скрыто* — не совсем удачен: обычное и правильное для неличной сферы в недавнем прошлом, сегодня оно занимает здесь чужое место и потому требует либо замены, либо способной оправдать его реинтерпретации. Но это та же ситуация, которая сложилась ранее для *тайно* в сочетаниях с ментальными глаголами. Там, как мы видели, *тайно* вытеснялось «внутренним» *втайне* или же сохранялось, осмысляемое как показатель намеренного утаивания внешних проявлений внутриличностного ментального действия. Здесь — на следующем этапе развития — *тайно* замещается «предметными» *скрыто, подспудно, неявно*, а его сохранение может быть обосновано осмыслением в плане вторичной метафоризации. Становясь для предметной, неличной сферы «чужим», *тайно* может реабилитировать себя в ней как метафорическое «свое».

Именно на метафорической основе держится и может быть понято обычное употребление *тайно* в предложениях, сообщающих о процессах внутреннего мира человека, с подлежащими — номинализациями предметов психического мира и предикатами, которые, моделируя внутренний мир человека по образцу внешнего, материального мира, используют физическую лексику переносно, во вторичных (метафорических) смыслах (ср.: [Арутюнова 1976: 95]): «Моя душа не смеет и не может / Излиться в жалобе своей, / Хотя ее томлень *тайно* гложет...» (Н. Щербина. Подражание); «... что-то горькое, не то скука, не то злость, — *тайно* забралось в

самую глубь его существа) (И. С. Тургенев. *Новь*, 1, VII); «Что-то *тайно* шевельнулось в его сердце...» (И. С. Тургенев. *Дым*); «... отвести на чем-нибудь свою варварскую душу, в которой в обычное время *тайно* дремала старинная, родовая кровожадность...» (А. И. Куприн. *Поединок*); «Осуществленные желания как бы гасят сами себя в нашей памяти, а неосуществленные продолжают жить и *тайно* обогащают нас» (В. Шефнер. *Имя для птицы*) и т. п.

Как показывают эти примеры, метафоризация *тайно* имеет несомненно контекстуальный характер и, обусловленная метафорическим сдвигом управляющего глагольного слова, связана с такими, находящимися на границе лексики и грамматики, компонентами значения этого наречия и всего глагольно-наречного комплекса в целом, как «активное», «лично-одушевленное» в противопоставлении «пассивному», «предметно-неодушевленному». Отсюда уже в семантике самого *тайно* — значение «намеренно» утаиваемого в противопоставлении «естественно» скрытому. Осознание этого не только достигается путем специального анализа, но доступно и непосредственному языковому чувству. Ср., например, такой случай, где метафорическое употребление *тайно* на «чужом» месте сознательно обозначено метафорическими кавычками: «Одни силы общественного развития бурлят у самой поверхности, видны всем, самоочевидны, другие “*тайно*” подрывают берега в глуби» (А. Лебедев. Чаадаев. М., 1964. С. 105).

Если *тайно*, таким образом, используется в чужой ему предметной сфере как дополнительное средство очеловечения или — шире — одушевления процессов предметного мира, то обслуживающие предметную сферу *скрыто* и *подспудно*, функционируя в чуждой им личной сфере, позволяют дать объективное описание ментальных состояний человека как естественных, природных, внутренних процессов, не имеющих внешнего выражения, но открытых пронизательному наблюдателю, ср.: «... миллионы людей в тылу и на фронтах *скрыто* и явно уже чувствовали на себе сущность империализма» (А. Платонов. *Навстречу людям*); «Ильинична, *скрыто* недолголюбивавшая старшую сноху <...> привязалась к Наталье с первых же дней» (М. А. Шолохов. *Тихий Дон*, II, 3); «*Скрыто* волнуясь, он не сразу смог начать свою речь...» (В. Коренев. *Новые заботы*); «*Подспудно* пугаясь этого, она пыталась заглушить свой страх голосом» (Л. Фролов. *Полежаевские ягоды*); «Ткачевы

<...> *подспудно* ожидали, что к ним придут и будут ходить по комнатам в темном...» (В. Маканин. Полоса обменов) и т. д. Ср. также в сочетании с прилагательным: «...графиня, как и многие варшавские дамы <...> была чрезвычайно стройна, *скрыто* нежна» (В. Гусев. Легенда о синем гусаре).

Во всех этих случаях (кроме первого — с поддерживающим *явно*) *скрыто* и *подспудно* могут быть заменены наречиями ментального ряда *втайне*, на месте которых они здесь выступают и с которыми они объединяются общностью всех основных компонентов семантической структуры ('внутренне', 'пассивно', 'не выявляясь вовне'). Именно поэтому они фактически не используются при глаголах внешнего, физического действия, ср.: *тайно* (не *скрыто, не *подспудно) *встречаться*, *грузить* (судно), *демонтировать* (завод), *жить*, *закладывать* (фундамент здания), *истязать*, *казнить*, *лечить*, *обзаводиться* (оружием), *переписывать*, *покупать*, *реставрировать*, *сопровождать*, *торговать*, *участвовать* (в операции), *хоронить*, *читать* и т. п. Эта закономерность действует и в соотносительных словосочетаниях атрибутивного типа: *тайно* (не *скрыто, *подспудно) *встречаться* — *тайные* (не *скрытые, *подспудные) *встречи*.

При семантической двойственности отглагольного или соотносительного с глаголом имени определение *скрытый* диагностирует ментальное, а не физическое его значение: *скрытые поиски... решения, выхода из положения* и т. п., а не *нужного человека, **подходящей квартиры* и т. п. Напротив, невозможность понимать отглагольное имя в ментальном смысле требует либо замены *скрытый* на *тайный* (*тайные поиски квартиры*), либо реинтерпретации прилагательного как причастия с экспликацией позиций, соответствующих его глагольным валентностям (*скрытые им от меня поиски квартиры*). Ср. в этой связи оборот «*скрыто от* + род. п.», который — поскольку наречие *скрыто* непосредственно с причастием не соотносится — также оказывается некорректным; ср. единственный в нашем материале пример: «...та, поняв ее взгляд, *скрыто* от мамы покачала головой» (М. Горбунов. Долгая нива).

Что касается противопоставления *скрыто*, *подспудно* — *втайне* по признаку «предметное — личное», то оно здесь, как может показаться на первый взгляд, ничем и никак себя не обнаруживает. *Скрыто* и *подспудно* в приведенных выше примерах не восприни-

маются как метафоры из иной семантической сферы, и можно было бы думать, что «предметность» вообще не входит в структуру их значения, а лишь, как тень, отбрасывается на них управляющими глаголами внутренних процессов предметного мира. В таком случае соотношение *скрыто*, *подспудно* — *втайне* следовало бы интерпретировать как привативную оппозицию с немаркированными (о любом внутреннем процессе) *скрыто*, *подспудно* и маркированным *втайне* (только о процессах во внутренней, ментальной сфере лица). Такое понимание, однако, упрощает действительные отношения между этими тремя наречиями, и упрощает их именно потому, что пренебрегает «предметностью» *скрыто* и *подспудно* как только контекстуальным, позиционно обусловленным признаком. По крайней мере в части случаев, иллюстрирующих употребление *скрыто* и *подспудно* в предложениях с субъектом — именем лица (см. выше), они обозначают не только ‘внутренне’, ‘не выявляя вовне’, но и ‘не осознавая этого’, ‘не отдавая себе в этом отчета’, ср.: *скрыто* чувствовать, *скрыто* волноваться, *скрыто* ревновать, *подспудно* ожидать, которые следует читать как *втайне* чувствовать, волноваться, ревновать, ожидать... не осознавая этого, не отдавая себе в этом отчета. Ср. также пример развернутого выражения указанного значения: «Сам того не сознавая, он *внутренне* готовил себя к этому последнему испытанию...» (В. Андреев. В последние дни лета).

Это значение «неосознаваемости» внутреннего действия-состояния его субъектом-носителем — семантическая реальность, возникающая в результате «метафоризации предметности» наречий *скрыто* и *подспудно* при их переносе в личную сферу и определяющая специфические ограничения, которые накладываются на употребление их в предложениях лично-субъектного типа. Поскольку не всякое внутреннее, ментальное действие-состояние лица может мыслиться в норме как неосознаваемое, наречия *скрыто* и *подспудно*, свободно сочетаясь с глаголами чувства и разного рода душевных и эмоциональных движений, не употребляются при глаголах мысли и внутренней речи. Ср. в связи с этим показательное отсутствие в материале сочетаний *скрыто (*подспудно) думать, мечтать, предполагать, размышлять, говорить себе, давать себе слово, обещать себе, поклясться и т. п., которым соответствуют нормативные сочетания с *втайне* и другими наречиями его ряда.

Другое ограничение оказывается более сложным. Поскольку *скрыто* и *подспудно* используются как показатели внутреннего действия, скрытого от сознания его субъекта-носителя, но открытого внешнему наблюдателю — субъекту речи, эти два субъекта в норме должны быть разведены, а если и совмещаются, то лишь при передаче ретроспективного самоанализа (ср., например: «Теперь я понимаю, что уже тогда *скрыто* завидовала брату»). Понятно поэтому, что вне такой специальной ситуации *скрыто* и *подспудно* выступают лишь в предложениях с не-Я-субъектом.

Таким образом, можно утверждать, что (как и в случае с *тайно* — *втайне*) в соотношениях *скрыто*, *подспудно* — *тайно* и *скрыто*, *подспудно* — *втайне* действует тенденция к двусторонней специализации, преобразующая их в оппозиции эквиполентного типа. Для пары *тайно* — *втайне*, прошедшей в литературном языке длительный путь развития, эта тенденция, как мы видели, по существу уже воплощена в фактически сложившихся нормах словоупотребления, отработанных до уровня, на котором возможна их кодификация. Для двух других пар та же тенденция только намечена: более четко — в первой паре (*скрыто*, *подспудно* — *тайно*), менее четко — во второй (*скрыто*, *подспудно* — *втайне*), но уже и это показательно и важно, так как говорит о ее актуальности и жизненной силе. Следует поэтому особенно подчеркнуть, что тенденция к специализации наречий *скрыто*, *подспудно*, *неявно* в качестве показателей «тайности» неличного, предметного мира пробивает себе дорогу, несмотря на то что они не получили еще в литературном языке сколько-нибудь широкого распространения.

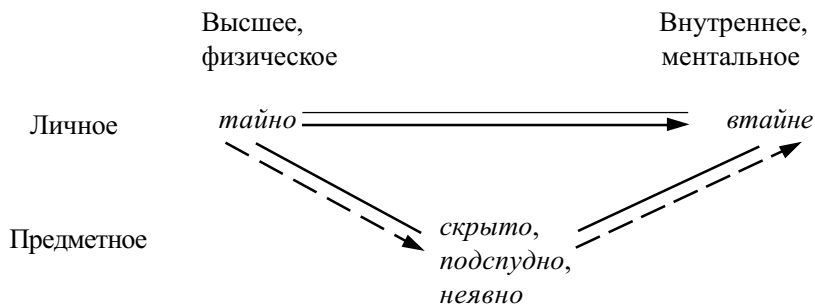
Привязанные в основном к научным и публицистическим вариантам книжно-письменного языка, последние крайне ограничены по количественному употреблению. Показательно, что, по данным нашей картотеки, суммарная частота *скрыто*, *подспудно*, *неявно* в 7 раз меньше, чем у их личностного коррелята *втайне*. Ср. отражение этого факта в «Частотном словаре русского языка», где *втайне* имеет показатель 3 (ср.: *внутренне* — 4, *тайно* — 13), а *скрыто* и *подспудно*, имея частоту ниже пороговой, вообще отсутствуют [Засорина 1977]. Что касается *неявно*, то оно вообще не имеет никаких словарных фиксаций. Его не заметили ни «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» (М., 2000), ни новейший «Современный толковый словарь русского языка» (СПб.,

2001). Это заставляет предполагать, что все три наречия (*скрыто*, *подспудно* и *неявно*) являются поздними производными соответствующих прилагательных и лишь сравнительно недавно вошли в литературный язык. Знаменательно в этом плане их отсутствие в языке Пушкина, как и в более позднюю эпоху (в словаре Даля), а также тот факт, что БАС иллюстрирует употребление *скрыто* и *подспудно* только примерами нового времени (*скрыто* — из Шолохова и Гладкова, *подспудно* — из Чуковского и Фадеева).

Показательны также факты, свидетельствующие о том, что на протяжении длительного времени, вплоть до 20-х годов XX в., производящее *скрытый* еще не вполне дифференцировалось от близкого *скрытный*. По данным «Словаря языка Пушкина»: «*Скрытный*. 2. То же, что с к р ы т ы й во 2 знач. То, что некогда слыло *скрытным* учением гиерофантов, было потом обнаружено, проповедано на площадях <...>; *Скрытый*. 3. То же, что с к р ы т н ы й в 1 знач. В этой черте весь его характер, *скрытый*, жестокий, постоянный» [СП 1961: IV, 155—156]. Ср. также, с одной стороны: «Ты покоришься, край гранитный, / России мочь изведаль ты, / И не столкнешь ее пяты, / Хоть дышешь к ней враждою *скрытной*» (Е. Баратынский. Эда, 1824); «На ближний столик, в думе *скрытной* / Облокотясь, Арсений наш / Меж тем по карточке визитной / Водил небрежный карандаш» (Е. Баратынский. Бал, 1825). И с другой: «Четырнадцатого, к вечеру, начали подходить мародеры, а так как мы были *скрыты* и во всей осторожности, то брали их без малейшего с их стороны сопротивления и почти поодиночке...» (Д. В. Давыдов. 1812 год. II. Дневник партизанских действий 1812 года). То же у Даля: «скрытные богатства недра <sic!> земли; скрытные помыслы; скрытная злоба» [Даль 1881: IV, 211] и в [БАС 1962: 13, 1080 — 1081 (с примерами из Добролюбова и Мамина-Сибиряка)]. В настоящее время дифференциация этих паронимически близких образований завершена, и на этой основе, а также в связи с рассмотренной выше тенденцией к специализации дифференцированы и их наречные пары.

Сказанное можно представить в виде схемы, где прямыми линиями обозначены установленные в ходе анализа противопоставления, сплошной стрелкой — направление контекстно обусловленных нейтрализации, а пунктирными стрелками — направления метафорических переносов.

Вершины и стороны изображенного на схеме треугольника служат центрами, вокруг которых определенным образом группируются и организуются (на семантических, стилистических и иных основаниях) другие члены лексико-семантического поля «тайности». Но их описание и анализ должны стать предметом специального исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. предупреждающее противопоставление в орфографическом словаре: «втайне, нареч. (сделать втайне), но сущ. в тайне (сохранить в тайне)» [Орф. 1992 : 58]. Встречающиеся в современных текстах слитные варианты типа *хранить втайне* следует квалифицировать как опечатки (ср.: «Нас было шестеро... и замысел свой мы *держали втайне*» (А. Ананьев. Версты любви).

² Таковы многочисленные — на историческом и современном материале — *втайне* Ю. Трифонова: «Накануне приходил человек от Кнопа и *втайне* *расспрашивал* ее про Андрея» (Нетерпение); «Сначала Ольга Васильевна *втайне* *поговорила* с матерью...» (Другая жизнь) и др. То же — как проявление «неосознанной стилизации» — у литературоведов и историков, работающих со старыми текстами (см., например, у И. Л. Фейнберга и у Р. Г. Скрынникова).

³ Ср.: «И я тебя на самый крайний / поберегу и *кликну втайне*, / и — наяву или во сне — / и ты потянешься ко мне...» (В. Рецептер. «Оставь меня на крайний случай...»); «... даже бульдозер японский *рокочет* “Дубинушку” *втайне*» (Е. Евтушенко. Просека).

⁴ Ср. аналогичное развитие семантики у наречий *втихомолку*, *втихомолочку* (также при свободной выделительности первого этимологического корня): ‘тихо говоря > говоря про себя > внутренне’, например: «Жить с ним

трудно, и я *втихомолку решила расстаться...*» (В. Каверин. Перед зеркалом); «...снисходительное презрение, какое Курицын *втихомолку питал* к своему хозяину» (Ю. Давыдов. На Скаковом поле, около бойни).

⁵ Ср.: «Он глядел на своего товарища с каким-то снисхождением, *поричая внутри* все, что делалось» (А. И. Герцен. Долг прежде всего); «...вы вот уговариваете меня принять деньги тем, что “сестра” посылает, а *внутри-то, про себя-то* — не *восчувствуете* ко мне *презрения*, если я приму-с, а?» (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы).

⁶ Ср.: «Я смотрел на сие, только *улыбаясь в духе*» (А. Болотов. Жизнь и приключения, XIX).

⁷ Ср. в качестве редчайшего архаизма у С. Залыгина: «Если же кому и *завидовал*, так *в себе*, почти что молча, как бы издавела...» (Комиссия). Ср. также пропущенное словарями *сам (сама) с собой* ‘внутренне, втайне’: «Мария Дмитриевна *сама с собой не церемонилась*; вслух она говорила изящнее» (И. С. Тургенев. Дворянское гнездо, VII); «Пьер *решил сам с собою* не бывать больше у Ростовых» (Л. Н. Толстой. Война и мир, 3, I, XX).

⁸ Отсюда — с редукцией — *в глубине* ‘внутренне, втайне’: «Надеюсь на тебя, читатель, / *Хоть и тревожусь в глубине...*» (М. Квливидзе. Читателю. Пер. с груз. Е. Елисеева).

⁹ Ср. также специализированное *в уме*, употребляющееся почти исключительно при глаголах ментального действия, связанного со счетом и расчетами.

¹⁰ Ср. случай, где *тайно любоваться* оправдано конкретно-физическим значением глагола, имеющего инструментальный определитель как прямой показатель внешнего действия: «Обомлев, он *тайно*, через зеркало, *любовался* Эльвирой» (С. Крутилин. Мастерская в глухом переулке).

¹¹ Таковы многочисленные *тайно*, например, у Г. Семенова: «*тайно надеялся*» (Где-то что-то там такое), «*тайно недовольны*» (Там же).

¹² Здесь и далее цифра в скобках обозначает количество примеров в картотеке автора.

¹³ Ср. то же в антонимическом противопоставлении: «...*явно клеветать, а тайно завидовать...*» (А. Н. Островский. Доходное место).

¹⁴ Для понимания указанных здесь отношений очень важно последовательное употребление *втайне* в рядоположных соединениях типа *втайне мучительно ревновать, втайне бессильно завидовать, втайне нежно любить* и т. п.

¹⁵ Ср. аналогичное преобразование в случае *в первый раз > первый раз* (см. в работе [Пеньковский 1977 : 43—44], а также в наст. изд, с. 148).

¹⁶ А это разграничение, что важно иметь в виду, лишено опоры в семантике производящего прилагательного *тайный*, ср.: *тайно встречаться* —

тайне завидовать, но *тайная встреча*, *тайная зависть*; ср. также: *тайно решить* (1) — *тайне решить* (2), но *тайное решение* (1, 2).

ЛИТЕРАТУРА

Александрова 1968 — Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1968.

Арутюнова 1976 — Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл (Логико-семантические проблемы). М.: Наука, 1976.

БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: ИАН, 1950—1965.

Евгеньева 1970—1971 — Словарь синонимов русского литературного языка. Л., 1970—1971.

Засорина 1977 — Засорина Л. Н. Частотный словарь русского языка. М.: Русский язык, 1977.

Клюева 1961 — Клюева В. Н. Словарь синонимов русского языка. М., 1961.

МАС 1981—1984 — Словарь русского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1981—1984.

НСРЯ — Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный. В 2 т. М.: Русский язык, 2000.

Ож. 1975 — Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1975.

Орф. 1992 — Орфографический словарь. М.: Русский язык, 1992.

ОШ — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.

Пеньковский 1977 — Пеньковский А. Б. Очерки по семантике русских наречий: Наречие *впервые* // Актуальные вопросы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1977.

СП — Словарь языка Пушкина: В 4 т. М., 1956—1961.

СТР — Современный толковый словарь русского языка. СПб., 2001.

СЦРЯ — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. СПб., 1867.

Уш. 1935—1940 — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940.

ОЧЕРКИ ПО СЕМАНТИКЕ РУССКИХ НАРЕЧИЙ

Бережно, осторожно и др.

(от Пушкина до наших дней) *

Бегут, меняясь, наши лета,
Меняя всё, меняя нас...

А. С. Пушкин

...Уж десять лет ушло с тех пор — и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я...

А. С. Пушкин

Покорные общему закону, изменились за минувшие 175 лет и многие нормы литературного языка пушкинской эпохи.

Перечитаем знакомые со школьной скамьи строки из хорошо всем известного описания зимы в четвертой главе «Евгения Онегина»:

XLII

И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей...
(Читатель ждет уж рифмы *розы*;
На, вот возьми ее скорей!)
Опрятней модного паркета
Блестит речка, льдом одета,
Мальчишек радостный народ

---

* Расширенный вариант публикации 1988 г. Работа выполнена при поддержке РГНФ (гранты 01-04-00-201-а и 01-04-00-132-а).

Коньками звучно режет лед;
 На красных лапках гусь тяжелый,
 Задумав плыть по лону вод,
 Ступает бережно на лед,
 Скользит и падает; веселый
 Мелькает, вьется первый снег,
 Звездами падая на брег.

Что же здесь должно привлечь наше внимание? — Прочтем еще и еще раз этот текст, вдумаемся в него, и языковая интуиция, внутреннее чувство родного языка, подскажет нам, что предметом наших размышлений может стать, во-первых, необычное и, по-видимому, невозможное сегодня сочетание «народ» «мальчишек»¹ и, во-вторых, наречие *бережно*, которое Пушкин использовал в чем-то не так, как мы им сегодня пользуемся, не так, как предписывает нам современная, очень поздно — только к концу XIX в. — сложившаяся норма. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы понять, какова эта всеми нами строго соблюдаемая (хотя и пока нигде не зафиксированная) норма и в чем заключается пушкинское «не так».

* * *

Проверим прежде всего, не связано ли это «не так» со значением слова *бережно*, и для ответа на этот вопрос обратимся к «Словарию языка Пушкина» (М., 1956). Оказывается, что словарная статья, посвященная здесь наречию *бережно* [I, 96], отмечает в пушкинских текстах пять случаев его употребления, но значение его не определяет. Это следует понимать, как указание на то, что *бережно* у Пушкина имеет только одно значение и что это значение сохраняется без изменения до наших дней. Опираясь на материалы толковых словарей современного литературного языка и следуя принятому в них принципу выведения значений наречий на -о из значения производящих прилагательных, можно истолковать *бережно* (из *бережный*) как «осторожно», «заботливо», «внимательно» [Уш. 1935 : I, 124; БАС 1950 : 1, 395; Ож. 1975 : 44; МАС 1981 : 1, 79; НСРЯ 2000 : I, 88].

Если соотнести полученные нами толкования с анализируемым пушкинским текстом, то нетрудно будет убедиться в том, что ни *заботливо*, ни *внимательно* в него «не входят». Они «не входят»,

«не вмещаются» в него ни как слова (т. е. материальные единицы с другой фонетической и ритмической структурой), ни как значения или смыслы. Поэтому они не могут быть эквивалентами или заменителями слова *бережно*, хотя и связаны с ним, несомненно, определенными смысловыми нитями. Так ‘заботливость’ в каких-то случаях может быть причиной ‘бережности’ (ср.: *Мать бережно взяла ребенка на руки*), а ‘внимательность’ — проявлением ‘бережности’ (ср.: *Она бережно укладывала фарфор и хрусталь*). Вместе с такими словами, как *аккуратно, старательно, тщательно* и др., они как бы очерчивают границы того широкого смыслового поля, к которому принадлежит *бережно* и в котором оно живет.

Иначе обстоит дело с *осторожно*, которое обнаруживает общность с *бережно* по всем основным компонентам его значения и способность замещать его почти во всех контекстах, хотя и не совпадая с ним целиком². Только этим словом мы и могли бы — разумеется, лишь в целях мысленного эксперимента — заменить *бережно* в пушкинском тексте, чтобы привести его в соответствие с современной нормой. Ср. использование *осторожно* в близких по смыслу (по описываемой ситуации) контекстах: «Зная привычку его <Собакевича> наступать на ноги, он <Чичиков> *очень осторожно передвигал своими* и давал ему дорогу вперед» (Н. В. Гоголь. Мертвые души, I, 5); «Лошади удивлялись шуму воды, подымали головы, настораживали уши, но *мерно и осторожно шагали против течения по неровному дну*» (Л. Н. Толстой. Набег, VIII); «*Осторожно шагая босыми ногами*, старуха проводила Левина...» (Л. Н. Толстой. Анна Каренина, 6, XII); «В нескольких шагах от меня стоял большой петух и внимательно рассматривал меня. Он крикнул два раза повелительно, остался чем-то недоволен, сердито отвернулся и пошел назад, *осторожно ступая по траве своими тоненькими ножками*, точно какой-нибудь столичный франтик, который случайно попал в деревню и боится выпачкать свои лакированные ботинки» (А. Н. Апухтин. Дневник Павлика Дольского, 1880-е); «Черная речка от дождя стала чернее и шире. Дьякон *осторожно прошел по жидкому мостику*, до которого дохватывали уже грязные волны» (А. П. Чехов. Дуэль); «Дедушка долго постоял на солнышке, шупая у себя под мышками. *В воду он сошел очень осторожно* и, прежде чем окунуться, старательно мо-

чил себе красное лысое темя и впалые бока» (А. И. Куприн. Белый пудель) и др.

Следует ли из сказанного, что Пушкин допустил ошибку, написав о гусе «*ступает бережно на лед*»? — Конечно, нет. Можно ли считать, что Пушкин использовал *бережно* вместо *осторожно* по требованию стиха? — И на этот вопрос следует ответить отрицательно: настоящий поэт никогда не ломает язык ни в угоду рифме, ни в угоду размеру. Пушкин воспользовался наречием *бережно*, потому что оно соответствовало и его требованиям и литературной норме его эпохи. В том же значении и таким же образом Пушкин использовал это слово и в прозе (мы увидим это несколько дальше), как это делали и его современники. Ср., например: «Конь, как бы понимая желание всадника, *ступал бережно* по зеленому лугу...» (М. С. Жукова. Вечера на Карповке, 1837); «Я видел, как крестьянские бабы и девки, беспрестанно нагибаясь, выдергивают сорные травы и, набрав их на левую руку, *бережно ступая*, выносят на межи» (С. Т. Аксаков. Детские годы Багрова внука).

Это значит, что отношения между наречиями *бережно* и *осторожно* были во времена Пушкина не такими, как сегодня. Они были ближе друг к другу, и благодаря этому говорящие и пишущие имели свободу выбора между ними. Но каково все-таки было их значение? — Ведь поставив между ними знак равенства (*бережно* = *осторожно*), мы оказываемся в замкнутом кругу (*осторожно* = *бережно*), а искомое значение как было, так и остается не определенным. Попытаемся же вырваться из этого круга.

* * *

Возьмем несколько примеров с наречием *бережно* и попробуем из них вывести интересное нас значение. Вот эти примеры:

«Мы *принялись* ощупывать грузди руками и *бережно вынимать их* из-под пелены прошлогодних листьев» (С. Т. Аксаков. Детские годы Багрова внука); «Зарецкий *бережно кладет / На сани труп оледенелый*» (А. С. Пушкин. Евгений Онегин, 6, XXXV); «Он осматривал яблони, обнаженные дыханием осени, и с помощью старого садовника *бережно укутывал их* теплой соломой» (А. С. Пушкин. Капитанская дочка, X); «*Бережно сложив тетрадь...*, он встал и подошел к двери...» (Л. Н. Толстой. Отрочество,

XI); «Один из конюхов подобрал Изумруду пышный хвост и бережно уложил его на сиденье» (А. И. Куприн. Изумруд, IV); «Бережно, словно заботливый нежный пестун, океан несет на своей груди плывущие корабли» (К. С. Станюкович. Максимка) и др. под.

Нетрудно убедиться, что все эти предложения построены по одной схеме и что наречие *бережно*, являясь обстоятельством образа действия, всегда примыкает к переходным глаголам, которые управляют существительным (или местоимением) в винительном падеже и обозначают действие, направленное на тот или иной объект: *бережно вынимать грузди (сложить тетрадь, класть труп, укутывать яблони)*. В соответствии с этой нормой можно сказать: *бережно поставил кувшин (на стол), повесил пальто (в шкаф), упаковал вещи (в ящики), вынул стекло (из рамы)* и т. п. или — с переводом из активной формы в пассивную: *кувшин был бережно поставлен, пальто бережно повешено, вещи бережно упакованы*. Ср.: «У него хранился бережно завернутый портофель» (А. И. Герцен. Кто виноват?, 1, VI); «Вера подняла крышечку, подбитую бледно-голубым шелком, и увидела втиснутый в черный бархат овальный золотой браслет, а внутри его бережно сложенную красивым восьмиугольником записку» (А. И. Куприн. Гранатовый браслет, V); «Пуговки были пришиты, рубашка, бережно свернутая, положена на стол, а тот, кому она предназначена, всё не шел...» (Ф. Ф. Тютчев. Комары); «Однако, ежели существуют в Москве и розы и женщины, то почему бы и не помечтать юноше о букете, бережно закутанном на морозе...» (И. Эренбург. В Проточном переулке, 3); «О, эти годы, <...>, когда “Нива”, “Всемирная новь” и “Вестники иностранной литературы”, бережно переплетаемые, проламывали этажерки и ломберные столики» (О. Мандельштам. Шум времени); «...достал бережно завернутые в несколько слоев пергамента две плитки шоколада» (А. Ливеровский. Блокадные рассказы).

Оказывается, однако, что *бережно* может характеризовать далеко не всякое действие, направленное на объект, а только физическое действие, направленное на физический же, материальный объект, и притом только такое физическое действие, которое в процессе его осуществления может нанести или причинить вред своему объекту. Действительно, вынимая грибы из-под листьев, их можно поломать; складывая

тетрадь, ее можно измять или порвать; укутывая яблони соломой, их можно повредить, сломав ветви; ставя кувшин на стол, его можно разбить или пролить и т. п. Но, очевидно, *нельзя бережно решать задачу* (задача не может пострадать от того, что ее решают), *вспоминать прошлое* (воспоминания не могут повредить прошлому) или *обдумывать услышанное*. *Нельзя бережно сочинять стихи, рисовать картину, шить платье, варить обед, строить дом или завод*, поскольку все эти действия направлены на создание объектов, которых еще нет и которым нельзя повредить (хотя можно их сделать лучше или хуже). Равным образом *нельзя бережно мыть пол* (поскольку мытье не может принести вред полу), но *можно бережно мыть окна* (так как в процессе мытья их можно разбить); *нельзя бережно слушать музыку или рассматривать скульптуру* (ведь музыка и скульптура влияют на слушателя / зрителя, а не наоборот), как *нельзя бережно сыграть сонату или прочитать стихи* (хотя можно бережно скопировать картину великого художника или бережно донести до слушателей замысел композитора).

Следует отметить и некоторые другие ограничения.

Понятно, что *бережно* не сочетается с глаголами, обозначающими действия, имеющие целью уничтожение объекта или причинение ему вреда: сочетания типа **бережно убить волка*, **бережно взорвать дом*, **бережно выкорчевать дерево* (но ср.: *бережно выкопать яблоню для пересадки*), **бережно оскорбить друга* или **бережно ударить ребенка* и т. п. противоречат здравому смыслу и могут быть восприняты только как нелепица или абсурд.

Не сочетается *бережно* и с разнообразными глаголами «благоговящего» действия. *Нельзя *бережно любить жену*, **бережно ласкать дочь*, **бережно награждать героя*, **бережно хвалить ученика*, **бережно лечить больного*, **бережно украшать город* и т. п. И это несмотря на то, что любовь, ласка, похвалы и награды могут испортить и даже развратить человека, а лечение — убить его. По-видимому, это значит, что наше сознание связывает отрицательные результаты подобных действий не с самими этими действиями, а с их избыточностью, с неправильным или неразумным их применением и т. п. (ср. специальные обозначения этого в глаголах *захвалить*, *заласкать*, *залечить*...) ³. Поняв эту объективную логику вещей, мы можем теперь попытаться понять и оп-

ределить, как она отражается в значении интересующего нас слова: *бережно* (делать что-либо, совершать какое-либо действие) — значит (делать что-л., совершать какое-л. действие) ‘так, чтобы не причинить возможного вреда объекту действия’.

Из этого определения следует несколько выводов.

1. Наречие *бережно* осложняет обычное для наречий на *-о* характеризующее значение обстоятельства образа действия добавочным значением обстоятельства цели: ‘... т а к, **чтобы не...**’ Ср. развернутое описание «бережного действия»: «Мужики один за другим потянулись к невиданной книге. Обтерев о штаны лопатистые ладони, глянцевавшие мозольно-сухой кожей, в застарелых, набитых землей трещинах, от которых не могли распрямляться полностью, а лишь складывались пальцами в присогнутые ковши, они *бережно и неловко брали книгу обеими руками под кожаный испод*, как принимали по вечерам, придя с работы, грудного младенца, не научившегося еще держать головы. И так же *бережно, с почтительной предосторожностью, опасаясь учинить поруху, сделать что-нибудь не так*, перекладывали ее алтарно пахнущие листы... и охранно передавали ее другому» (Е. Носов. Усвятские шлемоносцы) ⁴.

Поэтому *бережно* несет в себе указание на то, что характеризующее им действие является сознательным, волевым и, следовательно, контролируемым. Отсюда понятный запрет на сочетание *бережно* с глаголами естественных, природных действий, не связанных с волеизъявлением. Можно сказать: *Она бережно растила и вырастила сына* (= растила его так, чтобы предохранить его от возможных опасностей), но нельзя сказать: **Женщина бережно родила сына*. Можно *бережно полить цветы*, но, сказав так, мы понимаем, что субъектом этого действия является человек, а не дождь. Поэтому же, встретив в тексте фразу: *Снег бережно укрыл землю*, мы увидим в *бережно* знак олицетворения. Все это говорит о том, что *бережно* предсказывает не только определенный тип действий, но и определенный тип субъектов действия. Субъектом действия, если оно охарактеризовано наречием *бережно*, может быть только сознательное существо, а это, как правило, — человек ^{4-а}.

Но *бережно* предсказывает также и определенный тип объектов действия: это объекты «бережного отношения», «объекты, защищаемые от возможного вреда». «Вред» же в этом случае для предмета — все то, что угрожает его существованию, целостности или способности выполнять свое назначение; для человека же — еще и то, что может повлечь за собой боль, физические или душевные неудобства.

Какой именно возможный вред предотвращается в каждом конкретном случае, наречие *бережно*, естественно, не уточняет, предоставляя слушающему и читающему определять это — с опорой на общий жизненный опыт — исходя из контекста. Ср.: *бережно нести вазу* = нести вазу так, чтобы не разбить ее; *бережно нести яйца* (в сумке) = нести яйца так, чтобы не раздавить их; *бережно нести костюм* (из чистки) = нести костюм так, чтобы не измять его; *бережно нести на руках ребенка* = нести ребенка так, чтобы не уронить его / не сделать ему больно и т. п. С другой стороны: *бережно нести костюм* (из чистки) = нести его так, чтобы не измять; *бережно гладить костюм* = гладить его так, чтобы не прожечь; *бережно носить костюм* = носить его так, чтобы не мять, не рвать, не пачкать и т. п.

Как показывают эти примеры, одно и то же действие может быть направлено на разные объекты и разные действия могут быть направлены на один и тот же объект (отсюда разные виды «возможного вреда»), но в любом случае объект должен быть, и, следовательно, объект как таковой необходимо входит в структуру значения слова *бережно*. *Бережно* — это наречие субъектно-объектного типа.

При этом *бережно* не только предсказывает специфический характер объекта (как мы уже видели, это должен быть «объект бережного отношения, защищаемый от возможного вреда»), но и накладывает на него несколько ограничений.

Важнейшее из них состоит в том, что «объект бережного отношения», предсказываемый наречием *бережно*, должен быть в то же время и объектом действия, характеризуемого этим наречием. Два объекта — «объект бережного отношения» (ОБО) и «объект действия, способного причинить вред» (ОВД), должны обязательно совпадать: *Он бережно свернул чер-*

теж = Он свернул чертеж (ОВД) таким образом, чтобы он (чертеж — ОБО) не помялся. Вот как это выглядит на схеме:

ОН БЕРЕЖНО СВЕРНУЛ ЧЕРТЕЖ

так, чтобы не помять чертеж

Поскольку такое совмещение двух объектов в двуедином объекте (ОВД / ОБО) является сейчас сложившейся, обязательной для нас и усвоенной нами нормой, оно представляется нам само собой разумеющимся и единственно возможным. В действительности же оно не изначально, и литературный язык XIX в. показывает, что ОВД и ОБО в предложениях с *бережно* могли разъединяться, не совпадая друг с другом.

Вот яркий пример такого разведения двух этих объектов: «Он поцеловал меня, перекрестил и *бережно*, чтобы не разбудить мать, посадил в карету» (С. Т. Аксаков. Детские годы Багрова внука). Здесь ОВД («объект действия, способного причинить вред») — р а с с к а з ч и к, тогда как ОБО («объект бережного отношения») — м а т ь (рассказчика). Это имя подчеркнуто вынесено в придаточное предложение, раскрывающее значение *бережно*.

Другой пример: «Кто-то *бережно* развивал *перевязи*, которыми *грудь и плечо* были у меня стянуты» (А. С. Пушкин. Капитанская дочка). Нетрудно убедиться, что грамматика и смысл здесь, как и в предыдущем случае, противоречат друг другу, а грамматические связи не совпадают со смысловыми. Прямое дополнение *перевязи* при глаголе *развивал* называет ОВД со значением «орудия» действия, которое может причинить вред («перевязи», поскольку их «развивают» — разматывают, могут причинить боль раненому), но, пользуясь формой винительного падежа и позицией прямого дополнения, выдает себя за ОБО. Мы же, готовые принять маску за лицо, должны осознать свою ошибку, отвергнуть ложную связь (**бережно развивал перевязи*) и искать подлинный ОБО, опираясь на логику и смысл. Очевидно, что таким ОБО является рассказчик, раненный на дуэли Гринев, которому делают перевязку. «*Бережно*» здесь — это ‘таким образом, чтобы не причинить мне боль’, а не ‘таким образом, чтобы не порвать перевязи’.

Те же отношения в приводимом ниже примере из А. Югова, представляющем уникальный для нашего времени и ничем не мотивированный архаизм: «Сказав это, он *бережно выдернул* у инже-

нера седой волос» (Страшный суд, X), где «бережно» значит ‘таким образом, чтобы не причинить инженеру боль, не сделать ему больно’, а не ‘таким образом, чтобы не повредить волос’.

Общее значение *бережно*, которое можно вывести в результате анализа приведенных только что высказываний, — ‘таким образом, чтобы не причинить возможного вреда кому- или чему-л.’, где «кто и что-л.» — один из объектов, находящихся в пространстве глагольного действия, названный, но не выделенный, не подчеркнутый, не закрепленный за определенной грамматической формой.

Понятно, что такая грамматическая невыделенность — при некоторых контекстуальных условиях — может стать причиной смысловой неопределенности. Вот показательный пример из С. Т. Аксакова: «*Бережно раздвинув колючие ветви барбариса, мы разглядывали, как лежат в гнезде маленькие, миленькие яички*» (Детские годы Багрова внука). Какой из предметов, названных в этом предложении, является «объектом бережного отношения»? — «Маленькие, миленькие яички»? «Гнездо» с этими миленькими яичками? Сами дети («мы»), которым грозила опасность уколотся? «Ветви барбариса», которые можно было повредить, раздвигая их? — Однозначно ответить на этот вопрос, по-видимому, невозможно.

Но всегда ли необходимы однозначные ответы? Всегда ли нужно избавляться от неопределенности? — Разумеется, не всегда. Избавляться нужно от *дурной* неопределенности, сохраняя *полезную*. А для этого необходимо противопоставить *неопределенность* *определенности* и найти языковые средства для выражения этого противопоставления. Они и были найдены. Для выражения определенности и неопределенности «объекта бережного отношения» были использованы наречия *бережно* и *осторожно*.

Везде, где объект бережного отношения не назван, а лишь подразумевается, везде, где таких объектов может быть несколько, и везде, где объект бережного отношения не привязан к форме винительного падежа прямого дополнения при глаголе, установившаяся норма предписывает нам пользоваться наречием *осторожно*. Вот несколько показательных примеров:

«...*осторожно* поворачивая лошадь, чтобы не топтать свои зеленя, он подъехал к работникам, рассевавшим клевер» (Л. Н. Тол-

стой. Анна Каренина); «Мы увидели четырех всадников, *осторожно* объезжавших холм, на котором лежали сайгаки» (А. К. Толстой. Два дня в Киргизской степи); «Сперва бык покосился на траву, жадно раздувая ноздри. Но затем *осторожно* взял ее, касаясь шершавым языком руки Коноплева» (К. Станюкович. В плавании); «Рагмиров *осторожно* стряхнул пепел» (И. С. Тургенев. Дым, XIV); «*Осторожно* откинув армяк и разостлав солому, поставил он <Герасим> молоко на кровать...» (И. С. Тургенев. Муму); «Старик сидел на корточках и торопливо, но *осторожно*, наподобие зайца (у бедняка не было ни одного зуба), жевал сухую и твердую горошину» (И. С. Тургенев. Контора) и др.

Характерное для *осторожно* безразличие к «объекту бережного отношения» позволяет ему вообще освободиться от связи с объектом, а это приводит к тому, что *осторожно* получает возможность характеризовать действия *б е з о б ъ е к т н ы е*, а также действия нецеленаправленного, неволевого характера, а значит и такие действия, субъектами которых могут быть и неодушевленные предметы. Так, на базе обобщенного, типового значения ‘так, чтобы не обеспокоить, не потревожить’, формируется комплексное значение ‘слабо, нерезко, негромко, тихо, мягко...’: «*Осторожно* мерцала на побледневшем небе серебряная утренняя звезда» (И. А. Бунин. Кукушка); «Начинал сыпать дождь, сначала *осторожно*, потом все шире и шире...» (И. А. Бунин. На даче); «Дверь из другой комнаты *осторожно* стукнула...» (И. С. Тургенев. Чертопханов и Недопюскин); «Топор *осторожно* стучал по сучьям» (И. С. Тургенев. Бирюк) и др. Таким образом, противопоставление наречий *бережно* и *осторожно* по признаку «выделенности — невыделенности объекта действия» дополняется их противопоставлением по признаку «отношение к одушевленности — неодушевленности субъекта».

С этим же связано противопоставление этих двух наречий по их отношению к *о ц е н к е* характеризуемого ими действия. *Осторожно* безразлично к тому, какими побуждениями вызывается действие и как оно оценивается. *Бережно*, напротив, всегда и во всех случаях несет в себе дополнительное значение положительной оценки действия и всех его участников. Ср.: «Профессор *бережно* взял ее руку и приложился к запястью» (Д. Краминов. На краю земли); «Она встала, протянула ему руку, он *осторожно* прикоснулся к

теплым пальцам и легко вскочил с земли» (В. Ермолова. Мужские прогулки). И с другой стороны: «*Осторожно, тая брезгливое чувство, он слегка пожал руку Неволину*» (К. Станюкович. Дождь, IX); — Если в первом примере можно *бережно* заметить на *осторожно*, а во втором *осторожно* на *бережно*, то в третьем такая замена исключается.

Исходя из сказанного можно понять еще одно важное ограничение в использовании *бережно* в современном русском языке. Это ограничение проявляется в том, что — в соответствии с сложившейся нормой — «объект бережного отношения» должен быть отделен от субъекта действия и не может с ним совпадать. Иначе говоря, субъект действия нельзя представлять как объект собственного бережного отношения (бережного отношения к самому себе). Этим требованием исключается использование *бережно* при любых рефлексивных (и, в частности, возвратных) глаголах. Можно *бережно усадить, уложить, укрыть кого-либо*, но нельзя *бережно сесть* или *усесться, лечь* или *улечься* и т. п. Ср.: *бережно / осторожно окунуть ребенка в воду — осторожно окунуться; бережно / осторожно поднять что-либо, кого-либо — осторожно подняться; бережно / осторожно раздеть больного — осторожно раздеться* и т. д. А также: *бережно / осторожно осмотреть кого-либо — осторожно осмотреть себя*. Ср.: «*Он осторожно оцупал себя и понял, что на сей раз уцелел*» (Е. Соловьев. В тайге).

Эта же закономерность действует и в тех случаях, когда речь идет о предметах, являющихся неотторжимой принадлежностью субъекта действия: *бережно / осторожно погладить по щеке кого-либо — осторожно погладить по щеке себя; бережно / осторожно поднять чью-либо ногу — осторожно поднять свою ногу*. Ср.: «Откинув медвежью полость, он *осторожно выпростал из саней свои озябшие ноги без калош*» (Л. Толстой. Хаджи-Мурат, IX); «Пандалевский достал из кармана жилета золотые часы с эмалью и посмотрел на них, *осторожно налегая розовой щекой на твёрдый и белый воротничок...*» (И. С. Тургенев. Рудин, XI) и т. п. Ср. также яркое противопоставление *осторожно* и *бережно* в следующем примере: «Она вскрикнула и без чувств упала на его плечо. Он *осторожно отвел*

плечо, на котором она лежала, заглянул в ее лицо и *бережно посадил ее на кресло*» (Л. Толстой. Война и мир, I, 1, XXV).

Чем же объясняется запрет на использование *бережно* в приведенных выше и подобных им контекстах? — Очевидно, что он исходит не от логики (как в случаях типа **бережно взорвать дом*) и не от грамматики (как в случаях типа **бережно раздвинуть ветви барбариса*), а от комплекса норм, сложившихся в сфере речевого этикета на основе центральной для этой сферы категории вежливости. Определяя и предписывая разнообразные формы выражения вежливости по отношению к собеседнику, эти нормы требуют предельной сдержанности в использовании таких форм в речевой области говорящего. В репертуаре форм вежливости (наряду с уменьшительными существительными, глаголом *кушать* и др.) должно занять свое место и наречие *бережно*, а также другие представители его словообразовательного гнезда. Постоянно желая своим друзьям и близким *беречься* и говоря им — *Береги(-те) себя!*⁵, мы только в ответ на особенно настойчивые пожелания такого рода и с вынужденной самоиронией можем ответить: — *Хорошо, не волнуйтесь, я буду / постараюсь беречься*. И все же — *беречься*, а не *беречь себя!* То же при инклюзивном «мы», когда говорящий имеет в виду прежде всего других и лишь в последнюю очередь себя: «*Мы недостаточно бережемся. Надо быть осторожнее*» (Б. Пастернак. Доктор Живаго, I, V, 9), как и в тех случаях, когда говорящий отводит интенцию этого действия от себя и перекладывает ее на внешний — достаточно авторитетный (например, врачебный) источник: — *Я должен / мне предписано беречься*. Во всех же остальных ситуациях мы этот глагол по отношению к себе использовать не можем, не рискуя уронить себя в глазах окружающих.

То же относится и к *бережно*, и потому можно было бы сказать, что это наречие характеризует действия, совершаемые только в пользу другого (лица или предмета), тогда как *осторожно*, обозначая то же, что и *бережно*, может характеризовать действия, совершаемые субъектом также в пользу себя⁶.

И этим также объясняется крайне ограниченная употребительность его в современном русском языке, что свидетельствуется данными частотных словарей, особенно показательными при сопоставлении *бережно* с *осторожно* — его основным партнером. Так, в частотном словаре [Штейнфельдт 1963] *бережно* вообще

отсутствует (*осторожно* — 15), а в словаре [Засорина 1977] характеризуется цифрой 19 (при *осторожно* — 93).

Все словоупотребления *бережно*, которые выходят за описанные выше границы и воспринимаются нами как противоречащие сложившимся и интуитивно осознаваемым нормам (свидетельствуя тем самым, что эти нормы — реальность, а не исследовательская фикция!), могут объясняться трояким образом:

1. Индивидуальной бессознательной ошибкой говорящего / пишущего: «Она задумчиво двигалась перед зеркалом, мягкими плавными движениями *бережно* <следует: *осторожно*> красила губы» (В. Ермолова. Мужские прогулки). — Поскольку «*бережно красить губы*» может пониматься только как ‘красить губы таким образом, чтобы не испортить их рисунок’, использование *бережно* можно было бы считать семантически оправданным. Однако поскольку «она» и «губы» связаны отношением «целое — его неотторжимая часть», использование *бережно* запрещено. Ср. также: «Все-таки рана болела, и он, сжав зубы, *бережно наступил на левую ногу*» (В. Быков. Карьер).

В приводимом ниже примере нарушено другое требование — требование единства объекта действия и объекта «бережного отношения»: «Всякие радиоприемники, конечно, были запрещены в наших бараках, так же, как книги и газеты. Однажды я нашел кусок газеты, обрывок газеты, запачканный мылом, близ палатки парикмахера. Я *бережно вытер мыло* и прочел шепотом странные слова...» (В. Шаламов). Ср. также в ситуации «объектной неопределенности»: «Щапов *бережно вытер блестящее лезвие о рукав ватника*» (В. Кузнецов. Дальний поиск, 1).

Ср. также случаи, где использование *бережно* при глаголах *рассматривать*, *разглядывать*, как будто нарушающее жесткую современную норму, может быть подсознательно мотивировано другим, прямо названным в контексте или только подразумеваемым указанием на физическое действие, способное «причинить вред объекту»: «*Бережно, внимательно рассматривает* Ульянов поднятые со стула ленинские пальто и кепку, надевает их на себя» (Известия, 28 января 1988 г.); «Молодые долго, *бережно разглядывали орден...*» (Б. Васильев. Красные жемчуга), где *бережно* предполагает, что разглядывали орден, держа и поворачивая его в руках...

2. Сознательным нарушением нормы, которое используется как художественный прием в тех или иных художественных целях. Ср.: «Он снял картуз, величественно провел рукою по густым, туго завитым волосам, начинавшимся у самых бровей, и, с достоинством посмотрев кругом, бережно прикрыл опять свою драгоценную голову» (И. С. Тургенев. Свидание). «Офицер, с бережно зачесанными верху усами, холодно мерял привычным глазом неумолимо сокращающееся расстояние...» (А. Серафимович. Похоронный марш). — Ненормативное *бережно* здесь входит в широкий круг использованных авторами средств иронии и отрицательной оценки.

3. Диахронически, т. е. тем, что мы имеем дело с проявлением другой нормы, принадлежащей предшествующей эпохе. Ср.: «*Лишь змея, / сухим бурьяном шелестя, / Сверкая желтою спиной, / Как будто надписью златой / Покрытый донизу клинок, / Браздя рассыпчатый песок, / Скользила бережно — потом, / Играя, нежася на нем, / Тройным свивалася кольцом...*» (М. Ю. Лермонтов. Мцыри, 22, 1839); «*Акулина бережно притворила дверь и потом нагнулась к уху старика...*» (В. А. Сологуб. Старушка); «*Михайла Михайлович бережно подошел к комнате, в которой находилась Прасковья Ивановна, тихонько отворил дверь и увидел...*» (С. Т. Аксаков. Семейная хроника); «*Из-за лип от подвала было видно, как он бережно подкрался к крайнему флигельку...*» (Г. П. Данилевский. Сожженная Москва, XXVI); «*Илья прислушался к его шагам, бережно миновал церковь, прилег за оградой и снова стал слушать*» (там же, XXIX); «*Он встал и бережно сделал несколько шагов...*» (там же); «— Вы слышали, — спросил колонист, выходя на крыльцо, — странное известие? — Нет, не слышал, — ответил полковник, бережно запирая за собою двери...» (Г. П. Данилевский. Беглые в Новороссии); «*В платочке, бледная, тихая, Оксана пугливо и бережно спускалась с своей вышки...*» (там же); «— *Ступайте, только бережнее, тут будет опять канава, а дальше мостик...*» (Г. П. Данилевский. Воля); «*Лишнего люда, толковал старик, бережно отворяя дверь, Николай Иванович-то не приказали пускать...*» (В. П. Бурнашев. Воспоминания, 1836—1837); «*Я вышел в переднюю залу, а старик-слуга снова запер бережно дверь на ключ...*» (там же); «*Я начала засыпать, вдруг услышала шорох, открыла глаза и вижу, он проходит бережно, с оставкой, мимо дверей спальни, чтоб не разбудить меня...*» (Записки

Николая Ивановича Греча, 1849); «Когда бабушка была не в духе, матушка ходила на цыпочках, *бережно*, *без шума затворяла дверь...*» (Д. В. Григорович. Литературные воспоминания, I, 1880—1890-е). То же — с сознательной или подсознательной ориентацией на отжившую норму — у архаиста А. Югова: «В сумерках, *бережно постучавшись*, явился неожиданный гость: Саша Гуреев» (Страшный суд).

Именно в этом ряду должны рассматриваться приведенные выше аксаковские и пушкинские словоупотребления *бережно*, в том числе и открывающий статью пример с «*гусем*», «*ступающим*» «*бережно на лед*». В этом последнем случае, как и во всех остальных, мы — в соответствии с современной фактической нормой — можем воспользоваться только наречием *осторожно*.

И понятно почему: в пушкинском тексте: а) при непереходном глаголе «*ступать*» нет и не может быть распространяющей формы винительного падежа прямого дополнения; б) косвенное дополнение «*на лед*» не может пониматься в значении «объекта бережного отношения и потенциального причинения вреда»; в) такой объект не назван, а лишь подразумевается, оставаясь при этом не вполне определенным: «*ступает бережно на лед*» — ‘ступает так, чтобы не повредить лапки’? или ‘ступает так, чтобы не упасть’? и, наконец, г) и в том и в другом случае «объектом бережного отношения» оказывается сам субъект действия — как физическое целое или как его неотторжимая часть. Показательно, что А. В. Дружинин, восторгаясь зимними картинками в «Евгении Онегине» и пересказывая по памяти фрагмент с «*гусем*», едва ли вполне осознанно заменил пушкинское «*бережно*» соответствующим новой, тогда еще только утверждавшейся, норме «*осторожно*»: «...Мужичок с триумфом несется по новому пути на дровнях; *на красных лапках гусь тяжелый осторожно ступает на светлый лед*, собираясь плавать, скользит и падает к полному своему изумлению...» (А. В. Дружинин. А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений // Библиотека для чтения. 1863, № 3, отд. 3; см. то же: А. В. Дружинин. Литературная критика. М., 1983. С. 61).

Можно утверждать, таким образом, что на глазах истории русского литературного языка наречие *бережно* пережило изменение, заключающееся в установлении жестких ограничений на ус-

ловия его употребления в связи с введением однонаправленной его ориентации на субъектно-объектной оси: из неориентированного полиобъектного оно стало ориентированно-однообъектным (о субъектно-объектной ориентации наречий см. в работах [Пеньковский 1987; 1991]).

Это изменение должно было определенным образом сказаться на других членах лексико-семантического поля наречий (и наречных сочетаний ⁷) с общим значением «предотвращения возможного вреда» как осложняющей цели в о й характеристики действия. В этой связи заслуживает внимания ближайший паронимический партнер *бережно* — наречие *бережливо*.

* * *

Как показывают имеющиеся материалы, за последние полтора века *бережливо* прошло путь от свободного, не ориентированного употребления и общим для наречий этой группы широким значением «предотвращения возможного вреда» (А) к ориентированно-однообъектному употреблению в качестве семантического эквивалента *бережно* (Б) и, наконец, к специализированному значению (в результате семантической дифференциации *бережно* и *бережливо*), которое связано с предельным сужением содержания «объекта бережного отношения» и сведением его к имущественной — материальной или денежной — ценности (В):

А. «Кто этот всадник? *Бережливо* / Съезжает он с горы крутой» (М. Ю. Лермонтов. Хаджи-Абрек), где «*бережливо*» = *бережно* — ‘осторожно’.

Б. С одной стороны: «*Он мерит воздух мне так бережно и скупо...*» (Ф. И. Тютчев. «Не говори: меня он, как и прежде, любит...»), где «*бережно*» — ‘бережливо’ ⁸, а с другой: «*Он взял бережливо найденный нос* в обе руки, сложенные горстью, и еще раз рассмотрел его внимательно...» (Н. В. Гоголь. Нос); «*Целые сокровища симпатии, утешения, надежды хранятся в этих чистых сердцах <...>, где рана бережливо закрыта от любопытного взгляда...*» (Ф. М. Достоевский. Маленький герой), где «*бережливо*» — ‘бережно’.

Заключительный третий этап, обозначенный выше под <В>, не завершен и сегодня. Несмотря на настойчивые рекомендации словарей и руководств по культуре речи ⁹, наречия *бережно* и *береж-*

ливо по-прежнему нередко не разграничиваются. Так, заметка в «Правде», призывающая «привести в действие резервы бережливости в общественном и коммунальном секторах», озаглавлена: «Бережно, по-хозяйски» (6 декабря 1985 г.). Там же, в другой публикации читаем: «Ее радует, что члены бригады стали бережнее относиться к расходованию материальных средств». Такие же колебания обнаруживаются, естественно, и в употреблении одноосновных прилагательных и существительных. Ср., с одной стороны: «...бережное расходование природных богатств» (Правда, 10 ноября 1988 г.); «...правильное и бережное расходование партийных средств» (Аргументы и факты, 5 февраля 1989 г.) и с другой: «...он побрел дальше, ступая той ногой с охранной бережливостью <следует: осторожностью>, даже немного приволакивая ее...» (Е. Носов. Усвятские шлемоносцы)¹⁰.

Если представить лексико-семантическое поле наречий с общим инвариантным значением «предотвращения возможного вреда» («так, чтобы не...») в виде двух равновеликих, но смещенных по центру плоскостей, одна из которых соответствует плану содержания, а другая — плану выражения, то их свободное вращение вокруг общей оси будет соответствовать ситуации, которая имела место на начальных этапах развития русского литературного языка. Как свидетельствуют приведенные выше материалы, эта ситуация характеризуется тем, что каждому сегменту на плоскости плана содержания может соответствовать любой сегмент на плоскости плана выражения, так же как любому сегменту на плоскости плана выражения может соответствовать любой из сегментов на плоскости плана содержания. Смещение же этих плоскостей относительно центра иллюстрирует возможность их совмещения с соответствующими плоскостями других лексико-семантических полей. Так, *бережно* и *бережливо* обнаруживают несомненную связь с наречиями «предупредительного» действия (см. выше пример из Достоевского), а *осторожно* — с наречиями «тайного» действия (о чем см. ниже).

Изменения, которые произошли в течение последних полутора веков в истории этой наречной группы, состоят в том, что указанные выше символические плоскости были лишены способности свободного вращения относительно друг друга и установившееся положение их сегментов оказалось достаточно строго зафиксиро-

ванным. Механизм этого изменения был интерпретирован выше как введение принципа ориентации наречий на субъектно-объектной оси, в связи с чем наречия *бережно* и *бережливо*, объединенные по признаку ориентированной однообъектности, подверглись дифференциации по объему содержания «объекта бережного отношения» и были вместе противопоставлены наречию *осторожно* как неориентированно свободному в своих субъектно-объектных связях.

	Ограничительные характеристики			Ориентация на	
	субъекта	объекта	действия	субъект	объект
Бережливо	лицо	неодуш. имущ.	Вредить, излишне расходуя	—	+
Бережно	лицо	Бережного отношения	вредить	—	+
Осторожно	0	0	беспокоить	0	0

Как показывает эта таблица, переход от одного члена к другому в триаде *бережливо* — *бережно* — *осторожно* обнаруживает — вместе с освобождением от обязательной ориентации на прямой объект — последовательную деконкретизацию и опустошение ограничительных характеристик действия и его актантов, что находит свой предел в *осторожно*. Этим вполне объясняется:

1. Предельно узкая специализация значения *бережливо* (отсюда его крайне ограниченная употребительность и самая низкая частотность);

2. Достаточно широкая, но цельная семантика *бережно*, не подвергающаяся варьированию и

3. Сохраняющаяся д и ф ф у з н о с т ь *осторожно*, значение которого оказывается расплывчато широким и может быть определено формулой ‘так, чтобы не дать осуществиться возможным нежелательным последствиям действия или чтобы не вызвать других, нежелательных действий’.

Если эта формулировка справедлива, то необходимо признать, что за наречиями *осторожно*, *бережно* и *бережливо* стоит некая каузативная ситуация, и, следовательно, мы имеем дело с ее адвербиальным представлением, с ее адвербиализацией. Тогда, подходя к тем же отношениям со сторо-

ны плана выражения, можно будет утверждать, что наречия *осторожно*, *бережно* и *бережливо* представляют собой свернутые предложения и имеют сентенциальную, пропозитивно-каузативную семантику.

Ее центром (в предложенном выше формульном отражении) является начальная, постоянная и не варьруемая часть 'так, чтобы не...', которая как раз и несет основное отрицательно-каузирующее значение предотвращения (потенциально возможного и предвидимого каузируемого действия) как цели, определяющей выбор субъектом-каузатором определенного обратно-каузирующего способа совершения реального, но потенциально каузирующего действия. Так, в предложении: *Он бережно (осторожно) свернул чертеж* = Он свернул чертеж так, чтобы не измять (не порвать) его = Он свернул чертеж так, чтобы чертеж не измялся (не порвался) — можно установить следующее распределение элементов каузативной конструкции (и соответствующей каузативной ситуации):

Он — субъект-каузатор₁ реального действия (см. *свернуть*) и субъект-каузатор₂ потенциально каузируемого действия (см. *измять*);

свернуть — реальное, потенциально каузирующее действие (ср.: *Он измял чертеж, свертывая его*);

чертеж — объект₁ реального действия (см. *свернуть*) и объект₂ потенциально каузирующего действия (см. *измять*);

измять — предотвращаемое потенциально каузируемое действие;

бережно (осторожно) — модусно-целевая характеристика отрицательно-каузирующего способа совершения реального действия (см. *свернуть*).

Обоснованность предложенной трактовки рассматриваемых здесь наречий как элементов каузативной конструкции получает по крайней мере два объективных подтверждения:

1. Последовательно проведенное и эксплицитно выражаемое специальными языковыми средствами противопоставление «предотвращающего выбора» способа действия — «предотвращающему» выбору действия (см. примеч. 4).

2. Противопоставление каузативных конструкций, описывающих каузативную ситуацию с предотвращаемым и потому нереализо-

ванным действием, каузативным конструкциям, представляющим это же действие как реализованное — с переводом каузации из целевого плана в план причинно-следственных отношений: *Он осторожно снял окуня с крючка*, где *осторожно* — ‘так, чтобы не уколоться’ или ‘так, чтобы не порвать окуню губу’, и *Он неосторожно снял окуня с крючка*, где *неосторожно* — ‘так, что укололся’. Ср.: «Он услышал знакомые шаги жены, *неосторожно быстро идущей* к нему навстречу» (Л. Толстой. Анна Каренина, 6, XIV), где *неосторожно* — ‘так (быстро), что это могло бы ей повредить’ (с точки зрения Левина, тревожащегося за беременную Кити). Отсюда соответствия-противопоставления: *бережливо* — *расточительно*; *бережно* — *небрежно*, *грубо*; *осторожно* — *неосторожно*, левые члены которых осложняют характеризующее значение значением предотвращения нежелательных последствий как цели (‘так, чтобы не...’), а правые — значением следствия (‘так, что...’) ¹¹.

* * *

Вторая часть семантической структуры наречий *бережливо*, *бережно* и *осторожно* (после ‘так, чтобы не...’) представляет инвариантное значение «предотвращаемого (отрицательно-каузируемого) потенциального действия», варьируемое, как было показано выше, в зависимости от конкретных логико-синтаксических и лексико-семантических особенностей каждого данного контекста и стоящей за ним реальной жизненной ситуации. Нестандартность описанной семантической структуры (включение значения действия в значение наречия!), несомненно, требует объяснения.

В поисках такого объяснения можно было бы обратиться к ранее сделанному выводу о пропозитивной семантике этих наречий, однако едва ли можно признать за ним достаточную для рассматриваемого случая объяснительную силу. Ср., с одной стороны, пропозитивные наречия «причины» типа *второпях*, *спросонья* с внеконтекстной сентенциональной семантикой (‘так как торопился’, ‘так как еще не вполне проснулся’, а с другой стороны, — целый ряд наречий того же модусно-целевого типа (‘так, чтобы не...’ и ‘так, чтобы...’), но с неварьируемой второй частью (*внимательно* — ‘так, чтобы не упустить никаких деталей’; *пристально* — ‘то же’, но только в отношении воспринимаемого зрением; *старательно* —

‘так, чтобы сделать как можно лучше’ и др. под.) Но в таком случае, поскольку речь идет о контекстно обусловленном варьировании имплицитных элементов значения, приходится думать об особом — а м а л ь г а м и р у ю щ е м — способе включения этих наречий в каузативный контекст.

Наречия *бережливо* и *бережно* — со свойственной им, как мы видели, направленностью на прямой «объект бережного отношения» — функционируют в составе каузативных конструкций, которые могут быть охарактеризованы как монообъектные, моносубъектные, однонаправленные, одноступенчатые. В таких конструкциях может использоваться и наречие *осторожно*. Но тогда оно модифицирует указанное выше инвариантное значение в направлении к *бережно*, которое и оказывается его эквивалентом. Ср.: «Барон почти донес Ангелику до кареты, завернул ее в свой плащ, *осторожно посадил*, сел сам, и колеса застучали по мостовой» (Н. А. Некрасов. Певица); «... однажды пробиравалась она по двору, *осторожно поднимая* на растопыренных пальцах накрахмаленную барынину кофту» (И. С. Тургенев. Муму). — Во всех таких случаях *осторожно* может быть заменено на *бережно*¹². Выбор между тем и другим, если он не связан с признаком «выраженность — невыраженность положительной оценки» или с какими-либо специальными факторами¹³, имеет, по-видимому, вероятностно-статистический характер¹⁴.

Однако и в этих условиях — при наличии прямого объекта, который может быть интерпретирован как «объект бережного отношения», — *осторожно*, поскольку оно не ориентировано жестко на объект, может поворачиваться в сторону субъекта, превращая его, если только контекст не парализует такой поворот, в объект каузативного действия. Ср.: «В это время баба *осторожно несла* ему в обеих руках тарелку со щами» (А. Чехов. Попрыгунья), где *осторожно* — <1> ‘так, чтобы не расплескать (щи)’ и <2> ‘так, чтобы не облить себя (щами)’¹⁵. В случаях с *бережно* <2> исключается. Ср. еще: «— У дядюшки побывали?.. — начал батюшка, *осторожно принимая чашку чая* с подноса у попадьи» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы) и т. п.

Осторожно, таким образом, обладает способностью усложнять каузативную ситуацию, перестраивать каузативную перспективу и изменять ориентацию каузативных элементов на субъектно-

объектной оси. Эта его способность особенно ярко проявляется в конструкциях, где прямой объект не может быть осмыслен как «объект бережного отношения» или вообще отсутствует. В таких случаях *осторожно*, реализуя свои каузативные силы, может выходить за пределы своего предложения в более широкий контекст и выступает в качестве пускового механизма усложненных, разнонаправленных и многоступенчатых каузативных отношений, обуславливающих к тому же возможность различных интерпретационных решений.

Разрешение смысловой неопределенности в каждом конкретном случае достигается обращением к ближайшему или более отдаленному (предшествующему или последующему контексту, смысл которого позволяет в большинстве словоупотреблений *осторожно* выбрать обозначаемую им каузативную версию, адекватную отраженной в тексте каузативной ситуации. Так, предложение «Обувшись, взяв ружье и *осторожно отворив скрипучую дверь сарая*, Левин вышел на улицу» (Л. Толстой. Анна Каренина, 6, XII) допускает две возможных интерпретации *осторожно*: <1> ‘**так, чтобы** дверь не заскрипела и **чтобы** ее скрип не разбудил спящих товарищей’ и <2> ‘**так, чтобы** дверь не заскрипела и **чтобы** ее скрип не привлек к нему чьего-либо внимания’. Обращение к предшествующему контексту убеждает, что справедливо прочтение <1>. Ср. еще: «*Вошел Дружинин, осторожно, на цыпочках, убежденный, что я сплю...*» (Д. В. Григорович. Литературные воспоминания, XIII) — ‘так, чтобы не разбудить меня’. Напротив, в предложении «Лиза, притаив дыхание, как человек, который рад, что его не заметили, осторожно подалась назад и тихонько потянула за собою дверь...» (И. С. Тургенев. Дневник лишнего человека) из двух таких же по общему смыслу версий должна быть избрана вторая: ‘**так, чтобы** остаться незамеченной’.

Эти две версии — ‘**так, чтобы не** обеспокоить кого-либо’ и ‘**так, чтобы** остаться незамеченным’ — регулярно повторяются во множестве каузативных контекстов и могут поэтому рассматриваться как типические, или — иначе — как инварианты второго порядка по отношению к инвариантному значению *осторожно*, как оно было определено выше.

Могут быть, естественно, и нетипические версии, осознание которых требует специальных средств организации контекста. Од-

ним из таких средств является экспликация варьируемой части значения *осторожно* или всего этого значения в целом. Ср.: «С семи словами Дюндик подошел к дверям, *осторожно отворил их, чтоб опять не ударить в лоб Марфу Петровну*, и вышел из комнаты» (А. Погорельский. Монастырка, XVII).

Можно было бы предположить, что в подобных случаях мы имеем дело с присловным придаточным цели, и с этим можно было бы согласиться, если бы *осторожно* действительно нуждалось в целевом распространении. Однако, как мы видели, это наречие само является носителем целевой семантики и, следовательно, стоящий при нем (или относящийся к нему на расстоянии, как в последнем примере из Погорельского) отрезок текста, начинающийся словом *чтоб(ы)*, — не придаточное предложение цели, а уточнение, раскрывающее имплицитную часть его значения: *осторожно, то-есть (а именно) так, чтобы не...*, и *чтобы* — не обычный подчинительный союз, а элемент эллиптированного союзного сочетания *так чтобы (не)*¹⁶. Ср. еще: «Он таинственно поманил мальчика к себе и, когда тот подошел к нему, *осторожно, чтобы* никто не видел, сунул ему в руки маленький резной крестик» (К. Станюкович. Побег); «Я вскакиваю, одеваюсь и *осторожно, чтобы* не заметили домашние, выхожу на улицу» (А. П. Чехов. Скучная история, II); «*Осторожно, чтоб* не услышал Маслов, они с Клавдией вышли на улицу» (А. Н. Толстой. Хожение по мукам, III, 20) и др. под. Ср. примеры с полным составом *так чтобы не*: «Он чуть придвинулся и *осторожно, так чтобы не спугнуть*, поцеловал ее» (В. Ермилов. И был день...); «Он нагнулся и *осторожно, так, чтобы не задеть* черные хлопья паутины, свисающей с потолка, стал пробираться к выходу...» (Н. Семагин. После боя).

В связи с этим представляется необходимым еще раз обратиться к семантике *осторожно*. Следуя принципам наших словарей, составляющих наречия без толкования и вывода искомого значение из значения считающегося производящим *осторожный*, мы получим: «предусматривая возможную опасность, действуя обдуманно, осмотрительно; действуя не опрометчиво» [БАС : 8, 1188; Ож. 1975 : 424]. Очевидно, однако, что ни в один реальный контекст это определение ввести невозможно, — и отнюдь не по причинам формально-стилистического характера, а потому, что оно содержит о б ъ я с н е н и е п р и ч и н ы и может служить истолкованием значения

причинного оборота *из осторожности*, за которым стоит выбор действия, а не характеристика способа действия. Ср.: «Я перешел через широкую дорогу и *осторожно* <так, чтобы не обжечься> *пробрался* сквозь запыленную крапиву» (И. С. Тургенев. Три встречи) — *Из осторожности* <предуматривая возможную опасность, опасаясь, боясь обжечься крапивой> *я пошел не по крапиве, а по дороге*. Тем не менее — в силу органической связи категорий причины и цели — тот семантический комплекс, который описывается рассматриваемым определением, действительно входит в семантическую структуру *осторожно*, но не как основное ее содержание, а как ее глубинная подоснова, как пресуппозиция. В таком случае *осторожно* значит ‘{предуматривая, предвидя, зная, опасаясь, боясь, что...} так, чтобы не...’¹⁷.

К а т е г о р и а л ь н ы м центром этой сложной структуры является адвербиально-указательное *так*, а ее с о д е р ж а т е л ь н ы м центром — *чтобы не...*, и за такой организацией стоит многовековой опыт носителей языка, знающих, что способ действия определяется его целевой установкой, тем, чего нужно добиться и чего необходимо избежать. Каждый знает, как нужно идти, чтобы не споткнуться, не поскользнуться, не наколоть ногу; как нужно нести жидкое, чтобы не пролить и не облить себя или другого; как нужно нести хрупкое — чтобы не раздавить и не разбить, чистое — чтобы не испачкать, выглаженное — чтобы не измять; как вести разговор, давать советы, напоминать, расспрашивать, чтобы не обидеть; как укладывать, усаживать, поднимать на ноги, вести по дороге, чтобы не причинить беспокойства или боли и т. д. За каждой такой ситуацией — сложнейший психофизиологический комплекс, а также комплексы поведенческого, этического и других типов.

Именно этими комплексами определяется в конечном счете характер действий участников каузативной ситуации. Те или иные признаки таких действий (их именованья подаются в словарях как подзначения *осторожно* — «мягко, нерезко, негрубо, слабо, сдержанно, деликатно» и др.) не способны охарактеризовать ситуацию в целом и быть ее полномочными представителями. *Осторожно* справляется с этой задачей. Оно выступает в тексте как знак каузативной ситуации и в то же время показывает, что из нее следует выводить признаки характеризуемого им действия. Такое выведе-

ние становится возможным на основе указанных выше типических каузативных версий.

Из множества таких версий, охватывающих большую часть словоупотреблений *осторожно* в каузативных контекстах, мы выделим здесь ту, которая связана с выбором способа действий субъекта-каузатора, направленных на то, чтобы остаться незамеченным: **‘так, чтобы не** заметили, **не** увидели, **не** услышали, **не** обнаружили...’ Логика этой каузативной ситуации предполагает такой образ (способ) действий субъекта-каузатора, который позволяет предотвратить его превращение в объект восприятия другого субъекта и тем самым предотвратить превращение потенциально воспринимающего субъекта в субъект реально воспринимающий (и соответствующим образом действующий).

Поскольку обобщающая версия подобных ситуаций **‘так, чтобы не узнали’**, действие субъекта-каузатора может быть отнесено к разряду «т а й н ы х» действий, чем и обусловлено сближение *осторожно* с группой наречий «тайности», возглавляемой наречием *тайно*. Со. у Пушкина: «[М а т ь] Молчи, молчи; / Не погуби нас: я в ночи / Сюда *прокралась осторожно* / С единой слезною мольбой...» (Полтава, II). То же в «Сказке о царе Салтане»: «Вот *секретно, осторожно*, / По курьерской подорожной / И во все земли концы / *Были посланы гонцы...*» (см. об этом в работе [Пеньковский 1983]; а также в наст. изд. с. 184—203]). Отсюда — не утвердившееся впоследствии — управление с отложительным членом, типичное для наречий указанной группы (*тайно от...*, *тайком от...*, *скрытно от...*, *в тайне от* и др.): «...Царь — в совет; / Изложил там свой предмет: / Так и так — довольно ясно, / Тихо, шепотом, негласно, / *Осторожнее от слуг...*» (там же).

Вот это пушкинское «от слуг» представляет вторую сторону каузативной ситуации. Ту сторону, от которой утаивают; ту сторону, по отношению к которой («от которой») действуют *о с т о р о ж н о*; ту сторону, которая не должна узнать, увидеть, услышать, почувствовать, обнаружить... Не должна, но может — узнать, увидеть, услышать, почувствовать, обнаружить либо в самом процессе совершения тайного действия, либо позднее, по его завершении, когда возникнет необходимость его ретроспективно осмыслить. Но в каких терминах это может быть сделано? И в каких терминах это может быть осмыслено и описано субъектом-

наблюдателем, который не является участником каузативной ситуации, но находится на «той стороне» и воспринимает то, что от «той стороны» скрыто? Эти вопросы заставляют предполагать, что «та сторона» должна располагать специальными наречиями для характеристики действия по признаку его ф и к с а ц и и — н е ф и к с а ц и и рецепторами и / или сознанием воспринимающего субъекта.

И, поскольку речь идет о ситуациях с каузацией в о с п р и я т и я — н е в о с п р и я т и я действия и поскольку *осторожно* (как и все наречия «тайности»), характеризуя каузируемое действие со стороны субъекта-каузатора, представляет способ его совершения как м о т и в и р у е м ы й целью, то наречия, характеризующие то же действие со стороны потенциального или реального субъекта восприятия, должны представлять его способ как п р и ч и н н о м о т и в и р у е м ы й следствием. Если наречия со стороны действующего субъекта — это наречия группы ‘так, чтобы...’ и ‘так, чтобы не...’, то наречия со стороны воспринимающего субъекта — это наречия группы ‘так, что...’ и ‘так, что не...’.

При этом логика описываемой каузативной ситуации такова, что действующий субъект вынужден обеспечивать «невосприятие» своего действия (и тем самым «невосприятие» и себя) с р а з у и в целом по всем параметрам нежелательного, но возможного о б н а р у ж е н и я, тогда как внешние проявления «тайного» («у т а и в а е м о г о» — с к р ы в а е м о г о) действия могут входить в перцептивную сферу воспринимающего субъекта лишь д и ф ф е р е н ц и р о в а н н о (воссоединяясь только в его сознании). Отсюда — н е р а с ч л е н е н н о с т ь тайного действия в сфере действующего субъекта и его р а с ч л е н е н н о с т ь в сфере субъекта воспринимающего: *осторожно* — *незаметно, неприметно, невидимо, незримо, неслышно, неслышимо, неощутимо, нечувствительно...* Наречия этого ряда заслуживают специального углубленного изучения, которому автор намерен посвятить особую работу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Невозможное сегодня, оно было вполне обычным в текстах пушкинской эпохи: «Сказал я как-то мимоходом / И разве в бровь, не прямо в глаз, / Что между авторским народом / Шпионы завелись у нас; / Что там, где им

изменит сила / С лица на недруга напасть, / Они к нему подходят с тыла / И за собою тащат в часть...» (П. А. Вяземский. Важное открытие, 1845); «...расширяя сцену, населяя ее *народом действующих лиц*, он <Грибоедов>, без сомнения, расширил и границы самого искусства Они <Фонвизин и Грибоедов> не перерабатывали своих приобретений в алхимическом горниле общей комедии...» (П. А. Вяземский. Фон-Визин, VIII, 1833); «[Графиня] *Народ любовников*, поверь мне, рад сердечно, / Чтоб только вздохнуть, придраться ко всему: / Как пища нам нужна, так надобны ему / И нежны жалобы, и страстные мученья. / Охотники любить без них умрут с тоски» (А. А. Шаховской. Урок кокеткам, 3, VII, 1815); «Вьется жадно над цветами / Пчел ликующий народ...» (И. С. Тургенев. Параша, LVII, 1841); «Всякий народ смотрит на свет особенным образом; а зрячий в народе слепцов и близоруких тем более должен иметь взгляд ему свойственный» (П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу, 29 августа 1819 г.); «Обиженных творцов, острящих втайне жалы, / Восстанет на меня *злопамятный народ*» (П. А. Вяземский. К перу моему, 1816) и др. Ср. также представляющие ту же модель обороты *сброд кого*: «Сюда по старой памяти являлись родственники и рядом с ними *всякий сброд чужестранных и русских пришлецов, игроков, мелких журналистов, их жен, приятелей и т. д.*» (Д. В. Григорович. Лит. восп., XV, 1880—1890) и *сволочь кого*: «Сволочь беснующегося народа рыщет повсюду...» (А. М. Белосельский-Белозерский — А. И. Остерману, 26 мая 1792 // Русский архив, 1872. Кн. 1. Вып. 2. С. 389); «Он предводительствует *большою сволочью крестьян...*» (там же, 2 июня 1792 // Там же: С. 391); «...*сволочь самой подлой черни* приступила к Тюллерийскому двору» (там же, 19 июня 1792 // Там же. С. 395).

² Ср. наречие *осторожно* в качестве толкующего слова для *бережно* (как и *осторожный* — для *бережный*) в «Словаре церковнославянского и русского языка, составленного вторым отделением Императорской Академии наук» (СПб., 1867. Т. 1. С. 93). Ср. также *бережность* в значении 'осторожность' в приводимом ниже примере из П. А. Катенина: «Я бы причел ему <Пушкину> в большое достоинство опыты новых, дотоле не употребляемых размеров, но по *очевидной бережности сих опытов*, приходит на ум: не для того ли он творил их, чтобы доказать примером кое-каким ценителям трудностей, как они легки...» (Воспоминания о Пушкине, 1852).

С другой же стороны, показательное регулярное использование в современном языке *осторожно* как рядоположного усилителя к *бережно*: «Боясь спутаться, затеряться в светлом лабиринте памяти, он прежний путь свой восстанавливал *осторожно, бережно*, возвращаясь иногда к забытой мелочи...» (В. В. Набоков. Машенька); «Власть партии — реальная власть, и, как всякая реальная власть, цель которой — благо людей, она должна осуществляться *бережно и осторожно*» (Московские Новости, 8 мая

1988 г.). То же в сочинительных сочетаниях с одноосновными именами: «Вот почему я призываю к особой *бережности, осторожности* в реализации действительно неотложных, действительно радикальных и необходимых реформ» (Советская Культура, 5 марта 1988 г.).

³ Составители МАС, несомненно, допустили ошибку, используя в качестве единственной иллюстрации в статье БЕРЕЖНО пример из романа «Счастье» П. Павленко, противоречащий описанной только что узуальной норме: «Опанас Иванович *бережно помог* Воропаеву *слезть с подводы*» [МАС 1985 : I, 79].

⁴ Отсюда специфический выбор с р а в н е н и й, характеризующих объект «бережного отношения»: «...бричка, которую, кое-как увязавши, везли *бережно, как воина с честью павшего на поле битвы*» (М. С. Жукова. Вечера на Карповке); «Митревна взяла жилетку и *бережно, точно какой драгоценный и хрупкий сосуд*, отложила ее в сторону» (А. И. Эртель. Гарденины, I, V); «Певец нес песню *бережно, точно птенца в ладонях...*» (С. Рассадин. Никогда никого не забуду) и др. под.

^{4а} Ср. редчайший случай индивидуального п р е д и к а т и в н о г о употребления наречия *бережно*: «Я получил вчера Твое письмо, спасибо тебе, родной мой Боря. Потом я буду писать Тебе о себе много... Пиши мне, милый, я уже не могу нормально существовать без Твоей поддержки от времени до времени. За эти дни из принесенного почтальонами и мной из чужих квартир, — настоящими были только твои письма. Милый мой брат, обнимаю Тебя. *Мне теперь гораздо лучше, стало тихо и опять бережно вокруг*. Твой брат Саша» (А. Блок — А. Белому. 3 января 1906 г.). Здесь — даже в условиях резкого функционального сдвига — сохраняются и объектная и лично-субъектная составляющие *бережно*, которое нужно читать как ‘окружающие опять относятся ко мне бережно’.

⁵ Ср.: «...Расставанье / Настало. Тяжело в последний раз / Смотреть в лицо любимое! Прощанье / В передней да *заботливый наказ / Себя беречь — обычное желанье...*» (И. С. Тургенев. Андрей, 2, 49, 1845). Ср также: «Очень сожалею, что не мог его дожидаться, и более еще сожалею о его нездоровье; попросите его все совокупно, чтобы *поберегал себя*» (К. Ф. Рылев — жене, 27 января 1825).

⁶ Это категориальное «бенефактивное» противопоставление («только в пользу другого» — «в пользу также и себя» или, иначе, «pro domo tua tantum» — «pro domo tua et sua») обнаруживается еще в параллельной группе наречий, также выражающих предотвращение нежелательных последствий действия как целевую установку субъекта, но — в отличие от *бережно / осторожно* — связывающих это предотвращение с выбором не способа совершения действия, а с выбором самого действия. Таковы наречия *предупредительно* («только в

пользу другого») и *предусмотрительно* («также и в пользу себя»). Ср.: <1> Он *осторожно* (*бережно*) отвел ее в сторону — ‘отвел ее в сторону так, чтобы не причинить ей беспокойства’ — Он *предупредительно* / *предусмотрительно* отвел ее в сторону (а не оставил на прежнем месте); <2> Он *осторожно* (не *бережно*!) отошел в сторону — Он *предусмотрительно* (не *предупредительно*!) отошел в сторону — ‘отошел в сторону, чтобы не быть задетым идущей толпой, машиной и т. п.’

Как и в случае с *бережно* / *осторожно*, это разграничение не изначально. Ср.: «Нам стало известно о возможной засаде, и мы *предупредительно* <‘предусмотрительно’> остановились, не доезжая до поворота» (В. Золотарев. В горах Кавказа, 1843); «Понимая, что зима не за горами и может быть по здешним условиям очень суровой, я *предупредительно* <‘предусмотрительно’> сделал все нужные запасы» (М. И. Венюков — Н. Н. Муравьеву, 8 января 1854 г.).

В связи с историей рассматриваемой семантической категории следует упомянуть также аналогичное развитие «бенефактивного» оборота «для + Род. п.», который в пушкинскую эпоху употреблялся без разграничения указанных двух значений. Поэтому высказывание *Она отправилась в Москву для дочери* — в зависимости от широкого контекста — могло обозначать и <1> ‘Она отправилась в Москву по просьбе и в интересах дочери’ и <2> ‘Она отправилась в Москву, чтобы <в своих интересах> увидеть дочь’. См. об этом специально в работе [Пеньковский 1999 : 220].

⁷ Ср. устар. в *бережности*: «Мне было отпущено зеркало из мебели, оставшейся после покойного отца и в *бережности* сохраненной...» (В. И. Сафонович. Воспоминания // Русский архив, 1903. Кн. 1. Вып. 1. С. 169) и с *бережностью*: «Тонька, счастливо улыбаясь, с *двойной бережностью* снимает и вешает снова на плечики костюм» (А. Белай. Год и тридцать) Ср. также устар. с *бережью* в редком предметно-именном употреблении («Видал я иногда, / Что есть такие господа / (И эта басенка им сделана в подарок), / Которым тысячей не жаль на вздор сорить, / А думают хозяйству подпорить, / Коль свечки сберегут огарок, / И рады за него с людьми поднять содом. / С такою *бережью* диковинка ль, что дом / Скорешенько пойдет верх дном» — И. А. Крылов. Мельник, 1825) и в обычном обстоятельстве-ственном значении (‘осторожно’): «Как-то раз хотел царевич подарить ему дорогую вещицу из своего костяного ларца, но дьяк с *бережью* напомнил ему, что все вещи в ларце — его, что он может играть ими сколько душе угодно, да располагать ими не волен» (И. И. Лажечников. Басурман). Ср. еще устар. с *бережением* — ‘бережно’: «— Опустите на землю его милость, да с *бережением!*» (А. К. Толстой. Князь Серебряный) и с *бережливостью* — ‘осторожно, бережно’: «Наконец, легонько, с *бережливостью*, какую только можно себе вообразить, он приподнял два пальца, с тем,

чтобы поймать его <нос майора Ковалева> за кончик» (Н. В. Гоголь. Нос); «Он <Кутузов> нашел молодого предместника своего <графа Каменского> распростертого, безгласна, бездыханна, окружил его самыми нежнейшими попечениями <...> и, как скоро в южном краю наступило теплое время, с бережливостью отправил его в Одессу...» (Ф. Ф. Вигель. Записки, III) и др.

⁸ Ср.: в комментарии Н. Берковского: «...слово *бережно* здесь обвинительное слово, имеется в виду не бережность в отношении кого-то другого, а бережность в отношении самого себя, осмотрительность в расходовании собственных запасов» (Н. Берковский. Ф. И. Тютчев // Н. Берковский. О русской литературе. М.: Художественная литература, 1985. С. 197).

⁹ См.: Правильность русской речи. Трудные случаи современного словоупотребления. Опыт словаря-справочника / Под ред. С. И. Ожегова. М.: ИАН, 1962. С. 15—16. То же. 2-е изд. М.: Наука, 1965. С. 16—17. Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник / Ред. К. С. Горбачевич. Л.: Наука, 1973. С. 30.

¹⁰ В этой связи следует заметить, что имя *бережливость* (как и имя являющейся отрицательным продолжением *бережливости*) обнаруживает способность к абсолютному употреблению: «Это были дома, коих хозяева, вопреки *германской бережливости*, любили принимать иностранцев» (А. Погорельский. Двойник, I, 3); «*Природная бережливость*, даже скупость, помогли ему не тратить в месяц более десяти рублей» (Я. Полонский. Медный лоб); «От нищего детства в нем сохранилась *бережливость*, в школе товарищи принимали ее за скупость» (А. Рыбаков. Дети Арбата, 27), тогда как для паронимического *бережность* это совершенно невозможно: *бережность* — не «свойство», а «отношение (или чувство) к кому-чему-либо». Ср.: «С каким *бережным* чувством начали мы наконец *относиться* к древним произведениям искусства» (Неделя, 1988, 35, 17).

¹¹ Отмечая параллелизм трех указанных выше наречных систем, следует обратить внимание на общую для них *асимметрию* по признакам выражения *оценки* и ориентированности на объект и субъект. Так, в паре *бережно* — *осторожно*, как и в паре *предупредительно* — *предусмотрительно*, *положительная* оценка соединяется с объектной ориентацией. В паре *осторожно* — *неосторожно* отрицательная оценка у второго члена закономерно соединена с ориентацией на субъект. Поэтому можно *неосторожно сесть* (испачкавшись), *неосторожно наклониться* (вызвав судорогу), *неосторожно встать* (вызвав головокружение), *неосторожно снять окуля с крючка* (уколовшись) и т. п., поскольку во всех таких случаях *неосторожно* характеризует «*потенциально вредоносное действие*». При глаголах же «*решительно вредоносного действия*» *неосторожно* автоматически переключается из сферы следствия в органически соединенную

с ней сферу причинных отношений, и вместо 'так, что...' получает значение 'потому что...': *неосторожно* — 'по неосторожности'. Ср.: *неосторожно споткнуться, порезаться, уколоться, стукнуться лбом о прилобу, наступить на гвоздь* и т. п. Понятно поэтому, что глаголы не й т р а л ь н о г о (с точки зрения причинения вреда) действия выводятся из круга сочетаемостных возможностей *неосторожно*: сегодня едва ли допустимо *неосторожно свернуть чертеж* в значении 'свернуть чертеж так, что он измялся / разорвался' (ср.: *небрежно, неаккуратно, грубо свернуть чертеж*), *неосторожно снять окуня с крючка* в значении 'снять окуня с крючка так, что у него оказалась порвана губа' (ср.: *неаккуратно, грубо снять окуня с крючка*) и т. п. Вся эта сфера заслуживает специального изучения.

В то же время должны быть отмечены и осмыслены многочисленные отклонения от параллелизма в этих парах. Так, при регулярном соотношении *осторожно* — *неосторожно* требует объяснения сравнительно недавняя утрата параллелизма с образованием супплетивных пар типа *бережливо* — *расточительно*, а не *небережливо, отмеченное только в [МАС], и *бережно* — *небрежно*, а не *небережно, вообще не фиксируемое нашими словарями. Между тем полтора-два века назад это наречие имело достаточно широкое употребление: «О, пощади! Зачем волшебство ласк и слов, / Зачем сей взгляд, зачем сей вздох глубокой, / Зачем скользит *небережно* покров / С плеч белых и с груди высокой?» (Д. Давыдов. Элегия VIII, 1817); «Нет, не слетит оно <очарованье> назад / К моей душе полузабытой, — / Так оставляет аромат / Сосуд *небережно* разбитый...» (В. Н. Григорьев. К неверной, 1824); «Так наш язык: от слова ль праздный слог / Чуть отогнешь, *небережно* ли вынешь, / Теснее ль в речь мысль новую водвнешь, — / Уж болен он, не вынесет, крихтит...» (С. П. Шевырев. Послание к А. С. Пушкину, 1830); «...схватил он <врач> новорожденного младенца своими опытными руками, начал осматривать у свечки, вертеть и щупать <...> Софья Николавна перепугалась, что так *небережно* поступают с ее бесценным сокровищем...» (С. Т. Аксаков. Семейная хроника, 1856) и др.

Требуют объяснения также семантические сдвиги во вторых членах пар *бережно* — *небрежно* и *предусмотрительно* — *предупредительно*: *небрежно* характеризуется более сложной семантической структурой, а *предупредительно* обнаруживает дополнительную ограничивающую сему — 'в ответ на невысказанное пожелание того, в чью пользу совершается действие'.

Заслуживают специального исследования нормы, определявшие в предшествующую эпоху функционирование наречий *неосторожно* и *небрежно*. Ср. обычное у разных авторов этого времени их употребление как откровенно иронических эвфемизмов: «Увидя мои упражнения в географии, батюшка дернул меня за ухо, потом подбежал к Бопре, *разбудил*

его очень неосторожно и стал осыпать упреками» (А. С. Пушкин. Капитанская дочка) с толкованием в «Словаре языка Пушкина» — «без всякой осторожности, грубо» (II, 817); «Конечно, случиться может и так, что министр заедет в такой день, когда Марфа Петровна, может быть, накануне неосторожно потрепала сиротку по щекам...» (А. Погорельский. Монастырка, IV); «— Ах, ты, проклятый! — закричала Марфа Петровна, отлетев на несколько шагов назад и весьма небрежно упав на пол» (А. Погорельский. Монастырка, XII); «— Не замай! — закричал Иван вне себя от ревности и гнева и оттолкнул Володю так небрежно, что тот не устоял на ногах и покатился под ноги Россинанту» (Н. В. Кукольник. Сержант Иван Иванович Иванов, или все заодно, 1, 1841).

¹² В современном языке *осторожно* не вступает в отношения эквивалентности с *бережливо* в связи с узкой специализацией последнего. В прошлом, как свидетельствуют приведенные ранее примеры, было иначе. Ср. также *осторожный* — ‘бережливый’: «Реин и Неккер наполнились от дождей, яростно разлили воды свои и затопили сады, поля и самые деревни. Здесь неслась часть домика, где обитали перед тем покой и довольствие, тут бурная волна мчала запас *осторожного*, но тщетно *осторожного* поселанина» (Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника, 3 августа 1789 г.).

¹³ Ср., например: «Они *осторожно берегли свои раны* от оскорбительных, болезненных прикосновений» (Л. Толстой. Война и мир, IV, 4, I), где выбор *осторожно* продиктован стремлением избежать нежелательного для Толстого повтора (Гоголь, напротив, предпочел бы, наверное, однокоренное с глаголом *бережно*). Ср. также: «...та *бережность*, которая заставляет обращаться с женщиной так же *осторожно*, как с дорогой и хрупкой вещицей» (М. В. Авдеев. Подводный камень, II, 3, 1865); «...однажды Горбачевский увидел, как двое бурят с *осторожной бережностью*, словно драгоценный и нежный товар, складывали и сливали в свой сосуд остатки пищи...» (С. Рассадин. Никогда никого не забуду).

¹⁴ То же в случаях с аналитическим наречным оборотом: «Василий Иванович несколько раз пытался *самым осторожным образом расспросить Базарова* о его работе» (И. С. Тургенев. Отцы и дети). Ср. также в условиях редкого метафорического употребления: «На Ольге Ивановне было белое утреннее платье; ее голые бледно-розовые плечи и руки дышали свежестью и здоровьем; небольшой чепчик *осторожно сжимал* ее густые, мягкие, шелковистые локоны» (И. С. Тургенев. Три портрета).

¹⁵ О закономерностях перехода *тарелка со щами* — *щи* см.: Н. Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. С. 135—136.

¹⁶ При богатстве синонимических средств русского языка это же значение может передаваться и иначе: ‘так, чтобы не...’ — *стараясь не...*, *заботясь о том, чтобы не...* Ср.: «*Стараясь не шуметь*, я стала убирать со

стола» (И. Бунин. Заря всю ночь); — Я стала *осторожно* (так, чтобы не шуметь) убирать со стола; «Он шагал по дороге, *заботясь*, чтобы щепень под ногами *не* скрипел» (М. Горький — пример из кн.: С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов. Современный русский язык: Синтаксис сложного предложения. М.: Просвещение, 1969. С. 64) — Он *осторожно* (так, чтобы щепень *не* скрипел под ногами) шагал по дороге. Ср. также: «Она пришла к нему вечером, после работы, не стала стучаться, а *осторожно*, *стараясь не скрипнуть*, *приоткрыла дверь*, и дверь не скрипнула, распахнулась...» (Н. Евдокимов. Трижды величайший).

¹⁷ Ср. примеры экспликации этой пресуппозитивной части: «Конь, сгибая шею, *бережно ступал*, боясь *разбудить лишние два глаза...*» (М. С. Жукова. Вечера на Карповке); «К вещам он *прикасался бережно*, казалось боясь *причинить им боль...*» (В. Гроссман. Жизнь и судьба, 61). Отметим в этой связи редкий случай, где *осторожно* при глаголе «не-действия» не может быть понято как наречие «образа действия» и потому получает окказиональное «причинное» значение ‘из осторожности’: «— Ну, так же нельзя! — протестовал высокий мужчина с нервным лицом, недавно поступивший в камеру и *осторожно избегавший “опасных” разговоров...*» (Н. Дубинин. История скрипача Жалейко).

ЛИТЕРАТУРА

БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: ИАН, 1950—1965.

Засорина 1977 — Засорина Л. Н. Частотный словарь русского языка. М.: Русский язык, 1977.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1981—1984.

НСРЯ — Новый словарь русского языка. М.: Русский язык, 2000.

Ож. — Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1975.

ОШ — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.

Пеньковский 1983 — Пеньковский А. Б. Из наблюдений над развитием и становлением лексико-семантических норм в одном синонимическом ряду наречий // Норма в лексике и фразеологии. М.: Наука, 1983. С. 139—157.

Пеньковский 1987 — Пеньковский А. Б. Категориальные признаки наречий и их отражение в словаре: Субъектно-объектная ориентация // Сочетание лингвистической и внелингвистической информации в автоматическом словаре. Ереван, 1987. С. 89—92. .

Пеньковский 1991 — Пеньковский А. Б. Сдвиг норм наречного словоупотребления как исследовательская база для изучения грамматической и

коннотативной семантики русского слова // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики: Всесоюзная научная конференция. Москва, 20—23 мая 1991 г. Доклады. Ч. 2. М.: Наука, 1991. С. 75—83.

Пеньковский 1994 — *Пеньковский А. Б.* Наречия причины и наречия с причинным значением в русском языке // Современные проблемы русского языкознания. Горький, 1994.

Пеньковский 1999 — *Пеньковский А. Б.* Нина: Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. М.: Индрик, 1999.

СП — Словарь языка Пушкина: В 4 т. М., 1956—1961.

СТРЯ — Современный толковый словарь русского языка. СПб., 2001.

СЦРЯ — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. СПб., 1867.

Уш. — Толковый словарь русского языка: В 4 т. Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940.

Штейнфельдт 1963 — *Штейнфельдт Э. А.* Частотный словарь современного русского литературного языка. Таллин, 1963.

ГЛАГОЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ SUB SPECIE ADVERBIORUM

1. *Охотно, с удовольствием, с радостью*

Почему светлой речи значенье
Я с таким затрудненьем ищущу?
Почему и простые реченья,
Словно темную тайну шепчу?

А. А. Фет

Наречие *охотно* в русском литературном языке, казалось бы, не содержит в себе ни тайн, ни загадок. Напротив, в полном соответствии со своим значением, это стилистически нейтральное, общеупотребительное и относительно высокочастотное слово ¹ доброжелательно распахнуто навстречу первому же движению рефлектирующего языкового сознания даже не слишком искушенных в тонкостях семантического анализа носителей языка. «Что значит *охотно*?» — спрашиваю я студентов-первокурсников, только что переступивших порог университета, и все они без долгих раздумий и без затруднений, словно перед ними лежит раскрытый на нужной странице синонимический словарь, отвечают: «с охотой, с готовностью, с желанием, с удовольствием, с радостью» ².

Толковые словари, лишь уточняя: «с большим желанием» [БАС : 8, 1767—1768; Уш. : II, 1027; Ож. : 444], «с большим удовольствием» [МАС : II, 729], согласно подтверждают эти синонимические толкования, подкрепляя их иллюстрациями, которые, по условию, должны представлять нормативные употребления *охотно* в нормативных типовых контекстах. Ср., например, в МАС: «Алеша *охот-*

но брался за любую работу» (Горбатов. Мое поколение) — ...брался за любую работу *с охотой* / *с большим желанием* / *с большим удовольствием* / *с готовностью* / *с радостью*.

Всякий, кто усомнится в чистоте подобных замещений, может — при содействии тех же словарей — прийти к тем же тождествам с другой стороны. Ибо если *охотно* = «с готовностью», то *с готовностью* = «охотно» [БАС : 3, 346]; если *охотно* = «с охотой», то *с охотой* = «охотно» [СП : III, 255]; если *охотно* = «с радостью», то *с радостью* = «охотно» [БАС : 12, 79] и т. д. Ср. еще: *с радостью* — «с полной готовностью, с охотой, с удовольствием» [МАС : III, 581].

Очевидно, что *охотно* в таком представлении оказывается элементом ряда дублетов, абсолютных эквивалентов, неподвижных тождеств, создающих при переходе от одного к другому лишь иллюзию движения в замкнутом синонимическом кругу. Здесь, как и во множестве других подобных случаях, картина, которую рисуют словари, — это стоп-кадр, остановленное и тем самым омертвленное мгновение, и притом — мгновение столетней давности³. «*И пришла буря, и прошла буря; и океан замерз, но замерз с поднятыми волнами; храня театральный вид движения и беспокойства, но в самом деле (sic!) мертвее, чем когда-нибудь...*» (М. Ю. Лермонтов — С. А. Бахметьевой, август 1832). В эту мертвую картину нужно вдохнуть жизнь, живое движение которой и есть одновременно и тайна, и разгадка тайны.

* * *

Выделим прежде всего в составе нашего синонимического комплекса три наиболее употребительных члена — *охотно*, *с удовольствием*, *с радостью* — и рассмотрим некоторые примеры их живого употребления.

А. «Я послал с горничной ответ, в котором предлагал Саше избрать местом для rendez-vous какой-нибудь сад или бульвар. Мое предложение было *охотно принято*» (А. П. Чехов. Любовь); «Этот генерал... отнюдь не считал себя благодетелем Ивана Федоровича, относился к нему совершенно спокойно, хотя и *с удовольствием пользовался* многообразными его услугами...» (Ф. М. Достоевский. Идиот, 4, VII); «— Я, конечно, *с радостью отдала бы* все

эти тряпки, но вот в чем беда: они не мои...» (Д. Мережковский. Воскресшие боги, 7, VI).

Б. «Князь... был ослеплен и поражен до того, что не мог даже выговорить слова. Настасья Филипповна заметила это с удовольствием» (Ф. М. Достоевский. Идиот, I, XIII); «Сельма пошла дальше, а Андрей, проводив ее с удовольствием глазами, свернул и направился к западному подъезду» (А. и Б. Стругацкие. Град обреченный); «...ему вспоминается его хозяйственная деятельность, и опять не на чем *остановиться с радостью в этих воспоминаниях*» (Л. Н. Толстой. Казаки, II); «...его гениальный “Марбург”, который и сейчас по-прежнему близок молодым стихолобам, в чем я не раз с *радостью убеждался*» (В. Виленкин. О Б. Л. Пастернаке).

В. «Он свел всё к одному прямому налогу, самому справедливому и *охотно* всеми *платимому*...» (В. А. Панаев. Воспоминания); «Коврин теперь ясно сознавал, что он — посредственность, и *охотно мирился с этим*» (А. П. Чехов. Черный монах, IX); «Я ударил тревогу, и Сева *охотно на нее отозвался*» (В. Тендряков. Покушение на миражи. I, 3); «— Ну как? — спросил он. Это о том, какие у меня были волосы. — Что ж, сейчас лето, — отвечаю, так будет легче, — Это так, — *охотно согласился* он. — Я, когда был моложе, всегда брился догола...» (Ю. Домбровский. Записки мелкого хулигана).

Совершенно очевидно, что во всем этом материале нет ни одного случая, где бы употребление наречия *охотно* и определителей *с удовольствием*, *с радостью* не соответствовало действующей в литературном языке и интуитивно осознаваемой нами норме. Тем не менее — и в этом легко убедиться — за пределами группы А они не обнаруживают признаков эквивалентности и их заместительное использование оказывается невозможным.

Так, в примерах группы Б определители *с удовольствием*, *с радостью* не поддаются замене наречием *охотно*. Ср.: *Настасья Филипповна заметила это *охотно*; *Андрей проводил ее *охотно* глазами; *...в чем я не раз *охотно* убеждался... Точно так же, в примерах группы В *охотно* нельзя заменить на *с удовольствием*, *с радостью*. Ср.: *...налог, *с удовольствием* / *с радостью* всеми платимый; *Коврин... *с удовольствием* / *с радос-*

тью мирился с этим; *Я ударил тревогу, и Сева с удовольствием / с радостью на нее отозвался...

При этом важно понять, что в примерах группы Б это «нельзя», по-видимому, связано с действием какого-то специфического внутреннего механизма самого языка («так не говорят»), тогда как в примерах группы В «нельзя» диктуется извне — логикой человеческих отношений, чувств и оценок во внеязыковом мире («так не бывает»). Высказывание *Андрей охотно проводил ее глазами — неправильное: оно нарушает какую-то, пока нам не известную, языковую норму. Высказывание *Я ударил тревогу, и Сева с удовольствием / с радостью на нее отозвался — правильное, но несколько странное: оно как о нормальном сообщает о том, что нарушает некоторую жизненную норму. Эта неписаная (а неписаная потому, что естественная и сама собой разумеющаяся) норма состоит в том, что люди могут охотно платить разумные и справедливые налоги, мириться с сознанием собственного несовершенства, откликаться на удар тревоги, признавать справедливость справедливых высказываний собеседника и т. п., но не должны (а иногда и должны не!) испытывать при этом ни радости ни удовольствия.

Исходя из сказанного, мы можем утверждать, что:

1. Не всякое действие, которое осуществляется с удовольствием и / или с радостью, может быть охарактеризовано как *осуществляемое охотно*.

2. Осуществляя какое-либо действие охотно, мы не обязательно должны испытывать при этом удовольствие и / или радость.

Это значит, что *охотно* в современном русском литературном языке, хотя и связано некоторым образом с назначенными ему в эквиваленты определителями *с удовольствием* и *с радостью*, тем не менее отнюдь не тождественно им по значению.

Дополнительным доказательством этого могут служить обороты, в которых *охотно* и его эквиваленты соединены выделительно-усилительной частицей *даже*: «Офицеры *охотно и даже с удовольствием поддавались этому соблазну*» (В. Золотарев. В горах Кавказа); «Человек *весьма охотно и даже с радостью освобождается* от всяких человеческих уз, — только будь оп-

равдание...» (И. А. Бунин. Конец, II). Ср. также: «Все страдания, как бы тяжелы они ни были, вплоть до позорнейшей смерти, я *приму на себя не только охотно, но и с радостью...*» (Н. Соколов. Перевод с нем. [И. Кант. Религия в пределах только разума]) и др.

Обороты с *охотно* в такого рода высказываниях являются не градуально-степенными единствами (ср.: «...когда-то она была *очень красивой*, говорили *даже*, что *красавицей*» — Л. Авилова. Воспоминания; «...событие *знаменательное, даже историческое*» — С. Довлатов. Марш одиночек; «Мне было *неприятно, даже противно*. — М. Осоргин. Повесть о сестре), как это может показаться на первый взгляд, а единствами градуально-количественного типа (ср.: «Будет тебе *книжка, и даже с картинками...*» — С. Прокофьев. Мальчишки; «— А там ты заработаешь себе *на кусок хлеба, и даже с маслом...*» — А. И. Левитов. Приехали...), поскольку — вопреки категорически высказанному утверждению авторов «Словаря синонимов русского языка» [Евгеньева 1971 : II, 110] — означаемые их составляющих обнаруживают не степенные, а существенные различия: за наречием *охотно* стоит волевая, а за оборотами *с удовольствием / с радостью* — чувственная сфера. То, что у них является общим, то, что объединяет их парадигматически, что делает возможным — при некоторых условиях — их синтагматическое соединение и совмещение их семантических комплексов, — может быть интерпретировано как ‘положительная реакция на что-либо’. При этом *охотно*, как волевая реакция, предшествует действию, тогда как *удовольствие* и *радость*, как чувственные реакции, сопутствуют действию на протяжении всей его длительности.

* * *

Отметим прежде всего, что Удовольствие (ср. словарное толкование *удовольствия* как «чувства радости, довольства» — МАС : IV, 469) — это не просто чувство. Это — чувственная реакция. Удовольствие всегда — удовольствие от чего-либо, и этим, в частности, оно отличается от Радости, которая может быть и «*ни от чего*» (ср. *беспричинная радость*, но не **беспричинное удовольствие*). При этом Удовольствие — прежде все-

го чувственно-физиологическая реакция, тогда как Радость имеет более высокую чувственно-психическую природу. Определяя *удовольствие* как «чувство радости», а *радость* — как «чувство удовольствия» (МАС: III, 581), лексикографы должны были бы уточнить, что *удовольствие* — это радость тела, а *радость* — удовольствие духа. Радость, с категориально-сущностной точки зрения, это и «чувственная реакция» (*радость*, как и *удовольствие*, испытывают: *Я с радостью узнал, что... / Узнав, что..., я испытал радость*), и «чувство» (*радость*, в отличие от *удовольствия*, переживают, и сама она, как и другие чувства, живет в человеке), и «чувственное состояние», в котором пребывают: «*Не в радости ли просыпался я всякое утро?...*» (Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника); «...чтобы художник, если бы удалось ему заглянуть в душу своего слушателя и читателя, *сказал бы в радости...*» (Н. А. Ильин. О чтении и критике, 1). Ср. также *радостный настрой*, *радостное настроение*, *радостное расположение духа*. Радость причастна почти ко всем сторонам и проявлениям человеческой жизни, и ничто человеческое, кроме разве чистой физиологии, ей не чуждо. Удовольствие же располагает относительно ограниченным диапазоном. Оно может быть одухотворено, но возвыситься до верхней границы радости (*небесная, святая радость*) оно все-таки не может.

Не исчерпывая всей глубины и сложности проблемы (см. об этом специальную работу автора [Пеньковский 1991, 148—154] и в наст. изд. с. 61—72), сказанное позволяет понять то исходное противопоставление «телесного — духовного», на котором основано соотношение между определителями *с удовольствием* — *радостью*.

Первый естественно и понятно тяготеет к глаголам «низких», физиологически-телесных и бытовых физических действий: *с удовольствием зевнуть, потянуться, чихнуть, откашляться, вдохнуть, выдохнуть, высморкаться, почесаться, выпить, съесть, закусить, закурить, затануться, взять в руки, сесть, лечь, встать, походить, побегать* и т. п. Ср.: «Утонченный сибарит и эпикуреец впоследствии, долго не находивший сигар по вкусу, Боткин *с удовольствием тянул тогда из коротенького чубука “Жуков” табак...*» (Д. В. Григорович. Литературные воспоминания, X); «Она ровно дышала, улыбалась

и, по-видимому, *спала с удовольствием*» (А. П. Чехов. Учитель словесности); «Те, что уже запаслись кипятком, бодро бегут с вокзала назад, с *удовольствием зябнут*, с ернической веселостью торгуются на бегу с бабами» (И. А. Бунин. Жизнь Арсеньева).

Второй нормально ориентирован на глаголы «высоких», ментальных действий: *с радостью осознать, понять, решить, убедиться, угадать, узнать* и т. п. Ср.: «Сегодня я с *радостью освободился от мучавших меня сомнений*» (Я. Колбасин — И. С. Тургеневу, 25 августа 1868); «...то и дело сжималось сердце при взгляде на мать и Баскакова; но сейчас же я с *радостью говорил себе: все это еще не скоро!*» (И. А. Бунин. Жизнь Арсеньева).

Понятно, однако, что никакой стены между телесным и духовным, физическим и ментальным, физиологией и психикой нет и быть не может. Сферы эти естественно взаимосвязаны и взаимодействуют, и границы между ними диффузно размыты. Самые высокие ментальные действия могут обнаруживать свою физиологическую и физическую подкладку. Самые грубые физические действия подконтрольны сознанию и могут быть одухотворены. Одно и то же действие человек может осуществлять по-разному: как телесное существо, как психический субъект и как целостная личность, причастная миру и включенная в те или иные межличностные связи.

Поэтому *писать роман, решать шахматную задачу, философствовать, вспоминать о встрече, слушать музыку, смотреть на что-либо (на кого-либо), рассказывать о чем-либо, копать грядки, обрезать деревья, колоть дрова, мыть полы, варить обед* и т. п. можно и с *удовольствием*, и с *радостью*. Ср.: «В это утро проснулся я рано и с *удовольствием встал, с удовольствием умылся...*» (В. Голявкин. Кеша); — «Я ушел спать в третьем часу, но многие остались пировать. С *радостью встал* я на другой день, зная, что это последний день нашей праздности» (И. С. Аксаков — родным, 3 сентября 1844). Во всех таких случаях определитель с *удовольствием* не только обозначает определенный тип положительной эмоциональной реакции на некоторое действие, но и характеризует само это действие как ее прямой и непосредственный стимул. Именно действие, действие

как процесс, может доставить нам удовольствие. Только действуя, мы можем получить удовольствие. Это совершенно очевидно, когда речь идет о физиологически-телесных и физических действиях, но это справедливо и в отношении любых других, в том числе и высоких ментальных действий, если они имеют доступную ощущениям физическую подоснову. Именно о таких действиях (*слушать музыку, смотреть картины Тарковского, беседовать с умным человеком, решать математические задачи* и т. п.) говорят, что они доставляют чисто физическое удовольствие. При этом важно одно: такое действие должно быть активным, намеренным, целенаправленным действием самого субъекта чувственной реакции. Ее стимулом может быть, естественно, и отрицательное действие, т. е. активное недействие (то, что называется *dolce far niente* — *сладкое ничегонеделание*), и активное пребывание в том или ином состоянии (*сидеть, стоять, лежать, валяться*).

Что касается действий, совершаемых во внешнем мире другими, и в частности действий, совершаемых другими специально для нас (*для нашего удовольствия*), то — вопреки поверхностной форме описывающих подобные ситуации высказываний (*Ваша игра доставила мне удовольствие / Вы доставили мне удовольствие вашей игрой / Я получил удовольствие от вашей игры*) — они должны рассматриваться не как стимул, а как источник удовольствия. Стимулом же, в соответствии со сказанным выше, здесь, как и в любом другом случае, является собственное действие «получившего удовольствие Я». Не названное, но необходимое, оно легко восстанавливается простейшими трансформациями: *Я с удовольствием слушал (смотрел на) вашу игру / следил за вашей игрой / внимал вашей игре...*

Источник-стимул (действие) и реакция (удовольствие) находятся в прямом и непосредственном контакте. Не случайно поэтому, что они могут обозначаться слитно, в целостной семантической структуре. Ср. *любоваться* ‘смотреть на кого- / что-либо с удовольствием’ vs. ‘испытывать удовольствие, наблюдая чьи-либо действия’; *смаковать* ‘есть или пить намеренно неторопливо, небольшими порциями, стараясь продлить получаемое удовольствие’ vs. ‘сообщать или воспринимать что-либо, с особым удовольствием задерживаясь на отдельных деталях’ и др.

Глаголов, в значение которых в качестве семантической составляющей входило бы ‘с радостью’, в русском языке, по-видимому, нет. Это можно было бы объяснить тем, что *с радостью* характеризует действие не как непосредственный стимул эмоциональной реакции, а как стимул стимула, находящегося вне действия — в ментальной сфере. Так, *слушая с радостью* первое исполнение симфонии А. Шнитке, мы можем (отнюдь не обязательно получая удовольствие от этой музыки и / или от ее исполнения) радоваться тому, что этот недавно еще запретный композитор стал наконец доступен широкой аудитории, что нам удалось попасть на этот (престижный) концерт и т. п. Равным образом, радость, которую мы испытываем, перекапывая землю на даче (независимо от того, насколько нам приятна сама физическая работа), может быть вызвана мыслями о будущем урожае, о стариках-родителях, которым мы помогаем, сознанием самопреодоления и т. п. Ср. в приведенном выше примере: *...с радостью встал, зная, что...*

Можно сказать поэтому, что *с радостью* — это знак положительной эмоциональной реакции, опосредованной мыслью, или, если попытаться выразить это более широко и осторожно, имеющей ментальное опосредование. Ментальная природа этого опосредования убедительно свидетельствуется тем, что в определенном типе перифраз — высказываний, содержащих *с радостью*, — оно получает выражение в фактуальных номинализациях: *Я с радостью ухаживала за ним — Ухаживать за ним было радостью для меня — То, что я ухаживала за ним, было радостью для меня.* «Факты» же, как показала Н. Д. Арутюнова, не локализованы в мире событий — они принадлежат миру знаний о мире (Арутюнова 1988, 168). Отсюда такие клишированные обороты: *Сознание того, что... вызывало у него радость; Мысль о том, что..., наполняла радостью / вселяла радость в его сердце / в его душу* и т. п. В этой связи могут быть отмечены и т. н. «каузативные перифразы»: *То, что я ухаживала за ним, радовало меня.*

Высказывания, в состав которых входит *с удовольствием*, подобными возможностями не располагают. Ср.: *«Митя с удовольствием выпил бутылку пива»* (И. А. Бунин. Митина любовь) — *Выпить бутылку пива было удовольствием для Мити — *То, что Митя выпил бутылку пива, было удовольствием для него /*

доставило ему удовольствие. Ср. также: «...с радостью, что самое страшное уже позади, помолилась, легла в постель и спокойно заснула» (Н. Д. Хвошинская. Горе), но не *с удовольствием, что...⁴ В надежде не слишком огрубить реальные отношения, можно было бы сказать, что *с удовольствием* значит ‘ощущая, что мне / тебе / ему хорошо / приятно’, тогда как *с радостью* — ‘чувствуя, понимая, зная, что это хорошо’. Библейское ...И увидел Бог, что это хорошо (Быт., I, 26 и др.) говорит не об Удовольствии — о Радости.

Парадигматическое противопоставление определителей *с удовольствием* — *с радостью*, различающихся в тождественном окружении: *смотреть на кого-либо с удовольствием* (любуясь красотой) — *смотреть на кого-либо с радостью* (думая о счастье встречи) и способных доводить эти различия до степени контраста (так, если в предложении *Сельма пошла дальше, а Андрей, с удовольствием проводив ее глазами, свернул и направился к западному подъезду* заменить *удовольствие* — *радостью*, то л ю б я щ и й окажется р а з л ю б и в ш и м, а взгляд л ю б в и превратится во взгляд и з б а в л е н и я), естественно дополняется их синтагматическим противопоставлением, также выявляющим специфику их значений: «Письмо ваше *получила с радостью, прочитала — с удовольствием*» (Е. П. Растопчина — А. В. Дружинину, 27 мая 1854); «...то, что еще вчера было обузой и тяжестью, *делается* сегодня не *просто с удовольствием, а даже с радостью...*» (П. А. Валуев. Дневники).

Очевидно, таким образом, что обороты *с удовольствием* vs. *с радостью* не являются дублетами и не находятся в отношениях эквивалентности. Есть все основания считать, что они образуют привативную оппозицию с немаркированным первым и маркированным вторым членом.

Действительно, *с радостью* всегда сохраняет чистоту своей ментальной семантики, и никакие особенности контекста не могут «отелеснить» ее. Более того, отталкиваясь от грубого и низменного в значениях определяемых глаголов, ментальное в *с радостью* взмывает в область таких абстракций, как ‘возможность’, ‘право’ и т. п. В этом отношении показательны сочетания, в которых *с радостью* находится при глаголах «низких» физиологических действий, ресурсы которых в качестве

площадки для взлета и воспарения радостного сознания крайне ограничены. Так, какое-нибудь *откашляться с радостью* может быть понято, вероятно, только в смысле 'что наконец-то удалось сделать это'.

С удовольствием же, поскольку ощущения подконтрольны сознанию и доступны осознанию, способно «ментализоваться» и, освобождаясь от тех компонентов значения, которые связаны с физическим характером действия и с «физическим» же в субъекте чувственной реакции, вторгаться в сферу действия своего противочлена: с удовольствием — с радостью смотреть на..., но: с радостью / с удовольствием видеть, что...; с удовольствием — с радостью слушать что- / кого-либо, но: с радостью / с удовольствием услышать, что... Ср.: «Я с радостью вижу из ваших поступков, что вы изменили свое отношение к людям...» (А. Н. Апухтин. Неоконченная повесть) — «Я вот сейчас вычитал в газете проект о судебных преобразованиях в России и с удовольствием вижу, что и у нас хватились, наконец, ума-разума...» (И. С. Тургенев. Дым). Ср. еще: «...в сенях встретила глухую Марфу.., спросила у нее, что ей нужно, и с удовольствием услышала, что она к Маше...» (Т. Л. Сухотина-Толстая. Дневник); «С удовольствием узнал о Вашем возвращении... и очень хотел бы Вас повидать» (М. Горький — К. Пятницкому, 15 дек. 1919).

Предложенная интерпретация пары с удовольствием — с радостью (аналогично устроены и пары ее синонимических и антонимических соответствий: с наслаждением — с восхищением / с восторгом; с отвращением — с тоской) как привативной нейтрализуемой оппозиции может быть подкреплена рядом фактов системного характера, свидетельствующих о том, что с удовольствием, как это свойственно вообще немаркированным членам, отличается от своего противочлена не только более широким значением, а следовательно, и более свободным употреблением и большей частотой (5 : 1)⁵, но и более широкими, разветвленными и многообразными — и в истории, и в синхронии — парадигматическими лексико-семантическими связями.

(1) Будучи носителем общеоценочного значения, т. е. значения обобщенной «гедонистической», см.: [Арутюнова 1988 : 69] оценки, не дифференцирующей различные сенсорные зоны, где формируются ощущения, с удовольствием подчиняет себе ряд спе-

циализированных частнооценочных определителей, которые «приспособлены» к соответствующим действиям: *есть и пить с удовольствием / с аппетитом; читать, слушать (лекцию), рассматривать (картину) с удовольствием / с интересом* и др. Ср.: «...пес положил на полдохлого котенка. Хозяин, смеясь, вышвырнул котенка на двор. Тузик... подошел к котенку и *с аппетитом съел*. Вот не съел сразу, как нашел... *С удовольствием съел бы*, но долгом почел своим отнести...» (В. Вересаев. Друзья в масках). Ср. также устар. *с вкусом*: «Приправив кашу чухонским маслом, выпораживал я ее *с особливим вкусом...*» (А. Т. Болотов. Записки).

Показательно, что невозможны сочинительные объединения обобщающего с подчиненными ему единицами — *с удовольствием* и *с радостью* (фиксированный порядок элементов этого сочетания не случаен: он также характеризует *с радостью* как маркированный член оппозиции — см. об этом типе отношений в работе [Гинзбург 1985 : 18—21]), но не **с удовольствием и с аппетитом*, **с аппетитом и с удовольствием*, но зато возможно повышение частных в ранге до уровня обобщающего. Ср.: «Когда он, выпятив вперед свой большой живот и поглаживая бакены, проходил мимо Яншина и ласково поглядывал на него своими масляными глазами, то Яншину казалось, что этот человек *живет с большим аппетитом...* Яншин всякий раз почему-то вспоминал, что ему уже тридцать один год и что он ни одного дня *не прожил с удовольствием...*» (А. П. Чехов. Расстройство с компенсацией). Ср. также простореч. *со вкусом*: «О Президиуме <Союза Писателей СССР> рассказывают, что там выступали не сквозь зубы, не вынужденно, а *с аппетитом, со вкусом...*» (Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой, II. — 30 окт. 1958). — *С радостью* подчиненных частнооценочных единиц не имеет.

(2) Будучи немаркированным членом в оппозиции *с удовольствием* — *с радостью*, определитель *с удовольствием* входит еще в противопоставление *с удовольствием* — *с неудовольствием*, в котором также является немаркированным, поскольку *неудовольствие* (как и близкое ему *недовольство*) принадлежит всецело ментальной сфере: *с неудовольствием сказал, высказался, отозвался, посмотрел, взглянул* и т. п., но не **с неудовольствием съел тарелку щей, выпил чаю, выкурил сигарету* и т. п.,

причем переносит акцент с действия на его ментальное содержание. (Можно было бы указать и на другие проявления асимметрии в паре *удовольствие — неудовольствие*.) — *С радостью* (как и *радость* в лексемном целом) отрицательного противочлена (*нерадостью, *нерадость) не имеет.

(3) Образуя симметричные пары с контрадикторными оборотами с *без* (*без удовольствия — без радости*), обозначающими отсутствие чувственной реакции на действие («эмоциональную пустоту») как нарушение некоторого ожидаемого нормального порядка вещей, *с удовольствием — с радостью* вновь расходятся в отношении к параллельным оборотам с *не без*: *с удовольствием — без удовольствия — не без удовольствия*, но: *с радостью — без радости — *не без радости*. Ср. также: *с полным удовольствием — *с полной радостью*. Возможно, что за дефектностью таких пар стоят различия в представлениях о субстанциональной природе обозначаемых эмоций. В отличие от Удовольствия, Радость, поскольку она (как это вообще характерно для осознания эмоций — см. [Арутюнова 1976 : 99—105]) мыслится в образах жидкого, текучего, льющегося (*радо ст ь* способна *нахлынуть, прихлынуть и отхлынуть, литься потоками, заливать душу, выливаться из души, пить из чаши радости* и т. п. (см. об этом подробнее [Пеньковский 1991 : 151] и в наст. изд. с. 66), не может быть частичной или неполной. Каждая ее «капля» (ср.: *пить радость по капле, ни капли радости* и т. п.) должна обладать всей полнотой признаков целого.

(4) На протяжении длительного времени с *удовольствием* в русском литературном языке — в соответствии с общими принципами организации адвербиальных объединений на началах свободного варьирования [Пеньковский 1988-а : 56] — функционировало в составе широкого круга дублетов, имея влиятельных и мощных конкурентов.

Вплоть до конца третьей четверти XIX в. в той же общеоценочной функции — на правах абсолютного синонима — использовались определители с *приятностью* vs. с *чувством*: «Она допивала, кажется, пятую чашку чаю, с *приятностью* поднося ко рту *блюдечко*, которое держала на оконечностях пальцев...» (М. С. Жукова. Вечера на Карповке); «Он продолжал кушать, как всегда с большим аппетитом... и с *прежнею приятностию* выпивал за

обедом бутылку доброго шери» (И. И. Панаев. Литературные воспоминания); «Мои пешеходные прогулки произошли с приятностью...» (А. В. Дружинин. Дневник, 25 янв. 1854); «Заметка читается с приятностью» (Е. П. Растопчина — А. В. Дружинину, 24 окт. 1854)⁶. Ср. также: «Василий Иванович выпил с чувством три стакана чаю...» (В. А. Сологуб. Тарантас, XVII, 1840).

На протяжении всего XIX в. в этот круг дублетов на тех же самых правах входило и наречие *охотно*: «Молодой воин *охотно вырывается из объятий семейства* и легко подымлет бремя военных трудов...» (Ф. Глинка. Письма русского офицера); «Я *захотал, и тем охотнее*, что предо мной сдержал коня своего незнакомец, проезжая в санках мимо...» (А. Бестужев-Марлинский. Страшное гаданье); «...чтение шести томов, довольно полновесных, в наш век, где пишут и читают наскоро, где более всего дорожат временем и торопятся жить, есть пожертвование необычайное. Со всем тем *известные нам шесть томов прочитываются, и довольно охотно...*» (П. А. Вяземский. Записки графини Жанлис, 1826); «Что касается до тех мыслителей, которые негодуют на меня за то, что Пугачев представлен у меня Емелькою Пугачевым, а не Байроновым Ларою, то *охотно отсылаю их к г. Полевому*, который, вероятно, за сходную цену, возьмется идеализировать это лицо по самому последнему фасону» (А. С. Пушкин — И. И. Дмитриеву, 26 апреля 1835); «...я еще не сплю и не понимаю, как *прежде я спала так охотно*, даже не утомившись после какого-нибудь бала» (Н. Полевой. Эмма); «Весь день вчера бушевала мятель, и мы, отказавшись от предположенных визитов, *охотно остались дома*» (Я. А. Булгаков — К. А. Булгакову, 3 января 1838); «На сей раз мне повезло: я застал наконец его дома, в кабинете, *охотно распивающего свой утренний кофе*» (Записки графа М. Д. Бутурлина, 1853); «Вчера *охотно разбирал бумаги...*» (И. П. Сахаров. Дневник, 10 декабря 1858); «Эта книга *охотно написана и охотно читается*» (И. С. Тургенев. О книге С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника»); «Дичи в этом году почти не было, но я тем не менее *охотно провел эти две недели, шатаюсь по лесам и болотам...*» (Ф. Ф. Тютчев. Старая мельница); «Коврин говорил ласково и убедительно, а она продолжала плакать... И он *охотно гладил ее по волосам и плечам и утирал слезы*» (А. П. Чехов. Черный монах); «“Девушки интеллигентные”, гово-

рил себе Кузьма, *охотно выговаривая мысленно это еще новое тогда слово...*» (В. Брюсов. Обручение Даши, II)⁷. Ср. также не отмеченное нашими словарями *охотно* ‘приятно, удовольствием’ в предикативном употреблении: «*Мне всегда весело и охотно говорить с вами*» (И. И. Дмитриев — П. П. Свиныну, 11 февраля 1834);

Как свидетельствуют эти примеры (а их легко можно было бы умножить), употребление *охотно* в значении ‘с удовольствием’, — для литературного языка прошлого века массовое, обычное и «спокойное», — явно противоречит современной узальной норме. Осознание такого несоответствия и является неоспоримым доказательством того, что эта норма — реальность, а не исследовательская фикция⁸.

Какова же она, эта современная норма, определяющая значение, условия и границы употребления *охотно*?

* * *

В отличие от определителей *с удовольствием* — *с радостью*, *охотно* как их общий противочлен принадлежит в современном языке волевой, а не чувственной сфере. *Охотно* сегодня — вопреки его этимологии! — это знак положительной волевой реакции (ср. его английский эквивалент — *willingly* от *will* ‘воля’), и в этом легко убедиться, анализируя его типовые контексты:

...Райсовет *решил..*, местные предприятия и организации *охотно вложили* свои средства» (Известия, 8 мая 1990); «Люди требуют быстрого лекарства и *охотно бегут* за тем, кто им *обещает...*» (Знание — сила. 1987. № 12); «“Враньё наоборот” более коварно и страшно, ибо выступает под видом правды, легко за нее *выдается и охотно за нее принимается...*» (Правда, 13 ноября 1989). Ср. еще такие пары, как *позвать* — *охотно отозваться / откликнуться / прийти*; *попросить о помощи / разрешения* — *охотно помочь (оказать помощь) / разрешить (дать разрешение)*; *послать* — *охотно пойти / отправиться*; *поставить задачу* — *охотно взяться за ее решение*; *сделать замечания* — *охотно внести коррективы* и т. п. То же в «компрессии»: *охотно откликнуться на призыв*, *охотно выполнить задание / поручение*; *охотно соблюдать предписанный режим*; *охотно учесть вы-*

сказанные пожелания / рекомендации, охотно принять предложение, охотно пойти навстречу и др. под. Ср. еще: «Полудичавший в гоньбе за трудно дававшимися барышами, помещик охотно шел на приманку» (Ф. Сологуб. Мелкий бес, XIX). То же в случаях непрямого выражения такого рода отношений: «Скучаев никогда не напоминал о возврате долга, но зато не оказывал дальнейшего кредита неисправным должникам. В первый же раз он давал охотно, по мере своей свободной наличности и состоятельности просителя...» (Ф. Сологуб. Мелкий бес, VIII).

Общим признаком ситуаций, стоящих за подобными высказываниями и представляющими их глагольными и глагольно-именными эксцерпциями, является наличие двух соотнесенных действий, образующих такие д в у е д и н с т в а, как действие — воздействие и действие — о т д а ч а, действие — с т и м у л и действие — р е а к ц и я, призыв (приглашение) и отзыв (отклик), пожелание (рекомендация, совет, просьба, побуждение) и исполнение и т. п. Очевидно, что перед нами широкий класс жизненных ситуаций, которые принято рассматривать и объяснять в категориях «каузативных связей», и охотно в их описаниях при вторых членах такого рода «каузативных пар» как раз и является знаком «вторичного», «каузированного» действия, а следовательно, — знаком всего такого «каузативного» единства в целом.

Если учесть, однако, что — 1) в отличие от естественного, физического мира, где действуют жесткие, объективные (и поэтому верифицируемые) причинно-следственные связи, — в мире Человека, поскольку он как глобальная личность создан по образу и подобию Божьему (Человек теоморфен, но не Бог антропоморфен, а Бог действует не потому, что, а ради того, чтобы!) и изначально наделен свободной волей и правом выбора, определяющая роль принадлежит не причинам, а субъективно определяемым целям, побуждениям, основаниям, резонам и мотивам или — говоря более обобщенно — интенциям и инициативам, что — 2) самые причины в мире Человека — там и тогда, где и когда они действуют как причины, — так или иначе субъективированы и либо по-божески свободны (такова — по Канту — «причинность из свободы»), логически не со-обусловленная следствием), т. е. способны начинать новый ряд следствий и причин, возникающих,

однако, не с необходимостью, а свободно), либо по-человечески мелки и низведены до уровня случайных, чисто субъективных поводов и предлогов, жесткой «каузальной» интерпретации человеческих действий следует предпочесть иную, «интенционально-инициативную» их интерпретацию, — интерпретацию, которую скрыто несет в себе и нам предлагает сам язык.

* * *

Исходя из сказанного, следует различать:

1. Действия, имеющие (если в поисках их *causae primae* не пускаться в регрессию *ad infinitum*) в н у т р е н н и й ментально- и эмоционально-волевой и м п у л ь с, т. е. действия, свободно совершаемые по собственной инициативе субъекта. Это действия, за которыми стоит свободный интенциональный акт желания, хотения, осознанного намерения (т. е. активизированного волей желания), «воления». Это действия «с собственным именем автора», о которых Ф. Ницше, обсуждая проблему свободы воли, сказал: «L'effet c'est moi». Именно действия этого типа, способные, повышаясь в ранге, становиться Поступками, Деяниями и Подвигами, составляют сущность и основу человеческого бытия. Поскольку внутренние импульсы таких действий являются естественной и нормальной для нашего интерпретирующего сознания базой их субъектной мотивации и обоснования, вполне естественно мыслить их как осуществляемые 'по собственному своему желанию', 'по своей (доброй или злой) воле', 'добровольно', 'по собственной своей охоте', 'сознательно', 'осознанно', 'умышленно', 'нарочно', 'намеренно' (ср. еще 'преднамеренно') и т. п. Но именно потому, что такие действия и не могут мыслиться иначе, ибо такова их природа, онтология и сущность, перевод указанных и подобных им мотивационных смыслов в план выражения материальными языковыми средствами оказывается не только избыточным, но и запретным. Языковым знаком внутреннего импульса — мотиватора инициативных действий — является нуль. Что касается указанных выше адвербиальных и именных «мотиваторов», то они, усложняя свое основное мотивационное значение дополнительными коннотациями пресуппозитивного, прагматического и оценочно-го характера, используются — обычно со специальной функцией

подчеркивания (отсюда обычное для них акцентное выделение) — лишь в тех случаях, когда мотивируемое действие воспринимается и оценивается как находящееся за пределами той или иной правовой (юридической), общественной, культурной, этической или бытовой, поведенческой — общей или индивидуальной — нормы. Так, *добровольно (стал секретным сотрудником русской полиции, сдался в руки правосудия, рассказал о совершенных им преступлениях, ушел из жизни, покинул ряды КПСС, отказался от гонорара* и т. п.) означает не просто ‘по собственному желанию, по своей воле’, но ‘по собственному желанию, несмотря на отсутствие принуждения / официального предписания / ранее взятых на себя обязательств...’ и т. д.

2. Действия, имеющие внешний импульс и являющиеся ответом на то или иное воздействие извне. В отличие от действий первого типа, представляющих собой прямые инициативные акции, действия второго типа, будучи вызванными, инициированными актами, могут быть квалифицированы как реакции. При этом в зависимости от того, минует ли внешний вызывающий, инициирующий импульс ментально-волеизъявительную сферу субъекта действия или проходит через нее и опосредуется ею, перед нами либо реакции в собственном точном смысле этого слова, т. е. инициированные психофизиологические и физические действия, не подконтрольные сознанию (ср. при обозначающих их глаголах такие выполняющие объяснительную функцию адвербиальные определители, как *невольно, бессознательно, неосознанно, безотчетно, автоматически, машинально*), либо реакции, т. е. осознанные инициированные действия различных типов. Ср. разграничение понятий «каузации» и «автокаузации» в работе [Апресян 1970].

Понятно, что такое типологически важное значение, каким должно быть признано значение «инициированности», «вызванности», «внешней обусловленности», «реактивности» действия, может естественно входить в качестве компонента в семантическую структуру глагольного слова и служить основанием для формирования особой группы «глаголов инициированного действия», специфику значения которых можно выразить перифразой известной русской поговорки — *«откликнется, если аукнется»*. Действительно, не может быть отклика, если до этого не было «клика», невозможен

отзыв, если не было предшествующего «зова», как невозможен *ответ* без того *вета (устного или письменного слова в прямой или технически-опосредованной форме, вопроса и вообще «вызывающего» действия), на который *ответ отвечает* — так или иначе, положительно или отрицательно (ср. такие специализированные виды усиленно отрицающих «ответов», как *отнекиваться*, *открещиваться*, *отбояриваться* и т. п.), вербальными и невербальными речевыми и неречевыми действиями и не-действиями (ср. *отмолчаться*, *смолчать*, *промолчать*). Это значит, что такие глаголы, как *возражать*, *протестовать*, *отказываться*, *саботировать* и т. п., и равным образом такие глаголы, как *соглашаться*, *посторговать*, *поддакивать* и т. п., не только называют действие, но и характеризуют его типологически как действие, которое может находиться только в конце или в середине, но не в начале интенционально-реактивной (в сущности, реактивно-диалогической) цепи событий в человеческом мире (ср. «каузальную цепь событий» в терминологии А. Вежбицкой — [Wierzbicka 1980 : 21]).

Большая часть русских глаголов принадлежит, однако, к другому — немаркированному — типу и, называя действие, не характеризует его по месту, занимаемому им в цепи событий. Такие действия, естественно, могут осуществляться в двух различных режимах — как прямые, инициативные, в одних случаях, и как инициированные, в других. Так, *пойти в магазин*, *сделать уборку в квартире*, *написать письмо*, *купить цветы*, *сесть за рояль*, *подумать над решением задачи*, как и осуществить бесчисленное множество других подобных (физических и — реже — ментальных) действий, можно или по собственной инициативе или под тем или иным воздействием извне. Разграничение двух этих акциональных «режимов» одного и того же действия, являющееся во многих случаях существенно или даже жизненно важным для понимания и объяснения мотивов поведения человека и в силу этого для формирования человеческих отношений, осуществляется в языке средствами более или менее широкого контекста либо при помощи специальных показателей адвербиального и именного типа. Ср. инициативное *убрать свои вещи* и инициированное *убрать свои вещи без (всяких) возражений, без звука, безмолвно, беспрекословно (без прекословий), без противоречий, безропотно, без слова, без спора, готовно (с готовностью), кротко, мирно, молча, покладисто, покорно, по-*

слушно, сговорчиво, смиренно, уступчиво и др. под. Очевидно, что при всех частных различиях в значении этих наречных и именных определителей (а за этими различиями, как будет подробно показано ниже, стоят принципиально важные различия в частных, специализированных режимах — «модусах» характеризуемого ими действия), все они объединены функцией маркера «о б р а т н о й с в я з и» — все они характеризуют действие как действие «не прямое», «вызванное», обусловленное внешним воздействием или определенным образом связанное с таким воздействием, инициированное, т. е. как действие, занимающее в «реактивно-диалогической цепи событий» не первое, не начальное место и не открывающее такую цепь, а продолжающее ее. Именно в этот ряд наречий и наречных определителей — м а р к е р о в и н и ц и и р о в а н н о г о д е й с т в и я входит и наречие *охотно*.

Во многих случаях именно на *охотно* держится разграничение тех двух акциональных режимов, с которыми связано противопоставление инициативных и инициированных действий. Так, если газеты сообщают, что депутаты проголосовали за прекращение прений, то понятно, что это голосование определялось свободным волеизъявлением голосующих. Если же говорится, что «депутаты проголосовали *охотно*» (Советская культура, 9 дек. 1989), то должно быть ясно, что это произошло «с подачи председателя». Если в хроникальном отчете о концерте выдающегося пианиста говорится, что в завершение концерта он исполнил две мазурки Шопена, то это значит, что мазурки Шопена были с самого начала включены в его программу. Если же хроника сообщает, что в завершение концерта маэстро *охотно* исполнил две мазурки Шопена, то это нельзя понять иначе, как сообщение об исполнении «на бис», по просьбе слушателей.

Важность такого разграничения особенно ярко проявляется в контекстах, где «вызывающее», инициирующее действие не названо и где «вызванное», инициированное действие, не будь оно маркировано наречием *охотно*, могло бы ошибочно пониматься как инициативное, «прямое», обуславливая существенное изменение в описании и соответственно в восприятии ситуации в целом, в понимании и оценке и действия, и его субъекта. Ср.: «Явился он, по обыкновению, веселым, подал мне руку, *охотно сел, выпил чашку-другую чаю...*» (С. В. Максимов. Год на Севере); «— Господь гостя

послал, и я очень рад. Заходите!.. Тот прошел в прихожую, потом в комнату... Держался просто. *Охотно сел за стол...*» (Л. Бородин. Посещение). И с другой стороны: «Соломин... пожал руку и ему и ей — и *сел по первому приглашению...*» (И. С. Тургенев. *Новь*); «— Не угодно ли с нами откусать? — Мочалкин *садится за стол и проворно набрасывает на колена салфетку...*» (Н. Успенский. Из дневника неизвестного).

* * *

В этой же функции — функции маркера инициированного действия (или, иначе, маркера обратной связи) — наряду с *охотно* используется еще наречный оборот *с готовностью* и не зафиксированное словарями наречие *готововно*:

«— Супруги *с готовностью* *взялись ехать на голод* в Саратовскую губернию» (М. В. Сабашников. Воспоминания); «...что-то в самих людях потянулось навстречу насилию и *с готовностью* *покорилось ему*» (Литературная газета, 25 мая 1988); «*В ответ Чаплин с готовностью согласился...*» (Литературное обозрение, 1988, № 5); «Она *с готовностью* *откликается на любой сигнал* из окружающей действительности...» (Новый мир. 1987. № 4) и т. п. Ср. также единичное *в готовности*: «Я все вновь и вновь передумывал *в готовности* *все переделать...*» (Б. Пастернак — З. Н. Нейгауз, 9 июля 1931).

«— Ему все *готововно* *помогали...*» (С. В. Максимов. Павел Иванович Якушкин); «Зауряд-врач Мелитон Петропавловский кашлянул басом и *готововно* *прибавил*: — Значит, в добрый час...» (Ф. Крюков. Группа Б.); «— Вася, поднимись в мой кабинет, принеси скрипку. — Старший сын *готововно* *соскочил с дивана*» (А. Шеметов. Прорыв); «В женском общежитии воспитательница *готововно* *провела нас по комнатам*» (Собеседник. 1989. № 11); «Я знал, что при упоминании Альбины Левин голос поскучнееет и *готововно* *обнаружит свою от нее свободу*» (А. Битов. Пушкинский дом). Функционально тождественные, *охотно* и *готововно* / *с готовностью* образуют привативную оппозицию на специфической прагматической основе по признаку *pro domo tua — pro domo tua et sua*: *готововно* характеризует действие как совершаемое только в пользу другого, тогда как *охотно* может характеризовать действие как совершаемое субъектом так же в пользу себя. Ср.:

Он *готовно* / *с готовностью* / *охотно* оказал нам помощь — Он *охотно* / *готовно / *с готовностью принял нашу помощь. При этом, как и в ряде других случаев, отчетливо обнаруживается тенденция к разграничению членов этой пары по отношению к «Я» — «не-Я» — субъекту: «Я» — *охотно* / *готовно / *с готовностью окажу вам помощь — Он *охотно* / *готовно* / *с готовностью* окажет вам помощь.

* * *

Функция маркеров обратной связи, свойственная этим характеристикам глагольного действия, обусловлена их семантикой и может рассматриваться как функциональная проекция того значения, носителями которого они являются. И именно этим, т. е. наличием у них, помимо указанной функции, еще и некоторого вполне определенного значения, *охотно* — *готовно* / *с готовностью*, как и другие отчасти перечисленные выше наречия обратной связи, отличаются от таких — чисто функциональных! — показателей «ответного» действия, какими являются наречия *ответно*, *обоюдно* и устар. *взаимно*, а также наречия и наречные обороты *взамен* (*в замену*), *в ответ* и устар. *везде*, *в отместку*, *в оплату* (все с значением ‘в ответ’) и некоторые другие (о которых см. ниже), у которых функция и значение совпадают.

Каково же искомое значение *охотно* / *готовно*, определяющее их функцию маркеров обратной связи, показателей инициированного действия?

Как уже было показано выше, оно не может быть истолковано через определители *с удовольствием*, *с радостью*, как это единодушно и дружно предлагают словари, поскольку ‘с удовольствием’ — ‘с радостью’ не входят в это значение в качестве составляющих и не образуют его как целые.

Нет в их семантической структуре, вопреки словарным толкованиям, и значения ‘с большим желанием’, навязываемого или подсаживаемого этимологией корня и давно уже оттесненного на далекую семантическую периферию⁹.

Семантическим центром определителей *охотно* / *готовно* является ‘согласие’ (ср. *согласие* — «утвердительный ответ на что-либо, позволение, разрешение» — МАС : IV, 178) как положительная рационально-волевая реакция на внешний стимул, реакция на

«вызывающее», инициирующее действие. Эта реакция является итогом осознанного перебора возможных ответов, которые лежат на шкале между «да» и «нет», чем и объясняется вхождение *охотно* в градуальный ряд *охотно* — *безразлично* / *равнодушно* — *неохотно* и градуальная структура самого *охотно*, о чем свидетельствует его способность сочетаться с кванторными наречиями (*весьма* / *очень* / *чрезвычайно охотно* — *не очень* / *не вполне* / *не совсем охотно* — *достаточно* / *довольно охотно*), как и способность образовывать компаратив — *охотнее* (ср. *охотнее* — *еще* / *значительно* / *куда* / *много охотнее*), семантика и специфика употребления которого заслуживает специального изучения.

Рациональное в *охотно* естественно соединяется с интуитивным и осложняется положительной аксиологической оценкой, чем объясняется нередкое вхождение *охотно* в конъюнкции типа *охотно* и *одобрительно* / *дружелюбно* / *доброжелательно* / *благожелательно* / *благосклонно* / *приветливо* / *сочувственно* и др.

Таким образом, значение *охотно* можно было бы истолковать в следующем более или менее адекватном описании: ‘взвесив всё, считаю, что инициируемое действие не принесет мне вреда / не противоречит моим принципам / не нарушает моих планов / не превышает моих возможностей... и поэтому я принимаю решение / соглашаюсь / готов осуществить его’.

Отсюда обычное использование *охотно* в диалогической речи (и в отражающих и стилизующих ее контекстах) в функции средства выражения согласия на то или иное предлагаемое (инициируемое) действие при определенном типе межличностных отношений: «—...Только обещай, что шафером у меня будешь. — *Охотно*» (А. Н. Плещеев. Дружеские советы); «— Зайдем в кафетерий? — *Охотно*» (А. Шеметов. Прорыв) и т. п. В этом качестве *охотно* входит в открытый ряд выразителей согласия: *охотно* / *согласен* / *готов* / *хорошо* / *ладно* (ср. еще *лады*, *ладушки*, которые используются также как одобрительная реакция на полученное согласие — обычно в обороте с *вот и*: *вот и хорошо* / *ладно* / *лады* / *ладушки*) / *идет* / *о’кей* / *не возражаю* / *не имею ничего против* / *не прочь* и др.

Отрицательные члены этого ряда отражают обратную сторону всякого положительного решения — отсутствие или устранение любых рациональных (колебания, сомнения, возражения) и эмоцио-

нальных (неудовольствие, недовольство) препятствий, которые могли бы его поколебать или помешать его принять. Отсюда связь *охотно* с таким рядом характеристикаторов инициированного действия, как *без всякого / малейшего колебания (без всяких / малейших колебаний), без возражения (без всяких возражений), без всякого / малейшего сомнения (без всяких / малейших сомнений), без спора* (ср. также устар. *бесспорно*, как и *несомненно*, полностью перешедшее в сферу выражения модальности уверенности), *без всякого неудовольствия*¹⁰ и др. Таким образом, *охотно* предполагает (хотя за ним и стоит, как было указано, перебор ответов между «да» и «нет») немедленное, быстрое, уверенное и легкое положительное решение. Поэтому иницирующее действие и действенная реакция на него, если она характеризуется как осуществляемая *охотно*, не могут быть разделены никаким временным интервалом (Я попросил его о помощи, и он *сразу же / немедленно / мгновенно охотно* откликнулся, но не *...и он *вскоре / через несколько дней охотно* откликнулся). Поэтому же *охотно* — и в живом диалоге, и в описании соответствующей диалогической цепи событий естественно корреспондирует и входит в конъюнкцию со средствами выражения «легкости» и «уверенности» как характеристиками инициированного действия: — Ты поможешь мне? — *Охотно / Конечно / С легкостью*; «Он так искренне раскаивался в том, что произошло, что я *легко и охотно* отпустила ему этот грех...» (Л. Высоцкая. Воспоминания). Ср. также: «Мне хотелось поехать за границу одной, без мамы. Отец, любивший английское воспитание, *охотно отпустил* меня» (О. М. Фрейденберг. Переписка с Б. Пастернаком); «Я предвидел борьбу, сопротивление, сцены, но невероятно! — мать *легко отпустила* меня и только просила беречь себя и регулярно писать ей» (И. Свенцицкий. Воспоминания). Вследствие этого 1) в предтексте *охотно* не могут находиться глаголы типа *умолять, вымаливать, выпрашивать, упрашивать, клянчить, выклянчивать, убеждать, уговаривать* и т. п. (так называемые «перлокутивы»), называющие иницирующие речевые действия, связанные с преодолением сопротивления адресата (невозможно: **Я долго убеждал его отстаться, и наконец он охотно согласился*) и 2) *охотно* несовместимо с выражением сомнений, неуверенности и колебаний: невозможно **После некоторых колебаний / не без колебаний / не без*

сомнений / преодолев некоторые сомнения, он охотно отпустил меня (принял наши замечания, уступил свою очередь, внес рекомендуемые поправки...).

Диалогическое — *Охотно!*, вполне достаточное информативно, оказывается, однако, недостаточно выразительным в экспрессивном отношении. Отсюда, в поисках более сильного средства, обращение говорящих к оценочным определителям *с удовольствием, с радостью*, которые благодаря этому включаются в арсенал средств, обеспечивающих ответы согласия. Ср.: «— А я к вам с просьбой... Сделайте одолжение, одолжите мне вашу прекрасную девицу часика на два! Пишу, видите ли, картину, а без натурщицы никак нельзя!.. — Ах, *с удовольствием!* — *согласился* Ключков...» (А. П. Чехов. Аня); «— Мать Екатерина просит вас, если это не мешает вам, зайти к ней в келью. — *С радостью!* — *отвечал я...*» (С. П. Жихарев. Записки современника).

Понятно, что в условиях этикетного употребления, когда нужно не только и не столько обозначить действительное отношение к просьбе (совету, рекомендации и т. п.) или предложению, сколько постараться «быть приятным» собеседнику или по крайней мере соблюсти приличия и правила хорошего тона (ср.: «— Впрочем, если вам не до меня... — Напротив, я *очень рад*, — *процедил сквозь зубы* Литвинов. — И. С. Тургенев. Дым, XIX; «— Да-да, конечно, — сказал отец, выпроваживая назойливого просителя, — не извольте беспокоиться — я *это сделаю, и с большим удовольствием...* Но все мы прекрасно знали, что это были только красивые слова и что все останется, как было...» — П. Боборыкин. На переломе жизни), точное дескриптивное значение этих определителей расшатывается или вообще стирается, и все, что в них есть, уходит в глубину, скрытую клубящимися облаками экспрессии. Но, как хорошо известно, средства экспрессивного выражения в повседневном употреблении быстро стареют, теряют свою силу, выдыхаются и выцветают, говорящие оказываются перед необходимостью искать способы их укрепления и поддержки, и в этих целях обращаются к испытанным веками усилительным повторам, перечислительным рядам, экспрессивным — тоже быстро стирающимся — эпитетам. Ср.: с удовольствием — с *большим / огромным / великим / величайшим* удовольствием; с *искренним / сердечным / душевным* удовольствием; с *радос-*

тью — с большой / огромной / огромнейшей / великой / величайшей радостью... Ср. также устар. простореч. *со всем нашим полным удовольствием*.

Именно здесь и только здесь — на почве разболтанного в повседневном этикетном диалоге экспрессивно-субъективного употребления — все три показателя согласия на инициируемое действие (*охотно, с удовольствием, с радостью*) синонимизируются и выстраиваются в градуальный ряд, члены которого различаются не по степени того или иного реального признака (желания, например, как полагают авторы статьи *охотно* в большом синонимическом словаре — [Евгеньева 1971 : II, 110]), а по степени экспрессии, с которой говорящий выражает свою реакцию.

И только в тех исключительных случаях, когда этикетная природа таких оборотов вступает в противоречие с требующей серьезности и сдержанности жизненной ситуацией, экспрессия рассеивается, их первичные значения всплывают из глубины на поверхность и, обнаруживая их полную неуместность, запускают дремлющий механизм языковой рефлексии и (само)коррекции. Ср. следующие показательные примеры:

«[Керженцев] ...Послушайте, Крафт, — мой Джайпур <речь идет об обезьяне> скоро умрет: хотите вместе исследуем его мозг? Это будет интересно. [Крафт] Хорошо. А когда я умру — вы посмотрите мой мозг? [Керженцев] Если вы мне его завещаете — с удовольствием, то есть с готовностью, хотел я сказать...» (Л. Андреев. Мысль, д. I). «Как некровному родственнику пришлось Монахову принять это [похороны] на свои плечи. На это он как раз не досадовал и принял — *про эти дела нельзя сказать — легко и охотно, можно сказать — готовно...*» (А. Битов. Вкус).

Это те случаи, о которых говорят «*Приятного мало, но что поделаешь...*» и о которых в терминах забытой народной мудрости высказывались чеканной формулой — (*Хоть*) *не рад, да готов*: «...он [граф Головкин] не может равнодушно слышать трех русских пословиц: 1) “Все божье, да царское”, 2) “*Хоть не рад, да готов*” и 3) “Без вины виноват”...» (С. П. Жихарев. Записки современника, дек. 1805). Ср. с одной стороны: «Еще более буду вам благодарен, ежели сдержите слово и навестите преданного вам Боратынского. Назначьте день, а мы во всякое время *будем рады и готовы*» (Е. Баратынский — Н. И. Гнедичу, март 1822); «[Оль-

га] Вы могли отказать чужой, богатой женщине... но дочери, Вашей дочери, Вы не можете, не должны отказать... [Кузовкин] ...Извольте, Ольга Петровна, извольте, как хотите, что хотите, прикажите, я *готов*, я *рад* — прикажите...» (И. С. Тургенев. Нахлебник, д. 2); «Борис Андреич объявил ему, что он непременно желает ехать к Барсукову и поедет один, если Петр Васильич не расположен ему сопутствовать. Петр Васильич, разумеется, ответил, что он *рад и готов*...» (И. С. Тургенев. Два приятеля, 1853); «— В Питербурх *рад и готов* пешком идти...» (Д. Мережковский. Петр и Алексей, б, I) и т. п., и с другой: «Ну, что теперь изволишь делать? *Хоть не рад, а будь готов* и принимайся за перо...» (А. Болотов. Записки, 62); «Да ведь делать-то нечего — *хоть не рад, да готов*...» (М. Н. Загоскин. Вечер на Хопре, 1834).

Таким образом могут быть уточнены намеченные ранее принципы организации и устройства четырехчленного ряда средств выражения положительной реакции на инициированное действие. Открывающее этот ряд левофланговое с *готовностью* (*готовно*) противопоставлено остальным членам ряда как выражение реакции, представляющей признание ‘*возможности*’, основанное на чистой рациональности (‘*я могу*’) и полностью лишённое не только чувственного, эмоционального компонента (‘*мне это приятно*’, ‘*это хорошо*’, ‘*я этого хочу*’), составляющего основу значения определителей с *удовольствием*, с *радостью*, но и активного волевого начала (‘*я намерен*’), образующего семантический центр наречия *охотно*. Отсюда вытекают различия в принципах выбора между *охотно* и его противочленами слева и справа. Если для пары *охотно* / с *готовностью* (*готовно*) этот выбор определяется тонким чувством языкового такта (**Я с готовностью / готовно приму вашу помощь* должно быть отвергнуто, поскольку оно оскорбительно холодно и высокомерно-снисходительно по отношению к человеку, предлагающему свою бескорыстную поддержку, тогда как **Я охотно займусь исследованием вашего мозга, когда вы умрете / приму участие в похоронах* неприемлемо, поскольку оно проявляет кощунственную заинтересованность в том, что составляет трагедию другой стороны), то для пары *охотно* / с *удовольствием*, с *радостью* существенны содержательные различия, теряющиеся в условиях их этикетного употребления.

Перенесенные в объективное повествовательное описание акционально-диалогических ситуаций, с *удовольствием* / с *радостью* восстанавливают свои прямые значения, сохраняя при этом полученную в диалоге функцию маркеров обратной связи. Это требует от нас различать в каждом конкретном случае их употребления с *удовольствием*₁ ‘с удовольствием’ и с *удовольствием*₂, ‘охотно’ + ‘с удовольствием’, а также с *радостью*₁ ‘с радостью’ и с *радостью*₂ — ‘охотно’ + ‘с радостью’. Ср.: «Он проснулся, потянулся, с *удовольствием* сладко зевнул» (В. Ганичев. Петр Иванович); «— В Камешках к нашей группе с *удовольствием* присоединился редактор местной газеты» (Комсомольская искра, 12 мая 1988). Если с *удовольствием* в этих высказываниях освободить от семантического комплекса ‘с удовольствием’, то в первом случае на его месте окажется чистый ноль, тогда как во втором — подобный улыбке чеширского кота семантический остаток, который может быть и даже должен быть материаллизован наречием *охотно*. В противном случае *присоединение редактора к группе* будет ошибочно понято как проявление его собственной инициативы:

1. а) Он проснулся, потянулся, с *удовольствием* сладко зевнул.
б) Он проснулся, потянулся, *сладко зевнул*.
2. а) В Камешках к нашей группе с *удовольствием* присоединился редактор местной газеты.
б) В Камешках к нашей группе ∅ присоединился редактор местной газеты.
в) В Камешках к нашей группе *охотно* присоединился редактор местной газеты.

* * *

Помимо рассмотренной триады, *охотно* входит также в такой исключительно важный по своей жизненной значимости ряд маркеров инициированного действия, как *охотно* — *послушно* — *покорно*. Но это — тема отдельного большого исследования, основы которого — в первом приближении — заложены в работе [Пеньковский 1995]. См. также в наст. изд. с. 287.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По данным «Частотного словаря» Л. Н. Засориной, оно входит в группу слов с общей частотой 41 на миллион словоупотреблений [Засорина 1977 : 447].

² Ср., например, в синонимическом словаре З. Е. Александровой: «ОХОТНО, с охотой, с удовольствием, с готовностью, с радостью» [Александрова 1968 : 340]. Большой «Словарь синонимов русского языка» добавляет к этому ряду еще простореч. *в охотку* [Евгеньева 1971 : II, 1107]. Ср. также устар. *охотливо, с охотливостью*: «А. Н. Островский *охотливо* посещал эти собрания» (С. В. Максимов. Александр Николаевич Островский); «... *с охотливостью* помогу вам» (А. В. Дружинин — Е. П. Растопчиной, 19 августа 1856) и стар. *с хотением*: «В Петербург ехал я столько же *с хотением*, сколько и не *с хотением*...» (А. Болотов. Записки, IX).

³ Здесь, как и во многих других случаях, см.: [Пеньковский 1988-а, 53—55], наши словари, с их традиционно ретроспективной ориентацией, отражают отношения, характерные для литературного языка конца XVIII — начала XIX в., когда целостное семантическое поле ‘удовольствие — радость’ членилось именами *удовольствие* vs. *радость* иначе, чем в современном русском языке (одновременно на правах дублетов использовались также *веселье, веселость, довольство, приятность* и др.). Первое в этот период имело более широкое, чем сегодня, диффузно-размытое значение и, покрывая часть семантического комплекса имени *радость*, функционировало в качестве дублета последнего. Ср.: «“Мать Екатерина просит вас зайти к ней в келью” — “*С радостью!* Скажите матушке, *с величайшею радостью!*” — отвечал я; и точно, я так был счастлив, *что готов был заплакать от удовольствия!*...» (С. П. Жихарев. Записки современника, 16 октября 1806); «Дмитревский называл автора вторым Озеровым. Автор верил ему на слово и был *вне себя от удовольствия*» (там же, 12 марта 1807); «Мне казалось, что я иду из ее дома в самой середине апреля месяца, когда еще голова моя была полна мечтами о воображаемом счастье; при этой мысли непонятное *удовольствие охватило мою душу!*...» (О. Сомов. Дневник, 2 июня 1821); «Я и сам, не имея никаких причин, жаловался на судьбу, часто грущу, и редко, редко *луч истинного удовольствия осветит душу мою!*...» (А. И. Тургенев — В. А. Жуковскому, 21 марта 1802) и др. Широко замещающая *радость* в различных свободных сочетаниях, *удовольствие* без ограничений входило и в многочисленные обороты, составляющие сегодня специфическую идиоматику *радости*. Ср., например, отражающие старую норму и не встречающиеся в современном употреблении выражения типа *давать / дарить / приносить удовольствие; переживать удовольствие; сиять / светиться / дышать удовольствием; купаться / плавать / тонуть*

в удовольствии; быть в удовольствии; в порыве удовольствия; искреннее / непритворное удовольствие и др. Ср.: «Мне хочется поделиться с Вами тем удовольствием, которое я ощущаю при мысли о счастливом браке моей дочери...» (И. С. Тургенев — Е. Е. Ламберт, 10 марта 1865); «Все веселятся, все дышат (sic!) утехой... одна только Оленька не знает удовольствия в этом шумном, резвом, быстро движущемся кругу...» (О. Сенковский. Вся женская жизнь в нескольких часах); «...читал я прекрасные стихи твои к Крылову, они принесли мне живейшее удовольствие» (М. Н. Загоскин — Н. И. Гнедичу, 30 окт. 1821); «Я раза два был у Тургеневых... Не скрою, что разговор об вас всегда выводит такое выражение удовольствия, едва уловимое, на лице барышни...» (П. В. Анненков — И. С. Тургеневу, 11 окт. 1854); «Я получаю от нее письма, исполненные самого искреннего удовольствия...» (И. С. Тургенев — П. В. Анненкову, 11 марта 1865) и др. Обычное для этой эпохи функционирование имени *удовольствие* как семантического эквивалента к *радость* объясняет свободное использование производного *удовольственный* в параллель к *радостный*. Ср.: «Дни протекали для меня всегда ясные и *удовольственные*» (И. Новиков. Похождения Ивана гостинного сына, 1785); «Боже мой! Она всегда говорила, что счастлива, и казалась счастливой... И ее письма... такие спокойные, светлые, *такие удовольственные*... Кто бы мог подумать!...» (Д. Косталевский. Дневник, 10 июля 1825). Ср. также устар. *удовольствие* 'удовлетворение': «Как я имел у себя отца, который любил меня, думаю, что больше, нежели свою жизнь, и который почти от младенчества моего ни в какой просьбе моей без *удовольствия* меня не оставлял, о чем бы я к нему не отписал...» (Неизвестный автор. Несчастный Никанор, 1775).

Наследием и свидетельством указанного этапа семантической истории имени *удовольствие* в русском языке являются живые отношения дублетности в парах к *моему* (*твоему, нашему, общему, всех присутствующих*) *удовольствию* — к *моей* (*твоей, нашей, общей, всех присутствующих*) *радости*, а также случаи дублетного употребления наречных сочетаний *с удовольствием* — *с радостью* в некоторых контекстах, о чем см. ниже.

⁴ Иначе в прошлом, когда, как было показано выше, *удовольствие* было ближе к *радости*, чем сегодня: «Нет! нет! Бога ради! Возьмите это назад и не обижайте нас этим. Нас Бог прощает и без того, а вам сгодятся они на дорогу. Путь дальний, и до Петербурга не близко, а нам дозволейте иметь *то удовольствие*, что мы услужили вам за всю вашу дружбу» (А. Т. Болотов. Записки, 90). То же в отношении характерного для *радости* управления посредством предлога *о*: *радоваться о... радость о...* — общей особенности глаголов (и отглагольных имен) речи-мысли-чувства, которую в прошлом разделяло и *удовольствие*: «Получал ли я откуда и от кого ни есть новую какую-нибудь книжку, то было мне кому сообщить *о том свою ра-*

дость... Случалось ли дожждаться либо восхода, либо расцветания какого-нибудь нового произрастания, то было мне к кому бегивать и спешить сказывать *о том удовольствии...*» (А. Т. Болотов. Записки, 117).

⁵ Эти цифры (по материалам автора) характеризуют частотное соотношение именно определителей *с удовольствием* — *с радостью*, а не в целом лексем *удовольствие* — *радость*, которые, по данным частотных словарей, находятся в обратных соотношениях — 34 : 75 [Штейнфельдт 1963 : 285, 270] vs. 102 : 130 [Засорина 1977 : 702, 590]. Раздельно следовало бы определять частотные соотношения и для таких специализированных пар оборотов, как *к моему / твоему / его удовольствию* — *к моей / твоей / его радости*; *без удовольствия* — *без радости*. Ср. также причастное к частотным отношениям явление асимметрии в случаях типа *в свое удовольствие* — **в свою радость, но на радость кому* — **на удовольствие кому*. Игнорирование такого рода фактов существенно сказывается на достоверности данных, представляемых нашими частотными словарями.

⁶ Синтаксис определителя с приятностью в двух последних примерах (ср. еще: «*День прошел с удовольствием*» — Записки графа М. Д. Бутурлина. 1853) может быть понят в связи с описанной автором категорией субъектно-объектной ориентации наречий и наречных оборотов и их «векторной» функцией, см.: [Пеньковский 1987 : 89—91; Пеньковский 1990 : 119—121].

⁷ Ср. также упомянутые выше *с охотой*, *охотливо*, *с охотливостью*. — *С радостью* же, с самого начала обделенное дублетами-эквивалентами, утратило и то немного, что имело. Так, очень рано — на рубеже XVIII—XIX вв. — вышло из употребления *с веселостью* («*С веселостью возвращался я к себе восвояси...*» — А. Т. Болотов. Записки) и сузило свою семантику наречие *весело*, взяв на себя от *радости* ее активный, динамический компонент. «Выяснение семантических отношений» между образованиями с корнями *~рад~* и *~весел~* затянулось до конца третьей четверти XIX в., когда была полностью изжита бывшая дублетность предикативов в паре *весело* — *радостно*. Ср. не соответствующие современной норме словоупотребления типа «... Как бы было *весело пожать* тебе руку...» (В. А. Жуковский — А. И. Тургеневу, 1 декабря 1814); «Очень мне было бы *весело получить* от тебя весточку» (В. А. Жуковский — Д. Давыдову, 10 дек. 1829); «Молодец и умница Ваш муж — и я очень хорошо понимаю, как Вам должно было быть и *весело* и *жутко*, глядя на него...» (И. С. Тургенев — Е. С. Кочубей, 13 апреля 1862) и т. п. К последнему примеру ср. обычные для более позднего времени *радостно* и *жутко*, *радостно до ужаса* и т. п. Ср.: «Он замер весь *от ужаса и радости*» (Д. Мережковский. Петр и Алексей, 5, I); «И душу его наполнила *радость, подобная ужасу*» (там же, 11, XI). Ср. еще: «...кто из тех, кому попадутся на глаза названные строки Боратынского, не вздрогнет *радостной и жуткой дрожью, какая бывает, когда неожиданно оклик-*

нут по имени!..» (О. Манделъштам. О собеседнике). Особо — рядом с *радостью* должны быть отмечены с *отрадой*, которое, однако, дважды маркировано: стилистически (высок., книжно-поэтич.) и семантически (по признаку ‘замкнутость — незамкнутость’, поскольку обозначает только «внутреннюю» радость) и *радушино*, которое также подверглось узкой специализации. Ср. показательные употребления прошлого века: «Проспер повиновался так же *радушино*, как *радушино* ему было объявлено предложение...» (В. А. Соллогуб. Воспоминания); «...дверь комнаты моей с шумом отворилась, и передо мною, вообразите мое изумление, стоял живописец. Более полугода он не был у меня, и я думал, что мы совершенно раззнакомились, но он так *радушино* и крепко пожал мою руку, как будто мы всё по-прежнему были коротко знакомы...» (И. И. Панаев. Белая горячка, I, 1840); «Адель вам *радушино* кланяется, я же дружески жму руку...» (В. Н. Кашперов — И. С. Тургеневу, 7 августа 1865); «...он строго держался некоторых условий светского уложения и чинопочитания. Но это касалось исключительно одной официальной жизни и проявлялось в случаях представительства. Тогда стоял он прямо и чинно на часах. Но, отслужив эти часы или минуты, он *радушино* возвращался к своей любимой независимости» (П. А. Вяземский, Иван Иванович Дмитриев, 1866). Ср. аналогичное употребление оборота с *радушием*: «Для Вас и в сочинениях что-нибудь есть, потому что Вы читаете их с *радушием*...» (И. С. Тургенев — И. Ф. Миничкому, 6 марта 1857); Ср. также необычное употребление этого слова у Ф. Сологуба: «Все, что Володин показывал, он *исполнял радушино, но без охоты*» (Мелкий бес, XV). Соответственно рядом с *охотно* должно быть учтено специализированное *охотой*, которое было переведено в синонимический ряд *добровольно, по доброй воле*.

⁸ Ср. совершенно уникальный в современном материале пример нарушения этой нормы: «Что за бредни нелепые в юности в голову лезут? Ведь хотелось и мне в свое сердце пальнуть из ружья. Я старался не думать про замогильную бездну. Но *охотно мечтал*, как заплачет над гробом семья...» (В. Казакевич. «Повстречались мне в разные годы...», 1987).

⁹ Ср. широко употребительные в литературном языке прошлого века (и особенно у Гоголя и Достоевского) усилительные обороты типа *глубоко углубить, далеко удалиться, толково толковать, чувствительно чувствовать*: «...и они, хотя и были между собою приятели, но приятство их *далеко было удалено* от прямого дружества» (А. Болотов. Записки, 29); «...поразил позор нынешнего времени и *углуби* в то же время *глубже* в нас то, перед чем еще позорнее станет позор наш» (Н. В. Гоголь. Выбранные места..., XV, 1); «Задумался древний Египет, увитый иероглифами, *понижая ниже* свои пирамиды...» (Н. В. Гоголь. Жизнь); «Я решил твердо и *покорно покориться* всей нынешней тоске» (Н. В. Гоголь — В. А. Жуковскому, 20 июля

1844); «...все дома *освещены* были необычайно *светло*» (С. П. Жихарев. Записки современника, 1 февр. 1807); «Это дело ничуть не маловажное и стоит того, чтобы о нем *толково потолковать*» (Н. В. Гоголь. Выбранные места..., VI и т. п.) — и на этом фоне раннюю утрату сочетаний *охотно хотеть / желать*. Ср.: «...у жены сего богача был еще неженатый брат, которого сестре *охотно* женить *хотелось*...» (А. Болотов. Записки, 31); «А я *охотнее бы хотел* не иметь с вами дела...» (там же, 62); «Мне и самому *охотно хотелось бы* пробыть здесь до просухи...» (там же, 86); «И для того я *охотно желаю* знать, от кого вы о имени моем известились...» (Неизвестный автор. Несчастный Никанор, 1775); «Он *охотно желал* быть убитым...» (Н. А. Бестужев. Русский в Париже); «Всегда я пленялся добрыми примерами и *охотно желал* им следовать...» (И. И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь) и т. п. Из последних, поздних, крайне редких словоупотреблений такого рода ср. еще пример из Тургенева: «Обращаясь к Вам, я не нуждаюсь в громких словах: я и без того уверен, что вы *охотно захотите* принять участие в деле подобной важности...» (И. С. Тургенев — П. В. Анненкову, 19 августа 1860). Ср. еще параллельный оборот с *легко* как обычным корреспондентом и спутником *охотно*: «— Я *легче желаю* сам прежде умереть, нежели о ее услышать смерти...» (Неизвестный автор. Несчастный Никанор, 1775).

Как это типично вообще для периферийных элементов значения, этому скрытому 'хотению / желанию' удастся подняться на поверхность только при наличии особых условий — в контексте ирреальной модальности или, что в конечном счете также связано с ирреальностью, через отрицание. Ср. *охотно* в рядах типа «— О Бетховене говорил с таким красноречием... Это, я признаюсь, *послушал бы*...» (И. С. Тургенев. Рудин) — *охотно бы послушал / хотел бы послушать*. Ср. также *охотно* — *неохотно* 'с нежеланием, без всякого желания'. В этом проявляется общая тенденция к семантической и функциональной асимметрии *не-* и *без-*производных.

¹⁰ Ср. использование этого оборота в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова как толкующего значение *охотно* [Уш.: II, 1027]. Можно лишь пожалеть, что это несомненно удачное лексикографическое решение было отвергнуто последующими словарями.

ЛИТЕРАТУРА

Александрова 1968 — Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1968.

Апресян 1970 — Апресян Ю. Д. Синонимия и конверсивы // РЯНШ. 1970. № 6.

Арутюнова 1976 — Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.

- Арутюнова 1978 — *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений. М., 1988.
- БАС — *Словарь современного русского литературного языка: В 17 т.* М.; Л.: ИАН, 1950—1965.
- Гинзбург 1985 — *Гинзбург Е. Л.* Конструкции полисемии в русском языке // *Таксономия и метонимия.* М., 1985.
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1881—1882.
- Евгеньева 1971 — *Словарь синонимов русского языка: В 2 т.* / Под ред. А. П. Евгеньевой. Л., 1971.
- Засорина 1977 — *Засорина Л. Н.* Частотный словарь русского языка. М., 1977.
- МАС — *Словарь русского языка: В 4 т.* М.: Русский язык, 1981—1984.
- НСРЯ — *Новый словарь русского языка.* М.: Русский язык, 2001.
- Ож. — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1975.
- ОШ — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1997.
- Пеньковский 1987 — *Пеньковский А. Б.* Категориальные признаки наречий и их отражение в словаре: I. Субъектно-объектная ориентация // *Сочетание лингвистической информации и информации внелингвистической в автоматическом словаре.* Ереван, 1987.
- Пеньковский 1988-а — *Пеньковский А. Б.* Семантика наречия и ее отражение в словаре // *Словарные категории.* М., 1988.
- Пеньковский 1988-б — *Пеньковский А. Б.* О развитии норм адвербиального словоупотребления в русском литературном языке (наречия *бережно, осторожно* и др.) // *Sbornik prac Pedagogické fakulty v Ustí nad Labem* — 1987. Praha, 1988.
- Пеньковский 1990 — *Пеньковский А. Б.* Проблемы кодификации русских наречий // *Культура русской речи: Тезисы I Всесоюзной конференции.* Звенигород, 19—21 марта 1990. М., 1990.
- Пеньковский 1991 — *Пеньковский А. Б.* *Радость* и *удовольствие* в представлении русского языка // *Логический анализ языка: Культурные концепты.* М.: Наука, 1991.
- Пеньковский 1995 — *Пеньковский А. Б.* Глагольное действие *sub specie adverbiorum* 2: Ответные действия и языковые ответы // *Грамматические категории и единицы: Синтагматический аспект.* Владимир, 1995.
- СП — *Словарь языка Пушкина: В 4 т.* М., 1956—1961.
- СТРЯ — *Современный толковый словарь русского языка.* СПб., 2001.
- СЦРЯ — *Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук.* СПб., 1867.
- Уш. — *Толковый словарь русского языка: В 4 т.* / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940.

Штейнфельдт 1963 — *Штейнфельдт Э. А.* Частотный словарь русского языка. Таллин, 1963.

Wierzbicka 1980 — *Wierzbicka A.* The Case for Surface Case. Ann Arbor; Karoma, 1980.

ГЛАГОЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ SUB SPECIE DVERBIORUM:

2. Ответные действия и языковые ответы

Закон вселенной — это равновесье.
Возмездьями лишь держится она...

А. К. Толстой

0.0. Действия и поступки человека по своей природе актуально или потенциально диалогичны (ср. [П. Рикёр, 1989]). Они либо требуют ответа, побуждают к ответу, инициируют, вызывают или предполагают ответ, либо сами являются ответом. Планируя и совершая действие, человек должен наперед учитывать возможность ответа и просчитывать возможные ответы, как это делает раздумывающий над очередным (ответным) ходом шахматист. Если необходимый прогностический анализ почему-либо отсутствует, а последствия действия оказываются неблагоприятными, то действие квалифицируется как осуществленное — в нарушение нормального порядка вещей — *безответственно, безрассудно, близоруко, легкомысленно, не(благо)разумно, неблагоприятно, недальновидно, необдуманно, непродуманно, непредусмотрительно, неразумно, нерасчетливо, опрометчиво* и др. Как нарушение жизненной нормы или как нечто нестандартное рассматривается также отсутствие некоторых ожидаемых, возможных или должных ответов, характеризуемое такими наречиями «мягкой уступки», как *безвозмездно, безнаказанно, безответно, безотказно, беспрекословно, безропотно, безучастно, невозмутимо* и т. п. [Пеньковский, 1987].

1.0. *О т в е т*, следовательно, в излагаемом здесь понимании, основывающемся не на абстрактных теоретических рассуждениях, а на фактах русского языка, —

1.1. Это не только специализированный речевой акт, являющийся членом *question — answer* 's-пары, как считают авторы многочисленных логико-лингвистических исследований последнего времени [Pope, 1971, 1973; Keenan and Hill, 1973; Lakoff, 1973; Belnap and Steel, 1976; Hintikka, 1979; Н. Белнап и Т. Стил, 1981 и др.].

1.2. Это не только речевой акт, являющийся вербальной реакцией на любой другой акт речи, как полагает для англ. *answer* и *reply* А. Вежбицка [Wierzbicka, 1989].

2.0. *О т в е т* это любое действие, физически направленное или ментально адресованное субъекту вызывающего, инициирующего, мотивирующе-провоцирующего действия и способное в свою очередь стать вызовом для обратно ориентированного ответа. *В ы з о в* — будь то кантовский «вызов долга» или хайдеггеровский «вызов бытия» [Heidegger, 1962], упрекающий и предъявляющий счет «голос совести» или «зов сердца», вопрос, требующий разрешения (и, в частности, вопрос, задаваемый нами самим себе), или вообще какое угодно речевое или неречевое действие — и *р е а к ц и я* — *о т в е т* образуют пары и цепочки, которые традиционно описываются и интерпретируются в терминах природных, естественно-физических, жестко детерминированных (и потому верифицируемых) к а у з а л ь н ы х связей (см., например, работы [Апресян, 1970; Золотова, 1978, 1983] и др.).

2.1. Такая трактовка не соответствует действительному положению вещей в человеческом мире, где в силу свободы воли и свободы выбора, которыми Бог наделил человека, создав его по образу и подобию своему (не Бог антропоморфен, а Человек теоморфен), — действует не механическая, а человеческая подобная божественной (Бог же действует не «потому что», а «во имя того, чтобы!») — «причинность из свободы» (И. Кант), логически не обусловленная следствием, которое в свою очередь не обусловлено причиной.

О п р е д е л я ю щ а я роль здесь принадлежит не объективным причинам, а интенциям и инициативам, т.е. субъективно определяемым и нуждающимся в смысловом понимании и непродвзятом истолковании ц е л я м , п о б у ж д е н и я м ,

основаниям, поводам, резонам и мотивам. Здесь действует не каузальность, а телеология (ср. [Вригт, 1984; Франкл, 1989]). Особо должны быть отмечены ответы, представляющие собой неконтролируемые (психо-)физические и (психо-)физиологические реакции, но и они не являются жестко детерминированными.

2.2. Поэтому *о т в е т* хотя и соотнесен всегда так или иначе с *вызовом* (и, в частности, с *вопросом*), не является его следствием, а *вызов* (и, в частности, *вопрос*) хотя и соотнесен с *ответом*, не является его причиной. Не случайно, что в числе 10 Божьих заповедей нет предписания: «Отвечай!» Человек свободен в выборе ответа и на вопрос, и на любой другой вызов, хотя эта свобода дается не даром: она оплачивается ответственностью, т. е. новой цепью вызовов и ответов. В том числе и ответственностью за не-действие, за не-ответ (не смешивать с отрицательными *нет*-ответами!), каковой, следовательно, должен быть признан особым видом ответа. Отсюда двойственность в языковой трактовке этого феномена: *не ответить — оставить без ответа — промолчать — молчать в ответ — ответить молчанием; нет ответа — в ответ ничего / ни звука / ни слова / никакого отклика / никакого отзыва / молчание*. Ср. также разг. *ни ответа ни привета*, устар. *ни гласа ни послушания*. На этой же основе возможно сужение ответа до значения «согласие, соответствие»: *Вдруг в течение мелодии врывается ответ или возражение ей в другом, более высоком и женском голосе и другом, более простом и разговорном тоне* (Б. Пастернак) при устар. *возражение* ‘ответ’, *возразить* ‘ответить’.

2.3. Хотя вызовы и ответы образуют два соотнесенных открытых множества, они естественно представляются человеческому сознанию определенными ограниченными наборами *типов*, что делает актуальной задачу исследования и описания *типологии вызовов и ответов* и образуемых ими целостных «вызовно-ответных» комплексов. Однако, если не считать нескольких попыток анализа различающихся иллокутивной силой инициирующих речевых актов типа *спрашивать, предлагать, призывать, советовать, настаивать, просить, умолять, приказывать, требовать* и т. п. (ср. «экзерситивы» и «бехабетивы» Д. Остина [Остин, 1986], «директивы» Д. Серля [Серль, 1986], «императивы»

А. Ишмуратова [Ишмуратов, 1987]), круг этих проблем не подвергался до сих пор специальному системному изучению.

3.0. В докладе исследуется типология ответных действий и, в частности, предлагается различать:

3.1. Неязыковые (незнаковые) ответы в противопоставлении знаковым, языковым, которые могут иметь вербальную и невербальную (параязыковую) форму и, будучи ответами *par excellence*, могут обозначаться глаголами *ответить*—*отвечать* (ср. также в большей или меньшей степени специализированные *откликнуться* и *отозваться*) в бескомплементарном употреблении.

3.2. Положительные ответы («да»-ответы, ответы-согласия, содействия, поддержки) в противопоставлении отрицательным («нет»-ответам, ответам-возражениям, отказам, противодействиям); ответы «в пользу, во благо» в противопоставлении ответам «во зло, во вред».

3.3. Программируемые (в субстанциональном и/или содержательном плане) ответы, представляющие собой действия исполнительского типа, в противопоставлении ответам не программируемым, каковые являются действиями инициативного типа. Ср. в этой связи двойственность действий, которые характеризуются как осуществляемые *добровольно*.

4.0. Устанавливается, что для всех видов ответов существенно важен признак *соответствия* реального ответа программируемому, актуально ожидаемому, или возможному и предполагаемому на основе некоторой общественно осознаваемой нормы, которая соотносит ответ и вызов (в общем виде такое соотношение определяется пословицами типа «*как аукнется, так и откликнется*», «*каков вопрос, таков и ответ*»).

5.0. Маркерами программируемых и, следовательно, желательных для субъекта вызова положительных «да»-ответов являются не выделявшиеся до сих пор в специальную семантическую группу наречия и наречные сочетания *обратной* связи *охотно / с готовностью* (ср. также не фиксируемое словарями *готовно*), *послушно*, *покорно*. За этими определителями стоят три разных модуса ответного действия (а в конечном счете — три модуса жизни!), которые связаны с тремя разными режимами работы механизма сознания, формирующего положительный ответ:

5.1. *охотно* (*готовно / с готовностью*) — положительный ответ в условиях свободного, ничем не стесненного выбора между «да» и «нет».

5.2. *послушно* — положительный ответ при отсутствии полюса «нет» в неличностном или несформированном (инфантильном) сознании субъекта ответного действия (кроткого животного, ребенка, взрослых людей и целых народов в условиях патерналистских режимов) перед силой безусловного авторитета субъекта вызова.

5.3. *покорно* — положительный ответ субъекта с подавленной волей и поработанным сознанием при заблокированном (но способном к протесту и бунту) полюсе «нет» в условиях любовного, семейного, общественного, государственного и иных форм рабства перед безусловным авторитетом силы субъекта вызова.

6.0. Особое место в кругу программируемых ответных действий принадлежит ответам знакового (обычно невербального, паразытового) типа, которые в субстанциональном и содержательно-смысловом отношении повторяют свои вызовы (см. 4.0) и связаны не столько с механизмом свободного выбора между «да» и «нет» (ср. 5.1 — *охотно*), сколько с автоматическим исполнением общепринятых норм этикета, предписывающих отвечать поклоном на поклон, улыбкой на улыбку, «*здравствуйте!*» на «*здравствуйте!*» и т. п. Маркерами этого типа ответов являются такие не получившие адекватной лексикографической обработки наречия и наречные сочетания обратной связи (ср. 5.0), как *ответно*, специализирующиеся *взаимно*, *обоюдно*, *встречно*, *в свою очередь* (с акцентным выделением *свою*), а также их устаревающие или уже устаревшие образные эквиваленты *в обмен* (ср. *обменяться поклонами*), *в заплату* (ср. *заплатать визит*) и др. Ср. также устар. *возвратно*, *в возврат* (ср. *возвратить поцелуй*). В тех случаях, когда автоматизм следования этикетным нормам еще не сформирован или почему-либо разрушен, такие ответы регулируются механизмом, описанным в 5.0.

6.1. Знаковость, обратная направленность на субъект вызова (ср. англ. *back*) и полное тождество ответа вызову важнейшие нормативные компоненты их семантики, и потому словоупотребления типа:

1) *Не понимают, что любящая душа отдала ей все, что имела, опустошившись при этом и не обогатившись ответно*

(В. Астафьев) и 2) *Сослуживец Егора Егоровича сегодня пожал ему руку по-особенному, Егор Егорович ответно ему улыбнулся* (М. Осоргин) — должны быть признаны не соответствующими литературной норме.

6.2. Тождество ответа вызову естественно оборачивается тождеством вызова ответу. Это значит, что в сочетаниях типа ...*ответно улыбнулся / поклонился / пожал руку* и т. п. *ответно* не только характеризует определяемые им действия как ответные, но и свидетельствует о характере их вызовов, — тех действий, на которые они отвечают.

7.0. Именно это категориальное значение ‘тождества — нетождества ответа вызову’ определяет нейтрализуемое в прилагательном *ответный* противопоставление маркеров *ответно* — *в ответ*: *ответно улыбнулся* ‘улыбнулся, отвечая на улыбку’ — *в ответ улыбнулся* — ‘улыбнулся, отвечая на какое-то действие, не являющееся улыбкой’.

Ср. также оппозицию *в свою очередь* ‘ответно’ *в свою очередь* ‘в ответ’. Нетождество ответа вызову может быть интерпретировано только как проявление свободы выбора в ответе на вызов. Но не свободы выбора между «да» и «нет», как при программируемом ответе, а свободы выбора самого — непрограммируемого — ответа. Понятно, что такого рода ответы оказываются нередко неожиданными, а зачастую и нежелательными для субъекта вызова и расцениваются как не адекватные вызову. Отсюда их представление как «квази-» и «псевдо-ответов». Это не ответы, а только «как бы ответы» реакция «в качестве / в функции / взамен / вместо ответа». Отсюда прямой перевод этой семантики в план выражения — *как в ответ, как бы в ответ, взамен ответа, вместо ответа* и т. п. Ср. также специализированные (или в шутовском употреблении) *в отплату, в отместку, в отмщение, в возмездие*. Ответы этого типа легко становятся точками бифуркационного ветвления новых цепочек вызовов и ответов.

РУССКИЕ НАРЕЧИЯ: ФУНКЦИИ — СЕМАНТИКА — ПОЗИЦИИ — АКЦЕНТНОЕ ВЫДЕЛЕНИЕ

— Ин, изволь и стань же в позитуру!
Я. Б. Княжнин

0.0. Известно, что в европейских языках (и, в частности, в тех, которые являются «позиционными») варианты словопорядка и закрепление слов за теми или иными позициями в словосочетании (синтаксической группе) и в предложении не используются для выражения и разграничения лексических значений.

0.1. Едва ли не единственный, хотя и не безупречно чистый пример такой взаимосвязи, упоминаемый в литературе предмета, представляет французский язык, где, при нормальном для большинства прилагательных следовании за определяемым именем, некоторые из них могут употребляться и в препозиции, причем обычно либо с коннотациями усиления и эмпазы (*un livre excellent* ‘превосходная книга’ — *un excellent livre* ‘великолепная книга’), либо (по-видимому, вторично — на эмпатической основе) с более или менее значительным сдвигом значения (*un livre cher* ‘дорогостоящая книга’ — *un cher ami* ‘дорогой друг’) [Блумфилд 1968 : 211—212; Арутюнова 1972 : 217—218]. В аналогичной зависимости от позиции находятся здесь и значения некоторых наречий [Гак 1989 : 204].

0.2. В русском языке — языке «непозиционного» типа с развитой флексией — подобные явления до сих пор не отмечались, хотя есть все основания предполагать их реальность и вести их целенаправленный поиск в кругу неизменяемой — бесфлексийной лексики.

1.0. Действительно, позиционное разграничение (позиционное распределение) значений и связанных с ними (или стоящих за ними) семантико-синтаксических функций широко распространено в адвербиальной сфере русского языка и должно быть признано одной из характерных особенностей семантики значительного числа русских наречий, не получившей, однако, отражения ни в грамматиках, ни в толковых словарях.

1.1. Так, например, *обычно*, которое в БАС дается как цельная однозначная единица (с заменой толкования отсылкой к считающемуся производящим *обычный* «всегда свойственный кому-, чему-либо; постоянно бывающий; всегдашний, привычный» [8, 583]), в действительности представляет собой единство двух противопоставленных лексико-семантических вариантов: постпозитивного *обычно*₁ — с определительной функцией и качественно-характеризующим значением ‘так, как всегда, не выделяясь ничем особенным’ (ср.: *К этому времени он был уже одет обычно*) и препозитивного *обычно*₂ — с комплексным кванторно-темпоральным значением ‘всегда, постоянно, большей частью, как правило’ и обстоятельство-детерминативной функцией (ср.: *К этому времени он был уже обычно одет*). О глубине и резкости семантического и функционального противопоставления этих двух вариантов *обычно* свидетельствуют глубокие различия их сочетаемостных возможностей и их парадигматических и синтагматических связей. Так, они различаются по способности: а) вступать в связь с синсемантическими глаголами отношения, поведения и других групп: *Он относится к ней / ведет себя / чувствует себя обычно*₁, но **Он обычно относится к ней / ведет себя / чувствует себя*; б) сочетаться с препозитивным и постпозитивным отрицанием: *не обычно*₁ (*Он был одет не обычно, а в какую-то куртку...* Н. Чуковский), откуда далее *необычно*, но **не обычно*₂; с другой же стороны — *обычно*₂ *не* (*Об этом обычно не говорят / не задумываются / не знают...*), но **обычно*₁ *не*; в) определяться кванторными наречиями степени: *вполне (довольно, достаточно, очень, совсем...)* *обычно*₁, но **вполне обычно*₂; г) вступать в сочинительные ряды: *обычно*₁ *и просто*; *обычно*₁ *и обыденно*; *обычно*₁ *и заурядно*; но **обычно*₂ *и ...*; д) управлять формами имени: *обычно*₁ *для* + Род. п. (*Роцаковский начинал обычно для представителя дворянской семьи...* Л. Разгон), но **обычно*₂ *для ...*;

е) сочетаться с формами совершенного вида: *обычно*₁ + сов. / несов. — *обычно*₂ + несов. и т. д. Различия между двумя семантическими комплексами, объединенными под общей для них оболочкой *обычно*, настолько значительны, что — в качестве средства их разграничения — оказалось необходимым их закрепление за двумя противопоставленными позициями. Это позиционное противопоставление доводится до предела сдвигом постпозитивного *обычно*₁ к концу высказывания, а препозитивного *обычно*₂ — к его началу. Ср. их контрастное столкновение в тексте: *Я его легко так шлепнул, — обычно. Обычно так и бьют...* (А. Терехов. Дурачок).

1.2. Точно так же, *по-прежнему* которое всеми словарями подается как целостная единица, толкуемая при помощи сравнительного оборота «как и прежде», в действительности расщеплено на *по-прежнему*₁, несущее значение сравнения, свойственное модели (ср. *по-старому, по-новому, по-другому, по-иному*), и *по-прежнему*₂, в котором значение сравнения погашено и которое функционирует как фазовый определитель — показатель продолжения действия (сохранения признака). Ср.: *Он работает по-прежнему*₁ (как прежде: плохо, хорошо, с увлечением, самоотверженно) — *Он по-прежнему*₂ *работает* (все еще, до сих пор работает, продолжает работать). Отсюда их яркие различительные признаки, сходные с рассмотренными выше признаками вариантов *обычно* (см. подробнее [Пеньковский 1988, 56]), и их жесткое позиционное противопоставление: обязательная постпозиция *по-прежнему*₁ и столь же обязательная препозиция *по-прежнему*₂.

1.3. Аналогичные отношения — с разной степенью глубины семантических и функциональных различий и связанных с ними различий в сочетаемости и системных связях и, соответственно, с разной степенью жесткости позиционного распределения — характерны для внутренних семантических комплексов таких наречий, как *бесспорно, впервые* [Пеньковский 1977], *естественно, заметно, наверное, натурально, непосредственно, несомненно, обратное, обыкновенно, определенно, очевидно, подобно, похоже, просто, прямо, слабо, традиционно, явно* и мн., мн. др.

2.0. Позиционное закрепление членов наречных пар типа *обычно*₁ — *обычно*₂ оказывается не единственным и — более того — не основным средством разграничения и противопоставления их

функций и значений. Постпозиция в таких случаях всегда соединена с усиленным ударением (*Он уже немолод, но **работает по-прежнему** и очень гордится этим*). Препозиция же всегда безударна (*Он уже немолод, но **по-прежнему рабóтает** и очень гордится этим*). В случае инверсии, какими бы причинами она ни вызывалась, признаки ударности-безударности как признаки формы языкового знака сохраняются и переносятся вместе с инвертированными членами — их носителями. Так, безударность переносится в постпозицию и сохраняется там как единственный дифференциальный признак препозитивного варианта: *Так обычно и **бывáет** / Обычно так и **бывáет** → Так и **бывáет** обычно*. Точно так же усиленное ударение переносится в препозицию и сохраняется там как единственный дифференциальный признак постпозитивного варианта: *Город жил **обычно** → Но ничего не изменилось и **обычно** жил город* (В. Зарубин). Именно этим независимым, константным признаком ударности-безударности рассматриваемая адвербиальная группа (группа наречий с акцентно маркированной семантикой) отличается от всей остальной массы русских наречий, ударность-безударность которых выступает как переменный признак, обусловленный синтаксической позицией, особенностями актуального членения или особыми заданиями экспрессивно-стилистического характера (см. о них [Ковтунова 1976]).

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1972 — Арутюнова Н. Д. Морфология // Общее языкознание. М.: Наука, 1972.
- Блумфилд 1968 — Блумфилд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968.
- Гак 1989 — Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М.: Просвещение, 1989.
- Ковтунова 1976 — Ковтунова И. И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976.
- Пеньковский 1977 — Пеньковский А. Б. Очерки по семантике русских наречий: Наречие *впервые* // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1977.
- Пеньковский 1988 — Пеньковский А. Б. Семантика наречия и ее отражение в словаре // Словарные категории. М.: Наука, 1988.

**СДВИГ НОРМ НАРЕЧНОГО СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЯ
В БЛИЖНЕЙ ДИАХРОНИИ
КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ БАЗА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
ГРАММАТИЧЕСКОЙ И КОННОТАТИВНОЙ
СЕМАНТИКИ РУССКОГО СЛОВА**

1.0. Русская грамматика, следуя традиции, освященной авторитетом Л. В. Щербы, рассматривает наречия как «формальную, малосодержательную категорию» и, видя в основной их массе лишь результат транспозиции прилагательных, отказывает им и в собственной семантике, и в собственной грамматике.

2.0. Естественно поэтому, что русская лексикография, отражая рисуемую грамматикой картину адвербиального мира, либо вообще лишает большинство русских наречий лексикографической обработки, либо сводит ее к некоторому минимуму, пределом которого оказывается или чистая фиксация наречного слова (так в БАС и МАС), или голый пример его употребления в виде краткого предложения (так в Уш. и Ож.). Отсутствует здесь — за редчайшими исключениями — и какая-либо грамматическая информация о наречиях: чего не видит словарь, того не знает и грамматика. «Друг друга отражают зеркала, взаимно искажая отраженья» (Г. Иванов).

3.0. Эта поистине драматическая ситуация говорит о необходимости критического подхода к традиционно сложившейся системе взглядов на наречие, опирающихся больше на веру, чем на действительное аргументированное знание. Это общее Credo обнаруживает два принципиальных основания:

3.1. Аксиоматически принимаемые положения о <1> словообразовательной (формальной) и <2> семантической вторичности русских наречий как регулярных адъективных производных. Однако первое недоказуемо и должно быть заменено более мягким тезисом о кодеривации как основном типе словообразовательных отношений между наречием и прилагательным. Второе же плохо согласуется с языковой реальностью, так как — за исключением случаев действительной обстоятельственной транспозиции прилагательных в высказываниях типа *Багрово всходило солнце* [В. В. Виноградов, 1956] — наречия не поддаются истолкованию через соотносительные прилагательные, тогда как значения прилагательных обычно легко выводятся из значений соотносительных наречий (и / или предикативов). Ср.: *внезапный* ‘начавшийся, наступивший внезапно’ при *внезапно* ‘без какого-либо предупреждения или предупреждающих знаков’ и т. п. То же в часто встречающихся случаях необщезыковой контракции адвербиальных сочетаний: *внезапное* ‘внезапно вышедшее’ *солнце* (М. Булгаков) и т. п. Обычные в лексикографической практике попытки подсознательно или сознательно обойти подобные связи (ср. в МАС: *внезапный* «наступивший, происшедший неожиданно, вдруг» при *вдруг* «внезапно, неожиданно» и *внезапно* «неожиданно, вдруг») как раз и вскрывают истинное положение вещей. Об этом же говорят и семантико-синтаксические отношения в парах типа *внезапно уйти* — *внезапный уход* (ср. [И. Б. Шатуновский, 1982]).

3.2. Аксиоматически же принимаемое положение об аграмматичности русских наречий как о феномене, находящемся в естественной и не нуждающейся в доказательствах связи с их «аморфностью». Но «аморфность» наречий не может быть признана свидетельством их аграмматичности, поскольку наряду с грамматикой форм словоизменения существует множество других «грамматик», которые — вплоть до грамматики средств акцентно-интонационного выделения — наречия могут поставить себе на службу. Аграмматичность же наречий, поскольку никто и никогда не показал их безразличия к образующим открытое множество грамматическим признакам их микро- и макроконтестов, — есть миф, обязанный своим возникновением формоцентризму традиционного учения о частях речи, сложившегося еще в «дотекстовую» эпоху. Этот миф должен быть развеян. Учение о наречии нуждается в смене всей

научной парадигмы — с изменением предмета, базы, направления и методов исследования.

4.0. Центром такого исследования должна стать грамматическая семантика наречий. Формулируя эту задачу, мы исходим из того, что наречия обладают значительным и имеющим потенциал дальнейшего расширения и развития репертуаром скрытых грамматических значений, скрытых категориальных грамматических признаков, образующих их собственную, но только скрытую грамматику, которая является такой же реальностью, какой мы считаем невидимую часть светового спектра.

5.0. Как и все скрытые категории, категориальные признаки наречий выявляют себя через различные сочетаемостные, конструктивные, позиционные и иные ограничения, которые накладываются на употребление наречного слова и составляют сущность стихийно сложившихся, но не получивших кодификации, узусных норм, действующих в адвербиальной сфере. Но поскольку такие ограничения не даны нам в прямом наблюдении, то их поиски — до тех пор, пока стоящие за ними признаки в основной своей массе остаются неизвестными, — неизбежно подчинены сказочному принципу «пойди туда, не знаю куда...» и не могут осуществляться сколько-нибудь целенаправленно. Поэтому, а также вследствие необходимости одновременного учета неопределенного множества взаимодействующих факторов, что невозможно без предварительного накопления для каждого наречия значительного корпуса текстовых данных, они трудоемки, но мало перспективны и обещают лишь случайные открытия и находки. Эта ситуация, сущность которой состоит в том, что «явленное» нам в речи мы, «имея очи, не видим и, имея уши, не слышим и не понимаем», объясняется (как и аналогичная ситуация в сфере культуры) нашим замкнутым нахождением внутри традиции и отсутствием дистанции между наблюдателем и объектом наблюдения. Задача, следовательно, заключается в том, чтобы трудно реализуемое «можно видеть» преобразовать в гарантированное «нельзя не увидеть», а для этого, как подсказывает семантика наречия *заметно* (*заметно*₁ ‘так, что можно видеть’ — *заметно*₂ ‘в такой степени движения признака, что нельзя не увидеть’), необходимо преодолеть неподвижность системы, внести в нее динамический импульс. Этого можно достичь двояким образом: 1) Привести в движение объект наблюдения (динамическая синхрония);

2) Вывести наблюдателя за пределы системы, изменив тем самым его позицию и точку зрения (диахроническая статика).

5.1. Движение объекта, делающее его видимым для неподвижного наблюдателя, обнаруживается при нарушающем интуитивно осознаваемую нами норму употребления наречного слова в семантической сфере и в контексте другого наречия — его противочлена. Каковы бы ни были основания, причины или цели, а также частные последствия такого сдвига, важно то, что он позволяет нам, представляя аппликативно, в совмещении, сразу оба члена наречной пары, установить и основание для их объединения, и те скрытые различительные признаки, на которых строится их противопоставление. Так, в примере *Казалось бы, глупо обвинять всех «чихом»* (Правда. 1990) помеченное метафорическими кавычками употребление *чихом* на месте *огульно / огулом* свидетельствует о нормативном противопоставлении членов этой пары по признаку «одушевленность — неодушевленность». Ср. еще: *Думая о прозе Т. Толстой, я навязчиво вспоминаю булгаковскую фразу...* (Лит. Обозр. 1989), откуда *неотступно / неотвязно — навязчиво* («рефлексивность — нерефлексивность»); *Кто вернет Клименкину годы, которые он просидел в тюрьме, как выяснилось, необоснованно?* (Ю. Аракчеев), откуда (ср.: *Его посадили / Он был посажен необоснованно / безвинно — Он просидел безвинно*) *безвинно — необоснованно* («объект-пациенс — субъект-фациенс») и т. п. Факты такого рода, однако, достаточно редки (явное свидетельство того, что сфера грамматической семантики наречий находится сейчас в состоянии относительной стабильности и покоя) и массового материала для решения поставленной задачи дать не могут. Воспользуемся поэтому другим источником.

5.2. Обращение к диахронии отнюдь не предполагает обязательного возвращения к истокам, поскольку на открывающемся с этой высоты многовековом пространстве взгляд наблюдателя может различить лишь самые общие направления развития адвербиальной сферы, что, собственно, и описывает историческая грамматика, мысля при этом, естественно, лишь самыми общими категориями. Здесь же нужен такой временной масштаб, который позволяет видеть конкретные формы и различать в них мельчайшие детали. Эту возможность мы получаем, избирая в качестве точки отсчета то состояние адвербиальной сферы, в котором она находилась в рус-

ском литературном языке конца XVIII — начала XIX в. Как показало проведенное нами исследование, отношения между единицами в наречных парах, пучках, рядах и многочленных группах до конца 3-й четверти XIX в. оставались отношениями неупорядоченной или слабо упорядоченной эквивалентности. Наречия в таких объединениях не обнаруживали сколько-нибудь существенных различий в значениях, валентностных и сочетаемостных возможностях и свободно замещали друг друга в тождественных или близких контекстах. С другой стороны, благодаря широте и диффузной размытости наречной семантики одно и то же наречие могло свободно использоваться в различных контекстах. Ср. отношения между *бережно* и *осторожно*; *беспрекословно* и *беспрепятственно*; *вечно*, *навечно*, *всегда*, *навсегда*; *врасплох* и *неожиданно*, *нежданно*, *нечаянно*; *второпях* и *в спешке* и т. п. Приводимые ниже примеры, произвольно выбранные из открытого множества контекстов, отражающих общие нормы наречного словоупотребления этой эпохи, позволяют сразу же интуитивно осознать, насколько эти столь близкие нам по времени нормы далеки от соответствующих современных: *Он встал и **бережно** сделал несколько шагов* (Г. П. Данилевский); *Осуждены смотреть безмолвно, Как зло, корысть — **беспрекословно** Завоевали целый свет* (М. А. Дмитриев); *Я **вечно** не изменю этой клятве* (Н. А. Полевой); *Если бы мне **врасплох** предложили подобный вопрос...* (А. Н. Апухтин); *Вернувшись, он застал жену свою **второпях**...* (А. Ф. Вельтман); *Он шагу не ступит, чтоб не подумать, будет ли этот шаг **довольно** прост* (В. Н. Майков); *Кирьян остался на месте и **заметно** поджидал его* (А. Ф. Писемский); *Дядюшка **самопроизвольно** пришел послом от жены* (Л. Н. Толстой) и др. под. Вдумываясь в такого рода факты, неограниченно представленные на страницах множества общедоступных текстов XIX — начала XX в. («от Пушкина до Горького») и явно убывающие по мере приближения к нашему времени, мы получаем основания для ряда достаточно важных и общезначимых выводов. С 70-х годов XIX в. адвербиальная сфера, функционировавшая на началах свободного варьирования, подвергается кардинальным преобразованиям. Здесь идут, усиливаясь и углубляясь, многочисленные и разнонаправленные процессы дифференциации. Они вносят в слабо связанные распадающиеся наречные множества все более строгие принципы внутренней упо-

рядочности — с все более тонкой и четкой специализацией их членов, с все более жесткими ограничениями, накладываемыми на их употребление, с выделением в ходе ветвящейся многоступенчатой бифуркации все новых и все более мелких семантических признаков, которые определяют развитие отдельных наречных рядов и всей адвербиальной сферы в целом, обуславливают возрастающую сложность и уникальность содержания отдельных ее элементов и превращают ее в высокоорганизованную систему.

6.0. Центральное место среди таких — системообразующих — признаков принадлежит категориальным грамматическим значениям наречий.

6.1. Таковы прежде всего грамматические (лексико-грамматические) значения наречий как слов, находящихся на службе у глагола. Чутко отзываясь на все неграмматическое в глагольном слове [Пеньковский, 1988], наречия подключаются так или иначе и к грамматическим категориям глагола. Причем не просто как дублирующие лексические показатели длительности, локализации во времени и т. п. глагольных значений, но как носители корреспондирующих с общими и частными значениями вида и времени глаголов специфически наречных категориальных семантических признаков, на основе которых разные значения одного слова или разные наречные слова образуют оппозиции различных типов. Таков, например, категориальный признак «интенсивности» в парах типа *безрезультатно* + сов. / несов. — *тщетно* + несов.; *настоячиво* + сов. / несов. — *упорно* + несов. и др. Таков же признак «масштаба времени», с которым связана оппозиция «малое время — большое время» в парах типа *часто*₁ (МВ) + сов. / несов. — *часто*₂ (БВ) + несов. и др. Этот перечень легко продолжить: «прерывность — непрерывность», «квантованность — неквантованность» и др., «направленность во времени» («ретроспективность — проспективность»), «реальность — ирреальность», «активность — неактивность» (субъекта действия) и др. Последнее из названных противопоставлений, корреспондируя с глагольными категориями переходности и залога, выводит нас ко второй обширной группе грамматических наречных значений.

6.2. Это грамматические значения наречий как слов, обслуживающих глагол в составе предложения / текста, т. е. глагол в его предикативной функции и, следовательно, в его связи со сферами

субъекта и объекта действия. Выделяется два основных категориальных типа субъектно-объектных наречных значений — детерминационные и ориентационные.

6.2.1. Субъектно-объектная детерминация наречий — это их приобретенная семантическая память о категориальных признаках субъектов и объектов характеризуемых ими действий. Таковы, например, субстанциональные таксономические признаки: «предметность — непредметность», «живое — неживое», «одушевленность — неодушевленность» и др., признаки числового ряда и т. п. Так, представляющие полную оценочную триаду и различающиеся presupпозициями *самовольно, по своей воле, добровольно* объединены субъектно-детерминационными признаками «одушевленность» + «личность» в эквиополентном противопоставлении наречной паре *самопроизвольно, сам, -а, -о, -и собой*, члены которой образуют оппозицию по признаку «предметность — непредметность» с маркированным первым членом. Объектную детерминацию по тем же признакам представляет пара *насильно / насильственно — искусственно* и т. п. Все такие детерминационные суперкатегориальные признаки («длинные семантические компоненты», по Ю. С. Степанову) образуют первый, поверхностный план субъектно-объектной памяти наречий. Второй, глубинный ее план несет информацию о субъектах и объектах, принадлежащих самим наречиям и внешних по отношению к предикату высказывания. Отсюда энергия дополнительной предикативности и обусловленная ею сентенциональность семантики таких наречий — явление, отмечавшееся на материале наречий оценки [Г. А. Золотова, 1973]. Однако двуплановость семантики не является отличительным признаком оценочных наречий. И притом связана она не только с вторыми субъектами, как принято думать, но и с вторыми объектами. Ср. в этой связи глубинные планы в семантике наречий *второпах* ‘небрежно’ + ‘из-за спешки’ и *заботливо* ‘тщательно’ + ‘в заботе о’, обусловленные их субъектной и объектной детерминацией второго плана. Говоря о вторых субъектах и объектах, мы имеем в виду виртуальные субъектные и объектные валентности, которыми наречия как лексические единицы обладают еще вне и до текста. Ср. соответствующий валентный потенциал наречий *заботливо, бережно, осторожно*, которые не могут мыслиться вне связи с субъектами и объектами «заботливого» / «бережного» / «осто-

рожного» отношения. Тем самым задается или предполагается возможность выявления этих валентностей в предложении и / или в тексте. Реализуя эти возможности, наречия — через координацию валентностей первого и второго плана, которые могут быть экспликативно разведены, совмещены или же представлены в «склеенном» виде, — занимают определенное место на субъектно-объектной оси и подпадают действию субъектно-объектной ориентации.

6.2.2. Субъектно-объектная ориентация наречий — это специфически текстовый механизм снятия двойственности и разрешения неопределенности субъектно-объектной отнесенности наречий. Блокируя одну из актантных связей наречия и актуализируя другую, этот механизм поворачивает наречие в ту или другую сторону и замыкает его либо в субъектной, либо в объектной сфере. Наречия, таким образом, получают разнонаправленные контекстно обусловленные ориентационные характеристики, на базе которых различаются и противопоставляются <1> разные употребления и <2> разные значения одного и того же слова. Ср. <1> *неожиданно* — а) *Так я неожиданно увидел этого человека* — субъектная ориентация; б) *К нам неожиданно приехали гости* — объектная ориентация. <2> *неудобно* — 1. ‘испытывая неудобство’ — субъектная ориентация; 2. ‘вызывая, причиняя, доставляя неудобство’ — объектная ориентация. Одна из этих связей может быть вообще пресечена (ср. *в спешке* и *второпях*; *бесплатно* и *безвозмездно*), и тогда остающаяся из контекстно обусловленной преобразуется в независимую, лексикализуется и становится центральным категориальным признаком в семантической структуре слова. Субъектно-объектная ориентация, таким образом, делает наречие векторным словом — носителем векторной функции, которая обнаруживает себя в разветвленной системе одноместных («к субъекту», «к объекту») и двухместных («от субъекта к объекту») — одноплановых и двухплановых (с различием субъектов и объектов по признаку «внутренний» — «внешний») — значений. С этими значениями и образуемыми на их основе оппозициями наречия входят в сферы действия глагольных категорий переходности и залога, синтаксических категорий диатезы и залога, непосредственно участвуя в связанных с ними явлениях конверсии, трансформации и перифразы. Ср. противопоставления адвербиальных субъектов и объектов по таким признакам, как «агенса — пациенс — фациенса» (ср. *на-*

сильно / насильственно — принудительно — вынужденно); противопоставление объектно-ориентированных наречий по признаку «рефлексивность — нерефлексивность» (*унизительно — оскорбительно*) и далее — с осложнением этого признака аксиологической оценкой — «*pro domo tua — pro domo sua*» («в пользу другого — в пользу также и себя»): *охотно / готовно / с готовностью оказать помощь — охотно принять помощь* и т. п., откуда также противопоставление «в пользу — во вред» (*насильно — насильственно*) и др. Ср. также пары «Я — не-Я» наречий и др. Даже этих немногих данных вполне достаточно, чтобы утверждать, что синтаксическое в наречии гораздо сложнее и глубже, чем мы привыкли об этом думать, и не сводится к примыканию и синтаксическим функциям. Наречие — это не просто добавочный характеристизатор действия, состояния, признака, — но органическая часть целостной структуры высказывания в его текстовом окружении. Наречие входит в это целое как часть, но как часть оно это целое несет в себе в свернутом виде и как часть это целое вокруг себя организует. Отсюда вопрос о структурных типах таких высказываний и вполне обоснованная задача описания наречного синтаксиса как синтаксиса «от наречий».

6.2.3. Избирая определенные синтаксические структуры как место своей службы, наречия на указанных основаниях формируют и круг глаголов и имен, которым они служат. Выбирая себе хозяина, наречия по-своему членят поля действия и признака и вносят в них новые принципы организации. Ср. такие конституируемые наречиями категориальные признаки глагольных действий, как «*прямое — ответное*», «*центробежное — центростремительное*» и т. п., «*контактное — неконтактное*», «*физическое — ментальное*» и др.

7.0. Таким образом, подтверждая исходный тезис о скрытой наречной грамматике, проведенное диахроническое исследование заставляет сделать еще один шаг и выдвинуть идею об историческом процессе грамматизации адвербиальной сферы, о значительном повышении уровня ее грамматичности в русском литературном языке конца XIX — середины XX в. как о результате этого процесса, который не может не сказываться на всей грамматике в целом и, следовательно, на всем строе русского языка вообще.

СЕБЕ НА УМЕ *

Дубовый листок оторвался от
ветки родимой...

М. Ю. Лермонтов

Выражение *себе на уме* широко используется в живой разговорной речи и в отражающих ее литературных текстах для характеристики человека по таким признакам душевно-психического склада, как замкнутость или скрытность, за которыми могут стоять хитрость или лукавство, недоброжелательность или отчужденность, расчетливость или самоуглубленность и т. п. «Скрытен, хитер, имеет задние мысли» — так объясняет значение этого оборота Большой академический словарь [БАС 1964 : 13, 551]; «скрытен, хитер, имеет заднюю мысль» — повторяет словарь С. И. Ожегова [Ож. 1975 : 652]; «скрытен, хитер, не обнаруживает своих мыслей, намерений» — подтверждает «Фразеологический словарь» [ФС 1967 : 494] и приводит следующие примеры его употребления: «Это человек опытный, *себе на уме*, не злой и не добрый, а более расчетливый; это — тертый калач, который знает людей и умеет ими пользоваться» (Тургенев, Певцы); «В ту пору он держался в стороне от товарищей и слыл среди них за человека *себе на уме*» (М. Горький. Мужик); «— Четвертый год живу с тобой, матушка, душа в душу, а каковы твои сокровенные помыслы касательно дел важных — не ведаю. Ты *себе на уме*, матушка...» (В. Шишков.

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (гранты 01-04-00-132а и 01-04-00-201-а).

Емельян Пугачев) и др. Ср. яркую характеристику этого оборота у Вяземского в связи с размышлением над широко употребляемым русским «ничего» в уклончивых ответах на вопросы об оценке того или иного явления или предмета («Как нравится вам эта книга? — Ничего»). В этом «ничего», по слову Вяземского, «есть какая-то русская лукавая сдержанность, боязнь проговориться, какое-то совершенно русское *себе на уме*» (Из старой записной книжки. Фрагменты). Ср. также: «Наталья любила Дарью Михайловну и не вполне ей доверяла. — Тебе нечего от меня скрывать, — сказала ей однажды Дарья Михайловна, *а то бы ты скрытничала: ты все-таки себе на уме...*» (И. С. Тургенев. Рудин, 1855); «Особенное внимание великосветских господ и господ обращал на себя издатель “Сказаний русского народа” И. П. Сахаров, появлявшийся всегда на вечерах князя Одоевского в длиннополом гороховом сюртуке. Сахаров, русский человек, *себе на уме*, хитро посматривал на все из-под навеса своих густых белокурых бровей и не смущался бросаемыми на него взглядами и возбуждаемыми им улыбочками. Он даже, кажется, нарочно облакался в свой гороховый сюртук, отправляясь на вечера Одоевского... — Пусть их тарашат на меня глаза, — говорил он, — мне наплевать, меня не испугают...» (И. И. Панаев. Литературные воспоминания, 1, 1860); «Он <Даль>, *как говорится, себе на уме*, смотрит невиннейшим человеком и добродушнейшим сочинителем в мире; вдруг вы чувствуете, что вас поймали за хохол, когти в вас запустили преострые; вы оглядываетесь, — автор стоит перед вами как ни в чем не бывало... “Я, говорит, тут сторона, а вы как поживаете?”...» (И. С. Тургенев. Рец. [Повести, сказки и рассказы Казака Луганского, 1846] // ПСС-15. Т. 1. М.; Л., 1960. С. 299); «...Хозяева учтивые, либеральные; барин всё снисходит, всё снисходит — а то вдруг возьмет и воспарит: преобразованный мужчина! Барыня — писаная красавица и очень, *должно быть, себе на уме: так и караулит тебя*, — а уж как мягка! Совсем бескостная! Я ее побаиваюсь...» (И. С. Тургенев. Новь, VIII, 1876); «Надо просто отдаваться течению <думала она>, не отталкивать его, не кокетничать с ним, а сближаться постепенно, *не забывая девичьего “себе на уме”*, испытать его, помнить, что если она позволит ему что-нибудь лишнее, — девица порядочного круга исчезнет...» (П. Д. Боборыкин. «Морз» и «Юз», 1880) и т. п.

Таковы же свидетельства, извлекаемые из текстов более позднего времени: «Иногда Юрова разбирало сомнение: может, старик его просто-напросто дурачит? *Прикидывается слепым и глухим, а сам — себе на уме?* И знай посмеивается над их доверчивостью...» (А. Яхонтов. Крот); «Вообще Куник Глебову не нравился. Он был какой-то очень молчаливый, неприветливый... и *себе на уме*» (Ю. Трифонов. Дом на набережной); «— Тот типус! *Очень себе на уме!* скользкий, увертливый...» (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей); «...незадолго до события у Королькова, человека замкнутого, нелюдимого, что называется “*себе на уме*”, — была отобрана немецкая листовка-пропуск...» (Литературная газета, 1 июня 1988 г.); «...руководитель видит порой выход в том, чтобы подлинные свои решения не афишировать, оставаться, что называется, “*себе на уме*”, а на поверхности оставлять примитивные документированные решения и пояснения к ним...» (Правда, 10 ноября 1988 г.) и др. под.

Во всех таких случаях говорящий, приписывая тому или иному лицу признак *себе на уме*, не только характеризует его соответствующим образом, но и дает ему сдержанно отрицательную оценку. И поскольку *себе на уме* — качественный признак, он может быть измерен по степени его интенсивности (*слегка, немного, немножко* или, как в приведенном выше примере из Ю. Домбровского, *очень себе на уме*) и даже, если исходить из высказываний типа «Не верю я вашему Невскому. Уж *слишком* он *себе на уме*» (М. Осоргин. Невеста), соотнесен с некоторой средней — умеренной — степенью его проявления, что свидетельствует, по-видимому, о наличии в нашем подсознании нормы этого признака, превышение которой исключает возможность доверия и вообще положительного отношения к его носителю. Ср. еще: «Сын <Хрущева> говорит, что *Брежнев был хитрый и злопамятный. Но Хрущев тоже был себе на уме. Два сапога — пара. На весах бы друг друга не перетянули*» (Собеседник, 1988. № 51. С. 5).

Показательно, что такая характеристика-оценка дается обычно «за глаза» тому, кто ее не слышит, не участвуя в диалоге, третьему лицу, о котором говорят в его отсутствие, или — реже — в качестве упрёка адресуется собеседнику, как в цитированном ранее тексте В. Шишкова, но едва ли может быть использована говорящим по отношению к самому себе. Можно сказать, пускаясь в

самоанализ: «Я человек замкнутый, и поэтому у меня так трудно складываются отношения с товарищами по работе». Можно, оправдываясь, признать: «Да, вы правы, я скрытен, но не потому, что таю за душой что-нибудь недоброе...». Ср.: «Мне всегда приписывали какую-то скрытность. Отчасти она есть во мне. Но чаще это происходит оттого, что не знаешь, когда и с которого конца начать...» (Н. В. Гоголь — А. С. Данилевскому, 1 апреля 1844 г.). Но, по-видимому, невозможно ни при каких обстоятельствах сказать: «Я, знаете ли, себе на уме...».

* * *

Себе на уме принадлежит к тому типу устойчивых, застывших, употребляющихся в готовом виде фразеологических оборотов, значение которых не может быть выведено из значений составляющих их единиц. Степень связности элементов этого фразеологического целого настолько велика, что ни одно слово в его составе нельзя ни опустить, ни заменить каким-нибудь другим. Нельзя сказать ни *тебе (мне, ему, ей, им) на уме, ни *себе в уме, ни *себе на душе или *себе на сердце. Нельзя даже изменить здесь порядок слов: не *на уме себе, а себе на уме. Только так и никак иначе.

Однако такая мертвая жесткость и неподвижность его состава и абсолютная невыводимость, немотивированность его значения не могут быть изначальными. Когда-то — в более или менее отдаленном прошлом — составляющие этот оборот слова должны были иметь самостоятельное значение, а значение целого не могло не быть рационально осмысленным. Но первоначальный смысл, как и в истории многих других фразеологизмов, забылся, и нам необходимо понять, как это могло произойти, чтобы восстановить, воскresить и объяснить его.

Известно, что многие осмысленные сочетания слов утрачивали первоначально прозрачное значение и превращались в застывшие обороты в связи с тем, что отдельные слова в их составе по тем или иным причинам выходили из общего употребления. Так, например, ушло из языка слово *баклуша* (мн. ч. — *баклуши*), и поэтому сочетание *бить баклуши*, в котором оно продолжало употребляться, превратилось в застывший оборот с невыводимым значением 'лениться, бездельничать'. То же произошло в таких случаях, как *точить лясы* — 'болтать', *задать стрекача* / *стречка* — убе-

жать', *турусы на колесах* — 'болтовня, небывлицы, вздор, глупости', *попасть, -ся впросак* — 'оказаться по оплошности в трудном положении' и т. п. Очевидно, что к выражению *себе на уме* это объяснение не подходит: все три его элемента — местоимение, предлог и существительное — сохраняются в языке и свободно употребляются независимо друг от друга, как равным образом и две его смысловых части — *себе*, с одной стороны, и *на уме*, с другой.

Предложно-падежное сочетание *на уме* (как и его вариант *в уме*) используется для обозначения того, что разного рода мыслительные действия, а также чувства и переживания человека замкнуты в сфере его сознания и не получают внешнего выражения в произносимом или писаном слове. Так *быть (иметься) на уме* значит 'быть, иметься в мыслях, в сознании' (ср. пословицы *У голодной куме всё хлеб на уме; Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке* и т. п.), а *держать на уме (в уме), иметь на уме (в уме) что-либо, кого-либо* значит 'думать, помнить о чем-либо, о ком-либо'. Ср.: «С превеликою охотою мы благословляли путь всем прочим, мимо нас идущим полкам и желали им в походе приобрести славу и иметь всякое благополучие, а сами и *на уме не имели* досадовать на то, что не будем иметь счастья быть с ними...» (А. Т. Болотов. Жизнь и приключения...); «Литвинов *держал одно в уме*: увидеться с Ириной» (И. С. Тургенев. Дым). То же в конструкциях с эллипсисом глагольного компонента в высказываниях типа *У него (у нее, у них, у тебя) на уме (в уме) только девочки (мальчики, развлечения, футбол)*, где важна именно идея не выраженной и не выражаемой в слове концентрации мыслей и чувств на том или ином предмете.

В ином — инструментальном — повороте то же самое имеет место в выражениях типа *в уме* (в старом русском языке также *на уме*), т. е. 'в мыслях, мысленно', *решать задачи (производить математические действия, вести расчеты и подсчеты, прикидывать, взвешивать, сопоставлять, замечать, отмечать* и т. д.) Ср.: «*Всё сие замечал я на уме*, дабы приобщить потом к описанию крестьян свои замечания...» (А. Т. Болотов. Жизнь и приключения...); «Сядешь на охотничьи дрожки и едешь шагом, кормя ястреба и *пересчитывая в уме затравленных перепелок*» (С. Т. Аксаков. Рассказы и воспоминания охотника); «Он <Герцен> уже приобрел известность в кругу своем как остроумный и опас-

ный наблюдатель окружающей его среды; конечно, *он не всегда умел держать под спудом тайну тех следственных протоколов, тех послужных списков о близких и дальних личностях, какие вел в уме и про себя*» (П. В. Анненков. Замечательное десятилетие); «*Счет своим богатствам Зоя Васильевна вела только в уме, не осмеливаясь довериться бумаге...*» (А. Адамов. Час ночи).

Два последних примера особенно интересны и важны, потому что позволяют воочию видеть, как совершается переход от обозначения того, что естественно находится внутри сознания человека и не выходит вовне, к обозначению того, что намеренно скрывается, утаивается и не выпускается наружу. Поэтому и *держат на уме* может обозначать не только 'думать, помнить', но и 'скрывать, утаивать в мыслях': «Карп ясно понял, что Аксен неспроста отказывается от денег, что верно *держал на уме* какое-нибудь намерение» (Д. В. Григорович. Пахатник и бархатник); «Его лукавая, насмешливая улыбка все сбивает с толку, и не знаешь: правду говорит или плумится, *свое держит на уме*» (Д. Фурманов. Мятеж). Ср. поговорку «*Два пишем — три в уме*», которая используется и в своем прямом, формульно-арифметическом значении, и переносно — как выражение лукавого сокрытия некоторой части чего-либо (от доходов до правды-истины).

Очевидно, что это значение скрываемой мысли, утаиваемых замыслов или намерений и есть то самое значение, которое входит в целостный смысл интересующего нас оборота *себе на уме*. Но в таком случае естественно возникает вопрос о том, какой вклад в смысловое целое этого оборота вносит его первая часть — местоимение *себе*.

* * *

Возвратное местоимение *себе* (оно не имеет формы именительного падежа, и начальной для него считается форма винительного — *себя*), помимо основного — возвратного — значения (ср.: *лечить себя, вредить себе* и т. п.), используется еще и для передачи нескольких других типовых смыслов. Так, например, оно может указывать на то, что действие — вместе с его объектом — замыкается во внешней жизненной сфере того, кто его производит. Ср.: *купить себе костюм, приготовить себе обед*.

Но существует еще одна группа словоупотреблений слова *себе*, представленная высказываниями типа *Поплакала она себе в уголке да и пошла; Он идет себе, никого не замечая; Ему показывают, что время истекло, а он говорит себе и говорит* и т. п. Наши словари, констатируя, что такое *себе* изменяет своей местоименной природе и функционирует в качестве частицы, приписывают ему «значение свободного, независимого действия» [Ож. : 651; МАС 1988 : IV, 67] или функции «подчеркивания свободы протекания действия», «его совершения в свое удовольствие или в своих интересах» [БАС 1962 : 13, 549; НСРЯ 2000 : II, 574].

Едва ли, однако, такие определения справедливы. Ибо свобода свободе и независимость независимости рознь. Есть свобода и независимость в мире и есть свобода и независимость от м и р а. Говоря младшему, присутствующему при беседе взрослых: *Ты сидишь здесь и сиди себе и молчи себе в тряпочку*, старший, конечно, предоставляет ему «свободу» остаться, но при этом лишает его права голоса. Какое уж тут «собственное удовольствие» и какие «собственные интересы»! Полученная таким образом «свобода» — это свобода от чужденного. Именно это значение — значение самоотчуждения или отчуждения другого — и несет местоименная частица *себе*. На самом деле она указывает на то, что субъект действия — по собственной воле или по доброй / недоброй воле другого (действуя в своих интересах или не преследуя никаких интересов, получая удовольствие или не получая его — все это зависит от меняющихся ситуаций и отражающих их контекстов!) — замыкает себя в своем действии, будучи полностью захвачен и поглощен им, отчуждает окружающий мир от себя или, замыкая действие в себе, себя отчуждает от внешнего мира, или же отчуждается миром и, оказываясь объектом отчуждения, замыкается в себе и в своем действии. Вот несколько показательных контекстов: «Он <граф Б***> стоял под пистолетом, выбирая из фуражки спелые черешни и выплевывая косточки, которые долетали до меня. Его равнодушие взбесило меня. Что пользы мне, подумал я, лишить его жизни, когда он ею вовсе не дорожит? Злобная мысль мелькнула в уме моем. Я опустил пистолет. “Вам, кажется, теперь не до смерти, — сказал я ему, — вы изволите завтракать; мне не

хочется вам помешать” — “*Вы ничуть не мешаете мне, — возразил он, — извольте себе стрелять, а впрочем, как вам угодно...*”...» (А. С. Пушкин. Выстрел, I); «И табор свой с классических вершинок / Перенесли мы на толкучий рынок, / И там себе мы возмемся в грязи, / Торгуемся, бранимся так, что любо...» (А. С. Пушкин. Домик в Коломне); «С мечети божьей лишь мулла седой / Ему <Амбулату> смеясь кивает головой — / И говорит: “Куда спешишь, мой сын? / Не лучше ли гулять в широком поле? / Черкес прямой — всегда, везде один / И служит только родине да воле! / <...> / Но, если б он послушался меня, / Жену бы кинул — а купил коня!” / — *Молись себе пророку, злой мулла, / И не мешайся так в дела чужие. / Твой верен глаз — моя верней стрела: / За весь табун твой не отдам жены я!*...» (М. Ю. Лермонтов. Аул Бастунджи); «Он был вообще не трус, и воров никогда не боялся, и мимо кладбища сколько раз еще в деревне ночью ходил без страха, только перекрестится, бывало, и *идет себе...*» (А. Н. Плещеев. Чему посмеешься, тому и послужишь, 1860). То же с осложняющими частицами *пусть* и *пускай*, носителями значения «отчуждающего безразличия» говорящего к сообщаемому: «Помилуй, — сказала я однажды, — *охота тебе вмешиваться не в наше дело. Пусть мужчины себе дерутся* и кричат о политике; женщины на войну не ходят, и *им дела нет до Бонапарта...*» (А. С. Пушкин. Рославлев); «— Вот! — сказала Лиза, — господа в ссоре, а слуги друг друга угощают. — *А нам какое дело до господ!* — возразила Настя, — к тому же я ваша, а не папенькина. Вы ведь не бранились еще с молодым Берестовым; *а старики пускай себе дерутся, коли им это весело...*» (А. С. Пушкин. Барышня-крестьянка); «Может статься, что меня и отсюда <из Брюсселя> также прогонят, — *пусть себе гоняют, а я буду тем смелее, лучше и легче говорить...*» (М. А. Бакунин — друзьям, октябрь 1847).

Этот свойственный частице *себе* семантический комплекс «замкнутость во внутреннем мире / отчужденность от мира внешнего» передается также подкрепляющей и усиливающей ее сопровождающей глагольной частицей *знай*, генетически — формой императива глагола *знать*, древнейшее этимологическое значение которого — «внутреннее глубинное знание» в противопоставлении идее «внешнего, извне получаемого знания», носителем которой является глагол *ведать*. Ср.: клиширо-

ванное *знать не знаю и ведаю не ведаю*, что значит исконно ‘сам не знаю и от других не слышал’. Ср. яркое свидетельство пережиточного сохранения этого древнего различия еще в живой речи в начале XIX в: «Кажется, я вчера порядочно отличился: *не ведаю*, что думает обо мне амфитрион-Андреев, *но знаю*, что я о себе очень невысокого мнения» (С. П. Жихарев. Дневник чиновника, 12 января 1807 г. // С. П. Жихарев. Записки современника. Ч. 2; Л., 1959. С. 87) и последовательное разграничение в эту эпоху «внутренних» *знаний* и получаемых извне «сведений». Ср. также *невесть* и диал. *не весть*, первоначальное значение которых — ‘неизвестно = не у кого / от кого / неоткуда узнать’: «— Где мы? — спросил я у ямщика. <...> — Дай бог памяти барин! — отвечал он. — Мы уж давно своротили с большой дороги <...> *Не весть это Прошкино Репище, не весть Андропова Пережога...*» (А. Бестужев-Марлинский. Страшное гаданье). В этой связи можно указать также на сохранявшееся до конца третьей четверти XIX в. нередкое употребление глагола *узнать* в не фиксируемом нашими словарями специализированном значении ‘узнать не от других, а самому, в результате внутренней деятельности ума, сознания; по н я т ь’: «И тайну страшную природы / Я светлой мыслию постиг; / Узнал я силу заклинаньям...» (А. С. Пушкин. Руслан и Людмила, I); «Она нехотя обнаружила пред ним тайну, которую до тех пор старалась скрывать даже от самой себя. Она *узнала, что не может оставаться равнодушною* при имени Муханова» (А. Корнилович. За Богом молитва, а за царем служба не пропадают, 1825); «...после статей о 2-й части “Фауста” и Данте я стал еще упрямее, и теперь мне пусть лучше и не говорят о драмах Шиллера: я давно уже *узнал, что они слабоваты*» (В. Г. Белинский — И. И. Панаеву, 19 августа 1839); «Все дело состоит в том, чтобы *узнать и определить законы*, которые вызывают перемены в экономических отношениях людей...» (П. В. Анненков. Замечательное десятилетие, 1870) и др.

Как определяют наши словари, *знай / знай себе* (в сочетании с глагольными формами) — «не обращая внимания ни на кого, ни на что» (БАС : 4, 1291; Ож. 215; МАС 1985 : I, 617). То же нестандартное управление дательным падежом в архаическом обороте *знать грамоте*, предполагающем именно в н у т р е н н е е з н а н и е, как и в генетически связанных с дательным падежом устаревших выражениях идеи владения чужим языком (*знать по-немецки, по-*

французски etc.). Ср. также близкий оборот *знай свое*: «Князь У** взял карты и соника убил даму. Измайлов не переменялся в лице, отошел от стола и сказал только: “Тасуйте карты; я сниму сам”. Банкомет стасовал карты и посоветовался еще раз с товарищами. Измайлов подошел опять к столу и велел прокинуть. Князь У** прокинул. Измайлов добавил 50 000 мазу. У банкомета затряслись руки, и он взглянул на товарища так жалостно, что князь Ш**, не выдержав, усмехнулся и сказал ему: “Ну что ж? *знай свое, мечи да и только*”. Банкомет повинился» (С. П. Жихарев. Дневник чиновника, 8 марта 1807 // С. П. Жихарев. Записки современника. Ч. 2. Л., 1989. С. 174). В этой же «отчуждающей» функции использовалась в прошлом и форма условного наклонения глагола *знать* во вторичном побудительном значении: «Не тебе, брат, судить о вещах, кои выше твоего студенческого понятия! *Знал бы ты сидел за своими диссертациями, а не совался в чужое дело...*» (Н. И. Надеждин. Литературные опасения за будущий год // Вестник Европы, 1828. № 22. С. 83).

Отсюда лишь один шаг до того значения, которое нас занимает. Это значение представляет собой указание на то, что действие мысли, речи или чувства замыкается во внутреннем мире, в сознании человека, не получая внешнего выражения в каких-либо действиях или в слове. Для выражения этого значения русский язык располагает целой серией местоименных оборотов, включающих формы возвратного местоимения *себя*. Среди них — широко употребительное сочетание *про себя* (ср.: *думать, говорить, вздыхать, тосковать, радоваться про себя*) и такие устаревающие или устаревшие (выходящие или уже вышедшие из употребления) обороты, как *внутри себя, с собой (сам с собой, наедине с собой, наедине с самим собой), в себе (сам в себе, в самом себе)* и др. Ср.: «Сам губернатор, *чувствуя внутри себя* всё превосходство умственных способностей председателя, отозвался о нем, как о человеке необыкновенном» (А. И. Герцен. Кто виноват?); «[Соррини] ...Не засмеешься ты, когда скажу, / Что и старик любить умеет сильно; / И в том признаешься невольно ты... / Любить! смешно, как *это слово / Употребляю я с самим собою...*» (М. Ю. Лермонтов. Испанцы, 2, 1, 1830); «Пьер *решил сам с собою* не бывать больше у Ростовых» (Л. Толстой. Война и мир); «Я возражал решительно, хотя *наедине с собою* понимал, что был

неправ, даже очень неправ» (И. И. Панаев. Воспоминания); «Я радуюсь в себе, читая ваши письма...» (Н. И. Новиков — А. И. Кощелеву, 21 января 1812 г.); «В самом деле, — сказал я сам в себе, — ведь я сего не искал и не желал нимало...» (А. Т. Болотов. Жизнь и приключения). Ср. также использование архаического оборота *сам в себе* как средства стилизации в новейшем переводе Евангелия: «И, видя Иисус веру их, сказал расслабленному: дерзай, чадо! прощаются тебе грехи твои. При сем некоторые из книжников *сказали сами в себе*: Он богохульствует» (Мф. 9. 9 // В мире книг, 1988. № 12. С. 25).

В этом синонимическом ряду находит место и беспредложная форма дательного падежа возвратного местоимения *себе*, которая используется преимущественно при глаголах мысли и речи для указания на то, что внутренняя речь или мысль имеют адресатом не какое-либо внешнее лицо, а самого говорящего: «Если бы, часто *думаю себе*, появился в окрестностях Петербурга какой-нибудь бродяга ночной разбойник и украл этот несносный кусок земли, эти 24 версты от Петербурга до Цар<ского> С<села>» (Н. В. Гоголь — В. А. Жуковскому, 10 сентября 1831 г.); «Ну, — *подумал я себе*, — дело плохо, надо убираться подобру-поздорову...» (П. Д. Боборыкин. Соседка); «Я сама виновата. Я раздражительна, я бессмысленно ревнива..., — *говорила она себе*» (Л. Н. Толстой. Анна Каренина). Ср также варианты с подчеркивающе-усилительным распространителем *сам* (-а, -и): «Я дворянин, — *сказал я сам себе*, — я не создан терпеть унижения» (Д. И. Фонвизин. Разговор у княгини Халдиной); «А ты, мой друг, *говорил я сам себе*, — ступай-ка себе скорей в свое любезное Дворяниново» (А. Т. Болотов. Жизнь и приключения...); «Впрядь, — *говорил я самому себе*, — должно мне быть осторожнее...» (А. Т. Болотов. Жизнь и приключения...)

Во всех рассмотренных выше случаях выражается то значение внутреннего — скрытого или скрываемого — рече-мыслительного действия, которое обычно передается с участием образующих параллельный местоименному обширный синонимический ряд наречий и наречных оборотов, таких, как *мысленно*, *в мыслях*, *в душе* (ср. устар. *в духе*), *в глубине* / *тайниках души*, *внутренне* и др. (см. о нем подробнее в работе [Пеньковский 1983] и в наст. изд. с. 184—203). Ср.: «Он поворачивается на бок,

с головой укутывается шинелью, *мысленно говорит*: “Надо было подпустить его, отвести удар, сшибить прикладом...”» (М. Шолохов. Тихий Дон); «Нет, — *говорит он в мыслях*, — я им этой радости не доставлю...» (П. Романов. День ушедший); «[Ноэми] ...Когда ж произношу его название, / Хотя бы в мыслях только я сказала — / Фернандо!.. то краснею...» (М. Ю. Лермонтов. Испанцы, 3, 1); «Ну, слава богу, все кончилось, — облегченно *говорит он в душе* и засыпает...» (В. Крестовский. Брат и сестра); «Чего только *не передумал я в глубине души* в эти дни, если бы ты знал...» (Г. С. Батеньков — А. В. Поджио, 25 января 1822 г.) и т. п. Ср. также устар. в *духе*: «Сколько раз *думал я в духе* все бросить, от всего отречься...» (М. М. Сперанский — Е. М. Сперанской, 21 марта 1813 г.); «Нет, — *говорил я в духе*, когда сон бежал глаз моих, — я не уступлю, я не поддамся...» (В. Л. Пушкин — И. И. Дмитриеву, 16 марта 1813 г.) и др. под.

В этом же ряду находится и устаревшее *на уме*: «Я делал вид, что внимательно его слушаю, улыбался, кивал ему головой, а сам думал *на уме* только о том, как бы сбить этого скучного гостя...» (Записки князя Д. В. Мещерского, 1832).

* * *

Мы вернулись, таким образом, к сочетанию *на уме* и, следовательно, можем утверждать, что форма возвратного местоимения *себе*, принадлежащая местоименному синонимическому ряду, и сочетание *на уме*, принадлежащее наречно-именному синонимическому ряду, объединяются общим для обоих этих рядов смыслом, отсылающим к внутренней сфере сознания человека, в которой замыкаются речь и мысль, не получая выхода вовне и не реализуясь ни в физическое действие, ни в произносимое и/или писаное слово. Различие же между ними состоит в том, что *себе*, как и другие члены местоименного ряда, только у к а з ы в а е т на эту сферу, тогда как *на уме*, как и другие члены наречно-именного ряда, эту сферу н а з ы в а е т и (при всей неопределенности и расплывчатости таких ее участков или зон, как у м, м ы с л и, д у ш а, д у х, с е р д ц е и др.), дифференцируя, конкретизирует.

Именно поэтому оказывается возможным объединение членов двух этих рядов — местоименного и наречно-именного — в составе одного высказывания. Такое объединение может осуществляться

либо в целях усиления-подчеркивания, либо в целях уточнения и конкретизации.

В качестве яркого экспрессивно-усилительного средства, создающего эффект экстатического напряжения речи, этим приемом широко пользовался Ф. М. Достоевский. Ср., например, некоторые случаи такого объединения-нанизывания в языке его романа «Братья Карамазовы»: «— Стойте, стойте, запишите так: “В буйстве он виновен, в тяжких побоях, нанесенных старику, виновен. Ну там еще *про себя, внутри, в глубине сердца своего* виновен...”»; «Этот поступок он всю жизнь свою считал *глубоко про себя, в тайниках души своей* — самым подлым поступком всей своей жизни»; «Он сам твердо помнил, что *в душе своей* тогда же шепнул *про себя*: “А ведь вздор, не поедешь...”» и мн. др. под.

Широкое распространение явлений такого рода в старом русском языке сер. XVIII — начала XIX в., как об этом свидетельствуют многочисленные фактические данные, должно, по-видимому, объясняться по-другому — как отражение неустойчивости и колебаний в долго и трудно складывающихся нормах литературного выражения. Ср., например, *думать, говорить (сказать), размышлять мысленно в себе, в мыслях сам с собой, в духе про себя, в душе себе самому* и т. п. Ср.: «Господи! — думал я тогда и *в мыслях говорил сам с собою*, — куда же мне идти и где искать спасения?..» (Д. Головин. Записки, 1819); «Я слушал его и *думал себе в душе*, что никогда не обращусь к нему более ни с какою нуждою» (И. Плещеев — А. М. Кутузову, 14 марта 1798 г.); «Положение мое показалось мне слишком трудным, и я *стал размышлять в себе на уме*, кого и кого я мог позвать себе в помощь» (Воспоминания Н. А. Мятлева, 1822 г.) и мн. др. под. Ср. в стилизации: «Да, я помню, я теперь понимаю..., как он при этом обреченно к ней склонялся, как будто он там что-то такое *втайне про себя уже наметил...*» (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов).

Именно в этом ряду фактов находит свое законное место и наш оборот *себе на уме*, представляющий собой по происхождению объединение местоименного и наречно-именного показателей внутреннего протекания мысли — речи: «Ну, что же, — *сказал я себе на уме*, — придется начать все сначала...» (К. А. Полевой — Н. А. Полевому, 14 февраля 1820 г.); «...он очень занят принцем Прусским, ездил с ним часа три по городу; Москва ему очень по-

любилась. Воротились в пятом часу домой, и Волков, к досаде не самолюбия, не честолюбия, но желудка проголодавшегося, не был принцем удержан обедать и должен был идти в трактир. “Молчи же, принц, *сказал себе на уме комендант*, — я тебе за это заплачу”...» (А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову, 10 сентября 1820 г.); «Французы, наши наставники, приучили нас видеть в немцах одно смешное, а мы насчет сих последних охотно разделяли мнение их, по врожденной, так сказать, инстинктивной к ним ненависти. Тогда <...> в хорошем обществе кто бы осмелился быть защитником немецкой литературы, немецкого театра? <...> Пристрастные к собственности своей, *немцы между тем молчали и себе на уме думали, что придет время, когда они поставят на своем...*» (Ф. Ф. Вигель. Записки, III).

В первом из этих примеров представлено исходное состояние: *себе на уме* здесь — это свободное сочетание двух близких по значению показателей внутреннего протекания речи, каждый из которых может быть опущен без ущерба для целого. При этом форма *себе*, управляемая глаголом речи, выражает значение внутренней сферы речевого действия через указание на адресата речи, которым является сам говорящий.

Во втором высказывании исходное состояние, сохраняясь внешне без изменений, внутренне поколеблено и сдвинуто. Внутренняя речь обращена говорящим к самому себе как клятвенное обещание и в то же время адресована другому как обещание-угроза. Именно в такого рода контекстах и происходило, как можно предполагать, наполнение оборота *себе на уме* такими связанными с отрицательной оценкой смыслами, как недоброжелательность, хитрость, злоумышление и т. п. Форма возвратного местоимения *себе*, будучи знаком автоадресации, в то же время уже готова здесь к тому, чтобы освободиться от этого значения, став чистым показателем внутренней сферы речевого действия. Все сочетание поэтому как будто остается еще свободной связью двух его частей, однако опустить вторую из них уже нельзя. Прикрепленное к глаголу речи (*сказал*), это сочетание вполне готово от него оторваться. Ср. здесь возможность такой интерпретации, как «...сказал комендант, будучи себе на уме...». Сходная ситуация и в третьем примере.

Такому отрыву *себе на уме* от глаголов мысли-речи и превращению его в застывший фразеологический оборот с оценочно-ха-

рактизирующим значением способствовали, как можно предполагать, несколько различных факторов. Среди них можно было бы отметить: 1) достаточно легко реализуемую возможность эллипсиса глаголов мысли-речи (ср.: «Стоит царский дворец на Неве-реке, / Перед ним лежит площадь белая, / А на ней стоит царь-гранитный столп. / <...> / На столпе том стоит ангел родственный. / Загляделся родной на старинный свой дом / *И себе на уме*: «Благодарствуй, брат! / Хорошо-высоко ты поставил меня / Наводнений, огня не терпеть мне здесь...» (З. А. Волконская. Песнь Невская, 1837); 2) чрезвычайную перегруженность синонимического ряда местоименных показателей внутренней мысли-речи, а также 3) долгую конкурентную борьбу предлогов *в* и *на* с винительным и предложным падежами, завершившуюся во многих случаях вытеснением из языка оборотов с предлогом *на* (ср. *на ту пору* — *в ту пору*, *принести на жертву* — *принести в жертву* и т. п.) или их фразеологизованным разграничением, а также некоторые другие. Когда все эти факторы объединились, появился оборот *себе на уме*, который сегодня уже не помнит, на какой ветке он вырос.

ЛИТЕРАТУРА

БАС 1950 — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: ИАН, 1950—1965.

МАС 1981—1984 — Словарь русского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1981—1984.

НСРЯ 2000 — *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный: В 2 т. М.: Русский язык, 2000.

СП 1956—1961 — Словарь языка Пушкина: В 4 т. М., 1956—1961.

Ож. 1975 — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 11-е изд. М.: Русский язык, 1975.

Пеньковский 1983 — *Пеньковский А. Б.* Из наблюдений над развитием и становлением лексико-семантических норм в одном синонимическом ряду наречий // *Норма в лексике и фразеологии* / Отв. ред. Л. И. Скворцов, Б. С. Шварцкопф. М.: Наука, 1983.

Уш. 1935—1940 — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1940.

ФС 1967 — Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М.: Советская энциклопедия, 1967.

Часть II
СЕМАНТИКА
ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

РУССКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНОВАНИЯ, ПОСТРОЕННЫЕ ПО ДВУХКОМПОНЕНТНОЙ МОДЕЛИ «ИМЯ + ОТЧЕСТВО» *

Бурный рост антропонимических исследований в последние десятилетия обусловил становление антропонимики как самостоятельной области научного познания и позволил заложить основы этой науки. Но то, что сделано, — только начало, и до идеала — восстановления русской антропонимической системы во всей ее полноте — еще достаточно далеко. Не обследован ряд важных секторов русского антропонимического пространства, по некоторым же другим — материал, находящийся в нашем распоряжении, явно неполон и потому недостаточно осмыслен. Многие важные теоретические проблемы пока остаются нерешенными, иные же и вообще еще не поставлены (см. об этом также в работе [Никонов 1970]).

Так, например, если основные (базовые) антропонимические единицы — личные имена, отчества, фамилии и прозвища — давно уже являются предметом заинтересованного внимания ученых, собираются, описываются и исследуются в различных аспектах и с разных точек зрения, то соединения этих единиц друг с другом (а также с некоторыми апеллятивными именами лиц) в составе двух-, трех- и многокомпонентных сочетаний, являющихся важнейшими формами личного и персонифицирующего именованья, оказываются совершенно неизученными.

---

* Расширенный и переработанный вариант публикации 1976 г. Переработка выполнена при поддержке РГНФ (гранты 01—04—00—132а и 01—04—00—201—а).

Одной из причин такого положения следует, по-видимому, считать то, что указанные комплексные формы, образуемые по определенным типовым моделям путем своеобразного нанизывания базовых антропонимических единиц (*Петр, Петя, Петька, Иванович, Сидоров, Гвоздь* и т. п.), представляют собой рядоположенные соединения (*Петр Сидоров, Петя Сидоров, Петька Сидоров, Петька-Гвоздь, Петр Иванович, Петр Иванович Сидоров*), входя в которые базовые антронимы по общему молчаливому предположению остаются тождественными себе, не подвергаясь каким-либо синтагматическим изменениям. Ниже будет показано, что по крайней мере для части случаев такое представление несправедливо, но сейчас важно подчеркнуть одно: на современной антропонимической карте такие комплексные образования создают обширное белое пятно.

Для них не выработана необходимая научная терминология. Не известен полный набор моделей, по которым они образуются. Не исследованы взаимоотношения между этими моделями и правила трансформации, определяющие возможные переходы от одной модели к другой. Не установлен характер внутренних связей между их компонентами, возможности их лексического наполнения и обусловленные этим возможности их внутреннего варьирования. Не выяснены и не кодифицированы стихийно сложившиеся и, видимо, развивающиеся нормы употребления тех или иных форм, хотя именно с их помощью носители русского языка в различных социальных и возрастных группах и в различных ситуациях и условиях общения осуществляют различные виды личного и персонифицирующего именованья. Совершенно не изучены стилистические и образные потенции таких форм и правила, по которым происходит их преобразование в художественной речи ¹.

Важнейшее место в указанном кругу образований принадлежит личным именованьям, построенным по двухкомпонентной модели, соединяющей личное имя и патронимическое имя (отчество). Статус и уровневая принадлежность этой модели и ее конкретных реализаций не получили в русском языкознании устоявшейся интерпретации.

1. Есть основания считать, что двусловные именованья лица типа *Иван Васильевич, Марья Петровна* и т. п., обладая целостностью номинации, занимают промежуточное положение между словосо-

четаниями (с аппозитивным определением-приложением) и составными словами, причем обнаруживают тенденцию к превращению в составные слова.

1.1. Со словосочетаниями их сближает:

1) то, что каждый их компонент является самостоятельной лексемой и может использоваться в самостоятельном употреблении;

2) то, что эти компоненты синтагматически связаны — как бы ни квалифицировать способ связи между ними: как согласование (в традиционном или новейшем понимании этого явления [Степанов 1973 : 4, 66]), как координацию, корреляцию, параллелизм или как-нибудь иначе (см.: [Копелиович 1998]);

3) то, что каждый из компонентов может эллиптироваться. При этом эллипсис отчества ситуативно ограничен и всегда конситуативен (обычное именование лица одним личным именем не является эллиптированной реализацией рассматриваемой модели), тогда как эллипсис имени может быть, по-видимому, и языковым.

Эллипсис этих компонентов может иметь специальный лексический показатель. В этой роли выступает частица *просто*, получающая местоименную функцию на синтаксическом уровне и используемая как знак эллиптированного компонента (см. об этом в работе [Пеньковский 1986а : 17—18]). Ср.: «— Как вас по отчеству-то, Агата? — Да никак... *Просто Агата*» (А. Иванов. Вечный зов); «— Добрый день, Анна Дмитриевна. — Здравствуйте, здравствуйте. Только уж зовите меня *просто Митриевна*» (из записей устной речи). Ср. также: «...с переходом в неофициальную сферу имя часто подвергается диминутивной деривации и эллипсису. Например: ...*Ирина Васильевна* — *Ирина* или *просто Васильевна*» [Суперанская 1973 : 163—164]. Ср. также (с одновременной трансформацией отчества в личное имя): «Имя-отчество ее *Анна Фридриховна* — она полунемка, полуполька из Остзейского края, но близкие знакомые называют ее *просто Фридрихом*, и это больше идет к ее решительному характеру» (А. И. Куприн. Река жизни, 1906).

1.2. С составными словами их сближает:

1) то, что, характеризуясь раздельностью и склоняемостью обоих компонентов, они обнаруживают в разговорной речи тенденцию к слиянию этих компонентов в единое целое с утратой склонения первой части (ср.: *Иван Петрович* — *Иван-Петровича*, *Иван-Петровичу*, *Иван-Петровичем* и т. п.)²;

2) то, что образующееся в результате такого слияния единство получает возможность выступать в качестве производящей основы притяжательных прилагательных (ср.: *Иван Петрович — Иван-Петровича — Иван-Петровичев, -а, -о, -ы* и т. п.).

1.3. К двум только что охарактеризованным рядам общностей следует прибавить еще то, что объединяет все три типа образований, а вместе с ними и сложные слова, — возможность создания на их базе разного рода аббревиатур (*Николай Николаевич — Ник-Ник* или *Эн-Эн* и т. п.)³.

Едва ли справедливо связывать образование аббревиатурных антропонимов только с практикой конструирования псевдонимов и, поскольку выступления в печати под псевдонимом стали редкостью, утверждать, что такие аббревиатуры сейчас почти не возникают [РЯСО 1968 : 67]. Аббревиатуры-антропонимы широко используются в устном общении целого ряда коллективов — школьных, студенческих, дружеских, научных, профессиональных и др. с середины прошлого века и до наших дней. Ср. принятое в дружеском кругу А. И. Герцена его шутивно-прозвищное имя *Аи* (*Н. Я. Эйдельман. Век нынешний и век минувший // Прометей. Вып. 1. М., 1966. С. 181*). То же позднее и в наше время: «...На сцене сейчас черт знает что. Одна надежда, что *Ка-Эс* <Станиславский> поднимется в мае, глянет на сцену...» (*М. А. Булгаков — П. С. Попову, 7 мая 1932 // Ежегодник Пушкинского дома на 1976 год. Л., 1978. С. 70*); «Одному таланту достаточно писчей бумаги, другому — своей лаборатории, Николаю Владимировичу, *Энвэ*, как мы его звали, нужны были всегда и всюду слушатели» (*Д. Гранин. Зубр*); «*Между собой сотрудники именуют его* <академика С. П. Королева> “*СИГ*” — тут слышится отзвук и лаконичной четкости даваемых указаний и строгость характера» (*Техника молодежи. 1974. № 4. С. 11*); «...все зависит, конечно, от того, как посмотрит *Атэ*. “*Атэ*” — таково было внутрижурнальное, кодовое имя *Твардовского*, производимое, конечно же, за глаза, с школьным благоговением и трепетом, и люди, позволявшие себе всуе, за столиками ЦДЛ, произносить это имя, как бы причисляли себя — уже одним этим знанием кода — к сонму близких и посвященных...» (*Ю. Трифонов. Вспоминая Твардовского // Огонек, 1986. № 44. С. 21*)⁴. Ср. также отражения именовании этого типа в языке художественной литературы: «— А что думает *Эн Фэ?* — мгновенно справился

Таманцев. Это был его обычный вопрос. Он почти всегда интересовался: “А что сказал Эн Фэ?.. Что думает Эн Фэ?.. А с Эн Фэ вы это прокачали?..”» (В. Богомолов. В августе 44, 1); «...А учитель такой симпатичный оказался, Федор Федорович. Мы его зовем сокращенно *Эфэф*...» (В. Железников. Каждый мечтает о собаке, 1); «...все шло вроде бы своим чередом, тем более, что *ПэПэ* — как звали сотрудники Петра Петровича Кирьянова — хозяйничать ей не позволял и все решал сам» (А. Лиханов. Паводок); «— Всю летучку его долбают. Хоть бы ты сказал два слова в его защиту... — Я скажу. За что долбают-то? — Ну, ты же знаешь: *Эрэр* его не переваривает...» (Ю. Трифонов. Бесконечные игры, 5; «*Эрэр*» — Роман Романович).

Показательны в этом отношении явления антропонимического раскрытия аббревиатур-апеллятивов. Таково, например, широко распространенное в первые годы Отечественной войны именование бронепоездов («бэ-пэ») именем «*Борис Петрович*» (см.: Я. Шведов. Из дневника батальонного комиссара // Молодая гвардия. 1974. № 4. С. 68). Ср. также: «Тут путь “эмки” преградил ихтиозавр ТБ-3, известный в авиационном обиходе и под женским именем “*Татьяны Борисовны*”. Гремя четырьмя моторами, “*Татьяна Борисовна*” разворачивалась на старт...» (А. Афиногенов. А внизу была земля, II, 2 // Октябрь. 1975. № 5. С. 61) и др. под.⁵

1.4. Наличие у рассматриваемых словосочетаний признаков составного или даже сложного слова объясняется спецификой их семантики и структуры. Обладая целостностью номинации и обнаруживая тенденцию к целостности семантики, эти словосочетания фразеологичны по своей структуре. В этом отношении они сближаются с фразеологизированными конструкциями и, как и эти последние, строятся по определенной и строгой фразеосхеме.

Этим обусловлено то, что, при широких возможностях лексического наполнения и фонетического варьирования компонентов, в современном языке совершенно невозможны ни их перестановка (ср. *Иван Петрович*, но не *Петрович Иван*)⁶, ни разделение вставными единицами⁷. Даже подстановка вместо нормативных полных форм входящих сюда личных имен — их производных с различными эмоционально-оценочными суффиксами и вообще всех так называемых полуимен (ср. былинные *Илеюшка Иванович*, *Добрынюшка Никитич* и т. п., народно-песенные типа *Клавденька*

Гордеевна и под., диалектные, например, пермские типа *Дуня Николаевна* и т. п.) противоречит сложившейся антропонимической норме.

Ср. снятие этого ограничения — с сознательным нарушением фактической антропонимической нормы — в специально детских именовании при шутливом обращении взрослых к ребенку как к взрослому или — вследствие незнания нормы — в детских «взрослых» самопредставлениях типа *Оля Петровна* и т. п. (отражение этого см., например, в рассказе В. Белова «Вова-сатюк») и в некоторых других случаях. Ср. шутливую надпись М. А. Булгакова на подаренном Елене Сергеевне Шиловой (его будущей жене) машинописном экземпляре инсценировки «Мертвых душ» (28 ноября 1930 г.): «Знатоку Гоголя *Лене Сергеевне...*» (Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома. Л., 1978. С. 67). Ср. также именование *Даша Викторвна*, которым велела называть себя учительница-татарка, героиня рассказа Ю. Дружникова «Уроки молчания», потому что «паспортное имя у нее трудно выговаривается и не нравится ей» (Юность. 1974. № 5).

Противоречат строгой норме и известные некоторым стилям непринужденного общения ласкательные с оттенком фамильярности образования типа *Иванушка Петрович*, *Танечка Николаевна* и т. п. Показателен случай с сознательным противопоставлением двух типов форм: «Скажи не *Катеньке Николаевне*, а *Катерине Николаевне*, что брат ее будет разве через месяц...» (П. А. Вяземский — В. Ф. Вяземской, 13 января 1832 г. // Звенья. Т. IX. М., 1951. С. 252). Ср. еще: «*Наталочке Александровне*» — в дарственной надписи В. В. Маяковского Н. А. Брюханенко (1927) на титульном листе 5-го тома собрания его сочинений (Литературное наследство. Т. 65. М., 1958. С. 196). То же в отражениях: «...Относительно всех пятерых девиц он <Квашнин> сразу стал на бесцеремонную ногу холостого и веселого дядюшки. *Через три дня он уже называл их уменьшительными именами с прибавлением отчества — Шура Григорьевна, Ниночка Григорьевна...*» (А. И. Куприн. Молох); «— Подождите минутку, *Егорушка Иванович*, — сказала она...» (С. Дангулов. Кузнецкий мост); «— Только информация у тебя, *Ганночка Денисовна*, односторонняя...» (Д. Гранин. Дождь в чужом городе) и т. п. То же самое следует сказать и о «суффиксально-согласованных» формах, которые (в связи с невозможнос-

тью уменьшительно-ласкательных образований от мужских патронимических имен) представлены только женскими именованиями типа *Танечка Петровначка*, *Танюшка Петровнушка*, *Оленька Петровненька* и под.

2.0. Сказанным определяется влияние рассматриваемой модели, объясняющая целый ряд различных по частоте и распространенности, но в любом случае показательных явлений.

2.1. Таковы, например, факты преобразования второго личного имени в двойных парных именованиях типа *Козьма-Демьян* (<*Косма* и *Дамиан*) в отчество, откуда *Козьма* (*Кузьма*) *Демьянович*⁸.

То же — как в жизни, так и в литературе — при перестройке на русский лад иноязычных многокомпонентных именований, когда *Гавриил-Карл-Людовик-Франциск* де Моден, французский эмигрант, с 1793 г. на русской службе, обер-егермейстер, участник персидских походов, именуется *Гавриилом Карловичем* (Звенья. Т. IX. М., 1951. С. 321), а *Josephus Johannes Baptista Carolus Bova* завоевывает в России славу как архитектор *Осип Иванович Бовэ* (1784—1834); немец *Христофор Теодор* Готлиб Лемм становится *Христофором Федоровичем* (И. С. Тургенев. *Дворянское гнездо*, 1858), француз *Жан Батист* Боке под пером Герцена превращается в *Ивана Батистовича* (А. И. Герцен — М. К. Рейхель, 3 марта 1853 г.), а великий римский поэт Гораций (*Публий Гораций Флакк*) на русский лад именуется *Горацием Флакковичем* (К. Н. Батюшков — Н. И. Гнедичу, октябрь 1810) и т. п. Ср. еще: «— А позвольте узнать имя и отчество ваше, — спросил штаб ротмистр <...> — В Курляндии, — отвечал старик смеясь, — звали меня *Готфрид-Иоганн* Гертман, а здесь трудно показалось мужичкам запомнить настоящее имя, и меня привыкли просто звать *Федором Ивановичем*...» (В. А. Вонлярлярский. *Большая барыня*, 2, 1852). Таково же происхождение именования *Егор Федорович* в качестве «домашнего» фамильярного обращения к *Георгу Теодору Гегелю* в московских философских кружках первой четверти прошлого века: «Благодарю покорно, *Егор Федорович*, — кланяюсь вашему философскому колпаку...» (В. Г. Белинский — В. П. Боткину, 1 марта 1841). Отсюда такие — имитирующие просторечно-простонародную русификацию двойных иноязычных имен — шуточные именования, как *Филипп Егалитетович* («Вчера носили его <Каратыгина, игравшего роль Дмитрия Донского>, но более аплодировали Москов-

скому князю, нежели великому актеру. Тут видел я национальный инстинкт. Всякий как будто говорил себе: Ну-ка! Г-н бесфлотный адмирал Руссен, сунься-ка! О дерзостный посол надменнейшего *Филиппа Егалитетовича*, не сладить тебе с Русским Богом» (А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову, 13 апреля 1833 // Русский архив, 1902. Кн. 1. Вып. 3. С. 519) или *Людвик Филиппыч* в рассказе П. М. Садовского о революции 1848 г. (Русская старина, 1873. Т. 3. С. 122), *Микел Анжэлычи* в стихотворении В. В. Маяковского «Слегка нахальные стихи товарищам из ЭМКАХИ» (1928), *Бердан Рамзеич* < *Бертран Рамзей Перри* (английский морской инженер) в рассказе А. Платонова «Епифанские шлюзы» и др. под. Ср. также именование учителя пения *Ивана Севастьяновича Бахова* в рассказе Ю. Мориц «Золотой человек» (Юность. 1977. № 4) ⁹.

Показательно также преобразование по модели «имя + отчество» личных именованных, представляющих сочетание имени с прозвищем или с высоким приложением-эпитетом в функции второго имени. Отсюда такие широко представленные в былинном языке образования, как *Михаил Козарьевич* (< *Михаил Козарин*), *Мишачка Пуятрович* (< *Мишачка Пуята*) или *Змей Тугаринович* (< *Змей Тугарин*), *Бурушка Косматьевич* (< *Бурушка косматый*) и др. под. Ср. также менее распространенные случаи типа *Иван Златоустович* (с. Б. Удолы Вязниковского р-на Владимирской обл.) < *Иван Златоуст* или соотношение русского народно-поэтического *Днепр Словутич* и укр. *Дніпр-Славута* и т. п. Ср. также: «Зачем завозить то зерно, какое уже и дома можно намолачивать с лихвой? Куда же смотришь, Госплан Союзович?» (Ю. Черниченко. Две тайны // Литературная газета, 19 июля 1984 г.). Или: «И с Весной Апрельевой / Не встречать у пристани / Юности подстреленной...» (Е. Савинов. «Все тянулось медленно...», 1977).

Особо должна быть отмечена связанная с историей формирования патронимических имен и возникновением на определенном ее этапе омонимии отчеств и фамилий на *-ов* (ср. намеренно самоуничтожительно-насмешливую — в пику аристократам! — авторекомендацию Евгения *Васильевича* Базарова встречающим его Кирсановым-старшим: «— ...позвольте узнать ваше имя и отчество? — Евгений *Васильев*, — отвечал Базаров ленивым, но мужественным голосом» — И. С. Тургенев. Отцы и дети, II, 1861) возможность аналогичной трансформации образований, построен-

ных по двухкомпонентной модели «имя + фамилия». Таково превращение *Гришки Отрепьева* в *Гришку Отрепьевича* («Приехал в Москву самозванный царь, Самозванный царь *Гришка Отрепьевич*» // Былины Севера. Т. II, № 108) или, например, какого-нибудь *М. Н. Лонгинова* в *Михаила Лонгиновича* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Январь 1864 года).

2.2. О влиятельности рассматриваемой модели свидетельствует, несомненно, и яркий прием конструирования личных и персонализирующих именованья из неантропонимов путем присоединения к ним одного из узкого круга готовых «ключевых» отчеств.

Таковы, во-первых, персонализирующие именованья природных объектов типа *Гром Иванович*, *Мороз Иванович*, *Дон Иванович*, *Дунай Иванович* (ср. также более поздние *Урал Иванович* и *Амур Иванович*) и т. п. в языке различных народно-поэтических жанров и, в качестве реминисценции, в живой народной речи. Ср. также в стилизации: «— Здравствуй, Заря-Заряница, красна девица! Здравствуй, *День Иванович!*...» (В. Пулькин. Кижские рассказы).

Таковы, во-вторых, некоторые персонализирующие именованья животных типа *Гаган Иванович* (для гуся), *Котофей (Котай, Котонайло, Кысарей) Иванович* (для кота), *Лисафья (Лисава, Лисавета) Ивановна* (для лисы), *Петушайло Иванович* (для петуха), обычные в языке загадок, русской сказки и других сопредельных жанров.

Вместе с некоторыми другими, вполне антропоморфными именами животных, каковы *Хавронья Ивановна* (для свиньи), *Михаил Иванович* (для медведя), *Марья Ивановна* (для медведицы) и *Левон(тий) Иванович* (для волка), они образуют особый антропоморфный именьник, противопоставленный апеллятивному именьнику всех остальных домашних и диких животных¹⁰.

Сходные антропоморфные именованья предметов обнаруживаются и в иных случаях. Таковы, например, ритуальные (в заговорах) именованья типа *Анна Ивановна* (в обращении к полуношнице, особой детской болезни) или *Соломония Ивановна* (в обращении к целебной росе) и т. п. (см.: П. С. Ефименко. Материалы для этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 2. М., 1879). Ср. также именованья предметов, принятые в практике общения тех или иных узких коллективов, например, имя с а м о в а р а *Иван Иванович* в семье художника Серова (см.: Н. Я. Симо-

нович-Ефимова. Воспоминания о В. А. Серове. Л., 1964. С. 21) или в индивидуальном употреблении: профессиональный шулер Ихарев любовно называет свою колоду крапленых карт *Аделаидой Ивановной*: «...Вот она заповедная колодишка — просто перл! За то ж ей и имя дано: да, *Аделаида Ивановна*. Послужика ты мне, душенька, так, как послужила сестрица твоя, выиграй мне так же восемьдесят тысяч, так я тебе, приехавши в деревню, мраморный памятник поставлю...» (Н. В. Гоголь. Игроки. Ч. II, 1836—1842); «...Он снял саблю и, сказав: “Подождите здесь, *Софья Ивановна!*”, поставил ее в угол...» (Н. А. Некрасов. Очерки литературной жизни, 1845); «Анатолий Васильевич пил местную минеральную воду, принимал дигиталис и строфантин, который он величал “*Строфантий Иванович*”» (Н. А. Луначарская-Розенель. Последний год // Прометей. Т. I. М., 1966. С. 225). Ср. также: «Они боготворили завод. Машины для них были живыми. Они звали домну “*Домной Ивановной*”. Они звали мартеновскую печь “*дядей Мартыном*”...» (И. Эренбург. День второй, 3) и т. п.

Таковы, в третьих, оценочно-характеризующие личные именованья (преимущественно вокативы) типа *Балда Иванович (Ивановна)* и под., широко распространенные в говорах, просторечии и разговорной речи. Ср., например, в одном из рязанских говоров: «Кроф’ он штол’? Он д’ит’ам кроф’, а мн’е он — *Ч’орт Иванович!*...» (Словарь современного русского народного говора. М., 1969. С. 253). Ср. также: «— Эх вы, *Декадент Иванович*, — грубо махнул на него рукой Аргаковский, — тряпку вам сосать!...» (А. И. Куприн. Поединок, 1905); «...чем чище, чем возвышеннее казалась она ему несколько минут пред тем, тем больнее резали его ухо грубые, циничные слова и выражения: “интересный мужчинка”, “*Захудаи Иванович*” и тому подобные *mots* кафешантанного лексикона» (Ф. Ф. Тютчев. Денщик, 1888); «...смеялись над рассказом Ивана Гнедых, как он в селе пищу покупал: — Говорю ему, *Идолу Ивановичу*: для лесных братьев получше отпуская, разбойник...» (Л. Андреев. Сашка Жегулев, II, 2); «[Тропачев — Василию Семеновичу Кузовкину] ...Ну, как вы поживаете, *Имярек Иванович*? Я вас давно не видал...» (И. С. Тургенев. Нахлебник, 2, 1848); «—...Танцуешь с какой-нибудь *кривулей ивановной*, улыбаешься по-дурачки, а сам думаешь...» (А. Чехов. Один из многих); «— А ты что же, *обалдуй иванович*, зачем ты той девице дал адрес? Котелок твой сооб-

ражает?...» (Ю. Пиляр, Последняя электричка, II); «...он никакой: ни матки, ни батьки нет, а так — пришей кобыле хвост, *пристебай иванович*» (В. Козько. Високосный год); Разбудил Володьку отец. — Ты что же это, *Соня Ивановна*? — Уроков очень много, — вздохнул Володька. — Я вчера до трех часов ночи занимался...» (Л. Пантелеев. Индиан Чубатый); «Утром, во время лабораторных, Юра вышел на улицу. Я спросил: “Ты куда?” Он ответил: “Передать ключи отцу”. А это был не отец, а этот *Тип Иванович*...» (А. Рыбаков. Выстрел, 34 — речь идет о темном дельце Валентине Валентиновиче Навроцком); «— Ну чего, чего, *трус Иваныч*? Чего ты?» (Г. Бакланов. Друзья, VII); «— Ты что же это, *Шут Иванович*, на репетицию не приходил? — набросился на него комик...» (А. П. Чехов. Актерская гибель) и т. п.

Значительно реже и, насколько позволяют судить немногие фактические данные, исключительно в просторечии Сибири, в этой же функции используется второе символическое патронимическое имя — *Петрович*. Ср. в сибирских записях Ф. М. Достоевского (1860): «— Ну-ну-ну! — полно вам, — закричал *инвалид*, проживавший для порядка в казарме и потому спавший в углу на особой койке. — Вода, ребята! *Невалид Петрович* проснулся! *Невалиду Петровичу*, родимому братцу!...» (Записки из Мертвого дома, II); «— Начинать! Скорей! — Скорей скорого не сделаешь, Иван Матвейч. — Да ты и так ничего не делаешь, эй! Савельев! *Разговор Петрович*! Тебе говорю: что стоишь, глаза продаешь!.. начинать!...» (Там же, VI); «— Куда это мужичье-то валит? — помолчав, спросил первый <арестант>, указывая вдаль на толпу мужиков, пробиравшихся куда-то гуськом по цельному снегу. Все лениво оборотились в их сторону и принялись их пересмеивать <...> Ишь, *братан Петрович*, как оболочка!.. — заметил один, передразнивая выговором мужиков...» (Там же, VI). Возможно, что то же предпочтение действовало и в ситуации крещения: «— Капитан спасательного судна старции Отомари — Архип Петрович Накамура-сан. — М-да. *Почему Архип Петрович*? — А... *Крещеный. Православный японец*...» (Г. Лаптев. Вексельное дело. Новосибирск, 1965. С. 261).

Отсюда — как вторичное явление — использование подобных образований в отношении к абстрактным понятиям, действиям, общественным движениям, учреждениям и т. п. Ср.: «...нельзя всем построить собственные домики и безмятежно жить в них, пока дву-

жильный старик *Захват Иванович* сидит на большой коробке да похваливается, а свободная человечья душа ему молится...» (Н. С. Лесков. Некуда. Кн. I. Гл. XXV, 1, 1864). И, с другой стороны, у декабриста В. И. Штейнгеля — вместо ожидаемого в соответствии с общерусской нормой *Сената Ивановича* — по-видимому, отражающее воздействие сибирской речи во время его многолетней сибирской ссылки — *Сенат Петрович*: «Не могу не присовокупить пламенного моего желанья, чтобы Господь избавил вас от состязания со стариком *Сенатом Петровичем*...» (В. И. Штейнгель — А.Ф. Бриггену, 30 июля 1852 г.). Ср. также — в сдвинутой функции — из материалов нашего времени: «[Авдонин] ...Я от нее в коридор, а она дверь на замок. Вот в носках и того... задал *Отрыв Петровича*...[Мария] Как — *Отрыв Петровича*? [Авдонин] Ну, значит, бежать...» (А. Салынский. Мария).

2.3. Второй компонент рассмотренных именовании, патронимическое имя на *-ович*, *-овна*, присоединяясь к апеллятиву, употребляется с погашенным антропонимическим значением, приобретая взамен другие функции. Оно становится здесь прежде всего знаком определенной антропонимической модели и, выступая как представление второго ее компонента, маркирует все образование в целом и особенно первую его часть, придавая апеллятиву статус антропонима¹¹. В то же время это имя оказывается еще и этнонимизирующим знаком, знаком принадлежности объекта культурному миру русского этноса.

Словообразовательно связанные с личными именами *Иван* и *Петр* и фамильными *Иванов*, *Иванова*, *Петров*, *Петрова* этими именами — символами «среднего русского» (ср. *Свен Свенссон* как имя «среднего шведа») ¹², патронимы *Иванович*, *Ивановна* (реже *Петрович* и *Петровна*) также являются символическими, и употребление их в такой функции может считаться строго нормативным.

Использование на их месте других патронимических имен — ср. народное именование сохи *Сохой Андреевной*, лисы *Лисой (Лисаветой) Патрикеевной* (отсюда: «Лис Патрикееич»). Поэма в 12 песнях И. В. Гёте. С 36-ю эстампами по меди и 24-мя гравюрами по рисункам В. Каульбаха. СПб., 1870), а крещенского мороза — по связи с Васильевым вечером — *Морозом Васильевичем*, имя *Потапович* в общеизвестном сказочном именовании медведя

или *Сова Савельевна* как именование сказочной птицы в повести А. Ф. Вельтмана «Сердце и думка» (1838), — наблюдается лишь единично и, обнаруживая четкую обусловленность некоторыми специальными семантическими и фонетическими факторами, должно рассматриваться как явление преднамеренного, художественно и экспрессивно оправданного нарушения указанной нормы.

Норма, о которой идет речь, должна быть признана одной из важнейших ономастических норм и тем более интересна, что за ней стоит многовековая культурно-этническая традиция. У истоков ее находятся именованья типа *Дунай Иванович* и *Дон Иванович*. В ее русле шутивное именование паралича *Кондратий Иванович* (ср. *кондратий* и *кондрашка*). Одно из поздних ее порождений — именование *Мамонт Иванович* (по сообщению телевидения и прессы — чучело мамонта, выставленное в павильоне СССР на международной выставке «Экспо-73» в Японии).

Очень рано эта традиция сделала патронимы *Иванович*, *Ивановна* знаком натурализации нерусских в России. Одни получили такое отчество в качестве правильного трансформа их собственного второго имени (к примерам, приведенным выше, ср. еще *Франц Иванович* — именование гувернера *Франца Иоганна* Мендера в романе Б. Окуджавы «Свидание с Бонопартом»), другие — в соответствии с подлинным именем отца (так, великий австрийский композитор *Иоганн* Штраус-младший получил во время своих гастролей в Петербурге в 1865—1869 гг. дружеское именование *Иван Иванович*, — с отчеством, опиравшимся на имя его отца *Иоганна* Штрауса-старшего), третьи — как условное второе имя, позволявшее избежать фонетических трудностей, связанных с образованием отчеств от тех или иных нерусских имен. Одни носили его как часть законного паспортного именованья, другие присваивали его себе самовольно, третьи получали его от русского окружения. Один из самых ранних примеров: славянский просветитель и ученый, проповедник славянского единства, автор «Всеславянского языка» (1659—1666), хорват Юрий Крижанич (1618—1683), прибывший в Москву в 1659 г. и проведший 15 лет в тобольской ссылке, был принят на Руси как «выходец-сербенин» «Юрий *Иванович*». Как указал В. О. Ключевский, он не знал своих родителей и сиротой был вывезен в Италию (Собрание сочинений. М., 1985. Т. III. С. 312). Была крещена *Авдотьей Ивановной* калмычка карлица-шутиха

при дворе Анны Иоанновны (Русская старина, 1873. Кн. 3. С. 347), как позднее стала *Екатериной Ивановной* камчадалка, взятая ко двору Екатерины Великой (Русский Архив, 1870. Кн. 3. Вып. 12. С. 2085). *Ивановичем* был назван также выдающийся художник-калмык, родившийся около 1765 г., в пятилетнем возрасте похищенный в астраханских степях яицкими казаками, доставленный ко двору Екатерины и получивший при крещении имя *Федор* (Прометей. Вып. 9. М., 1973, С. 48). *Федором Ивановичем* стал также, следуя уже установившейся культурно-языковой традиции, прибывший в Россию из Лифляндии граф *Фердинанд* Тизенгаузен, женившийся на дочери М. И. Кутузова, впоследствии приятельнице Пушкина, Елизавете Михайловне (во втором браке — Хитрово). И то же отчество на русский лад получил брат Ж.-П. Марата, профессор французской словесности в Царскосельском лицее в пушкинские годы, Давид Марат, переименованный в Будри [Черейский 1988 : 50]. И знакомая Пушкина по Кавказу в 1820 г. молодая татарка Зара, крестница генерала Н. Н. Раевского, жившая в его доме, была названа *Анной Ивановной* [Черейский 1988 : 16]. Ср. также рассказ А. Чехова «Перекати-поле», герой которого *Исаак* принял при крещении имя-именование *Александр Иванович*. Этот ряд может быть неограниченно продолжен хотя бы до псевдонима Сталина — *Коба Иванович*, которым он подписывал свои публикации в «Бакинском рабочем» в 1906—1907 гг.

Сказанное позволяет понять, как приезжавшие в Россию и осваивавшие ее бесчисленные Иоганны, Жаны, Джоны, Джованни, Юханы, Ваню и Ованесы и т. п. одновременно сами осваивались ею и — разноплеменные и разноязычные — становились русскими *Иванами Ивановичами*. Так, стал *Иваном Ивановичем* лейб-медик Елисаветы Петровны и один из деятелей тайной канцелярии француз из Эльзаса *Иоганн-Германн* (Арман) Лесток (1692—1767) (Г. И. Веретенников. История тайной канцелярии. 1731—1762. Харьков, 1911). Именно так — *Иваном Ивановичем* — называет М. И. Глинка в своих «Записках» (1854—1855) великого итальянского певца *Джиованни Батиста* Рубини (1794—1854) и это же именование получает в русском окружении герой В. К. Кюхельбекера итальянский художник *Джованни* Колонна, приехавший в Россию к своему другу Юрию Пронскому («Последний Колонна», 1832 — 1843).

Замечу в этой связи, что следует различать две разных, хотя и схожих по конечному результату, операции «натурализирующего» наречения иностранцев и иноплеменников в России, начиная с конца XVII в.: а) наречение путем присоединения русского «натурализирующего» отчества *Иванович* к иноязычному личному имени или к его русскому / русифицированному соответствию и б) наречение с использованием целостного русского именованья *Иван Иванович*. Как отметил В. И. Даль, «*Иван Иванович* — почетное или шуточное имя и отчество немцев, а еще более калмыков, кои всегда отзываются на кличку эту, как чуваша на зов: *Василий Василич*» [Даль 1881 : II, 5].

Можно было бы включить в этот далевский ряд еще именованье *Алексей Алексеич* (*Лексей Лексеич*), которым в те же годы награждали лакеев и солдат (см., например: А. И. Левитов, Московские «комнаты снебилью», 1863; И. Ф. Горбунов. Из московского захолустья, 1864), можно было бы привести немало фактов, подтверждающих справедливость наблюдения Даля и в отношении чувашей, и в отношении калмыков (ср., например, свидетельство современного автора: «*Иван Иванович* — так называли астраханские приказчики всех калмыков подряд» — А. Балакаев. Страна Бумба, II // Дружба народов. 1977. № 7. С. 108. — Перевод с калмыцкого В. Сидорова), и в отношении русских немцев, «германоруссов», как назвал их С. П. Жихарев (Дневник студента, 23 июля 1806 г. // Записки современника, — М., 1981. С. 103). Ср. данные о дошедшем до нас альбоме конца XVIII в., который заполнялся в Петербурге, Кронштадте и Нарве и принадлежал лицу немецкого происхождения, называемому в русских записях *Иваном Ивановичем* (Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1977 г. Л., 1979. С. 4—5). Или водевиль П. Каратыгина «Булочная, или Петербургский немец» (1844), в рецензии на который Н. А. Некрасов писал: «Петербургский немец, одно из интереснейших лиц в огромной и разнородной массе петербургского народонаселения <...> Язык, которым говорит почтенный *Иван Иванович Клейстер*, — это язык ни русский, ни немецкий, — русский язык на немецкий лад...» (Н. А. Некрасов. Собрание сочинений: В 12 т. М., 1948—1953. Т. 9. С. 135). Ср. также характерное употребление рассматриваемого именованья в качестве окказиональной антропонимической марки: «В Красноярск приехал я поутру 7 февраля. Станция нахо-

дится там при гостинице. *Толстый и улыбающийся немец Иван Иванович* вышел встречать меня и объявил...» (М. М. Михайлов. Записки, 1862).

Следует уточнить, однако, что в действительности именование *Иван Иванович* использовалось в России значительно шире и до конца XIX в. было как в жизни, так и в литературе меткой российской натурализации не только немцев и калмыков. Это именование было общим целостным маркирующим именем всех натурализовавшихся нерусских, иноплеменников и иностранцев — независимо от крови, текущей в их жилах, от их подлинного, «природного» имени и от подлинного, «природного» имени их отцов, будь то вывезенный из Персии или из Грузии графом П. Д. Бутурлиным мальчик-сирота, названный *Иваном Ивановичем Иноземцевым* и ставший отцом прославленного русского врача Ф. И. Иноземцева (Русский архив, 1872. Кн. 2. Вып. 7—8. С. 1409), «капельмейстер для обучения мальчиков волостных музыки», который «был природой <sic!> поляк, хотя и назывался *Иван Иванович Розенбергский*» (А. Т. Болотов. Жизнь и приключения, XXII, 1789 — 1792), финский мальш, сирота *Якко*, попавший к русским во время русско-шведской войны и названный ими *Иваном Ивановичем* (В. Ф. Одоевский. Саламандра, 1841), еврей-выкрест репортер *Иван Иванович Шмуль* (А. С. Суворин. Новое время, 1895) или «старый морщинистый, улыбочивый китаец», директор чайного магазина в предреволюционной Москве «милейший *Ван Ваныч Ли*» (Б. Евгеньев. Московская хроника // Москва. 1986. № 1. С. 72).

И вот почему, имея в виду свое стихотворение «Прозерпина» (Северные цветы на 1825 год), являющееся вольным переложением XXVIII картины в поэме *Эвариста Дефоржа* Парни «Превращение Венеры», Пушкин шутя называет его *Иваном Ивановичем* (письмо Л. С. Пушкину, февраль 1825). Ср. также: «Ребенка при святом крещении назвали Васильем. Отец звал его Вильгельм-Роберт. Мать, лаская дитя у своей груди, звала его Васей, а прислуга Вильгельмом *Ивановичем*, так как *Ульрих Райнер Мария в России именовался, для простоты речи, Иваном Ивановичем*» (Н. С. Лесков. Некуда, 2, 3, 1864)¹³.

Вот откуда в русской прозе XIX в. многочисленные персонажи второго и третьего плана (нередко лишь упоминаемые и часто не наделенные фамилиями) немцы, «немецкие уроженцы» (И. С. Тур-

генов. Олдворец Овсяников, 1847), но также французы, англичане и шведы, *Адамы (Густавы, Крестьяны, Францы) Ивановичи* и *Амалии (Кристины, Матильды, Эрнестины) Ивановны* — учителя немецкого и французского языка, управляющие имениями, ремесленники, купцы, врачи, аптекари, кухмистеры, домовладельцы, акушерки, экономки и т. п. Особенно широко (от вдовы генерала фон В. в пушкинском отрывке «В 179* возвращался я...» до учителя в «Детстве» Л. Толстого) представлены среди них *Каролины Ивановны* и *Карлы Ивановичи* (или *Иваны Карловичи*), а также *Каролины Карловны* и — в пару к рассмотренным выше *Иванам Ивановичам* — еще более многочисленные *Карлы Карловичи* ¹⁴. Ср.: «Управляющий! уж в одном этом слове сейчас слышится немец, какой-нибудь *Карл Иванович Бризенмейстер* или еще помудренее...» (Д. В. Григорович, Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов. Как опасно предаваться честолюбивым снам, 1846); «— Тьфу! всё навыворот, все теперь кверху ногами пошли. Девушка в доме растет, вдруг среди улицы прыг на дрожки. “Маменька, я на днях за такого-то *Карлыча* или *Ивановича* замуж вышла, прощайте!..”» (Ф. М. Достоевский. Идиот. Ч. 2. Гл. IX — слова генеральши Епанчиной) ¹⁵. Ср. еще: «Началось тем, что актер Щепкин, стоя тут как гость, просто во фраке, вдруг выступил и продекламировал пресмешную сцену. Не угодно ли вам чаю в.в.? — Почему нет? Башилов вышел приказать; через минуту является толстый *Немец Карл Карлович* в шитом кафтане, в большом напудренном парике, с подносом и чаем; вообрази себе смех и удивление Великого Князя, узнавая в Немце Башилова самого. Ну уж посмеялись мы...» (А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову, 19 августа 1830 // Русский архив, 1901. Кн. 3. Вып. 12. С. 504). Или позднее с яркой социальной окраской: «Не имеет он <сибирский мужик> понятия о барском доме, о “на конюшне”, о бурмистре, о “барской барыне” или о “барском барине”, не орудовал над ним барин-вольтеррианец, не орудовал и не делал опытов барин-аракчеевец; не был он проигран в карты, пропит с цыганками, заложен и перезаложен; не был он дрессирован просвещенным агрономом, не был бит в морду *Карлом Карловичем*...» (Г. И. Успенский. Поездки к переселенцам. От Казани до Томска и обратно, 3, 1880) ¹⁶.

2.4. Неукоснительная строгость, с какой в русском языке соблюдается фразеосхема рассматриваемой модели, обеспечивает

беспрепятственное восприятие и однозначное понимание соответствующих сегментов писанных и произнесенных текстов как репрезентантов именно этой, а не какой-нибудь иной антропонимической модели¹⁷. Отсюда — благодаря высокой информативности и идентифицирующей и дифференцирующей силе этой модели — почти неограниченная свобода лексического наполнения каждого из ее компонентов.

2.4.1. Помимо стандартных антропонимов, т. е. личных имен, находящихся в живом обращении на данном синхронном срезе русского языка, наполнителями основ компонентов этой модели могут быть любые архаические имена из состава языческого и христианского именословов, любые экзотические иноязычные имена и имена вымышленные, придуманные или сконструированные в тех или иных целях.

Это совершенно очевидно в отношении первого компонента модели, но столь же справедливо и в отношении второго ее компонента, поскольку патронимические имена на *-ович*, *-овна* свободно образуются от любых антропонимических основ — непосредственно от основ на согласный или при помощи интерфикса *-j-* от основ на гласный, т. е. не знают по существу никаких морфонологических ограничений¹⁸.

Что касается их нормативного ограничения основами только мужских и притом только официальных мужских имен, то оба эти ограничения имеют, несомненно, экстралингвистический характер.

Первое обусловлено отсутствием в современной системе личного именования матронимического принципа¹⁹, но легко снимается в некоторых неофициальных ситуациях общения (при шутовском подчеркивании того, что ребенок весь в мать, для указания на то, что его отец неизвестен и т. п.)²⁰, при описании фантастического общества, использующего матронимический принцип личного именования²¹ и в целом ряде других случаев.

Другое ограничение обусловлено несовместимостью сфер употребления сокращенных и экспрессивно-оценочных форм личных имен, с одной стороны, и патронимических имен, с другой, и их принадлежностью разным моделям: первые являются неофициальными и принадлежат однокомпонентному именованию «личное имя» или двухкомпонентной модели «имя + фамилия»; вторые же являются официальными, соответственно принадлежат либо двухком-

понентной модели «имя + отчество», либо трехкомпонентной модели «имя + отчество + фамилия». Ср. снятие этого ограничения в случаях, когда сокращенное имя избирается в качестве полного и оказывается официальным: *Жорж* → *Жоржевич*, *Олесь* → *Олесеви́ч* (ср.: [Суперанская 1970 : 188] и в некоторых других ситуациях²²).

2.4.2. Наполнителями компонентов рассматриваемой модели могут быть также и нарицательные имена, апеллятивы, что свидетельствуется как официальными именами реальных лиц (ср. отмеченные в литературе предмета имена *Аргон*, *Гений*, *Трактор* и т. п., откуда, естественно, и соответствующие патронимические имена у лиц следующего поколения²³), так и вымышленными, обычнo в художественно-выразительных целях, именами²⁴.

Однако во всех подобных случаях апеллятивы подвергаются предварительной антропонимизации и входят в состав компонентов именованья уже как полноправные антропонимы. Поэтому особый интерес представляют здесь такие образования, в состав которых апеллятивы входят именно как а п е л л я т и в ы, и если и становятся антропонимами или приобретают статус антропонима, то не до, а после и в результате такого вхождения. Можно указать три вида таких образований:

1. Образования с апеллятивами в первой части. Таковы рассмотренные выше персонифицирующие именованья предметов и животных типа *Дунай Иванович*, *Соха Андреевна*, *Мороз Васильевич* и т. п. и оценочно-характеризующие именованья лиц типа *Балда Иванович*, *Дурында Ивановна* и т. п., а также шутливые, нередко «заглазные», прозвищные именованья с апеллятивными заменами «правильных» имен. Ср.: «Преподаватель рисования был *Борис Яковлевич*. Мы звали его — *Барбос Яковлевич*...» (Из воспоминаний о подготовительном классе Киевской второй гимназии Е. Б. Букреева, 1900. — Цит. по: *М. Чудакова*. Жизнеописание Михаила Булгакова // Москва. 1987. № 5. С. 16.)

2. Образования с апеллятивами во второй части. Таковы, например, именованья сказочных героев типа *Иван Быкович*, *Иван Водович* и подобные им, свободно образуемые шутливые, обычно «заглазные», окказиональные прозвищные именованья лиц с апеллятивными заменами основ «правильных» отчеств. Ср.: «Если мы и смеялись над ней <грубой и наглой Прасковьей Фроловной>, на-

зывая ее Прасковьей *Кувалдовой*, то только за глаза» (Ф. Ф. Тютчев. Кто прав? XIV, 1893); «По другую сторону печи, ближе к окнам, помещался бывший суфлер Иван Степанович, плешивый, беззубый, сморщенный старикашка. В былое время весь театральный мир звал его фамильярно Иваном *Стаканычем*...» (А. И. Куприн. На покое, 1, 1895).

3. Образования с апеллятивами в составе обеих частей нескольких функционально-семантических типов. Таковы, в частности разнообразные персонифицирующие именованья предметов и животных типа фольклорных *Сарай Сараевич*, *Волк Волкович*, *Ери Ершович*, *Беда Бедовна*, *Воспа Восповна*, *Икота Икотишна*, литературных *Мороз Снегович*, *Волк Злодеич* и др., именованья былинных персонажей типа *Батыга Батыгович*, *Змей Тугаринович* и т. п. и оценочно-характеризующие именованья лиц типа литературных *Лихач Кудрявич* и разговорных *Сахар Медович*, *Актер Актерыч*, *Бюрократ Бюрократович*, *Корифей Корифеевич* и т. п. (см. о них специально в работе [Пеньковский 1986—б]), а также окказиональные шутивно-ироничные прозвищные именованья с апеллятивными заменами обоих «правильных» компонентов: «[Прежнева] Что ты, *Устинья Филимоновна*? [Перешивина] Проведать, матушка, пришла. [Полю] А, *ботвинья лимоновна*, откуда тебя принесло? [Перешивина] [Какая я *ботвинья лимоновна*? Вы все, барин, шутите...» (А. Н. Островский. Не сошлись характерами, III, 1846). Ср. еще ироническое переименование *Ипполита Ипполитовича* в *Митрополита Митрополитовича* в рассказе А. П. Чехова «Учитель словесности».

Апеллятивное наполнение, таким образом, создает два основных типа реализаций изучаемой модели: неоднородные (апеллятивно-антропонимические и антропонимо-апеллятивные) и однородные — с апеллятивным составом обеих частей²⁵.

2.4.3. Этим двум апеллятивным типам противопоставлен основной для этой модели тип однородных антропонимических реализаций, представляющих (как и однородные апеллятивные реализации) две разновидности образований:

1) Образования с несовпадающим, нетождественным наполнением компонентов модели — типа *Иван Петрович*, *Марья Александровна* и т. п. Их можно было бы назвать гетеронимическими или гетеронимами.

2) Образования с совпадающим, тождественным наполнением компонентов модели — типа *Иван Иванович, Александра Александровна* и т. п. Их можно было бы назвать таутономическими или таутонами²⁶.

При всем их внешнем сходстве, при всей их несомненной близости, эти две разновидности личных и персонифицирующих именованний обнаруживают существенные различия. И не только лексические (они лежат на поверхности и совершенно очевидны), но и иные, скрытые за ними различия в характере и направлении внутренних связей между компонентами модели и их внешних связей. Вскрыть эти связи — значит получить ключ к объяснению всей (достаточно сложной, как было показано выше) системы реализаций изучаемой модели. Таким ключом может стать анализ различных реализаций модели с точки зрения мотивированности — немотивированности ее компонентов.

4.0. Подходя к антропонимическим единицам с указанной точки зрения, оказывается необходимым различать мотивированность — немотивированность их выбора (Мв—М-в), значения (Мз—М-з) и образования (Мо—М-о), учитывая при этом, что все они могут получать языковое выражение (Мв+, Мз+, Мо+) или оставаться невыраженными (Мв-, Мз-, Мо-).

Для разных типов основных антропонимических единиц отношение их к этим видам мотивированности оказывается различным, как различны их структурные особенности, способы введения в акт наречения и последующая антропонимическая жизнь.

4.1. Так, личные имена, как правило, не образуются (не придумываются и не конструируются) и не наследуются, а вы б и р а ю т с я из определенного круга готовых имен. Поэтому они характеризуются мотивированностью выбора. Мотивированность эта может осознаваться или не осознаваться нарекающими и носителями имени, она может быть целиком экстралингвистической или опираться отчасти и на языковые признаки имени (характер его звучания, соответствие-несоответствие в том или ином отношении отчеству и/или фамилии и т. п.²⁷), но, как правило, остается невыраженной [Никонов 1970 : 41—43].

В то же время личное имя как чистый знак, характеризующийся тенденцией к полной редукции лексического значения (ср.: [Суперанская 1973 : 236—249]), должно быть немотивированным по об-

разованию. Если в момент наречения такая мотивированность и имеется, например, в искусственно сконструированных именах типа *Вилен* (< В. И. Ленин), *Влаиль* (< Владимир Ильич), *Мэлс* (< Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин), *Донара* (< дочь народа), *Мюда* (< международный юношеский день) и т. п. (см. о таких именах — в работах [Алексеев 1970 : 248; Данилина 1972 : 16—24]), то последующая их жизнь неизбежно приводит к забвению первоначально действовавшей мотивировки — нередко даже для самих носителей таких имен, сохраняясь для них в лучшем случае через семейные предания²⁸.

4.2. Соответствующие характеристики патронимических имен оказываются существенно иными.

В отношении отчеств нарекающие не располагают свободой выбора, поскольку отчество однозначно предопределяется именем отца. Оно принудительно навязывается и нарекающим и нарекаемым исторически сложившейся системой личного именования. Отчества, таким образом, не выбираются (в отличие от имен) и не наследуются (в отличие от фамилий)²⁹, а образуются. Они образуются, — по-видимому, каждый раз заново³⁰ — от собственных мужских имен, представляя два особых продуктивных типа существительных с суффиксами *-ович / -евич* и *-овна / -евна* и два закрытых непродуктивных типа с суффиксами *-ич* и *-ична / -инична*³¹.

При этом то, что с позиции нарекающих предстает как отсутствие свободы выбора отчества, для носителей отчеств оборачивается жесткими ограничениями их замены³². Последняя может иметь место либо как следствие изменения имени отца [Б. Успенский 1969 : 214], либо как следствие смены отца (при усыновлении)³³.

Возможность свободного выбора отчества связана поэтому с редкими критическими ситуациями, когда имя отца по каким-либо причинам не может использоваться в качестве производящего (так бывало, например, при наречении отчества русским царицам иноземного происхождения [Б. Успенский 1971 : 483] или на менее высоком уровне³⁴), когда имя отца неизвестно, а конкретный восприимчив отчеством отсутствует (например, при наречении младенцев-подкидышей в приютах и детских домах) и в некоторых иных случаях³⁵.

Очевидно, что отсутствие свободы выбора отчества в естественных ситуациях наречения делает вопрос о мотивированности

выбора в отношении патронимических имен некорректным, и, значит, соответствующий признак оказывается для них в норме нерелевантным.

Другой важной особенностью патронимических имен, противопоставляющей их личным именам, является наличие у них определенного лексического значения. По формулировке новейшей грамматики, патронимические имена «обозначают лицо, являющееся сыном того лица, которое названо мотивирующим словом» [Грамматика 1970 : 103]. Таким образом, *Иванович* значит ‘сын Ивана’, *Ивановна* — ‘дочь Ивана’ и т. п. в полном соответствии с русской поговоркой, гласящей, что «все Иванычи — Ивановы детки». Ср. также: «Был у Мирона один сын, и тот Мироныч...» (*О. Носов. На пороге вечности // Звезда. 1984. № 5. С. 32*). Ср. еще: «— Степан мой, Степан... Степанушка... Сынов разведем, сыны у нас будут, твоему роду продолжение, Степановичи...» (Ю. Гончаров. *Нужный человек*, 27); «Звали моего отца Яков — это по-немецки, а по-нашему Яков, и я, следовательно, Яковлевич. Борис Яковлевич Ивановский...» (А. Рыбаков. *Тяжелый песок*).

Противопоставляясь по этому признаку также и фамильным именам (поскольку фамилия *Иванов*, например, несмотря на остаточную членимость, не обращает нашу мысль к некоему Ивану, зарытому под корнями генеалогического древа, и не обозначает ни ‘потомок Ивана’, ни ‘из семьи Ивана’), патронимические имена характеризуются мотивированностью значения и образования и потому должны рассматриваться как полуантропонимы-полуапеллятивы, как единицы, совмещающие в себе признаки двух лексических классов³⁶.

4.3. Итак, можно утверждать, что личные имена и отчества противопоставлены по всем рассмотренным выше признакам (см. табл.).

Антропонимические единицы	Признаки противопоставления			Антропонимические единицы	Мотивированность		
	Выбор	Значение	Образование		Выбор	Значение	Образование
Личные имена	+	–	–	Личные имена	+	0	0
Отчества	–	+	+	Отчества	0	+	+

Поскольку, однако, патронимические имена в противоположность личным не вполне свободны по употреблению и выступают обычно как члены двухкомпонентных и трехкомпонентных именовании, находясь в них в односторонней зависимости от личного имени³⁷, то целесообразно уяснить себе, как складываются реально эти противопоставления в естественных условиях их функционирования, т. е. в различных типах реализации двухкомпонентной антропонимической модели.

5.0. Можно предполагать, что в таких условиях указанные выше противопоставления должны принимать вид *к о н т р а с т о в*, а единство номинации должно порождать тенденцию к сглаживанию контрастов и снятию противопоставлений. Если это справедливо, то можно априори предположить, что действие этой тенденции должно сказываться прежде всего на признаках патронимического имени, ослабляя или даже устраняя в нем все то, что нарушает его антропонимическую цельность. Очевидно, что такие нарушения связаны как раз с характерными для патронимических имен признаками мотивированности значения и образования.

Разумеется, пока в обществе действует патронимический принцип наречения второго имени, эти признаки не могут полностью перестать осознаваться. Этому препятствуют как экстралингвистические, так и лингвистические факторы. Показателен в этой связи самый термин — *отчество* (ср. устар. *отечество*, *отцеименное* или *отечественное имя*). Ср. также формулировку вопроса об отчестве: *Как вас по батюшке?*

Этим объясняется возможность использования патронимов в составе двухкомпонентных именовании как средства шутильной характеристики предметов по тем или иным их внешним связям, которые могут осмысляться как отношения родства, подчиненности и т. п. Таковы, например, отношения рода и вида. Ср. именование *Софа Дивановна* (о софе) в рассказе Феликса Кривина «Диваны, не помнящие родства» (Ф. Кривин. Полусказки, Ужгород, 1964) или принятое в коллективе конструкторов гигантского транспортирующего корабля «Мрия» и транспортируемого космического корабля «Буран» шутильное именование этой связки «*Мрия Бурановна*» (Правда, 25 мая 1989 г.). Ср. также в шутильном именовании собаки: «Все уехали на юбилей Жуковского, только Антонина Дмитриевна Блудова и *Урика Дворянжковна Собакина* остались дома:

одна потому, что была больна, другая потому, что по своей собачьей натуре не имеет духу покидать больную...» (А. Д. Блудова — В. А. Жуковскому, 29 января 1849 // Русский архив. 1902. Кн. 2. Вып. 6. С. 351). Таковы же отношения между произведением и его творцом (ср. использование слов *дитя*, *чадо*, *первенец* и др. под; по отношению к порождениям духовной и вообще творческой деятельности человека). Например: «*Дщерь же моя* теперь *Фелица Гавриловна* скачет по городу, подыма хвост, и всяк ее иметь желает» (Г. Р. Державин — В. В. Капнисту, 11 мая 1783 г.). Ср. также *Весна Викторовна* в названии стихотворения и одноименного поэтического сборника поэта Виктора Бокова (М., 1964).

Но указанные признаки не могут также и оставаться все время в светлом поле сознания даже самого носителя данного патронимического имени (не говоря уже о его ближнем и дальнем окружении), поскольку основная функция этого имени — быть дифференцирующим и идентифицирующим именем, а не средством выражения родственных отношений.

Поэтому признаки мотивированности патронимических имен подвергаются ослаблению и существуют как бы между жизнью и смертью, возвращаясь в сознание, актуализируясь только в случаях особой необходимости или при особо благоприятных для этого условиях. Так, даже в ситуации, когда, не зная патронимического имени лица, к которому нужно обратиться, мы говорим: «Простите, не знаю Вашего отчества», связь «отчество ↔ имя отца» не прорывается обычно с периферии нашего сознания. А тот, чье отчество нас интересует, называет его, также не вспоминая о своем отце и его имени.

Поэтому ответная реплика типа «Моего отца зовут (звали) имярек» возможна лишь в коллективах, где именование взрослых лиц осуществляется в норме по однокомпонентной (личное имя) или двухкомпонентным (имя + фамилия, имя + прозвище и др.) моделям и потому отчество сохраняет всю силу и свежесть патронимического значения, либо же (при стандартном типе именованья) имеет нарочито-искусственный характер и вызывается особым экспрессивным заданием. Ср.: «— Обо мне уже, наверное, слышали, — спросила она. — Бабкой Груней меня зовут. — Слышал, — сказал Зимарин, — вот только отчества не знаю. — Бабка Груня покачала головой, будто о чем-то не о том спросил ее Зимарин... —

Зовут меня все так — бабка Груня. *А отца моего Сергеем звали... Сергеевна я.* Да уж привычней, когда бабкой Груней кличут...» (П. Кочурин. Вещие зори, 14); «Аристарх Гребенников не принял это всерьез, не бросил панибратского тона: — Ты будь спокоен, я беру руководство на себя! — Обойдусь... — Да ты что, *Парфен!* — Ты, надеюсь, не забыл еще, что моего отца Тимофеем зовут пока что... — Вот теперь до меня дошло... Я темный, и забыл, что вас по имени и отчеству с этого дня величать надо!..» (А. Кривоносов. Гори, гори ясно).

Понятно, что вторичная актуализация мотивированности отчества осуществляется обычно в режиме обратного словообразования как восстановление имени отца в тех случаях, когда отчество привлекает к себе особое, рефлектирующее, внимание своей необычностью в том или ином отношении, под давлением тех или иных ассоциаций или в связи с факторами экстралингвистического характера.

Ср., например, ситуацию, описанную М. Цветаевой в рассказе «Кирилловны»: «Существовали они только во множественном числе... и все на одно лицо... И имя у них было одно, собирательное, и даже не имя, а отчество: *Кирилловны... Почему Кирилловны? Когда никакого Кирилла и в помине не было. И кто был тот Кирилл, действительно ли им отец, и почему у него было сразу столько — тридцать? сорок? больше? — дочерей и ни одного сына?.. Теперь бы я сказала, что этот многодочерний Кирилл существовал только как дочернее отчество...»*

Или, например, в рассказе В. Шефнера: «Счастливей неудачник»: «Эту пожилую женщину звали так: *Татьяна Робинзоновна Эрколи-Баскунчак.* Я сразу же спросил, кем ей приходится *Робинзон Крузо*, и она сердито ответила, что никем и не я первый задаю такой глупый вопрос».

В этой связи становится понятным использование А. И. Герценом отчества *Семенович* применительно к Николаю I для выражения намека на то, что Павел I не был его отцом (А. И. Герцен — М. К. Рейхель, 29 февраля 1855 г.). Ср. также: «Как рассказывал некий Дмитрий Васильевич: “Все можно доверить другу и приятелю, только не доверяй ему своей жены. Сына моего напрасно называют *Дмитриевичем*: стоит взглянуть на него, чтобы видеть, что он *Владимирович*. Истинный друг и жену мою любил по дружбе,

как свою собственную»» (Рассказы бабушки, записанные Д. Д. Благово. Л., 1989. С. 139).

В обычных же условиях связь «имя отца → отчество детей», определяющая механизм порождения отчеств в акте наречения, и обратная связь — «отчество лица ← имя его отца», отражающая мотивированность значения и образования отчеств, находятся за порогом нашего сознания.

5.1. Отчество, таким образом, обнаруживает тенденцию к тому, чтобы стать вторым личным именем, и по существу уравнивается с первым, отличаясь от него лишь местом, занимаемым в составном именовании.

Отсюда возможность рассмотренных выше трансформаций типа *Козьма-Демьян > Козьма Демьянович, Христофор Теодор > Христофор Фёдорович* и т. п.

Отсюда же — обычные ошибки в личных именовании, связанные с меной основ первого и второго имени (*Иван Павлович* вместо *Павел Иванович* и наоборот) и свидетельствующие о том, что усвоение именованья начинается с запоминания основ его компонентов при относительном безразличии к их месту, к их положению в модели. Соответственно в ситуации припоминания забытого имени память восстанавливает прежде всего компонирующие основы, ошибаясь в их локализации. Ср.: «— О, глядите, и *Варфоломей Сергееч...* — *Сергей Варфоломеевич*, — поправил Григорий Назарович. — Ну, это я извиняюсь, — не сильно смутился председатель колхоза. — Редко видимся...» (П. Нилин. Знакомство с Тишковым). Явление это настолько обычно, что рассеянных людей приходится специально предостерегать о возможности такой ошибки: «В. Каменский говорил мне, зная мою рассеянность: “Смотри, не спутай имя-отчество Анатолия Васильевича <Луначарского>, не скажи — *Василий Анатольевич...*”» (М. А. Лентулова. Воспоминания). Ср. в этой связи также былинные варианты типа *Змей Тугаринович* и *Тугарин Змеевич, Дунай Иванович* и *Иван Дунаевич* и т. п., естественно возникающие в условиях устного бытования былин³⁸.

Заслуживает быть отмеченным и прием шуточной характеристики лица при помощи апеллятивов или антропонимов с нарицательно-характеризующим значением, замещающих на равных правах либо первое имя, либо основу второго. Ср.: «Дорогая графиня *Пре-*

лесть Александровна!» (В. А. Жуковский в письмах к Софье Александровне Бобринской // «Прометей». Вып. 10. М., 1974. С. 271), *Бейрон* Сергеевич вместо Александр Сергеевич (В. А. Жуковский — А. С. Пушкину, сентябрь 1825); *Калибан* Венедиктович вместо Фаддей Венедиктович (А. С. Грибоедов — Ф. В. Булгарину, лето 1826); *Ловлас* Николаевич вместо Алексей Николаевич (А. Пушкин — А. Н. Вульф, 16 октября 1829), *Пиндар* Романович вместо Гаврила Романович (<граф А. Хвостов о Державине> Русская старина, 1878. Кн. 9. С. 118); *Юпитер* Григорьевич вместо Николай Григорьевич (<о Н. Г. Рубинштейне> Н. Ф. Мекк — П. И. Чайковскому, 14 января 1880). И с другой стороны: Николай *Гомерович* вместо Николай Иванович (В. А. Жуковский — Н. И. Гнедичу, 1827), Леонид *Лоэнгринович* вместо Леонид *Витальевич* (<о Л. В. Собинове> — В. Маяковский, Сергею Есенину, 1826) и мн. др. под.³⁹

5.2. Таким образом, пусть эфемерно, пусть на время и для определенных условий функционирования, но отчество освобождается все же от апеллятивных элементов значения, от избыточных для антропонима признаков мотивированности значения и образования.

В связи с этим суффиксы *-ович*, *-овна* и их варианты утрачивают свое патронимическое значение и получают служебно-техническую функцию — функцию суффиксов личного имени, занимающего в составном именовании лица второе место. Значение отчеств при этом становится значимостью, а образование — остаточной членимостью, подобно тому, как это характерно для фамильных имен различных регулярных типов⁴⁰.

Отсюда — возможность самостоятельного употребления отчеств в эллиптированных реализациях двухкомпонентной модели «имя + отчество» и их способность соединяться с квалификаторами типа *дядя* (*дяденька*), *тетя* (*тетенька*) и т. п. Ср.: «...ветер набросился на нее <Катюшу Маслову>, срывая с головы ее платок и облепляя с одной стороны платьем ее ноги. Платок снесло с нее ветром, но она все бежала. — *Тетенька Михайловна!* — кричала девочка, едва поспевая за нею. — Платок потеряли!..» (Л. Н. Толстой. Воскресение, 1, XXXVII, 1899); «В доме Голутвина все без исключения Мельникова называли *Витальичем*. Даже дочь — *дядя Витальич*» (О. Попцов. И власти плен, XVIII). Отсюда же последнее использование их в качестве образца соответствующей

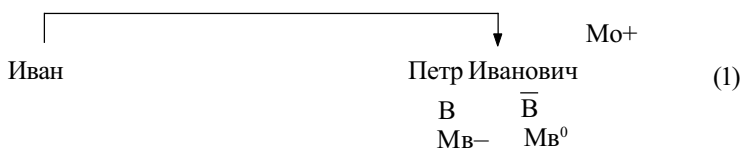
трансформации фамильных имен. Ср. широко распространенные в известных ситуациях общения и столь же широко отраженные в языке художественной литературы трансформации типа *Бекетов* → *Бекетыч* (С. Дангулов. Кузнецкий мост), *Собаچارов* → *Собаচারыч* (В. Шефнер. Змеиный день), *Катасонов* → *Катасоныч* (В. Богомолов. Иван) и т. п.

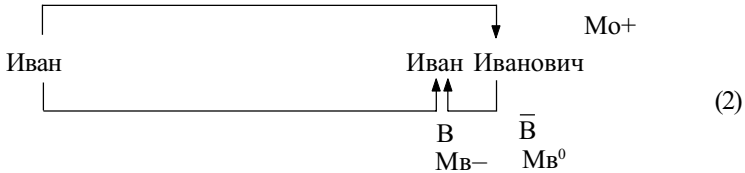
Образование подобных трансформов также и для фамилий со стандартными лично-именными антропонимическими основами типа *Егорыч* < *Егоров*, *Романыч* < *Романов* и т. п., а также для личных имен и их уменьшительно-ласкательных производных (*Михалыч* < *Михаил*, *Димыч* < *Дима*)⁴¹, еще более подрывает принцип единственности, предопределенности отчеств и создает для них — пусть только в неофициальной сфере — хотя бы эфемерную возможность выбора, т. е. тот самый признак, наличие которого принципиально отличает первое личное имя от всех других типов антропонимических единиц.

Дальнейшее развитие описанных выше отношений связано с таутонимическими реализациями рассматриваемой модели.

6.0. Таутонимические реализации представляют особый интерес, поскольку тождество основ личного и патронимического имени создает особые отношения между ними, существенно отличающиеся от отношений между компонентами гетеронимических реализаций, рассмотренных выше.

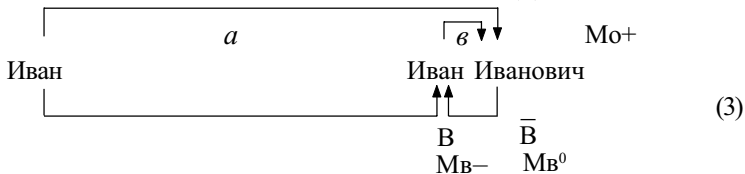
6.1. Обусловленные экстралингвистическим обычаем наречения сына (как правило — старшего сына, в редких случаях также и дочери) по отцу, таутонимические именованья типа *Иван Иванович*, *Александра Александровна* и т. п. отличаются тем, что мотивированность выбора как признак первого личного имени получает в их составе открытое, эксплицитное выражение:

Очевидно, что в именовании типа *Иван Иванович* выбор имени мотивирован именем отца (*Иван Иванович* с точки зрения изначальных отношений значит ‘сын Ивана, названный в его честь Иваном’⁴²) и, следовательно, мотивированность этого выбора выражена именем *Иван* в основе отчества.

6.2. Этим, однако, не исчерпывается специфика таутонимических именовании. Другая важная их особенность состоит в том, что личное имя, повторяющее имя отца его носителя, дополнительно мотивирует образование отчества. Учитывая это, отношения между компонентами таутонимических именовании следует представить более полно, чем это показано на схеме (2).

Самое существенное здесь — это наличие двойной связи, мотивирующей образование патронимического имени. При этом основная для именовании рассматриваемой модели мотивирующая связь *a* является слабой, парадигматической связью между отчеством и именем отца его носителя. Дополнительная же связь *б*, характерная исключительно для таутонимических именовании, оказывается сильной, синтагматической связью между двумя соседними именами в составе одного образования.

6.3. Выдвижение этой дополнительной связи на передний план и даже возможное превращение ее в основную, совершающееся при некоторых специфических условиях, существенно перестраивает отношения между компонентами именовании:

Нетрудно убедиться, что общая тенденция развития патронимических имен, описанная выше, получает здесь особо благоприятные возможности. Патронимическая семантика отчества в таких случаях предельно ослабевает или даже вообще опустошается, и отчество становится вторым личным именем, выбор которого однозначно мотивируется первым. Связи, мотивирующие образование и выбор патронимического имени, совпадают по направлению, образуя круг, в котором отчество, лишенное внешних связей, замыкается на личном имени и обнаруживает тенденцию к превращению в элемент тавтологического сочетания, наделенный функцией усиления.

Механизм связей, показанных схемой (3), действует не только в обычных актах таутонимического наречения, но и в последующей жизни таутонимических именованний, хотя в зависимости от тех или иных условий их использования может происходить и происходит пульсирующее переключение (3) ↔ (4), поскольку связи этого типа виртуально существуют в сознании говорящих.

7.0. Прямое обращение к механизму (4) в естественных условиях возможно лишь в актах наречения, связанных с такими критическими ситуациями, когда имя отца неизвестно или сознательно отводится. Ср., например, описание двух ситуаций наречения:

1) «В ближайший день, когда мать выходила на работу в вечернюю смену, решили нести его регистрировать.

— Как назовем-то? — осторожно спросила мать. Валя оглянулась на мать. Чего та ждала от нее? Может быть, про себя мать уже перебрала десятки имен, ни на одном не остановившись и зная, что все равно дочь назовет по-своему. — *Вадимом* назовем, — сказала Валя. Увидела, как в молчании дрогнули у матери губы. Отвернувшись, Валя добавила: — Имя красивое. Нравится мне. — Строгая девушка в загсе спросила: — Отчество как записать? — Валя, не глядя на мать, твердо ответила: — *Вадимычем...*» (А. Минчковский. Третий лишний // Аврора. 1973. № 12. С. 49);

2) «Сына Анечка назвала *Андреем*. И отчество дала ему такое же: *Андреевич*. Ей нравились эти сочетания одинаковых имен, звучало это, по ее мнению, очень весомо и артистично. Ведь есть же такой известный артист: Роман Романов. Или известный писатель: Сергей Сергеевич. Может быть, и ее *Андрей Андреевич* будет такой же яркой звездой, кто знает?» (С. Островой. Кикимора // Юность. 1973. № 11. С. 37).

В обоих случаях обстановка наречения «без отца». Но в первом — наречение с опорой на имя отца и в его честь. Во втором же — отец случайный, подлинное его имя неизвестно, а названное им недостоверно, неприятно и потому отвергнуто. Здесь открыто действует схема (4), с явной ситуацией свободного выбора отчества и эстетической мотивировкой его. В первом же случае работает механизм связей (3), замаскированный для непосвященных под ситуацию свободного выбора.

7.1. Однако наиболее чистым видом наречения «без отца» оказывается наречение детей «без роду без племени», от рождения лишенных семейных связей или волею обстоятельств насильственно вырванных из них. И если учесть, что в государственных актах семейного права, где нормы, регламентирующие присвоение отчества, составляют наименее разработанный раздел [Белых 1970 : 17—18], указанная ситуация вообще не предусмотрена, то будет очевидно, что наречение «без отца» в этой чистой его форме — это тот самый случай, когда нарекающим предоставляется полная и, казалось бы, ничем не ограниченная свобода выбора отчества.

Тем более показательно, что возникающая в этой ситуации неопределенность выбора отчества стихийно разрешается, как правило, естественным и не вынужденным обращением нарекающих к механизму связей типа (4). Для круглых сирот избираются основанные на «круге» таутономические («круглые» — по народной терминологии) именованья ⁴³.

Так, в одном из вариантов былины об Илье Муромце и сыне его Сокольнике, не знающем своего отца, этот незаконнорожденный, «сколотыш», называет себя... *Ерусланом Еруслановичем* (см.: Былины Севера. Т. II. М.; Л., 1951. С. 675). Так в русских сказках сироты нередко именуются и именуют себя таутономическими именованьями: «Был некто *Елизар Елизарович*, был круглой сирота, не отца не матери...» (*Н. Е. Ончуков*. Северные сказки. СПб., 1908. № 268. С. 548). Таков же *Иван Иванович* по прозвищу *Знайден* («найденыш») в одной из белорусских сказок (*Е. Р. Романов*. Белорусский сборник. Вып. VI. Могилев, 1901. С. 23).

То же в русской художественной литературе, где таутономы выступают нередко как сиротские имена, отражая действительное, объективное явление русской антропонимической жизни: «Рос он <*Аннушкин Митрий Митриевич*> безотцовщиной. Отца не знал

совсем. Мать померла, когда ему и десяти не было...» (*Н. Жернаков*. Трое во ржи // Нева. 1974. № 6. С. 164).

Ср. развернутое ретроспективное описание детдомовского варианта наречения «без отца»: «В стороне, в снегу, лежал деревянный обелиск — он сразу бросался в глаза, потому что был выкрашен в красный цвет. На нем белела табличка с надписью “Красноармеец Семьянинов Григорий Григорьевич. 1919—1940”. Странно было это величанье по отчеству. Я как-то и не думал раньше о том, что у Гришки есть отчество, хотя, конечно, знал, что в паспорте оно есть, и именно Григорьевич. У нас с ним были отчества по нашим же именам, — ведь никто не знал, как зовут наших отцов, и при выдаче паспортов мы как бы стали сами себе отцами...» (*В. Шефнер*. Сестра печали, 6). Это — литература. А вот отражаемая ею жизнь: «Есть в Суздале человек почти забытой профессии — звонарь. Его имя, отчество, фамилия — Юрий Юрьевич Юрьев. Так в военную годину окрестили его, малыша, не помнящего родителей, погибших в Ленинграде...» (Советская культура, 26 мая 1987 г.). Ср. здесь же именованья завуча техникума — Петра Петровича и преподавателя военного дела Юрия Юрьевича, о первом из которых выясняется, что он был «вроде нас — без роду без племени, воспитывался еще в царское время в благотворительном приюте для подкидышей».

7.2. Описанные выше различия между двумя механизмами образования таутонимических именованний обнаруживаются только в акте наречения и в последующей их антропонимической жизни оказываются несущественными. Однако несущественное в обычном, общеупотребительном языке может оказаться и действительно оказывается существенным в художественной поэтической речи. Здесь углубляется также и противопоставление таутонимических и гетеронимических именованний. Те и другие обнаруживают особые потенции художественного преобразования и используются художниками слова для того или иного членения антропонимического и — шире — ономастического пространства художественных текстов (см. об этом в работах [Пеньковский 1986-б, 1988, 1989-а, 1989-б], а также в наст. изд., с. 366—369, 370—394).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Предполагая посвятить этой последней проблеме специальное исследование, отмечу здесь только одно принципиально важное положение: в художественном тексте любое личное именование, не переставая быть самим собой, преобразуется в личное имя. Именно этим объясняется возможность этимологического анализа таких именований применительно к их носителям, что для естественных образований бессмысленно. Именование и имя — таковы те два полюса, между которыми в восприятии читателя и слушателя создается пульсирующее напряжение большей или меньшей мощности, которое и обеспечивает необходимый художественный эффект.

² В беглых, аллегорных стилях речи к этому изменению в мужских и женских именовании определенной фонетической структуры присоединяется явление фонетической компрессии. Ср.: *Александр Александрович* — *Сан-Саныч* или *Сан-Санч*, *Марья Ивановна* — *Марь-Ванна*, *Людмила Александровна* — *Л-Санна* и т. п. Особенно показательно, что женские именованья такого типа свободно образуют известные разговорные звательные формы. Ср.: *Марья Ивановна* — *Марь-Ванна* — *Марь-Ванн!*; *Анна Александровна* — *Анн-Санна* — *Анн-Санн!* и т. п.

³ От аббревиатурных имен как «стационарных» образований, обладающих всеми основными признаками слова, следует отличать возникающие в определенных речевых ситуациях окказиональные устные воспроизведения буквенных двучленов, состоящих из инициалов имени и отчества. Ср.: — Вот и еще хотел я вас спросить <...> Скажите, Александр Николаевич, как собственно звали вашего отца? Николай... — Николай Евгеньевич. — *Эн Е*, значит? Да, так и тот офицер назван: *Н. Е. Погодин*. Это я в одной старой газетке прочел про некий печальный случай: офицер *Н. Е. Погодин* зарубил шашкой какого-то студентика!.. (Л. Андреев. *Сашка Жегулев*, I, 2). То же в случае устного или письменного воспроизведения инициалов имени и фамилии. Ср. в резком отзыве В. В. Гиппиуса о книге И. Коневского: «Зачем взял эпитафию из меня, когда я еще не печатал? да еще подписал не именем — *Веге?* за что?..» (в письме Ф. Сологубу 15 декабря 1899 г. // Ежегодник Пушкинского Дома на 1977. Л., 1979. С. 84). То же самое явление запрограммированно имеет место при устном воспроизведении стихотворных текстов с инициальными обозначениями лиц. Ср. в тексте так называемого «Альбома Онегина»: «Вчера у В., оставя пир, / *R. C.* летела, как зефир» (*А. С. Пушкин*. Собр. соч. в 10 т. М., 1950. Т. V. С. 542), где «*R. C.*» — по правилам французского чтения должно воспроизводиться как [эр-сэ] (см. обоснование этого в [Пеньковский 1999 : 282]).

⁴ Ср. развернутое описание этого типа личного именованья в партийной среде с журналистски разоблачительной, но совершенно ложной его

мотивировкой: «Практика нашей общественной жизни давно породила такой термин — “первое лицо”. Так вот, отношения этого первого лица и его аппарата, всей его “королевской раги” достаточно непросты и неоднозначны <...> Даже называть первое лицо, общаясь в своем кругу, в неофициальной обстановке, они не решаются ни по фамилии, ни по имени-отчеству, а только — двумя буквами его инициалов. Так же и здесь, в Новосибирске, правил сперва “Эфэс” — Ф. С. Горячев, а затем “Апэ” — А. П. Филатов. Старожилы так называемого “обкомовского квартала” до сих пор вспоминают исторические променады “Эфэса”...» (Правда, 11 октября 1988 г.)

⁵ Такое же раскрытие аббревиатуры — правда, полученной лишь мысленно, — объясняет и переход от «такой матери», к которой «посылают» в общеизвестном обценном выражении к эвфемистически вполне благопристойной «Евгении Марковне». Ср.: «Когда говорят “Еж твою двадцать”, “Японский бог”, посылают к “Евгении Марковне” — собеседник в уме осознанно и подсознательно, но переводит и слышит, вернее, понимает сие как каноническое ругательство. Но прямо нельзя — неприлично...» (Ю. Крепин. Когда опять вспоминается... // Вопросы литературы. 1999. № 9—10. С. 236). Случаи такого рода нужно отличать от поверхностно сходных результатов замены целостных компонентов именованья близкими им по звуковому составу на основе фонетической аттракции. Ср., например: *советская власть* → *Софья Власьевна*.

⁶ В прошлом такая перестановка была вполне обычной, во всяком случае в языке фольклорных жанров: «Да *Борисович Иван* / Поутру рано вставал, / Утру свету дожидал, / Он зоры не просыпал, / Он к соседу побежал, / Ко соседу ко Петру / Ко Тарасовичу. / Колотился под окном / Он толстым кулаком, / “Разбудися, мой сосед, / Да *Тарасович Петр!*”...» (Былины Севера. М.; Л., 1951. № 218. С. 167); «Что не стало у нас воеводы / *Васильевича князя Михаила...*» (П. Симоны. Песни, записанные для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг. // Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVII столетий. СПб., 1907. С. 2); «Уж ты, Аннушка, не убойся, / *Петровна Анна*, не страшися...» (Лирика русской свадьбы. М., 1985. С. 164) и др. под.

⁷ Если не иметь в виду некоторые частицы, которые более или менее свободно вводятся между компонентами любых фразеологизмов (ср.: «...через *Амалию же Ивановну...*» — Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание. Ч. 5. Гл. 2), то едва ли не единственным исключением оказывается народно-поэтическое, уважительно-величальное *свет*, используемое в разговорной речи как своего рода шутливо стилизующая вокативная частица: «— С золотишком вас, *Алексей свет Николаич*, — сказал Комлев...» (Ю. Сбитнев. До ледостава // Наш современник. 1973. № 5. С. 83); «— Хорошо, хорошо, — примирительно сказал Полуниин, подавляя улыбку, — прости, *Авдотья свет Рюриковна*, не знал твоей родословной...» (Ю. Слепу-

хин. Южный крест // Звезда. 1980. № 3. С. 45). Между тем в старом русском языке использовался, а в диалектной речи и в просторечии в этой позиции используется и сейчас широкий круг частиц, вводных слов, предметных имен и местоимений. Ср. в отражениях: «...старый буфетчик просил доложить его милости, что *Николай, дескать, Осипович и Авдотья, дескать, Бонифатьевна* Карпентовы покорно просят...» (В. А. Соллогуб. Сережа, 1838); «— Я ему и заикнулся: *Иван, дескать, Прохорыч!* Деньги-то больно плохи даешь...» (И. В. Селиванов. Перевоз, 1857); «— Скажи: *Серафима, мол, Ефимовна* приехали...» (П. Д. Боборыкин. Василий Теркин, 1, XXIII, 1892); «— Ну, какова же показалась вам моя Александра Михайловна и матушка ее Марья Абрамовна? — Ну что, моя голубка, — отвечал я: *Марья твоя Абрамовна* кажется мне боярыня умная и степенная, а и *Александра твоя Михайловна* девушка, кажется, изрядная...» (А. Т. Болотов. Жизнь и приключения, XI); «Приживалки и кумушки вопили страшными голосами, приговаривая затверженные речи: “Батюшка, кормилец, *Иван ты наш Федотыч*, на кого ты нас покинул?..”» (В. А. Соллогуб. Тарантас, 1840) и мн. др. под.

⁸ Ср., например, в тексте русской свадебной песни: «Ты, святой ли ты, *Козьма Демьян*, Да *Козьма* ли ты *Демьянович!*». Ср. также шутивное «Давненько я у *Фрола Лаврыча* не бывал» (о церкви святых Флора и Лавра), записанное нами в д. Малые Удолы Вязниковского района Владимирской области.

⁹ Естественна и понятна и обратная трансформация русских патронимических имен во второе личное имя в условиях приспособления русских двучленов рассматриваемой модели к нормам западноевропейского личного именования, не знающего и не использующего «отчество». Отмечу два «модуса» такого приспособления. Один, когда «чужое» русское приспосабливается к иноязычному «своему»: а) «*Quel soleil, hein, monsieur Kiril!*? (так звали Пьера <Петра Кирилловича Безухова> все французы)...» (Л. Н. Толстой. Война и мир, IV, 2, XI, 1863—1869); б) «Тут *Амалия Ивановна*, расшви-репев окончательно и ударяя кулаком по столу, принялась визжать, что она *Амаль—Иван*, а не *Людвиговна*...» (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание, 5, II, 1866); «— ...Он <француз Gigot> сейчас ко мне <говорит *Ольга Федотовна*> так прямо и летит, а сам шепчет: “Эскюзе, шер *Ольга Федот*”...» (Н. С. Лесков. Захудаль род, 2, 6, 1874). Другой, когда отчуждаемое «свое» в тех или иных целях приспосабливается к освоенному «чужому»: а) в России, в условиях активного русско-французского двуязычия: «...доносились до Петинной обрывки все того же, то тягучего и липкого, то тараторящего разговора об одних и тех же именах московских бар. — *Vous savez... Marie Paul vient d'arriver / — Pas possible! — Le prince Alexandre Michel* а eu un coup apoplexie foudroyante. — Это значило по-русски: “*Ма-*

рья Павловна” и “Александр Михайлович”. Давно известны ей эти московские вольности французского барского разговора. . .» (П. Д. Боборыкин. По чужим людям, 1897); б) в стране чужого языка в целях натурализации: «Мария Константиновна Башкирцева подписала свою картину “Молодая женщина, читающая «Развод» Дюма”, выставленную на парижской выставке 1880 г., псевдонимом Мари — Константин Рюсс» (О. Добровольский. Муся // Дружба народов. 1979. № 8. С. 230). Отсюда *Michel-Michel* — шутовское прозвищное именование Михаила Михайловича Нарышкина в кругу ссыльных декабристов: «. . . *Michel-Michel* явился с Сутгофом — а вслед за ним и Евгений-фотограф» (И. И. Пуцун — Н. Д. Фонвизиной, 24 сентября 1857 г.).

¹⁰ Этот факт может, вероятно, свидетельствовать об особом месте, которое занимают перечисленные животные герои в сказочном мире, выступая как связующее звено между двумя противопоставленными его частями — домом и лесом. Об этом противопоставлении см.: [Иванов, Топоров 1965]. Если это так, то последующее расширение указанного круга животных имен можно было бы рассматривать как проявление отхода от первоначальной традиции. Ср., например, такие образования, как *Зайчик Иваныч* в одноименной сказке А. М. Ремизова, *Зверь Иванович* (в обращении к лосенку — В. Шишков. Лесной житель), *Дробан Иванович* (в почтительном именовании коня (А. Платонов. Встреча в степи) или *Ворона Ивановна* в одноименном рассказе и сборнике Д. Горбунова (Ярославль, 1972).

¹¹ В этом отношении — при отсутствии для таких образований прочной орфографической традиции, что указывает на устный источник их проникновения в литературный язык, — чрезвычайно показательны расхождения в их написаниях. Это относится, конечно, и к рассмотренным выше именованьям-аббревиатурам.

¹² Отсюда специфический подбор фамилий к имени *Иван* в практике создания псевдонимов. Ср. *Иван Человеков* (псевдоним С. Д. Махалова), *Иван Русаков* (псевдоним В. Ф. Майстраха), *Иван Русопетов* (псевдоним К. Н. Леонтьева) и т. п. (см.: [Масанов 1958 : III, 39, 233]).

Иван как символическое имя входит в триаду личных имен «среднего русского» *Иван — Петр — Сидор*, образует соответственно-координативную пару с женским именем *Марья* и вместе с этим последним входит в двухкомпонентные именованья с символическими отчествами *Иванович / Ивановна, Петрович / Петровна* (но не *Сидорович / Сидоровна!*). Ср. *Иван Петрович, Петр Иванович — Марья Ивановна и Марья Петровна* как символические именованья «средних», типичных русских мужчин и женщин. Ср. в обращении опытного художника к начинающим: «Друзья мои золотые, научитесь сначала писать о двухэтажных домиках, о бараках, о комнатах в цветочных обоях, где живут *Петры Ивановичи* и *Марии Ивановны*, а

потом уже кидайтесь на сорок пять этажей!...)» (Ю. Трифонов. Долгое прощание). Или: «...получается так, что успех перестройки зависит от принципиальности *рядовых коммунистов* в борьбе с противниками перестройки, а руководящие партийные и советские органы вроде бы здесь ни при чем. “Давайте, мол, *Петр Иванович* и *Марья Ивановна*, — говорят они, — смелее боритесь со всякими бюрократами, не бойтесь, что вам сломают голову или хребет...”» (Правда, 13 февраля 1987). О триаде символических русских фамилий *Иванов*, *Петров*, *Сидоров* см. в работе [Клубков 2001 : 273—293].

¹³ Будучи органическим членом антропонимического ряда с символическим именем *Иван* во главе, — именем «среднего» русского, именование *Иван Иванович*, казалось бы, также должно было нести это символическое значение. Однако в русском культурно-языковом сознании оно было изначально связано с древней фольклорной традицией использования подобных образований (см. ниже) как знаков «чужого мира» и имен принадлежащих ему «смешных страшилищ» (см. об этом в работах [Пеньковский 1986-6, 1988, 1989—а]) и стало освобождаться от этой семантики лишь во второй половине XIX в.

Именно в эти годы на этом антропонимическом поле были проложены дорожки к стоявшим на краю русских сел «гостеприимным» питейным заведениям с «заветною елкой» над крыльцом (В. А. Соллогуб. Аптекарьша, 1841; Тарантас, 1845), которые сначала получили имя «Ивана под елкой» (Воскресные посиделки. Книжка для доброго народа русского. Первый пяток. СПб., 1844. С. 25), а затем стали называться «*иван-ёлкин*» [Даль 1881 : I, 519] и шутивно-уважительно *Иван Иванович Ёлкин* (А. И. Левитов. Сцены и типы сельской ярмарки, II, 1856—1860).

К этому же времени относятся первые примеры употребления этого именованья в стандартном символическом значении: «*Иван Иванович* на вечере (под этим именем представляю вам подразумевать на выбор ваш какого-нибудь кавалериста или молодого франта во фраке). Входит хорошенькая женщина...» (А. С. Даргомьжский — Л. И. Кармалиной, 6 декабря 1856 // Русская старина. 1875. Кн. 7. С. 419); «Довольно странно, что мы часто не можем ответить на самый простой вопрос из обыденной жизни... Спросите: зачем сюда приехал *Иван Иванович* такой-то? Сотни человек ответят вам: не знаю. Спросите: что такое жизнь? И ответы посыпятся <sic!> к вам со всех сторон...» (Из бумаг кн. В. Ф. Одоевского <60-е г.> // Русский архив. 1874. Кн. 1. Вып. 2. С. 356—357). С этого же времени именование *Иван Иванович* присваивается фигуре «рассказчика» (например, в очерках А. И. Левитова конца 50-х — начала 60-х гг.), которого ранее (достаточно вспомнить пушкинские «Повести Белкина») именовали обычно *Иваном Петровичем*. Такова же фигура собеседника рассказчика — например, у А. Григорьева («Беседы с Иваном Ивановичем о современной нашей сло-

весности...», 1860) и др. В современном языке использование этого именованья для символического обозначения «среднего» взрослого русского является нормой. Ср.: «...когда двое вступают в близкие приятельские отношения, дистанция между ними уменьшается (они “на короткой ноге”), и потому формы речевого общения между ними резко меняются: появляется фамильярное “ты”, меняется форма обращения и имени (*Иван Иванович* превращается в *Ваню* или *Ваньку*), иногда имя заменяется прозвищем...» (*М. М. Бахтин*. Франсуа Рабле и народная смеховая культура Средневековья. М., 1955. С. 20).

Замечу, однако, что в советской литературе (особенно широко и последовательно у М. Булгакова), в газетной и журнальной публицистике (а отсюда и в массовом культурном сознании), начиная с конца 30-х гг., наблюдается стихийное, неосознанно «фрондирующее» (и, к счастью, ускользнувшее от недреманого ока советской идеологической охраны) возвращение к забытой почти на век семантике, и *Иван Иванович* входит в открытый ряд «мифологических» (как правило, б е с ф а м и л ь н ы х) именованья начальственных персонажей второго и третьего плана, представителей, хотя и не высшей, но достаточно высокой власти — секретарей ЦК национальных республик, крайкомов, обкомов и райкомов, министров, начальников главков и трестов, директоров заводов, главных редакторов газет и журналов, главных режиссеров и т. п. аналогов «смешных страшилищ» «чужого мира» былинной эпохи. Вот показательный пример: «— Какие же преступления вас пришлось расследовать? — Бандитизм и... — Сидоренко поморщился, — в основном взятки. Последние три года в составе бригады Прокуратуры СССР расследую факты коррупции в государственном и партийном аппарате ряда республик. <...> На допросе говоришь обвиняемому: Что, **Иван Иванович**, не повезло вам? Да-да, *Юрий Георгиевич*, ужасно не повезло! — сокрушается он, пребывая в незыблемой уверенности, что взятки берут все без исключения, а то, что он очутился за решеткой, — роковая случайность <...> — До сих пор не опомнюсь! Вам не позавидуешь, — констатирую я и предлагаю ему сигарету. Не говорите! — Он закуривает и спрашивает: — Так на чем мы остановились? — На том, что вы взяли у **Петра Петровича** пятнадцать тысяч рублей за назначение **Семена Семеновича** председателем облпотребсоюза. Сволота ваш Петр Петрович, огьявленный негодяй! — слышу в ответ. — Засудите его, Юрий Георгиевич, строжайшим образом накажите, чтобы другим неповадно было! <...> На смену **Ивану Ивановичу** вызываешь на допрос какого-нибудь **Султана Султановича**, и так день за днем...» (*К. Столяров*. Профессионалы <документальный очерк> // Неделя. 1989. № 23. С. 11). Или: «Это раньше нужно было писать для **Ивана Ивановича** или **Георге Георгиевича** в надежде на лавры, теперь всем и каждому нужно писать для читателя» (*Думитру Матковски*.

Нарушитель в заказнике // Литературная газета. 4 февраля 1987); «Сколько я повидал приемных, где ходят вокруг стола секретарши, чтобы попасть на прием к первому. “У **Ивана Ивановича** разговор с Москвой”. “**Сидор Сидорович** работает с документами”. “**Петр Петрович** ждет делегацию”. Я не иронизирую. Масштаб работы первого лица заставляет нас безропотно принимать такой порядок вещей. Но теперь я знаю приемную, где ничто не дает тебе почувствовать: “Вас много, а я один”. Чтобы попасть к Клецову достаточно спросить: “У *Леонида Герасимовича* никого?” — “Никого”. Заходи смело...» (Правда, 12 июля 1987); «Если писать о народе, а на самом деле о руководимом **Иваном Ивановичем** районе, да еще с мыслью заслужить от **Ивана Ивановича** и прочих инстанций благодарность, то, кроме лести, ничего не будет» (Советская культура, 16 февраля 1989). Ср. также: «*Человек от Ивана Ивановича — это звучит гордо!*» (С. Ципин. Случайные мысли // Литературная газета. 26 октября 1989. С. 16). Или: «Из законченных следствием дел суды отбирают *дело Ивана, но не Ивана Ивановича...*» (Спутник. 1989. № 7. С. 48 — в заметке В. Олейника, следователя по особо важным делам прокуратуры СССР) и др.

Любопытно, что по той же логике «*Иван-Ивановичами*» в сталинских лагерях называли и н т е л л и г е н т о в как представителей другого мира — также «чужого» для значительной части лагерных заключенных (Е. Сидоров. О Варламе Шаламове и его прозе // Огонек. 1989. № 22. С. 13).

¹⁴ Закрепление за этими именами этнонимизирующе-типизирующей функции в русской литературе восходит к середине — концу XVIII в. Ср. в «Сатирическом вестнике» Н. Н. Стрехова (1790) извещение о «продаже ходуль для низкорослых девушек» от имени *Франца Карла*, французского башмачника в Москве (Русская сатирическая проза XVIII века. Л., 1986. С. 138). Тогда же рядом с *Ивановичами* и *Карловичами*, *Иванами Ивановичами* и *Карлами Карловичами* появились и другие претенденты на статус этнонимизирующих знаков, но выдержали конкурс и вошли в употребление, и то лишь на вторых и третьих ролях, только *Адамовичи* и *Адамы Адамовичи* (начиная с *Адама Адамовича Вральмана* в фонвизинском «Недоросле») и совсем уже редкие *Богдановичи* и *Богданы Богдановичи* (от *Богдан* как русского соответствия немецким *Готлибам*).

¹⁵ О том, насколько тесно были связаны в русском культурном сознании патронимы *Иванович* и *Карлович*, свидетельствует приводимый ниже текст: «Наследник поднял бокал и провозгласил мое здоровье, назвав меня по имени, и потом вдруг запнулся, забыв отчество Якова *Карловича*, и шепнул сидевшему напротив Я. Ростовцеву: “Напомни”. Тот же на первой букве “Я” так долго заикался, что Наследник поспешно назвал жениха моего Яковом *Ивановичем*» (Н. Грот. Воспоминания // Русский архив. 1899. Кн. 1. Вып. 3. С. 476). Показательны также случаи подмены одного отчества дру-

гим у разных авторов. Так, в рассказе В. Ф. Одоевского «Живой мертвец» (1844) любовница героя, дама полусвета, Каролина *Карловна*, в другом месте этого же текста оказывается Каролиной *Ивановной* (В. Ф. Одоевский. Последний квартет Бетховена. Повести, рассказы, очерки. М., 1982. С. 219, 223).

¹⁶ Вот далеко не полный перечень такого рода литературных *Ивановичей* и *Карловичей*, рядом с которыми идут *Ивановны* и *Карловны*:

Ивановичи и *Ивановны*: «Август Иванович, “худой и тощий немец” с длинным носом и с длинными тонкими ногами» (В. А. Слепцов. Письма об Осташкове, 8, 1862); Адам Иваныч Шааф, немец-гувернер (И. С. Тургенев. Месяц в деревне, 1850); «Адам Иваныч Шульц, “маленький, кругленький и чрезвычайно опрятный немчин”, “приезжий гость, купец из Риги”» (Ф. М. Достоевский. Униженные и оскорбленные, I, 1, 1861); «Адольф Иваныч Клейн, “немецкий кулак”, в прошлом содержатель дома терпимости в Петербурге» (Г. Успенский. Из деревенского дневника, 1877—1880); «Амалия Ивановна Липпехель, квартирная хозяйка Катерины Ивановны Мармеладовой, которая намеренно называет ее Амалией Людвиговной» (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание, 2, VII, 1866); Бьянка Ивановна Жевузем, владелица частного пансиона (А. П. Чехов. В пансионе); «Вот-он (Оттон?) Иванович, “управитель, <...> немец или француз из Митавы” (О. Сомов. Кикимора, 1830); Ганс Иванович, немец, управляющий сахарным заводом (Б. Васильев. Были и небыли); Григорий Иванович Клевер, “сын какого-то оптика из Риги”, тайный советник, который “покровительствовал немцам по службе, но вне службы казался русским с головы до пят и дома даже не говорил по-немецки, даже иногда слово *немец* в ругательном смысле употреблять любил” (Я. Полонский. Женитьба Атуева, VIII, 1869); немец Карл Иваныч (А. И. Полежаев. Рассказ Кузьмы, или вечер в «Кенигсберге», 1825); Карл Иванович Мейер, немец, содержатель московского пансиона, в котором учился повествователь (А. С. Пушкин. История села Горюхина); Карл Иванович, полковой доктор (В. А. Соллогуб. Тарантас, 1840), Карл Иванович, камердинер (А. И. Герцен. Записки одного молодого человека, 1840); Карл Иваныч, управляющий из немцев (Д. В. Григорович. Антон-горемыка, 1847); Карл Иваныч — немец-управляющий, «мозглый такой старичонка, а преехидный, и уж какой деушник, просто беда...» (М. М. Михайлов. Шелковый платок, 1856); немец Карл Иваныч, выписанный из Риги, «чтоб он княжовский дом живописью украсил» (П. И. Мельников-Печерский. Именинный пирог, 1859); Карл Иваныч, немец, врач (А. Ф. Писемский. Тюфяк, I, 1851); Карл Иванович Вебер, немец, коннозаводчик (Г. П. Данилевский. Беглые в Малороссии, 1862); немец Карл Иванович, управляющий фабрикой (И. Ф. Горбунов. В дороге, 1865); «Суханчикова говорила о каком-то Карле Ивановиче, которого высекли собственные дворовые» (И. С. Тургенев. Дым, IV, 1867); петербургский немец

Карл Иванович вместе с его отцом Иваном Карловичем (В. В. Крестовский. Петербургские трущобы, 1864—1867); «какой-то Карл Иванович, которого высекли его собственные дворовые» (И. С. Тургенев. Дым, V, 1867); Карл Иваныч, аптекарь (М. Е. Салтыков-Щедрин. Благонамеренные речи, 1872—1876; Письма к тетеньке, 1881—1882); Карл Иванович Шустерле, управляющий имением (Карл Терле [А. М. Герсон]. Письмо поступившего в управляющие имением к своему господину // Развлечение, 1879, № 5. С. 32); англичанин Карл Иванович, фабрикант (В. Солоухин. Паша); обрусевший немец Карл Иванович, «до колхозов» — владелец мельницы (В. Марченко. Карлушина мельница, 1979); Каролина Ивановна, «дама, кажется, немецкого происхождения», «к которой он <одно значительное лицо> чувствовал совершенно приятельские отношения» (Н. В. Гоголь. Шинель, 1842); Каролина Ивановна, кухмистерша, обрусевшая немка (Ф. М. Достоевский. Двойник, 1846); Каролина Ивановна, «русская немка» (Я. Бутков. Первое число, 1845); Крестьян Иванович Рутеншпиц, «доктор медицины и хирургии» (Ф. М. Достоевский. Двойник, 1846); француз Луи Иванович (И. А. Бунин. Суходол, 1912); Луиза (Лавиза) Ивановна, содержательница публичного дома (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание, 1866); Минна Ивановна, обрусевшая немка (А. Вербицкая. Дух времени, 1907); немец Франц Иваныч, аптекарь (В. А. Соллогуб. Аптекарьша, 1841), Франц Иваныч Лежён, француз из Орлеана, барабанщик Наполеона, попавший в русский плен (И. С. Тургенев. Отодворец Овсяников, 1847); Франц Иваныч Раух, небогатый помещик (В. Закруткин. Сотворение мира, IV, 1); Христиан Иванович Гибнер, немец-врач (Н. В. Гоголь. Ревизор, 1836); Шарлотта Ивановна, гувернантка (А. П. Чехов. Вишневы сад, 1903); приехавшая в Россию финка Эльса (Лизавета) Ивановна (В. Ф. Одоевский. Саламандра, 1841) и др.

Карловичи и Карловны: Август Карлыч, немец-управляющий (Г. Успенский. Очерки провинциальных нравов, 1867), Август Карлович Зауэр, немец-лекарь (Н. В. Федоров-Омулевский. Попытка — не шутка, 1, IV, 1873); Аврора Карловна, начальница пансиона (И. Ф. Горбунов. Купеческое житье, 1861); Адам Карлыч, полковой лекарь (М. Н. Загоскин. Предсказание, 1845); «какой-нибудь друг дома Адам Карлович» (И. И. Панаев. Великосветский хлыщ, 1854); Адам Карлович Либенталь, «молодой немец не без резвоух временисти» (К. Прутков. Фантазия, 1851); Амалия Карловна, французенка m-lle Bougienne (Л. Н. Толстой. Война и мир, 3, 2, X, 1863—1869), Амалья Карловна, аптекарьша (Н. В. Успенский. Заячья совесть. 3, 1885); Амалия Карловна, немка, содержательница гостиницы (П. Д. Боборыкин. Без мужей, 1897), Анна Карловна Штейн, жена приказчика (Ф. Дершау. Лука Лукич, 1845); Анна Карловна, немка, содержательница золотошвейной мастерской (М. Михайлов. Голубые глазки, 1855), Анна Карловна, немка-гу-

вернантка (С. Терпигорев. Марфинькино счастье, 1870-е гг.), Антон Карлыч Центелер (И. С. Тургенев. Затишье, 1854); Антон Карлович Десарт, учитель французского языка (Я. П. Полонский. Признания Сергея Чальгина, III, 1867); Василий Карлович, немец-управляющий в имении князя Нехлюдова (Л. Н. Толстой. Воскресение, 1889—1899); Виктор Карлович, доктор-немец (Г. Немченко. Проникающее ранение, 1985); Гедвига (Едвиг) Карловна, немка-экономка в аристократическом доме (А. И. Эртель. Гарденины, 1, I, 1889); Генриетта Карловна, гувернантка (М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина, 1887); Григорий Карлович, немец-управляющий (А. Н. Толстой. Хождение по мукам, 2, 4); Густав Карлович, губернский стряпчий (В. К. Кюхельбекер. Последний Колонна, 2, 16, 1843); управляющий, «блудный немец», агроном Иван Карлович (Ф. М. Достоевский. Униженные и оскорбленные, 1, 2, 1861); Иван Карлович Швей, старший мастер на сталелитейном заводе (А. П. Чехов. Добрый немец); садовник Иван Карлович (А. П. Чехов. Черный монах, 1894); инженер депо Иван Карлович, «из немцев, важный и строгий господин» (А. Рыбаков. Тяжелый песок); Карл Карлович Брокман, немец, врач (Г. Квитка-Основьяненко. Мертвец-шалун, 1828); Карл Карлович, немец из Сарепты, учитель музыки (А. И. Герцен. Записки одного молодого человека, 1840), немец Карло Карлыч Линдамандол, управляющий (И. С. Тургенев. Контора, 1847); латыш Карл Карлыч, управляющий (С. Безыменный. Прошлое лето в деревне, IX, 1862); немец Карл Карлыч, винокур (А. И. Эртель. Гарденины, 2, XIV, 1889); немец Карл Карлыч, учитель (Л. Н. Толстой. Зараженное семейство, 1, 6); Карл Карлович, «аккуратный» немец-садовник (К. Станюкович. Побег, 1885); немец Карл Карлович Фюнф (А. П. Чехов. Корреспондент); «сухой и бледный» Карл Карлович, учитель (А. П. Чехов. Событие), Карл Карлович Шульмер, чиновник (Ф. Ф. Тютчев. Кто прав?, 1893); немец-управляющий Карл Карлович (П. Мирный. Лихо давне й сьогочасне, 1897), Карл Карлович, управляющий (Н. Кочин. Девки, 4), Карла Карлыч, немец-управляющий (И. Соколов-Микитов. Елень); Карл Карлович, старый поселенец из каторжан... (А. Ананьев. Танки идут ромбом, 17); Каролина Карловна, дама полусвета (В. Ф. Одоевский. Живой мертвец, 1844); Каролина Карловна, немка-гувернантка в барском доме (М. Вовчок. Игрушечка, 1859); Каролина Карловна, дама полусвета, устраивающая карьеры (М. Е. Салтыков-Щедрин. Жених, 1885); французенка Лина Карловна, содержанка богатого купца (И. И. Панаев. Шарлотта Федоровна, 1857); Луиза Карловна, дама полусвета (А. Григорьев. Другой из многих, 1847); Луиза Карловна, немка-гувернантка (Я. Полонский. Признания Сергея Чальгина, 1867); Марья Карловна, жена «сапожных дел мастера» (В. А. Соллогуб. История двух калош, 1839); Марья Карловна Штейн, дочь приказчика (Ф. Дершау. Лука Лукич, 1845); Марья Карловна, приживалка в доме Ростовых (Л. Н. Толстой. Война и мир, 1863—1869); Марья Карловна, надсмотр-

щица в тюрьме (Л. Н. Толстой. Воскресение, 1889—1899); Матильда Карловна, жена управляющего (И. Ф. Горбунов. Из деревни, 1, 1861); «чухонка»-кофейница, Мина Карловна мадам Шнапгельд, «родом из Выборга», приехавшая в Москву из Риги, гадалщица на кофейной гуще (Ф. В. Ростопчин. Ох, французы! XL); Минна Карловна Шандау, владелица булочной (И. Эренбург. Рвач, 1926); Минна Карловна, домовладелица (М. Кузмин. Форель разбивает лед, 1929); Михаил Карлович, садовник в графской усадьбе, которого «все почему-то считали немцем, хотя он был швед» (А. П. Чехов. Рассказ старшего садовника, 1894), Родион Карлыч фон-Фонк, «обруселый немец» (И. С. Тургенев. Холостяк, 1849); Роза Карловна, рижская немка, содержательница наемных комнат (В. Брюсов. Обручение Даши); Сергей Карлыч Менсбир, игрок (А. Григорьев. Один из многих, 1846); Федор Карлович Кригер (Ф. М. Достоевский. Униженные и оскорбленные, 1, 1); Федор Карлович. скрипач в кафе-шантане (В. Гаршин. Надежда Николаевна, IV, 1885); Франц Карлыч, немец-врач (Г. П. Данилевский. Черный год, 1888); «немецкая мамзель / Шарлотта Карловна, немножечко болтлива, / Зато уж как добра, тиха, неприхотлива» (М. Н. Загоскин. Благородный театр, д. 2, я. 7, 1828); аптекарша Шарлотта Карловна (В. А. Соллогуб. Аптекарша, 1841); гувернантка Шарлотта Карловна (А. Башуцкий. Няня, 1841—1842); Эмилия Карловна, родом из Риги (И. С. Тургенев. История лейтенанта Ергунова, 1867); Юлий Карлыч Вейсбер (А. Ф. Писемский. Комик, 1851); Яков Карлыч Оп, аптекарь (В. К. Кюхельбекер. Сирота, 1833) и др.

¹⁷ Этому способствует, несомненно, обычное противопоставление патронимических и фамильных имен на *-ович* по месту ударения (ср.: *Анто́нович* — *Антонóвич*, *Сергéевич* — *Сергеéвич* и т. п.) при отсутствии у фамильных имен стянутых и синкопированных вариантов. Ср. также противопоставление патронимических имен на *-ович* и фамильных имен на *-евич* (*Анто́нович* — *Антонéвич* и т. п.). На основе таких противопоставлений сложились нередкие в практике создания псевдонимов специальные приемы преобразования отчеств в фамилии, типа *Александр Серафíмович* Попов > *А. С. Серафíмович* и под., где перенос ударения функционально тождествен усечению морфа *-ич*. Ср.: Леонид *Савельевич* Липавский (1904—1941) > Леонид *Савельев* (писатель, примыкавший к обэриутам (Вопросы литературы, 1988. № 4. С. 50), *Андрей Платонович* Климентьев > *Андрей Платонов* и т. п.

¹⁸ Именно эта морфонологическая универсальность объясняет широкое и свободное принятие рассматриваемой модели многими народами, населяющими Советский Союз. См. публикации на эту тему в сб.: «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем». М., 1970.

¹⁹ Судя по фамильным именам на *-ич* типа *Татья́нич*, *Маринич*, матронимический принцип свободно использовался в прошлом, правда для об-

разования не отчество, а прозвищ, которые затем становились фамилиями и получали продолжение в фамилиях на *-ичев* типа *Татьяничев*.

²⁰ Ср., например, имя одного из героев повести Н. Кочина «Девки» — *Анныч*, которому отец его, так как он был «пригульш», «крапивное семя», дал отчество по матери и заставил попа записать его в книгу (см. кн. 3, гл. 7. М., 1974, С. 235—236). Здесь действует традиция, восходящая к древним векам русской истории. Так, по свидетельству Ипатьевской летописи (запись 1187 г.), галичское общество конца XII в. упорно не признавало Олега, сына Ярослава Галицкого Осмомысла от незаконной связи его с *Настаской*, и издевательски величало его *Настасьичем* (Б. А. Романов. Люди и нравы Древней Руси. Л., 1951. С. 203). И, с другой стороны: «Односельчане, бывало, немногословно поминали *Арину Кузьмовну* — работницу в колхозе, Кузьмовну-умелицу, Кузьмовну-советчицу, Кузьмовну-лекаря. Наивысшей формой проявляемого уважения односельчан было то, что Васю, сына Кузьмовны, в Петровском величали *Василий Ариныч*. Петровское признавало за Кузьмовной как бы права и матери и отца своим детям...» (Т. Робер. Петровское // Звезда. 1976. № 5. С. 123). Возможна и иная семантика матронима. Так, в неосуществленном плане романа «Два поколения» И. С. Тургенева (1845) охарактеризованный как «небогатый сосед, паразит» Сергей Авдееч Стяжкин получает второе прозвищное имя «*Авдотьич*» — по имени своей жены *Авдотьи* Кузьминишны — и, следовательно, характеризуется как *п о д к а б л у ч н и к* (И. С. Тургенев. Сочинения: В 15 т. Т. 6. М.; Л., 1963. С. 380).

²¹ Ср., например, следующий диалог из повести-сказки В. Шефнера «Скромный гений»: «— А как тебя величать-то? — ...Меня зовут *Матвей Людмилович*. — А меня Степан Степанович. *Я этих материнских отчеств не признаю*, — добавил он с доброй стариковской усмешкой. Завели новые моды — женские отчества, корабли с парусами, на конях по дорогам скачут... Нет, мне, старику, к этим новинкам уже не привыкнуть...» (и здесь же такие персонажи, как *Сергей Екатеринович* Светочев и *Андрей Надеждович* Ковригин). Ср. также в мистической поэме А. Введенского «Кругом возможно бог» (1930—1931) с характерной для этого автора зыбкостью и произвольностью номинаций именованье Мария *Натальевна* (рядом с Ниной *Картиновной*) (*Александр Введенский*. Полное собрание произведений: В 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 136).

²² Ср. у А. Чехова: «Барышни] Михаил Михайлович!.. [Лебедев] *Мишель Мишелевич!*...» (Иванов, д. II, карт. V).

²³ Можно полагать, что именно перспектива возможного последующего образования патронимического имени сдерживает и без того ограниченное использование апеллятивов в качестве мужских имен. Для женских имен, а также для прозвищ этот сдерживающий фактор отсутствует.

²⁴ Ср., например, *Перспектива* Степановна, *Дуб* Викторович и *Сосна* Викторовна в повести-сказке В. Шефнера «Человек с пятью “не”».

²⁵ Специально обо всей этой группе образований и связанных с ними теоретических проблемах см. в работах [Пеньковский 1986-б, 1988, 1989-а, 1989-б].

²⁶ Предложенные мною в первой публикации этой работы в 1976 г., термины *гетероним* и *таутоним* получили признание, вошли в научный обиход и были кодифицированы во втором издании «Словаря русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской [Подольская 1988 : 124].

²⁷ Действие такого рода факторов обнаруживает себя — на фоне основной массы гетеронимических именовании с нейтральными составляющими — а) в подчеркнутой координации или б) подчеркнутой дискоординации по одному или нескольким дифференциальным признакам (происхождению и национально-языковым характеристикам, стилистической окраске, фонетическим особенностям и т. п.). Ср., например, именование старшего обер-камергера двора, итальянца по происхождению, графа *Юлия Помпеевича* Литта (1 IV 1763 — 24 I 1839), которому, как камер-юнкер, был подчинен Пушкин по придворной службе [Черейский 1988 : 237—238]. Или именование выходца из петербургской семьи, отличавшейся особым интересом к Греции и греческой культуре, графа *Аполоса Енафродитовича* Мусина-Пушкина (Русский архив, 1897. Кн. 3. Вып. 10. С. 167). Ср. также именование *Эллидифора Антиоховича* Зурова (март 1797 — 19.XII.1871), новгородского военного и гражданского губернатора, знакомого семьи Пушкиных: «...Кстати: Графиня Стройновская только что сочеталась новым браком; она вышла за Зурова, *Ельпидифора Антиоховича*. Бьюсь об заклад, что ее прельстило это имя; чем еще это можно объяснить — сорокалетняя женщина, богатая, независимая, имеющая двенадцатилетнюю дочь, — право же это смешно!» (О. С. Павлицева-Пушкина — Н. И. Павлицеву, 18 января 1836 // Мир Пушкина: Фамильные бумаги Пушкиных — Ганнибалов. Т. 2. СПб., 1994. С. 145). Ср. также именование *Корнелия Люциановича* Зелинского, советского критика и литературоведа (1896 — 1970). Ср. в этой связи комическое именование *Фемистокла Мильтиадовича Разорваки* в «Фантазии» К. Пруткина (1851). Или (с учетом коннотаций фонемы и звука /Ф/ — [ф] в русском культурно-языковом сознании) «трех-эфное» именование героини повести Н. А. Дуровой «Угол» (1840), возлюбленной графа Тревильского, купеческой дочери *Фетины Федосовны Федуловой*, ставшей графиней Фанни Тревильской. Говоря словами одного из персонажей, «*Верно, Мефистофель думал целые три дня, пока подобрал такое гармоническое соединение имени с фамилией: “Фетинья Федотовна Федулова, дочь Федота Федуловича Федулова!” Дивная поэзия!...*» (Дача на петергофской дороге : Проза русских писательниц первой половины XIX в..

М., 1986. С. 63). Или позднее у Аполлона Григорьева: «А вот — глава славянофилов / *Евтихий Стахьевич Панфилов*, / С славянски-страшною ногой, / Со ртом кривым, с подбитым глазом, И весь как бы одной чертой / Намазан русским богомазом...» (Встреча, 15, 1846). С другой стороны, ср. такие реальные именованья, как *Эдуард Митрофанович* или *Марианна Прохорова* (по понятным причинам не называю фамилий их носителей) и т. п. и — в художественном отражении — *Мессалина Пафнутьевна* («— Вот так темперамент. Ах ты, *Мессалина Пафнутьевна!*.. Тебя, кажется, Женькой звать?..» — А. И. Куприн. Яма, 1909—1914) или *Генриетта Потаповна Персимфанс* (М. Булгаков. Дьяволиада).

Понятно, что то или иное оценочное восприятие конкретных имен и, следовательно, осознание образуемых ими именованний как гармонически координированных или, напротив, с той или иной силой контраста нарушающих координацию, зависит и от целостной системы оценок, меняющейся в этой сфере от эпохи к эпохе, и от исторического изменения коннотаций того или иного имени, и от уровня языковой культуры и степени изоэтрности языкового чутья и вкуса субъектов языковых оценок. Так, именование *Ипполит Федорович* едва ли привлечет к себе особое внимание носителей современного языка и скорее всего будет воспринято как нейтральное. Карамзину оно, однако, казалось неприемлемым: «*Пищитическое имя Ипполита приятнее ушам без отчества*» (Н. М. Карамзин. О Богдановиче и его сочинениях, 1803 // Избранные сочинения. Т. II. М.; Л., 1964. С. 199). Отчество *Федорович* рядом с высоким именем *Ипполит*, как заметил по этому поводу К. С. Аксаков, оскорбило деликатность Карамзина своим «неблагозвучием» (К. С. Аксаков. Взгляд на русскую литературу с Петра Первого // Русская литература. 1979. № 2. С. 109). Ср. именование персонажа «Вешних вод» И. С. Тургенева (1871) *Ипполита Сидорыча* Полозова, в котором резкий контраст между высоким именем и низким отчеством (к тому же еще и в разговорно-просторечной стянутой форме) сохраняет и для нашего сегодняшнего восприятия всю свою первоизданную силу.

Ср. к сказанному диалог об именах и именованьях в рассказе И. С. Тургенева «Два приятеля»: «— Как зовут отца? — спросил он небрежно. — Его зовут Калимон Иванович, — ответил Петр Васильич, — Калимон! Что за имя!.. А мать? — А мать зовут Пелагеей Ивановной. — А дочерей как зовут? — Одну тоже Пелагеей, а другую Эмеренцией. — Эмеренцией? Я такого имени сроду не слыхал... и еще Калимоновной. — Да имя точно немножко странное... <...> — Эмеренция Калимоновна! — воскликнул еще раз Вязовнин. — Мать зовет ее Емѣгансе, — вполголоса заметил Петр Васильич...» (1853).

²⁸ Показателен случай, рассказанный С. Антоновым: «Когда я однажды в рабочей семье увидел девочку по имени *Гертруда* и спросил, почему ее

назвали так старомодно, мне ответили: — Почему старомодно? Это сокращенное — *Героиня труда*» («Я читаю рассказ». М., 1973. С. 214). Ср. еще: «— Ладно, возьмем над вами шефство, Радмир Харитоныч. — *Дамир*, — поправил я. — Ну, имечко! Заграничное, что ль? — Отечественное. *Даешь мировую революцию!* Сокращенно: *Дамир...*» (А. Белов. Марш на три четверти, 2 // Октябрь. 1987. № 2. С. 65).

²⁹ Ср., однако, отражающее бытовую точку зрения утверждение Н. А. Янко-Триницкой, что «отчества, как и фамилии, переходят от одних лиц к другим в связи с различными родственными отношениями» [Янко-Триницкая 1957 : 243]. Ср.: «— Но рожать буду <сказала Люся Павлу>. Я очень хочу ребенка! — с какой-то веселой угрозой воскликнула она и рассмеялась. — *Отчество-то хоть разрешишь твое взять?* Мне нравится. Например, Олег *Павлович*. А?..» (В. Шугаев. На тропе // Наш современник. 1973. № 7. С. 22).

³⁰ То, что при этом — особенно в случаях образования отчеств от стандартных личных имен — вновь образуемое совпадает с уже образованным, создаваемое с готовым, ни в какой мере не противоречит высказанному утверждению, поскольку в таком совпадении отражается связанное с известной антиномией языка единство результата-процесса, охватывающее всю массу существующих в языке регулярных производных образований.

³¹ Иное понимание механизма образования женских отчеств сформулировано в «Грамматике современного русского литературного языка» (М., Наука, 1970). Авторы соответствующего раздела, исходя из наличия объединяющего патронимические суффиксы морфа *-ов* и опираясь на отношения, представленные в таких патронимических парах, как *Саввич* — *Саввична*, *Никитич* — *Никитична*, *Фокич* — *Фокична*, рассматривают все женские отчества как мотивированные мужскими (см. с. 123). При этом, однако, полностью игнорируются реальные семантические отношения (*Петровна* — ‘дочь Петра’, а не ‘сестра Петровича’) и постулируется сложная операция замены морфов (*Петр* > *Петрович* > *Петровна* — с заменой морфа *-ич* морфом *-на*). Если прибавить к этому, что имена *Савва* и *Фока* уже ушли из современного именника, а от имени *Никита* все чаще, вопреки норме, образуются регулярные отчества *Никитович* и *Никитовна*, то обсуждаемую точку зрения нужно будет признать неоправданной и требующей пересмотра. Любопытно, что единственная пара, которая могла бы подкрепить уязвимую позицию авторов (*цесаревич* ‘наследник престола’ — *цесаревна* ‘жена цесаревича’), в «Грамматике» не приводится.

³² Поэтому если имя отца предопределяет отчество детей, то отчество в его предвосхищающем представлении может корректировать выбор имени и оказывается иногда тем *ultima ratio*, который заставляет отвергнуть уже избранное для наречения имя. Ср. в этой связи рассказанную Л. Успенским историю об имени *Чанг*.

³³ Новейшее демократизированное российское законодательство, в отличие от жесткого «уложения» советской эпохи, предоставляет гражданам России неограниченную свободу смены не только имени и фамилии, но и отчества.

³⁴ Ср. ситуацию, сложившуюся в семье сестры Л. Н. Толстого, Марии Николаевны, дочь которой от *Гектора* де Клена Елена *Сергеевна* получила отчество по имени ее крестного отца, дяди *Сергея* Николаевича (С. Л. Толстой. Очерки былого. М., 1986. С. 286).

³⁵ Ср.: «Отца моего он <Латкин, перенесший удар и несколько помутившийся в сознании> ненавидел всеми оставшимися у него силами — он его заклятью приписывал все свои бедствия и звал его то бриллианщиком, то мясником. “Чу, чу, к мяснику не смей ходить, *Васильевна!*” Он этим именем окрестил свою дочь <Раису>, а звали его *Мартиньяном...*» (И. С. Тургенев. Часы, XII, 1876).

³⁶ Не случайно, что из всех типов антропонимических единиц только патронимам сопоставлены в русском различные местоименные корреляты. Таковы, например, шуточные разговорно-просторечные *Батькович*, *Батьковна* и диалектные уральск. сибирск. *Чеевич*, *Чеевна*: «— Как по отчеству? *Чеевич* ты будешь? — *Павлинович*. — А-а, *Павлина Митрича сын?*; — *Полинаря*, *чеевна* она — забыла, *Платоновна*, кажись, говорила мне...» (В. П. Тимофеев. Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971. С. 115). Ср. также: «Иван Бутурлин, а *чей сын* не знаю, имел жену Анну Семеновну...» (М. М. Щербатов. О повреждении нравственности в России, 1788 // Русская старина, 1870. Кн. II. С. 61). Ср. также фольклорные *чуж мужской сын*: «Ты поезжай-ко, / *Чуж мужской сын*, / Домой, на свою сторону...» (И. Воронов. Вельские свадебные обряды и причеты // Этнографический сборник. Вып. 5. СПб., 1862. С. 37); (*чуж*) *отецкой сын*: «Сидит (*чуж*) *отецкой сын* на брусовой лавице, / В карточки играет...» (Свадебные песни Шенкурского // П. С. Ефименко. Материалы для этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 1. М., 1879. С. 107) и др.

³⁷ Заметим, что современная антропонимическая норма не допускает соединения патронимов с фамильными именами — ограничение неизвестное старому русскому языку. Ср.: «... после вечерни приходила *Матвеевна Гончина* с молоком, молитву давал...» (Записная книга священника Иоанна Матусевича. 1774—1780 гг. // Русская старина, 1877. Кн. 8. С. 516); «*Кабанову Терентьичу* доброго здоровья со всеми тебе вручениями...» (Гр. А. Г. Орлов-Чесменский — приказчику И. Т. Кабанову, 17 сентября 1807 // Русский архив, 1877. Кн. 1. Вып. 3. С. 509) и т. п. То же у Н. А. Некрасова: «... глупый Рахманинов, который может быть сравнен в bestолковости только с покойным *Лукичом Крыловым...*» (Письмо Н. А. Добролюбову, 1 января 1861 г.), где *Лукич Крылов* либо запоздалый для 60-х гг. и для Некрасова архаизм,

либо принятое в петербургском литературском кругу шутовское заглазное именование цензора Александра Лукича Крылова (1798—1858) в противопоставлении другому Крылову — Андреичу, или (с шутовской подменой отчества) — *Лафонтеновичу*. Ср.: «Мнение о русской Антологии, которую я воображаю не более, как в два-три печатных листка, не только мое, но и *Крылова — Лафонтеновича*» (П. А. Плетнев — А. С. Пушкину, 7 февраля 1825). Ср. в литературном отражении и в стилизации: «Добрый верный мой *Сысоевич Чучин* сообщил мне благою мысль...» (О. Сомов. Матушка и сынок, 1833 — из письма героя матери о его крепостном слуге Трофиме Сысоевиче Чучине); «Не радовали графа и его беседы с *Терентьевичем Кабановым*, наезжавшим в Нескучное из Хренового. *Терентьич* был из грамотных крестьян...» (Г. П. Данилевский. Княжна Тараканова, 2, XXV, 1883). Что касается использования отчеств в однословных именовании типа *Петрович*, *Дмитриевна* и т. п., то в таких случаях, как было сказано выше, мы имеем дело с эллиптической реализацией двухкомпонентной модели «имя + отчество».

³⁸ Интуитивно постигая закономерность, стоящую за явлениями такого рода, и преобразуя их, художники слова выработали на их основе выразительный прием удвоения или раздвоения персонажей. Отсюда широко распространенные в русской литературе, начиная с Гоголя, комические персонажные пары, инвариантная единосущность которых символизируется тождеством компонирующих основ их именовании: похожие друг на друга коллежские секретари *Евтей Евсеевич* и *Евсей Евтеевич* (Я. Бутков. Первое число, 1845); чиновники *Иван Семенович* и *Семен Иванович* (Н. А. Некрасов. Петербург и петербургские дачи, 1845), помещики *Петр Иванович* и *Иван Петрович*, добрые и оригинальные холостяки (*С. Безыменный*. Прошлое лето в деревне, «Русский Вестник», 1862. Т. 39. Кн. 5), два московских торговца *Иван Петрович* и *Петр Иванович* (В. Ф. Одоевский. Ворожеи и гадалыщицы, 1868); обыватели *Иван Петрович* и *Петр Иванович* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Каплуны), *Семен Петрович* и *Петр Семеныч*, чиновники (П. И. Якушкин. Велик бог земли Русской, 1863); московские обыватели *Назар Иванович* и *Иван Назарыч* (И. Ф. Горбунов. Еще из московского захолустья, II, 1865), обыватели *Кузьма Терентьевич* и *Терентий Кузьмич* (Я. Бутков. Битка, 1845); «похожие друг на друга до смешного, пожилые, оставшиеся за штатом» действительные статские советники *Андрей Иванович* и *Иван Андреич* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Недовольные), обыватели *Яков Петрович* и *Петр Яковлевич* (Он же. Глуповское распутство) и мн. др. под.

³⁹ Ср. развернутое объяснение Батюшкова: «...но почему не назвать тебя *внуком Аристиппа*, *внуком Анакреона* или черта, если хочешь? *Это, то есть, не значит, что ты внук, то есть взаимправду, и что твой батюшка*

назывался *Аристиппычем* или *Анакреонычем*, но это значит, что ты, то есть, имеешь качества, как будто нечто свойственное., то есть любезность, охоту напиться не во время и пр., пр., пр. Ну, понял ли, понял ли, Анакреонович?» (письмо П. А. Вяземскому, 19 декабря 1811).

⁴⁰ Это значит, что патронимическое имя (например, *Петрович*) как самостоятельная лексическая единица языка и отчество *Петрович* как часть речевых образований, какими являются составные именованья лиц (например, *Иван Петрович*), не тождественны друг другу. В последнем этимологическое значение ‘сын Петра’ оказывается в значительной степени выветрившимся. Поэтому единицы *Петрович* и *сын Петра* (стар. *Петров сын*), совпадая на денотативном уровне, не совпадают сигнификативно. Они не способны замещать друг друга, как было в прошлом. Ср.: «Ответ держал Илья Муровец: “Зовут меня, государь, Илюшкою, а по отчеству Иванов сын, уроженец города Мурова...”» (Повесть о сильном могущем богатыре о Илье Муромце // Былины в записях и пересказах XVII—XVIII вв. М., 1960. С. 79). Поэтому если в списке погибших в Польше воинов второго Берлинского пехотного полка советский офицер Иван *Петрович* Рембеза именуется «майор Рембеза Ян сын Петра» (*Я. Вахтель*. Азимут Варшава. Варшава, 1972. С. 268), мы понимаем выражение *сын Петра* в подобном контексте как проявление незнания русской антропонимической нормы и следование чужому для русского человека образцу. Ср. воспроизведение этой же формулы как реалии чужой жизни при передаче иноязычного текста: «С. Упсет. Улав, сын Аудуна из Хестиквена. Л.: Худож. лит., 1987 (перевод с норвежского Л. Брауде и Н.Беляковой). То же в виде шутки: «Том Кэмпбелл, активный член общества дружбы “Шотландия — СССР”, близкий друг Маршака, “Том сын Джона”, “Фома Иванович”, как называл Кэмпбелла Маршак...» (*Б. Галанов*. Прогулка с друзьями // Знамя. 1979. № 8. С. 120). Но так было уже и в XIX в. Ср. шутивное ее использование Тургеневым: «...Искренно преданный Вам Тургенев, Иван, сын Сергея» (письмо Е. Я. Колбасину, 15 июля 1859). Или у Маяковского: «А Некрасов Коля, сын покойного Алешки — / он и в карты, он и в стих и так неплох на вид...» (Юбилейное, 1924). Понятны поэтому ошибки при воспроизведении этого архаического типа именованья: «— По такому случаю должен каждый выпить! Будь здоров, Семен сын Алексей!..» (*В. Липатов*. Сказание о директоре Прончатове. Л., 1977. С. 137). Вышла из употребления и другая его формула — с притяжательным прилагательным, уже в пушкинское время ограниченная узкой сферой юридического делопроизводства и воспринимавшаяся как архаическая. Ср. запись Пушкина на «вводном листе», которым он официально признавался законным владельцем выделенной ему отцом частью «сельца Кистенева»: «принял 10-го класса Александр *Сергеев сын* Пушкин» (Ежегодник Пушкинского отдела Пушкинского Дома на 1980 год. Л., 1984. С. 15).

Ср. в этом плане руссифицированное *Феб Зевесович* (В. А. Жуковский. Записка к Свечину, 1814). Ср. также: «Для знакомства с девушками я даже придумал такую форму: *Роман, сын Алексеев*. Звучит привлекательно, непонятно и архаично...» (В. Киселев. Веселый Роман. М., 1972. С. 12—13).

Особо должны быть отмечены и выделены такие реализации рассмотренной выше модели со словом *сын*, которые отличаются тождеством имен по обе стороны этого ключевого слова и, помимо идеи кровного родства, несут — и это самое главное в них — идею наследственно и преемственно воспринятой и «династически» сохраняемой профессиональной, нравственной, гражданской и какой угодно другой традиции. Наполнителями компонентов модели «икс, сын икса» являются в таких случаях, как правило, не личные, а нарицательные имена, а образуемые ими именованья используются преимущественно не для идентификации и дифференциации личности (поэтому они не имеют функции обращения), а — как риторический прием — для ее торжественного представления обычно в заголовочной части или в начальных строках публицистических (реже — художественных) текстов: «Гончар, сын гончара» (очерк К. Хромовой // Литературная Россия, 5 ноября 1976); «Искатель, сын искателя» (очерк Е. Ананьевой // Литературная газета, 13 декабря 1978); «Коммунист, сын коммуниста» (Аннотация о книге // Нева, 1978, № 7. С. 219); «Кузнец, сын кузнеца» (заглавие книги Е. Добровольского о героях труда — М., Госполитиздат, 1974); «Оленевод, сын оленевода» (название фотографии Н. Дейкина, экспонировавшейся на выставке «Интерпрессфото-77» // Комсомольская правда, 1 ноября 1977); «Рабочий, сын рабочего» (очерк К. Иванова // Дальневосточный коммунист, 7 февраля 1979) и мн. др. под. Можно было бы отметить целый ряд вариантов этой модели, но они заслуживают специального анализа.

⁴¹ Так, в семье Глеба Успенского младший сын Александр (1874—1907) носил домашнее имя *Шурыч*, а Чехов называл свою племянницу, дочь Ал. П. Чехова Машу-Мосю *Мосевной*: «Крепко, крепко целую тебя — домой мне крепко хочется. Целую ребят, *Шурыча*» (Г. Успенский — А. В. Успенской, 10—12 марта 1883); «Деньги между тем крайне нужны, надобно *Шурыча* устраивать — платье, книги, квартира и т. д.» (Г. Успенский — В. М. Соболевскому, 10—15 августа 1885); «Не бранись вслух. Ты и Катьку извратишь и барабанную перепонку у *Мосевны* испачкаешь своими словами» (А. П. Чехов — Ал. П. Чехову, 20—23 октября 1883). То же в литературном отражении: *Лелишна* < Леля (*Л. Давыдчев*. Лёлишна из третьего подъезда. М., 1970); *Геныч* < Гена (*Г. Молодцов*. Это тоже весна // Учительская газета, 26 апреля 1975; В. Лихоносов. Тоска кручина, 1985). Ср. еще в рассказе В. Астафьева «Тельняшка с Тихого океана» (1985): «...он <маль-

чик> стал называть *пана Стаса* <своего отчима> *пренебрежительно Стасыч...»*.

⁴² Ср.: «...Крепко и нежно тебя целую — твой единоутробный голубоглазый братец, *крещенный Александром от отца также Александра*» (А. А. Фадеев — Т. А. Фадеевой, 15 апреля 1953 г.)

⁴³ Легко понять, что описанный здесь механизм образования основанных на круге таутономических именованний может работать и при прямо противоположном направлении определяющих эту работу связей. когда первый член именованья выводится из второго в процессе обратного словообразования с кажущимся возвращением к стандартной схеме. Это имеет место в ситуации, когда исходным пунктом порождения таутономов оказывается *ф а м и л ь н о е и м я и м е н у е м о г о*, легко трансформируемое, как было показано выше, в квазипатроним (*Горланов* → *Горланович / Горланыч*), откуда затем свободно выводится квазиимя (*Горланович / Горланыч* → *Горлан*). Ср. *Свербей Свербеевич* — принятое в ялutorовском кругу ссыльных декабристов дружеское шутивно-фамильярное именованье *Николая Дмитриевича* Свербеева (1829—1859), чиновника при Н. Н. Муравьеве-Амурском, жениха, а потом мужа дочери С. П. Трубецкого (см.: *И. И. Пущин. Записки о Пушкине. Письма. М., 1989. С. 292, 324, 326, 327, 560*). То же в литературном отражении. Например, в пьесе Н. С. Лескова «Расточитель» мастеровой Челночок шутивно называет купца *Калину Дмитрича* Дробадонова *Дробадоном Дробадонычем* (д. 4, я. 3).

При кажущемся внешнем сходстве совершенно иная ситуация в рассказе Л. Андреева «Баргамот и Гараська» (1898), где босяк Гараська иронически называет городского Ивана Акиндиныча Бергамотова *Баргамотом*, преобразуя его фамильное имя в прозвище, и уже от этого последнего образует квазиотчество *Баргамотыч*, а затем и целостное «круглое» именованье по типу имен смешных страшилищ: «— Наше вам! *Баргамоту Баргамотычу!* Как ваше драгоценное здоровье?..» И. И. Пущин, несомненно, никогда Н. Д. Свербеева *Свербеем* (просто *Свербеем!*) — ни в глаза, ни за глаза — не называл...

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев 1970 — *Алексеев Д. И.* К истории аббревиации личных имен // Антропонимика. М., 1970.

Белых — *Белых Н. А.* Некоторые правовые и социологические вопросы антропонимики // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. М., 1970.

Данилина 1972 — *Данилина Е. Ф.* Имена-неологизмы (словообразование) // Лексика и словообразование русского языка. Пенза, 1972. С. 16—24.

Иванов и Топоров 1965 — *Иванов Вяч. В., Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие системы. М., 1965.

Клубков 2001 — *Клубков П. А.* Иванов, Петров, Сидоров // Альманах «Канун». Вып. 6. Чужое имя. СПб., 2001.

Копелиович 1998 — *Копелиович А. Б.* Синтагматика форм I. Согласование и параллелизм // Филология. Международный сборник научных трудов (К 70-летию Александра Борисовича Пеньковского). Владимир, 1998. С. 109—118.

Масанов 1958 — *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов. Т. III, М., 1958.

Никонов 1970 — *Никонов В. А.* Задачи и методы антропонимики // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. М., 1970.

Пеньковский 1986-а — *Пеньковский А. Б.* Об одном случае экспликации синтаксического нуля // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл. Красноярск, 1986.

Пеньковский 1986-б — *Пеньковский А. Б.* Русские персонифицирующие именованья как региональное явление восточнославянского фольклора // Лексика и грамматика севернорусских говоров. Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. В. И. Чернов. Киров, 1986.

Пеньковский 1988 — *Пеньковский А. Б.* Ономастическое пространство русского былевого эпоса как модель его художественного мира // Язык русского фольклора. Межвузовский сборник / Отв. ред. З. К. Тарланов. Петрозаводск, 1988.

Пеньковский 1989-а — *Пеньковский А. Б.* О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики — 1985—1987 / Отв. ред. В. П. Григорьев. М., 1989.

Пеньковский 1989-б — *Пеньковский А. Б.* Именования, построенные по модели «имя + отчество» в русской художественной речи // Стилистика и поэтика: Тезисы Всесоюзной научной конференции (Звенигород, 9—11 ноября 1989). Вып. 2. Институт русского языка АН СССР — МГПТТЯ им. М. Тареза. М., 1989.

Пеньковский 1999 — *Пеньковский А. Б.* Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. М.: Индрик, 1999.

Подольская 1988 — *Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии. — М.: Наука, 1988. С. 124

РЯСО 1968 — «Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка». М., 1968.

Степанов 1973 — *Степанов Ю. С.* Современные связи лингвистики и логики // Вопросы языкознания, 1973. № 4.

Суперанская 1970 — *Суперанская А. В.* Личные имена в официальном и неофициальном употреблении // Антропонимика. М., 1970.

Суперанская 1973 — *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. М., 1973. .

Успенский 1969 — *Успенский Б. А.* Из истории русских канонических имен. М., 1969

Успенский 1971 — *Успенский Б. А.* Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе // Труды по знаковым системам. Т. V. Тарту, 1971.

Черейский 1988 — *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1988.

Янко-Триницкая 1973 — *Янко-Триницкая Н. А.* О некоторых особенностях имен собственных // Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. Т. XLII. М., 1957.

ИМЕНОВАНИЯ, ПОСТРОЕННЫЕ ПО МОДЕЛИ «ИМЯ + ОТЧЕСТВО», В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

0.0. Специфически русская двухкомпонентная модель личного и персонифицирующего именованья по имени-отчеству имеет два типа регулярных реализаций:

0.1. С нетождественным наполнением компонентов модели — гетеронимические именованья, или гетеронимы, типа *Петр Андреевич*, *Марья Александровна* (ГИ).

0.2. С тождественным наполнением компонентов модели — таунимические именованья, или таунимы, типа *Петр Петрович*, *Александра Александровна* (ТИ).

1.0. Между ГИ и ТИ существуют глубокие психо-, социо- и собственно лингвистические различия, обусловленные различиями в исходных ситуациях наречения. Одни из них лежат на поверхности и устойчиво сохраняются, другие являются скрытыми и обнаруживают себя обычно только в акте наречения, оказываясь несущественными в последующей естественной жизни Г- и Т-именований.

2.0. Однако существенное и несущественное в обычной речевой практике могут менять свои знаки на обратные в художественной речи, где Г- и Т-именования, углубляя или же, напротив, стирая своиственные им противопоставления, выявляют множественные потенции художественного преобразования, широко используемые художниками слова (и вообще всеми «говорящими художественно»).

2.1. Так, противопоставление ГИ — ТИ по основополагающему признаку «нетождество — тождество наполнителей компонентов

модели» подвергается в художественной речи двоякому преобразованию:

2.1.1. «Нетождество — тождество» → «наличие — отсутствие контраста» с маркированным первым членом. Это противопоставление не ограничивается поверхностными лексическими различиями между основами личного имени и патронима, но охватывает и все другие, сопутствующие их признаки, не релевантные в быту, но релевантные в художественной речи (первичное, доантропонимическое и/или вторичное, народно-этимологическое и отантропонимическое значение; литературно-художественная традиция; мифологическое содержание; символическая функция; стилистические и экспрессивно-оценочные функции; признаки принадлежности к тому или иному национальному имени, социальная закреплённость; фонетический состав и фонетическое «значение» и др. под.). В соответствии с принципом «художественного приращения» все такие признаки могут быть базой вторичной (и третичной) семантизации именований, источником их новых смыслов, значений и значимостей. Контраст между компонентами Г-именований, интегрирующих эти признаки, как и всякий контраст, градуален. Поэтому гетеронимическая модель воплощается в художественной речи во множестве многотипных образований, выстраивающихся в градуальные ряды, на одном полюсе которых находятся ГИ с компонентами, контрастирующими до несовместимости (ср.: *Вакх Онуфриевич* у Д. В. Григоровича, *Акулина Арчибальдовна* у А. Аверченко, *Татьяна Робинзоновна* у В. Шефнера), а на другом — ГИ с компонентами, общность которых приближается к тождеству. Это значит, что в художественной речи граница между ГИ и ТИ, в отличие от ситуации в естественной речи, является такой же зыбкой и неопределённой, как и граница между именами собственными и именами нарицательными. Лексический контраст свободно совмещается с единством, общностью и/или тождеством по другим признакам, что приводит к образованию смешанных Г-/Т-именований. Таковы, например:

а) лексические ГИ // семантические ТИ: *Тигрий Львович* (А. Н. Островский), *Сила Мамонтович* (Д. В. Григорович), *Сила Самсонович* (И. С. Тургенев) и т. п.

б) лексические ГИ // фонетические ТИ: *Ада Адамовна* (В. Дорошевич), *Ада Адольфовна*, «змея» (Т. Толстая), *Сысой Псоич*,

Дарья Мардарьевна (А. Н. Островский), *Варвара Уваровна* (А. Ф. Горбунов) и т. п.

Читательское восприятие таких ГИ/ТИ осуществляется в режиме пульсирующего переключения от ГИ к ТИ, в чем и сокрыта «тайна» их художественной силы. Совпадая с естественными ГИ, они функционируют как ТИ, оказываясь квазигетеронимами. Отсюда эквивалентность таких именованний, как *Иван Петрович* = *Иван Иванович* = *Петр Петрович* = *Петр Иванович*, на основе которой выработан прием удвоения или раздвоения персонажей, инвариантная единичность которых символизируется тождеством их компонирующих основ. Ср.: *Евсей Евтеевич* и *Евтей Евсеевич*, коллежские секретари (Я. Бутков).

2.1.2. «Нетожество — тождество» → «отсутствие — наличие повтора» с маркированным вторым членом, который представляет фигуру, от времен индоевропейской древности наделенную экспрессивной силой. Механизм этого преобразования находит свое объяснение в механизме внешних и внутренних связей патронимического имени. В естественной жизни Г- и Т-именований патронимы в их составе функционируют нормально как вторая их часть — при выключенных внешних и внутренних связях. В художественной речи этот механизм перестраивается. ГИ восстанавливают внешнюю, парадигматическую связь второго имени, восстанавливают и усиливают его патронимическое значение, поднимая его до уровня генеалогии. ТИ оставляют эту связь выключенной, что позволяет использовать их в качестве знака лица, вырванного из генеалогического ряда. Отсюда их функция сиротских именованний. В то же время такой механизм ТИ позволяет не только представить любое собственное имя в повторе, но и повтор апеллятива представить как имя собственное. Отсюда мифологические, животные, предметно-понятийные ТИ в былевом эпосе, волшебной сказке и в низших фольклорных жанрах и — с переносом — в жанрах литературы, ориентированных на фольклор (*Ветер Ветрович*, *Месяц Месяцович*, *Ери Еришович*, *Кит Китович* и т. п.). На базе таких ТИ средствами различных видов аттракции создаются квазигетеронимы типа *Оспа Осиповна*, *Сова Савельевна*, *Мороз Снегович*, *Сахар Медович*, *Изумруд Сердоликович*, *Скипидар Купоросыч*, *Флаконт Стаканыч* и др.

2.2. Основанное на соотношении частоты их употребления в естественных условиях противопоставление ГИ — ТИ по признакам «частотное / обычное — редкое, исключительное» обнаруживает тенденцию к художественному преобразованию в таких типичных направлениях, как «редкое» → «комическое», «редкое» → «гротескно-отрицательное», «редкое» → «пародийно-фантастическое» и т. п. Отсюда необозримая галерея таутономических фольклорных и литературных персонажей от «смешных страшилищ» русского былевого эпоса до героев 16-ой страницы «Литературной газеты».

3.0. Включенные в намеченную выше систему противопоставлений, ТИ должны быть признаны одним из наиболее мощных художественных средств организации и членения антропонимического пространства (АП) художественных текстов.

3.1. ТИ как средство организации АП. Традиционный прием «таутономических сгущений» (Н. А. Некрасов, Я. Бутков, А. Чехов).

3.2. Членение АП по ГИ — ТИ и его содержательное наполнение: а) «свой мир» — «чужой мир» (в русском былевом эпосе); б) «реальное» — «фантастическое» (в сказках В. Шефнера; в) «передний план» — «задний план» (в «Записках охотника» И. С. Тургенева); г) «задний план — передний план» (в романе Ф. В. Булгарина «Иван Иванович Выжигин»); д) «мир подчиненных» — «начальственные сферы» (советская проза 30—80-х гг.) и др.

РУССКИЕ ПЕРСОНИФИЦИРУЮЩИЕ ИМЕНОВАНИЯ КАК РЕГИОНАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ФОЛЬКЛОРА *

(1) На другой день старик пошел в гости к другому зятю, к *месяцу*. Пришел. *Месяц* говорит: — Чем тебя потчевать? — Я, — отвечает старик, — ничего не хочу. — *Месяц* затопил про него баню [Афанасьев 1982 : 62].

(2) — *Месяц, месяц*, где ты был? — На том свете. — Что ты видел? — Мертвецов. — Что они делают? — Лежат [Попов 1903 : 224].

(3) — *Князь молодой, рог золотой*, был ли ты на том свете? — Был. — Видал ли ты мертвых? — Видал. — Болят ли у них зубы? — Нет, не болят. — Дай Бог, чтобы и у меня раба Божия никогда не болели [Майков 1869 : 37].

(4) Ой, *місяцю-місяченьку*, и ти, зоре ясна, ой свити там на подвіррі, де дівчина красна [Чубинский 1876 : 53].

(5) Ой, *месяцу-месячку*, чом ты ня ўсходишь? Ой ты, мой миленький, чаму ни приходишь? [Пеньковский 1949—1965].

Приведенные фрагменты восточнославянских фольклорных текстов демонстрируют роль олицетворения как принципа мифологического и мифопоэтического понимания устройства мира и содержательной (сюжетно-композиционной организации его описаний (ср.:

---

* Расширенный и переработанный вариант публикации 1976 г. Переработка осуществлена при поддержке РГНФ (гранты 01—04—00—201-а и 01—04—00—132-а).

[Роднянская 1968 : 423—424]), двойственное положение ключевых имен (*старик, месяц, князь молодой, заря*) на грани между двумя категориальными их классами (собственных и нарицательных) [Лотман, Успенский 1973 : 287], и, наконец, разнообразие используемых здесь языковых средств персонификации. Под средствами персонификации здесь понимается все то в языке (и в речи-тексте), что является выражением соответствующих результатов работы мифологического сознания и в то же время служит ему опорой для повышения имени в ранге, для утверждения его как имени собственного, как имени уникального целостного объекта, «не сводимого к человечности (или вообще к тем или иным признакам homo sapiens)» [Лотман, Успенский 1973 : 285].

В этой связи должны быть специально отмечены и выделены вокативы, которым принадлежит особая роль в грамматике мифологического пласта языка, образуемого собственными именами и тяготеющими к ним именами других типов [Лотман, Успенский 1973 : 277—278, 290]. Можно предполагать, что функция персонификации как раз и является той силой, которая вызывает к жизни вокативные образования как особые морфологические единицы, обуславливает их особое положение в составе высказывания, отнюдь не сводимое к положению осложняющих членов, находящихся вне предложения или «при» нем (ср. забытые мысли Потебни [Потебня 1958 : 101]), и их изначальное вхождение в заглавную часть парадигмы имени¹ и объясняет их способность не только выдвигаться в качестве морфологически исходных форм имени (*божа < боже!*, как *киса — кис-кис!* [Лотман, Успенский 1973 : 290]², но и занимать первое место в парадигме, принимая на себя функции именительного падежа; ср. укр. и западнорусские фамилии типа *Сиротко, Ломако, Товпеко* (ср. [Потебня 1958 : 103]) и до сих пор остающиеся загадочными (если пытаться объяснять их фонетически) др.-новгородск. формы им. пад. ед. ч. типа *Иване, Павле, Петре*.

Очевидно, однако, что в приведенном выше материале, иллюстрирующем персонификацию *м е с я ц а*, собственной персонифицирующей силой обладают только укр. и зап.-брянск. (из б-р.) морфологические вокативы (*місяцю-місяченьку!* и *месяцу-месячку!*), тогда как русские их соответствия не персонифицируют, а персонифицированы, и лишь постольку, поскольку занимают синтаксическую

позицию обращения и/или находятся в общей олицетворяющей стилистике текстов специфической (диалогической, вопросо-ответной) структуры и соответствующих жанровых и семантических типов³. Сказанное относится не только к одиночным вокативам, но также и к вокативам, усиленным благодаря повтору (простому или с гипокористическим осложнением), поскольку образования такого рода, будучи генетически связанными с позицией и функцией обращения, распространились на все синтаксические позиции имени. Ср.: *Полюшко-поле неубрано стоит...*; *Як край поля-поля девочка ходила...*; *В поле-полюшке никого не видать...* и др. под. [Пеньковский 1949—1965]. То же имеет место в бытовой антропонимической практике. Ср. в литературном отражении: «...луковицы эти я повезу в город Саратов своей двоюродной сестрице Наде-Надежде...» (С. Залыгин. Рассказы от первого лица, 1979)⁴.

Таким образом выясняются те условия, которые привели к возникновению специфически русских (лишь отчасти и исторически вторично — также и белорусских) персонификаций, план выражения которых приведен в соответствие с функционально-содержательным планом благодаря включению нарицательных имен в новые национальные антропонимические модели личных именовании. Основную группу таких персонификаций, сложившихся на относительно позднем этапе развития мифопоэтического мышления и народной смеховой культуры, составляют именовании, построенные по модели «имя + отчество» (первоначально чуждой украинской и белорусской антропонимике⁵). Развитие, следовательно, шло от морфологических вокативов-персонификаций типа *месяцу-месячку!* к синтаксическим вокативам-персонификациям типа *месяц-месяц!*, а от этих последних к квазиантропонимическим персонификациям типа *Месяц Месяцovich!* Ср. в литературных отражениях: «*Месяц, месяц, мой дружок, Позолоченный рожок!*» (А. С. Пушкин. Сказка о мертвой царевне) — и: «Наш Иван... В терем к *Месяцу* идет и такую речь ведет: — Здравствуй, *Месяц Месяцovich!*...» (П. П. Ершов. Конек-горбунок)⁶.

Особенности структуры именовании типа *Месяц Месяцovich* (в работе [Пеньковский 1976], а также в наст. изд., с. 311—364 я предложил называть их таутономическими, или таутономиями) и специфический механизм внутренних и внешних связей их компонентов (см. [Там же]) делают эту модель идеальной формой и опо-

рой мифологического мышления, ибо позволяют не только представить любое собственное имя в повторе, но и повтор нарицательного имени представить как имя собственное, или — точнее — как Имя Собственное. В этом отношении таутономическая модель для аппеллятивов в текстах, имеющих лишь устную традицию, исполняет функцию, аналогичную той, какую в письменных текстах (обычно сакральных и поэтических) имеет прописная буква, используемая не просто как знак собственного имени, но как знак повышения имени в ранге, как знак его персонификации и мифологизации. В связи с этим должны быть отмечены и подчеркнуты: уникальная — на фоне таутономических образований других типов ⁷ — универсальность этой модели, характеризующейся по существу неограниченной (в лексическом и морфонологическом плане) свободой наполнения ее компонентов, ее высокая информативность; ее идентифицирующая и дифференцирующая способность и, как следствие, — не зависящая от синтаксической позиции, типа текста и других внешних факторов и условий исключительная по мощности персонифицирующая сила ее реализации.

Не случайно поэтому, что в художественном универсуме русского былевого эпоса таутономические образования рассматриваемого типа образуют обширный корпус и используются в последовательном противопоставлении гетеронимическим именованям героев «своего» мира — типа *Илья Иванович Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Дюк Степанович* и мн. др. под., как средство именованя мифологических персонажей «чужого» мира и чуждой — этнически, хтонически, предметно-субстанционально — «нечеловеческой» природы.

Гетеронимические именованя героев «своего мира» воплощают живую преемственность поколений, в линейном ряду которых индивид оказывается носителем связей настоящего с прошедшим и будущим. Знаком этих линейных связей является его личное имя, которое воспроизводится в отчестве его детей, и его гетеронимическое отчество, которое воспроизводит имя его отца. Ср. трехчленные ряды типа *Константин Добрынич — Добрыня Никитич — Никита Романович*.

Гетеронимическим именованям такого типа противопоставлены персонифицирующие именованя персонажей «чужого» мира — именованя-таутонимы, построенные на тавтологическом повторе,

на круге. Далеко не исчерпывающий список былинных именовании такого типа содержит образования более чем от тридцати основ. Во главе его — в нарушение азбучного порядка — должно быть поставлено хрестоматийно известное именование *Батыги Батыговича* со всеми его словообразовательными вариантами, каковы: *Батей Батеевич* [Ефименко 1877 : 1, 27], *Ботиян Ботиянович* [БС 1951 : II, 197], *Табатыга Табатыгович* [БС 1951 : II, 477] и др. Сюда же, возможно, и *Абатуй Абатувич* [Ончуков 1904 : 264]. А далее *Антоломан Антоломанович* [Рыбников 1909—1910 : I, 316], *Афромей Афромеевич* [Ончуков 1904 : 264; Данилов 1938 : 97], *Вахраме(у)й Вахраме(у)евич* [БПК 1916 : 132; БЗП 1960 : 195], *Во(е)з(ь)вяк Во(е)з(ь)вякович* [Гильфердинг 1951 : III, № 254], *Волод(т)оман Волод(т)оманович* [Григорьев 1904 : I, 275; Шуб 1956, 228], *Елизар Елизарович* [Шуб 1956 : 223]; *Испануйло Испануйлович* [БПК 1916 : 390]; *Калин (Каин) Калинович* [Данилов 1938 : 120; Марков 1901 : 39], *Кастрюк Кастрюкович* [БС 1912 : II, 481], *Небрюк Небрюкович* [Марков 1901 : 184], *Кудреван Кудреванович* [Шуб 1956 : 228], *Курбан Курбанович* [БЗП 1960 : 205—206], *Полкан Полканович* [БС 1951 : II, 349], *Темрюк Темрюкович (Демрюк Демрюкович)* [БС 1951 : II, 481 сл.], *Федошейко Федошейкович* [Шуб 1956 : 228]; *Ячман (Ячмонайло) Ячмонайлович* [Шуб 1956 : 222] и многие др. (см. об этом в работах [Пеньковский 1988; 1989], а также в наст. изд., с. 311—365)⁸.

Не являясь отражением реальных антропонимических отношений, таунтонимические именовании на ономастической карте «чужого мира» должны рассматриваться как особое художественное средство былинной поэтики, преображающее действительный мир и тем самым выражающее особое отношение к этому миру, особый взгляд на него. Как было показано в работе [Пеньковский 1989] (см. также наст. изд., с. 13—49), этот особый взгляд на мир выражается поговорками типа «бур черт, сер черт — всё один бес» «серая собака, черная собака — всё один пес». В мире, воспринимаемом сквозь призму такой абстракции, события и индивиды лишаются индивидуальных черт, оказываются все на одно лицо, обнаруживая только то, что «соответствует заложенному в мире образцу» [Гуревич 1972 : 88]: «Стали рядами их целые тысячи; платья у всех одноличные, точно с одного плеча; нельзя их различить одного от другого ни по волосу, ни по голосу, ни по взгляду, ни по выступке»

[РСК 1947 : 181]. Персонаж поэтому оказывается представителем однородного ряда, из которого он актуально выделяется только в силу занимаемого им положения. Взятый в синхронии, этот ряд выступает как толпа. Взятый в диахронии, он представляет генеалогическую линию, состоящую из тождественных звеньев. И так же, как разбитое и уничтоженное в богатырской битве вражеское войско наутро воскресает из мертвых, чтобы начать новое сражение, так Батыга-отец сменяет Батыгу-деда, чтобы в свой черед уступить место Батыге-сыну. Все они Батыги и все — *Батыги Батыговичи*: «*А ѿ наеде Батыга Батыгович Со своим со сыном со Батыгушкою*» [Гильфердинг 1951 : III, № 18].

Здесь есть смена, но нет развития. Движение — иллюзорно, ибо в мире с циклическим временем это движение по замкнутому кругу, вновь и вновь повторяющее то, что уже было. Тождество имен свидетельствует о тождестве их носителей. Таким образом, сын Батыги получает имя Батыга не как династическое имя, а потому, что такова его природная сущность⁹: он не просто называется Батыга, но он и есть б а т ы г а из генеалогической линии и синхронного ряда и бесчисленного множества б а т ы г, подобно тому, как меч есть меч, а щит есть щит и т. п.

В то же время носитель такого таутономического именованя, с точки зрения сказителя, еще и не х р и с т ь, н е в е р н ы й, и д о л. Он же (или оно же) — *Идолице поганое*. Ср.: «Не прошла бы шьчобы весь скоро-скорешенька Шчо до тех ли до царей, царей поганных, Ай до тех ли шьчобы *идолов неверных...*» [Марков 1901 : № 49]. Идол — это тоже сущность, заставляющая именовать его *Идол Идолович* или — в более яркой антропонимической маске — *Идойло Идойлович* [БПЗБ 1961 : № 83]. Ср. также явно вторичное: «*младой Идол да сын Жидойлович*» [Ончуков № 73].

То, что Батыга Батыгович, как и любой другой носитель таутономического именованя, актуально выделяемый из вражеской толпы, еще и царь (или король), составляет другую сторону его личности, и потому он может получить еще одно именоване — *царь-царевич (Царь-Царевич)* или *король-королевич (Король-Королевич)*, где *царевич* и *королевич* — не титульные патронимы (как в случаях типа *царевич Иван, королевич Елисей* и под.), а патронимы в сдвинутом значении (функции) элемента усилительных таутономических образований: «Много там сидит

царей-царевичев, Много королей-королевичев...» [Былины 1916 : 1, 17].

В этот ряд должны быть включены и такие общие для былины и волшебной сказки мифологические персонажи, как *Ворон Воронович* и *Орел Орлович*, которые принадлежат надземному царству и входят в круг древнейшей славянской космогонии [Иванов, Топоров 1965 : 136—137]. Ср.: «Увидал Казарин *цёрна ворона, Цёрна ворона да вороновиця*» [Григорьев 1904 : I, № 26]; «Да тем были стрелы дороги, Перены были пером *сиза орла*, Не того *орла сиза орловича*, Да который летае по святой Руси, Да тово де *орла сиза орловича*, Да который летае по синю морю» [Гильфердинг 1951 : III, № 225]. Сюда же — позднейшие *Сокол Соколович* (например, в сказке «Иван — княженецкий сын», где он выступает вместе с *Вороном Вороновичем* и *Орлом Орловичем* [Сказки Карелии 1951 : 24]) и *Клёкот Клёкотович* (в сказке «Про Арапулку» [Сказки Терск. 1970 : 56]). В кругу этих надземных мифологических персонажей находятся также *Гром (Громушко-батюшка* в рассказе А. Левитова «Дворянка», 1862)¹⁰, *Гром Громович* [Пеньковский 1949—1965]). *Ветер-Вихорь* (ср. в песне гребенских казаков: «Берегла мать сына *от ветра, от вихоря*» [Семенов 1914 : 422]) или — с раздвоением — *Ветер Ветрович (Ветры Ветровичи)* и *Вихорь Вих(о)ревич (Вихри Вих(о)ревичи)*¹¹. Одним из таких ветров является *Горун Горунович*, брат бабы-Яги [СС 1939 : 40], он же, вероятно, *Горыныч* и *Посвисты/а/ч* [Фаминцын 1884 : 18] и *Змий Змиевич (Змей Змеевич)* [Морозова 1977 : 240]. В этот сложный мифологический комплекс (о связи всех его элементов см. [Иванов, Топоров 1965 : 76—78; Иванов, Топоров 1974 : 17—18]) входят также Баба-Яга, именуемая нередко таутонимами *Яга Яговна (Ягивовна, Ягинишина, Яганишина, Ягонишина, Ягишина, Ягишня* и т. п. — см. [Новиков 1974 : 138]) и *Кащей Бессмертный (Кащей Кащеевич)*. Особо должен быть указан общеизвестный *Соловей-разбойник*, он же — *Соловей Соловьевич* [Марков 1901 : 335 сл.]¹².

За пределами указанного мифологического круга таутонимы в текстах русской волшебной сказки и некоторых других жанров представлены лишь единично. Таковы, например, царь *Агар Агарович* [СТ : 1970 : 169], царь-змея *Аркий Аркиевич* [Ончуков 1909 : 582], царь *Верзаул Верзаулович* [СС 1973 : 57], царь *Салтан Салтанович* [Ровинский 1881 I, 79], царь морской *Токман Токманович* [Зеле-

нин 1914 : 324], чудище *Идол Идолович (Идол Идолыц)* [Зеленин 1915 : № 100] (ср. также в позднейшем варианте с так называемым полуотчеством — *идол идолов* [Майков 1869 : 145]); богатыри *Тарх Тар/а/хович* [Записки 1906 : 13], *Полкан Полканович* [СН 1948 : 4], *Вод Водович* [Черепанова 1983 : 22] и *Вол Волович* [Новиков 1974 : 163], *Волот Волотович* [Буслаев 1861 : 462], *Рославней Рославнеевич* [Ефименко 1877 : 34—35] и некоторые другие. В параллель к таутонимическим именованям Бабы-Яги можно указать еще такие таутонимы-персонификации, как *Воспа Восповна* (ср. в заклинании, записанном на Енисее в 1897 г.: «*Воспа Восповна, пожалуйте к нам, будем пряником кормить и вином поить*» [СРНГ 1970 : 5, 139]; ср. еще: *Воспа Воспиновна* [Черепанова 1983 : 43] и *Икота Икотишина* (ср.: «Ты скажи-ка ей: *Икота-Икотишина, сударыня-матушка, оставь меня!...*» [Пеньковский 1960]).

Все эти персонажи «чужого» мира развенчиваются фольклорными текстами как «с м е ш н ы е с т р а ш и л и щ а», и их в ы с о к и е именованя с «вичем» должны рассматриваться как одно из наиболее ярких средств фольклорного гротеска¹³. Ср. показательное превращение исторического Малюты Скуратова в «*Скорлютку вора Скорлатого сына*» [Григорьев 1904 : I, № 115] или именоване оставившей по себе недобрую память Марины Мнишек Маринкой *Юрьюрьевной* — с уникальным переносом таутонимического именованя отца¹⁴ в отчество дочери: «И восхотел вор Гришка, он женится / Не в своей земле, а Сердопольскою / У тово ли пана у *Юрью* — пана Сердопольского / На ево доцери Маринке *Юрьюрьевне*»; «А он вор Гришка во мыльнюю / С той ли Маринкой *Юрьюрьевной*» [СПБК 1916 : 312, 313]. Ср. в этом плане совершенно поразительное низложение княгини *Апраксы*, жены князя Владимира Красного солнышка (по былинной генеалогии — дочери князя Семена Ля(и)ховинского и, следовательно, — *Семеновны!*) в таутонимическую *Апраксу Апраксовну* — в тот момент, когда она, как «сука-волочайка», изменно сближается с Тугарином Змиевичем, запустившим ей свою лапу «ниже пула, окол черева» [Данилов 1938 : № 49]. Ср. также обнажение этого приема в случае дискредитирующего переименованя наследственно похотливого Хотена Ивановича: «Уж ты гой еси, *Хотенко ты Хотенович, сын Иванович!* / У тебя отца-то звали *Блудю*, / А тебя мы станем звать дак Пустоломою...» [Григорьев 1904 : I, 613].

Очевидно, что в таутонимических именовании персонажей «чужого» мира русской былины, волшебной сказки и некоторых других жанров на передний план выдвинута именно персонифицирующая и мифологизирующая функция, тогда как выражение собственно патронимических отношений либо затенено и отодвинуто на второй план¹⁵ (но может быть актуализовано в соответствующих текстовых условиях¹⁶) либо вообще погашено. При этом внешняя парадигматическая связь патронимического компонента с производящим именем, которое может быть интерпретировано как имя отца (resp. матери), выключается, уступая место выдвигающейся на передний план внутренней, синтагматической связи с именем в составе первого компонента, вследствие чего все образование работает как форма усилительного повтора с экспрессивным осложнением основной персонифицирующей функции¹⁷. Вот яркий пример, свидетельствующий об автоматизме действия этого механизма. Проговорив (пропев) цитируемые ниже строки былины («Как приехал-то к тебе ведь нелюбимой гость, / Молодой-то жоны да старой-прежней друг, / Старой-прежней друг...»), сказительница А. М. Крюкова остановилась, задумалась и призналась: «Не помню — *Светопolk ли Светопolkовиць, Еруславь ли Еруславьевиць*, но только не *Пересмяка...*» [Марков 1901 : 128]. Имя «старого — прежнего друга» она забыла, но таутонимическая модель его именовании надежно сохранилась в ее памяти¹⁸.

Именно так, в двух указанных режимах (с пульсирующим переключением от одного к другому) функционируют многочисленные животные и предметные таутонимы в низших фольклорных жанрах и — с переносом — в соответствующих жанрах литературы, ориентированных на фольклорные образцы. Таковы, например, *Ерш Ершович* и *Рак Ракович* [БС 1951 :II, 663]; *Кит Китович* («Ай да Кит Китович! Славно! / Долг свой выплатил исправно!..») — П. П. Ершов. Конек-горбунок) и *Налим Налимыч* (ср. с метатезой — *Налим Малиныч* — в одноименной сказке С. Писахова [Писахов 1959 : 35]); *Козел Козлович* и *Конь Коневич* (в инсценировке сказки «Кошкин дом» по Центральному телевидению 17 февр. 1980 г.); *Кот Котович* [РФЛ 1972 : 391] и *Комар Комарович* (в одноименной сказке Мамина-Сибиряка), *Волк Волкович* и *Лис Лисович* (в сказке В. Махонина «Лис Лисович и зайцы») и т. п. Ср. также шуточные именовании таких персонажей детской литературы, как дятел

Тук Тукыч (В. Архангельский. Тук Тукыч. М., 1976), скворец *Чир Чирыч* (Г. Скребицкий. Друзья моего детства. М., 1976), поросенок *Хрум Хрумыч* (в одноименном рассказе М. Колосова), будильник *Кап Капыч* (В. Цыбин. Кап Капыч // Наш современник. 1972. № 6) и т. п.

Ср. также выступающие в качестве антропонимических масок (см. об этом [Пеньковский 1983], а также в наст. изд с. 395—406) шутивно-мистифицирующие именованя животных и предметов типа *Котонайло Котонайлович* (*Котофей Котофеевич*), *Петушайло Петушайлович*, *Лаптеван Лаптеванович* (лапоть) и т. п. Ср. в загадке: «В Печерском, в Горшенском, под Крышенским сидит *Курлип Курлипович* (жареный петух)» [Садовников 1959 : 83]. То же в сказке: «— А что, милый человек, всюду ты бывал, все видел, скажи-ка мне: ныне в Черепенском под Сквородным здравствует ли *Курухан Куруханович*? — Давно уж нет, хозяйка. — Да где же теперь *Курухан Куруханович*? — В село Торбу переехал. — А не слыхал ли ты, милый человек, кто на его месте живет? — Как не слыхать, слыхал — *Липан Липанович*...» [РФО 1951 : 100]. Ср. варианты: *Курухан Куруханович* — *Плетухан Плетуханович* [ПСЯ 1958 : 57]; *Гаган Гаганыч* — *Поршень Поршенский* [РСС 1955 : 227] и т. п., которые принадлежат пародии и фарсу, как вывернутым наизнанку формам мифа и волшебной сказки.

Очевидно, что таунонимические именованя в художественном тексте существуют и используются не сами по себе, не изолированно, а на фоне гетеронимических именованя в том же тексте, с одной стороны, и естественных именованя обоих типов, с другой. Этим создается необходимое для обретения художественного эффекта пульсирующее напряжение восприятия слушателя (читателя) между полюсами естественного и вымышленного, мифологического и логического. Отсюда прием намеренного столкновения таких полюсных именованя, широко используемый в различных фольклорных жанрах: а) в былинe: «— Иди, — говорит она Ивануцаревичу, — к *еге егишне*, *Луке Лукишне*...»¹⁹ [Азадовский 1936 : 138]; б) в загадке: «*Дрен Дренович*, *Иван Иванович*, Сквозь землю прошел, На голове огонь пронес» (маков цвет — [Садовников 1959: 42]); в) в детских песнях и считалках: «Вот идет *Еж Ежович*, *Петр Петрович*» [РФТ 1954 : 25]: «Ти-га-ту, ти-га-та. Вышла

кошка за кота, За *Кота Котовича*, За *Петра Петровича*» [РФЛ 1972 : 391] и др. под.²⁰

Отсюда, из устной художественно-поэтической традиции, из былины, песни, сказки, считалки, загадки таутонимические именованья приходят в разговорную речь и получают там широкое распространение. Ср.: «Блиноеду барину, прекрасной Василисе и любезнейшему *Котафею Котафеичу* низжайший поклон» (А. Чехов — М. В. Киселевой, 17 февр. 1889 г.). Ср. также в литературных отражениях: «— Кажется, метель по всей магистрали. Мой *котофей-котофеич* не зря нос под хвостом держал...» (А. Безуглов. Ю. Кларов. Покушение, XXIII); «В июне по-мартовски голосили *коты-котовичи*: затыкай уши ватой» (О. Смирнов. Скорый до Баку); «Сколько, бывало, нареканий услышишь от рыбаков в адрес *ерша-ершовича*. Порыбачить спокойно не дает» (С. Николаев. Где же ерш? // «Призыв». 16 июня 1973 г.); «...потом минут десять мы ползали по колючему малиннику... в надежде, что наткнемся на *Ежа Ежовича*» (Ф. Абрамов. Из рассказов Олены Даниловны) и др. под.²¹ Свидетельствуемый этими примерами разноречивый в написаниях таких именованья говорит об отсутствии для них хотя бы стихийной — некодифицированной — нормы и, следовательно, об устном источнике их цитации.

За этими фактами стоит, однако, нечто большее, чем фольклорная традиция использования нескольких ставших общенародными таутонимических именованья. За ними стоит национальная традиция персонифицирующего именованья животных как частного вида персонифицирующего именованья, являющегося одним из важных элементов русской национальной культуры. Здесь следует различать две типичных жизненных ситуации.

Одна характеризуется тем, что животное сразу получает двухкомпонентное именование тауто- или гетеронимического типа. Так, собаки в доме А. С. Суворина были названы именами персонажей «Каштанки» — гуся *Ивана Ивановича* и кота *Федора Тимофеевича* (Вопросы литературы, 1977. № 2. С. 186), причем последнее является воспроизведением имени кота, жившего в доме Чеховых (Вопросы литературы, 1980. № 1. С. 139). Так, гусь, подаренный В. А. Гиляровским В. М. Лаврову, был назван в честь дарителя *Василием Алексеевичем* (В. А. Гиляровский. Москва газетная), а попугай *Иван Демьянович* (А. Чехов. Драма на охоте) получил это

имя по сходству его носа с носом деревенского лавочника Ивана Демьяновича. Во всех таких случаях имеет место «перенесение готового именованя», аналогичное известному в антропонимической практике «наречению имени в чью-либо честь». Внешний наблюдатель, от которого скрыты мотивы выбора именованя, может воспринять общую картину как проявление неограниченной свободы выбора патронимического компонента, тогда как с позиции нарекающих этот компонент в каждом данном случае жестко предопределен избранным целым.

Другая ситуация отличается тем, что однословное имя животного — для выражения шуточного или серьезного обращения, уважения, иронии и т. п. — включается в двухкомпонентную модель «имя + отчество». При этом возникнет задача выбора патронимического компонента, получающая у открытого множества именуемых одно и то же решение — в виде именованя, построенного по таутонимическому типу: «*Ваське* моему большая честь: на днях я прозвал его *Василием Васильевичем* Кацеусом...» (В. К. Кюхельбекер — Н. Г. Глинке, 19 октября 1834); «Кланяюсь Вашему дому с чадами, домочадцами, кончая *Апелем* и *Розулькой*» (А. П. Чехов — Н. А. Лейкину, 3 февраля 1886) и «Прощайте и будьте здоровы. *Апель Апеличу* наше нижайше» (А. П. Чехов — Н. А. Лейкину, 30 июля 1886). Таким же образом собачка *Мосявка* шуточно-уважительно именуется *Мосявой Мосявовной* (В. А. Гиляровский. Москва газетная), а медведь *Фомка* — *Фомой Фомичом* (Е. Прокофьева. Фомка). Примеры такого рода могут быть неограниченно умножены²².

Имеется, однако, и реально используется и другая возможность — образование окказионального двухкомпонентного персонифицирующего именованя присоединением к имени патронимического компонента *Иванович (Ивановна)*: «...почтеннейшему *Апель Иванычу* нижайший поклон» (А. С. Суворин — Н. А. Лейкину, 22 июня 1886). Образуемые окказиональными вариантами типа *Апель Апелич* — *Апель Иваныч* пары шуточных разговорно-бытовых персонификаций являются точными соответствиями фольклорных пар типа *Котофей Котофеевич* — *Котофей Иванович* (ср. параллельное использование обоих вариантов в одном тексте [ПСП 1979 : 157—158]), *Михаил Михайлович* — *Михаил Иванович* (о медведе)²³, *Воспа Восповна* — *Воспа Ивановна* и др. под.²⁴

Вторые члены таких пар вводят нас в обширный круг фольклорных персонификаций природных объектов (*Дунай Иванович* и *Дон Иванович*), стихийных сил природы (*Гром Иванович* и *Мороз Иванович*), домашних и диких животных (*Хавронья Ивановна* и *Лисавета Ивановна*), болезней и целебных средств (*Воспа Ивановна* и роса *Соломония Ивановна*), защитников и покровителей (*Петр Иванович* — св. Петр и день св. Петра) и мн. др. (см. подробнее [Пеньковский 1976 : 86—89], а также в наст. изд. с. 319—320). В своей изначальной совокупности такие именованья пунктирно очерчивают границы «своего» мира в составе русского фольклорного универсума, противопоставляясь гетеронимическим именованьям иных типов, называющим «своих» героев (ср.: *Иван Водович*, *Иван Быкович*, *Иван Царевич*, *Белая Лебедь Захарьевна*, *Марья Краса* и мн. др. под.), и таутономическим именованьям как ономастическим знакам «чужого» мира.

Неся все функции, свойственные второму компоненту персонифицирующих именованьях модели «имя + отчество» (см. выше, и [Пеньковский 1976 : 88], а также в наст. изд. с. 320), патронимы *Иванович*, *Ивановна* в составе именованьях рассматриваемой группы оказываются еще и символическими этнонимизирующими знаками — знаками принадлежности объекта культурному миру русского этноса. Использование их в этой функции должно быть признано одной из важнейших русских культурно-ономастических норм. У истоков ее находятся именованья типа *Дунай Иванович* (ср. [Мачинский 1981]). Одно из последних ее порождений — именование *Мамонт Иванович* (для чучела мамонта, экспонированного СССР на международной выставке «Экспо-73» в Японии).

Замещение второго компонента таких именованьях другими патронимическими образованиями единично и всегда обусловлено теми или иными специальными связями между стоящими за ними образами (в мифе), реалиями (в обряде и/или в жизни) и словами (в языке и тексте). Ср., например, имя *Горыныч* в исторически вторичных персонификациях таких связанных с г о р а м и рек, как *Яик Горыныч* и *Терек Горыныч* в песнях яицких (см.: [Витевский 1879 : 299; Коротин 1981 : 32]; ср. здесь же вторичное *Добрыня Горынович* [Коротин 1981 : 34]) и гребенских [Мендельсон 1914 : 194; Андроников 1968 : 399] казаков. Таким же образом имя *Васильевич* в смоленском заклинании мороза в *Васильев вечер* под Но-

вый год (ср.: «Мороз, *Мороз Васильевич*, ходи кутьи есть!» [Добровольский 1903 : 69]) обусловлено связью с именем св. Василия Кесарейского, память которого отмечалась 1 января (ст. ст.)²⁵, а *Власьевна* в составе серьезно или шутивно почтительных именованй коров [РФВ 1965 : 208; Соколова 1979 : 163] — связью с именем покровителя рогатого скота св. Власия (ср. в олонецком заговоре перед выгоном скотины: «коровье стадо *Власьево рода*» [Иванов, Топоров 1974 : 58]). Нередкое в русских сказках именоване медведя *Михаилом Потапычем* анаграмматически связано с его фамильным прозвищем — *Топтыгин* (ср. в «Сказании о Ерше»: «пришел *Потан*, почал ерша *топтать*» [Адрианова-Перетц 1977 : 15]²⁶), подобно тому, как народное именоване сохи — *Соха Андреевна* — объясняется, по догадке В. И. Чернышева, связью с именем *а/о/ндрец (одрец)* ‘телега, на которой перевозят соху в поле’ (при дополнительной связи соха — *Соха*, диал. уменьш. к *Софья*, — [Чернышев 1948 : 15—17]), а вариантное именоване оспы *Воспа Осиповна* [Черепанова 1983 : 43] — основанной на фонетической аттракции связью *оспа* — *Осип*²⁷. Ср. также *кулебяка мисаиловна* («— У меня водочка из Киева пешком пришла, а повар в Париже бывал. Такого фенезерфу подаст, такую *кулебяку мисаиловну* сочинит, что только пальчики оближешь...») — Ф. М. Достоевский. Село Степанчиково. I, II), где обыграна фонетическая близость слов *мясо* — *Мисаил*.

Одновременно этот последний случай представляет широко используемый прием образования персонифицирующих именованй из определительных словосочетанй различных типов. Ср. былин. *Бурушка Косматый* → *Бурушка Косматьевич* [Гильфердинг 1951 : II, 616]; арханг. *Лампияда Керосиновна* ← *керосиновая лампа* (Б. Шергин. Гандвик — студеное море); литературные *Тайга-свет-Енисеевна* (Е. Городецкий. Кто бывал в экспедиции...), *Океан Леодович* (Л. Шинкарев. «Микешкин» идет в Арктику) и мн. др. под.

Так создаются персонификации гетеронимического типа, состав которых пополняется также за счет специального преобразования таутономических именованй. Эти последние, представляя фигуру усилительного повтора, обладают общей для всех ее видов трансформацией, заключающейся в замене одного из членов в синонимическом ряду, в лексико-семантическом поле или в поле паронимической аттракции. Ср. *давным-давно*, *белым-бела* и «*Далеко*

давным, годов за двести...» (В. Маяковский. Владимир Ильич Ленин); «Черным-темна его душа» (В. Кун. «Вот друга мне дала судьба...», 1968).

Таким же образом *Курихан Куриханьч* (он же — *Петухан Петуханьч*) становится *Петуханом Куриханьчем* [Смирнов 1917 : 277], а *Мороз* (он же *Мороз Васильевич* и *Мороз Иванович*) называется *Морозом Снеговичем* (ср.: «Не удивляйтесь этим кривым строкам: сердце пишет прямо, а *Мороз-Снегович* берет свое...» — В. И. Даль. Письма к друзьям из похода в Хиву, 25 ноября 1839). Ср. также: *Волк Злодеич* (в названии книги Е. Венского, М.; Л., 1925), *Камень Кремневич* (в названии книги А. Ф. Погосского. СПб., 1876), *Мур Котович* (в названии книги А. Можаровского. Вольск, 1899) и др.

От *Батыги Батыговича* русской былины до *Гумберта Гумберта* в романе В. В. Набокова «Лолита» и *Иванов Ивановичей, Романов Романовичей* и *Султанов Султановичей* советской начальственной верхушки, от *Лисаветы Патрикеевны* русской сказки до *Бюрократии Волокитьевны* в романе В. Белова «Кануны», от мифологического *Дуная Ивановича* до оценочно-характеризующего *Шута Иваныча* разговорной речи, от *Петухана Курихановича* сатирической сказки до *Тигрия Львовича* (Лютова) в комедии А. Н. Островского — вот путь, пройденный русскими персонификациями модели «имя + отчество». Рожденные в фольклорной речи на позднем этапе мифологического мышления, прошедшие школу народной смеховой культуры, они, обнаружив универсальность формы при почти неограниченной широте содержательных возможностей, оказались необходимыми всем типам речи, кроме официально-деловых и научных стилей. Им оказалось доступным все: сакральное и профанное, высокое и низкое, серьезное и смешное. Смешное в конце концов и стало основным их содержанием во всех его жанрах и во всех его видах — от мягкой улыбки до раблезианского площадного хохота.

Учитывая, что украинский фольклор этого средства вообще не знает, а в белорусском оно используется крайне ограниченно и, по-видимому, обязано русскому влиянию, можно думать, что мы имеем здесь дело с региональной особенностью в рамках восточнославянской языковой общности, которая, несмотря на частный ее характер, может оказаться весьма существенной для решения це-

лого ряда значительно более общих филологических и историко-культурных проблем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. у Потебни: «Я в отличие от прежнего своего мнения... теперь считаю верным старинное мнение, противопоставляющее именительный и звательный как прямые падежи, т. е. падежи субъекта и слов, согласуемых с ним, остальным косвенным падежам объекта» [Потебня 1958 : 101].

² Ср. влад.-поволжск. детск. *кока*, -и, общ. р. ‘крестный отец’, ‘крестная мать’, откуда в результате расщепления *кока*, -и, ж. р. ‘крестная мать’ и *кокай*, -я, м. р. ‘крестный отец’.

³ О семантических типах текстов см. [Золотова 1982 : 300—315]. Что касается именованя *князь молодой*, *рог золотой* в примере (3), то оно восходит к праславянской древности (ср. польск. *księżyc*, укр. *молодик* ‘месяц’) и, будучи связанным со специальным мифологическим циклом индоевропейского происхождения (ср. [Иванов, Топоров 1965: 132—137]), представляет перифрастическое переименование, которое общим средством и приемом персонификации быть не может.

⁴ Специальный анализ таких повторов см., например, в работе [Гілевіч : 1975]. Ср. также разнообразные вырожденные вокативы в начальных и конечных возгласах-припевах обрядовых песен, являющиеся по происхождению формулами заклятий (ср. [Чичеров 1957 : 96]).

⁵ Ср. замечание автора аннотации к «Белорусским песням» П. Бессонова (Ч. I. Вып. I. М., 1871) [Русская старина, 1872. Кн. 3. С. 3] об «отвращении белорусов к именам с отчествами», что справедливо в отношении южной и центральной частей Белоруссии, но несправедливо в отношении ее северо-восточной части, где уже в середине XIX в. — и в говорах, и в культуре, и в фольклоре — сказывалось в большей или меньшей степени великорусское влияние. Ср. явно подновленный текст заговора: «Упрошаю хозяина домового, полявого, выгонного, межавого и самого старшего — *Дзяменьция Дзяменьцевича*, и цябе, *Кляменьций Кляменьцевич*, и цябе, *Хведор Хведорович*, и цябе, *Аграсим Аграсимович!*» [Романов 1894 : V, 137].

⁶ Ср. еще два варианта одной загадки: «Едет скрипица-скрипулица. Везет желтоперцу: — *Курган! Курган!* Пусти ночевать...» и «Скрыпит скрипица, Едет царица, Везет девицу, Спуска косицы. — *Курган Курганович!* Пусти ночевать!» (телега, снопы, амбар) [Садовников 1959: 149, 150].

⁷ Ср. единичные таутонимы типа *Бел Беянин* [Афанасьев 1957 : I, 231]; *Ворон Воронице* [Черепанова 1983 : 204]; *Горе-Горяин* [Морозова 1977 :

234]; *ёр ерской* [СРНГ 1972 : 8, 363]; *Дуб-Дубовик* [Новиков 1974 : 146]; *жид-жидовик* [СБ 1916 : 87]; *Заря-Заряница* [Пулькин 1973 : 19]; *змея змеиная* [Романов 1891 : V, 108]; *змея-змеица* [Романов 1891 : V, 108]; *Ляга-Лягица* [Демич 1912 : I, 5]; *Плешь-Плешавница* [Новиков 1974 : 79]; *Русая Руса* [СС 1973 : 16]. Ср. также: *Томаша-Томашиха-Томашева* [Виноградов 1907 : 3, 75].

⁸ Ср. отражение той же оппозиции, но в перевернутом виде, с точки зрения представителя «чужого» мира: в исторической песне «Мы вечер в торгу торговали...» полонянка, захваченная русскими, в ответ на предложение генерала выйти замуж за его сына говорит: «Не хочу с тобой говорить, / И нейдю, нейдю в Русью замуж / За любимого твоего сына, / За Ивановича Ивана, / За российского генерала...» [ПСЯ 1958 : 263]. Здесь находит свое отражение тот наивный взгляд на мир, в соответствии с которым не только внешность, не только имя, но и профессия и чин отца являются наследуемыми и неизменно воспроизводимыми в детях сущностями. Ср., с одной стороны: «Женись, брат Василий, и привези мне *маленького Васиньку*, которого бы я расцеловал...» (П. Д. Цицианов — В. Н. Зиновьеву, 3 марта 1787 // Русский архив, 1872. Кн. 3. Вып. 11. С. 2165), а с другой: «[Кочкарев] Тут, вообрази, около тебя будут ребяташки, ведь не то, что двое или трое, а может быть целых шестеро, и *все на тебя как две капли воды*. Ты вот теперь один, *надворный советник, экспедитор* или там начальник какой, бог тебя ведает; а тогда, вообрази, около тебя *экспедиторчонки*, маленькие такие канальчонки...» (Н. В. Гоголь. Женитьба, я. XI). Ср. другой вариант этого текста: «...около тебя будут все маленькие канальчонки, *надворные советничонки*...».

⁹ Ср.: «А барин стал спрашивать старика и старуху: “Што же у вас сыну имя-то не такое, как в людях, *найденый*?” — Они ему и говорят: “...*мы его нашли в лисях под сосной*..., ну мы... своим именем и назвали”...» [Ончуков 1909, № 148].

¹⁰ Ср.: «Во время грозы суеверные люди употребляют только слово громушка, слово гром в этих случаях находится под своеобразным запретом» [СРНГ 1972 : 7, 152].

¹¹ Ср. обычное для фольклорных текстов преобразование конструкций типа *сорок князей-князевичей, сорок царей-царевичей* в конструкции с повтором числительного (*сорок князей, сорок князевичей* и т. п.) и затем с союзным разделением (*сорок князей и сорок князевичей*), приводящим к раздвоению денотата. Ср.: «И тут я раб божий помолюсь им и поклонюсь: о, вы 70 буйных *ветров* и 70 *вихоров* и 70 *ветрович* и 70 *вихорович*, не ходите вы на святую Русь...» [Ефименко 1879 : 139].

Однако, «*Quod licet Jovi, non licet bovi*», и то, что позволено безымянному автору фольклорных текстов, не позволено их публикаторам и исследователям.

дователям, которые, встречая в тексте последовательности типа *цари царевичи, короли королевичи* и т. п., воспринимают их не как целостные образования, а как двучленные перечислительные ряды и осуществляют собственное, произвольное раздвоение стоящих за ними денотатов. То же имеет место и в отношении их дефисных вариантов (*цари-царевичи, короли-королевичи*). Так, цитируя приведенные выше строки «Много там сидит царей-царевичев, Много *королей-королевичев*» [Былины 1916 : I, 17], Б. А. Рыбаков усматривает в них указание былины «на такую любопытную деталь, как наличие среди русского полона у Змея несколько неожиданных там иноземных *королей, королевичей и королевских дочерей*» [Рыбаков 1963 : 70].

Образование именованй такого типа от других основ (ср.: «Сорок *князей, Всё княжевичей*» [Марков 1901 : № 19]; «Выходило тут сорок *попов поповицов, Выходило сорок дяков дяковицов*» [Григорьев 1904 : I, № 21] и т. п.) следует рассматривать как вторичное, как выход за рамки первоначальной традиции.

¹²Ср. вторичное (так сказать, эндогамное) обоснование этого именованя в одной из поздних былин, где Соловей объясняет Илье Муромцу: «Я сына-то выращу, за него дочь отдам, дочь-то выращу, отдам за сына, чтобы соловейкин род не переводился» [Былины 1916 : I, 145].

¹³Принцип «смешное не страшно» последовательно проводится и в других видах народного искусства. Так, по наблюдению Ф. И. Буслаева тератологический орнамент в книжных миниатюрах и инициалах носил в значительной степени гротескный характер. В нем «всякая естественная форма принимает вид чудовища, которое, однако, рассчитано не на то, чтобы пугать воображение, а на то, чтобы затейливостью группы производить игривое впечатление» [Буслаев 1930 : III, 10]. См. об этом также в работе [Стасов 1884 : 22].

¹⁴Ср.: «Он <Гришка> и брал себе невесту не у нас в Москве, Он брал невесту в проклятой Литве / Что у славного у пана Юрья Юрьевича / Распрекрасную Маринку дочь Юрьевну» [ПСЯ 1958 : 260].

¹⁵Не случайно поэтому, что патронимическое имя в составе таких именованй в фольклорных текстах почти никогда не сопровождается ключевым показателем *сын*, как это характерно для гетеронимических именованй персонажей «своего» мира. Ср.: *Илья Муромец Иванович // сын Иванович; Василий Казимирович // Василий Казимиров сын; Алешенька Попович // Поповский сын* и т. п. Но *Калин Калинович* или *Калин царь Калинович*, а не *Калин сын Калинович; Ворон Воронович*, а не *Ворон сын Воронович* и т. п. Единичные исключения («*Везьяк сын Везьякович*» [Гильфердинг 1951 : III, 294]), как всегда, лишь подтверждают общее правило. Более того, они могут рассматриваться в ряду свидетельств порчи первичного текста или его позднего происхождения. Ср. строки из явно вторичной «Истории

о киевском богатыре Михаиле сыне Даниловиче двенадцати лет»: «...идет из болия орды *царь Бахмет сын Тавруевич*, а с ним идут богатыри три брата *Братовича*» [БЗП 1960 : 140].

¹⁶ Ср. сказки, в которых действуют Яга Ягишна и две ее сестры *Яги Ягишны*, или *Ягишны*, ее дочери [Новиков 1974 : 166]. Ср. также сказку «Мороз и его сын Морозко» [РФО 1951 : 122].

¹⁷ Лишь в единичных случаях персонифицирующая функция парализуется, и таутоним превращается в ярко экспрессивное усилительное оценочно-характеризующее образование. Ср.: «Вот кака *беда* пришла! Прямо сказать — *беда-бедовна!*» [Пеньковский 1960]. Ср. также свидетельствуемые различными источниками апеллятивные повторы *беда-бедуха*, *беда бедующая*, *беда бедистая* ‘сушая беда’). Ср. аналогичное образование в литературном отражении: «— Вот какая канитель! — говорю я и жду ее слов... — *Канитель, канитель, канителевна*. — Это уже она. Я вслушиваюсь. Тон важен. Оттенки голоса...» (*О. Попцов*. Банальный сюжет // Октябрь. 1982. № 1. С. 92).

¹⁸ Обнаруживающий себя здесь механизм припоминания забытого имени былинного персонажа при сохранении в памяти модели образования именованного, в которое оно входит, действует и в ситуации творческого выбора имени героя вновь создаваемого художественного текста. Как писал В. В. Набоков, рассказывая о поисках имени для героя «Лолиты», которого после долгих колебаний он назвал *Гумберт Гумберт*: «Я замуфлировал то, что могло бы уязвить кого-либо из живых. И сам я перебрал немало псевдонимов <sic!>, пока не придумал особенно подходящего мне. В моих записях есть и “Отто Отто”, и “Месмер Месмер”, и “Герман Герман”... но почему-то мне кажется, что мною выбранное имя всего лучше выражает требуемую гнусность...». Интуитивное предпочтение, оказанное Набоковым имени *Гумберт* с его начальным заднеязычным [г], огубленным [у], комплексным губным [мг], конечным глухим [т] и оглушенным предшествующим [р] вполне подтверждается объективными закономерностями русской фонетической семантики. Это имя, действительно, наилучшим образом выражает «требуемую г н у с н о с т ь». Но «г н у с н о с т ь» и м е н и, которую осознает и о которой говорит Набоков, подкрепляется и многократно усиливается «г н у с н о с т ь ю» целостной м о д е л и, по которой строится включающее это имя и м е н о в а н и е, как и все другие опробованные и отвергнутые им варианты, о чем Набоков не только не говорит, но и, по-видимому, не догадывается. Но ведь это та же самая, рассмотренная нами выше, таутонимическая модель именованного «смешных страшилищ» русского былевого эпоса во главе с *Батыгой Батыговичем* — модель, всплывшая в сознании Набокова из глубин его русской культурной и языковой памяти, но только освобожденная от специ-

фически русского словообразовательного *-ович*-элемента. Если бы «Лолиту» переводили на русский язык по переводческим нормам конца XVIII в. — со «склонением на русские нравы», то набоковский *Гумберт Гумберт* превратился бы в *Гумберта Гумбертовича*. Здесь можно было предполагать и воздействие сходной европейской антропонимической модели, представленной образованиями типа итальянского *Ринальдо Ринальдини*, но они не обладали семантикой русских таутонимов.

¹⁹ Ср.: *Лука, Лукавий, Луканька* ‘черт, нечистая сила’. Ср. более поздний и вторичный вариант с гетеронимическим соответствием: «*Яга Ягишишина, Авдотья Кузьмишишина*» [Зеленин 1914 : 9].

²⁰ Ср. перенесение этого фольклорного приема в жизнь в стихотворном послании отставного кригс-комиссара И. Лузина Павлу I: «*Уму Умовичу / Павлу Петровичу! / Твой кригс-комиссар, / Лузин Иван / Бьет в барабан — / Трам-там-там! / Не по правилам фортификации, / Ниже по ситуации, / Но по Божеской власти / Петербург разделен на части / <...> / Сие доносит тебе Лузин, / Яко муж неискусен, / Истощая ума своего крошки, / Просит от щедрот твоих трошки*» (В. П. Степанов. Из времен императора Павла Петровича // Русский архив. 1873. Кн.1. Вып. 4. С. 645).

²¹ Как вторичное явление должно быть отмечено использование таутонимических именованний такого рода в переносном значении применительно к лицам, что естественно парализует их персонифицирующую функцию и, как и в случаях, рассмотренных выше, превращает их в оценочно характеризующие именованья: *Ери Еришович* → *ери-еришович* ‘задира’ («— Дети мои, — сказал мягко отец Михаил, — вы, я вижу, друг с другом никогда не договоритесь. Ты помолчи, *ери еришович*, а вы, Любовь Александровна, будьте добры, пройдите в столовую...») — А. Куприн. Юнкера. I, 1); *Кот Котович* → *кот-котович* ‘бабник’ («— Тебе только бы за бабами ухлестывать, *кот-котович* несчастный... — В. Ситников. Приехали). Точно так же *Волк Волкович* → *волк-волкович* ‘злой и жестокий человек’, *Еж Ежович* → *еж-ежович* ‘колочий человек’, *Конь-Коневич* → *конь-коневич* ‘ломовая лошадь’ (о человеке) и т. п. Отсюда многочисленные (по материалам картотеки автора их более 50), все шире распространяющиеся и получающие (с конца XIX в.) все более широкое отражение в литературе разговорные усилительные образования типа *актер-актерыч* ‘бездарный актер’, *брехун-брехунович*, *грамотей-грамотеевич* ‘невежда’, *порох-порохович* ‘вспыльчивый человек’, *лентяй-лентяевич*, *сухарь-сухаревич*, *трус-трусич*, *чудак-чудакович* и т. п.

Таким образом, необходимо разграничивать (в частности, и средствами орфографии) животные (*Кот Котович*), предметные (*Колос Колосович* — в названии сборника стихов В. Семакина. М., СП, 1979; *Селигер Селигерович* — в одноименном рассказе А. Приставкина) и понятийные (*Компро-*

мисс Компромиссович — в одноименном стихотворении Е. Евтушенко) таутонимы-персонификации, с одной стороны, и таутонимы — усилительные оценочно-характеризующие повторы, с другой. Ср. тонкую игру на совмещении этих двух смыслов в пьесе А. Н. Островского «Иван царевич»: «[Карга] Здравствуй, Кашей... как по бабушке, позволь тебя спросить? [Кашей] Мой отец был *такой же Кашей, как и я*. [Карга] Так вот что, Кашей Кашеич...» (д. 1, к. 4, я. 5). Комический эффект создается здесь тем, что и конструкция, и имя балансируют между *opota* и *apellativa*, склоняясь ко второму через «*такой же... как я*». Ср.: «мой отец был *тоже Василий*» и «мой отец был *такой же лентяй*».

²² Следует заметить, что фольклорная традиция, определяющая национальную форму таких шутивно-уважительных именовании, опирается на вполне серьезный и не ограниченный национальными рамками обычай называть представителей сменяющих друг друга поколений домашних животных одним и тем же именем, что служит выражением и опорой пережиточно сохраняющихся элементов мифологического восприятия мира животных и природы в целом (с представлениями о цикличности времени, тождестве особей в бесконечном генеалогическом ряду и т. п.). Ср.: «Я, *Сапсан Тридцать Шестой* — большой и сильный пес редкой породы...» (А. Куприн. Сапсан); «Мальчику — будущему естествоиспытателю Карлу Фришу — подарили попугая. Его назвали *Чаки*. Много лет спустя уже у сына Карла — Отто — *все попугаи получали это, ставшее традиционным, имя*» (И. Халифман. Восхождение вглубь); «Старая, с совершенно седым лицом... *борзая Милка, дочь первой Милки*, лежала на кресле подле него...» (Л. Н. Толстой. Война и мир, 4, Эпилог, XIII); «— Ой, да на селе у нас часто собакам людские имена дают... Это у меня уже третий, и все *Франеки*» (И. Сабилло. Показательный бой, 3); «Вам посылают поклон *господин Томас и г. Томас, четырехмесячный его сынок...*» (Екатерина II — В. Гримму, 3 декабря 1774 г.; в письме от 29 апр. 1775 г. — *Том Томсон*). Ср. редкий в русском материале тип таутонима модели «имя + фамилия»: «— Долбанет цыпленок разок клювом — и нет тебя. Э-эх ты, *Муравей Муравейкин*» (В. Бочарников. Муравей из Егоршинской сечи).

²³ Ср. отражение членов этой пары в литературе (в образах «медвежатых» носителей этих именовании) и перенос их в жизнь. Ср. указ Св. Синода от 13 июля 1756 г. «о сыску Московского уезда села Богородского поповича, разбойного есаула Михаила Михайлова, прозванием *Медведя*» (Русский Архив. 1869. № 5. С. 1087).

²⁴ Ср. аналогичное варьирование оценочно-характеризующих таутонимов (см. [Пеньковский 1976 : 87]).

²⁵ Обязательный по ритуалу этого праздника («жирная кутья», или «щедруха») поросенок, другие свиные блюда и печенье в форме свинки объяс-

няют иные — «свиные» — приложения этого имени. Ср. *Вася, Васька, Василий Иванович* как традиционные имена поросенка, подзывные *вась-вась-вась!*, *васюк* «свиной желудок, начинаемый кашей» и др.

²⁶ Ср. обнажение этого приема у Чехова: «[Анфиса] Из земской управы, от *Протопопова Михаила Ивановича*... Пирог. [Маша] Не люблю я *Протопопова*, этого *Михаила Потапыча* или *Иваныча*...» (Три сестры, д. 1).

²⁷ Ср. открытое провозглашение анаграмматического принципа именования в загадках: «Что же носит *куроптево* имя? — *Крупник*. — Что тако: у нас в избушке *палагеино* имя? — *Полати*. — Что же носит *вороново* имя? — *Воронец* в избе» [Ефименко 1879 : 242]. Ср. в связи с этим народное именование самки тетерева — *Терентьевна* (Е. Пермитин. Поэма о лесах, III).

ЛИТЕРАТУРА

Адрианова-Перетц 1977 — *Адрианова-Перетц В. П.* Русская демократическая сатира XVII в. М., 1977.

Азадовский 1938 — *Азадовский М. К.* Верхнеленские сказки. Иркутск, 1938.

Андроников 1968 — *Андроников И.* Лермонтов. М., 1968.

Афанасьев 1957 — *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. Т. I. М., 1957.

Афанасьев 1982 — Народные русские сказки: Из сборника А. Н. Афанасьева. М.: Худож. лит., 1982.

БЗП 1960 — Былины в записях и пересказах XVII—XVIII вв. М; Л., 1960.

БПЗБ 1961 — Былины Печоры и Зимнего Берега: Новые записи. М.; Л., 1961.

БПК 1916 — Былины Пудожского края. М., 1916.

БС 1951 — Былины Севера. М., 1951.

Буслаев 1861 — Русская народная поэзия. СПб., 1861.

Буслаев 1930 — *Буслаев Ф. И.* Сочинения. Л., 1930.

Былины 1916 — Былины. М., 1916.

Виноградов 1907 — *Виноградов Н.* Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. // Живая старина. 1907. Вып. 3.

Витевский 1879 — *Витевский В. Н.* Яицкое войско // Русский архив. 1879. Кн. 1. Вып. 3.

Гильфердинг 1951 — *Гильфердинг А. Ф.* Онежские былины. В 3 т. М., 1951.

Гілевіч 1975 — *Гілевіч Н. С.* Паэтыка беларускай народнай лірыкі. Мн.: Выш. шк., 1975.

Григорьев 1904 — *Григорьев А. Д.* Архангельские былины и исторические песни. Т. I. М., 1904.

Гуревич 1972 — *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972.

Данилов 1938 — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1938.

Демич 1912 — *Демич В. Ф.* О змее в русской народной медицине // Живая старина. 1912. Вып. 1.

Добровольский 1903 — *Добровольский В. Н.* Смоленский этнографический сборник. Ч. 4. М., 1903.

Ефименко 1877 — *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губ. Вып. 1. М., 1877.

Записки 1906 — Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отд. Русского географического общества. Вып. II. Томск, 1906.

Зеленин 1914 — *Зеленин Д. К.* Великорусские сказки Пермской губернии, 1914.

Зеленин 1915 — Великорусские сказки Вятской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Пг., 1915.

Золотова 1982 — *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982.

Ефименко 1879 — *Ефименко П. С.* Материалы для этнографии русского населения Архангельской губ. Ч. 2. М., 1879.

Иванов, Топоров 1965 — *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.: Наука, 1965.

Иванов, Топоров 1974 — *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974.

Коротин 1981 — *Коротин Е. И.* Фольклор Яицких казаков. Алма-Ата, 1981.

Лотман, Успенский 1973 — *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Миф — имя — культура // Труды по знакомым системам. Т. VI. Тарту, 1973.

ЛРС 1969 — Лирика русской свадьбы. М., 1969.

Майков 1869 — *Майков Л. Н.* Великорусские заклинания. СПб., 1869.

Марков 1901 — *Марков А. В.* Беломорские былины. М., 1901.

Мачинский 1981 — *Мачинский Д. А.* «Дунай» русского фольклора // Русский север: Проблемы этнографии и фольклора. Л.: Наука, 1981.

Мендельсон 1914 — *Мендельсон Н.* Народные мотивы в поэзии Лермонтова // Венюк М. Ю. Лермонтову. М., 1914.

Морозова 1977 — *Морозова М. Н.* Антропонимия русских народных сказок // Фольклор: Поэтическая система. М.: Наука, 1977.

Новиков 1974 — *Новиков Н. В.* Образы восточнославянской волшебной сказки. Л.: Наука, 1974.

Ончуков 1904 — *Ончуков Н. Е.* Печорские былины. СПб., 1904.

Ончуков 1909 — *Ончуков Н. Е.* Северные сказки. СПб., 1909.

Пеньковский 1949—1965 — Фольклорно-диалектологические записи автора на территории говоров Западной Брянщины (1949—1965 гг.).

Пеньковский 1960 — Фольклорно-диалектологические записи автора в Вязниковском районе Владимирской обл.

Пеньковский 1976 — *Пеньковский А. Б.* Русские личные именованья, построенные по двухкомпонентной модели «имя + отчество» // Ономастика и норма. М.: Наука, 1976.

Пеньковский 1983 — *Пеньковский А. Б.* Полежаев, Сопиков, Храповицкий // Русская речь. 1983. № 4.

Пеньковский 1988 — *Пеньковский А. Б.* Ономастическое пространство русского былевого эпоса как модель его художественного мира // Язык русского фольклора: Межвуз. сб. / Отв. ред. З. К. Тарланов. Петрозаводск, 1988.

Пеньковский 1989 — *Пеньковский А. Б.* О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики 1985—1987 / Отв. ред. В. П. Григорьев. М.: Наука, 1989.

Писахов 1959 — *Писахов С.* Сказки. Архангельск, 1959.

Попов 1903 — *Попов Г.* Русская народно-бытовая медицина. СПб., 1903.

Потебня 1958 — *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М.: Учпедгиз, 1958.

ПСП 1979 — Песни и сказки Пушкинских мест. Л.: Наука, 1979.

ПСЯ 1958 — Песни и сказки Ярославской области. Ярославль, 1958.

Пулькин 1973 — *Пулькин В.* Кижские рассказы. М.: Сов. писатель, 1973.

Ровинский 1881 — *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. Т. I. СПб., 1881.

Роднянская 1968 — *Роднянская И. Б.* Олицетворение // Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. М.: Сов. энцикл., 1968.

Романов 1894 — *Романов Е. Р.* Белорусский сборник. Вып. V. Витебск, 1894.

РСК 1947 — Русские сказки в Карелии. Петрозаводск, 1947.

РСС — Русская сатирическая сказка. М.; Л., 1955.

РФВ 1965 — Народное устно-поэтическое творчество Вологодского края. Вологда, 1965.

РФЛ — Русский фольклор в Латвии. Рига, 1972.

РФН 1948 — Русский фольклор Нарыма. Новосибирск, 1948.

РФО 1951 — Заветное кольцо. Омск, 1951.

РФТ 1958 — Русское устно-поэтическое творчество в ТатССР. Казань, 1958.

Рыбников 1909—1910 — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1909—1910.

Садовников 1959 — *Садовников Д. Н.* Загадки русского народа. М., 1959.

- СБ 1916 — Сказки и песни Белозерского края. М., 1916.
- СВС 1939 — Русские сказки Восточной Сибири. Иркутск, 1939.
- Семенов 1914 — *Семенов Л.* Лермонтов и Лев Толстой. М., 1914.
- Смирнов 1917 — *Смирнов А. М.* Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Вып. 1—2. Пг., 1917.
- Соколова 1979 — *Соколова В. К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М.: Наука, 1979.
- СК 1951 — Перстенок — двенадцать ставешков: Избранные сказки Карелии. Петрозаводск, 1951.
- СПБК 1916 — Сказки и песни Беломорского края. М, 1916.
- СРНГ 1970 — 1972 — Словарь русских народных говоров. Вып. 5, 7, 8. Л.: Наука, 1970—1972.
- СС 1973 — Сибирские сказки. Новосибирск, 1973.
- СТ 1970 — Сказки Терского берега Белого моря. Л.: Наука, 1970.
- Стасов 1884 — *Стасов В. В.* Картины и композиции, скрытые в заглавных буквах древних русских рукописей. СПб., 1884.
- Фаминцын 1884 — *Фаминцын А. С.* Божества древних славян. Вып. I. СПб., 1884.
- Черепанова 1983 — *Черепанова О. А.* Мифологическая лексика русского Севера. Л., 1983.
- Чернышев 1948 — *Чернышев В. И.* Разыскания и замечания о некоторых русских выражениях // Доклады и сообщения Института русского языка. Вып. 1. М.; Л., 1948.
- Чичеров 1957 — *Чичеров В. И.* Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков. М., 1957.
- Чубинский 1876 — *Чубинский П. П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край. Т. V. СПб., 1876.
- Шуб 1956 — *Шуб Т. А.* Былины русских старожиллов низовьев реки Индигирки // Русский фольклор. Т. I. М.; Л., 1956.

ПОЛЕЖАЕВ — СОПИКОВ — ХРАПОВИЦКИЙ

Лето 1842 года Н. В. Гоголь вместе с поэтом Николаем Языковым провел в Германии, на курорте в Гастейне. Выехав на несколько дней в Мюнхен, он поспешил поделиться со своим другом свежими впечатлениями и 5 августа отправил ему письмо, резко отличающееся от других писем этого периода, полных творческими тревогами, заботами об издании «Мертвых душ» и религиозными раздумьями. Окрашенное знакомым нам гоголевским юмором, насыщенное шутками и легкой иронией над досадными мелочами жизни, оно заставляет вспомнить многие страницы его художественных произведений. Вот отрывок из этого письма:

«В Мюнхене жарко и душно — в сем да будет заключено первое слово. Того же дни я вспомнил о Гастейне. Комната у меня великолепна... но солнце меня тревожит все утро. Табльдот (общий обеденный стол в пансионатах, курортных столовых и ресторанах на Западе. — *А. П.*) для немецких табльдотов королевский, но кофий смотрит подлецом... Общество здесь почти то же, что и в Гастейне, но как-то не так обходительно: Полежаев, Храповицкий, Сопиков хотя и принимают, но не с таким радушием, нет той непринужденности в оборотах и поступках. Ходаковский тоже, хотя и навевывается чаще, но есть в нем что-то черствое, городское, слишком щеголеват, не так нараспашку, как в Гастейне, и еще беда: завел он дружбу страшную с помещиком, которого в Гастейне мы никогда не видали, и я сам даже не помню хорошо его фамилии, Пыляков, кажется, или Пылинский. Подлец, какого только ты можешь себе представить. Подобного нахальства в поступках и наглости я не видал давно: лезет в самый рот. Тепляков тоже здесь

несносен, его бы следовало скорее назвать Допекаевым. Нет, Гастейн наш — рай... Здесь я не в силах даже письма написать, а не то, чтобы предаться как следует размышлению...»

Казалось бы, все здесь понятно и ясно. Гоголь смеется и шутит, но за шуткой его скрывается жалоба: на солнце, не дающее спать по утрам; на жару и духоту, из-за которых и письма не напишешь; на плохой кофе; и особенно — на здешнее русское общество, представителям которого даны развернутые шутливо-иронические характеристики.

Кто же они, эти лица из мюнхенского окружения Гоголя, носящие известные в истории русской культуры фамильные имена?

Может быть, Полежаев — это прославленный поэт, продолжатель традиций декабристской лирики, Александр Полежаев, автор знаменитой поэмы «Сашка»? Но А. И. Полежаев скончался еще в 1838 году.

Ну, а Сопиков? Не тот ли это Сопиков, чьи труды по книговедению создали ему славу основателя русской библиографии? Отпадает. В. С. Сопиков умер в Петербурге в 1818 году.

В таком случае, может быть, Тепляков (которого Гоголь, играя словами, предлагает назвать Допекаевым) — это известный в свое время поэт, автор «Фракийских элегий», заслуживших высокую оценку Пушкина? Не исключено. Виктор Тепляков умер в Париже 14 октября 1842 года и в августе мог бы находиться в Мюнхене и Гастейне.

Чтобы не гадать, обратимся к «Именному указателю», который дается в приложении к XII тому Полного собрания сочинений Гоголя (1952) и содержит все личные именованья, представленные в опубликованных здесь письмах. Мы найдем в этом алфавитном списке имена, отчества и фамилии не только всех гоголевских адресатов, но также и всех лиц, о которых хотя бы раз упоминает Гоголь. Здесь указаны, например, банкир Авикдор, владелец дома Дейенгер, лакей графов Толстых Жозеф, слуга Л. К. Вельгорской Петер и многие другие. Должны быть здесь и интересующие нас имена.

Должны быть, но... их нет. Значатся Н. А. Полевой и Я. П. Полонский, но между ними нет *Полежаева*. Названы С. М. Соллогуб и И. И. Сосницкий, но пропущен *Сопиков*. Есть Е. А. Хомякова и А. Д. Хрипков, но нет *Храповицкого*. Не найдем мы здесь также *Ходаковского* и *Теплякова*, не говоря уже о сомнительном *Пылякове* (*Пылинском*) и придуманном в шутку *Допекаеве*.

Странный пропуск! — и, чтобы объяснить его, нам не остается ничего другого, как заглянуть в комментарий к интересующему нас письму. На странице 608 того же XII тома автор комментария Г. М. Фридлиндер (он же составитель «Именного указателя») пишет: «Полежаев, Храповицкий, Сопиков, Ходаковский и т. п. — шуточные прозвища знакомых Гоголя и Языкова, образованные из соответствующих действий (лежать, храпеть, сопеть и т. п.). Аналогичная игра слов часто встречается в письмах Гоголя, а также в «Мертвых душах»...».

Итак, *Полежаев, Храповицкий, Сопиков, Ходаковский* и другие — не фамилии, а прозвища знакомых Гоголя и Языкова! Именно поэтому они, вероятно, не попали в «Именной указатель». Но если это прозвища, то кто был их носителем? И каковы подлинные фамилии тех, кто их носил? Комментарий не дает ответа на эти вопросы и, как ни странно, даже не ставит их. А это необходимо было сделать — и тогда выяснилось бы, что знакомых, которые бы имели такие прозвища, в окружении Гоголя и Языкова не было.

Впрочем, чтобы прийти к такому выводу, достаточно лишь внимательно прочитать гоголевское письмо — и понять, что Гоголь шутит! Шутит, смеясь и предвкушая, как будет смеяться читающий письмо и понимающий его Языков. Потому что здесь — как всегда у Гоголя — смешное не в отдельном слове, выражении или обороте. Здесь все смешно и несерьезно. Серьезен только смех, охватывающий весь — в данном случае мюнхенский — мир, который под пером Гоголя превращается в мир смешного абсурда и веселых нелепиц. Но мюнхенское общество, описание которого занимает большую часть письма, — и есть абсурд и нелепица.

Ограничимся только одним примером. В самом деле, можно ли себе представить, что пятеро русских, знакомые Гоголя и Языкова (по-видимому, тоже выехавшие за границу для отдыха и лечения), все вместе и одновременно перебрались из Гастейна в Мюнхен и там — тоже все вместе! — как по волшебству, странным образом изменились в характерах, поведении и поступках?

В этой нелепице, однако, есть свой особый — смеховой — смысл, и он откроется нам, если мы согласимся, что мюнхенско-гастейнское общество русских — это сам Гоголь, с его действиями, психологическими состояниями и самочувствием, которые есте-

ственно должны были измениться с изменением обстановки и условий жизни при переезде из Гастейна в Мюнхен.

Мягкое тепло курортного местечка сменилось духотой раскаленного на солнце города с его узкими, пыльными каменными улицами, и потому *Тепляков* превращается в несносного *Допекаева* (Гоголь играет здесь связью между значениями глаголов *печь* «жечь, нещадно палить» и *допекать* «надоедать»). Иными — более частыми, но зато менее приятными — стали и прогулки. *Ходаковский* «не так нараспашку, как в Гастейне» и завел дружбу с *Пыляковым-Пылинским*, который «лезет в самый рот». Хуже стал сон: «*Полежаев, Храповицкий, Сопиков* хотя и принимают, но не с таким радушием», как в Гастейне, на свежем воздухе...

Теперь понятно, что все фамилии, названные Гоголем в письме к Языкову, — вовсе не шуточные прозвища его знакомых, вроде «говорящих» квазифамильных имен типа *Ахалкин* (как называли чувствительных сентиментальных вздыхателей) или *Любкин* и *Сердечкин*, которые в XIX в. были общеупотребительным средством шуточной характеристики любого влюбчивого человека. Ср.: «Вставши ото сна, он непременно влюблялся в дочь своей хозяйки или в самую хозяйку <...> Окунев также был *господин Любкин*: он влюблялся в каждом городе, но не в хозяйку свою, а в ту, коей окна были напротив...» (Н. Н. Муравьев-Карский. Воспоминания, 1814); «Пушкин клеймил своим стихом лицейских *сердечкиных*, хотя и сам иногда попадал в эту категорию...» (И. И. Пущин. Записки о Пушкине, 1858). Ср. также: «...“Любезных прелестей любезный обожатель” — так определил Карамзина Державин и одновременно: труженик, профессиональный журналист, потом историк; человек, которого окружала слава “*ахалкина*” и “*сердечкина*” и который был одним из наиболее трудолюбивых, непрерывно работающих писателей...» (Ю. М. Лотман. Сотворение Карамзина). Ср. еще: «Когда у меня болит хоть кончик пальца, я бедствую так, как будто бы весь организм мой разрушается. Эта плачевная чувствительность натуры, достойная какого-нибудь *Эраста Слезкина* во фраке мердуа и розовом платочке, отчасти испортила мне последние два дня...» (А. В. Дружинин. Дневник, 12 сентября 1853), где *Эраст Слезкин* — созданная автором антропонимическая маска условного персонажа, подобного героям сентиментальной литературы XVIII в.

Так и мы сегодня можем назвать того, кто говорит с апломбом, — *Апломбовым*, болтуна — *Балалайкиным* и даже *Емелей Балалайкиным*, а того, кто щедр на посулы, — *Обещалкиным*. Ср.: «Кажется, что это не Горький, а какой-то нудный *Апломбов* нарочно канителит и бубнит, чтобы надоесть окружающим...» (К. И. Чуковский. Две души Максима Горького, 1924); «Плюнул на докторскую профессию, перешел к другой <стал адвокатом>... — Продажная душа! Бесстыжий язык! *Балалайкин!*...» (Л. Андреев. Я, 1913); «Жена обзывала его при детях пустобрехом и *обещалкиным*...» (Е. Воробьев. Охота к перемене мест); «Курочников, у которого Лосев принимал дела, выпивоха и “*обещалкин*”, тоже ведь оставил после себя память...» (Д. Гранин. Картина); «...еще более опасна необязательность, под которой стоит официальная подпись дирекции или администрации. Ведь в этом случае люди видят не одного конкретного *Обещалкина*, а целый коллектив» (Правда, 10 февраля 1985 г.). Ср. также: «...особенности таланта Федора Михайловича <Достоевского> едва ли позволят ему сойтиться с литературными закройщиками, вроде Брамбеуса, и *виляевыми*, вроде Греча, Булгарина и им подобных...» (С. Д. Яновский — О. Ф. Миллеру, 8 ноября 1882 г.); «От чего только и от кого не претерпевал бедный камбузьяра, или *камбузевич*, как прозывали его <помощника кока> в моряцкой среде, самая неквалифицированная личность на пароходе...» (А. Старков. Как я был камбузником); «— Ну, чего уставился? — Держи, говорю, *лаптевич!* — глаза его резанули меня. Я смолчал, опустил ведро и, наматывая веревку на руку, набрал воды... — Чего там у вас было? А? — спросил он. — Собрание, что ли? Чего так смотришь? Не узнал, *босяковский?*...» (Э. Ставский. Камыши, 1, 2); «...“Нельзя”. “Не положено”. “Запрещено”. Сколько любимых слов у бюрократа! Копнуть поглубже, окажется, что за иным “нельзя” нет ничего разумного, кроме желания застраховаться от любых неожиданностей... И ревностным *Нельзьяиным* может заделаться самый рядовой служащий...» (А. Ильин. Хозяин ли Нельзьяин?)

Очевидно, что рассматриваемые фамильные имена *Полежаев*, *Сопиков*, *Храповицкий* и другие используются и не как обычные фамилии, и не как фамильные прозвища реальных людей или литературных персонажей вроде только что приведенных *Сердечкина*, *Балалайкина* и *Обещалкина* и не как так называемые

«говорящие» (а вернее было бы сказать — «кричащие») фамилии литературных героев типа *Скотинин* (у Фонвизина), *Вороватин* и *Грабилин* (у Булгарина), *Криворожин*, *Надулин*, *Ворышев* (у В. А. Соллогуба), *Дикой* и *Люттов* (у Островского) (ведь за такими именами стоят тоже люди, хотя и вымышленные). Эти гоголевские фамилии скрывают под собой обычные нарицательные имена — названия предметов, действий и состояний. Они выступают как своего рода маски. Словесные маски. И поскольку собственные имена людей наука обозначает термином «антропоним», можно назвать эти словесные маски антропонимическими.

* * *

Совершая такие переименования, Гоголь играет словом и создает веселый словесный маскарад, опираясь на многовековые традиции русской народной смеховой культуры, которая выработывалась в древней карнавальско-скоморошьей речи, в комическом слове шутов, гаеров ярмарочных балаганов, странствующих школяров, сказочников. Это их веселая фантазия создала хоровод ряженых, который в русской сказке ведут животные, выступающие под масками-личинами собственных имен в личных именованных различных типов: лиса *Лисавета*, кот *Котофей*, филин *Филимон Иванович*, петух *Петухан Куриханых*, гусь *Гаган Гаганович*, заяц *Виляюшкин*, медведь *Михаил Потапович Топтыгин* и многие другие. В пословицах, поговорках, присловьях и загадках также обычно шутовское замещение названий предметов и действий собственными именами, похожими на географические названия — топонимы. Ср., например, топонимически замаскированный рассказ об ударе по лицу: «Съездить кого в Харьковскую губернию, Зубцовского (Мордасовского) уезда в город Рыльск, в Рожественский приход» (Даль В. И. Пословицы русского народа). То же в позднейшей вариации: «— Не обнаруживать себя, ни немцев, ни полицаев не задевать. Помните только о своей задаче. — Ну, а если крайность? — спросил сержант. — Ну, в таком случае, — засмеялся Корбут, — вас ведь трое, значит тихонько: по Харьковской губернии, да в Мордасовский уезд, в Рыльск, а если надо, так и сразу в Могилевскую область!..» (И. Чернов. Саперы // Октябрь. 1986. № 7. С. 174).

Способность выступать в качестве шутивно-смеховых словесных масок у разных типов собственных имен оказывается различной. Крайне ограничены такие возможности у личных имен, маскарадное использование которых целиком определяется их звуковой близостью к тем или иным нарицательным именам (таковы приведенные выше сказочные имена животных). Иначе обстоит дело с такими собственными именами, как отчества и фамилии, а также топонимы, которые свободно образуются от любой основы. Так, фамильные суффиксы *-ин* (ср. Малинин), *-инский* (ср. Белинский), *-ицкий* (ср. Искрицкий), *-ов* (ср. Кусков), *-овицкий* (ср. Маловицкий), *-ович* (ср. Носович), *-евич* (ср. Межевич) и другие обслуживают все типы основ, и, следовательно, любое нарицательное имя может быть преобразовано в фамильное имя-маску. Вот несколько примеров таких фамильных антропонимических масок из современной художественной литературы: «Немного успокоившись, Дашка с обидой думала: “Вот дурья башка, с ним уже и пошутить нельзя... Пусть бы попробовал, сунулся, я бы ему такого *пощечинского* закатила”...» (В. Сукачев. Чудной); «— Везет же людям, — ...позавидовал Самогорнов. — Небось коньячишку плеснет или *ромшиевича*...» (Е. Марченко. Год без весны); «[Командированный] Тогда зайдем ко мне. Послушали бы музыку, есть бутылочка *сухаревица*. Можно продегустировать...» (А. Кургатинов. Ракурсы); «— А вот и наш дипломат на своем “*Жигулевиче*” появился...» (Огонек. 1988. № 27); «— А что со стариком? — *Ракевич*... И такой, что ему уже не выкарабкаться...» (Г. Семенов. Федор Терентьевич); «Когда я служил в десантных войсках, у меня друг был один. Виктор звали. Русак... Такой здоровый парень был <...> Что такое мандраж, вообще не понимал! В самой ужасной ситуации он говорил свое любимое слово: “*Нормалеви*ч”...» (Ф. Искандер. Бармен Адгур); «— Я думал, мы до “Праги” дойдем, посидим по случаю знакомства... — *Отпаданский*, — сказал Шармантский. — Я жене в кино обещал...» (А. Белов. Марш на три четверти, I, 4). Ср. у В. Шукшина (о ситуации игры в шахматы): «— Так, Славка... Ты так? А мы — так! *Шахович*...» (Вянет, пропадает). Или у В. Хлебникова в поэме «Зангези» — слова мыслителя в ответ на голоса его критиков: «Я *такович!*». Ср. также у Писемского: «В настоящее время предметом его преследования был правитель канцелярии губернатора, и он говорил, что не умрет

без того, чтоб не разбить в кровь его *мордасово...*» (Тысяча душ, 4, V). Или у Гоголя (в связи с врачебными рекомендациями не садиться и не ложиться после обеда, а стоять на ногах): «...чтоб это было непременно закон, как послушание, наложенное на послушника, то же, что после обеда *Стойкович*» (Н. В. Гоголь — Н. М. Языкову, 15 февр. 1844 г.). То же с лично-предметными нарицательными именами: «Зуев сидел в кресле нога на ногу. Он говорил по телефону <...>. — *Старикевич*, разве я против?..» (В. Белов. Все впереди, 1, 6); «Все мы были под наблюдением. На каждого находился свой *Стукачевич...*» (Ю. Давыдов. Интервью // Московские новости. 1991. № 23).

Очевидно, что во всех подобных случаях фамильные суффиксы не изменяют значение трансформируемого в фамилию слова. Они лишь формально преобразуют основу, придавая ей внешний облик фамильного имени, что и позволяет таким образованиям функционировать в качестве антропонимических масок. Осознавая противоречие между антропонимической формой имени и нарицательным его содержанием (отсюда свидетельствуемая приведенными выше текстами проблема выбора между прописной и строчной буквой), читающий или слушающий пытается устранить это противоречие, вновь и вновь переходя от формы к смыслу и обратно. В этих переходах как раз и заключен комизм антропонимических масок, их игровая, смеховая сила.

Их внутренняя двойственность и противоречивость проявляются также в колебаниях по отношению к категории одушевленности — неодушевленности. Они, обозначая неодушевленные предметы и действия, должны использоваться как существительные неодушевленные. Ср. *устроить скандал* и — в соответствии с этим — *устроить скандалевич*: «*Устроил* же он *скандалевич* дома из-за того, что ему не купили розу...» (В. Шукшин. Боря). Однако, имея форму русских мужских фамилий, они могут вести себя и как существительные грамматически одушевленные: «...такого *пощечинского* (а не такой *пощечинский*) закатаила». Ср. устаревшее выражение *платить глазопялова* (а не *глазопялов*) 'пялить глаза' — от *глазопял* — «праздный зевака, кто стоит выпучив глаза» (В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. С. 354) — у писателя второй половины XVIII и начала XIX века А. Т. Болотова: «...и как не было никого, с кем бы

можно было мне заняться разговорами, то принужден был я, по пословице говоря, только “*платить Глазопялова*”...» (Жизнь и приключения Андрея Болотова, XXIV).

* * *

Потенциальная грамматическая одушевленность антропонимических масок таит в себе возможности дальнейшего образного развития и усиления заложенного в них игрового, комического начала. Осуществляется это путем персонификации, когда за пустой фамилией-маской возникает вымышленный образ того или иного лица. Простейшим приемом оказывается здесь осложнение антропонимической маски титульным именем или показателем чина и сословной принадлежности. Так чай превращается в *адмирала Чаинского*: «— Ну, так пойдем поговорим. В двадцать минут, во-первых, успею вздушить *адмирала Чаинского*...» (Ф. М. Достоевский. Униженные и оскорбленные, 2, V), а кукушка становится *генералом Кукушкиным*, в лесные владения которого бежали сибирские каторжане: «Идти на вести к генералу Кукушкину» (В. И. Даль. Толковый словарь великорусского языка. Т. II. С. 214). Ср. развернутые описания этого преобразования: «Я припоминаю какую-то песню о том, как ведут наказывать молодого рекрута за то, что он бежал с часов, и он говорит: “Братцы, не я виноват — это птица виновата, она все кричала и свела меня в родимую сторону”. Эта птица была, конечно, кукушка. Какая другая не устанет тянуть вас за сердце так упорно, так неотвязно? <...> Невозможность послушаться этого настойчивого призыва кукушки придала ей во мнении русского человека <...> генеральский чин. Быть в бегах — у солдата называется *состоять на вестях у генерала Кукушкина*...» (М. Михайлов. Кукушка, 1862); «— Вы, барин, про *генерала Кукушкина* слышали? — Нет, не слышал. — Бродяжий генерал... По лесу кричит: ку-ку, ку-ку... Крикнет весной, у бродяги сердце горит... Последний раз втроем из Акатюя бежали. Одного часовой застрелил, другого поймали... А я все-таки к генералу Кукушкину явился в тайгу... Все одно как к начальству... Здравия желаю, ваше превосходительство... Веришь ли, барин. Один раз на поселение вышел. С поселенкой слюбился. Одну весну руками за нее хватался, на другую не выдержал, сбежал... Пришел в тайгу и думаю: ну, генерал Кукушкин! Не слуга я тебе... А все-таки остался на своей линии...» (В. Г. Короленко. По пути, 1885).

Теперь остается только поместить такое вымышленное лицо в вымышленную же или реальную жизненную обстановку, наделить его определенными признаками внешности, чертами характера, особенностями поведения, и тогда рядом с Гоголем, как мы это видели в его письме к Языкову, окажутся его несуществующие знакомые, живущие за границей русские дворяне, помещики *Ходаковский*, *Тепляков (Допекаев)*, *Пыляков (или Пылинский)*, *Полежаев*, *Сопиков* и *Храповицкий*.

Двое последних еще раньше сопутствовали Гоголю в его поездке по Германии. 27 сентября 1841 года он писал Н. М. Языкову: «Достигли мы Дрездена благополучно. Выехавши из Ганау, мы на второй станции посадили к себе в коляску двух наших земляков, русских помещиков, *Сопикова* и *Храповицкого*, и провели с ними время до зари».

В поэме «Мертвые души» (гл. 9) Гоголь сам объяснил генеалогию этих своих знакомцев и всей их честной компании: «Вылезли из нор все тюрюки и байбаки... Все те, которые прекратили давно уже всякие знакомства и знали только, как выражаются, с помещиками *Завалишиным* да *Полежаевым* (знаменитые термины, произведенные от глаголов “полежать” и “завалиться”, которые в большом ходу у нас на Руси, все равно как фраза: *заехать к Сопикову и Храповицкому*, означающая всякие мертвецкие сны на боку, на спине и во всех иных положениях, с захрапами, носовыми свистами и прочими принадлежностями)...».

Нельзя не заметить, как настойчиво подчеркивает Гоголь привычность, общеизвестность образов *Завалишина* и *Полежаева*, *Сопикова* и *Храповицкого*, их общерусское распространение. Это «знаменитые термины», которые «в большом ходу у нас на Руси». Несомненно, что они вошли в поговорку еще до Гоголя (он сопровождает их оборотом «как выражаются») и, подкрепленные его могучим авторитетом, продолжали употребляться и в последующие десятилетия, сохраняя всю свою жизненность и актуальность в захолустной России, скованной обломовским сном. Развивая гоголевскую традицию, их обличительной силой воспользовался Салтыков-Щедрин, с презрением писавший о людях, которые «...давным-давно отказались от всякой общественной деятельности и не прекратили дружественных сношений только с самыми ближайшими соседями: *Сопиковым* и *Храповицким*» (Об ответственности мировых посредников).

Из дружной четверки этих сонных байбаков, бывших в русской дворянско-помещичьей культуре XVIII—XIX веков столь популярными, наиболее жизнеспособным оказался *Храповицкий*, имя которого продолжало употребляться в достаточно разнообразных контекстах. К нему можно было отправиться, можно было зайти или заехать отдать визит, с ним интересно было поговорить или перекинуться несколькими фразами... Ср.: «— Ну, — скажет, вставая, князь Алексей Юрьич, — бог напитал, никто не видал, а кто видел, тот не обидел. Не пора ль, господа, к *Храповицкому*?» (П. И. Мельников-Печерский. Старые годы); «— Ну, брат-казначей, ты уж и расплавивайся за меня, а я пойду на сеновал с *Храповицким* поговорить!» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы). Ср. еще: «...пошел за ширмы спать, или отдать визит *пану Храповицкому*...» (Н. А. Некрасов. Без вести пропавший пинг).

Сегодня такое словоупотребление уже не встречается. Начиная со второй половины XIX века эта четверка мифических покровителей русской сонной одури стала бытовать в серии поговорок с именем *Храповицкого*, из которых до наших дней дожила лишь одна — в виде застывшего фразеологического оборота *задать (задавать) храповицкого*. В такой форме его отмечают все словари современного литературного языка, сопровождая иллюстрациями из текстов А. Сухово-Кобылина, П. Боборыкина, А. Чехова, а также ряда советских писателей. Фразеологизм этот выступает сейчас наряду с выражением *задать (задавать) храпака* (это два варианта одного фразеологизма), и фамильное имя в его составе оказывается всего лишь пустой антропонимической маской, потерявшей былое образное содержание. Впрочем, и в этом своем качестве — в силу привычности и стертости — имя *Храповицкого* уже почти не воспринимается. Неслучайно, что «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (в отличие от всех других словарей) квалифицирует имя *Храповицкого* как застывшую форму не существительного, а прилагательного.

Утратив заключенные в них образы, ушли из языка и некоторые другие антропонимические маски. Давно не стало праздно любопытствующего *Глазопялова*. Навсегда исчез, лишившись даже призрачного существования в пословице, покровитель беглых каторжников *генерал Кукушкин*. Непонятен современному читателю и требует специальных пояснений упомянутый Гоголем в «Мерт-

вых душах» князь *Хованский* — однофамилец древнего княжеского рода (вспомним «Хованщину» Мусоргского), чье имя произведено от глагола *ховать* «скрывать, прятать». Тот князь *Хованский*, за подписью которого, «как выражаются у нас на Руси», вручались «известные рекомендательные письма», т. е. взятки (Гоголь. Мертвые души. гл. 11). Ср. там же: «В это время обратились на путь истины многие из прежних чиновников и были вновь приняты на службу. Но Чичиков уж никаким образом не мог втереться, как ни старался и ни стоял за него подстрекнутый письмами князя *Хованского* первый генеральский секретарь...» Ср. также у Даля: «Был у нас председатель такой, что брал; нынешний, может быть, не берет, а все-таки правда наша держится только на убедительных доводах за подписью князя *Хованского*...» (Бедовик, 3, 1839).

Для нашего языкового сознания этого князя *Хованского* уже не существует. Он забыт так же, как и его современники *Завалишин*, *Полежаев* и *Сопиков*. Всех этих антропонимических масок уже нет. Однако живы приемы и традиции их образования и использования. Эти традиции сохраняются и сегодня, в современной непринужденной разговорной речи, и из этого вечно живого источника их отражения могут проникать и проникают в язык художественной литературы наших дней.

ТИМОФЕЕВИЧ ИЛИ НИКИФОРОВИЧ?

Вот загадка моя: хитрый Эдип, разреши!

А. С. Пушкин

3 декабря 1833 года Пушкин записал в своем дневнике: «Вчера Гоголь читал мне сказку: “Как Иван Иванович поссорился с Иваном Тимофеевичем”, — очень оригинально и очень смешно» (Собр. соч.: В 10 т. М., 1978. Т. 8. С. 25; далее — только том и страница).

Прочитав эти строки, мы сразу же вспомним хорошо знакомую со школьных лет гоголевскую «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», посмеемся еще раз над ее грустно-смешными героями, отметим пушкинскую оценку («очень оригинально и очень смешно») и, конечно же, задумаемся. Два вопроса обязательно встанут перед нами: почему Пушкин называет гоголевскую повесть «сказкой» и почему Иван *Никифорович* оказывается у него Иваном... *Тимофеевичем*?

Достаточно заглянуть в «Словарь языка Пушкина», прочесть в нем соответствующую статью, чтобы убедиться, что Пушкин — в согласии с нормами литературного языка своего времени — употребляет слово *сказка* не только в том привычном значении, в каком используем его мы (*народные песни и сказки, сказки Пушкина*), но также и в более широком плане — применительно к любому небольшому по объему литературному произведению в стихах или в прозе. В условиях непринужденного общения и вообще в тех случаях, когда точное жанровое обозначение не было необходимым, *сказка* для Пушкина — это и поэма, и рассказ, и повесть. И если он мог — в переписке с друзьями и даже в печатных текстах — назы-

вать *сказками* собственные н е - с к а з к и (например, поэму «Граф Нулин» или «Повести покойного Ивана Петровича Белкина»), то тем более понятно использование этого слова в дневниковой записи (в записи для себя) о произведении, которое было воспринято лишь на слух, при устном чтении, когда название могло быть прочитано не полностью, без первых слов (так, как его и записал Пушкин).

Объяснить так же просто и уверенно второе переименование, к сожалению, не удастся. Не удастся потому, что это не вопрос, на который можно ответить, и не задача, которую можно решить, а загадка, которую нужно разгадывать.

Начнем с размышления над тем, какое отчество (*Тимофеевич* или *Никифорович*) было первым и кто произвел переименование — Гоголь или Пушкин? Обсудим следующие две возможности:

Могло быть так. Второй Иван в «Повести...» Гоголя был первоначально *Тимофеевичем*, а Пушкин записал то, что услышал и правильно запомнил. В таком случае другое отчество — *Никифорович* — было дано герою Гоголем в процессе дальнейшей его работы над «Повестью...», то есть после того, как он прочел ее Пушкину во второго декабря 1833 года.

Могло быть и иначе. Второй Иван в «Повести...» Гоголя был и остался *Никифоровичем*. Но тогда другое отчество — *Тимофеевич* — возникло под пером Пушкина при записи по памяти, на другой день после чтения, в результате какой-то ошибки.

Какую из этих двух возможностей предпочесть? Какая из этих двух версий соответствует действительности? Проще всего было бы обратиться к рукописям гоголевской «Повести...».

Увы! Рукописи «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», как, впрочем, и рукописи многих других произведений Гоголя, не сохранились. Этот путь закрыт.

Попробуем взглянуть на ситуацию, исходя из того, что известно об истории публикации «Повести...» Гоголя и о его творческих связях с Пушкиным в начале 30-х годов.

К концу 1833 года «Повесть...» была закончена, переписана на бело и отправлена издателю. 9 ноября 1833 года Гоголь в письме к М. А. Максимовичу сообщил, что она находится у А. Ф. Смирдина, в альманахе которого «Новоселье» и была впервые опубликована в 1834 году. Однако выпустить (*выдать*, как тогда говорили) повесть в свет без одобрения того, кто был для него высшим ли-

тературным авторитетом, Гоголь, очевидно, не мог. Так (хотя и с опозданием, поскольку Пушкина несколько месяцев не было в Петербурге) состоялось то чтение, которое Пушкин отметил в своем дневнике. Пушкин, за два года до этого благословивший издание «Вечеров на хуторе...», стал восприимчивым и новой повести Гоголя.

Если предположить, что в том тексте, который Гоголь прочитал Пушкину 2 декабря 1833 года, второй Иван был *Тимофеевичем*, то замену этого отчества на *Никифорович* Гоголь должен был бы произвести сразу же после чтения у Пушкина (чтобы успеть известить издателя об этой важной поправке) и, надо полагать, по его — Пушкина — рекомендации и совету. Но тогда и сам Пушкин, вероятно, упомянул бы об этом факте в своей дневниковой записи, и Гоголь, всегда с благодарностью отмечавший все, чем он был обязан Пушкину, не мог бы умолчать об этом. Кроме того, нам вообще неизвестны какие бы то ни было свидетельства о прямом «вмешательстве» Пушкина в гоголевские тексты.

Из двух выдвинутых на обсуждение версий скорее всего справедлива вторая: загадка переименования, превратившего Ивана *Никифоровича* в Ивана *Тимофеевича*, связана не с Гоголем, а с Пушкиным. Какая же может быть загадка в случайной ошибке?

Иногда ошибаясь и неправильно называя кого-либо по имени-отчеству, мы, сами того не подозревая, следуем определенному правилу: либо меняем основы имени и отчества местами (называя *Ивана Петровича Петром Ивановичем* и наоборот), либо заменяем их другими — созвучными, похожими по фонетическому составу. Например, *Наталья* и *Надежда*, отчества *Александрович* и *Алексеевич* (у них общие начала: *На...* и *Алекс...*), *Александрович* и *Андреевич* (у них общий звуковой комплекс — *А...ндр...*), *Георгиевич* и *Григорьевич* и т. д.

Случилось же так, что Пушкин (в письме от 12 июля 1833 года) назвал *Александра Андреевича* Ананьина, мало известного ему человека, к которому у него было финансовое дело, «милостивым государем *Абрамом Алексеевичем*» (X, 338). Это, конечно, ошибка, но ошибка обычная, стандартная и понятная. Это — «правильная» ошибка. Назвав Ивана *Никифоровича* Иваном *Тимофеевичем*, Пушкин сделал ошибку «неправильную».

Действительно, два отчества — *Никифорович* и *Тимофеевич* — лишены признаков фонетической общности: если не считать стерж-

невого звука [ф], у них разный звуковой состав, разная слоговая структура и разный ритмический рисунок. Что же их объединяет?

По-видимому, только то, что оба отчества в пушкинскую эпоху были уже сравнительно редкими и несли на себе отпечаток провинциальности или низкой социальной принадлежности, отражая соответствующие признаки производящих имен — *Никифор* и *Тимофей*, которые, как свидетельствуют подсчеты В. Д. Бондалетова, с конца XVIII века постепенно теряли популярность и затем почти полностью вышли из употребления. Ср. яркую социальную характеристику производного от *Никифор* фамильного имени *Никифоров* в размышлениях П. А. Вяземского: «В Москве и в Петербурге открываются коммерческие суды. Место председательское прекрасное <...> Мне очень хотелось бы этого места в Москве, более нежели в Петербурге. <...> Я слышал, что купцы уже имеют в виду *какого-то Никифорова* на это место или что-то похожее на эту фамилию. Без самолюбия думаю, что купечеству было бы выгоднее иметь меня, по связям моим, положением моим в обществе могу возвысить это место. *Никифоров*, или кто другой в этом роде даст этому месту подъяческую физиономию, подобную прочим нашим присутственным местам...» (П. А. Вяземский — жене, 5 сентября 1832 г.).

Назвав своего героя, омещанившегося дворянина, погрязшего в провинциальном убожестве и полной бездуховности, *Никифоровичем* (то есть сыном *Никифора*), Гоголь и в этой малости сохранил верность социально-исторической и художественной правде.

Ошибка Пушкина дважды загадочна. Во-первых, он «перепутал» отчество не случайного человека, увиденного лишь однажды, в суете, на бегу, а отчество, слышанное им накануне, у себя дома, и которое прозвучало во время чтения 170 (сто семьдесят!) раз. Во-вторых, замене подверглось отчество персонажа художественного произведения, которое, являясь элементом цельной художественной системы, неразрывно связано с другими ее элементами. Но, может быть, здесь как раз и есть разгадка, которую мы ищем.

Иван Никифорович в гоголевской «Повести...» существует не просто рядом с Иваном Ивановичем, а в неразрывной связи с ним. Эти два персонажа образуют нерасторжимое единство, основанием и выражением которого является тождество их личных имен, подчеркиваемое и усиливается различиями их отчеств и фамилий.

Гоголь тщательно разрабатывает сложную систему различий-тождеств, создающих цельный художественный образ этого двуединства: «Прекрасный человек Иван Иванович! <...> Очень хороший также человек Иван Никифорович <...> Иван Иванович худощав и высокого роста; Иван Никифорович немного ниже, но зато распространяется в толщину. Голова у Ивана Ивановича похожа на редьку хвостом вниз; голова Ивана Никифоровича на редьку хвостом вверх <...> Иван Иванович бреет бороду в неделю два раза; Иван Никифорович один раз...» и т. д.

Русская литература с конца XVIII века и до наших дней собрала обширную коллекцию такого рода комических персонажных пар, для которых по сложившейся художественной традиции характерно противопоставление именованных типа *Иван Иванович* и *Петр Иванович*, *Иван Иванович* и *Иван Петрович*, *Иван Иванович* и *Петр Петрович*. При этом чаще используются самые распространенные имена — *Иван* и *Петр*. Лишь иногда к ним добавляется третье имя — *Сидор*.

Гоголь сам стоял у истоков этой литературной традиции, укреплял и развивал ее (ср.: *Петр Иванович* Добчинский и *Петр Иванович* Бобчинский). Однако в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» он намеренно пошел против традиции, поскольку писал не Россию, а Украину, где, кстати, имя *Никифор* и его производное *Никифорович* были более распространенными, чем у русских.

Не заметить этого нарушения Пушкин не мог, а заметив, отразил в своей дневниковой записи, заменив редкое *Никифорович* более употребительным и более «мягким» — *Тимофеевич*. Произошла подмена, осуществленная подсознательным движением пушкинской мысли. Но почему выбор пал именно на это имя?..

В конце лета 1832 года Пушкин набросал первый план будущей «Капитанской дочки». 24 октября 1836 года был послан цензору окончательный текст повести. Между этими двумя датами — четыре года напряженного труда над «Историей Петра», «Историей Пугачева», «Дубровским», другими произведениями... Замысел «Капитанской дочки» то отступает, то вновь становится предметом творческих размышлений. Во второй половине 1832 года составляется второй план повести. 31 января 1833 года набрасывается третий план. В феврале Пушкин обращается к архивным ис-

точникам. В марте пишется еще один — четвертый — план. В апреле Пушкин вновь приостанавливает работу над повестью и в предельно сжатый срок — за пять недель — пишет «Историю Пугачева».

Именно в это время в его сознание входят соратники Пугачева — Иван Никифорович Зарубин, носивший прозвища «Чика» и «Граф Чернышев», и Афанасий Тимофеевич Соколов, по прозвищу «Хлопуша», герои исторического исследования, которым в недалеком будущем предстоит перейти на страницы долго и трудно обдумываемой повести... Возможно, так впервые в поле зрения Пушкина оказались рядом два отчества — *Никифорович* и *Тимофеевич*.

Известно также, что с детских — московских — лет Пушкина рядом с ним (в Молдавии, в Москве, в Петербурге, у гроба матери, у смертного одра Пушкина и у его открытой могилы, в радости и в горе) находился наставник, «дядька», «дядюшка», слуга и товарищ, один из самых близких Пушкину людей, — болдинский крепостной Никита Тимофеевич Козлов (1778—1851). Для Пушкина-мальчика и юноши — *Никита*. Для взрослого Пушкина — *Тимофеевич* и *дядюшка*. С 1831 года в доме поэта рядом с Никитой Тимофеевичем Козловым живет и Никифор (единственный *Никифор* в близком пушкинском окружении) — Никифор Емельянович Федоров, камердинер Пушкина.

Рядом с Пушкиным обнаруживаются и три Ивана *Тимофеевича*: Иван Тимофеевич Спасский — домашний врач Пушкиных. Поэт упоминает о нем в письмах к Наталье Николаевне в 1832—1834 гг.; Иван Тимофеевич Лисенко — книгопродавец и издатель, распространитель прижизненных изданий поэта; Иван Тимофеевич Калашников — чиновник и литератор. В апреле 1833 года Пушкин отправил ему благодарственное письмо в связи с получением романа Калашникова «Камчадалка».

2 декабря, принимая Гоголя и слушая его «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», Пушкин, продолжая неотступно думать о «Капитанской дочке», подсознательно соединит всех *Никифоровичей* и всех *Тимофеевичей* и, отринув по каким-то неизвестным нам причинам отчество *Никифорович*, отдаст предпочтение *Тимофеевичу* как имени своего будущего героя.

На следующий день, 3 декабря 1833 года, в дневниковой пушкинской записи появится «случайная» ошибка, где гоголевский Иван *Никифорович* будет назван Иваном *Тимофеевичем*.

А еще через два года, когда замысел «Капитанской дочки» будет наконец воплощен в художественный текст, такая же замена превратит в *Тимофеевича (Тимофеича)* исторического Ивана *Никифоровича*, — И. Н. Зарубина: «Пугачев на первом месте сидел, облокотясь на стол и подпирая черную бороду своим широким кулаком. Черты лица его, правильные и довольно приятные, не изъясляли ничего свирепого. Он часто обращался к человеку лет пятидесяти, называя его то графом, то Тимофеичем, а иногда величая его дядюшкой. Все обходились между собою как товарищи <...>» (VI, 313).

В академическом издании романа исследователи, комментируя эти строки VIII главы и объясняя, что речь здесь идет не об Афанасии Тимофеевиче Соколове (Хлопуше), характеристика которого дается далее, в главе XI, а об Иване Никифоровиче Зарубине (Чике), утверждают, что, «назвав последнего “Тимофеичем”, Пушкин допустил явную ошибку» (*Пушкин А. С. Капитанская дочка*. М., 1984. С. 288).

Но можно ли считать ошибкой мелкую историческую неточность в художественном произведении? «Капитанскую дочку» писал автор, заботившийся прежде всего о *художественной правде*, о художественной выразительности. Никто никогда ведь не считал, что Пушкин допустил ошибку, превратив историческую *Матрену Кочубей* в *Марию* романтической поэмы «Полтава»!.. Всем понятно: это сознательное, намеренное, художественно оправданное переименование.

О том, как много вложил Пушкин в Пугачева «от себя», когда прекрасно написала М. Цветаева. Не так ли и исторического Ивана Никифоровича Зарубина-Чикю Пушкин одарил «от себя» и отчеством своего друга-слуги, и своим к нему мягким и ласковым обращением — «дядюшка»?

Часть III

РАЗНОЕ

РОССИЯ — РО(А)С(С)ЕЯ

Характерной особенностью современного состояния русского письма и печати нужно признать все возрастающее расширение сферы ненормализованных и стихийно нормализуемых, но не кодифицированных написаний. Их постоянное численное умножение, рост их употребительности в различных жанрах художественной и научно-популярной литературы и публицистики — с использованием всего богатства вариантных возможностей, представляемых наличной системой графических средств, — неизбежно оказывает более или менее значительное возмущающее воздействие на кодифицированную сферу и всю систему письма и печати в целом:

— расшатывает правописные навыки всех, кто участвует в процессах порождения, репродуцирования и потребления текстов;

— формирует и укрепляет ориентацию пишущих на случайный выбор средств и способов разрешения графических неопределенностей;

— тормозит течение процессов стихийной нормализации;

— ослабляет художественно-выразительные возможности ненормативных написаний и препятствует воспитанию в читателях такого социально важного элемента культуры слова, как чувство «прелести осознанных отступлений от нормы», о котором говорил когда-то Л. В. Щерба;

— подрывает в глазах читателей авторитетность печатных текстов и доверие к тем, из чьих рук они вышли.

Очевидна поэтому насущная необходимость постоянного оперативного регламентирующего вмешательства науки и государства в эту сферу орфографических вибраций и колебаний.

Между тем специальные научные исследования стоящего вне нормы и кодификации материала крайне ограничены, а то немногое, что все-таки делается и сделано, замыкается в «сфере научного производства», не получая выхода в «сферу практического потребления». Выводы и рекомендации ученых не доходят не только до широкой массы пишущих, но и до значительно более узкого круга тех, кто заинтересован в них профессионально и кто — с точки зрения широко понимаемых государственных интересов — должен получать их не по личной инициативе (ее может и не быть), а в обязательном официальном порядке ¹. Причина такого положения в том, что нормализация и кодификация письменной сферы языка не имеет в России ни специальной службы, ни специального органа «экспресс-информации». Нет также и профессионально-ориентированных орфографических словарей и справочников (в том числе и жизненно необходимого ведомственного назначения — для учителей, для работников печати, для телевидения и т. п.), подобных, например, «Словарю ударений для работников радио и телевидения» Ф. Л. Агеенко и М. В. Зарва ², различным «Словарям трудностей русского языка» ³ и др. под.

Что касается «больших» орфографических словарей, то они эту функцию, естественно, взять на себя не могут. Этому препятствует не только их принципиальная «неоперативность», обусловленная их статусом, но прежде всего то, что большая часть материала, который подлежит нормализующему отбору и кодифицирующему закреплению, оказывается вообще вне их компетенции: диалектизмы различных типов, элементы просторечия, компрессивные формы разговорной речи, лексика жаргонов и арго, варваризмы и экзотизмы, русская лексика в «акцентном» освоении и мн. др. — все то, что так широко и свободно использует язык художественной литературы и что не входит и не всегда имеет перспективу войти в литературный язык. Необходимо, следовательно, специальные кодификационные издания — бюллетени, рекомендательные перечни, справочники различных объемов и видов (по отдельным группам лексики, по отдельным типам написаний, сводные) более широкого и более узкого назначения. Впоследствии на этой основе можно было бы создавать словарные пособия более капитального типа, которые, в свою очередь, могли бы стать источниками прошедшего про-

верку временем и в достаточной степени отстоявшегося материала для пополнения «больших» словарей.

Особого внимания заслуживают нелитературные варианты собственных имен различных групп и видов, для которых возможности кодификационного закрепления оказываются предельно ограниченными, если не вообще отсутствуют: орфографические словари отвергают их как *nomina propria*, а словари собственных имен — как нелитературные.

Эту судьбу разделяет и просторечное *Po(a)c(c)ея* — второй член вынесенной в заглавие соотносительной пары административных хоронимов, — который, как и его производные *po(a)c(c)ейский*, *по-ро(a)c(c)ейски* и более редкие *Po(a)c(c)еюшка*, *Po(a)c(c)ее(и)чка* и немногие другие, не имеет ни одной словарной фиксации, хотя и обнаруживает достаточно широкую употребительность, отражающую важность и актуальность его понятийно-идеологического содержания. Учитывая эти характеристики, нужно признать, очевидно, что обычное для современной письменной практики и практики печати использование четырех (четырёх!) графических вариантов этого слова — *Россея* / *Рассея* / *Росея* / *Расея* (то же для всех его производных) — свидетельствует о высокой степени неблагополучия сложившейся здесь ситуации орфо- (или, вернее, како-) графического разнобоя, ситуации, которая требует внимательного анализа и принятия необходимых нормализационных решений.

* * *

Не имеющее признаков узкой диалектной локализации областное — «простонародное» — *Po(a)c(c)ея* вошло в литературный обиход уже в начале XIX в. через фамильно-бытовой язык дворянства, соприкасавшийся с разговорными стилями мещанства и крестьянства, «по рельсам дворянского просторечия»⁴. Показательно, например, использование производного *россейский* в письмах Пушкина середины 20-х годов, где мы находим его в общем массиве грубовато-просторечных средств шутивно-иронического выражения. Ср.: «Получил ли ты мои стихотворенья? Вот в чем должно состоять предисловие: Многие из сих стихотворений — дрянь и недостойны внимания *россейской* публики — но как они часто бывали печатаны бог весть кем, черт знает под какими заглавиями, с поправками наборщика и с ошибками издате-

ля — так вот они, извольте-с кушать-с, хоть это-с — с...» (письмо Л. С. Пушкину, 27 марта 1825 г.); «Занимает ли еще тебя *россейская* литература? я было на Полевого очень ощетинился...» (письмо П. А. Вяземскому, апрель 1825 г.)⁵.

Позднее, с 50—60-х гг. XIX в., в связи с процессами демократизации русской литературы и публицистики и общей тенденцией вовлечения в систему средств литературного выражения элементов лексики народных говоров и городских низов *Ро(а)с(с)ея* в противопоставлении литературному *Россия* (ср. аналогичное соотношение в парах типа *Киев — Кеев, Мария — Марeya*, позднее также *партийный — партейный* и др.) широко используется в стилизованном литературном диалоге и в сказе, ср.: «— Эх, барин! обрыдло же здесь все... Так бы и полетел домой, в *Россею*...» (И. Клингер. Два с половиною года в плену у чеченцев, 1847); «— В *Россее* ноне все пошло по-новому, — рассказывал Прохор Васильич...» (Ф. Нефедов. Иван Воин, 2 // Неделя. 1868. № 42); «— Барин *россейский!* он залетит опять в Питер, а нам пить, есть надо...» (Н. Успенский. Издалека и вблизи); «— Это всю *Россею* проезжай, — замечает Иван, — нигде таких умных слов и не услышишь...» (там же); «Пьяный десятский поднял руки вверх, шлепает ногами... и кричит: “Наша матушка *Росея* всему свету голова!”...» (Н. Успенский. Змей); «— Рази не видишь, баба с жиру сбесилась... Это у нас в *Расее* — словно болезнь какая по рабочему народу ходит...» (А. Левитов. Московские «комнаты снебилю»); «— Дай ты мне такую бумагу, чтобы мне в *Расею* уйти...» (С. В. Максимов. На каторге); «— Соизволили, значит, вернуться в *Расею*, батюшка... — издал он радостной стариковской нотой...» (П. Боборыкин. Возвращение); «— Видно, уж ей так бог судил: — так и не уехала, так в *Расее* и померла...» (П. Сергеенко. Гувернантка); «— Да и вся-то, дружок мой, Россия... — Ну? — От Зеленого Змия... — Йетта вовсе не так: Христова *Рассея*...» (А. Белый. Петербург) и мн. др. под.

Эта традиция, продолжаясь в последующем развитии русской и советской литературы, но, естественно, ослабевая, дожила и до наших дней: «— Ванька! Керенок подсунь-ка в лапоть! Босому, что ли, на митинг ляпать? Пропала *Россеичка!* Загубили бедную!..» (В. В. Маяковский. 150 000 000 // Избранные произведения. Т. 2. М.: Худ. Лит., 1953. С. 63); «Мужикам Петенька нравится за разго-

ворчивость. Пьяненькие, называют его “сердешным”, “*Рассей*”, обещают прибавить жалованья...» (А. Неверов. Без цветов // Я хочу жить. М.: Сов. Россия, 1984. С. 33); «...половой говорил: — Заладила про свою деревню. Тоже *Расея*. Много ты понимаешь. Походи ночью по номерам — вот тебе и *Расея!*...» (А. Н. Толстой. Хождение по мукам, I, 7 // Собр. соч. Т. 5. М., 1972. С. 61); «Весь строй с присвистом подхватывает: Разобью-уу я всю Евро-о-пу, Сам в *Рассе-е-ею* жить пойду-у-у-у...» (Е. Гинзбург. Юноша // Юность. 1967. № 9. С. 7).

Во всех подобных случаях *Ро(а)с(с)ея* как примета крестьянско-мещанской речи выступает в контекстах, ретроспективно представляющих более или менее отдаленное историческое прошлое. И это понятно: современная диалектная речь и городское просторечие слова *Ро(а)с(с)ея* и его производных в сущности уже не знают. Сегодня все *-ей*-варианты в стилистическом противопоставлении *-ий*-вариантам живут и функционируют только как изобразительное и выразительное средство языка художественной литературы, — с явной тенденцией к все большей и большей архаизации. И если бы эта функция была для них единственной, то отсутствие единообразия в их написаниях, убедительно свидетельствуемое приведенными выше иллюстрациями, не создавало бы никакой сколько-нибудь существенной орфографической проблемы и нормализация могла бы — по известному евангельскому принципу — спокойно отвернуться от них, предоставляя мертвым погребать своих мертвецов.

Дело, однако, обстоит по-другому: экспрессия *грубова-того просторечия*, которую рассматриваемые *-ей*-варианты еще усилили вследствие жесткого закрепления за контекстами социально и стилистически резкой характеристики, была перенесена с означаемого на означаемое и осложнена резко отрицательной оценкой. Произошло то, что Л. В. Щерба называл «семантическим ростом» через «насыщение содержанием вариантов слов или форм, получившихся на разных путях»⁶. Из средства характеристики субъекта речи *-ей*-варианты превратились в средство характеристики означаемого: сознание, опираясь на слово, собрало и сконцентрировало в нем некий сложный понятийный комплекс, который до этого мог быть выражен только перечислительно-описательным образом.

Известно, что слово *Россия* (по-видимому, через промежуточные *Русия*⁷ и *Руссия*⁸) возникло на рубеже XV—XVI вв.⁹ как совершенно искусственное (транслитерация с греческого)¹⁰ торжественное образование высокого официоза в связи с потребностями идеологического обеспечения историко-государственной концепции «Москва — Третий Рим» в замену прежнего *Русь*, с которым оно образовало контрастную пару. За последующие три века, спустившись в быт — отсюда народное *Ро(а)сея*, — слово *Россия* потеряло свое изначально высокое торжественное звучание (ср., однако, — *россиянин, россиянка, россияне*), стало нейтральным, тогда как его противочлен был поднят на стилистической шкале, получив новое идеологическое содержание. Слово *Русь* в русской культуре, в общественной, религиозной и философской мысли XIX — начала XX в. — через художественное мировидение Гоголя, историософские построения славянофилов и т. д. — получило значение высокого символа исторической преемственности и непреходящей ценности идеалов русской народной жизни (ср.: *Святая Русь* — не **Святая Россия!*), идеалов, искажаемых мрачными сторонами российской действительности¹¹.

Выражением этого долго и трудно формировавшегося взгляда на русскую жизнь стала транссемантизация стилистического противопоставления *Россия* — *Ро(а)с(с)ея*. На этом новом этапе развития сниженный *-ей*-вариант был поднят на уровень культурно-идеологического символа обширного комплекса отрицательных признаков государственной, политической, хозяйственной, культурной и нравственной отсталости, косности, темноты и невежества России. *Россия*, следовательно, была осознана как внутреннее антиномическое единство двух ее неразрывно связанных и в то же время неслиянных ипостасей — *Руси* и *Ро(а)-с(с)еи*¹².

Одним из первых (если не первым), кто выразил это откристаллизовавшееся в слове сознание, был обладавший особой чуткостью к явлениям общественной жизни и мысли и абсолютным языковым слухом И. С. Тургенев. Он искал нужное слово, и оно далось ему не сразу. Попробовал так: «...Одежда на нем была немецкая, но одни неестественной величины буфы служили явным доказательством тому, что кроил ее *не только русский — российский*

портной» (Записки охотника, Олдоворец Овсяников, 1847). И остался неудовлетворенным. Продолжал искать: «Художеству еще худо на Руси. Сорокин кричит, что Рафаэль дрянь и “всё” дрянь, а сам чепуху пишет; знаем мы эту поганую *россейскую замашку*...» (письмо П. В. Анненкову — 31 октября 1857 г.). И наконец нашел: в письме А. А. Фету 25 января 1869 г. он с горечью писал о «бедствованиях по “россейским” трактирам» и *россейским* подчеркнул и взял в кавычки, заменив *о* на *а*, но сохранив двойное *сс*. Кавычки здесь не (или, по крайней мере, не только) знак «чужого» слова. Это знак необычного — новонайденного значения¹³. То, что у Пушкина (в его «*россейская публика*») было дано как возможность, лишь в виде намека, под пером Тургенева получило ясное и выпуклое выражение. Сегодня *Ро(а)с(с)ея* — в этом укрепившемся и уже не требующем кавычек значении — общее достояние всех говорящих и пишущих литературно, самостоятельная лексическая единица современного русского литературного языка, не только заслуживающая словарной фиксации, но и имеющая на это все самые неоспоримые права. Права жизненно важной, не ослабевающей, а, напротив, увеличивающейся актуальности и возрастающей частотности. Ср. хотя бы следующие из множества возможных немногие примеры.

Из записей живой разговорной речи: — Господи, и когда только мы покончим с нашей *россейской неповоротливостью!*.. & — И что же? Так его и не восстановили? — Конечно, нет. Всё *по-россейски*... & — Ну как только они так могут! — А чё ты удивляешься? *Расея!*.. & — Опять все окна повывбили... Эх, *матушка-Расея!*.. & [Глядя вслед пьяному] Пьет *Расея!*.. & [Глядя, как водитель самосвала сгружает кирпич, превращая его в бой] Бей давай, больше будет!.. *Расея!*.. и мн. др. под.

Из литературных источников семидесятых — восьмидесятых годов: «Петров-Водкин не писал *Рассеи*, но действительно работал для народа русского...» (Прометей. Вып. 8. М., 1972. С. 245); «...Во всех этих рассказах показан спесивый *росейский* барин-невежда» (С. Антонов. Я читаю рассказ. М.: Молодая гвардия, 1973. С. 99); «...как далеко шагнула бы экономика наших колхозов, если бы не наше закланное *росейское* бездорожье!..» (Призыв, 27 августа 1974 г.); «Ну, знаете, в области

свобод в *Расее-матушке* надо бы поосторожнее, — вставил Лев Львович...» (С. Ермолинский. Яснополянская хроника // Звезда. 1974. № 3. С. 74); «Невозможно удержать слезы, когда Борисов поет “Ехал на ярмарку ухарь-купец”, вкладывая в песню всю нереализованную силу души, всю боль своей жизни, страдания за всю “расейскую” жизнь...» (В. Розов. После спектакля // Советская культура, 16 марта 1985 г.); «...во всей своей *расейской* крепостнической неумытости...» (Е. Покусаев. Алексей Михайлович Жемчужников // А. М. Жемчужников. Избранные произведения. М.; Л.: Худож. лит., 1987. С. 13) и мн. др. под.¹⁴.

Обращает на себя внимание, что в обширном материале, представляющем современное употребление *-ей*-образований, почти полностью отсутствуют обычные в письменной практике XIX — середины XX в. (показательно ее воспроизведение в переизданиях последних лет) варианты с орфографическим видом корня *Росс*. И это чрезвычайно важно и знаменательно, так как мы имеем здесь дело не с отражением случайной неполноты авторской выборки, а с проявлением внутренних закономерностей становления вырабатывающейся стихийно новейшей орфографической нормы.

Поскольку противопоставление двух фонемных вариантов суффикса (*-ий* // *-ей*) оказывается неспособным обеспечить семантическую и аксиологически-оценочную надстройку над закрепленной за ними стилистической функцией (ср. *беспарт-ий-ный* — *беспарт-ей-ный*) и поскольку ни фонемика, ни фонетика корня не могут стать материальным субстратом содержательного противопоставления рассматриваемых *-ий* / *-ей*-образований, эту функцию по необходимости — вынужденно — берет на себя графика. При этом графика предоставляет на орфографический выбор две имеющиеся в ее распоряжении объективные возможности: либо фонематическому написанию корня с *о* (*Росс-ий-*) противопоставляется фонетическое написание с *а* (*Расс-ей-*), либо традиционному написанию с двумя *с* (*Росс-ий-*) противопоставляется фонетическое написание с одним *с* (*Рос-ей-*). Так или иначе, но нормативно-орфографическое написание *Росс-ей-*, широко использовавшееся в относительно недавнем прошлом и полностью удовлетворявшее интуитивному чувству пишущих в доминировавшем тогда стилистическом противопоставлении *Россий-* — *Россей-*, оказалось

недостаточным в новых условиях их семантизованного противопоставления и — буквально на наших глазах, — начиная с середины 1950-х гг., фактически вышло из живого употребления¹⁵.

Что касается двух разрешаемых графикой полуфонетических написаний *Росей-* и *Рассей-*, то они, будучи с отвлеченно-теоретической точки зрения, казалось бы, логически равноправными, обнаруживают — в конкретных условиях современного русского письма с характерными для него тенденциями актуального развития — отнюдь не равную орфографическую пригодность и жизнеспособность. Так, первый из них — *Росей-*, поскольку написание *о* в первом предупредном слоге является либо мотивированно, либо условно нормативным (ср. предпочтительный выбор варианта с буквой *о* в таких, связанных с гиперфонемной ситуацией¹⁶, парах, как *охломон* — *охламон*, *портач* — *партач*, *фломастер* — *фламастер*, *бадяга* — *бадяга*, *долдонить* — *далдонить* и мн. др. под.) подсознательно и стихийно избегается пишущими и встречается лишь в очень редких — единичных! — случаях, безусловно уступая второму возможному варианту — *Рассей-*.

Предпочтение, оказываемое пишущими варианту *Рассей-*, объясняется, как можно думать, не только яркой «неорфографичностью» написания *а* вместо *о*, но и «меньшей орфографичностью» написания двойного *сс*, поскольку это последнее может восприниматься как обозначение экспрессивной геминации согласных¹⁷. Тем не менее и этот вариант оказывается не оптимальным, и на передний план выдвигается третье — контаминированное написание *Расей-*, представляющее двойное нарушение орфографической нормы и обеспечивающее максимально полное материальное противопоставление двух семантически разошедшихся форм. Ср.: «Россия идет — не *Расея!*...» (Е. Евтушенко. Красота); «Когда же, наконец, *Россия* / В себе *Расею* изживет!...» (М. Кузмин. Россия).

Именно это написание — *Расея*, функционирующее сейчас в качестве стихийно отобранной фактической нормы, и должно быть закреплено официальной кодификацией. В нормированном литературном языке и нарушения нормы — там, где это необходимо, — должны быть облечены в нормативную форму.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Показательна в этом отношении судьба тех рекомендаций и правил, которые были сформулированы в работах Л. И. Скворцова, Е. А. Некрасовой и автора настоящей публикации в кн.: *Нерешенные вопросы русского правописания*. М.: Наука, 1974 (в разделе, озаглавленном «Области языка, не регламентированные орфографически»). Прошло 28 лет, а в практике газетных, журнальных и книжных издательств не изменилось решительно ничего.

² См., например: 3-е изд. М.: Сов. энцикл., 1970. Показательна мотивировка этого издания, которое, как говорится в предисловии, было предпринято для того, чтобы «помочь дикторам радио и телевидения в их трудной работе, а также для того, чтобы способствовать установлению единообразия в произношении и ударениях (разнобой в языке радиовещания и телевидения отвлекает слушателей от содержания передачи и, естественно, вызывает их резкие протесты)...» (С. 3).

³ См., например: *Краткий словарь трудностей русского языка (для работников печати)*. М.: Университетское, 1968; *Трудности русского языка: справочник журналиста* / Под ред. Л. И. Рахмановой. М.: Университетское, 1981; *Правильность русской речи: Словарь-справочник*. М.: Наука, 1965 и др.

⁴ В. В. Виноградов. *Язык Пушкина*. М.; Л.: Academia, 1935. С. 421.

⁵ Ср. отраженное представление указанной стилистической ситуации: «Лишь спрашивает в письмах грубовато, / По-русски, по-расейски: — Ты брюхата? / — Свою великосветскую жену...» (*Ю. Друнина*. Наталья Пушкина // *Наш современник*. 1974. № 11. С. 4).

⁶ См. его: *Теория русского письма* // Л. В. Щерба. *Языковая система и речевая деятельность*. Л.: Наука, 1974. С. 206.

⁷ Впервые, по-видимому, в титулатуре Ивана III — «Государь и самодержец, царь и государь Всеа Русии...» по записи в Вологодско-Пермской летописи под 1491 г. (*Полное собрание русских летописей*. Т. XXVI. М.; Л., 1959. С. 286).

⁸ См.: В. Н. Татищев. *История Российская*. М.; Л., 1962. С. 345. Ср. совершенно искусственную попытку воскрешения этого варианта С. Есениным в поэме «Пришествие» (1917) как имени страны, откуда в мир должна просиять последняя божественная истина: «За горой нехоженой, / В синеве долин, / Снова мне, о Боже мой, / Предстает твой сын. / По тебе томлюся я; / Из мужичьих мест, / Из прозревшей *Руссии* / Он несет свой крест...» (*Собрание сочинений*: В 3 т. М.: Правда, 1970. Т. 2. С. 51)

⁹ По данным М. Фасмера (*Этимологический словарь русского языка*. Т. III. М.: Прогресс, 1971. С. 505), впервые в Московской грамоте 1517 г.

¹⁰ См.: М. Фасмер. *Указ. соч.* С. 505.

¹¹ Естественно и понятно, что в левом — революционном — стане это противопоставление выступало в перевернутом, инвертированном виде, и Святая Русь оказывалась олицетворением и символом враждебного революции мира: «Революционный держите шаг! / Неугомонный не дремлет враг! / Товарищ, винтовку держи, не трусь! / Пальнем-ка пулей в Святую Русь! — / В кондовую, В избяную, В толстозадую!..» (А. Блок. Двенадцать, 1918). — Вообще же, соотношение *Русь* — *Россия* на разных этапах развития русской культуры и общественно-религиозно-философской мысли заслуживает специального лингво-культурологического исследования, которое выходит за рамки настоящей работы.

¹² Ср. в исключительно точном ретроспективном отражении у Ю. Тынянова: «... И он <Пушкин> размахнулся на всю Россию, не подмосковную, не “Расею” и не “Русь”...» (Ю. Тынянов. Ганнибалы // России первая любовь. М.: Книга, 1963. С. 14). И то же в современном сознании: «Слесаря пропивают получку... / Пропиваются дети, увы... / И не надо шептать мне, кося / От избытка вины ли, вина... / Мол, и это Россия... *Расея*... / Дар-ра-га-я-а мая-а ста-ра-на... / Нет! Страна дорогая, разрушу / Этот миф, унижающий Русь, / И за каждую русскую душу / Повоюю, поспорю, побьюсь!..» (А. Гришин. «Слесаря пропивают получку...» // Знамя. 1986. № 10. С. 79).

¹³ См.: И. С. Тургенев. Полное собрание писем. Т. VII. М.; Л.: Наука, 1965. С. 285. Этот взгляд на *Ро(а)с(с)ею* как на одну лишь сторону России — взгляд изнутри России — принципиально отличен от взгляда извне, для которого *Расея* не ипостась, не идеальная понятийная сторона, а целое (как бы такой взгляд не выражался): «Эта варварская Россия», как думала когда-то мисс Жаксон в «Барышне-крестьянке» Пушкина, или «дура-Расея», как считала в недавнем еще прошлом противопоставлявшая ей себя Сибирь: «Эти коренные очень гордятся собой, с пренебрежением относятся ко всему русскому... Глупая баба дергает своим толстым брюхом и пренебрежительно говорит: — Известно, из *дуры-Расеи* чего путного дождешься...» (Н. Гарин-Михайловский — Н. В. Михайловской, июнь 1891 г.). Пережитки этого взгляда достаточно широко сохраняются в Сибири и сегодня. Ср.: «— Это же не *Расея*. — Так и я не *расейский* — сибиряцкий...» (Г. Комраков. До осени — полгода, 7).

¹⁴ Следует заметить, что в последние годы — в полном соответствии с логикой развития общественной мысли, формирующей неославянофильские и почвеннические течения и уклонения различных оттенков и толков (вплоть до черносотенных и откровенно фашистских), проявляющие себя в идеализации патриархального прошлого русской деревни, исконных форм быта, монархического государственного устройства и т. п., — *Расея* (с производными) инвертивно включается в общий ряд воскрешаемых ими символов, получая экспрессию положительной оценки. Ср. немногие приме-

ры, почерпнутые из необозримого их числа на страницах периодических изданий, отражающих и формирующих такого рода настроения и взгляды: «Всё пересилит просто и стойко / Дерзость *российская*, удаль *расейская*...» (Р. Казакова. Постановление // Литературная Россия, 15 июля 1977 г.); «За *Россию*, матушку — *Расею* / Он упал, прикрыв огнем друзей...» (П. Кучуков. Алешка // Наш современник. 1978. № 10. С. 75); «Всегда надежно врачевала душу / *Расейская* сердечность старика...» (Ю. Друнина. Дядя Вася // Наш современник. 1976. № 3. С. 141); «Иван Иванович смотрел на пролетающие мимо поля, на полустанки, деревни, города и искренне удивлялся, говорил Андрею: — погляди только, какая махина! Одно слово — *Расея!*» (М. Щукин. Имя для сына // Наш современник. 1986. № 2. С. 90)

¹⁵ Как уже было сказано и как это видно из приведенных выше иллюстраций, в современных переизданиях текстов XIX в. сохраняются и воспроизводятся обычные для этого времени (авторские и/или редакторско-типографские) написания с фонематическим *о* (*Россея* // *Росея*). Тем показательнее замена старого *Россея* на новое *Расея* в переизданиях «Войны и мира» Л. Н. Толстого. Ср. в издании 1949 г.: «— Решилась! *Россея!* — крикнул он. — Алпатыч! Решилась! Сам запалю... — Ферапонтов побежал на двор...» (Т. III. Ч. 2, IV. М.: ГИХЛ, 1949. С. 118). В просмотренных изданиях последующих лет (см., например: М., 1966. С. 123; М.: Худож. лит., 1974. С. 124; Фрунзе, 1981. С. 123; Харьков, 1984. С. 122; М.: Правда, 1984. С. 125 и мн. др.) — везде *Расея*.

¹⁶ О гиперфонемной ситуации применительно к корню *~Росс~* придется говорить потому, что все его производные с *о* (под ударением в сильной позиции) для подавляющего большинства носителей русского литературного языка либо вообще практически не существуют (ср. глубоко архаическое *росс* из какого-нибудь «Гром победы раздавайся, Веселися храбрый *росс*», или устаревшие *великоросс*, *-ы* — *Великороссия*, как и *малоросс*, *-ы* — *Малороссия*, или узко специальное *Россика* с более распространенным латинским вариантом *Rossica*), либо находятся на достаточно далекой периферии языкового сознания (такие, например, как специализированные сложно-сокращенные образования типа *Росхлебторг*).

¹⁷ См. об этом: А. Б. Пеньковский. О некоторых некодифицированных явлениях современной русской орфографии (о написании типа *иду-у, оччень*) // Нерешенные вопросы русского правописания. М.: Наука, 1974. С. 100—102.

СЛОГОВАЯ СЕГМЕНТАЦИЯ РЕЧИ В ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Послушайте!
Ведь если звезды зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?
В. Маяковский. Послушайте!

Проблеме слога, представляющей большой и сложный комплекс вопросов слогообразования и слогоделения, посвящена — и у нас и за рубежом — обширная, трудно обозримая литература. Тем не менее, несмотря на давнюю традицию научного изучения, здесь «почти нет общепринятых решений. В каждой последующей работе часто отрицаются или значительно корректируются результаты, полученные предшественниками...» [Калнынь 1981 : 446]. Эту ситуацию, учитывая, что слог — не конструкт, не абстрактная сущность, а живая, материальная, во плоти, физическая, артикуляторно-акустическая единица, нельзя не признать достаточно экстраординарной. И дело здесь не только в действительной сложности и внутренней противоречивости слога и связанных с ним явлений.

Дело также и в том, что теоретический анализ, давший основания для двух — несовместимых и не сводимых на принципе дополнительности — концепций слога [Панов 1979 : 77], не получил надежной экспериментальной базы. Экспериментальные исследования проводились по программе, которая не только не исключала, но заведомо предполагала возмущающее воздействие экспериментатора и была ориентирована — независимо от того, изучалось ли

слогоделение носителей литературного языка или слогоделение носителей диалектной речи, — исключительно на искусственную процедуру слоговой сегментации отдельного (по выбору экспериментатора) слова. Понятно, что построенный на такой основе эксперимент может демонстрировать только то, что было в него заложено. Испытуемые, поставленные перед необходимостью сознательно и преднамеренно осуществить то, что обычно делается в полностью автоматическом и не подконтрольном сознанию режиме, оказываются в положении сороконожки, которой (по известной притче) был задан вопрос о том, с какой из своих сорока ног она начинает движение, и, выбитые из естественной фонетической колеи, производят слогоделение с опорой на подвластные осознанию морфемные, графические или иные подобные случайные ассоциации (ср.: [Калнынь 1981 : 453]).

Свободным от искажающего воздействия таких ассоциаций может быть только спонтанное слогоделение в живой непринужденной речи, и именно его результаты, зарегистрированные соответствующими техническими средствами, могли бы стать объектом специального исследования с применением точных методов фонетического анализа. Однако, если не считать отдельных, единичных упоминаний, для науки такого естественного, живого, спонтанного слогоделения как бы не существует. Слог поэтому оказывается всего лишь потенциальной единицей, которая если и воплощается как фонетическая реальность (в оснащении разделительных пауз), то только в искусственных условиях эксперимента¹. Такое понимание не только обедняет общую и специальные теории слога, но также закрывает для науки и те коммуникативные условия, в которых осуществляется естественное слогоделение, и те коммуникативные и иные функции, которые оно исполняет, и те значения, которые оно несет, будучи одним из элементов сложной системы изофункциональных языковых средств. Как и в других подобных случаях, отсутствие научных знаний об одном из звеньев системы, каким бы ни было это звено, неизбежно обедняет и так или иначе искажает наши знания о других звеньях системы и, следовательно, обо всей системе в целом.

Восполнить хотя бы отчасти этот пробел и тем самым ответить на вопрос, зачем нужно слогоделение, — цель помещаемых ниже заметок.

* * *

Можно с уверенностью утверждать, что любое слово, как и любой отрезок непрерывной звуковой цепи, больший, чем слово, в результате их разделения на слоговые составляющие должны определенным образом изменяться и приобретать некоторые новые, специальные признаки. Попытаемся выделить и охарактеризовать их.

(1) «*Р а с т я н у т о с т ь*» слова вследствие его расчленения межслоговыми паузами большей или меньшей длительности, т. е. увеличение общей длительности слова во времени и его линейной длины, что получает иконическое выражение в общепринятой записи слогоделения: *событие* → *со-бы-ти-е*.

Полная объективность и реальность этого признака свидетельствуется фактами стихотворной речи, которая, опираясь на него, создает особый вариант тактовика (его можно было бы назвать *с л о г о в ы м*), где каждый слоговой сегмент — за счет обязательных межсловых пауз — покрывает пространство, равное целой стопе:

Солнцем и ветром
пахнет куга.
Глаз веселя и радуя,
встает над рекой
цветная дуга —
ра - ду - га!

(В. Полторацкий. Радуга, 1959)

Ах вы, пряхи, выходите на мостки!
Это ведро
или *за - мо - роз - ки?*

(В. Цыбин. «У побеленных метелями берез...», 1964)

Заходи, будь как дома в моем стихе,
хочешь — трубку кури, хочешь — водку пей,
член Союза Вьетнамских писателей

Хе -
мин -
гу -
эй!

(Е. Евтушенко. Хемингуэй во Вьетнаме, 1972)

Показательно также общее, массовое осознание этого признака носителями языка — осознание, находящее выражение в стандартных средствах «бытового» (профанного) метаязыкового описания явлений русского слогоделения. Ср., например, *говорить, длинно растягивая слова / врасстяжку / врастяг / протяжно* и др.: « - Ве - ра! - врасстяжку, по слогам произносит мать» (И. Грекова. Хозяйка гостиницы); «Она вздрогнула, покраснела и *ответила врасстяжку*: - Здра - ствуй - те...» (Д. Голубков. Юность); «—Как это не договаривались! — Мила даже остановилась и с вызовом поглядела на Власова. — Как это не договаривались, Костенька, московский *жур - на - лист*?! — повторила она, *произнося “журналист” врасстяжку, с ударениями...*» (С. Высоцкий. Пропавшие среди живых, 3); «...а затем *медленно, врастяг сказал...*» (А. Вайнер. Г. Вайнер. Визит к минотавру, 1, 6); «Он сосредоточенно думает, потом решительно поворачивается и медленно, тяжело идет к выходу и *в такт шагам, так же медленно и тяжело, врастяг говорит*: - Я от - ка - зы - ва - юсь - и - ка - те - го - ри - че - ..., — унося последний кусок своего отказа за громко хлопнувшую дверь...» (А. Круглов. Всего один день)²; « — Седьмого марта меня назначили, — тут он сделал паузу и *протяжно выделил, - вре - мен - но -* председателем колхоза...» (Комсомольская правда, 7 августа 1973) и др. под. Ср. также: «Я откровенно сознаюсь, что у г. Ратмирова с товарищами гораздо более смысла, чем у г. Потугина с его *растянутой ци - ви - ли - за - ци - е - ю...*» (П. Л. Лавров. Цивилизация и дикие племена)³.

Следует заметить, что растяжение слова при слогорасчленении в определенных речевых ситуациях может усложняться и усиливаться накладывающимся на него растяжением гласных. Это явление (см. о нем специально в работе [Пеньковский 1974 : 118—120]) имеет, например, место в призывах, окликах и окриках на расстоянии и в командах: *Ва - ня!* → *Ва - а - ня!* // *Ва - ня - а!* // *Ва - а - ня - а!* *Кру - гом!* → *Кру - у - гом!* // *Кру - го - о м!* // *Кру - у - го - ом!* и т. п. То же в ситуации слогового чтения, где растяжение гласных явно выступает как вторичное, сопутствующее явление: « - Фо - то - гра - а - а - фи - я! — прочел на вывеске плотный человек в коричневом картузе» (А. Чапыгин. Особняк).

(2) Ослабление или полное устранение контраста по силе (интенсивности) и длительности между бе-

ударными и ударным слогами (*чепухá* '→ *чé* - *нй* - *хá*), что лишает слово его индивидуальных ритмических признаков и приводит к нейтрализации соответствующих противопоставлений. Ср.: *мука* ←→ *мука́* → *му́* - *ка́*.

На этом основано использование скандирующего слого-расчленения (в частности, в дикторской практике) в качестве средства разрешения затруднений, связанных с постановкой ударения в незнакомых и малознакомых словах, а в поэтической речи — в качестве выразительного приема, сила которого обусловлена противоречием между стихотворным ритмом и ритмом слова в строке:

Ратник поля Куликова
И солдат Бородина
Свято чтили силу слова
В малом слове: *Рó* - *дй* - *на́!*

(В. Фирсов. На Бородинском поле, 1974).

(3) Естественным следствием (2) является «*у т я ж е л е н н о с т ь*» — увеличение веса — сегментированного на слоги равно- и многоударного, равно- и многовершинного слова. Ср. отражение этих признаков в обычных характеристиках бытового метаязыка: «...у него была *манера отчеканивать слоги*» (И. Бунин. Деревня, 1); «Она яростно *отчеканила* это “до-кон-ца!”» (Д. Голубков. Моль); «— *По че-ло-ве-че-ству?! — отчеканил он каждый слог*» (А. И. Куприн. Олеся); «...*отчетливо, с ударением произнес каждый слог*» (И. С. Тургенев. Дым); «- *Ни-ко-гда!* — *отчетливо, тяжело нажимая на каждый слог, сказал он*» (В. Андреев. У озера); «— Помните, дети, этот день *ни-когда не вернется, — на слогах приседает голос...*» (А. Цветаева. Воспоминания); «...*раздельно и тяжело выговорил Лука Иванович...*» (П. Боборыкин. Долго ли? 28); «—...очень умного и... *бла-го-род-но-го человека, — произнесла она внушительно...*» (Ф. М. Достоевский. Подросток, 2, IV, 2); «— Меня *у-ва-жать* надо, — *тяжело и внушительно нажимая на слоги, говорит он*» (А. Миронов. Старик); «— Но это же *бе-зо-бра-зи-е!* — *говорит он, тяжело вдавливая каждый слог*» (В. Потапов. Лесник) и др. под. Ср. также: «— Что это вы сегодня, Лебедев, такой *важ-ный и чинный и говорите, как по складам, усмехнулся князь...*» (Ф. М. Достоевский. Идиот, 3, IX)⁴.

Отсюда обычное для устной и письменной речи применение слоговой сегментации как одного из выразительных средств «в о з - вы ш е н и я с л о в а в р а н г е»: «— И следовательно *не простой вовсе, а Ю - рист!* — вот он кто...» (С. Залыгин. На Иртыше); «Почему она с одинаковым рвением ухаживала за всеми, чувствуя, какой страшной перегрузке и опасности подвергает свой собственный организм? Потому что *О - бя - зан - ность!*...» (С. Залыгин. Южноамериканский вариант); «— Я говорю ясно: хочу верить в вечное добро, в вечную справедливость, в вечную *Выс - шу - ю* силу...» (В. Шукшин. Верую); «...Скажешь вежливо так: “Ваш пропуск”, потому что учреждение у нас *особое* — *Ис-пол-ком Комму-ни-сти-че-ско-го Ин-тер-на-ци-о-на-ла!*...» (В. Дмитриевский. Товарищ Пятница); «Да ведь есть у него имя! И не *просто Родион, а Ро - ди - он!* Как скандировали стадионы...» (Смена. 1986. № 19); «Надо же понимать: это *не какая-нибудь там физика... Это — И - сто - ри - я!*...» (В. Фирсов. Фараоны); «— У вас теперь, я знаю, всё *учителя да учительки, а у нас был У - чи - тель!*...» (Н. Краснов. А была школа...) и др. под. Ср. также: «... “Они на-следье тирании, / А ты — *ре-во-лю-ци-о-нер!*” / *Так разделил он с выраженьем / Все шесть слогов на шесть борозд...*» (П. Антокольский. В переулке за Арбатом, 1).

(4) «*Р а с с ы п а н н о с т ь*» слова на разделенные межслоговыми паузами равноударные фонетические последовательности как интегральный признак результатов слогоделения. Ср. не отмеченное словарями в этом специализированном значении устаревашее с *расстановкой*: «...*проговорил с старомодной расстановкой*, что “он *о-чен-но* будет рад”...» (И. С. Тургенев. Бригадир, VIII); «— Он бог знает из какой семьи, без роду, без племени, без всякого состояния, притом он сумасшедший! — Последнее слово она *произнесла с расстановкой*: *су - ма - сшед - ший!*...» (В. Брюсов. Последние страницы из дневника женщины) и др. под. Ср. также единичное *расстановочно* у Д. Веневитинова и новое *раздельно*: «— *Ни - че - го!* — *раздельно, с силой выговорил* Анисимов...» (П. Проскурин. Судьба, 2, III, 8); «— *Че - ну - ха!* — *сказал* Олеша *раздельно и внятно...*» (К. Паустовский. Встреча с Олешей); «Он *проговорил это раздельно, резко и четко*: “*не-вы-пол-ня-е-те!*...”» (А. Иванов. Дом строится) и др.

То же в многочисленных случаях индивидуально-авторского выражения: «...промолвила громко и *протяжно*, *отставляя слог от слога...*» (И. С. Тургенев. *Новь*, 1, XIII); «...в караульной святцы стал *дойть* ефрейтор *по слогам...*» (С. Черный. *В карцере*, 1911); «...раздались в тишине *шесть распадающихся костлявых слогов*» (Б. Пастернак. *История одной контроктавы*); «— Надоело быть пешкой и говорить себе, что начальство знает больше. Не хочу! *На-до-е-ло!* — *разорвал он последнее слово...*» (В. Еременко *Вина*, 11); «— И куда же ты нацелился? — *У - е - ду!* *У - е - ду!* *В Но-во-си-бирск у - е - ду!* — Давай, давай. Ты, я вижу, уже и *дорогу проложил и верстовые столбы вбил*» (Е. Андронов. «Ах, дети, дети...»); «— О чем это вы? Право не понимаю. — Тихомиров не склонился, а навис над ним, обмякшим на диване. Навис и *раздельно, по слогам, как ударяют железный костыль, вогнал одно лишь слово*, расколовшее душу Дегаева: — *По - ни - ма - е - те!*...» (Ю. Давыдов. *Глухая пора листопада*, 1, VI, б); «...В ответ *рассыпались резкие и оскорбительные как пощечины слог*: — *У-блю-док!* *У-бью!*...» (В. Раменцев. *Пожар*).

В примерах этой группы (а их легко было бы умножить) обращает на себя внимание характерное и типичное для восприятия, осознания и описания процесса и результатов слоговой сегментации слова использование звуковых ассоциаций и ассоциаций с «звукопроизводящими» действиями. Это, конечно, не случайно.

Отметим прежде всего, что такого рода действия в соответствующем — синкопированном — ритме нередко сопровождают слоговое деление, подкрепляя его и усиливая его воздействие. Ср.: «— И ты в это верил? — Тихомиров смешался. — Верил? — повторил Лопатин. И, *звякая ложечкой о блюде, такт отбивая*: — *Не ве-рил!*...» (Ю. Давыдов. *Глухая пора листопада*, 2, I, 3); «— А ты думал, что тебе это спустят? Нет, брат, *не - спу - стят!* — *выбил он каждый слог, ударяя ребром ладони по столу...*» (В. Иванов. *Были годы*)⁵.

И такие же действия (собственные действия субъекта речи и действия во внешнем мире) и вызываемые ими в определенном ритме звуки (звук шагов, удары молота и колокола, стук колес, цокот копыт и т. п.) могут стать внешним импульсом, запускающим в н у т р е н н и й — подсознательный — механизм слогового деления,

или добавочным синтагматическим кодом, перестраивающим внутреннее сообщение в автокоммуникации (см. об этой последней в работе [Лотман 1973 : 232—235]). Ср.: «...сосед по купе опустил окно, и стук колес стал отдаваться в ушах. “Ты - ку - да? Ты - ку - да?” — высказывало из-под колес... “По-го-ди, по-го-ди!..”» (Д. Кузовлев. Не поле перейти...); «“Сейчас они сидят и курят, — повторяю про себя... — Ку - рят. Ку - рят. Ку - рят...” — под каждый слог я переставляю ноги и не замечаю ничего вокруг себя...» (С. Крутилин. Окружение); «Я шел и думал, что дело мое — труба, и в такт шагам во мне звучала эта тру - ба... тру - ба... тру - ба..., незаметно превратившаяся в какую-то ба - тру... ба - тру... ба - тру... такую же нелепую и бессмысленную, как и то, что произошло...» (В. Рындин. Солнце сквозь тучи).

Последний пример заслуживает специального внимания, поскольку позволяет понять важную особенность слогаделения — его балансирующую на грани двойственности по отношению к смыслу.

С одной стороны, единство смысла целого, преодолевающее «рассыпанность» этого целого на бессмысленные части-слоги и ставящее эту «бессмысленность» себе на службу: слогаделение — поскольку оно выдвигает на передний план, обнажает и делает ощутимой звуковую материю слова, — заставляет обостренно воспринимать его значение и смысл (см. об этом специально ниже, а также в работе [Шмелев 1967 : 202, примеч.]).

С другой стороны, бессмысленность слогов, которая при определенных условиях опустошает заданный смысл целого, делая его объектом экспрессивного переживания и/или открывая его для иных смыслов:

а) Вслушивание в слово и сосредоточение внимания на его звуковой стороне: «— Я хотел извиниться, я не смог приехать тогда вечером. На стройке была авария. — А-ва-ри-я! — медленно сказала она, как бы слушая, как звучит это слово» (Л. Лондон. Быть инженером, 9); «— Да, — сказал я. — Красный. - Кра - сный, — медленно повторил он, прислушиваясь к звучанию этого слова...» (А. Тарков. Как я был камбузником); «— Кстати, — вдруг точно вспомнила она, — какое у вас славное имя — Георгий. Гораздо лучше, чем Юрий... Ге -

ор - гий! — протянула она медленно, будто вслушиваясь в звуки этого слова...» (А. И. Куприн. Поединок).

б) Экспрессивное переживание и оценка: «...она зовет меня ужинать. У - жи - нать. Слово-то какое нелепое - у-жи-нать...» (З. Юрьев. Быстрые сны); «— Люди-то видят. — Люди, люди..., — откликнулся Рыжов хмуро. — Люди! Слово-то какое смешное, если подумать, — лю-ди!.. И что это такое за слово — лю - ди?! Вот послушай-ка — лю - ди. Смешно...» (Г. Семенов. Дней череда); «Каждый прячется за спины других, никто не хочет ответственности. “Я за это не отвечаю!”», “Это не я курирую!.. “Словечко-то каково!.. Ку - ри - ру - ю...» (В. Белов. Все впереди).

в) Попытка нового осмысления: «[Троеруков] Я учу владеть голосами... го - ло - со - вать... Голос совести... Совать голое слово!..» (М. Горький. Сомов и другие); «Как она обо мне сказала? — Жених... Же - них? Я - же - них? Ерунда какая-то! Я же-них... Но я же не их...» (В. Ковалевский. Мать и сын).

Те же закономерности действуют и в тех многочисленных случаях, когда объектом экспрессивно-эмоционального переживания, оценки и осмысляющего осознания является «чужое», новое — с неизвестным значением — слово или лишенное значения слово своего языка: «— Ла-би-ринт!, — какое интересное слово. Откуда он взял его? Ла - би - ринт...» (Б. Костюковский. Нить Ариадны); «Он невольно подумал: “Вот отчего все последние эти дни... твердилось мне без всякого смысла: Гель - син- форс, Гель - син - форс...”» (А. Белый. Петербург); «А губы его тихо шевелились, повторяя раздельно все одно и то же, поразившее его, звучное, упругое слово: - Бу-ме-ранг!..» (А. И. Куприн. В цирке); «Это зловещее, впервые услышанное слово “ка-ко-фо-ни-я” заставляет Леньку зажмуриться...» (Л. Пантелеев. Ленька Пантелеев); «“Си - де - ми...” Что-то милое и загадочное слышалось в этом названии...» (В. Кондратьев. На 105 километре); «Си-бирь - бирь-си... вдруг зазвучало на необычный песенный лад как имя девушки из какого-то неведомого лесного племени...» (А. Черешнев. Леший); «В столовой мы сидели за одним столом с Шамбадалом... Ольга Дмитриевна прицепилась к его фамилии: “Это же имя доброго волшебника — Шам - ба - дал!”...» (М. Довлатова. Человек умной души) и др. под.

Во всех подобных случаях слогоделение, расчленяя целое на части и тем самым укрупняя их, выдвигает звуковую материю в фокус сознания лишь как опору, с помощью которой оно пробивается к экспрессивному или смысловому содержанию слова. Однако сознание при слогоделении может быть направлено и непосредственно на звуковую форму слова, если она — по объективным или субъективным причинам — представляет затруднения для овладения ею. Здесь нужно различать две типичных ситуации:

а) Слогоделение вызывается внутренним импульсом и имеет целью предотвратить возможную (или — в порядке самокоррекции — исправить допущенную) ошибку в воспроизведении «трудного» — фонетически трудного! — слова субъектом речи: «— Девки знаешь какие! И держат себя в порядке. Не то что эти вон, из... *как его... из про-фи-ла-кто-ри-я. И не выговорить! Тьфу!..*» (В. Солоухин. Мокрый снег); «Мне мой доктор прописал от бессонницы... новое средство... *Как его?... Хлора - лоз...*» (В. Вересаев. Записки врача); «— ...а к этому старому черту и дорогу позабудь. Разве только для того, чтобы хлеб у него *резкви... тьфу!.. ре-кви-зи-ро-вать...*» (Н. Жернаков. Красногал, I, 2); «— Ты город *Се-кеиш-фе-хер-вар* помнишь? — спросил Панасюк и засмеялся, что *впервые, хоть и по складам, но все-таки справился с этим трудным словом*» (В. Хомченко. Иван Панасюк); «— А лечение я проходил.., — Гурьян *растянул по складам, чтобы не ошибиться, — в Э-пер-не... В английском госпитале...*» (М. Горбунов. Белые птицы вдали).

То же в русской речи тех, для кого русский язык не является родным: «— Будете делать... *как это у вас по-русски называется... я - еч - ни - ца?* Так?..» (Г. Светлов. Операция «С юбилеем, господа»); «Узнав, что я русский, из Москвы, парикмахер допытывался, кто я по профессии... Наконец, я решил признаться, что я писатель и даже поэт. — О! Поэт! — воскликнул парикмахер обрадованно. — *Ев-ту-шен-ко!*..» (В. Солоухин. Камешки на ладони); «...Но как сказать по-русски “добрый день”? ... Лучше сказать “здравствуйте” — это подходит ко всем временам суток. “Здравствуйте” — очень хорошо, но *как трудно это произнести!.. — Здрав - ствуй - те,* — сказал Ласло и поклонился...» (В. Росляков. Последняя война, 5).

То же в ситуации слогового чтения: «—...пробрался в каменоломни, *как их?.. “Ад-жи-му-шай-ски-е”*, — *еще раз по слогам*

прочитала Елена, чтобы запомнить, чтобы не спотыкаться, произнося это слово, чтобы отныне и навсегда говорить его так же свободно, легко и привычно, как “хлеб”, “дочь”, “работа”...» (И. Малыгина. Четверо суток и вся жизнь) ⁶.

б) Слогоделение вызывается внешним импульсом и имеет целью предупредить возможную ошибку в восприятии и/или воспроизведении «трудного» слова собеседником: «— Посмотрите, пане, — сказал Дризнер, — вон там в углу сидит невеста... Подойдите и скажите ей: “Мазельтоф”. — Как? — Ма - зель - тоф...» (А. И. Куприн. Свадьба); «— Как... того... ваше лекарство называется? У вас не по-нашенски написано... — О, ежели угодно, то поясню: “дигиталис”... Запомните — ди-ги-та-лис...» (А. Чапыгин. Наследники); «Пойди в областную библиотеку, попроси энциклопедию. Запомнишь? Эн-ци-кло-пе-ди-ю...» (В. Солоухин. Счастливый колос); «— Как называется эта трубка, в которую вы все время глядите? — Теодолит. — Как, как? — Те-о-до-лит. — Слово какое трудное...» (О. Осадчий. Шум сосновый, еловый, осиновый).

То же в случаях исправления допущенной собеседником ошибки: «— Чего вы за нее застываетесь? Она тоже крысомолка, да еще активная! — Ком-со-мол-ка! Слышите? Ком-со-мол-ка! Прошу произносить правильно...» (В. Кетлинская. Вечер. Окна. Люди); «...из двери металлический голос отчеканил гортанно: “Не Шишнарфиев, ... Шиш-нар-фнэ...”...» (А. Белый. Петербург); «— Как называют пещерного, того, древнего человека?.. — Неар... Неа... — зажмурившись, он начинает припоминать... Не-ан-дер-та-лец... Значение слова он знает, само слово запомнить не может... Я сотни раз произносил его по слогам — нет, не может...» (Г. Холопов. На дальнем озере).

Свидетельствуемая этими примерами способность слогоделения концентрировать внимание адресата речи на звуковой, материальной ее стороне связана с важнейшим интегральным признаком сегментированных на слоги отрезков звуковой цепи — их абсолютной выделенностью из целого. Это позволяет рассматривать слогоделение как особый — сверхполный — тип произношения, доводящий до логического и физического предела возможности синтагматического расчленения звукового ряда, свойственные полному типу произношения (ср. «полный произносительный стиль» Л. В. Щербы [Щерба 1974-а : 141—144; Щерба 1974-б : 202] ⁷ и —

в иной терминологии — «отчетливую речь» Р. И. Аванесова [Аванесов 1954 : 15—20]), — в резком противопоставлении различным вариантам небрежной беглой, аллегорической речи.

«Пределность» слога деления в целом и всех составляющих его признаков, как и пределность всякого сверхсилового средства, должна, очевидно, получать обоснование в пределности обслуживаемых им ситуаций общения и находить выражение в тех функциях, которые в этих ситуациях на него возлагаются.

Ситуации слога деления — это ситуации коммуникативных помех, возникающих в различных звеньях акта коммуникации (resp. автокоммуникации).

Функции слога деления — это функции преодоления коммуникативных помех и обеспечения общения через препятствия в канале коммуникации, в сфере адресата, в сфере адресанта и т. д.

Рассмотрим некоторые из таких ситуаций

1) Ситуация преодоления расстояния или внешних препятствий. Передача информации и контактоустанавливающие оклики на расстоянии. В этой связи должны быть специально отмечены и выделены занимающие важное место в вокативной сфере русского языка, но не привлекавшие внимания ученых, особые «призывные» формы вокативов, которые отличаются такими специфическими — сопровождающими слога деление — фонетическими явлениями, как растяжение гласных (ср. сказанное об этом выше), сверхусиленное (свое или добавочное) ударение на конечном слоге и развитие нефонологических (но способных к последующей фонологизации) поствокальных — губного или среднеязычного — финальных сужений. Ср.: *Миша!* → *Ми - ша!* → *Ми — ша́ -а-а-й!* Ср. также диал. с-в-р. *мамо!* // *ма - боу!* *бабо!* // *ба - боу!* и т. п. Можно предполагать, что именно в этой сфере образовались и вышли затем в свободное употребление диалектно-просторечные производные личных имен на *-ай* (типа *Петрай, Митяй, Федяй*) и — среди прочего — восходящие к призывному *а!* (через ступень *ай // ау*) общерусские *ау* (откуда затем *аукать, -ся* — ср. диал. *аукать, айкать* 'аукать') и *агу*, откуда затем и *агукать* (см. об этом в работе [Пеньковский 1973]).

2) Ситуация преодоления шумов в канале коммуникации: «— Мама! — кричал он в трубку, пытаясь пробиться сквозь шорохи проселочных километров... — Я в колхозе... В кол - хо - зе, — я тебе говорю...» (Н. Коняев. Долгие дни лета); «Наконец-то звонок из Павлова. — Плохо слышу, говорите громче... Спасибо большое. Что? Спасибо, говорю!» (“Просто горло сорвешь”) О ходе следствия сообщим. *Со-об-щим!..*» (О. Лаврова, А. Лавров. Отдельное требование).

3) Ситуация преодоления помех в установлении контакта для передачи команды — приказа коллективному адресату. Складывается в связи с необходимостью преодолеть рассредоточенность отдельных лиц, составляющих коллектив, и мобилизовать их на исполнение определенных действий. Слогоделение — с сопровождающими его фонетическими явлениями — действует в ограниченном кругу меняющихся от эпохи к эпохе вокативных и императивных форм (каждая из них может совмещать обе функции — оклика — окрика и команды — приказа), обнаруживая особую роль межсловых пауз. Последние, помимо своей обычной технической функции разделения, получают — подобно знаку желтого в светофоре — специальное императивное значение ‘собраться! приготовиться!’, а время этих пауз оказывается функционально наполненным временем. Ср. такие команды, как *кру́ - го^рм!* // *напрá - во^р!* // *наlé - во^р!* // *смí - рно^р!* и др. под., три компонента которых соответственно обозначают: ‘внимание!’ — ‘приготовиться!’ — ‘исполнить!’, причем последний компонент вбирает в себя все значение целого. Ср. точные литературные описания этой семантики: «Мы идем по пустынному развороченному полю... И словно в небесах возникает хрипловатое стремительное “за!”, затем с понижением медленное, словно затаившееся в засаде “пеее” — и внезапно, как выстрел, “вай!”...» (Б. Окуджава. Уроки музыки); «Фельдфебель командовал хрипло, самозабвенно, колонна шла, отбивая шаг, и, когда раздавалось протяжное: “Кру-у-...” — все еще шла, хотя должна была вот-вот с размаху врезаться в решетку... “Том!” — радостно кричал фельдфебель, и, строго держа равнение, колонна делала полный поворот...» (В. Каверин. Освещенные окна).

Последний пример объясняет также явление передвижки ударения при лексикализации отдельных единиц, выходящих из своей специальной сферы в свободное употребление. Помимо широко известных *бегóm* и *кругóm* (а также специализированного *шагóm* в произносимой без слога деления команде *шагóm марш!*), ср. еще устар. *падú!* и *пáду!* ‘посторонись! берегись!’ (предостерегающий окрик кучера при быстрой езде) и *слушáй!* ‘внимание!’ (окрик, означающий приказ, или — в ином употреблении — оклик ночных часовых), которые восходят соответственно к *пáду!* (из *подú* ‘пойди’) и *слу-шáй!* Ср.: «Уж тёмно: в санки он садится. / “Паду, паду!” раздался крик...» (А. С. Пушкин. Евгений Онегин, I, 16); «Люди впереди и сзади; / Не кричит он: “Паду, паду!” / Лишь бичом на воздух бьет...» (И. Мятлев. Сенсации и замечания г-жи Курдюковой...); «Ну, женские и мужские слоги! / Благословясь, попробуем: *слушай!* / Ровняйтесь, вытягивайте ноги / И по три в ряд в октаву заезжай!..» (А. С. Пушкин. Домик в Коломне, 26); «...“Слуша-а-а-ай!” — раздался в ушах моих протяжный крик. “Слуша-а-а-ай!” — словно с отчаянием отозвалось в отдалении. “Слуша-а-а-ай!” — замерло где-то на конце света. Я встрепенулся. Высокий золотой шпиль бросился мне в глаза: я узнал Петропавловскую крепость» (И. С. Тургенев. Призраки, XXII, 1864). Ср. еще *кругóm* и исходное устар. *кргу́гом*: “Прохожий, стой! во фронт! скинь шляпу и читай: / Я воин, грамоты не знал за недосугом. / Направо *кргу́гом!* / Ступай!..” (И. И. Дмитриев. Эпитафия, 1803—1805). Из редких случаев ср. также: «—...Но - но - но, махонькие! Поворачивайтесь! Целы будете! Все целы будем! <...> Но - но - ноо! *С бо-гáм!*...» (И. С. Тургенев. Стучит! 1874).

4) Ситуация преодоления таких — с точки зрения отправителя речи — коренящихся в сознании адресата препятствий для адекватного понимания содержания передаваемого сообщения, как непонимание или недооценка его важности, значимости, истинности и т. п., реальные или предполагаемые возражения, несогласие, сопротивление и т. п.

В этих условиях на передний план выдвигается и становится определяющим такой признак сегментированного на слоги слова, как увеличение его весомости, его «утяжеление», «усиление» его «проникающей», «пробивной» способности, а основной функцией слога деления оказывается подчеркивание. Неслучайно в опи-

саниях-характеристиках такого подчеркивающего слога-деления преобладают глаголы *подчеркивать*, *выделять*, *акцентировать* и др. под., свидетельствующие о том, что слоговоеделение в этой ситуации имеет логико-смысловую основу и ориентацию.

Добиваясь понимания (ср.: «*Он стал говорить по слогам, чтобы до меня скорее дошло...*» — Б. Егоров. Цветы в чужом саду), говорящий мобилизует весь комплекс выделительно-подчеркивающих и усилительных средств (лексика усиления и подчеркивания, кванторные слова, усилительный повтор и противопоставления, изолирующая парцелляция в конечной позиции, логическое ударение и т. д.) и дополняет его слоговоеделением как средством предельной силы, чтобы, расчленив звуковую форму слова на части, вынудить собеседника сосредоточить внимание на его смысле и воспринять его целиком.

Пробиваясь к сознанию адресата, говорящий заставляет его прислушаться к необычно выделенному и выдвинутому звучанию, вслушаться в него и проверяет: *слышишь? слышите?*, побуждает его вдуматься в слово: *заметь! заметьте!*, требует понять его смысл: *пойми! поймите!* и контролирует: *понимаешь? понимаете? понял? поняли? понятно?* Ср.: «— Нет, я серьезно прошу вас бережнее отнестись к моему ученику... Николай Аполлонович, *повторяю вам: бережне-е...*» (А. Белый. Петербург, 1, VI); «—...Я, брат, в чужие дела не вмешиваюсь. И не только сам не вмешиваюсь, да не прошу, чтобы другие в мои дела вмешивались... *Да, не прошу, не прошу, не прошу и даже... запрещаю! Слышишь ли, дурной, непочтительный сын — за-пре-ща-ю!...*» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы); «— ...Потому, что я не люблю никого. *Слышите, ни-ко-го!...*» (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы, IV, 11, III); «— А я сожалею, что у моего агронома недостает экономических знаний... Навоз удорожает зерно, *слышите? У-до-ро-жа-ет!...*» (В. Пальман. Долинские разговоры); «— И учти, пожалуйста, что он еще и ученый... *Вдумайся: у-че-ный!* Не только хозяйственник...» (А. Григорьев. Угол падения); «—...Ведь Маркс прямо говорит: развитие экономических формаций суть естественно-исторический процесс. *Заметьте: е-сте-ствен-ный!...*» (Ю. Давыдов. Глухая пора листопада. 2, 5, 1); «— Экипаж-то все-таки хороший сложился. — Кубики складываются, Максим Петрович... Детские

кубики с картинками. А экипаж — сколачивается. *Понимаете? Ско-ла-чи-ва-ет-ся! Годами*» (Л. Борин. Третье измерение); «— А тебе я запрещаю эту дружбу. *Понял? За-пре-ща-ю!..*» (Г. Демкина. Была не была, 11); «— В роты, лейтенант, вам *понятно? В ро-ты!..*» (А. Ананьев. Танки идут ромбом, 10); «— *И заметьте: никакой самодеятельности! Слышите? Я подчеркиваю: ника-кой! Понятно?..*» (С. Кремнев. Плотица); «— Какая я тебе “мама”! Я твоя тетка. *Тет-ка — ясно! — отдельно произносила она вот это “тет-ка”, чтобы я лучше запомнил...*» (А. Харитонов. Тетка). Ср. еще: «Я спросила, читала ли она “Один день з/к” и что о нем думает? — *Думаю? Эту повесть о-бя-зан про-чи-тать и вы-у-чить наизусть ка ж д ы й г р а ж д а н и н* изо всех двухсот миллионов граждан Советского Союза. — *Она выговорила свою резолюцию медленно, внятно, чуть ли не по складам, словно объявляла приговор...*» (Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой, II).

Произношение сегментированного слова в разных случаях такого рода может варьировать в достаточно широких пределах в зависимости от степени категоричности высказывания, силы послоговых ударений, резкости обрыва слогов и их отстояния друг от друга, особенностей интонирования, отсутствия или наличия и степени экспрессии, осложняющей подчеркивание. Однако есть г р а н и ц а, которая в норме не переступается. Это граница, связанная с длительностью гласных в сегментированных слогах, которая разделяет подчеркивающее сло-го-де-ле-ни-е, апеллирующее к гасю адресата речи, и сло-го-де-ле-ни-е п р и э м ф а з е и эмоционально-экспрессивных состояниях, выражение которых подвижно чувством и к чувству же и обращается.

Подчеркивающее слоговое деление не допускает растяжения гласных, которое составляет основу эмфатического выделения слова и, обнажая слоговые границы, может вызывать слоговое деление, но лишь в качестве сопутствующего явления. Ср.: «— Давеча негры приезжали... *Че-е-рные!..*» (Ю. Пахомов. Случай с Акуловым); «— Ну, чего ты, глупышка?.. — Они *сме-ю-ут-ся...*» (В. Кетлинская. Вечер. Окна. Люди); «— Ну, царь взял туфельку, посмотрел... А туфелька была *та-а-а-кая хорошая...*» (В. Вересаев. Порыв, 1); «— Может, выйдете, ребята? — *Че-е-го?* — с угрозой спросил дол-

говязый» (А. Дементьев. Шарик) и т. п. (см. об этом в работе [Пеньковский 1974 : 120—122]).

Показательно, что в условиях, когда говорящий вынужден по тем или иным причинам задержать, затормозить, задавить экспрессию, чтобы скрыть ее от других, и, следовательно, должен заставить себя удержаться от растяжения гласных как основного средства ее выражения, эту функцию принимает на себя слогоделение. Ср. примеры, свидетельствующие о таком «минус-растяжении»: «— *Го-сно-ди!* — *тихонько проговорила я, еле сдерживая рвущуюся наружу радость...*» (Е. Долинова. Отправляемся в апреле); «*Рот его перекосялся, точно ему было страшно трудно разжать челюсти. — Бар - чук!* — *выговорил он тихо...*» (К Федин. Братья); «— *Может, он остался у нее ночевать? — “Но-че-вать?!”* — *Димка произнес это сквозь зубы, с озлоблением...*» (Г. Боровиков. Перед наказанием); «— *Парашют у него не раскрылся. — Па-ра-шют...* — *прошептал в ужасе Тихомиров...*» (В. Савицкий. Парашют) и т. п. Ср. еще: «...“Софокл”, ну, “Софокл” холодноватые стихи, сказала я, но это не резон, чтобы их не печатать... — *Холодноватые?!* — с яростью произнесла Анна Андреевна. — *Раска-лен-ны-е!* — *произнесла она по складам, и каждый слог был раскален добела*» (Л. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой, II). Сходное явление имеет место в музыке — в певческой речи, — где растяжение гласных образует нейтральный фон и выразительным средством служить не может и где поэтому средством передачи эмфазы становится слогоделение. Ср. использование этого приема в хоре слуг Черномора в опере М. И. Глинки «Руслан и Людмила» (ср.: [Оголевец 1960 : 315] ⁸).

Сказанным, разумеется, далеко не исчерпывается круг проблем и вопросов, которые таит в себе слогоделение как особый произносительный тип речи ⁹. Многое здесь требует уточнения и проверки (и, в частности — инструментальными методами). Многое же еще предстоит открыть, ибо здесь скрещиваются интересы интонационной фонетики и акцентологии, экспрессивной и экстранормальной фонетики, фонетики певческой речи и стиховедения, синтаксиса диалога и психолингвистики... И как было сказано когда-то, «*мнози же и по нас егда рекут, но никто же все богатество истощити возможет. Таково бо есть богатства сего естество*» (Иоанн Златоуст).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. показательную формулировку: «...слог может быть выделен любым говорящим и поэтому предстать как явление очевидное...» [Калнынь 1981 : 446].

² Наречие *врастяг*, по-видимому принадлежащее новому просторечию, не фиксируется ни старыми, ни современными (в том числе — и новейшими!) толковыми словарями. Его не отмечают ни НСРЯ, ни ОШ, ни СТЯ. Нет его и в словаре Даля (ср. однако: *врѳстяжь* «врастяжку, растягивая что или растянувшись» — Т. 1. С. 259). Что касается нейтрального и более широко используемого *врастяжку*, то следовало бы, очевидно, уточнить его толкования («неторопливо, замедляя речь» — БАС, 2, 793; «растягивая, замедляя речь, слова» — МАС, 1, 225; Ож., 95), введя в них специальное указание на возможную связь «замедления речи» и «растяжения слова» с явлением слогоделения.

³ Ср. то место в романе И. С. Тургенева «Дым» (V, 1867), которое вызвало отклик П. Л. Лаврова: «— Да-с, да-с, я западник, я предан Европе; то есть, говоря точнее, я предан образованности, той самой образованности, над которою так мило у нас теперь потешаются, — цивилизации, — да, да, это слово еще лучше, — и люблю ее всем сердцем, и верю в нее, и другой веры у меня нет и не будет. Это слово: ци...ви...ли...зация (Потугин отчетливо, с ударением произнес каждый слог) — и понятно, и чисто, и свято, а другие все, народность там, что ли, слава, кровью пахнут...» (И. С. Тургенев. Полн. собр. соч.: В 15 т. М.; Л.: Наука, 1965. Т. 9. С. 173). «Трехточие» здесь — как эквивалент общепринятого «дефиса» в качестве знака межслоговых пауз при слогоделении — одна из ярких примет индивидуальной графической и — шире! — письменной системы Тургенева. Ср., например, в тексте «Нови» (1876): «—...Чуждаться врагов своих. Не знать их обычая и быта — нелепо! Не...ле...по!..»; «Она <Валентина Михайловна> не постигала, “решительно не пос...ти...га...ла”, как человек образованный и молодой может придерживаться такой застарелой рутины»; «...ее <Валентины Михайловны> чудесные глаза с мягким недоуменьем, с грустной гадливостью останавливались на самонадеянной девушке, которая, после всех своих “фантазий и эксцентричностей”, кончила тем, что це...лу...ет...ся в темных комнатах с каким-то недоучившимся студентом» (И. С. Тургенев. Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. 12. М.; Л., 1966. С. 28, 53, 157).

⁴ Ср. основанное на том же признаке и параллельное слогоделению явление «словоделения»: «[Оля] А что у вас было? [Старая женщина] Воспаление легких. [Оля] Я спрашиваю — обувь какая? [Клим] (громко, раздельно) Какая - у вас - была - обувь?» (Р. Корнев. Семейная фотография). То же в ином пунктуационном оформлении: «Он посмотрел на меня и твердо

сказал, ударяя каждое слово: - Ни-я-и-никто-вам-этого-не-позволит!..» (С. Букин. Инспекция на месте). Ср. еще: «...я во всеуслышание и с расстановкой, что передается на письме разрядкой, заявляю: вы не ослышались — мы с Санчуком дрались на дуэли» (С. Гандлевский. Трепанация черепа).

⁵ То же явление наблюдается при «словоделении»: «— Сколько - денег - вы - вложили - в - это - предприятие? — спросил мистер Дамфи, отделяя каждое слово ударом руки по столу» (*Брет Гарт*. Гебриель Конрой / Пер. с англ. А. Старцева).

⁶ Отсюда — на базе обычного терминологического значения выражения читать по слогам (по складам) — не отмечаемое словарями оценочно-характеризующее значение 'читать плохо, с трудом'.

⁷ Следует заметить, что Л. В. Щерба, говоря о «полном произносительном стиле», использовал печатное слогоделение не в общепринятом значении средства передачи живого фонетического слогоделения, а в качестве индивидуально-авторского способа записи произношения, свойственного «полному стилю». Ср. также: «В нем обнаруживаются... такие фонетические свойства слова, которые в условиях обыкновенной речи так или иначе скрадываются.

Я-зы-ка-вы-е а-со-бе-нна-сти полного стиля превращаются в изыкавыи асобинныи разговорного...» (*Л. В. Щерба*. Фонетика французского языка. М.: Учпедгиз, 1953. С. 21—22).

⁸ Иначе обстоит дело в речитативе, где слогоделение функционирует так же, как и в естественной речи. Ср., например, «ка-ки-е и-ме-на» в речитативе графини в «Пиковой даме» П. И. Чайковского.

⁹ Особняком стоит и — ввиду его абсолютной, «стерильной чистоты» — заслуживает специального рассмотрения «ф и з и о л о г и ч е с к о е» слого- и словоделение, связанное с состояниями физического изнеможения, «задыхания» и одышки (в результате тяжелой работы, длительного бега, спортивных состязаний, при болезнях сердца или органов дыхания, при общей слабости и, в частности, в предсмертной агонии и т. п.), когда сегментация речи на слоги и/или отдельные слова оказывается не «средством для» (функциональным, телеологически мотивированным языковым знаком), а причинно обусловленным следствием, речевым знаком-симптомом. Для обозначения такого типа речи (как и вызывающего ее дыхания) используются специальные метаязыковые характеристики. Ср., например: «Если дни этой несчастной девушки были мучительны, то ночи проводила она в мучениях еще ужаснейших... Она называла итальянца прерывистым голосом, останавливаясь на каждом слоге...» (Д. и М. Веневитиновы. Что пена в стакане, то сны в голове); «— Что ты хотел сказать? — Федя хочет сказать, но не может; ему стыдно. — Ви... но...ват! — наконец произнес он с усилием»

(Н. Г. Помяловский. Молотов). Ср. еще: «Она пошатнулась и, переводя дыхание, шагнула к своим. Навстречу поднялась обеспокоенная Ольга Ивановна. — Душечка, что? Сердце, да? — Пус...тяки, — выдавила Анна Дмитриевна, опускаясь на скамью» (Д. Голубков. За границей).

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов 1954 — *Аванесов Р. И.* Русское литературное произношение. М.: Учпедгиз, 1954.

БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: ИАН, 1950—1965.

Калнынь 1981 — *Калнынь Л. Э.* О функциональном значении явлений слога // Известия АН СССР: Серия литературы и языка, 1981. Т. 40. № 4.

Лотман 1973 — *Лотман Ю. М.* О двух моделях коммуникации в системе культуры // Труды по знаковым системам, VI. Тарту, 1973.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1986.

НСРЯ — Новый словарь русского языка. М.: Русский язык, 2001.

Оголевец 1960 — *Оголевец А.* Слово и музыка. М.: Музгиз, 1960.

Ож. — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1975.

ОШ — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1997.

Панов 1979 — *Панов М. В.* Современный русский язык: Фонетика. М.: Высшая школа, 1979.

Пеньковский 1973 — *Пеньковский А. Б.* О фонетическом словообразовании русских междометий // Проблемы теоретической и прикладной фонетики и обучение произношению. М., 1973.

Пеньковский 1974 — *Пеньковский А. Б.* О некодифицированных явлениях русской орфографии (о написаниях типа *иду-у, оч-чень*) // Нерешенные вопросы русского правописания. М.: Наука, 1974.

СТРЯ — Современный толковый словарь русского языка. СПб., 2001.

СЦРЯ — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. СПб., 1867.

Уш. — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1940.

Шмелев 1967 — *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1967.

Щерба 1974-а — *Щерба Л. В.* О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов (1915) // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.

Щерба 1974-б — *Щерба Л. В.* Теория русского письма (1942—1943) // Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.

«Я ЗНАЮ РУСЬ, И РУСЬ МЕНЯ ЗНАЕТ»

[Бобчинский] — «Э!» — говорю я Петру Ивановичу.

[Добчинский] — Нет, Петр Иванович, это я сказал «э»!

[Бобчинский] — Сначала вы сказали, а потом и я сказал.

«Э!» — сказали мы с Петром Ивановичем...

Н. В. Гоголь. Ревизор, д. I, я. III

Работая над «Ревизором», Гоголь, разумеется, не мог предполагать, что в ходе развития русского литературного языка спор двух Петров Ивановичей по поводу слова «э» будет перефразирован и отольется в вопрос «Кто первым сказал “э”?», ставший крылатой, лишенной автора фразой — формулой бесчисленного множества споров об авторском праве на слово.

Не мог он предполагать и того, что в ходе живого литературного процесса и его литературоведческого отражения вся эта история почти буквально повторится на другом материале и сам он — посмертно — окажется причастным к возникшему в связи с этим спору. Это тлеющий многие годы в петите комментариев к литературным и литературоведческим текстам и время от времени вспыхивающий беглыми огоньками кратких реплик критиков, публицистов и филологов спор о том, кому принадлежит вынесенная в заглавие фраза «Я знаю Русь, и Русь меня знает».

Эта крылатая фраза, которую сегодня могли бы с первоначальной интонацией повторить и, можно полагать, действительно повторяют про себя, вдохновляясь ею, многие участники острых идеологических, общественно-политических, экономических и литературных дискуссий и споров, достаточно широко известна из

монологов главного героя повести Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» (1859). Обличая русских писателей в том, что они («все эти Пушкины, Лермонтовы, Бороздны») искажают облик русского мужика, Фома Опискин требует, чтобы они изобразили «этого сельского мудреца в простоте своей, пожалуй, хоть даже в лаптях — я и на это согласен, — но преисполненного добродетелями, которым — я это смело говорю — может позавидовать даже какой-нибудь слишком прославленный Александр Македонский. Я знаю Русь, и Русь меня знает, потому и говорю это» [Достоевский 1972: 3, 68].

Как было замечено еще А. А. Краевским, в образе Фомы Фомича Опискина нашли отражение некоторые особенности личности Гоголя в последнюю «грустную эпоху его жизни» [Достоевский 1935 : 525]. Это наблюдение, ставшее, по словам акад. М. П. Алексеева (ссылающегося на утверждение Л. П. Гроссмана, см. [Чудаков 1977 : 484, сн.]), «устной легендой» [Алексеев 1921 : 56], было развернуто Ю. Н. Тыняновым, который в специальной работе [Тынянов 1921] обосновал понимание повести Достоевского и его героя как особого типа глубокой и тонкой пародии на Гоголя, его личность, систему взглядов, язык и стиль его произведений. Он убедительно показал, что высказывания, речи и проповеди Фомы Фомича Опискина во многом — своим содержанием и строем, духом и формой — связаны прежде всего с проповеднически-учительной книгой Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями»¹. В одном из сопоставлений Тынянов приводит и тот пассаж с изложением взглядов Фомы Фомича на литературу, который завершается нагло-самонадеянной фразой о Руси.

Подчеркивая в этом обширном отрывке целый ряд слов и выражений, которые он рассматривает как прямые цитаты из Гоголя или как гоголевские реминисценции [Тынянов 1977 : 219—220], сам Тынянов эту фразу не выделяет и не анализирует. Но поскольку весь монолог Фомы Фомича о литературе интерпретируется как пародийное воспроизведение взглядов Гоголя, фраза о Руси тоже может быть понята как гоголевская.

Она может быть понята как гоголевская, поскольку вбирает в себя и воплощает один из важнейших идеологических комплексов последнего периода духовной и творческой жизни Гоголя в целом, «Выбранных мест из переписки с друзьями» [Гоголь 1987] в част-

ности и в особенности. Можно утверждать, что ни в одном другом тексте этого времени сопряжение ключевых слов-понятий *знать* (*понимать, любить* и т. п.) и *Русь* — *Россия* во всех формах, составляющих их парадигмы, и в соединении с подразумеваемыми или наличными местоименными кванторами всеобщности (*всё, все, никто* и т. п.) не достигало того уровня частоты, который характеризует их употребление в этой удивительной книге Гоголя, «вызвавшей» его «на суд перед всю Россию» [Гоголь 1987 : VI, 437]: «Все мы очень плохо знаем Россию...» [Там же : 241]; «Велико незнание России посреди России» [Там же : 261]; «А Вы понадеялись на то, что я знаю Россию, а я в ней ровно ничего не знаю...» [Там же : 264]; «Ты думаешь, что все обстоятельства России тебе открыты?» [Там же : 300]; «И меня же упрекают в плохом знании России!» [Там же : 242]; «Мне становилось страшно за Россию» [Там же : 274]; «И услышал себе болезненный упрек во всем, что ни есть в России...» [Там же : 245]; «Нужно любить Россию!» [Там же : 253]; «Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и все, что ни есть в России...» [Там же : 254]; «Но прямой любви еще не слышно ни в ком... Вы еще не любите Россию...» [Там же : 254] и многое другое подобное.

Она может быть понята как гоголевская еще и потому, что полностью соответствует верхнему полюсу тех резких колебаний между самоуничижением до самооплевывания и самовозвеличением, которые объединяют обе эти фигуры — художественный образ и предполагаемый прототип — безразлично, в подлинно ли серьезном их самосознании и самоощущении или в намеренной игре на аудиторию, и независимо от степени обоснованности той или иной их самооценки. Это последнее обстоятельство очень важно, так как нужно признать, что у Гоголя были все основания думать о себе этой или подобной фразой: он, действительно, знал Русь, и Русь, действительно, его знала. Знала и давала ему знать это устами его друзей и почитателей.

Гоголь писал им так: «...Слух о них [о моих сочинениях] обойдет всю Россию...» (Н. Я. Прокоповичу, 16 мая 1843); «Печатаю я ее [“Выбранные места...”] в твердом убеждении, что книга моя нужна и полезна России...» (Л. К. Вельгорской, 16 янв. 1847); «Хотел бы я, чтобы по прочтении моей книги люди всех партий и мне-

ний сказали: «Он знает, точно, русского человека...» (А. М. Вьельгорской, 29 окт. 1848) и т. п.

И они отвечали ему: «Скажу вам... от России, что вас все знают, все читают...» (А. О. Смирнова, 14 янв. 1846); «Да, да, вся Россия устремилась на тебя полные ожидания очи...» (С. П. Шевырев, 29 июля 1846); «Я хочу вполне насладиться... полным торжеством вашим на всем пространстве Руси...» (К. С. Аксаков, 27 ав. 1849); «Я, как и вся Россия, вероятно, ожидаю с нетерпением новое творение вашего пера...» (А. М. Вьельгорская, 17 янв. 1850) и т. п. [Гоголь 1988].

Двум голосам этого эпистолярного диалога точно соответствуют по смыслу и тону две части хвастливой фразы Фомы: «Я знаю Русь, и Русь меня знает».

В этой связи следует отметить, что еще при жизни Гоголя (и притом с неприкрытой отсылкой к Гоголю) эту фразу именно как гоголевскую, органично входящую в контекст гоголевских тем и мотивов, использовал Новый Поэт (псевдоним И. И. Панаева — см. [Панаев 1889]), опубликовавший в «Современнике» за 1847 г. (Т. IV. № 12. «Смесь». С. 187) — вслед за резчайшей критикой «Выбранных мест...» в рецензии В. Г. Белинского («Современник», 1847. Т. 1. № 2) и в «Письмах к Гоголю» Н. Ф. Павлова («Современник». Т. 1. № 5, 8) — прозаически-стихотворную пародию на лирические отступления Гоголя, которая завершается следующей декларацией: «...скажу, отбросив всякое самолюбие, но с полным сознанием собственного достоинства, как сказал некогда о себе один русский писатель: “Я знаю Русь — и Русь меня знает”...» [Виноградов 1976 : 325].

Именно как гоголевская эта фраза нередко и понимается. Причем как гоголевская в обоих возможных значениях этого относительного прилагательного: как «принадлежащая Гоголю» и «написанная по-гоголевски, в духе и в стиле Гоголя».

Можно полагать, что именно это второе значение имел в виду В. И. Кулешов, когда в своей недавней книге о жизни и творчестве Ф. М. Достоевского охарактеризовал (без ссылок и разъяснений) автопанегирик Фомы как «чисто гоголевскую фразу» [Кулешов 1979].

Ключевое слово «чисто», по-видимому, исключает возможность другого понимания. Так же, как чисто пушкинская легкость сти-

ха — это признак, который можно приписать любому поэту, пишущему по-пушкински, кроме самого Пушкина; как чисто рембрантовское освещение — это характеристика живописи кого угодно, но только не Рембрандта, — так чисто гоголевская фраза в устах Фомы Опискина — это, конечно, фраза в стиле Гоголя, но не фраза Гоголя.

Эту языковую тонкость, очевидно, не учел И. Золотусский, когда в своей резкой, во многом справедливой статье «Доколе?», обличающей литературоведческое невежество [Золотусский 1987], безоговорочно вложил в слова В. И. Кулешова тот смысл, которого они скорее всего не имеют («принадлежащая Гоголю»), чтобы затем так же безоговорочно обличать его и в незнании гоголевских текстов, и в незнании того, кто является действительным автором этой сакраментальной фразы, а значит, и стоящего за ним обширного круга литературных фактов, а заодно и в незнании материалов полного академического собрания сочинений Ф. М. Достоевского: «...эта фраза, ставшая крылатой, произнесена вовсе не Гоголем, а Н. Полевым в предисловии к его роману “Клятва при гробе Господнем”, о чем есть соответствующие примечания к повести “Село Степанчиково и его обитатели” в полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского...» [Золотусский 1987: 48].

На эти же примечания ссылается и А. П. Чудаков, автор комментария [Чудаков 1977] к указанной выше статье Ю. Н. Тынянова [Тынянов 1921], также характеризующий фразу Фомы как «слова Н. А. Полевого» [Чудаков 1977 : 489].

Авторы указанных А. П. Чудаковым и И. Золотусским примечаний к тексту «Села Степанчикова...» действительно утверждают, что слова «Я знаю Русь, и Русь меня знает» принадлежат Н. А. Полевому, и, отмечая, что «формулу эту неоднократно цитировал в полемике с Полевым В. Г. Белинский», приводят соответствующий отрывок из подлинного текста Н. А. Полевого [Достоевский 1972 : 511].

До этого аналогичные наблюдения были сделаны авторами словаря крылатых слов Н. С. и М. Г. Ашукиными, которые, исправляя ошибку С. А. Венгерова, приписавшего (в комментариях к Полному собранию сочинений В. Г. Белинского 1901 г.) эту фразу Ф. В. Булгарину, называют ее автором Н. А. Полевого и также перепечатывают обширную цитату из его текста [Ашукины 1955 : 624].

Однако еще раньше — скрыто уточняя Ю. Н. Тынянова — на Н. А. Полевого как автора крылатой фразы о Руси в своих работах 20-х годов указывал В. В. Виноградов (см. [Виноградов 1976 : 67, 239—240 и сл.]).

Но что же все-таки и как говорит Н. А. Полевой?

В обширном предисловии (10 страниц отдельной — римской — пагинации) к роману «Клятва при гробе Господнем. Русская быль XV века». Москва. В университетской Типографии. 1832² — оно озаглавлено: «Разговор между сочинителем русских былей и небылиц и читателем» — Н. А. Полевой, опровергая обвинения журналистов, литераторов и критиков, которые пишут против него «в стихах и прозе, критических статейках, эпиграммах, водевилях и сатире», обращается к читателю со следующими словами: «Но кто же говорит и беспрестанно твердит вам³ о моем отступничестве, отречении от русского, нелюбви к Руси?.. Те, которые ничего не читают, не пишут, а составляют зевающую толпу вокруг пишущих. Но кто читал, что писано мною доныне, тот, конечно, скажет вам, что квасного патриотизма я точно не терплю, но Русь знаю, Русь люблю, и еще более — позвольте прибавить к этому — Русь меня знает и любит» (с. IX—X).

Совершенно очевидно, что в этом заявлении, сделанном в пылу мысленного спора с недоброжелателями, чем и объясняется пафос автора и вызванное им преувеличение собственного значения⁴, есть мысль, выражаемая крылатой фразой «Я знаю Русь, и Русь меня знает», есть весь необходимый материал для выражения этой мысли или, точнее, для создания формы выражения этой мысли, но нет еще самой фразы. Точно так же, как нет крылатого вопроса «Кто первый сказал “э”?» в гоголевском диалоге Бобчинского и Добчинского и как нет еще деревянной скульптуры Эрзи в диком корне, в котором она позднее будет угадана и из которого будет вырезана.

Крылатая фраза «Я знаю Русь, и Русь меня знает» отливалась и выковыливалась из материала, предоставленного Полевым, и закалялась и оттачивалась в журнальной полемике, в сатире, критике и публицистике 30—40-х годов XIX в.

Так, по указанию Ашукиных, через два года после выхода романа Полевого, в 1834 г., в Москве появляется анонимная сатира «Подарок ученым на 1834 год. О царе Горохе...», в которой пред-

ставлено заседание философов и историков, обсуждающих вопрос о том, где и когда царствовал этот царь. Среди участников обсуждения выведен и Полевой. Отрицая значение тогдашних авторитетов исторической науки, он хвастливо и самонадеянно заявляет: «Я историк; с гордым сознанием говорю: Я историк! Я знаю Русь,— и меня знает Русь!» [Ашукины 1955 : 624]. Здесь уже сделано почти все, что нужно: сырой материал обработан и убрано все лишнее. Но еще не определилась ритмика фразы, не сложилась расстановка сильных и слабых акцентов на определенных членах этой двухколонной структуры.

Несколькими годами позднее, в рецензии на «Очерки русской литературы» Н. А. Полевого (1839 г.), В. Г. Белинский писал: «...Сознание собственного величия свойственно всякому великому человеку... Полевой, упоминая о Гёте и Суворове, говорит о своих драматических пьесах... что ж тут удивительного? Это еще довольно скромно, а вот был на святой Руси человек, который печатно сказал о себе: “Я знаю Русь, а Русь знает меня”. Кто бы, вы думали, был этот великий человек?.. Конечно, Петр Великий, который мощною рукою выдвинул Россию во всемирную историю, указал ей в будущем всемирное первое место и тем изменил грядущие судьбы целого мира, целого человечества?.. Или Суворов?.. Или, может быть, Пушкин... Нет, не они сказали о себе эту громкую фразу, а все он же, все господин же Полевой...» [Белинский 1953 : 3, 500]. Поиск, как видим, продолжается.

И только в следующем, 1840 г., все окончательно становится на свои места и фраза обретает завершенную и совершенную форму. Воздавая должное Крылову, В. Г. Белинский писал: «Честь, слава и гордость нашей литературы, он имеет право сказать: “Я знаю Русь, и Русь меня знает”, хотя никогда не говорил и не говорит этого» [Белинский 4 : 151].

В последующие годы и сам Белинский, и другие авторы (ср. цитированный выше текст Нового Поэта) пользовались, насколько можно судить по имеющимся данным, именно этим последним вариантом, получающим таким образом каноническую форму. Именно его и вложил Ф. М. Достоевский в уста своего героя, воспользовавшись им как готовым — прошедшим боевые испытания на ближних полигонах — публицистически заостренным языковым оружием и не имея никакой необходимости обращаться к

далекому, четвертьвековой давности первоисточнику — роману Н. А. Полевого.

Однако в распоряжении Ф. М. Достоевского была не просто апробированная в боевых жанрах литературы готовая крылатая фраза — формула публичного осмеяния хвастовства, самонадеянности и гордыни. В его распоряжении было нечто значительно более сильное — готовый опыт ее художественного применения. Опыт ее использования в качестве одного из важнейших средств создания пародийного художественного образа. Помимо указанной В. В. Виноградовым в другой связи пародии Нового Поэта, здесь имеется в виду не привлекавшийся до сих пор к сопоставлениям роман И. И. Лажечникова «Басурман» (1838), пользовавшийся широкой популярностью и неоднократно переиздававшийся [Лажечников 1989].

В ряду персонажей второго плана особое место в этом романе занимает фигура Бартоломея (Варфоломея), «книгопечатника» и «переводчика великого государя». Уроженец Лейпцига-Липецка, он по неблагоприятным причинам был вынужден бежать в Московию, где принял православие, «выучился по-русски и начал исправлять должность переводчика немецких бумаг и толмача немецких речей». Все в нем вызывает отвращение: «обнаженные поляны на голове», «множество иероглифов» на лбу, «маленькие глазки, выражающие равнодушие к женскому полу», чудовищный нос («чудо из носов! он к корню сузился, а к ноздрям расширился наподобие воронки и был весь испещрен пунцовым крапом»), но зато не губы, а «губки, умильно вытянутые вперед», словно он готовился «играть на флейте» и т. п. Он нелепо сложен и хромает («одна нога, любя подчиненность, всегда дожидалась выхода другой»). Говорит он, «нежно осклабясь» и «с ужимками», «делая на каждом слове и едва ли не на каждом слоге запятые, как он делает их ногой». Он — чревоугодник и пьяница («частый посетитель виноградников господних»), развратник и сводник, собиратель и «разносчик вестей и сплетен», мелкая душонка, человек без чести, издевающийся над слабыми, пресмыкающийся перед сильными, готовый продать и предать, бесстыдный лжец и самонадеянный хвастун...

Этот гротескный образ, на создание которого Лажечников не пожалел самых ядовитых красок, — злая и злобная пародия на Н. А. Полевого. Тесно связанный с «Московским телеграфом»

(1825—1834), редактором и издателем которого был Н. А. Полевой, И. И. Лажечников хорошо знал того, чей реальный облик получил столь резко недоброжелательное и искаженное отражение в нарисованном им портрете.

При том, что некоторые из отмеченных выше характеристик Бартоломея заведомо вымышлены, а другие представляют реальные признаки прообраза в извращенном до неузнаваемости виде, в соответствии с законами поэтики гротескового кривозеркаля, есть еще и третьи, обеспечивающие безошибочное опознание оригинала — цели и мишени, в которую метил автор. Так, Бартоломею — «сорок с походцем», и Н. А. Полевому (1796—1846) в 1838 г. сорок два года; Бартоломей прибыл в Московию из Липецка (Лейпцига), как Н. А. Полевой в Москву из Курска; Бартоломей — немец, и Н. А. Полевой из трех европейских языковых культур ориентирован прежде всего на немецкую (ср. его «Эмму», повесть из немецкой жизни; «Блаженство безумия» и др.); Бартоломей — страстный собиратель русских народных песен, а Н. А. Полевой, как он сам себя называет, — «сочинитель русских былей и небылиц»; Бартоломей намеревается издать собранные им песни и уже подготовил для этого будущего издания «целый том предисловия», а Н. А. Полевой — известный издатель и автор романа с поразившим современников предисловием длиной в 10 страниц...

Обращает на себя внимание и то, что, представляя своего героя как переводчика великого государя, Лажечников постоянно называет его «книгопечатником», хотя сам же отмечает, что единственной продукцией его печатного станка были устные сплетни. Для других персонажей романа он также всегда переводчик, да и сам он, говоря о себе, называет себя переводчиком. Обращаясь к послу Фридриха III, барону Эренштейну («рыцарь Поппель»), он восклицает: «Без хвастовства сказать, высокомогущественнейший посол, мне стоит только намекнуть, уж во всех концах города кричат: быть посему! дворской переводчик это сказал. О, Русь меня знает, и я знаю Русь!»

Фраза о Руси — последняя точка в удостоверении личности Николая Алексеевича Полевого, стоящего за Бартоломеем. Она же — кульминационная вершина, то, что называется *pointe*, этого художественного образа. Проговорив ее, Бартоломей неизбежно исчерпывает свое романное существование и сходит со сцены, терпя полное и сокрушительное поражение.

С формальной стороны эта фраза — последний вариант обсуждаемой здесь формулы (осталось лишь изменить порядок частей) на пути к тому завершённому, каноническому ее виду, который она получит, как уже говорилось, двумя годами позднее, под пером В. Г. Белинского в 1840 г.

Но этот вариант исключительно важен не только тем, что он последний. Именно здесь, в романе Лажечникова, в целостном контексте художественного образа фраза о Руси напитывается таким ядом сарказма, получает такую экспрессивную силу, которых она не имела и не могла иметь на предшествующих этапах ее развития.

Используемая в журнальной полемике 1832—1838 гг., она, как бумеранг, постоянно возвращалась к тому, кто подготовил ее рождение, сказав о себе то, что в значительной мере соответствовало действительности, но сказав так, как не должен был, как не имел права говорить о себе, как о нем могли и имели право сказать только другие. Многократно адресуемая непосредственно самому Полевому, она упрекала в повышенном самомнении и иронизировала над нескромностью. Под пером Лажечникова, пройдя через образ полнейшего ничтожества, она получила силу издеваться над самонадеянностью, язвить хвастливое невежество, бичевать наглость. Именно такой и получил ее Достоевский, завершивший формирование ее внутреннего содержания в системе того нового художественного целого, каким является фигура Фомы Фомича Опискина⁵.

Таким образом, крылатая фраза «Я знаю Русь, и Русь меня знает» не может и не должна приписываться Полевому. Он не был ее автором, и он давно перестал быть ее осмеиваемым адресатом. Кривое зеркало лажечниковского гротеска и течение времени, размывающего аллюзии и ассоциативные связи, настолько развели их, что уже в 1858 г. М. Н. Лонгинов вынужден был напомнить читателям о том, кто стоял первоначально за хорошо знакомой им фразой о Руси [Лонгинов 1915 : 510—511]. Она оторвалась от Полевого и зажила своей самостоятельной художественной жизнью. Как было показано выше, ее окончательная форма принадлежит Белинскому. Ее внутреннее содержание — Лажечникову и Достоевскому⁶.

Таким образом, следует прийти к выводу, что вопрос «Кто первый сказал “э”?» в отношении литературно-языковых явлений такого рода должен быть дополнен вопросом «Кто первый сказал “э” по-современному?». Поиск ответов на этот вопрос, какими бы

мелкими и частными ни казались вызывающие его «э»-факты, оправдан уже потому, что «таким образом разыскиваются утерянные ключи к тем сторонам художественного произведения, которые были остро действенными в эпоху его появления» [Виноградов 1976 : 67]. Как сказал когда-то В. О. Ключевский, «важно не только то, от чего что произошло; еще важнее то, что в чем вскрылось».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В первом издании 1921 г. работа Тынянова [Тынянов 1921] была разделена на две части. Показательно заглавие второй: «Фома Опискин и “Переписка с друзьями”».

² В словаре [Ашукины 1955] это произведение ошибочно названо повестью, а в заглавии опущено указание на век.

³ В словаре [Ашукины 1955] здесь и далее дважды допущена опечатка: *нам* (с. 624) вместо *вам*.

⁴ Ср. те же мысли, но изложенные более сдержанно в написанном за год до выхода романа письме к А. А. Бестужеву: «Судьба дала мне средство сделаться почетным в ряду моих сограждан, драгоценное доброе имя в их глазах заменяет недостаток денег, и имя Полевого они считают честью... Чувствую свое прекрасное назначение содействовать благу отчизны... И в десять лет литературного бытия я уже успел во многом быть полезным — это я слышу, чувствую, понимаю...» (25 сент. 1831 г.) [Полевой 1986 : 511].

⁵ Позднее — в 1863 г. — Достоевский перенес фразу Фомы в «фельетон» «Зимние заметки о летних впечатлениях», используя ее для характеристики нового Молчалина: «Он посвятил себя отечеству, так сказать, родине... Теперь до него и рукой не достанешь... Он при делах и нашел себе дело. Он в Петербурге и... и успел. “Он знает Русь, и Русь его знает”. Да, уж его-то крепко знает и долго не забудет...» [Достоевский 1973 : 5, 63].

⁶ В этой связи становится особенно очевидной глубокая правота В. В. Виноградова в его мягко корректирующей полемике с Ю. Н. Тыняновым по поводу понимания им пародийной природы «Села Степанчикова...» Ф. М. Достоевского: «...из сопоставления автора совершенно ясно, что стилистической, т. е. словесной, пародии на приемы организации речи “Переписки” в “Селе Степанчикове” нет. Тематические совпадения и общность отдельных фраз речей Фомы и “Переписки с друзьями” говорят лишь об использовании “Переписки” в качестве материала для создания “типического характера”. И если говорить о пародии, то придется ее видеть не в

системе словесных смещений, а в приурочении тем и фраз гоголевской “Переписки” к герою с отрицательной психологической характеристикой» [Виноградов 1976 : 198].

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев 1921 — *Алексеев М. П.* О драматических опытах Достоевского // Творчество Достоевского. Одесса, 1921.

Ашукины 1955 — *Ашукин Н. С., Ашукина М. Г.* Крылатые слова. М., 1955.

Белинский 1953 — *Белинский В. Г.* Очерки русской литературы: Сочинение Николая Полевого. 1839. СПб., 2 ч. // Полн. собр. соч. Т. 3. М., 1953.

Белинский 1953 — *Белинский В. Г.* Басни Ивана Крылова // Полн. собр. соч. Т. 4. М., 1953.

Виноградов 1976 — *Виноградов В. В.* Поэтика русской литературы. М., 1976.

Гоголь 1988 — *Гоголь Н. В.* Выбранные места из переписки с друзьями // Собр. соч.: В 7 т. Т. VI. М., 1986.

Гоголь 1988 — Переписка Н. В. Гоголя. В 2 т. М., 1988.

Достоевский 1935 — *Ф. М. Достоевский:* Материалы и исследования. Л., 1935.

Достоевский 1972 — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 3. Л., 1972.

Достоевский 1973 — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 5. Л., 1973.

Золотусский 1987 — *Золотусский И. П.* Доколе? // Литературное обозрение. 1987. № 4.

Кулешов 1979 — *Кулешов В. И.* Жизнь и творчество Ф. М. Достоевского. М., 1979.

Лажечников 1989 — *Лажечников И. И.* Басурман. М., 1989.

Лонгинов 1915 — *Лонгинов М. Н.* Сочинения. Т. 1. М., 1915.

Панаев 1889 — Стихотворения и пародии Нового Поэта (Ивана Ивановича Панаева). 2-е изд. СПб., 1889.

Полевой 1986 — *Полевой Н. И.* Избранные произведения и письма. Л., 1986.

Тынянов 1921 — *Тынянов Ю. Н.* Достоевский и Гоголь (к теории пародии). Пг.: Опояз, 1921.

Тынянов 1977 — *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 198—226.

Чудаков 1977 — *Чудаков А. П.* Комментарий // *Ю. Н. Тынянов.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.

Научное издание

Александр Борисович Пеньковский
ОЧЕРКИ ПО РУССКОЙ СЕМАНТИКЕ

Издатель А. Кошелев

Оригинал-макет изготовлен Л. Готовой
Корректор Е. Н. Зоткина

Художественное оформление переплета С. Жигалкина и Ю. Саевича

Художник-консультант Л. М. Панфилова

Подписано в печать 03.12.2003. Формат 60x90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 29. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры».
ЛР № 02745 от 04.10.2000.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).
E-mail: lrc-kozlov@mtu-net.ru, lrc@comtv.ru
Каталог в ИНТЕРНЕТ <http://www.lrc-press.ru>
<http://www.lrc-mik.narod.ru>

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: (095) 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.
(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order this publication
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).

